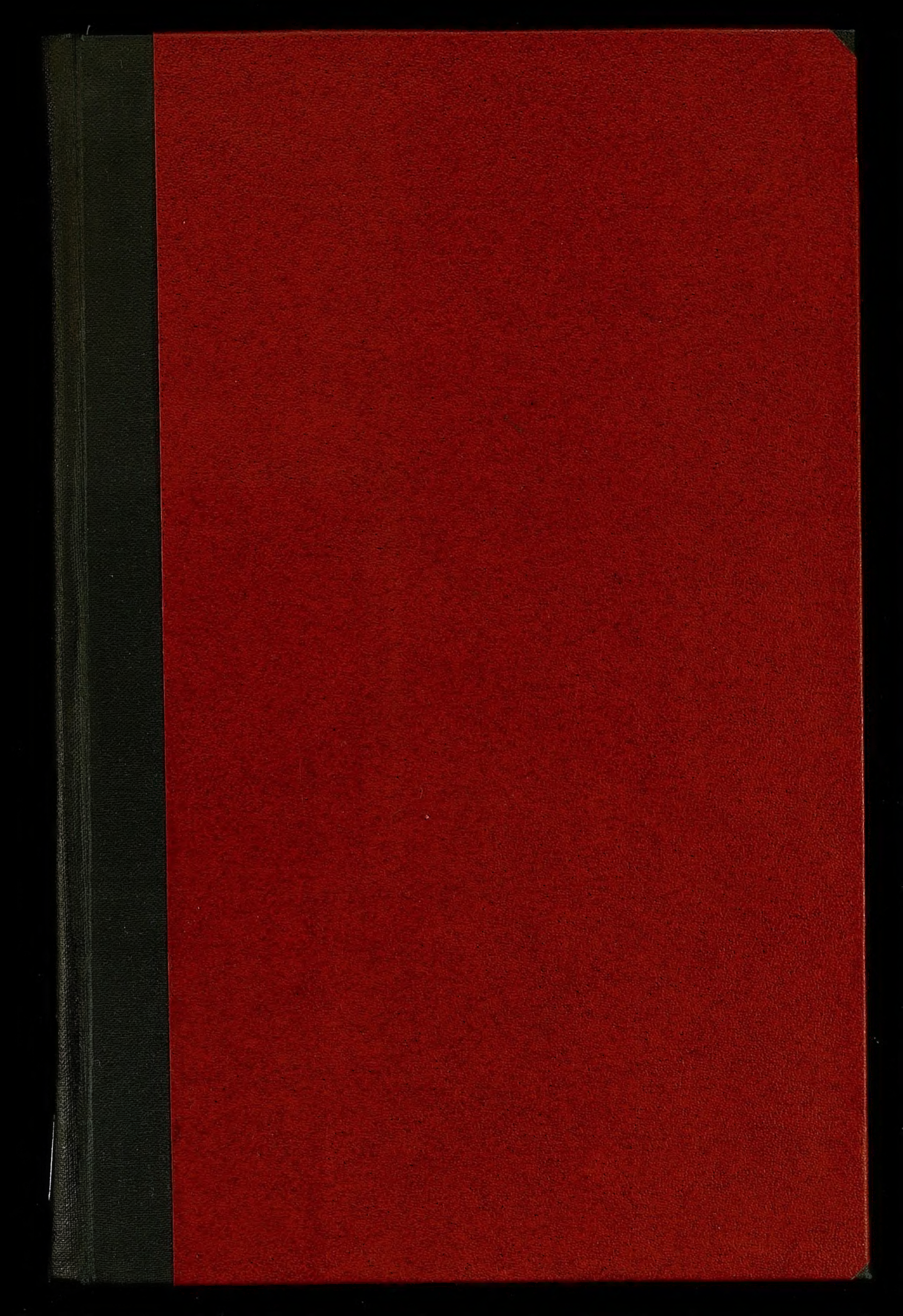


СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

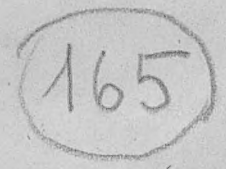
СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ первый.

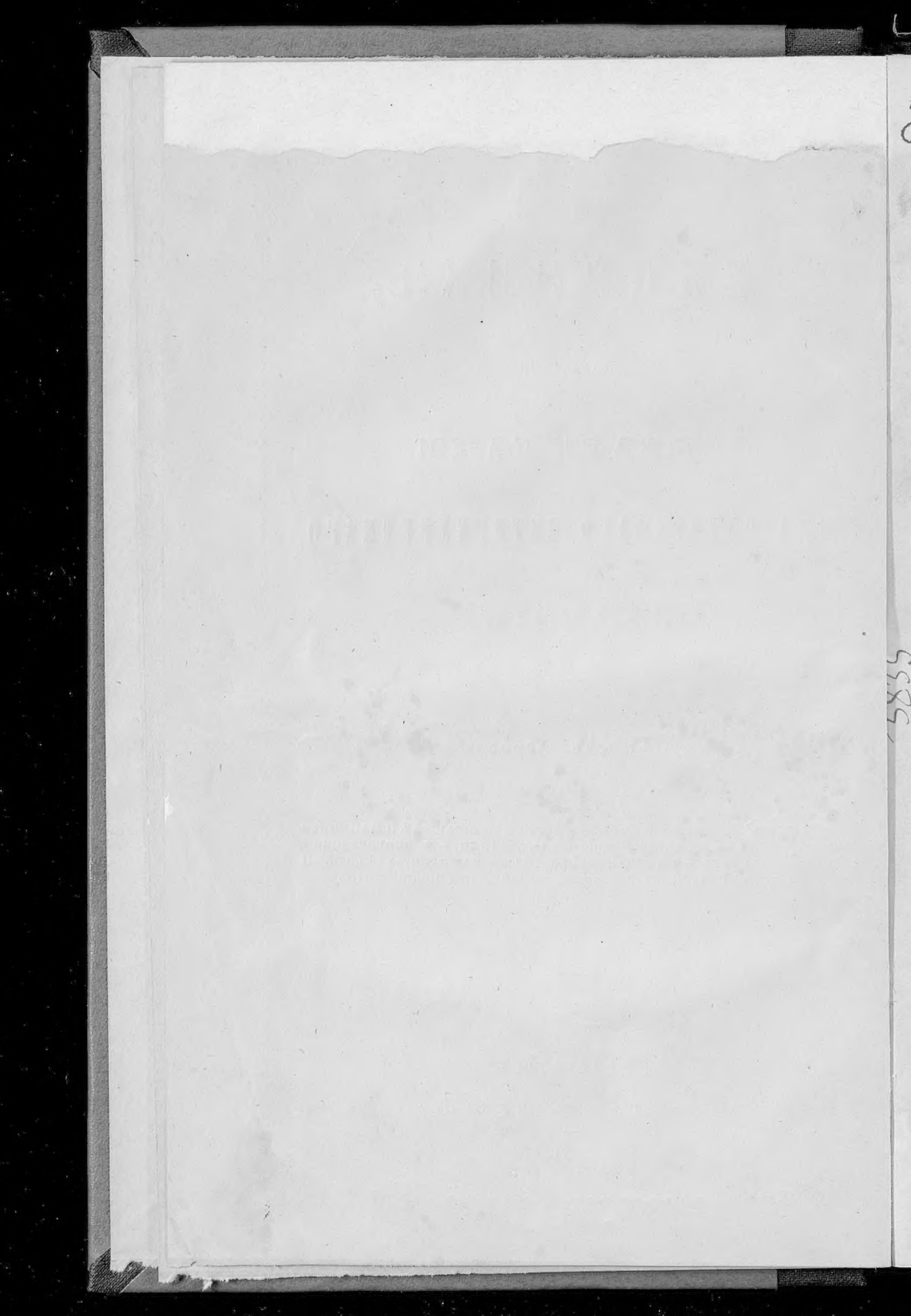
едисловіе. — Герберштейнъ. — Теорія наибольшихъ и наимень-ихъ величинъ функцій. — Гюлистанъ Саади. — О новгородской судной грамотѣ. — Учено-литературныя замѣтки. — Текстъ и переводъ Rer. Mosc. Com. Герберштейна (въ приложеніи).



С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

1857.



СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ первый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Октября 2 дня 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Составъ редакціи «Сборника».

ПРОФЕССОРЪ-РЕДАКТОРЪ: *Адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ.*

СТУДЕНТЫ-РЕДАКТОРЫ:

Ист. - филол. фак.	*Тихменевъ.* *Новиковъ.*
Фак. восточ. языковъ.	*Богушевичъ.* *Ивановъ.*
Разр. математ. наукъ.	*Коркинъ.* *Кросновскій*
Разр. естеств. наукъ.	*Фогель.* *Аверкіевъ.*
Разр. юридич. наукъ.	*Глуховъ.* *Остолоповъ.*
Разр. камер. наукъ.	*Андреевъ.* *Утинъ.*

ЗАВѢДЫВАВШІЙ ИЗДАНІЕМЪ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:
Александръ Тихменевъ.

ВЫБОРЪ СТУДЕНТОВЪ-РЕДАКТОРОВЪ ОТЪ ФАКУЛЬТЕТОВЪ ПРОИСХОДИЛЪ 23 ФЕВРАЛЯ 1857 ГОДА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ г. Коркина: *Теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій*, стр. 103—178 перваго выпуска «Сборника» вкрались опечатки, изъ которыхъ важнѣйшія, слѣдующія:

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
105	3 сверху	$f'(x_0+\varepsilon)-f'$	$f(x_0+\varepsilon)-f$
110	7 снизу	$\frac{df}{dy}=0$	$\frac{df}{dx}=0$
120	6 сверху	$-\mathcal{S}<.$	$-\mathcal{S}<0$
137	17 —	$+2\frac{d^2u}{dxdz}$	$+2\frac{d^2}{dxdy}$

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію «Сборника», редакція считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о цѣли его и направленіи.

Цѣль предпринятаго изданія—дѣлать извѣстными публикѣ сочиненія и переводы студентовъ университета, имѣющіе право на гласность, на большее или меньшее вниманіе къ нимъ. Существеннымъ условіемъ каждой статьи, появляющейся на страницахъ «Сборника», поставляется ся дѣльность. Чѣмъ основательнѣе изучены источники, чѣмъ болѣе употреблено самостоятельнаго труда, чѣмъ вѣрнѣе выводы, добытые авторомъ, тѣмъ болѣе правъ имѣетъ трудъ его на помѣщенье въ «Сборникѣ». Сообразно съ раздѣленіемъ нашего университета на факультеты, въ «Сборникѣ» должны быть помѣщаемы статьи по каждому изъ четырехъ факультетовъ с.-петербургскаго университета: историко-филологическому, восточному, физико-математическому, и юридическому, съ ихъ подраздѣленіями на разряды.

Программа изданія нашего слѣдующая:

1) Оригинальныя сочиненія исключительно ученаго содержанія по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ университетскій курсъ: сюда войдутъ между прочимъ нѣкоторыя изъ кандидатскихъ и медальныхъ диссертацій.

2) Переводы лучшихъ иностранныхъ книгъ и статей, заслужившихъ авторитетъ въ наукѣ.

3) Всякаго рода учено-литературныя замѣтки, все что не имѣя законченности и полной обработки, тѣмъ не менѣе тѣсно связано съ интересомъ науки. Здѣсь же отъ времени до времени будетъ печататься и лѣтопись внутренней жизни нашего университета.

Не въ каждомъ выпускѣ могутъ быть статьи по всѣмъ разрядамъ, что̀ очевидно уже изъ числа разрядовъ и объема статей, не говоря о другихъ причинахъ. Въ отношеніи къ общему духу и направленію статей, «Сборникъ» нашъ постарается сохранять самое полное безпристрастіе. Не примыкая ни къ какой партіи, не подчиняясь безсознательно чужому вліянію, онъ не будетъ истиною факта жертвовать произвольно составленной теоріи.

Какъ ни широко разрабатываются въ наше время науки, настоящее состояніе ученой дѣятельности въ Россіи не уничтожаетъ въ молодыхъ дѣятеляхъ рѣшимости знакомить публику съ результатами ихъ посильныхъ трудовъ. Напротивъ, оно еще болѣе укрѣпляетъ ихъ въ ихъ намѣреніи, придаетъ ему новую силу. Дѣятельность ученыхъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ сильнѣе возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ въ молодомъ поколѣніи, а это сочувствіе въ чемъ же иномъ можетъ выразиться полнѣе, какъ не въ слѣдованіи по пути, пролагаемому двигателями науки? Не смотря на очевидность этой истины, намъ случалось слышать объ опасеніи, чтобы студенты не увлеклись новою дѣятельностью и не уклонились бы отъ своего прямаго призванія, отъ серьезныхъ факультетскихъ занятій. Но направленіе «Сборника» нашего совершенно такое же, какое развивается

университетскими курсами, а отнюдь не фельетонное. Статьи для «Сборника» пишутся не на срокъ: онъ будетъ выходить безсрочными выпусками. Это обстоятельство важное; въ немъ—одно изъ ручательствъ дѣльности содержанія статей. Съ цѣлью избѣгать незрѣлыхъ, срочныхъ работъ, редакція рѣшила печатать и статьи окончившихъ уже курсъ студентовъ, какъ напр. сочиненія на медали, и другіе труды, приготовленные авторами во время ихъ университетскаго курса.

Предпріятіе наше возникло между нами вполнѣ самостоятельно, вслѣдствіе долгихъ и долгихъ соображеній и товарищескихъ бесѣдъ о томъ, какимъ образомъ время пребыванія въ университетѣ—лучшее время жизни нашей—употребить съ наибольшею пользою, сообразно съ достоинствомъ университета и съ нашею вѣрою въ его высокое значеніе. Какъ ни самостоятельно и твердо было въ насъ убѣжденіе въ необходимости предпринять изданіе, мы чувствовали потребность представить дѣло наше на судъ людей, высоко стоящихъ въ наукѣ и литературѣ, какъ ученые и писатели, и въ общественномъ мнѣніи, какъ граждане. Съ живѣйшею признательностію приводимъ письма двухъ знаменитыхъ современниковъ нашихъ: Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова и Николая Ивановича Пирогова. Участіе ихъ къ нашему дѣлу такъ дорого намъ, что мы сочли обязанностью передать отзывъ ихъ на память всѣмъ будущимъ поколѣніямъ университета.

Письмо С. Т. Аксакова (*).

Милостивый Государь!

Я имѣлъ честь получить письмо отъ имени всѣхъ студентовъ петербургскаго университета, за подписью 12 студентовъ-редакторовъ, предпринятаго ими изданія учено-литературнаго «Сборника».

Скажу прямо и откровенно, что это письмо, въ которомъ выражено столько теплаго сочувствія ко мнѣ, какъ къ русскому литератору и человѣку, я считаю драгоцѣнною наградою для гражданина писателя, всегда высоко цѣнившаго общественное мнѣніе. Я сохраню это письмо и любезныя мнѣ отнынѣ имена людей, его подписавшихъ, какъ видимый знакъ сочувствія студентовъ с.-петербургскаго университета 1857 года—къ студенту казанскаго университета 1805 года. Это письмо тѣмъ дороже для меня, что высказываетъ мысли и чувства молодаго поколѣнія, будущихъ просвѣщенныхъ дѣятелей въ наукѣ, въ литературѣ, въ жизни.

Мысль издавать учено-литературный «Сборникъ», уже сама по себѣ достойная всякаго уваженія, краснорѣчиво говоритъ о благородномъ направленіи къ общеполезнымъ, основательнымъ трудамъ и просвѣщенной дѣятельности университетскаго юношества въ Петербургѣ. Эта мысль встрѣтитъ живое участіе и содѣйствіе отъ всѣхъ образованныхъ людей всей пространной Руси. Да благословитъ Богъ ихъ предпріятіе!

Я съ моей стороны сочту за особенную честь всякаго ро-

(*) Письмо это писано на имя г. профессора-редактора.

да участіе и содѣйствіе, какихъ только угодно будетъ редакціи пожелать отъ меня.

Покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, какъ избраннаго посредника для сношеній съ редакціей ученолитературнаго «Сборника», сообщить мое письмо и выраженіе искренней благодарности гг. студентамъ-редакторамъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ гг. студентамъ петербургскаго университета.

Примите увѣреніе, и пр.

Сергѣй Аксаковъ.

1857 г. Марта 25.
Москва.

Письмо Н. И. Пирогова.

Господа редакторы!

Предсказать участь желѣзныхъ дорогъ и литературныхъ предпріятій въ Россіи, по малой мѣрѣ, трудно.

Покуда можно утверждать навѣрное только одно: и тѣ, и другія необходимы.

Покуда и этого убѣжденія достаточно, чтобы начинать.

Дѣятельность, какъ бы ея результаты ни были сомнительны, все-таки отраднѣе для общества, чѣмъ vis inertiae съ ея неизбѣжными и вѣрными слѣдствіями.

Докажите, вспомнивъ Декартово: cogito ergo sum, что Вы живете,—это будетъ уже огромная заслуга, когда еще не пришло время доказать *какъ* Вы живете.

Со временемъ обнаружится и это.

Когда чувствуешь, что живешь, нельзя не сочувствовать признакамъ жизни; и я, видитъ Богъ, имъ вполнѣ сочувствую.

Болѣе ничего сказать Вамъ не умѣю и не могу,—да и считаю не нужнымъ.

Если Вы уже научились *имѣть убѣжденія*, и если Вы уже имѣете убѣжденія, что Ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды Ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ Вы хотите, чтобъ они были.

Если нѣтъ, то ни совѣты, ни одобренія не помогутъ.

Дѣло безъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго наукою самопознанія, все равно что дерево безъ корня. Оно годится на дрова, но рости не будетъ.

И такъ, хотите непремѣнно знать будущность Вашего предпріятія? Вникните въ себя поглубже и узнайте повѣрнѣе (что̀ конечно не легко), есть ли въ Васъ убѣжденіе, что Ваши труды должны непремѣнно достигнуть той цѣли, которую Вы имъ предназначаете.

Если да,—начинайте смѣло.

Остальное придетъ само собою, рано или поздно.

А я, благодаря Васъ отъ души за Вашу довѣренность ко мнѣ, буду ожидать, что это именно такъ и случится.

Н. Пироговъ.

1857 г. Апрѣля 27.
Одесса.

Не вдаваясь въ предположенія о будущности нашего «Сборника», мы можемъ и должны свидѣтельствовать объ одномъ: мысль, положенная въ основу «Сборника», находится въ живой связи съ назначеніемъ университета. Направленіе «Сборника» вытекаетъ непосредственно изъ духа и направленія университетской науки. Мы далеки отъ самоувѣреннаго желанія стать въ ряды двигателей науки; но сознаніе необходимости дѣйствовать, по мѣрѣ силъ, сообразно съ ея требованіями не можетъ быть чуждо намъ, какъ питомцамъ университета.

Мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, глубоко занимала насъ. Въ выполненіи ея мы видимъ залогъ того внутренняго единства, которое необходимо для достиженія благороднѣйшихъ цѣлей.

Университетъ, по самому назначенію своему, приводитъ разнообразные элементы къ единству. Это единство выражается въ томъ, что интересъ науки является главнѣйшимъ двигателемъ университетской жизни, сглаживая другіе интересы, которые могли бы повести не къ единству, а къ разладу. Въ университетѣ нѣтъ различія сословій и состояній: богачъ и бѣднякъ, аристократъ и человѣкъ незнатнаго происхожденія, сближаются между собою, составляютъ одну семью, ищутъ одного блага—знанія. Въ этой семьѣ вѣрное право на уваженіе даетъ сила дарованій и постоянство благороднаго труда. Въ «Сборникѣ» открывается поприще для труда, и кто болѣе усилій употребитъ для общаго дѣла, тому и большій почетъ, и задушевная благодарность, и лучшее, долговѣчное воспоминаніе.

Что касается до успѣха нашего «Сборника», то надежды

свои мы основываемъ на вниманіи къ нему просвѣщенныхъ читателей и прежде всего на сочувствіи нашихъ товарищей-студентовъ другихъ университетовъ, которымъ шлемъ братскій привѣтъ и искреннее желаніе быть для нихъ, въ статьяхъ своихъ, небезполезными собесѣдниками.

Не расчетъ на блестящій внѣшній успѣхъ руководитъ нами при изданіи. Оно является вслѣдствіе живо сознаннаго убѣжденія, что пришло время и университетскому юношеству сказать свое слово. Не сомнѣніе въ успѣхѣ, а страхъ апатіи, мертвящаго бездѣйствія тревожилъ насъ. Стремленіе къ дѣятельности—вотъ истинный признакъ жизни; тяжело отказаться отъ него во имя какихъ бы то ни было опасеній. Мы глубоко сочувствуемъ мысли геніальнаго Пирогова, словами котораго и заключаемъ наше предисловіе: «дѣятельность, какъ бы ея результаты ни были сомнительны, все-таки отраднѣе для общества, чѣмъ vis inertiae съ ея неизбѣжными и вѣрными слѣдствіями».

СИГМУНДЪ БАРОНЪ ГЕРБЕРШТЕЙНЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЗНАЧЕНІЕ, КАКЪ ПИСАТЕЛЯ О РОССІИ.

Сочиненіе кандидатовъ И. Корелкина и И. Григоровича и студента И. Новикова.

Отъ Редакціи.

Предлагаемая монографія о баронѣ Герберштейнѣ составлена изъ трехъ диссертацій, представленныхъ въ 1856 году на соисканіе медали по темѣ, заданной г. профессоромъ С.-Петербургскаго Университета Н. Г. Устряловымъ. Тремъ авторамъ ихъ: гг. Корелкину, Григоровичу и Новикову были присуждены факультетомъ награды на основаніи мнѣнія г. профессора (¹).

Гг. авторы диссертацій, исправивъ свои труды и приведя ихъ, такъ-сказать, къ *одному знаменателю*, рѣшились издать ихъ въ общемъ сводѣ. Мы можемъ сказать только, что первая часть разсужденія,—біографія Герберштейна,—заимствована исключительно изъ диссертаціи г. Новикова, остальныя же части составлены преимущественно по труду г. Корелкина и частію—г. Григоровича.

Редакція Сборника, находя, что общій, взаимный трудъ нѣсколькихъ лицъ при составленіи одного сочиненія не мѣшаетъ единству его, воспользовалась этой диссертаціей тѣмъ охотнѣе, что читатели найдутъ въ 1-й же книгѣ Сборника начало перевода знаменитыхъ *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, которыя служатъ главнымъ предметомъ изслѣдованія.

(¹) Это мнѣніе напечатано въ *Годичномъ Актѣ* въ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1856 годъ стр. 144—149. Изъ трехъ авторовъ двое: Гг. Корелкинъ и Григоровичъ уже окончили курсъ (въ 1856 г.) со степенью кандидата.

ГЛАВА I.

Жизнеописание барона Герберштейна.

При составлении нашего біографическаго очерка, мы руководствовались извѣстнымъ сочиненіемъ Фридриха Аделунга: Siegmund Freiherr von Herberstein etc. Это сочиненіе по справедливости оцѣнено всѣми. Какихъ трудовъ оно стоило автору, можно хорошо видѣть изъ введенія къ этому сочиненію, гдѣ Аделунгъ перечисляетъ 16 источниковъ, откуда онъ могъ почерпнуть одни только отрывочныя свѣдѣнія: онъ долженъ былъ все это согласить и привесть въ систему. Но Аделунгъ только тѣмъ и ограничился; его сочиненію недостаетъ выводовъ, и потому, собственно говоря, сочиненіе Аделунга не можетъ быть названо біографіею: это сборникъ фактовъ,—имѣвшихъ то или другое отношеніе къ обыденной жизни Герберштейна; въ немъ мало обращено вниманія на внутреннюю сторону жизни Герберштейна, и потому читатель, прочтя книгу Аделунга, многое узнаетъ о Герберштейнѣ и нигдѣ не увидитъ самого Герберштейна. Но все сказанное нами нисколько не уменьшаетъ ученыхъ заслугъ Аделунга, и новый біографъ Герберштейна всегда долженъ остаться признательнымъ ему за трудъ, съ которымъ онъ собралъ матеріалы по 16 источникамъ, такъ что сочиненіе Аделунга принимаетъ характеръ источника въ глазахъ изслѣдователя, лишеннаго тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался Аделунгъ.

Все жизнеописаніе мы раздѣлимъ на три части: въ первой изложимъ юношество и образованіе Герберштейна, во второй разсмотримъ его военную дѣятельность, и наконецъ въ третьей—его дипломатическую дѣятельность.

1. *Юношество и образованіе Герберштейна.*

1486—1506.

Родовое имѣніе Герберштейна—въ Штиріи, въ Грейцскомъ округѣ, при рѣкѣ Фейстрицѣ. Отто фонъ Гарпергъ купилъ его въ 1290 г., и тѣмъ усвоилъ своей фамиліи прозвище Герберштейнъ.

Нашъ Герберштейнъ, указывая на своего старѣйшаго предка Ганса фонъ Герберштейна, бывшаго около 1200 г священникомъ въ Польшѣ (Pölan) (¹), говоритъ, что родъ ихъ прежде назывался Герульштейнъ, по имени Геруловъ, завоевавшихъ въ 475 г. подъ предводительствомъ Одоакра Истрію и Панонію.

(¹) Подъ названіемъ Pölan разумѣется въ средневѣковой германской поэзіи Польша (въ Нибелунгахъ Pölen und Rjuzen—Поляки и Русскіе).

Герберштейнъ пишется на австрійскомъ нарѣчіи—Герберштайнъ; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ называется Гербенстернъ, Герберстене, Гибрестенъ, Гермонстеръ и пр.

Мы видѣли, что извѣстія о дворянскомъ родѣ Герберштейновъ начинаются съ XIII вѣка, но происхожденіе свое фамилія получила отъ поселянъ, въ чемъ съ благородною откровенностью сознается нашъ Герберштейнъ, объясняя значеніе своего фамильнаго герба, гдѣ между прочимъ изображены хомутъ и веревка отъ плуга.

Леонгардъ фонъ Герберштейнъ (Leonhart или Lienhart), мужественный воинъ, два раза сопровождавшій императора въ Римъ, возведенный въ 1469 г. въ рыцарское достоинство, былъ женатъ на Варварѣ (Barbara), дочери Николая Люгера, бургграфа Люэнцкаго и Люгерскаго (Niclas Luegger, Burggraf zu Luenz und Lueg). У нихъ было 5 дочерей и 4 сына, изъ которыхъ Сигизмундъ былъ третьимъ. Онъ родился 23 августа 1486 г. на Карстѣ, въ замкѣ Виппахѣ, подаренномъ отцу его Фридрихомъ III. Его братья Георгъ, Гансъ и Вильгельмъ были возведены за военные подвиги въ рыцарское достоинство и умерли прежде Сигизмунда. Всѣ четыре брата жили въ согласіи, и Сигизмундъ съ величайшимъ уваженіемъ и благодарностью отзывается о Георгѣ, который своимъ примѣромъ и совѣтомъ имѣлъ благодѣтельное вліяніе на его воспитаніе

Сигизмунду было суждено прославить свой родъ.

Не смотря на слабое тѣлосложеніе, онъ началъ уже 7-ми лѣтъ посѣщать школу въ Виппахѣ, а восьми лѣтъ былъ посланъ родителями въ Лонсбахъ, гдѣ научился виндскому (славянскому) языку, который впослѣдствіи ему такъ пригодился. На десятомъ году его отвезли въ Гуркъ къ домпробсту (протопопу) Вильгельму Вельцеру, у котораго учился и Гансъ Герберштейнъ. Сигизмундъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ двухлѣтнемъ пребываніи въ этомъ мѣстѣ. Въ 1497 г. его перевели въ публичную школу въ Вѣну и поручили въ особенности подъ надзоръ Георга Ратценпергера, котораго умъ и благородство Герберштейнъ прославляетъ во многихъ мѣстахъ своего жизнеописанія. Тринадцати лѣтъ, по смерти матери въ 1499 г., онъ пріѣхалъ въ высшую вѣнскую школу, и былъ принятъ ректоромъ Вейкершторфомъ въ число студентовъ. Здѣсь-то, подъ руководствомъ своего покровителя Георга Ратценпергера, онъ обогатилъ свой умъ множествомъ познаній, отразившихся въ его блестящей государственной службѣ. Въ 1502 г., шестнадцатилѣтній Герберштейнъ, послѣ труднаго испытанія, былъ удостоенъ ректоромъ Кальтенмарктеромъ ученой сте-

пени баккалавра (baccalaureus artium), и возвратился въ отцовскій домъ.

Скоро представился случай—употребить въ дѣло пріобрѣтенныя знанія: отецъ послалъ его ко двору императора Максимиліана I, для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ путешествіяхъ, хлопотахъ, но и въ это время не оставлялъ ученыхъ занятій, болѣе и болѣе ознакомляясь съ древними и новыми историками.

2. Военная дѣятельность Герберштейна.

1506—1514.

Въ 1506 г. Герберштейнъ отправился въ походъ, но, по случаю вскорѣ послѣдовавшаго мира съ Венгріею, не имѣлъ случая отличиться. Слѣдующіе годы были благопріятнѣе; въ войнѣ противъ Венеціанъ онъ не разъ выказалъ свою храбрость и даже блестящія военныя способности. Послѣ участія при осадѣ и взятіи Распурга, Герберштейнъ былъ принятъ на службу къ самому императору. Онъ оправдалъ такое довѣріе, оттѣснивъ въ слѣдующемъ 1510 г. непріятеля, осаждавшаго Миттербургъ. Въ 1511 г. онъ участвовалъ въ взятіи Тульмейна. Въ этомъ же году умеръ его отецъ, горячо имъ любимый. Это нечаянное событіе отвлекло его на время отъ военныхъ подвиговъ, а въ слѣдующіе годы ему нужно было заняться устройствомъ домашнихъ дѣлъ императора.

Въ 1514 г. Венеціане осадили крѣпость Маранъ въ Фріулѣ. Жители крѣпости терпѣли величайшій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Максимиліанъ повелѣлъ нашему Сигизмунду и его брату Георгу—собрать въ Штиріи войско и во что бы то ни стало снабдить крѣпость припасами и отстоять ее. Герберштейнъ 12 Іюля разбилъ Венеціанъ, взялъ ихъ предводителя Джіованни Витторіо въ плѣнъ и—спасъ городъ.

Императоръ призвалъ героя въ Инспрукъ, торжественно возвелъ его 26 Октября въ рыцарское достоинство и принялъ въ число своихъ приближенныхъ слугъ, назначивъ жалованье въ 300 флориновъ.

3. Дѣятельность Герберштейна на дипломатическомъ поприщѣ.

1515—1556.

Весь 1515 г. Герберштейнъ провелъ въ разъѣздахъ въ Ульмъ, Ейхштедтъ и къ Архіепископу Зальцбургскому по разнымъ порученіямъ Максимиліана. Въ концѣ года, онъ возвратился въ Инспрукъ и былъ награжденъ благоволеніемъ императора за усердное исполненіе службы.

Въ слѣдующемъ году, онъ былъ посланъ императоромъ къ датскому королю Христіану II, чтобы побудить послѣдняго къ лучшему обращенію съ супругой Изабеллою, дочерью Филиппа и Іоанны, и устранить незаконную связь жестокаго короля съ Дивеке (Dyveke или Columbula), совершенно завладѣвшей волею своего державнаго любовника. Кромѣ этого, по дорогѣ въ Данію, онъ долженъ былъ исполнить еще множество другихъ порученій. Герберштейнъ съ успѣхомъ исполнилъ свое главное, щекотливое порученіе, и умѣлъ не только не раздражить грознаго монарха, но даже заслужить его благоволеніе. Христіанъ II подарилъ ему свою лошадь съ рыцарскими доспѣхами.

Но едва онъ успѣлъ отдать отчетъ императору о своей поѣздкѣ, какъ получилъ новое порученіе отправиться дипломатическимъ посломъ въ Цюрихъ, Ури, Швицъ, Унтервальденъ и Миттельвальденъ.

Въ концѣ 1516 г. на Герберштейна было возложено гораздо важнѣйшее дѣло. Онъ долженъ былъ отправиться посломъ въ Москву для того, чтобы расположить сколько можно великаго князя Василія Іоанновича въ пользу польскаго короля Сигизмунда для возстановленія между ними мира, и чтобы, проѣздомъ, побудить Сигизмунда къ браку, который упрочилъ бы союзъ, заключенный между императоромъ и польскимъ королемъ въ Вѣнѣ. Императоръ именно желалъ, чтобы польскій король сочетался бракомъ съ миланскою принцессою Боною, дочерью Іоанна Галеаццо Сфорцы (Sfortia), и потому старался смягчить врага своего будущаго родственника,—умѣрить гнѣвъ Василія Іоанновича, силы котораго угрожали всей Ливоніи.

Такое путешествіе имѣло въ то время для иностранца и дѣйствительныя и воображаемыя физическія препятствія. Отдаленность Москвы, худыя дороги, опасныя переправы чрезъ рѣки (это было весною), суровый климатъ, военное время, незнаніе туземнаго языка и т. п.,—все это принадлежало къ числу дѣйствительныхъ препятствій. Но отъ недостатка свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, иностранецъ созидалъ себѣ еще другія препятствія. Западная Европа съ именемъ Московіи сливала понятіе о Скиѳахъ и варварахъ, о баснословномъ холодѣ и мракѣ и пр.

Такимъ образомъ не мудрено, что путешествіе въ Москву считалось величайшимъ подвигомъ. Само собою разумѣется, что тому, который захотѣлъ бы, не уронивъ своего достоинства,— достичь цѣли посольства въ незнакомой землѣ, нужно было обладать огромной, нравственной силой духа. Ею вполнѣ обладалъ Герберштейнъ. Благородная, привлекательная осанка, ли-

це, выражавшее спокойствіе и сознаніе своего достоинства, разнородныя познанія, рѣдкія для того времени, ловкое обхожденіе, усовершенствовавшееся во время путешествій обращеніемъ со всякаго рода людьми, и наконецъ знаніе славянскаго языка:—такія особенности рѣзко отличали его, и Максимиліанъ не могъ сдѣлать счастливѣйшаго выбора.

Герберштейнъ получилъ въ Прегенцѣ 6 ноября императорскій паспортъ, а 12 декабря въ Гагенау—инструкцію. Помощникомъ его былъ назначенъ Петръ Мракси, который однако вскорѣ заболѣлъ и умеръ въ моравскомъ городѣ Цнаимѣ. Герберштейнъ рѣшился продолжать путешествіе одинъ, что впослѣдствіи было одобрено самимъ императоромъ.

Въ февралѣ 1517 г. онъ достигъ Кракова и спѣшилъ чрезъ Гродно въ Вильно, гдѣ находился Сигизмундъ. Пріемъ императорскаго посла былъ великолѣпный. Герберштейнъ убѣдилъ короля ускорить бракосочетаніе съ Боной, миланской принцессой и, пробывъ 8 дней въ Вильно, поспѣшилъ въ Москву.

По случаю военныхъ обстоятельствъ нужно было безпрестанно избирать проселочные пути, что удлиняло дорогу. Черезъ рѣки переправлялись съ опасностью жизни. Около Опочки надобно было своротить съ большой дороги, по причинѣ осады ея Сигизмундомъ, который, не забудемъ, въ тоже время домогался мира.

Близь Полоцка дорога сдѣлалась невыносимою вслѣдствіе весеннихъ разливовъ. Наконецъ 4 апрѣля, въ Вербное Воскресенье, посольство прибыло въ Новгородъ. Въ продолженіи семидневнаго отдыха, Герберштейнъ успѣлъ многое отмѣтить объ этомъ древнемъ городѣ Ганзы.—Тамошніе нѣмецкіе купцы выпросили его дорожныя сани и поставили ихъ въ свою церковь, на память о знаменитомъ соотечественникѣ. Изъ Новгорода до Вышняго Волочка ѣхали на почтовыхъ. Въ Волочкѣ 12 апрѣля, Герберштейнъ встрѣчалъ Свѣтлое Воскресенье за православной утреней. Изъ Волочка посольство ѣхало водой до Твери, гдѣ его встрѣтилъ посланный отъ Государя приставъ Михайло Шавровъ.

18 апрѣля Герберштейнъ прибылъ въ Москву, и остановился въ нарочно для него приготовленной квартирѣ, въ домѣ князя Петра Ряполовскаго. Здѣсь онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ русскомъ хлѣбосольствѣ.

Черезъ нѣсколько дней начались переговоры о мирѣ съ Польшею Слѣдствія ихъ были неудовлетворительны, по случаю несправедливыхъ требованій польскаго короля.

Убѣдясь въ невозможности достиженія мира, Герберштейнъ

подалъ 15 ноября свое послѣднее мнѣніе, и на другой же день получилъ рѣшительный отвѣтъ Василья Іоанновича, отвергавшаго всякое дружеское сближеніе съ польскимъ королемъ. Попытка Герберштейна, по порученію императора, къ исходатайствованію освобожденія изъ темницы князя Глинскаго, также не удалась. Такимъ образомъ, видя безполезность своего присутствія въ Москвѣ, онъ просилъ государя о разрѣшеніи отъѣзда, что и сообщено ему было въ торжественной аудіенціи 21 Ноября. Царь подарилъ ему въ знакъ своего благоволенія драгоцѣнный, длинный кафтанъ съ серебряными цвѣтами по золотому полю. (Герберштейнъ велѣлъ себя впослѣдствіи изобразить на гравюрѣ въ этой одеждѣ). Кромѣ почетнаго кафтана, Герберштейнъ получилъ большое количество собольихъ и горностаевыхъ мѣховъ, русскихъ охотничьихъ собакъ, превосходныя сани съ мѣховою полостью, и необыкновеннаго роста красивую лошадь съ царской конюшни. На дорогу велѣно было снабдить его вдоволь съѣстными припасами и дать до границы конвой изъ 200 всадниковъ.

На другой день, Герберштейнъ оставилъ Москву, пробывъ въ ней почти восемь мѣсяцевъ. Во все это время, онъ пользовался большимъ вниманіемъ Царя и часто присутствовалъ при различныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ нашего двора. Между прочимъ, онъ участвовалъ въ соколиной охотѣ и въ большой травлѣ на зайцевъ, которую подробно описалъ. Во время охоты, онъ всего болѣе восхищался быстрыми и красивыми аргамаками. Въ его запискахъ объ этомъ первомъ путешествіи исчисляются преимущественно названія земель и народовъ русскаго царства, и описываются внѣшнія и внутреннія воды.

Съ Герберштейномъ отправились къ императору, для объясненія причинъ, препятствовавшихъ заключенію мира съ Польшею,—посолъ Владиміръ Семеновичъ Племянниковъ и толмачъ—Истома Малый. 25 января 1518 г., Герберштейнъ былъ ласково принятъ польскимъ королемъ въ Краковѣ. Чрезъ мѣсяцъ онъ прибылъ въ Вѣну и, послѣ краткаго отдыха, отправился въ Инспрукъ къ императору. Императоръ благосклонно принялъ его отчетъ, благодарилъ за усердіе, и часто по вечерамъ слушалъ съ кардиналомъ зальцбургскимъ разсказы Герберштейна о незнакомой землѣ. Вскорѣ Максимиліанъ подарилъ Герберштейну, въ знакъ своей признательности, помѣстье Клямъ (die Pflege Klam), и поручилъ ему—наставить совѣтомъ новыхъ пословъ въ Россію, Франциска да Колло и Антонія де Конти, которыхъ старанія были успѣшнѣе: заключено было перемиріе съ Польшею отъ 1518 до 1519.

Императоръ, желая отклонить избраніе на венгерскій престолъ штатгальтера Іоанна фонъ Ципса, послалъ Герберштейна въ томъ же году въ Венгрію. По исполненіи этого порученія, Герберштейнъ долженъ былъ отправиться въ Зальцбургъ, для примиренія Архіепископа съ паствой.

Въ началѣ слѣдующаго 1519 года, Императоръ Максимиліанъ заболѣлъ и 12 Января скончался. Имперія живо почувствовала утрату замѣчательнѣйшаго государя. Герберштейнъ потерялъ въ немъ благодѣтеля, умѣвшаго достойно цѣнить заслуги.

Вскорѣ отправилось посольство къ Карлу V, королю испанскому, для врученія ему въ управленіе провинцій Австрійской, Штирійской, Каринтійской, Крайнской и земель на рѣкѣ Энсѣ. Со стороны Штиріи были посланы Гансъ Германъ и Герберштейнъ, бывшій душою всего посольства. При переѣздѣ изъ Италіи въ Испанію, посольство едва не погибло отъ бури. Карлъ V, по коронованіи своемъ въ Ахенѣ, назначилъ 6 Января 1521 г. сеймъ въ Вормсѣ, для возстановленія спокойствія, нарушеннаго реформаціею и для рѣшенія многихъ другихъ дѣлъ. Герберштейну было повелѣно, для приведенія въ исполненіе мысли покойнаго императора—учредить обмѣнъ нѣкоторыхъ императорскихъ земель на частныя. Замокъ Герберштейна и принадлежавшій ему городокъ Меренфельсъ были промѣняны на имѣніе Нейпергъ въ Штиріи, и, для совершеннаго уравненія мѣны ему обѣщаны еще деревни Самерка и Партинъ. Во время пребыванія Герберштейна въ Вормсѣ, императоръ избралъ его въ члены государственнаго совѣта и назначилъ ландратомъ Штиріи. Въ этомъ же году, Герберштейнъ женился на Еленѣ фонъ-Саурау. Въ Латинской біографіи, онъ говоритъ: hoc anno uxorem duxi, но не упоминаетъ о фамиліи своей супруги. Бракъ былъ бездѣтенъ. Супруга его умерла чрезъ 9 лѣтъ послѣ него—17 августа 1575.

Въ слѣдующіе четыре года, императоръ посылалъ Герберштейна въ Швабію, Нидерланды, Богемію, Венгрію и въ Нюрнбергъ. Между тѣмъ Василій Іоанновичъ поздравилъ Карла V съ императорскою короною, чрезъ нарочное посольство. Императоръ, чтобы отвѣчать на такое вниманіе и сохранить дружественныя отношенія между обоими государствами, спѣшилъ въ 1526 г. отправить въ Москву посольство. При этомъ имѣлось еще въ виду новое, прочное примиреніе русскаго царя съ польскимъ королемъ. Карлъ V избралъ съ своей стороны графа Леонарда фонъ-Нугароліса, а эрцгерцогъ Фердинандъ Герберштейна, которому ввѣрили неограниченное право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію въ непредвидѣнныхъ случаяхъ.

Обоихъ пословъ сопровождали еще восемь особъ, въ числѣ которыхъ были два племянника Герберштейна, сыновья брата его Георга.

Посольство отправилось чрезъ Моравію и Силезію въ Польшу, присоединившись къ русскому посольству, возвращавшемуся въ отечество. Герберштейнъ получилъ уже на дорогѣ предписаніе отъ эрцгерцога—обратить особенное вниманіе на догматы, обряды и священныя книги греко-россійской церкви, причемъ совѣтовалось имѣть въ виду только-что написанное сочиненіе доктора Іоанна Фабри (Ioh. Fabri Leucurchensis, Episcopi Viennensis, epistola de Moscovitarum juxta mare glaciale religione, seu de dogmatibus Moscorum).

Польскій король съ неудовольствіемъ узналъ, что императорскіе послы ѣдутъ вмѣстѣ съ русскими. Онъ сталъ подозрѣвать, что императоръ согласился дѣйствовать за одно съ великимъ княземъ противъ Польши. Оттого императорскіе послы не нашли въ Польшѣ достойнаго пріема. По выслушаніи причины ихъ пріѣзда, Сигизмундъ на аудіенціи сказалъ имъ, что не нуждается въ посредничествѣ при примиреніи съ великимъ княземъ. Въ отвѣтъ на эти слова, Герберштейнъ спокойно изложилъ побудительныя причины къ предложенію посредничества, разсказалъ случайное столкновеніе съ русскимъ посольствомъ, и въ заключеніе объявилъ, что если король отвергаетъ императорское посредничестто, то посольство возвратится назадъ. Смѣлый и убѣдительный отвѣтъ Герберштейна устранилъ недовѣрчивость Сигизмунда: онъ принялъ посредничество, снабдилъ ихъ всѣми средствами для дальнѣйшаго путешествія и, чтобы загладить прежнее обращеніе, подарилъ каждому по 50 гульденовъ.

Посольство продолжало путь свой изъ Кракова во время жестокаго холода чрезъ Люблинъ, Брестъ, Слонимъ, Минскъ, Борисовъ, Могилевъ, Смоленскъ. За Можайскомъ оно было встрѣчено царскими чиновниками. Графъ Нугаролисъ и Герберштейнъ въѣхали въ столицу на присланныхъ отъ великаго князя коняхъ.

Аудіенція была назначена 1 мая. Согласно требованію великаго князя, польскій король прислалъ двухъ уполномоченныхъ: Петра Гиску и Михаила Богутиновича. Кромѣ того пріѣхалъ уполномоченный отъ папы—Іоаннъ Францискъ, епископъ скарензскій. Слѣдствіемъ переговоровъ было шестилѣтнее перемиріе.

Во время вторичнаго своего пребыванія въ Москвѣ, Герберштейнъ, какъ и прежде, присутствовалъ на многихъ придвор-

ныхъ празднествахъ, которыя подробно имъ описаны. Въ это же время, по случаю бракосочетанія великаго князя съ дочерью князя Василья Глинскаго, былъ освобожденъ братъ послѣдняго, Михаилъ Глинской, къ полному удовольствію Герберштейна.

Безсмертное творенье Герберштейна свидѣтельствуетъ, что онъ все время прилежно собиралъ историческія, географическія и статистическія данныя, и изучалъ религію, законы и обычаи русской земли. Наконецъ настало время отъѣзда. Государь прислалъ обоимъ посламъ драгоцѣнныя одежды для послѣдняго представленія ко двору. Каждая одежда состояла въ парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ соболями и украшенномъ большимъ собольимъ воротникомъ, въ круглой бѣлой шапкѣ, опушенной соболемъ и перевязанной алой, суконной лентой, и въ башмакахъ, вышитыхъ золотомъ и выложенныхъ на носкахъ и закаблучьяхъ драгоцѣннымъ бисеромъ. Герберштейнъ велѣлъ снять съ себя въ этой одеждѣ портретъ. На этой гравюрѣ надпись: Sigmund Freyherr zu Herberstain in Moscovitischem verehrtem Klaidt. MDxxvj, а на приложенной къ латинской біографіи: Altera legatione a Ferdinando Imperatore tunc archiduce missus ad Moscum, Ille me tali remisit veste.

Въ день своего послѣдняго представленія великому князю, они были опять приглашены къ обѣду, въ концѣ котораго царь пилъ за здравье императора и эрцгерцога. 11 ноября, въ жестокой морозъ, посольство выѣхало изъ Москвы, въ сопровожденіи Ивана Осипина, отправленнаго посломъ къ императору отъ великаго князя. Чрезъ 2 мѣсяца Герберштейнъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ ему представился новый случай употребить въ дѣло свои дипломатическія способности. Узнавъ о смерти венгерскаго короля и будучи увѣренъ, что эрцгерцогъ Фердинандъ, какъ богемскій король, наслѣдуетъ венгерскую корону, онъ рѣшился заранѣе установить благопріятныя отношенія своего государя къ королю польскому, такъ что къ пріѣзду эрцгерцогскаго посла Іоанна Мракси все дѣло было уже подготовлено. И такъ какъ послѣдній вскорѣ заболѣлъ, то Герберштейнъ принялъ на себя исполненіе его порученія. Въ этотъ разъ, онъ получилъ отъ Сигизмунда 1000 гульденовъ, обѣщанныхъ 12 лѣтъ тому назадъ матерью польской королевы за содѣйствіе къ бракосочетанію ея дочери.

24 февраля 1527 г. посольство присутствовало въ Прагѣ при коронованіи эрцгерцога Фердинанда въ богемскіе короли. Фердинандъ, выслушавъ отчетъ Герберштейна объ исполненіи возложенныхъ на него порученій, счелъ нужнымъ отправить Герберштейна снова въ Польшу. Усердный подданный отвѣ-

чалъ, что онъ, будучи боленъ, готовъ хотя на носилкахъ исполнить волю его королевскаго величества, но считаетъ новые переговоры, по извѣстнымъ причинамъ, излишними. Фердинандъ уважилъ это мнѣніе, отложилъ посольство и, въ торжественномъ собраніи, благодарилъ Герберштейна за удовлетворительный результатъ переговоровъ въ Москвѣ, за вниманіе къ выгодамъ и правамъ своего государя въ Польшѣ и за готовность совершить новое путешествіе, не смотря на разстроенное здоровье. Герберштейнъ отправился въ Вѣну и пролежалъ тамъ четыре недѣли больнымъ, послѣ чего разрѣшенъ ему отъѣздъ въ помѣстья, для возстановленія своихъ силъ. Въ это время его избрали членомъ нижнеавстрійской камеры.

Въ періодъ времени отъ 1527 г. по 1540, мы видимъ Герберштейна въ постоянныхъ разъѣздахъ, по случаю непріязненныхъ отношеній Фердинанда къ Іоанну Запольскому. Въ 1527 г., онъ ѣздилъ къ польскому королю, для отвращенія союза съ Іоанномъ. По возвращеніи, онъ получилъ отъ короля Фердинанда грамату, въ которой ему и всему его роду даровался эпитетъ: lieber, getreuer.

Узнавъ о внезапной смерти своего брата Георга, Герберштейнъ заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда Солиманъ вторгся въ Венгрію, то Герберштейнъ два раза долженъ былъ совершать путешествіе въ Польшу для поддержанія дружественныхъ отношеній. Въ 1531 г. онъ былъ возведенъ въ баронское достоинство и вслѣдъ за этимъ тотчасъ же былъ отправленъ въ Венгрію, для заключенія перемирія при посредничествѣ польскаго короля. Въ слѣдующемъ году, Герберштейнъ, по случаю новаго вторженія Солимана, находился при войскѣ и былъ въ тоже время занятъ распоряженіями въ столицѣ. Въ началѣ 1534 г., онъ былъ избранъ въ члены коммиссіи, учрежденной для опредѣленія государственныхъ расходовъ въ Богеміи, но скоро былъ опять отвлеченъ на дипломатическое поприще и провелъ почти весь этотъ годъ въ разъѣздахъ Въ 1536 г. онъ, вмѣстѣ съ другими лицами, повѣрялъ, по порученію короля, доходы государства. Въ 1539 г., Герберштейна послали въ Польшу, для спискапія посредничества Сигизмундова въ дѣлахъ съ Іоанномъ Венгерскимъ. Во время отсутствія онъ избранъ въ президенты нижнеавстрійской камеры. Въ 1541 г. султанъ, покровительствуя сыну Іоанна Венгерскаго, готовился къ новому походу. Тогда Фердинандъ рѣшился отправить въ турецкій лагерь посла для достиженія мира или, по крайнѣй мѣрѣ, перемирія. Посломъ, разумѣется, былъ назначенъ престарѣлый Герберштейнъ. Ради

короля и отечества, онъ предпринялъ путешествіе чрезъ зачумленныя страны къ неумолимому врагу. Въ продолженіи одного мѣсяца, онъ успѣлъ счастливо исполнить порученіе, и тѣмъ увѣнчалъ свои дипломатическіе подвиги.

Но такая безпокойная, полная умственныхъ и физическихъ напряженій жизнь преждевременно совершенно разстроила его силы, и живѣе прежняго пробудилось въ немъ теперь желаніе—провести остатокъ дней въ покоѣ. Онъ просилъ короля объ освобожденіи его отъ трудныхъ занятій и получилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ согласіе на свою просьбу. Но къ несчастію, государство слишкомъ много и слишкомъ часто нуждалось въ его услугахъ, а онъ, при своей любви къ отечеству, готовъ былъ снова тратить для него свои угасавшія силы.

Въ 1542 г. онъ совершилъ два путешествія въ Венгрію и одно въ Польшу, по случаю бракосочетанія польскаго короля съ старшею дочерью Фердинанда Елизаветою, а въ слѣдующемъ году сопровождалъ невѣсту въ качествѣ гофмейстера. По возвращеніи Герберштейна, король назначилъ его членомъ военнаго совѣта, не смотря на отговорки почтеннаго старика, по случаю недавно дарованной грамоты. Къ титулу его прибавили: Нейпергъ и Гутенхагъ. 1544 г. Герберштейнъ провелъ въ постоянныхъ трудахъ по должности члена военнаго совѣта. Въ мартѣ этого года, его избрали на ландтагѣ въ Вѣнѣ—королевскимъ комиссаромъ. Въ слѣдующемъ году, онъ ѣздилъ въ Польшу для доставленія приданаго молодой королевѣ. 1549 г. былъ для него отдыхомъ; его пощадили въ этомъ году отъ чрезвычайныхъ порученій и онъ занимался обработываніемъ своего труда о Россіи, который сдѣлалъ имя его драгоцѣннымъ для каждаго русскаго. Въ слѣдующемъ году, Герберштейнъ встрѣчалъ турецкаго посланника и ѣздилъ въ Польшу, по приглашенію самаго короля, для уничтоженія семейныхъ неудовольствій въ королевской фамиліи. Въ 1552 г., онъ подалъ королю мысль, для избѣжанія неудовольствій съ Польшею, обновить родство съ ея овдовѣвшимъ королемъ, убѣдивъ Сигизмунда жениться на младшей дочери Фердинанда-Катеринѣ, вдовѣ Франца II, герцога Мантуи. Этотъ политическій бракъ состоялся и Герберштейнъ сопровождалъ, какъ и прежде, королевскую невѣсту.

Наконецъ старость превозмогла усердіе; покой былъ необходимъ для поддержанія жизни. Король пожаловалъ ему и всей фамиліи Герберштейновъ вѣчное званіе австрійскаго постельничаго и каринтійскаго кравчаго.

Но появленіе въ 1557 г. его комментаріевъ на нѣмецкомъ

языкѣ свидѣтельствуетъ, что онъ и въ отставкѣ не переставалъ трудиться.

На 7 стр. Vitae ac rerum gestarum D. Sigismundi L. B. in Herberstain brevis ennaratio Petri Pagani читаемъ: cujus opera jam aetate confecti et emeriti Caesar Ferdinandus *adhuc in dies in arduis negotiis utitur*, quique annum agens LXXIIII Austriacis proventibus adhuc Praesidens incumbit, ut non sibi, sed domui Austriae, cui se ad extremum vitae articulum devovit, natus esse videatur.

О его крѣпкомъ тѣлосложеніи можно судить потому, что онъ легко переносилъ необыкновенныя трудности и величайшія неудобства въ своихъ многихъ, дальнихъ путешествіяхъ. Этотъ истинный христіанинъ, такъ рѣзко отличенный наружными качествами, сильно выдавался изъ тысячи ему подобныхъ своими рѣдкими, духовными способностями. Не говоря объ его огромной для того времени учености, замѣтимъ, что онъ владѣлъ четырьмя языками: латинскимъ, нѣмецкимъ, венгерскимъ, и итальянскимъ, и кромѣ того былъ знакомъ съ тремя славянскими нарѣчіями: краинсккимъ, чешскимъ и русскимъ. Каспаръ Кропацій (въ Soteriis стр. 19) говоритъ о немъ:

—septem linguis discrimina vocum
Flectere, conversoque potest formare palato.

Сверхъ того онъ отличался необыкновеннымъ присутствіемъ духа и рѣдкимъ краснорѣчіемъ:

Et culto clarum superat sermone Periclem, (Кас. Кроп. далѣе).

Не смотря на блестящую дѣятельность, поглотившую много энергіи и жизненныхъ силъ, Герберштейнъ достигъ глубокой старости и умеръ 80 лѣтъ 28 марта 1566 г. въ Вѣнѣ.

Эрцгерцогъ Карлъ штейермаркскій повелѣлъ вырѣзать на его памятникѣ слѣдующую надпись: «28 марта 1566 г. скончался баронъ Сигизмундъ фонъ Герберштейнъ, Нейпергъ и Гветенгахъ, главный постельничій, главный кравчій Каринтіи, совѣтникъ римскаго императора и президентъ нижнеавстрійской камеры». За этимъ слѣдовала эпитафія въ стихахъ: «Здѣсь покоится прахъ барона Сигизмунда фонъ Герберштейна, котораго слава незабвенна въ памяти монарховъ и его соотечественниковъ. Онъ вѣрно служилъ словомъ и дѣломъ четыремъ государямъ. Благодарное отечество будетъ вѣчно воздавать его имени честь и похвалу».

Von Herberstain Herr Sigmund
Hier liegt, welchs Lob zu aller Stund
Wird sein bei Kaisern wohlbekannt,
Auch bei allen Leuten in ihren Lannt.

Dann er bei 4 Kaisern hat
Gelebt als getreuer Diener und Rat,
Ums Vatterlandt sich wohl verschuldt,
Davon er bracht hat Ehr und Huldt.

Объемъ и назначеніе сочиненія не дозволили намъ изложить подробнѣе жизнеописаніе этого замѣчательнаго человѣка Его дипломатическіе подвиги упомянуты далеко не всѣ. Въ заключеніе перечислимъ его сочиненія, которыя должны еще болѣе возвысить Герберштейна въ нашихъ глазахъ:

1. Mein Sigmunden Freiherrn zu Herberstain Raittung und Antzaigen meines Lebens.
2. Rerum Moscoviticarum Commentarii.
3. Acta publica von Kaisers Maximilian I Gesandschaft nach Moskau.
4. Relation von Maximilian I. Hofrath, Tod und Leichdisputen.
5. Mein Sigismunds, Freyherrn zu Herberstain etc. Dienst und Reisen mit dem kürtzesten vergriffen.
6. Siegmunds von Herberstain Relation von dem Churfürstentag 1534 und kurz darauf gefolgten Cadanischen Vertrag.
7. Stammtafel des Oesterreichischen Hauses.
8. Epistola ad Georg Wernherum.
9. Schutzschrift für den Baron von Rogendorf und Selbstvertheidigung.
10. Gratae posteritati L. B. in Herberstein actiones suas reliquit etc.
11. Siegmund Freyherr zu Herberstain den vierten Kaiser erlebt etc.
12. Den gegenwärtigen und nachkommenden Freyherrn zu Herberstein, Seines thuns, diensten und Reisens etc.
13. Picturae variae.
14. Ich Sigmund Freyherr zu Herberstein.
15. Sieben kleinere Aufsätze über Familiennachrichten.
16. Beschreibung von der Mosqua und die angränzenden Ländern.
17. Beschreibung seiner Reisen und Gesandschaften.
18. Reisebeschreibung von mitternächtigen Ländern.
19. Erkentnuss und Belonung der wil langen Dienst deren von Herberstein.
20. Gesandschaften.

Всѣ эти сочиненія разобраны у Аделунга (S. F. von Herberstein etc. на страницахъ 309—434. Въ послѣдующихъ главахъ

мы пользовались не рѣдко Rerum Moscoviticarum Commentarii по изданію 1556 г. въ Базелѣ. О немъ, какъ и о прочихъ изданіяхъ этой книги, подробнѣе будетъ сказано при переводѣ.

ГЛАВА II.

Объясненіе степени достовѣрности извѣстій барона Герберштейна о Россіи.

1) Лица, сообщавшія б. Герберштейну различныя свѣдѣнія о Россіи.

Одинъ изъ источниковъ для Герберштейна были разсказы нѣкоторыхъ людей *бывалыхъ*, по его словамъ, и достойныхъ довѣрія. Изъ разсказовъ этихъ людей, признается Герберштейнъ, я почерпнулъ бо́льшую часть своихъ свѣдѣній. Ктоже были эти лица? Герберштейнъ въ своемъ сочиненіи приводитъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ онъ упоминаетъ о толмачахъ: Василіи Власѣ, Григоріи Истомѣ и Дмитріи Герасимовѣ, и о боярахъ: Семенѣ Ѳедоровичѣ Курбскомъ и Грекѣ Юріи Маломъ.— Стоили ли эти лица довѣрія, были ли они достаточно образованы и опытны, чтобы могли заинтересовать Герберштейна своими разсказами? Отвѣтъ на это будетъ ясенъ, когда мы изложимъ факты изъ жизни этихъ лицъ.

1) *Василій Власъ* былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своему уму и познаніямъ. Познанія его были велики для своего времени: онъ зналъ хорошо латинскій языкъ и отчасти нѣмецкій [1]. Первому онъ научился въ бытность свою посломъ при дворѣ датскомъ. Знанія эти были необходимы для него, потому что самая должность требовала того. По вступленіи Карла V на императорскій престолъ, онъ былъ посыланъ вмѣстѣ съ княземъ Ярославскимъ и секретаремъ Трофимовымъ для поздравленія императора отъ имени великаго князя. На возвратномъ пути посольство проживало нѣсколько времени въ Тюбингенѣ при дворѣ короля Фердинанда [2]. Фердинандъ, пользуясь этимъ случаемъ, далъ порученіе совѣтнику своему и духовнику Іоанну Фабру собрать отъ проживающаго посольства нѣкоторыя свѣдѣнія о Россіи. Тотъ, не зная русскаго языка, не могъ приступить къ этому дѣлу, но Власъ помогъ ему въ этомъ слу-

---

(1) Адел. стр. 152.
(2) См. Übersicht der Reis. in. Russ. Адел. стр. 185.

чаѣ, переводя слова пословъ, отчасти на нѣмецкій, отчасти на латинскій языки. Значительную услугу оказалъ Власъ знаніемъ иностранныхъ языковъ Максиму Греку, вызванному Василіемъ съ Аѳонской горы для перевода священныхъ книгъ. Самъ Максимъ въ посланіи своемъ къ великому князю Василію о переводѣ Толковой Псалтыри говоритъ: (1) «Съ трудившихся со мною и причастниковъ дѣла бывшихъ Власа и Митю Толмачей и Михаила Медоварцева и Сильвана Инока . . . . . познати да изволиши и трудовъ помнинати.»—Исправляя большею частью должность переводчика, Власъ иногда бывалъ посылаемъ и въ качествѣ посла; такъ я упоминалъ уже о пребываніи его въ Даніи.—Путь туда онъ совершилъ Сухоною, Югомъ, Двиною и Бѣлымъ моремъ (2). Зная хорошо теченіе Волги и Двины (3) и бывъ въ Норвегіи и Лифляндіи, онъ могъ служить прекраснымъ источникомъ для Герберштейна.

2) *Григорій Истома*, состоя толмачемъ при царскомъ дворѣ, не разъ ѣздилъ въ этомъ же званіи и къ иностраннымъ дворамъ. Такъ онъ сопровождалъ посла датскаго въ путешествіи его изъ Москвы въ Норвегію и ѣхалъ отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго носа, Семи острововъ и Шведской Лапландіи (4). Стало быть сказанія его могли служить Герберштейну достовѣрнымъ источникомъ при описаніи сѣвера Россіи. Кромѣ того Истома вмѣстѣ съ Владиміромъ Семеновичемъ Племянниковымъ ѣздилъ въ 1517 г. къ императору въ Инспрукъ (5).

3) Толмачъ *Дмитрій Герасимовъ* учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ латинскій, былъ употребляемъ великимъ княземъ въ посольствахъ шведскомъ, датскомъ, прусскомъ, вѣнскомъ, имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи—такъ говоритъ Карамзинъ, (6) ссылаясь на Павла Іовія. Дѣйствительно, Іовій могъ хорошо вызнать этого человѣка, обращаясь съ нимъ ежедневно. Извѣстно, что записки Іовія о Россіи составлены по устнымъ разсказамъ этого Дмитрія. Читая сочиненія Іовія, мы видимъ, что Іовій касается образованія и обычаевъ русскихъ, производительности и торговли областей, говоритъ о Татарахъ, о недавно-завоеванныхъ областяхъ лежащихъ, на сѣверѣ и сѣверовостокѣ и о многомъ другомъ,—свѣдѣнія обо всемъ этомъ онъ заимствовалъ изъ раз-

---

(1) См. Карамз. Т. VII, прим. 340.
(2) См. Карамз. Т. VII, стр. 25.
(3) См. Адел. стр. 203.
(4) См. Карамз. Т. VII стр. 125.
(5) — VII Т. 172 примѣч.
(6) — VII Т. стр. 86.

сказовъ Димитрія. Стало быть, какъ велики были свѣдѣнія самого Димитрія и какую пользу могъ извлечь изъ него Герберштейнъ! Димитрій не былъ только разскащикомъ, онъ былъ и писателемъ ученымъ. Приведемъ тому доказательство: толмачъ Димитрій въ государствованіе великаго князя Іоанна Васильевича писалъ изъ Рима (¹) къ Геннадію архіепископу новгородскому о бѣломъ клобукѣ, что Константинъ Великій далъ этотъ клобукъ «римскому» (прибавленіе исторіографа) епископу Сильвестру, потомъ этотъ клобукъ остался въ забвеніи и наконецъ одинъ папа отослалъ его въ Царьградъ къ патріарху Филаѳею, а сей послалъ его къ новгородскому епископу Василію. Но здѣсь Димитрій впалъ въ ошибку, замѣченную на московскомъ соборѣ 1667 г., на которомъ и все извѣстіе его объявлено баснословнымъ. «Повелѣваемъ,» сказано въ дѣяніяхъ собора, «да никто сему писанію вѣру иметъ зане лживо и неправо есть и зане писано отъ вѣтра главы своея». Такой же отзывъ сдѣланъ и въ духовномъ регламентѣ.—Уже выше было мною упомянуто объ участіи Димитрія въ переводѣ Толковой Псалтыри (²) и приведены слова Максима, выраженныя имъ въ посланіи къ великому князю. Теперь приведу одно мѣсто изъ Сѵнодальной лѣтописи, (³) гдѣ подъ годомъ 1536 такъ сказано: «преложена бысть Псалтырь Толковая отъ Римскаго писанія и рѣчей на русское писаніе и на русскую рѣчь въ Великомъ Новгородѣ повелѣніемъ Владыки Макарія; преложи ее Димитрій, зовомый Толмачъ, въ старости маститѣ; аще и Схоластика себѣ парекъ; но Раввуни своему отъ всея души послужи Макарію, и ветхая понови и наполни въ истинну мѣру натканну и потрясну». Приведенные мною факты много говорятъ въ пользу Димитрія, много говорятъ и въ пользу Герберштейна, который особенно искусенъ былъ въ выборѣ людей для своего знакомства. Герберштейнъ не безусловно довѣрялъ Димитрію, какъ это видно по тону, съ которымъ онъ передаетъ анекдотъ о крестьянинѣ и медвѣдѣ, (⁴) извѣстія о заволжскихъ Татарахъ и т. д., извѣстія полученныя имъ отъ Димитрія. Толмачи: Власъ, Истома и Димитрій болѣе замѣчательны по своему образованію,

(¹) См. Карамз. т. IV примѣч. 360.

(²) Карамз. т. VII примѣч. 340.

(³) Карамз. т. VIII примѣч. 71.

(⁴) Этотъ разсказъ мы находимъ и у Іовія (Paul, Iov. de legatione. 126). Дѣло въ томъ, что будто одинъ крестьянинъ спустился въ борть и едва не утонулъ въ меду; но къ счастію его въ ту же борть полезъ медвѣдь задними ногами; крестьянинъ схватилъ его за хвостъ и закричалъ; медвѣдь испугался, бросился назадъ и вытащилъ крестьянина.

чѣмъ по положенію своему въ государствѣ; но слѣдующія два лица соединяютъ въ себѣ и эти достоинства. Эти лица суть:

4) *Юрій Малый*, называемый у Карамзина Траханіотомъ, и Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій. Первое извѣстіе, встрѣчающееся въ нашей исторіи объ Юріи Грекѣ есть то, что онъ вмѣстѣ съ Софіею Палеологъ прибылъ въ Россію и поселился здѣсь; но еще ранѣе прибытія Софіи въ Россію, Юрій пріѣзжалъ ко двору Іоанна III, въ качествѣ посла отъ папы Виссаріона съ предложеніемъ Іоанну III руки Софіи. Окончивъ дѣло, онъ возвратился обратно въ Римъ (1). По прибытіи въ Россію онъ занялъ почетную должность и сдѣлался государевымъ печатникомъ. Въ доказательство этому можно привести два мѣста изъ исторіи Карамзина: въ 607 примѣч. къ VI Т. сказано, что Іоаннъ, раздѣливъ вещи по духовному завѣщанію между своими дѣтьми, положилъ ихъ въ ларцы, которые и были вручены казначею Дмитрію Владимірову и печатнику Юрію Дмитріеву Греку. При переговорахъ съ княземъ Василіемъ Стародубскимъ, касательно бракосочетанія его съ дочерью Юрія Сабурова, мы встрѣчаемъ также печатника Юрія Трохапіота (2). Находясь въ государевой службѣ, Юрій не однократно былъ отправляемъ въ качествѣ посла къ нѣмецкимъ императорамъ (3), неоднократно присутствовалъ при принятіи иностранныхъ пословъ, и при переговорахъ съ ними. Такъ въ 1517 г. при пріѣздѣ Герберштейна въ первый разъ въ Россію, Юрій вмѣстѣ съ другими велъ отъ имени великаго князя съ нимъ переговоры (4). Служа вѣрно престолу и отечеству нашему при двухъ государяхъ— Іоаннѣ III и Василіѣ, Юрій пользовался чрезвычайнымъ расположеніемъ ихъ. Іоаннъ, желая при жизни своей женить сына своего Василія, обратился за совѣтомъ къ Юрію. Тотъ предложилъ совѣтъ—женить Василія на подданной (5). Говоря это, Юрій имѣлъ въ умѣ своекорыстную цѣль: у него была дочь невѣста. Василій, принявъ совѣтъ его, женился на Соломоніи Сабуровой, дочери простаго дворянина. До какой степени простиралась привязанность государя къ нему, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго Герберштейномъ (6). Юрій, находясь уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, былъ боленъ; Василій, нуждаясь въ его совѣтѣ, приказалъ принести его во дворецъ

---

(1) Карамз. Т. VI стр. 38.
(2) VII Т. 253 прим.
(3) См. Никонов. лѣт. и Памятн. дип. снош.
(4) Т. I Памятн. дипл. снош.
(5) Карамз. Т. VI стр. 207.
(6) R. M. Com. Bas. 1556 p. 43.

на посылкахъ, и посовѣтовавшись, такимъ же образомъ отнести, что и было исполнено. Представивъ себѣ личность этого государственнаго мужа и сообразивъ всѣ обстоятельства его жизни, утвердительно мы можемъ сказать, что разсказы его должны были быть чрезвычайно интересны и правдивы.

5) *Князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій*, называвшійся такъ отъ родоваго имѣнія своего Курбы, происходилъ изъ рода князей Ярославскихъ (1). Это былъ человѣкъ чрезвычайно замѣчательный на поприщѣ военномъ. Жизнь его богата военными подвигами. Въ 1499 году совершилось окончательное покореніе Вогуличей и Югры; исполнителями этого дѣла были князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій Брожникъ (2). (Въ Никоновской лѣтописи подъ этимъ годомъ князь Курбскій, вѣроятно по ошибкѣ названъ Кубенскимъ). Два раза участвовалъ Курбскій въ походахъ на Казань и разъ былъ главнымъ начальникомъ надъ судовой ратью; наконецъ мы встрѣчаемъ его въ походѣ противъ польскаго короля. Государь достойно цѣнилъ заслуги и умъ Курбскаго и вскорѣ по взятіи Пскова назначилъ его намѣстникомъ этого города, а въ товарищи ему далъ князя Петра Шуйскаго. Корыстолюбіе прежнихъ намѣстниковъ выходило изъ предѣловъ приличія; въ народѣ возникло волненіе; многіе бѣжали. Курбскій и Шуйскій, мужи правосудные и человѣколюбивые, успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Для полноты свѣдѣній о Курбскомъ, приведемъ одно мѣсто изъ сочиненія Герберштейна, которое весьма живо характеризуетъ этого человѣка. «Курбскій», говоритъ Герберштейнъ, «человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, весьма чистосердечный, отличается удивительною воздержностью, чистотою своей жизни и нѣсколько уже лѣтъ воздерживается отъ употребленія въ пищу мяса,—ѣстъ рыбу только въ нѣкоторые дни,— а именно: въ воскресенье, вторникъ и субботу, въ прочіе же дни и во время поста воздерживается отъ рыбы» (3). Изъ этихъ словъ намъ ясно видна личность Курбскаго-Христіанина, въ полномъ смыслѣ этого слова, Карамзинъ упоминая о Курбскомъ, рисуетъ его словами Герберштейна. Бесѣда съ такимъ человѣкомъ имѣла большое значеніе для Герберштейна. Вотъ еще лица, которыя по своему общественному положенію и свѣдѣніямъ, могли быть полезными для заѣзжаго иностранца: 1) *Братья Василій Третьякъ, Федоръ и Захарій Долматовы*. Василій былъ дьякомъ при в. к. Василіѣ Іоанновичѣ, который

(1) Rer. Mosc. Com. Bas. 1556 p. 79.
(2) Карамз. Т. VI стр. 177.
(3) Rer. Mosc. Com. 1556 p. 79.

любилъ его и довѣрялся ему. Еще 1493 г. Долматовъ велъ переговоры съ княземъ мазовецкимъ Конрадомъ, который сваталъ одну изъ дочерей Іоанна (1). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1500 г. читаемъ о посольствѣ Василія въ Данію. По случаю жалобъ князя Оболенскаго на чиновниковъ псковскихъ, вмѣшивавшихся будто-бы въ его права и суды, посланы были для изслѣдованія к. Петръ Шуйскій и *Третьякъ Долматовъ*. Угождая планамъ царя, Долматовъ уговорилъ псковитянъ держать имя царское грозно и честно, по старинѣ, взять въ свои города царскихъ намѣстниковъ и снять вѣчевой колоколъ, о чемъ и донесъ государю (2). Но скоро онъ впалъ въ немилость: царь назначилъ его посломъ къ императору Максимиліану и приказалъ готовиться къ отъѣзду «Третьякъ Долматовъ», говоритъ Герберштейнъ со словъ нѣкоего *Ивана* и 2-хъ родныхъ братьевъ Третьяка» «сталъ отговариваться недостатками въ средствахъ на путевыя издержки и т. п. Его тотчасъ схватили и отправили на Бѣлоозеро въ вѣчное заточеніе, гдѣ онъ и умеръ въ самомъ несчастномъ положеніи. Движимое и недвижимое имѣніе его в. к. отобралъ и, не смотря на то, что получалъ до 3-хъ милліоновъ флориновъ доходу наличными деньгами, братьямъ Долматова не далъ ничего» (3). 2) *Иванъ Андреевичъ Челяднинъ*, съ которымъ Герберштейнъ могъ и долженъ былъ видѣться проѣздомъ въ Вильнѣ, гдѣ съ дозволенія короля имѣлъ свиданіе съ плѣнниками, взятыми Константиномъ Острожскимъ въ битвѣ при Оршѣ. Ив. Андр. былъ въ числѣ усмирителей псковитянъ и въ 1510 г. назначенъ намѣстникомъ псковскимъ. Въ 1511 г. онъ былъ посланъ въ Казань къ Мегметъ-Аминю, который желалъ черезъ посла во всемъ открыться царю. Когда въ слѣдующемъ (1512) году, произошелъ разрывъ хана съ царемъ, то Челяднинъ стоялъ съ своимъ полкомъ на Упѣ. Такъ онъ могъ быть интересенъ для Герберштейна: 1) какъ путешествовавшій по Россіи, 2) какъ довѣренный царя, и 3) какъ свидѣтель оршинской битвы. Замѣчательно, что ни Челяднинъ, никто изъ плѣнниковъ не передалъ Герберштейну объ ошибкѣ воеводы Булгакова, къ которому они питали непріязнь и по милости котораго они томились въ плѣну. Судьба Глинскихъ также была коротко извѣстна Челяднину, супруга котораго была въ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ съ Еленою Васильевною Глинскою. Кромѣ того Герберштейнъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ

(1) Карамз. Т. VI стр. 224 и далѣе.
(2) Псков. Лѣт. подъ 1510 и 1511 год. Карамз. Т. VII стр. 33—42.
(3) Rer. Mosc. Com. Bas. 1556 p. 15. А также см. въ Никоновской Лѣт.

иностранцахъ, находившихся въ его время въ Россіи. 1) *Іорданъ кузнецъ изъ Инспрука, рязанскій пушкарь*, (¹) защитникъ Рязани отъ нападенія Татаръ и Литовцевъ въ 1521 г., и другъ Хабара Симскаго, который заступался за него противъ разныхъ недоброжелателей.—2) *Никласъ* изъ Спира, служившій въ Россіи тоже по артиллеріи. Какъ Іорданъ, такъ и Никласъ, видя малое вознагражденіе за свои труды, хотѣли оставить Россію; но остались, когда имъ прибавили 10 флориновъ жалованья (²). Отъ Іордана и Никласа Герберштейнъ могъ собрать довольно подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ тогдашняго русскаго войска, которое должно было быть извѣстно имъ по роду ихъ службы. 3) *Вильгельмъ Постель* (Guilhelmus Postellus), который передавалъ Герберштейну разсказы нѣкоего Михаила, толмача съ турецкаго и арабскаго языковъ при венеціанскомъ дворѣ, о Самаркандѣ, татарской области и другихъ странахъ, лежащихъ при восточномъ вѣтрѣ, у Каспійскаго моря. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что въ этихъ странахъ есть нѣжное растеніе, называемое *Самаркандъ*, которое мусульмане кладутъ себѣ на грудь и въ шапки для сообщенія нѣжности тѣлу; но что онъ этого растенія не видѣлъ. Изъ приведенныхъ фактовъ, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: всѣ лица, разсказами которыхъ Герберштейнъ пользовался во время пребыванія своего въ Россіи, были люди весьма достойные довѣрія, опытные и достаточно образованные; нѣкоторые изъ нихъ занимали почетныя должности въ управленіи государствомъ; другіе же были при посольствахъ; въ слѣдствіе всего этого Герберштейнъ могъ и долженъ былъ довѣрять разсказамъ ихъ. Уже самое положеніе удаляло отъ нихъ всякое подозрѣніе въ намѣренной лживости и пристрастіи. Какъ пользовался Герберштейнъ разсказами ихъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ самъ Герберштейнъ, говоря: недовольствуясь свидѣтельствомъ одного или двухъ лицъ, я полагался на согласное мнѣніе многихъ (³). Эти слова обозначаютъ въ лицѣ Герберштейна—писателя ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ критика. Приведемъ въ доказательство факты: при описаніи плаванія по Ледовитому морю (⁴) Герберштейнъ пользовался согласными показаніями трехъ лицъ: Власа, Истомы и Герасимова, и не довѣрялъ разсказамъ каждаго изъ нихъ отдѣльно; при описаніи астраханскаго баранца Герберштейнъ разсказъ толмача Дмитрія повѣрилъ свидѣтельствомъ Вильгельма Постеля; о

(¹) Карамз. Т. VII стр. 112.
(²) Rer. Moscov. Com. Bas. 1556 p. 95.
(³) Библ. Иностр. Писат. о Россіи Каллистратова Т. II стр. 8.
(⁴) Rer. Moscov. Com. Bas. 1556 p. 117.

Печорѣ онъ слышалъ разсказы многихъ лицъ; но послѣднее слово принадлежитъ Курбскому. Какія свѣдѣнія почерпнулъ Герберштейнъ отъ каждаго изъ поименованныхъ нами лицъ? Мы не можемъ отвѣчать на это утвердительно, потому что Герберштейнъ, приводя разсказы ихъ, не дѣлаетъ разграниченій между самыми лицами: часто встрѣчается слово: «я слышалъ»; но кто былъ разскащикомъ—неизвѣстно. Только описанія плаванія по Ледовитому морю и астраханскаго баранца, составляютъ исключенія: вслѣдъ за именемъ разскащика помѣщается и самый разсказъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ не имѣетъ большой важности уже потому, что всѣ разскащики были люди благонамѣренные и достойные довѣрія, а самъ Герберштейнъ былъ весьма свѣдущъ, опытенъ и обладалъ замѣчательнымъ тактомъ въ разпознаваніи справедливаго отъ ложнаго. Откуда эти лица могли почерпнуть тѣ свѣдѣнія, которыя они сообщили Герберштейну? Изъ собственнаго опыта и наблюденія—вотъ отвѣтъ. Положеніе этихъ лицъ въ государствѣ даетъ намъ право такъ думать; степень образованности ихъ утверждаетъ наше заключеніе. Приведенные нами факты и случаи изъ жизни ихъ совершенно объясняютъ довѣренность къ нимъ Герберштейна. Дѣйствительно всѣ они были люди бывалые, опытные, нечуждые образованія, и вслѣдствіе этого, вполнѣ достойные довѣрія.

Другимъ источникомъ свѣдѣній о Россіи могло служить Герберштейну его собственныя свидѣтельства, то, чему онъ былъ очевидцемъ. Третьимъ наконецъ—памятники письменности какъ современные такъ и древніе. Разсматривая въ слѣдующихъ главахъ извѣстія Герберштейна о Россіи относительно этихъ 3-хъ источниковъ, мы часто можемъ указывать на источникъ *только* предположительно, а иногда и этого не можемъ за недостаткомъ средствъ. По этому, относя къ отдѣлу письменныхъ источниковъ, непосредственные переводы Герберштейна изъ русскихъ лѣтописей и памятниковъ юридической и духовной литературы, все остальное относимъ къ отдѣлу личныхъ свидѣтельствъ, хотя и здѣсь многое можетъ быть основано на письменныхъ пособіяхъ.

2) *Объясненіе степени достовѣрности извѣстій Герберштейна о Россіи, основанныхъ на его личномъ свидѣтельствѣ или переданныхъ ему посторонними лицами.*

Пріемъ Пословъ.

Герберштейнъ дважды пріѣзжалъ посломъ въ Россію, дважды былъ очевиднымъ свидѣтелемъ церемоній, съ какими при-

нимались у насъ иностранные послы и какія соблюдались на аудіенціи у государя и при отпускѣ ихъ. Герберштейнъ не оставилъ этого безъ вниманія, и подробно описалъ въ своихъ запискахъ. Вотъ здѣсь-то онъ и представляется преимущественно писателемъ-очевидцемъ, и въ слѣдствіе этого весьма *много подлежитъ* суду критики. Въ старину посольства иностранныхъ государей заключали въ себѣ особенный,—обще-народный интересъ, и потому не удивительно, что они совершались съ особенными церемоніями и съ особенною торжественностью. Лѣтописи наши, служа яснымъ отголоскомъ всего, происходящаго въ государствѣ, не пропускали случая упоминать объ нихъ; впрочемъ извѣстія лѣтописныя были весьма коротки и ограничивались историческимъ изложеніемъ цѣли посольства. Такъ подъ годомъ 1517 сказано (1): «тоя же весны Апрѣля 18, къ Великому Государю Василью пріиде на Москву отъ его брата избраннаго Цесаря и навысшаго Короля Римскаго Максимьяна его посолъ, Жихдимонтъ, именемъ Герберстернъ, рыцарь, моля и прося, чтобы Великій Государь Василій, для его Государя Цезаря, изволилъ пріѣхати къ себѣ Жихдимонта Польскаго Короля посломъ и съ нимъ примирился, что бы для ихъ брани промежъ ими кровь Хрестьянская не лилася, да и грамоты опасныя на королевыхъ пословъ прошалъ». За тѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ государя и болѣе ничего уже нѣтъ. Но у насъ есть другой источникъ, откуда мы можемъ почерпать самыя подробныя и подлинныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ и на оборотъ, также распоряженія при принятіи и отпускѣ пословъ, переговоры съ ними и проч., это именно такъ называемыя *посольскія дѣла, статейные списки и посольскія книги* (2). Имѣя такой источникъ подъ руками, мы не лишены возможности подвергнуть Герберштейна, какъ очевидца, критикѣ. Та часть его записокъ, въ которой онъ описываетъ обряды и церемоніи русскаго двора при принятіи и отпускѣ пословъ, носитъ заглавіе: «de modo excipiendi et tractandi oratores (3)». Въ ней онъ сообщаетъ намъ результаты своихъ очевидныхъ наблюденій при двукратномъ своемъ путешествіи въ Россію въ качествѣ посла: говоритъ сперва вообще о церемоніяхъ, съ какими принимаются иностранные послы на границѣ государства, потомъ все сказанное вообще примѣняетъ къ себѣ и въ остальномъ описаніи вездѣ является самъ дѣйствующимъ

---

(1) См. втор. Софіи с. лѣтоп.
(2) См. Памят. диптом. снош. Т. I стр. 1.
(3) Rer. Moscov. Com. p. 120—136.

лицомъ, описываетъ чрезвычайную медленность въ пути, пріемъ въ Смоленскѣ, встрѣчу на границѣ города Москвы, приготовленіе къ аудіенціи у государя, путь во дворецъ и самую аудіенцію. Статейные списки даютъ намъ возможность провѣрить эти извѣстія Герберштейна. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній ([1]) находится статейный списокъ 1517 г., т. е. списокъ перваго пріѣзда въ Россію Герберштейна. Въ немъ весьма коротко изложены церемоніи, которыя были наблюдаемы при принятіи его; но большое вниманіе обращено на ходъ переговоровъ, гдѣ дипломатическій умъ Герберштейна выказывается въ ясномъ свѣтѣ. Въ слѣдствіе этого, списокъ этотъ мало можетъ служить для повѣрки извѣстій Герберштейна, тѣмъ болѣе, что Герберштейнъ при описаніи своемъ имѣлъ въ виду свое вторичное посольство 1526 г.: онъ часто упоминаетъ о графѣ Нугарольскомъ, который сопутствовалъ ему въ этомъ путешествіи. Списка этого года у насъ нѣтъ; но недостатокъ этотъ неимѣетъ большой важности, потому что при нашемъ дворѣ порядокъ пріема и отпуска пословъ былъ всегда одинъ и тотъ же. На этомъ основаніи мы будемъ въ подтвержденіе извѣстій Герберштейна приводить слова статейнаго списка 1576 г., а иногда и извѣстія Котошихина. Общія замѣчанія Герберштейна касаются принятія пословъ на границѣ государства; вотъ слова его ([2]): «Посланникъ, приближаясь къ предѣламъ Московіи, отправляетъ кого нибудь изъ своихъ къ начальнику ближайшаго города съ извѣстіемъ, что онъ посланникъ такого-то государя и имѣетъ намѣреніе вступить въ предѣлы великаго князя. Тотчасъ начальникъ тщательно старается разузнать у посланнаго: отъ какого государя идетъ посолъ, какого онъ званія, ранга и какъ велика его свита. Узнавъ и принявъ въ соображеніе важность государя, отъ котораго посолъ идетъ, и важность самаго посла, отправляетъ кого нибудь изъ своихъ со свитою и приказываетъ принять и привести посла. Самъ же тотчасъ доноситъ великому князю о прибытіи посла». Дѣйствительно, когда послы пріѣзжали къ границамъ и увѣдомляли о своемъ прибытіи воеводъ ближайшихъ городовъ, воеводы должны были узнать: какого рода были эти пріѣзжіе, послы, посланники, или простые гонцы и немедленно отправить свѣдѣнія о томъ въ Москву; такъ въ записи, данной отъ Іоанна Васильевича Димитрію Елецкому ([3]) сказано: «а какъ на рубежѣ

([1]) См. Т. I стр. 193.
([2]) Rer. Mosc. Com. p. 120.
([3]) Памятн. дипл. снош. Т. 1.

съ цесарскими послы съѣдутся, и Князю Дмитрію молвити Цесарскимъ посламъ: Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи приказные люди велѣли мнѣ васъ встрѣтити и въ приставѣхъ у васъ быти и кормъ вамъ дорогою давати. А ѣдучи Князю Дмитрію съ ними дорогою развѣдывати: какіе люди послы у Цезаря и о какомъ дѣлѣ чаяти къ Государю идутъ, и послы ли, или посланники, или гонцы и отъ самаго ли Цезаря, или отъ совѣтниковъ идутъ и съ котораго мѣста отъ Цезаря поѣхали? да что о томъ провѣдаетъ и ему о томъ отписати къ Государю». При встрѣчѣ, говоритъ Герберштейнъ, наблюдается слѣдующая церемонія (¹):

«Посылаютъ вѣстника къ послу съ тѣмъ, чтобы онъ уговорилъ его слѣзть съ коня, или повозки. Если же посолъ будетъ отговариваться усталостью, или нездоровьемъ, тогда возражаютъ, что неприлично иначе, какъ стоя, предлагать и слушать слова государя.—Посланный также весьма тщательно остерегается, чтобы не сойти первому съ коня, или повозки, и чтобы тѣмъ не унизить достоинства своего государя; но какъ только замѣтитъ, что посолъ уже слѣзъ съ лошади, то въ тоже время и самъ сходитъ». Эти слова Герберштейна находятъ подтвержденіе въ записи, данной Михаилу Далматовичу Карпову (²); въ ней сказано: «а съѣхався съ послы, Михаилу съ товарищи велѣти молвити толмачу, что до нихъ рѣчь Государская, и они бъ изъ саней вышли. И какъ изъ саней пойдутъ послы, и Михаилу съ товарищи съ саней выйти же вмѣстѣ съ послы и молвити рѣчь». Въ параллель къ этому извѣстію приведемъ слова Котошихина (³) «А въ наказѣхъ столнику и дьяку пишется: какъ они съѣдутся съ великими послы и онибъ говорили рѣчь по наказу, напередъ пословъ, а шапокъ бы напередъ пословъ не снимали и съ лошадей не ссадились». И такъ мы видимъ, что церемонія эта была утверждена временемъ и обычаемъ народа. Герберштейнъ хотѣлъ поступить противно ему, и потому не удивительно, что на первыхъ порахъ пришлось ему поссориться со своимъ встрѣчникомъ. Герберштейнъ не хотѣлъ уважить просьбы встрѣчника и слѣзть съ коня, отговариваясь усталостію; тотъ не соглашался въ такомъ случаѣ привѣтствовать его отъ имени великаго князя.—Герберштейнъ, не зная еще хорошо обычаевъ нашего двора, и думая, что это капризъ встрѣчника, рѣшительно объявилъ, что онъ первый не сойдетъ. Встрѣчникъ, имѣя на

(¹) Rer. Mosc. Com. 121.
(²) Памят. дипл. сношн. Т. 1.
(³) О Россіи въ царств. Алек. Мих. Глава V·

своей сторонѣ справедливость, настаивалъ. Наконецъ, Герберштейнъ съ помощью хитрости успѣлъ положить конецъ этой сценѣ: онъ выдвинулъ ногу изъ стремени и показывалъ явное намѣреніе тотчасъ же спрыгнуть съ сѣдла. Встрѣчникъ, не сообразивъ дѣла, быстро соскочилъ и съ удивленіемъ увидѣлъ Герберштейна еще въ сѣдлѣ.—Сцена эта чрезвычайно занимательна и рисуетъ намъ тогдашній этикетъ нашего двора. Для услугъ посламъ, вступающимъ въ предѣлы государства, назначались приставы, всѣ дѣйствія которыхъ опредѣлены были наказами и записями: имъ предписывалось вести пословъ съ особенной торжественностью, останавливаться на опредѣленныхъ мѣстахъ, посылать частыя извѣщенія въ Москву, ожидать приказовъ и заботиться о содержаніи пословъ (1). Этимъ и объясняется та медленность, съ которою было ведено посольство отъ границы до Смоленска. Герберштейнъ пишетъ, что едва на четвертыя сутки попали они въ Смоленскъ, отстоящій отъ границы на 12 германскихъ миль. Сперва послы терпѣливо сносили эту медленность, хотя имъ и приходилось проводить почи на открытомъ воздухѣ, наконецъ это имъ наскучило, и Герберштейнъ рѣшился поступить противно обычаямъ двора. Считая приставовъ главными виновниками этой медленности и не взирая на ихъ просьбы, онъ рѣшился, минуя мѣсто, назначенное для ночлега, въ тотъ же день прибыть въ Смоленскъ, а потому ускорилъ ѣзду. Правда онъ достигъ Смоленска, но въ крѣпость въ тотъ день небылъ допущенъ, а принужденъ бытъ переночевать вдали отъ крѣпости въ столь узкихъ палаткахъ, что ни какъ нельзя было, говоритъ онъ, ввести лошадей, не выломавъ дверей. Слѣдующую ночь они провели тоже внѣ крѣпости и только потомъ уже были впущены въ нее; но здѣсь, какъ бы въ наказаніе за свою поспѣшность, принуждены были прожить десять дней. Приставамъ строго запрещалось измѣнять наказъ, и потому Герберштейнъ ошибался, признавая ихъ главными виновниками медленности. Подобныя сцены случались часто и въ послѣдующее время. Такъ вспомнимъ наказъ Іоанна Васильевича Дмитрію Елецкому (2), въ которомъ предписывалось ему стоять съ послами въ Дорогобужѣ и ждать царскаго указа. Здѣсь повторилось тоже неудовольствіе, какое имѣлъ Герберштейнъ съ приставами въ слѣдствіе ужасной медленности. Вотъ что пишетъ Дмитрій Елецкій великому князю: «А какъ, Государь, сказалъ азъ посламъ то, что имъ въ Дорогобужѣ пробыть до твоего Го-

(1) Т. 1 Памятн. дипл. снош.
(2) Т. 1 Памятн. дипл. снош.

сударева указа, и они, Государь, во великое сумнѣніе вошли, а говорятъ мнѣ съ великими гнѣвными словами, а хотятъ ѣхати къ Москвѣ.» Великій князь писалъ въ отвѣтъ, приказывая ему передать посламъ, чтобъ они дѣлали такъ, какъ имъ велятъ: «пріѣхали они неуказывати». Самъ Герберштейнъ немного далѣе какъ бы сознается въ несправедливости обвиненія приставовъ, говоря: «на сколько поспѣшно мы пріѣхали въ Смоленскъ, на столько долѣе были здѣсь удержаны: (1)» Герберштейнъ еще обвиняетъ приставовъ въ томъ, что они весьма худо заботятся о приготовленіи пищи и разсказываетъ, что въ одной деревушкѣ онъ имѣлъ крупное объясненіе съ своимъ приставомъ, который и самъ недавалъ ему пищи, и не позволялъ покупать. Не знаемъ на сколько эта вина пристава можетъ быть признана умышленною, но во всякомъ случаѣ приставъ виноватъ, потому что имъ строго предписывалось заботиться о продовольствіи пословъ, предписывалось «давать кормъ».

Въѣздъ посольства въ Москву Герберштейнъ описываетъ такимъ образомъ: (2) «подъѣзжая къ городу увидѣли мы нѣсколькихъ лицъ, назначенныхъ для встрѣчи насъ, они стояли длиннымъ рядомъ на подобіе войска и когда мы приблизились, они слѣзли съ лошадей, что и мы въ свою очередь сдѣлали». Потомъ встрѣчники отъ имени великаго князя спрашивали о здоровьи ихъ государей, далѣе обращались къ самимъ посламъ, спрашивая о здоровьѣ каждаго изъ нихъ, наконецъ предложили отъ имени своего государя Герберштейну и графу двухъ иноходцевъ съ сѣдлами и двухъ простыхъ лошадей. «Когда мы благодарили,» говоритъ Герберштейнъ, «они протянули намъ руки и спрашивали по порядку,—благополучно ли мы ѣхали? Наконецъ сказали, чтобы мы сѣли на подаренныхъ лошадей, и тѣмъ почтили государя ихъ». Въ статейномъ спискѣ 1517 г. (3) сохранилось совершенно согласное извѣстіе о встрѣчѣ Герберштейна предъ городомъ: «Апрѣля 17 дня прислали отъ посла съ останочнаго яма приставове вѣсть, что посолъ Максимьяна Жигимонтъ пріѣхалъ на останочный ямъ и Князь Великій велѣлъ Тимоѳею Хлуденеву встрѣтити Жигимонта на дорозѣ у Николы въ Хинску, Апрѣля 18; а встрѣтивъ велѣлъ его отъ себя о здоровьи вспросити а молвити: Великій Князь Василій, Божьею милостью Царь и Государь всея Русіи и В. Князь велѣлъ мнѣ тебя о здоровьѣ вспросити, по здорову ли еси ѣхалъ? Великій

(1) Rer. Mosc. Com. 123.
(2) Ibid. 124.
(3) Т. 1 Памятн. дипл. снош.

Государь Василій и проч. велѣлъ мнѣ тебѣ подворье указати. Да послалъ съ нимъ Князь Василій къ Жигимонту пноходецъ, да съ нимъ же пріѣхалъ сестричичъ его Янъ Фонтуринъ и Князь Великій послалъ къ нему иноходецъ же и проч».—Для услугъ посламъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для наблюденія за ними опредѣлялись приставы, которые попремѣнно дневали и почевали на ихъ подворьѣ. Они должны были смотрѣть за порядкомъ въ подворьѣ, чтобы «кормъ выдавали посламъ добрый по росписи,» а еслибы послы спросили чего сверхъ росписи, о томъ докладывать напередъ боярамъ и поступать по ихъ приказамъ.

Такъ въ наказѣ, данномъ въ 1576 г. (¹), по случаю пріѣзда цесаревыхъ пословъ сказано:—«и жити у пословъ, перемѣняяся по днемъ и почевати князю Михаилу и князю Дмитрію, а жити въ свой день безотступно, а дьяку Василью жити по всякой день. А кормъ давати посламъ Игнатью Зубову да Данилу Прокофьеву, а князю Дмитрію и князю Михаилу надъ ними того смотрѣти, чтобы кормъ сполна отдавали посламъ по росписи. А чего въ запросъ попросятъ послы цесаревы, а приставамъ давати посламъ въ запросъ, чтобы во всемъ посламъ въ кормѣхъ было довольно». Этими словами наказа совершенно подтверждаются извѣстія Герберштейна, который говоритъ, что по размѣщеніи ихъ на квартиры, приставы опредѣлили къ нимъ по одному чиновнику, которымъ поручено было доставлять посламъ пищу и другія необходимыя вещи. Каждый день приставы являлись и спрашивали у пословъ, все ли нужное они получаютъ? «Приставники, говоритъ Герберштейнъ, имѣютъ опредѣленную письменнымъ образомъ мѣру для всего: сколько давать хлѣба, вина, мяса и проч.»—День назначенный для аудіенціи объявлялся заранѣе послу (²), и потомъ каждый день посылались повторительныя объявленія. Такъ во время перваго посольства Герберштейна назначенъ былъ вторникъ 21 апрѣля для аудіенціи, за два дня было уже объявлено объ этомъ Герберштейну и потому 19 и 20 числа приходили нарочные съ повтореніемъ. Въ день представленія присылались бояре на подворье къ посламъ съ тѣмъ, чтобы взять ихъ и привести во дворецъ. Еще ранѣе посылался кто нибудь изъ нижнихъ чиновъ объявить о скоромъ прибытіи бояръ: «а напередъ Тимошки велѣлъ Князь Великій ѣхати къ Жигимонту Власу толмачу, а велѣлъ ему сказати, что великій государь послалъ по тебя къ себѣ на посольство своего *великаго* че-

(¹) Т. I Памятн. дипл. снош.
(²) Т. 1 Памятн. дипл. снош.

ловѣка, который у него въ избѣ живетъ, да ты бы его почтилъ бы, встрѣтилъ и поѣхалъ бы вмѣстѣ съ нимъ къ нему на дворъ». Сравнивъ это мѣсто статейнаго списка перваго посольства Герберштейна съ соотвѣтственнымъ ему мѣстомъ записокъ Герберштейна, мы найдемъ удивительное согласіе. Герберштейнъ удивляется той медленности, которая соблюдалась при назначеніи дня къ представленію посольства. «Назначатъ день», говоритъ онъ, а потомъ и откладываютъ. Накунунѣ назначеннаго дня два раза приходили ко мнѣ приставы и напоминали, что завтра мы будемъ представлены; въ день аудіенціи тоже два раза приходили они съ тѣмъ же, наконецъ пришелъ приставъ и объявилъ, что скоро придутъ за нами великіе люди и что мы должны ихъ встрѣтить (1)». Замѣтно, что Герберштейнъ не свыкся еще съ этикетомъ нашего двора и не понималъ, что этою медленностью и этими церемоніями предки наши думали придать особенную торжественность посольству. Слѣдуя порядку изложенія Герберштейна, далѣе слѣдуютъ описанные имъ два обычая нашего двора, соблюдаемые при проѣздѣ пословъ во дворецъ: одинъ касается того, что во время проѣзда пословъ по обѣимъ сторонамъ дороги находится множества народа и войска. «У нихъ есть обычай», говоритъ Герберштейнъ, «что когда знаменитые посланники иностранныхъ князей и царей, бываютъ ведены во дворецъ, въ то время изъ близлежащихъ и сосѣдственныхъ областей, призываются, по приказанію князя, всѣ дѣти боярскіе и воины, всѣ въ городѣ лавки и мастерскія запираются на это время, купцы и продавцы разгоняются съ площади и граждане отовсюду сходятся». «Для того это дѣлается», прибавляетъ Герберштейнъ, «чтобы чужестранцы могли видѣть могущество князя, и чтобы народъ изъ великолѣпныхъ посольствъ могъ заключить объ уваженіи, какое къ государю ихъ имѣютъ чужестранные государи» (2). Не знаю на сколько справедливо послѣднее заключеніе. Я думаю, что это скорѣе составляло пріятное зрѣлище для народа, чѣмъ заставляло чрезъ то болѣе уважать своего государя. Съ первымъ заключеніемъ можно согласиться. Дѣйствительно можетъ быть и бывала у великаго князя при томъ мысль показать чужестранцамъ свое могущество. Что касается до самаго факта, то онъ совершенно справедливъ. Въ наказѣ великаго князя Борису Ивановичу, намѣстнику смоленскому, по случаю проѣзда чрезъ этотъ городъ Яна, «сестричича» Герберштейна, сказано (3): «И

(1) Rer. Mosc. Com. p. 125.
(2) Ibid. 120.
(3) Т. I Памяти. дипл. снош.

какъ тотъ Максимьяновъ человѣкъ въ городъ въѣдетъ, а ты бы сѣлъ во своей избѣ на своемъ мѣстѣ, а у тебя бы были наши воеводы всѣ, да и дѣти боярскіе добрые и князи и бояре Смоленскіе, которымъ пригоже, а иные бъ дѣти боярскіе были у тебя въ сѣняхъ, иные во дворѣ, да и на площади бы дѣти боярскіе были и въ городѣ на улицахъ, чтобы людей много видѣти было». Котошихинъ [1] говоритъ про это слѣдующее: «Да тогожъ дни, какъ послы будутъ въ Москвѣ, велятъ быти на встрѣчѣ спальникамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, дьякамъ, жильцамъ, гостемъ, подъячимъ, стремяннымъ, конюхамъ, дворовымъ людямъ, торговымъ людемъ посотенно и въ городѣ и на площади и до Посольскаго двора поставлены бываютъ стрѣльцы, по служебному обычаю».— Приведенныя нами мѣста достаточно подтверждаютъ слова Герберштейна, но прямаго указанія на цѣль, съ которою все это дѣлалось, мы не видимъ. Далѣе Герберштейнъ описываетъ обычай, по которому никто не имѣлъ права подъѣхать на лошади къ крыльцу царскому, и въ слѣдствіе этого самъ Герберштейнъ принужденъ былъ слѣзть и итти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Дѣйствительно этотъ обычай существовалъ и имѣлъ примѣненіе не только къ двору царскому, но даже и къ домамъ бояръ. При дворѣ это былъ этикетъ, а при домахъ бояръ этимъ обозначался особенный почетъ хозяину дома. Герберштейнъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ [2], говоря объ отношеніи простаго народа къ боярамъ, высказываетъ такую мысль, что простые люди почти неимѣютъ къ боярамъ доступа и не могутъ въѣхать верхомъ на боярскій дворъ. Этимъ Герберштейнъ хочетъ дать понятіе о высокомѣріи и гордости бояръ; но онъ, кажется, ошибался, дѣлая подобное заключеніе. При дворѣ обычай ходить пѣшкомъ къ крыльцу—строго соблюдался и нарушеніе его считалось нарушеніемъ чести государева дворца и строго наказывалось. Такъ неудивительно, что Герберштейну пришлось слѣзть и пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Встрѣчу во дворцѣ Герберштейнъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: [3] «Когда мы пришли на средину лѣстницы, встрѣтили насъ великокняжескіе бояре, которые, взявъ насъ за руки и поцѣловавшись, повели насъ далѣе. Лишь только поднялись мы на лѣстницу, встрѣтили насъ другіе бояре уже высшей степени—первые удалились и, поклонившись, протянули намъ руки. Когда же мы вступили въ палаты, гдѣ кругомъ стояла толпа благо-

(1) См. Главу V.
(2) Rer. Mosc. Com. p. 55.
(3) Jbid. p. 126.

роднихъ, тогда первѣйшіе совѣтники встрѣтили насъ и по сказанному порядку привѣтствовали. Потомъ мы были введены въ другую комнату, которая была занята князьями и другими благороднѣйшими особами, которые по порядку и числу бывают избираемы въ бояре и наконецъ въ комнату «князя». Встрѣча пословъ во дворцѣ опредѣлялась тоже обычаемъ; но при этомъ наблюдалось достоинство и важность пословъ и согласно съ этимъ бывали посламъ одна, двѣ и даже три встрѣчи. Такъ въ спискѣ 1517 г. (¹) въ такихъ словахъ описывается встрѣча Герберштейна: «И какъ пріѣхалъ на дворъ и Князь Василій послалъ его встрѣтити, сшедъ съ лѣстницы у Благовѣщенья въ паперти Шигону Поджогина да Сумароки Путятина; а какъ взошелъ на переходы большіе палаты и середніе, ино его встрѣтити на переходахъ у середней палаты, у угла Михайло Юрьевъ и проч. да ити съ нимъ въ избу къ Великому Князю». Герберштейнъ въ своемъ описаніи имѣлъ въ виду свой вторичный пріѣздъ; но мы не имѣемъ списка этого года; впрочемъ недостатокъ этотъ не имѣетъ большой важности потому, что и изъ приведеннаго нами мѣста достаточно ясна справедливость показанія Герберштейна. Герберштейнъ удивляется, что когда онъ проходилъ и кланялся кому нибудь, или наконецъ заговаривалъ къ кѣмъ нибудь изъ стоящихъ кругомъ, то никто ему не отвѣчалъ на поклонъ и не отвѣчалъ на его вопросы. «Никто изъ окружающихъ,» говоритъ Герберштейнъ «не оказывалъ намъ ни малѣйшей почести, даже если мы проходили мимо кого нибудь намъ коротко знакомаго и кланялись ему или говорили, то онъ неотвѣчалъ ни слова и какъ будто показывалъ тѣмъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ насъ и не получилъ отъ насъ привѣтствія». Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда это кажется страннымъ; но для объясненія этого приведемъ слова наказа, даннаго Іоанномъ Васильевичемъ при принятіи Кобенцеля въ 1576 г. (²) «А какъ послы поѣдутъ на дворъ, и по улицамъ бы съ посольными людьми не говорилъ одно лично никто ничего, отъ того имъ ѣдучи улицами, беречь накрѣпко, а кто къ посламъ, или къ ихъ людемъ учнетъ приходити и кто съ ними учнетъ говорити, а Михаилу Далматьевичу съ товарищи того человѣка велѣти поймати и прислати къ Государю». Стало-быть извѣстіе Герберштейна, которое съ перваго взляда кажется вымышленнымъ и нелѣпымъ, на повѣркѣ выходитъ справедливымъ. Все дѣлалось по

(¹) Т. 1 Памятн. дипл. снош.
(²) Т. 1 Памятн. дипл. снош.

приказу государя. Этими словами объясняются слова наказа, а словами наказа подтверждается въ свою очередь извѣстіе Герберштейна. Описывая аудіенцію у великаго князя, Герберштейнъ прежде всего представляетъ изображеніе самого великаго князя, потомъ переходитъ къ описанію церемоніи. Описаніе великаго князя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представился вошедшимъ посламъ, чрезвычайно любопытно (1): «Князь сидѣлъ, говоритъ Герберштейнъ, съ обнаженною головою на возвышенномъ блестящемъ мѣстѣ, надъ нимъ на стѣнѣ блисталъ образъ какого-то святаго. По правую сторону стояла скамейка, на которой лежала его шапка (Kopack), а по лѣвую на другой скамьѣ палка съ крестомъ (Posoch), умывальница и двѣ кружки съ полотенцемъ». При принятіи Кобенцеля въ 1576 г. царь и великій князь сидѣлъ въ брусяной избѣ и въ русскомъ саженомъ платьѣ, въ царской шапкѣ и въ діадемѣ, а въ рукахъ былъ скипетръ.—Въ слѣдъ за этимъ Герберштейнъ помѣщаетъ извѣстіе, которое не только не можетъ быть подтверждено, но даже и объяснено: «Говорятъ, что князь когда протягиваетъ руку послу римской вѣры, то думаетъ, что онъ протягиваетъ ее человѣку неопрятному и нечистому, и потому тотчасъ ее моетъ (2)». Откуда взялъ Герберштейнъ это извѣстіе не извѣстно; но во всякомъ случаѣ оно несправедливо. Антоній Поссевинъ во время разговора съ нашими боярами разъ сослался на это мѣсто Герберштейна. Бояре въ отвѣтъ Антонію объявили Герберштейна, два раза столь обласканнаго въ Москвѣ, неблагодарнымъ клеветникомъ, вsклепавшимъ небылицу на государей московскихъ. «А ты Антоней», прибавили они, «къ себѣ почесть всякую самъ видишь, а тебѣ нечего слушати такихъ старыхъ баломутныхъ книгъ (3)».

При дворѣ нашемъ былъ обычай, чтобы при входѣ въ палату пословъ, одинъ изъ придворныхъ представлялъ ихъ царю, говоря: «Великій государь, царь и великій князь всея великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержецъ и проч. такой-то посолъ вамъ, великому государю челомъ бьетъ».—Герберштейнъ признавая это обычаемъ, все таки удивляется, какимъ образомъ чиновникъ этотъ можетъ дѣлать это, не испросивъ у пословъ согласія, а единственно по своей волѣ. Вотъ его слова (4): «Одинъ изъ первыхъ бояръ самъ собою безъ всякой съ нашей стороны просьбы, слѣдуя Русскому обыкновенію, обра-

(1) Rer. Mosc. Com. p. 127.
(2) Ibid.
(3) См. Ист. Карамз. Т. IX стр. 634.
(4) Rer. Mosc. Com. p. 126.

тился къ великому князю съ слѣдующими словами: «Великій Государь! Графъ Леонардъ бьетъ челомъ», и проч. Церемоніи, соблюдаемыя на аудіенціяхъ при нашемъ дворѣ, оставались безъ перемѣны; послы говорили привѣтственныя рѣчи, отъ имени государей своихъ *правили поклонъ* и спрашивали о здоровьѣ великаго князя. Государь съ своей стороны также спрашивалъ о здоровьѣ ихъ государей. По окончаніи привѣтствія царь звалъ пословъ къ рукѣ и наконецъ сажалъ ихъ на скамьѣ предъ собою. Въ спискѣ 1490 г. (¹) такъ описывается пріемъ во дворцѣ посла отъ Максимиліана, короля римскаго, Юрія Делатора: «А какъ пришелъ къ Великому Князю и онъ отъ Короля отъ Максимьяна къ Великому Князю правилъ поклонъ. И Князь Великій всталъ, да вспросилъ его о Королевѣ здоровьѣ, да и руку ему подалъ—стоя, да велѣлъ ему сести на скамейкѣ противу себя близко». Такъ какъ все это совершалось по установленному обычаю, то и неудивительно, что описаніе Герберштейна согласно съ сказаннымъ мною. Вотъ его слова: «Когда мы по порядку высказывали привѣтствіе князю, то переводчикъ толковалъ отъ слова до слова. Слыша между прочимъ имена Карла и Фердинанда, великій князь приподнимался и сходилъ съ скамейки; наконецъ, выслушавъ до конца наше привѣтствіе, сказалъ: «Какъ здравствуетъ братъ нашъ Карлъ, избранный римскій императоръ и верховный царь»? Графъ тогда отвѣчалъ: «здоровъ». Тогда онъ подошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ. Также, когда я окончилъ свое привѣтствіе, спрашивалъ о Фердинандѣ. Потомъ каждаго изъ насъ по порядку призывалъ къ себѣ и говорилъ: «дай мнѣ руку»; мы исполняли, онъ протягивалъ свою и спрашивалъ: «благополучно ли каждый изъ насъ пріѣхалъ и проч.».

Не дѣлая никакихъ выводовъ, изъ одного сопоставленія уже достаточно видна вѣрность показанія Герберштейна.—Далѣе Герберштейнъ говоритъ о подаркахъ, или *поминкахъ*, доставляемыхъ литовскими, ливонскими и шведскими послами, о томъ, какъ они предлагаются и бываютъ принимаемы, и заключаетъ свои слова слѣдующими выраженіями: «Напоминали они и намъ о подаркахъ, но мы отвѣчали, что *у насъ нѣтъ такого обычая* (²)». Это выраженіе ни коимъ образомъ не можетъ быть объяснено въ пользу автора, потому что въ статейныхъ спискахъ мы читаемъ совершенно противное, въ спискѣ 1496 г. (³)

(¹) Т. I. Памяти. дипл. снош.
(²) Rer. Mosc. Com. p. 127.
(³) Т. I. Памят. дипл. снош.

сказапо: «а опослѣ грамоты подалъ Юрій Делаторъ отъ Короля Великому Князю помппокъ: бархатъ Венедитцкой, темносипь, гладокъ». Въ спискѣ 1492 г. тотъ же Юрій, по случаю своего вторичнаго прiѣзда въ Россію, говоритъ на аудіенціи: «Наиясиѣйшій и Насвѣтлѣйшій Начальникъ и Государь братъ твой Государь Краль-Римскій, па воспомипанье любви драгой и братству доброхотѣнья, послалъ сесь помппокъ Величеству твоему: едипъ поставецъ скорлату и едипъ поставецъ адамошки (1)». Въ спискѣ 1576 г.: «Цесаревы послы Янъ Кобендцеля да Даніилъ Прпицъ подали Государю Царю и Великому Князю отъ Максимильяна Цезаря поминки ланцугу золоту съ каменьемъ, а па пей имя Цесаря Римскаго и съ его Цесарскимъ вѣнцомъ (2)». И такъ мы видимъ, что и прежде и послѣ Герберштейна существовалъ при императорскомъ дворѣ обычай присылать съ послами поминки. Какъ же послѣ этого понимать выраженіе Герберштейна: *у насъ нѣтъ такого обычая?* За неимѣніемъ статейнаго списка 1526 г., когда представлялись графъ нугорольскій и Герберштейнъ великому князю, нельзя съ увѣренностію сказать, были-ли съ ними поминки. Даже скорѣе и вѣрнѣе можно сказать, что небыло, потому что и въ первомъ посольствѣ 1517 г., статейный списокъ котораго мы имѣемъ, ни слова не упоминается о поминкахъ, Но приведенныя мѣста свидѣтельствуютъ, что поминки бывали ранѣе и были послѣ. Стало быть справедливѣе думать, что Герберштейнъ долженъ былъ сказать, что у нихъ нѣтъ поминковъ съ собою.

Въ концѣ этой главы Герберштейнъ описываетъ тѣ церемоніи, которыя были соблюдены при заключеніи перемирія съ послами польскими и при врученіи имъ докончательныхъ грамотъ. Герберштейнъ, какъ лицо офиціальное, представлявшее собою особу эрцгерцога Фердинанда, самъ присутствовалъ при этомъ, видѣлъ всѣ церемоніи и оставилъ намъ подробное и любопытное описаніе ихъ. Неимѣя статейнаго списка этого года, когда было заключено перемиріе, мы не можемъ ни утвердить его, ни опровергнуть. Еще разъ скажу, что описаніе Герберштейна въ высшей степени любопытно, вслѣдствіе этого позволю себѣ разсказать содержаніе этого мѣста. Послы польскіе и нѣмецкіе, сперва были приглашены въ извѣстную комнату, гдѣ имъ бояре объявили о намѣреніи великаго князя заключить перемиріе и покончательныя грамоты, потомъ послы

---

(1) Т. 1. Памят. дипл. снош.
(2) Т. 1. Памят. дипл. снош.

были позваны предъ лицо государя. По приказанію его они сѣли, и тотъ началъ говорить рѣчь, потомъ призвалъ совѣтника и велѣлъ снять со стѣны крестъ. Снявъ крестъ, совѣтникъ держалъ его въ правой рукѣ, между тѣмъ секретарь держалъ въ обѣихъ рукахъ перемирныя грамоты. Тутъ великій князь снова обратился къ посламъ съ рѣчью, по окончаніи которой приложился къ кресту, сперва челомъ, потомъ каждымъ глазомъ; но еще прежде этого онъ отеръ уста полотенцемъ и плюнулъ на землю. Поцѣловавъ крестъ, онъ отступилъ.—Приступили литовскіе послы; но прежде чѣмъ они приложились, русскій читалъ имъ приписку къ грамотамъ, въ которой онѝ обязывались держать твердо то, что постановлено въ грамотахъ. Послы литовскіе повторяли слово за словомъ. Потомъ послы цѣловали крестъ, великій князь снова говорилъ рѣчь, наконецъ призвалъ пословъ къ рукѣ и отпустилъ ихъ (1).

Здѣсь оканчиваются наши выписки и сравненія. Степень достовѣрности этихъ извѣстій Герберштейна уже достаточно ясна изъ приведенныхъ нами сравненій и сопоставленій. По полнотѣ же своей и правдивости, и по интересу изложенія—извѣстія эти могутъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ нашимъ статейнымъ спискамъ.

Верховная власть и формы правленія.

Герберштейнъ даетъ понятіе о правленіи и о неограниченной власти великаго князя. Превосходно обрисовываетъ онъ удивлявшее его самовластіе русскаго государя и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. «Скажетъ и сдѣлано, говоритъ Герберштейнъ: жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависятъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ божества. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они. Усердіе подданныхъ невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко отвѣчалъ: ахъ, господинъ баронъ! мы служимъ государю не по

(1) Rer. Moscov. Com. p. 124—136.

вашему. Не знаю, прибавляетъ Герберштейнъ, свойство-ли народа требовало такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство». Политика Василья Іоанновича выражена коротко и сильно: multas provincias non tam bello, in quo erat infelicior, quam industria imperio suo adjecit. На стр. 15, изображенъ титулъ великаго князя. Мы здѣсь кстати приведемъ небольшое изслѣдованіе о титулѣ нашихъ государей.

До Василія Іоанновича, русскіе государи именовались великими князьями, то есть такими, которые управляли многими княжествами и слѣдовательно имѣли преимущество предъ прочими князьями, владѣвшими отдѣльными княжествами. Иностранные вѣнценосцы дали имъ эпитетъ: magnus dux или magnus princeps. Симеонъ Іоанновичъ и Василій Димитріевичъ именовались великими князьями всея Руси (¹). Изяславъ II (²) и Димитрій Донской (сказ. о Мам. побоищѣ) назывались царями. Іоаннъ III принималъ имя царя въ сношеніяхъ съ иностранцами (³). Василій Іоанновичъ принялъ окончательно титулъ царя, не выражая однако этимъ идеи неограниченнаго самодержца, въ какомъ смыслѣ принялъ этотъ титулъ Іоаннъ IV. Много спорили о происхожденіи этого слова; одни производили его отъ библейскихъ именъ: Валтассаръ, Навуходоносоръ и пр., другіе видѣли въ немъ сокращеніе римскаго Caesar. Библейскій βασιλευς всегда переводится именемъ царя. Въ лѣтописяхъ и государственныхъ актахъ называются царями: императоры византійскіе, ханы кипчакскіе, султаны турецкіе. Василій Іоанновичъ такъ высоко ставилъ царское достоинство, что, по словамъ Герберштейна, причислялъ королей къ числу своихъ вассаловъ: Czar solum Caesarem seu Imperatorem dici existimant: unde factum ut Rutheni interpretes audientes Principem suum ab externis nationibus sic appelari, coeperint et ipsi deinceps Imperatorem nominare, nomenque Czar dignius esse quam regis (licet idem significent) existimant etc.

Въ договорѣ, заключенномъ съ Альбрехтомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, противъ Сигизмунда, короля польскаго, Василій Іоанновичъ называетъ себя: Dei Gratia Imperator et Dominator totius Russiæ (⁴). Францискъ да Колло перевелъ, по указанію русскихъ толмачей, титулъ царя такъ: «il Gran Signore per

---

(¹) См. въ собр. госуд. грамотъ духовную Сим. Іоан. съ печатью I, 37, и завѣщаніе В. Д. также съ печатью I, 72.

(²) И. Г. Р. Т. II, стр. 160.

(³) Дѣла Крым. стр. 169.

(⁴) Bestand des russischen Kaiser-Titels. Riga 1742. 13.

Dio Gratia Imperator et Signor di tutta la Russia et gran Duca». Принцъ фонъ Бухау въ соч. Moscoviæ ortus et progressus, на на стр. 204, говоритъ, что по сказанію русскихъ, государи ихъ получили инператорское достоинство уже со временъ Владиміра отъ греческихъ императоровъ. Іовій называетъ великаго князя: Magnus Dominus Basilius, Dei Gratia Imperator (De legatione Basilii Magni Principis Moscoviæ ad Clementem VII). Василій Іоанновичъ, въ сообщенномъ Іовіемъ письмѣ къ папѣ, говоритъ о себѣ: Dei Gratia Imperator ac dominator totius Russiæ. Поссевинъ на стр. 7, 82 говоритъ: Magnus Dux sive Rex, sive Imperator nominatur. Въ Relation de trois Ambassades du Comte de Carlisle приводится (стр. 140) письмо Алексѣя Михайловича, начинающееся такъ: Notre Majesté Czarienne faisant reflexion sur le florissant estat de notre empire, etsur la sincère amitié, que notre Auguste Père de glorieuse mémoire Michel Phedorovitz, Empereur et Grand Duc de toute la Russie etc. Титулъ царя переводился словомъ императоръ, не только въ Россіи, но и вообще за границею. Герберштейнъ самъ говоритъ: cum omnes hunc Imperatorem apellent, и такимъ образомъ противорѣчитъ другому мѣсту нѣмецкой Московіи: aber der Rhaimer gibt jm solchen Titl. Одно это свидѣтельство имѣло бы уже достаточный авторитетъ, если бы мы не имѣли еще множества другихъ доказательствъ.

Древнѣйшіе письменные памятники, гдѣ русскіе великіе князья называются императорами, заключаются въ письмахъ, паспортахъ и другихъ документахъ, выданныхъ рижскимъ магистратомъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. По важнѣе ихъ грамата Максимиліана I къ Василію Іоанновичу, гдѣ послѣдній названъ императоромъ. Она написана 4 августа 1514 г. въ Брунеггѣ или Брундепахѣ въ Тиролѣ, на древненѣмецкомъ языкѣ, за подписью Максимиліана и съ золотою печатью. Эта грамата отпечатана по повелѣнью Петра Великаго въ Петербургѣ 1718 г. Ее можно найти у Щербатова IV, III. 309. Титулъ царя переведенъ: цесарь и обладатель Всероссійскій; Брунеггъ названъ Гундунь (1). Эта грамота содержитъ императорское предложеніе союза русскому государю противъ польскаго короля Сигизмунда. Несмотря на нѣкоторые нападки (2), подлинность ея несомнѣнна, потому что оригиналъ хранится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, а копія должна находиться въ Вѣнѣ.

---

(1) См. библіографію Сопикова ч. II № 3046 и описаніе старопечатныхъ книгъ гр. Ѳ. А. Толстова стр. 525.

(2) Des Kaisers Maxim. I vorgegebener Brief an Basil Ivan. Freistapl 1723 u. Everard Otto de Tit. Imp. Russ. p. 31.

Перштейнъ, посланникъ Рудольфа II, привѣтствовалъ въ 1579 г. Іоанна Васильевича словами: Caesar, Princeps et Domine! Въ 1675 г. 9 октября, въ Москвѣ заключенъ договоръ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, между бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ и императорскими послами Батоссомъ и Терлингомъ, чтобы на будущее время въ императорскихъ грамотахъ царь величался не *пресвѣтлѣйшествомъ*, а *величествомъ*. Въ латинской грамотѣ, упомянутой Миллеромъ въ его Saml. Russisch. Gesch. Th. II, S. 30, въ 1685 г. къ китайскому хану, царевичи Іоаннъ и Петръ назвали себя Imperatores. Вотъ примѣры, что англійскіе короли величали русскихъ государей императорами. Елисавета говоритъ о «the late Emperor Theodor Evanovich», и во многихъ грамотахъ называетъ великаго князя Іоанна Васильевича: «the mighty Emperor of all Russia», и «Your Imperial Majesty» (1). Вилліамъ Камбденъ говоритъ въ Vita Elisabethæ ad an. 1567: «Venerunt sub hoc tempus in Angliam Stephanus Twerdico et Theodorus Pogorella, a potentissimo illo Ioanne Basilide, Russorum et Moscorum Imperatore». Іаковъ I называетъ Іоанна Васильевича: «The Great Lord Emperor» (2). Такъ же писалъ Карлъ I въ 1626, 1637, 1631 и 1633 годахъ (тамъ же Th. II Beil. стр. 5, 7, 9, 62). Посолъ Карла II, графъ Карлейль привѣтствовалъ въ 1663 г. царя Алексѣя Михайловича словами: «Très-haut, très-puissant et très-illustre Prince, Grand Seigneur, Empereur et Grand Duc. (3) Французскій король Людовикъ XIII въ 1629 г. назвалъ Михаила Ѳеодоровича въ письмѣ: Sa Majesté Imperiale, а Людовикъ XIV Алексѣя Михайловича въ 1674 г. Empereur de Russie. Голландское посольство, пріѣхавшее въ 1630 г. назвало Михаила Ѳеодоровича: «aller Russen Keyser ende Groot Vorst.» Датскій король, Христіернъ III писалъ 3 Мая 1552 г. къ Іоанну Васильевичу, по случаю отправки въ Россію типографщика Ганса Бохбиндера и лютеранскихъ книгъ, что если *императору* и духовенству эти книги понравятся, то ихъ можно перевести на русскій языкъ (4).

Герберштейнъ подробно описываетъ (p. 19—20), по одной рукописи, которую съ трудомъ досталъ, обрядъ торжественнаго

---

(1) См. Richter's Gesch. der Medizin in Russland Th. I стр. 430, 434, 436, 447.

(2) См. Рихтера Th. II, Beilagen стр. 3.

(3) Relation de trois Ambassades p. 85, 88, 125.

(4) Латин. письмо Хр. III напечатано въ Theologisk Bibliot. udgivef af Jens Möller, Kopenhagen 1816 T. X. S. 326, и также въ Ergänz. Blätter zur Jen. Allg. Lit. Zeit. 1817 N 25.

коронованія Димитрія, внука Іоанна Васильевича, 4 февраля 1497 г. Въ различныхъ мѣстахъ встрѣчаются у Герберштейна описанія должностей придворныхъ чиновниковъ, при чемъ говорится о жалованьи безземельнымъ служащимъ. Нѣкоторые изъ нихъ получали чрезъ три года по 6 золотыхъ (aureos, gulden) за каждый годъ, другимъ производилось ежегодно по 12 золотыхъ, но съ тѣмъ, чтобы они содержали коней и всегда были готовы на всякое ратное дѣло. Исправлявшимъ знаменитѣйшія должности, какъ наприм. посламъ, давались, сообразно ихъ чину и званію, въ аренду воеводства и имѣнія, за которыя они должны были платить въ казну извѣстныя пошлины. Время аренды продолжалось обыкновенно 18 мѣсяцевъ, и только въ знакъ особеннаго благоволенія продолжалось еще нѣкоторое время.

Для исторія русскаго законодательства въ особенности важны переводы устава Владиміра и судебника Іоанна III, о чемъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

На стр. 54 Rev. Mosc. Com. помѣщены различныя замѣтки о юстиціи. Обыкновенною казнью были пытки и висѣлица. Казнь производилась зимою, такъ какъ лѣтомъ, послучаю войны, дворъ и засѣданія отсутствовали. Въ законахъ о пыткахъ или такъ-называемыхъ губныхъ граматахъ, формы пыткамъ не предписано. Извѣстія Герберштейна о судныхъ пыткахъ подтверждаются еще свидѣтельствами Іовія (p. 128). Въ этихъ жестокихъ пыткахъ, мы должны видѣть остатки татарскаго вліянія. Впрочемъ, въ средніе вѣка, пытки производились почти по всей Европѣ. На 54 стр. есть замѣчанія, относящіяся къ положенію крестьянъ, получавшихъ будто-бы только одинъ день въ недѣлю для обработыванія своего участка. Намъ кажется неестественнымъ, чтобы при такихъ условіяхъ, земледѣлецъ могъ прокармливать свою, часто многочисленную семью. Если же крестьянинъ, работая 5 дней на господина, получалъ отъ него содержаніе, то въ такомъ случаѣ работалъ въ это время и на господина и на себя (см. Флетчера листъ 46 на обор.). Есть замѣчанія и о рабахъ (p. 49), пріобрѣтавшихся силою, на войнѣ. Кто худо обращался съ хорошимъ и исправнымъ слугой, тотъ считался безчестнымъ (fit quodammodo infamis) и, вслѣдствіе этого, не могъ владѣть крѣпостными.

Доказательствомъ извѣстія Герберштейна о томъ что свободные замледѣльцы продали себя въ холопство, служитъ 77 статья Судебника, гдѣ сказано: «а который крестьянинъ съ пашни продается кому въ полную въ холопи и пр». Каждое постановленіе вызывается фактами.

Религія.

По желанію Фердинанда, Герберштейнъ изложилъ отдѣлъ о религіи съ особеннымъ стараніемъ. Его извѣстія этого рода относятся къ догматамъ, обрядамъ и членамъ іерархіи греко-россійской церкви.

Къ догматамъ можно отнести то, что онъ говоритъ вообще о религіи (стр. 27), о крещеніи (стр. 37), исповѣди (стр. 40), причащеніи (стр. 40), постѣ (стр. 42), почитаніи святыхъ (стр. 41), о праздникахъ (стр. 41), молитвахъ (стр. 20). Сюда же можно отнести буллу папы Александра VI 1501 г., гдѣ члены греческой церкви, переходящіе въ лоно католической, избавляются отъ вторичнаго крещенія; и еще одно посланіе митрополита Іоанна къ папѣ (стр. 30), въ которомъ доказывается, на основаніи постановленій 7-ми вселенскихъ соборовъ, что греческая церковь точнѣе соблюдала христіанскіе догматы, и что несмотря на это, она не называетъ католиковъ лжехристіанами, какъ они называютъ православныхъ. Объ этомъ посланіи мы упомянемъ подробнѣе въ литературномъ отдѣлѣ.

Не рѣшаясь говорить о вѣрности опредѣленія догматовъ, мы только замѣтимъ, что лучше бы было, если бы Герберштейнъ былъ осмотрительнѣе и не помѣщалъ иногда въ своихъ комментаріяхъ несовсѣмъ основательныхъ свѣдѣній, основанныхъ болѣе на устныхъ разсказахъ.

О церковныхъ обрядахъ, онъ говоритъ на стр. 19 и 46, описывая видѣнное имъ торжественное богослуженіе. На стр. 47 упоминаетъ объ обрядѣ при совершеніи таинства брака.

Герберштейнъ говоритъ о нашемъ духовенствѣ вообще (р. 20), о подсудимости его свѣтской власти (стр. 46), о десятой части имущества (стр. 46), объ одеждахъ духовенства (стр. 29, 30), о митрополитѣ (стр. 27). Далѣе упоминается объ архіепископахъ и епископахъ (стр. 28). архимандритахъ (стр. 29), игуменахъ (стр. 29) и объ устройствѣ монастырей.

Герберштейнъ говоритъ, что священникъ не можетъ совершать таинства безъ діакона. Мы знаемъ, что можетъ. Бѣлому духовенству второй бракъ воспрещается, а Герберштейнъ исчисляетъ случаи, въ которыхъ священнику дозволено вторично жениться. При объясненіи, что священники подпадаютъ за уголовныя преступленія свѣтскому суду, Герберштейнъ не дѣлаетъ оговорки, что они предаются свѣтскому суду только по лишеніи духовнаго сана. Судьба Максима Грека изображена не вѣрно. Неизвѣстно, кого разумѣлъ Герберштейнъ подъ именемъ магрицкаго архіепископа въ числѣ архіепископовъ москов-

скаго государства. Магрицкой епархіи въ Россіи не было, а былъ магрицкой монастырь въ нынѣшней владимірской губерніи, въ 30-ти верстахъ отъ александровской слободы. Разсказъ о чудесномъ горшкѣ въ троицко-сергіевскомъ монастырѣ, безъсомнѣнія, принадлежитъ суевѣрной черни.

Военное устройство.

Военныя силы, разумѣется не могли не обратить на себя вниманіе нашего писателя, и вотъ главнѣйшія черты, показанныя имъ.

Всѣ боярскія дѣти, обязанныя военной службой, считались каждые два или три года (р. 49), чтобы великій князь зналъ, какими силами можно было располагать въ случаѣ нужды. Одни служили безъ жалованья, другіе получали его, хотя и не постоянно (р. 49). Войну вели почти всегда, и даже во время мира стояло оборонительное войско въ 20,000 человѣкъ на границѣ противъ крымскихъ Татаръ, на Днѣпрѣ и Окѣ.

Когда возникала война, то герольды сзывали всѣхъ помѣщиковъ съ ихъ людьми, и всѣхъ боярскихъ дѣтей, для сбора на опредѣленномъ мѣстѣ, къ извѣстнымъ воеводамъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, собиралось сильное войско отъ 60, до 100,000 вооруженныхъ всадниковъ.

До Василія Іоанновича, продолжаетъ Герберштейнъ, не знали огнестрѣльнаго оружія, какъ и употребленія пѣхоты (р. 50), и то и другое великій князь ввелъ въ употребленіе въ войнѣ противъ казанскаго хана. Богатая и отличная артиллерія была составлена при помощи нѣмецкихъ и итальянскихъ литейщиковъ. Замѣтимъ, что огнестрѣльное оружіе явилось въ Россіи еще въ 1389 г., когда изъ нѣмецкой земли привезли «арматы и стрѣльбу огненную». При нашествіи Татаръ, во время Василія Темнаго, были выставлены на московскихъ стѣнахъ пушки (1). Въ 1488 г. Павелъ Дебосисъ слилъ въ Москвѣ огромную царь-пушку (2). Слѣдовательно мнѣніе Герберштейна неосновательно.

При Герберштейнѣ былъ составленъ пѣхотный корпусъ изъ 1500 Литовцевъ и другихъ иноземцевъ; русскіе служили въ кавалеріи. Лошади были маленькія, легко осѣдланныя и управлялись безъ шпоръ, посредствомъ канчука. Солдатъ, какъ и те-

---

(1) И. Г. Р. Т. V. стр. 119 и 331.
(2) Тамъ же Т. VI. стр. 50.

перь, былъ пріученъ къ всякаго рода трудностямъ и переносилъ жесточайшія лишенія съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Въ походѣ, у каждаго былъ мѣшочекъ толокна отъ 8—10 фунтовъ, ветчина, лукъ, соль и перецъ съ необходимою посудою и орудіями. Оружіе заключалось въ лукахъ, стрѣлахъ, копьяхъ, сабляхъ, кинжалахъ, палицахъ; тѣло защищалось панцырной рубашкой и остроконечнымъ шлемомъ. Войско подвигалось быстро и смѣло, и безъ труда уничтожало встрѣчавшіяся препятствія (p. 139); лагерь строился на открытомъ мѣстѣ и ничѣмъ не защищался (p. 51). Нападеніе русскихъ было непреодолимо (p. 51), но не продолжительно. Они какъ-бы говорятъ непріятелю: бѣги или мы сами побѣжимъ! Очертивъ бѣгство татарина и турка, Герберштейнъ продолжаетъ: гонись за русскимъ; онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но никогда за то ни проситъ пощады. Руби, рѣжь его—молчитъ и падаетъ. Каждое, сколько нибудь укрѣпленное мѣсто удерживало непріятеля и осада обходилась ему дорого (p. 50), Сюда же можно отнести общественные поединки (p. 54), русскіе турниры, употреблявшіе всякое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго. Василій Іоанновичъ запретилъ русскимъ состязаться съ иноземцами.

Смотря на замѣтки о нашемъ военномъ искуствѣ и храбрости, нельзя не замѣтить, что Герберштейнъ слишкомъ мало оцѣнилъ военныя доблести русскихъ. Онъ не сообразилъ, что это народъ, который принялъ на себя удары монголовъ, направленные на Европу, перенесъ ихъ безо всякой посторонней помощи, единственно твердостію своего духа, и не только свергъ съ себя ненавистное ярмо, но даже возвратилъ свою прежнюю власть надъ другими народами.

Кстати вспомнимъ разсказъ нашего безсмертнаго врага Баторія о томъ, какъ русскіе отстаиваютъ свои города: «хладнокровно занимаютъ они мѣста убитыхъ или взорванныхъ дѣйствіемъ подкопа и заграждаютъ проломы грудью, сражаясь день и ночь, ѣдятъ одинъ хлѣбъ; умираютъ съ голода, но не сдаются, чтобы не измѣнить своему царю. Самыя ихъ жены мужествуютъ съ ними, гася огонь или пуская въ непріятеля, съ высоты стѣнъ, бревна и каменья. А въ полѣ, эти вѣрные отечеству ратники отличаются чуднымъ терпѣніемъ, снося морозы и вьюги и всякое ненастье подъ своими легкими наметами (¹)».

(¹) Поссевина Moscovia p. 19, 20.

Торговля.

Въ сочиненіи Герберштейна заключается много драгоцѣнныхъ замѣтокъ о нашей древней торговлѣ.

Въ его время невыгодно было торговать въ Россіи иностранцамъ. Въ Москву имѣли право пріѣзжать только литовскіе и польскіе купцы, въ Новгородъ шведскіе, лифляндскіе и нѣмецкіе; и въ одинъ только Хлопигородъ могли пріѣзжать, кромѣ упомянутыхъ, еще турецкіе и татарскіе купцы. Естественно, что при такомъ ограниченіи, къ каждому иноземному посланнику присоединялось множество его земляковъ купцовъ, для доставленія своихъ товаровъ въ Москву. Всѣ ввозимые товары: сукно, шелкъ, всякаго рода матеріи, жемчугъ и драгоцѣнные камни, все это представлялось цѣновщикамъ, опредѣлявшимъ ихъ цѣнность, и за этимъ предлагалось, по назначенной цѣнѣ, великому князю, до разрѣшенія котораго ничего не продавалось. Къ числу вывозимыхъ товаровъ преимущественно принадлежали: мѣха, кожи, воскъ, хлѣбъ, моржовые клюки и пр. Мѣра ржи (p. 79) стоила въ Москвѣ отъ 4 до 6 денегъ, только разъ цѣна возрасла до 14 денегъ. Если мы обратимъ теперь вниманіе на то, что поденьщикъ получалъ въ день отъ 1½ до 2 денегъ, то сознаемся, что тогдашняя задѣльная плата была гораздо выше нынѣшней. На стр. 59 опредѣляется достоинство различныхъ мѣховъ: собольихъ, хорьковыхъ, лисьихъ, бабровыхъ и кошачьихъ. Иной соболій мѣхъ продавался за 20 и за 30 дукатовъ. Шелковыя матеріи и пряности были въ Москвѣ дешевле, чѣмъ въ Германіи; потому что онѣ въ непомѣрномъ количествѣ вымѣнивались на мѣха. Всѣ лавки въ Москвѣ были уже тогда соединены въ большомъ, каменномъ зданіи, называвшемся купеческимъ дворомъ (curia mercatorum).

Знаменитѣйшими торговыми городами были Новгородъ (p. 73) и Хлопигородъ (p. 78), извѣстный по своей ярмаркѣ, гдѣ мѣновая торговля производилась въ огромныхъ размѣрахъ.

Герберштейнъ описываетъ русскіе рубли довольно подробно и въ заключеніе говоритъ: «*quarum nulla nunc* (т. е. въ началѣ XVI вѣка) *apparet* (¹)» Гваньини пишетъ почти тоже что и баронъ Герберштейнъ (²). Въ кабинетѣ графа Мусина-Пушкина, говоритъ Карамзинъ (³), «есть подобный

(¹) См. Rerum Moscov. Com. pag. 42.
(²) Moscoviae descriptio. 1630 anno. pag. 158.
(³) См. Исторія Госуд. Россійскаго Т. IV, примѣч. 250.

«же рубль съ изображеніемъ словъ: Волод . . . т. е. имени Вла-«диміра, можетъ быть внука Іоанна Калиты, или Владиміра Ря-«занскаго, жившихъ въ XIV вѣкѣ».—Въ лѣтописи, подъ 1353 годомъ, сказано, что 5 старыхъ рублей съ двумя гривнами вѣсили фунтъ. Тоже самое означается и въ нашихъ старинныхъ, рукописныхъ ариѳметикахъ. Но, въ исходѣ XIV вѣка, рубли московскіе состояли изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ и вѣсъ ихъ какъ видно, нѣсколько уменьшился, въ отношеніи къ древнимъ рублямъ или кускамъ серебра, ходившимъ въ то время, когда предки наши употребляли вмѣсто денегъ кожаные лоскуты ([1]), куны, морды или ушки. Въ Никоновской лѣтописи сказано, что ходили они въ Новгородѣ до XV столѣтія вмѣсто денегъ ([2]). Герберштейнъ также пишетъ, что русскіе употребляли вмѣсто денегъ морды и ушки бѣлокъ и другихъ животныхъ ([3]). Гваньини, современникъ царя Іоанна Васильевича, говоритъ въ этотъ смыслѣ о цѣлыхъ шкуркахъ бѣличьихъ, куньихъ и другихъ ([4]). По сказанію Нейштета, автора хроники ливонской XVI вѣка, монета литовцевъ въ XII вѣкѣ состояла въ бѣличьихъ ушкахъ съ серебряными гвоздиками. Наконецъ самое важное извѣстіе о нашихъ кожаныхъ деньгахъ принадлежитъ монаху Рубруквису (Rubruquis), бывшему въ Россіи около 1253 года; онъ пишетъ ([5]): *pour les Russiens la monnaie, qui a cours entre eux, est de petites pieces de cuir, marquetées de couleurs.* Карамзинъ говоритъ, что онъ видѣлъ кожаныя деньги въ Александровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, владимірской губерніи, что одни больше, другіе меньше величиною; на однихъ изображенъ крючекъ, на другихъ звѣздочка ([6]).

Справедливость словъ барона Герберштейна, что въ *гривнѣ* было только 14 денегъ, можно подтвердить словами лѣтописца великаго князя Іоанна Васильевича ([7]), въ которомъ сказано, что «великій князь захотѣлъ взяти съ обежи (обежа объясняется въ лѣтописяхъ такъ: обжа единъ человѣкъ на единой лошади оретъ) по полугривнѣ, а Владыка со всѣми своими начаша бити

([1]) См. ibidem. Томъ I, примѣч. 524.
([2]) См. Никоновская лѣтопись. Т. V, 42.
([3]) См. Rerum Mosc. Com. p. 42.—См. выше.
([4]) Гваньини. См. Rerum Mosc. Auctores varii pag. 158. или Moscoviae Descriptio 1630 a. pag. 74.
([5]) См. Изд. Бержерина: Voyages faits principalement en Asie. (la Haye. 1735) Tom. I pag. 91.
([6]) См. Исторія Госуд. Россійскаго Т. I, примѣч. 524.
([7]) См. лѣтописецъ Іоанна Васильевича и Исторія Государства Россійскаго, Томъ VI, примѣч. 171.

челомъ, чтобы Государь ималъ дань, какъ бьемъ челомъ, по 7 денегъ съ сохи единова на годъ и великій князь тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати ему съ сохи по полугривнѣ».—Далѣе Герберштейнъ и Марко Поло пишутъ, что въ московской *серебряной деньгь* считалось 60 *пулъ* (1). Это названіе сохранилось до нашего времени въ словѣ полушка, которую отнюдь не слѣдуетъ какъ это многимъ кажется, производить отъ ½ ушка, но прямое его начало лежитъ въ словѣ пула и потому правильнѣе было бы писать «пулушка». Сколько такихъ серебряныхъ денегъ считалось въ рублѣ? Герберштейнъ пишетъ, что при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ, въ рублѣ считалось 200 московскихъ денегъ (2). Такъ же пишетъ и Гваньини (3). Оба они цѣнятъ ихъ въ 2 венгерскіе червонца. Это кажется слишкомъ дорого по отношенію къ нынѣшней дороговизнѣ золота и серебра. Кстати замѣтимъ, что по словамъ Герберштейна, на псковскихъ монетахъ была бычачья голова въ вѣнцѣ. Карамзинъ говоритъ, что это могло случиться вслѣдствіе грубой ихъ отдѣлки (4), но въ другомъ мѣстѣ (5) нашъ историографъ соглашается съ словами Герберштейна.

Дороги были, большею частію, въ хорошемъ состояніи, исключая мѣстностей, пострадавшихъ отъ войны съ Польшею. Почта была очень хорошо устроена (р. 56), но ею пользовались вполнѣ только лица, ѣздившія по волѣ великаго князя. Лошадей вездѣ содержалось болѣе, чѣмъ нужно. За станцію отъ 20—25 верстъ платили по 6 денегъ за лошадь. Нашъ авторъ съ величайшимъ удивленіемъ разсказываетъ о томъ, что одинъ изъ его людей проскакалъ 120 нѣмецкихъ миль, изъ Новгорода въ Москву, на маленькихъ, невзрачныхъ лошаденкахъ, въ 72 часа. Надобно удивляться необыкновенной наблюдательности Герберштейна; отъ него не ускользнулъ даже обычай ямщиковъ разговаривать съ своими конями. Еще и теперь этотъ обычай составляетъ коренное отличіе русскаго ямщика.

Домашняя жизнь.

Домашняя жизнь русскихъ того времени, рѣзко отличалась, въ глазахъ Герберштейна отъ всего видѣннаго имъ въ другихъ

---

(1) Rerum Mosc. Com. p. 41.—Марко-Поло, по изданію Бержерина pag. 79.
(2) См. Rerum Mosc. Commentarii ibidem.
(3) Moschoviae descriptio. p. 158. См. выше.
(4) Томъ VII примѣч. 338 Исторіи Госуд. Россійскаго.
(5) Исторія Госуд. Россійс. Т. VII, стр. 202.

земляхъ. Прежде всего поразило его русское гостепріимство, до сихъ поръ сохранившееся во всей своей свѣжести. Ему посвящаетъ онъ особый отдѣлъ въ своемъ сочиненіи (стр. 55). Въ его описаніи изображены: устройство и украшеніе домовъ, встрѣча гостей и одежда (стр. 55), сходная какъ у бояръ, такъ и у простаго народа (51) съ венгерской. Потомъ онъ говоритъ о любимой пищѣ, баняхъ, затворничествѣ женщинъ и о предубѣжденіяхъ противъ нихъ (стр. 48), объ отцовской власти и пр. Нельзя однако не замѣтить, что Герберштейнъ иногда впадалъ въ крайности; напр. утверждая, что русскія жены измѣряютъ любовь мужей не ласками, а побоями, онъ основывается на анекдотѣ кузнеца Іордана. Невѣроятно, чтобы всѣ русскія жены были такъ глупы, какъ жена Іордана. Къ тому же этотъ анекдотъ болѣе рекомендуетъ съ худой стороны самаго разскащика-мужа.

Странно также, что Герберштейнъ такъ смѣло судитъ о расположеніи русскихъ къ рабству Онъ даже усматривалъ это расположеніе въ формѣ нашего хлѣба. При описаніи царскаго угощенія, онъ говоритъ, что хлѣбы, имѣющіе видъ хомута, означаютъ для вкушающихъ жестокое иго и вѣчное рабство: panes praeterea formam helcii equini habentes, mea opinione, omnibus iis vescentibs durum jugum et perpetuam servitutem designant. Никто, кромѣ Герберштейна, не придавалъ такого мистическаго значенія нашимъ калачамъ!

Мы ограничиваемся однимъ перечисленіемъ извѣстій Герберштейна по этому отдѣлу и по нѣкоторымъ другимъ, потому-что для внимательнаго разсмотрѣнія каждаго потребовалось-бы особое разсужденіе. Мы отсылаемъ желающихъ къ переводу и тексту комментаріи о Московіи, которые издаются въ этомъ же Сборникѣ.

Народныя увеселенія.

Для полнаго понятія о характеристикѣ русскихъ, Герберштейнъ упоминаетъ о народныхъ увеселеніяхъ. Придворныя увеселенія и увеселеніе вельможъ ограничивались почти одною охотою и застольными наслажденіями. Герберштейнъ описалъ охоту (р. 130), въ которой онъ участвовалъ, и великокняжескій обѣдъ. (р. 129). Увеселенія низшаго сословія заключались въ качеляхъ, пляскѣ, пѣніи, игрѣ на различныхъ инструментахъ (р. 51), кулачномъ боѣ и, къ несчастію, въ пьянствѣ. Изъ нашихъ лѣтописей видно, что кулаки употреблялись въ древ-

ности и въ самыхъ сраженіяхъ, напр. новгородцами 1216 г. въ липецкой битвѣ. Что же касается до пьянства, то оно строго преслѣдовалось правительствомъ. Герберштейнъ самъ говоритъ, что въ будни москвитянамъ запрещалось пить вино; одни иноземные воины, наемщики имѣли право быть невоздержными; отъ чего слобода ихъ за Москвою рѣкою называлась *налейками*. Великій князь, опасаясь дѣйствіи худаго примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ въ ними. Но еще раньше, именно въ псковской судной грамотѣ, видна попытка уничтоженія этой вредной наклонности: купля, продажа и мѣна, совершенныя въ пьяномъ видѣ, объявлялись недѣйствительными, а княжескимъ людямъ запрещалось держать корчмы и продавать медъ. Кромѣ этого, Іоаннъ III указомъ запретилъ пьянство. Слѣдовательно, пьянство искони считалось порокомъ. Иностранцы Флетчеръ и Олеарій также упоминаютъ, что московскому народу дозволялось пить вино только въ извѣстные дни.

Древности.

Древности разбираются Герберштейномъ не только касательно славянской миѳологіи (1), но онъ сообщаетъ также описанія старинныхъ обычаевъ, великокняжеской одежды и пр. (2).

Когда христіанская вѣра озарила Новгородъ и идолъ Перунъ былъ брошенъ въ Волховъ, то онъ поплылъ противъ теченія, бросилъ на мостъ палицу и закричалъ: Это вамъ, новгородцы, на память обо мнѣ! На мосту началась ужасная драка изъ за палицы. До сихъ поръ, продолжаетъ Герберштейнъ въ извѣстное время раздается голосъ Перуна, и на мосту непремѣнно начинается драка, которую обыкновенно принужденъ разнимать воевода.—Эта басня есть также въ степенной книгѣ, а кромѣ того упоминается авторомъ кіевскаго синопсиса и Стрыйковскимъ.

Герберштейнъ говоритъ о статуѣ золотой бабы на рѣкѣ Оби. Эта вызолоченая статуя изображала пожилую женщину, которая держала одно дитя на колѣняхъ, а другое возлѣ, съ боку. Въ ея храмѣ были спрятаны музыкальные инструменты, употреблявшіеся жрецами для убѣжденія народа, что статуя сама собою издаетъ звуки. Герберштейнъ впрочемъ объясняетъ эти звуки дѣйствіемъ вѣтра. Въ несчастныхъ случаяхъ прибѣгали

(1) Rer. Mosc. Com p. 75.
(2) Ib, p. 19, 20, 22, 47.

къ оракулу этого идола за совѣтомъ. ([1]) Изъ Гваньини ([2]) мы узнаемъ, что ей приносили въ жертву собольи шкуры и др., что люди ѣли сырыя кишки и мясо, въ честь ея заколотыхъ оленей, а жрецъ вопрошалъ между тѣмъ идола о будущемъ. Звукъ происходилъ, по мнѣнію Гваньини, или отъ искуственныхъ орудій, или отъ естественныхъ, подземельныхъ каналовъ и вѣтра.

Касательно великокняжеской одежды, разсмотримъ какъ опредѣляетъ Герберштейнъ бармы. Онъ говоритъ, что бармы есть широкая цѣпь или, лучше, шелковый поясъ, унизанный золотомъ и разноцвѣтными камнями, отнятый Владиміромъ Мономахомъ у какого то генуезца Кафы, или въ городѣ Каффѣ. За нимъ Стрыйковскій написалъ, что Владиміръ отнялъ у генуезцевъ городъ Каффу, въ единоборствѣ побѣдилъ ихъ воеводу, и снялъ съ него золотую цѣпь, хранимую въ сокровищницѣ московскихъ князей, и носимую ими, подъ именемъ бармъ, въ часъ торжественнаго помазанія. Петрей также слышалъ отъ русскихъ, что мономахова одежда привезена изъ Каффы, гдѣ Владиміръ воевалъ съ татарами. Антоній Герера увѣряетъ, что мономаховы митра, ожерелье и скипетръ—трофеи побѣды, одержанной Владиміромъ надъ кафскимъ консуломъ, чему радовался генуезскій патрицій Іеронимъ де Маринисъ: такъ уважаютъ, говорилъ онъ, русскіе нашу знаменитую республику!

Дѣло въ томъ, что въ княженіе Владиміра Мономаха, въ Каффѣ не было ни татаръ, ни генуезцевъ; они завладѣли ею въ XIII вѣкѣ. Татищевъ говоритъ въ своемъ лексиконѣ слѣдующее: «Барма по гречески именуется царская панагія, крестъ съ цѣпью, который при коронаціи возлагается сверхъ платья; иногда же въ томъ заключаютъ всѣ, принадлежащія коронаціи вещи, яко: корону, скипетръ, діадиму и пр., что по латыни инсигнія именуется.»

Въ обрядникѣ постановленія на великое княженіе сказано: «ожерелье, сирѣчь Св. Бармы, яже на плещу свою возлагали.» ([3]) Въ чинѣ поставленія на царство Алексѣя Михайловича читаемъ: «Святыя Бармы, еже есть діадима.» ([4])

([1]) Versuch einer slavischen Mythologie von Andreas. v. Kayssarow. Авторъ вѣроятно не зналъ сочиненія и картъ Герберштейна, потому что упоминаетъ о позднѣйшемъ писателѣ Петреѣ.

([2]) Rer. Polon. II, 205.

([3]) Древ. Вивліоѳ. VII, 3.

([4]) Тамъ же VII, 241.

По изображенной на бармахъ святынѣ, и онѣ назывались святыми. Рисунокъ съ нихъ находится въ довольно рѣдкой книгѣ: Историческое описаніе древняго Россійскаго Музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной палаты въ Москвѣ обрѣтающагося. Москва 1807.

Извѣстіе Герберштейна о томъ, что царь умывалъ руки, прикоснувшись къ иновѣрцу, опровергается на листѣ 409 папскихъ дѣлъ, гдѣ между прочимъ сказано: «а того у Государя не ведетца, чтобы руки умывалъ тѣхъ для Пословъ» и т. д.

Флетчеръ и Олеарій подробнѣе Герберштейна распространились объ одеждѣ.

Герберштейнъ пишетъ, что новгородцы, взявъ Херсонъ, вывезли оттуда мѣдныя врата и большой колоколъ.

Вотъ что мы знаемъ про эти бронзовыя двери въ новгородской софійской церкви. Большія наружныя металлическія двери еще до сихъ поръ называются корсунскими. Графъ Румянцовъ, во время своего путешествія 1817 г., велѣлъ срисовать ихъ. Аделунгъ (1) сообщаетъ изъ письма Буссе слѣдующее описаніе этихъ дверей: «я видѣлъ, пишетъ фонъ-Буссе, въ Новгородѣ, въ софійской церкви, металлическія двери, называемыя по преданію корсунскими, въ стѣнѣ, выходящей на западъ. Сомнѣвавшись уже прежде въ подлинности преданія, я, при видѣ дверей, совершенно убѣдился, что онѣ сдѣланы не греческими, а нѣмецкими художниками. Это доказываютъ фигуры и латинскія надписи. Надъ изображеніемъ мужа въ древненѣмецкой одеждѣ написано: Riquin me fec. Надъ головою благословляющаго святителя: Wichmanns Megideburgensis epc. На другой сторонѣ: S. Petrus-+-Judas tradidit x. p. m. и т. д. На правой половинѣ, во второмъ квадратѣ, сверху отдѣльныя буквы: M. D. L».

Къ этому извѣстію, опровергающему похищеніе этихъ дверей въ 998 г. изъ Херсона, слѣдуетъ еще замѣтить, что Несторъ не упоминаетъ о привезенныхъ изъ Херсона церковныхъ дверяхъ. Татищевъ, безъ приведенія источника, говоритъ, что въ 1336 г. новгородскій архіепископъ Василій купилъ въ Германіи, за дорогую цѣну, металлическія, вызолоченныя двери: «въ Новѣградѣ владыка Василій у святой Софіи устрой двери мѣдяныя золочены, привесше изъ Нѣмецъ, купи цѣною великою (2)». Можно было бы думать, что рѣчь идетъ о корсунскихъ дверяхъ, если бы не противорѣчило одно обстоятельство. Тотчасъ замѣтно, что двери предназначались для большой церкви,

(1) Sieg. Fr. v. Herb. p. 446.
(2) Ист. Рос. С.-Пб. 1784, IV, 134.

или, по крайней мѣрѣ, для большаго отверстія: четыреугольники, составляющія ихъ, находятъ краями одинъ на другой, закрывая часть изображеній и надписей. Слѣдовательно, можетъ быть, онѣ дѣйствительно—военская добыча, но не херсонская, а лифляндская. Далинъ (1) говоритъ, что корелы, раззоривъ Сигтунъ, увезли, между прочимъ, серебряныя двери, и прибавляетъ, что ихъ можно видѣть въ большой новгородской церкви предъ алтаремъ, на хорахъ, подъ названіемъ сартунскихъ или сигтунскихъ воротъ. Можетъ быть, что названія: сартунскія и корсунскія—перемѣшаны. Можно также предположить, что сартунскія ворота—такъ называемыя шведскія, которыя впрочемъ не серебряныя, а мѣдныя.

Касательно Вихмана, магдебургскаго архіепископа, можно замѣтить, что онъ умеръ въ 1194 г., увѣковѣчивъ свою память, во время сорока-двухъ-лѣтняго отправленія своей должности, дарованіемъ различныхъ правъ магдебургскимъ гражданамъ. О немъ, какъ о 16-мъ магдебургскомъ архіепископѣ упоминается въ: 1) Ioh. Pomarius Magdeb. Stadtchroniken, Magd. 1581, и 2) Magdeb. Stiftschronica v. Andreas Werner, Magd. 1584.

Карамзинъ (2) говоритъ, что внизу дверей художники изобразили самихъ себя и подписали: мастеръ Аврамъ Вапзмутъ, мастеръ Никвинъ Менеги; возлѣ Вихмана изображенъ другой святитель и подписанъ: Alexander Epc. de Blucich. Всѣ надписи весьма грубы и неисправны. Въ новгородской лѣт. подъ 1336 г., сказано, что новгородскій архіепископъ Василій сдѣлалъ въ софійской церкви мѣдныя, вызолоченныя двери: не это ли херсонскія? Въ 1528 г., архіепископъ Макарій также дѣлалъ новыя царскія двери въ Софію (3). Миллеръ нашелъ въ женскомъ александровскомъ монастырѣ (влад. губ.) церковныя мѣдныя врата, вывезенныя Іоанномъ Грознымъ изъ Новгорода.

Географія и статистика.

Европа въ первый разъ читала въ сочиненіи Герберштейна полное географическое и статистическое описаніе нашего отечества.

Его три карты Россіи считаются древнѣйшими. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ съ надписью: Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain etc. 1549.

---

(1) Schved. Gesch. Th. II, s. 120, подъ 1188 г.
(2) Т. I пр. 458.
(3) Архив. Рост. лѣт. л. 585.

Въ срединѣ правой стороны карты, надъ масштабомъ читаемъ: «hanc tabulam absolvit Aug. Hirsfogel. Viennæ Austr. cum gr. et priv.» Этотъ Августинъ Гиршфогель былъ извѣстный нюрнбергскій художникъ.

Миллеръ, въ своемъ извѣстіи о русскихъ ландкартахъ (¹) не упоминаетъ объ этой картѣ, а называетъ древнѣйшею—карту, помѣщенную въ космографіи Минстера, которая гораздо недостаточнѣе и нѣсколькими годами моложе герберштейновой. Шмидтъ Физельдекъ, въ своемъ дополненіи къ труду Миллера (²), упоминая объ этой картѣ, ошибочно относитъ ее къ 1546 г. Она была приложена къ изданію 1549 г., и о древнѣйшей какой нибудь картѣ не упоминаютъ ни Денп, ни другіе библіографы. Ошибка, замѣченная Шмидтомъ—Bielogorodalias Nester—произошла отъ недоразумѣнія его самого. Имя Bielogorod напечатано отдѣльно, по сю сторону рѣки, а надъ словами: alias Nester, стоящими на одной линіи съ названіемъ Bielogorod, только по ту сторону рѣки пропущено, по случаю опечатки, имя Tiras, помѣщенное на обѣихъ другихъ картахъ. Къ первому латинскому изданію комментаріевъ Герберштейна была приложена только одна эта карта, но къ первому нѣмецкому, вѣнскому изданію, и къ латинскимъ изданіямъ 1556 г. приложены кромѣ ея еще двѣ другія карты большаго размѣра. На одной изъ нихъ вся Русь одѣта въ густые лѣса.

Значенію имени Россіи Герберштейнъ придаетъ обширный и тѣсный смыслъ. Въ обширномъ смыслѣ, онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ всѣ земли, населенныя русскими. Такимъ образомъ король польскій и великій князь литовскій относятся къ числу русскихъ князей. Въ тѣсномъ смыслѣ, онъ называлъ Россіею земли, подвластныя великому князю московскому. Герберштейнъ говоритъ о границахъ (³), о климатѣ (⁴), о происходящихъ отъ него болѣзняхъ (⁵), о плодородіи земли и ея произведеніяхъ—хлѣбѣ (⁶), лѣсѣ, плодахъ, медѣ и пр.

Здѣшній здоровый воздухъ, говоритъ Герберштейнъ, отвращаетъ многія болѣзни, извѣстныя въ другихъ государствахъ Европы. Чума никогда не распространялась отъ истоковъ Дона на сѣверъ и востокъ. Замѣтимъ, что 1772 г. доказалъ противное. Владимірская и рязанская губерніи отличались, въ быт-

---

(¹) Samml. Russ. Gech. Th. VI, 1.
(²) Beiträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland s. 196.
(³) Rer. Mosc. Com. p. 2.
(⁴) Ibid. p. 61.
(⁵) Ibid. p. 63.
(⁶) Ibid. p. 62.

ность Герберштейна, особеннымъ плодородіемъ. Въ владимірской губерніи, говоритъ онъ, одна мѣра зерна приносила отъ 20 до 30 мѣръ, а въ рязанской одно зерно пускало два и болѣе колосьевъ и хлѣбъ былъ такъ густъ, что лошади едва могли въ немъ двигаться, а куропатки съ трудомъ взлетали. Меду, воску, рыбы, дичи, продолжаетъ онъ, здѣсь въ изобиліи. Жители отважнѣе и воинственнѣе прочихъ русскихъ.

Касательно чрезвычайнаго обилія и плодородія въ этихъ губерніяхъ, замѣтимъ, что, можетъ быть, это было такъ въ XVI столѣтіи, но теперь плодородіемъ въ особенности отличаются малороссійскій край и земли донскихъ козаковъ. Что же касается до замѣчанія о жителяхъ, то мы рѣшительно не знаемъ, почему Герберштейнъ отдаетъ имъ преимущество предъ другими русскими.

Въ описаніи онъ сперва разсматриваетъ восточныя провинціи, потомъ южныя, западныя и сѣверныя, частію по собственному опыту, а частію по слухамъ и въ особенности по дневникамъ толмачей: Григорья, Власа, Истомы и Дмитрія. Москву онъ относитъ къ границамъ Азіи (1), насчитываетъ въ ней 41,500 домовъ (2), и сообщаетъ интересныя замѣчанія объ ея мѣстоположеніи, архитектурѣ зданій, о церквахъ и прочихъ достопримѣчательностяхъ. Далѣе описывается Новгородъ (3) и живущіе за нимъ черемисы магометанской вѣры, (между тѣмъ какъ въ его время большая часть черемисовъ были язычники), Тверь (4), Владиміръ, Нижній Новгородъ, Рязань, Смоленскъ (5), Псковъ (6), Пермь (7), Астрахань (8) и т. д. По примѣру древнихъ хроникъ, называющихъ Псковъ Опсковомъ, Герберштейнъ называетъ Тверь Отверью (Otfer).

Онъ упоминаетъ о Хлопигородѣ и Ахазѣ, которые для нынѣшней географіи неизвѣстны. Хлопигородъ онъ помѣщаетъ (9) при впаденіи Мологи въ Волгу, въ двухъ миляхъ отъ Углича, и говоритъ, что въ немъ бываетъ величайшая и знаменитѣйшая ярмарка всего государства.

---

(1) Ibid. p. 67.
(2) Ibid. p. 63.
(3) Ibid. p. 73.
(4) Ibid. p. 73.
(5) Ibib. p. 70.
(6) Ibid. p. 76.
(7) Ibid. p. 85.
(8) Ibid. p. 100.
(9) Ibib. p. 78.

Сочиненіе гр. Мусина-Пушкина: историческое замѣчаніе о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго, такъ называемаго, Холопья города (Москва 1810), подтверждаетъ бывшее существованіе этого городка. Авторъ приводитъ отрывокъ изъ одной московской рукописи патріаршей библіотеки: о торговлѣ на Мологѣ ([1]). Въ этомъ отрывкѣ есть важное указаніе, которое можно отнести къ ярмаркѣ Холопьяго города. Во времена Герберштейна, видны были уже только остатки города, но въ двухъ миляхъ отъ Углича, на берегу Мологи, была еще церковь, которая впрочемъ едва ли могла называться Хлопигородомъ, какъ это утверждаетъ Герберштейнъ.

Въ наше время забыто и имя города и его славная ярмарка, но на основаніи вышеупомянутыхъ розысканій можно предположить, что Холопій городокъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Глѣбова. При этомъ нужно еще имѣть въ виду намекъ Древней Идрографіи, гдѣ, на стр. 144, говорится: «А ниже Углича шестьдесятъ верстъ пала въ Волгу рѣка Молога, а на усть рѣки Мологи два посада дворцовые. А выше тѣхъ двухъ посадовъ на рѣкѣ Мологѣ, на правомъ берегу обитель Пресвятыя и Живоначальныя Троицы Аѳонасьевъ монастырь, что словетъ Хлопей монастырь и пр.». Можно предположить, что въ древнія времена въ этотъ монастырь стеклось множество крѣпостныхъ людей, что и сообщило ему это названіе. Могло также быть, что Герберштейнъ, слышавъ о Нижнемъ Новгородѣ и Макарьевѣ, отстоящемъ отъ Нижняго на столько, на сколько Великій Новгородъ отстоитъ отъ Хлопьяго городка, перемѣшалъ эти свѣдѣнія и связалъ знаменитую макарьевскую ярмарку съ сказаніемъ объ убѣжавшихъ холопяхъ. Но для сообщенія этому предположенію исторической важности, нужно доказать трехъсотлѣтнее существованіе макарьевской ярмарки. Касательно происхожденія названія города, Герберштейнъ говоритъ, что новгородцы семь лѣтъ осаждали Херсонъ, что жены ихъ вышли между тѣмъ замужъ за рабовъ, что рабы встрѣтили возвратившихся господъ съ оружіемъ, но господа, кинувъ мечи и копья, бросились на нихъ съ бичами и такимъ образомъ обратили въ бѣгство своихъ бывшихъ слугъ, которые укрѣпились въ одномъ мѣстѣ, названномъ послѣ Холопьимъ городомъ. Герберштейнъ замѣчаетъ при этомъ: ut annales eorum (русскихъ) referunt, и въ этомъ случаѣ, кажется, напрасно призываетъ наши лѣтописи. Эта басня, повторенная Стрыйковскимъ, Витсеномъ (Noorden Oost-Tar-

---

([1]) См. рукопись діакона Тимофея Каменевича-Рвовскаго о древностяхъ россійскихъ, хранящуюся въ Синод. Библ. подъ № 529. Кн. 1, Т. 2, л. 517.

tarye) и авторомъ Ядра Россійской исторіи, взята изъ древней греческой сказки о скиѳскихъ рабахъ. Геродотъ (1) разсказываетъ, что скиѳы, возвратившись послѣ двадцати-осьмилѣтней войны съ мидянами, нашли своихъ рабовъ, уже завладѣвшими ихъ правами и женами. Рабы хотѣли защититься рвомъ, прорытымъ отъ Тавра до меотійскаго моря, но были однако усмирены.

Дополнимъ наше розысканіе мнѣніемъ исторіографа Карамзина.

На берегу Мологи въ 60 верстахъ отъ устья сей рѣки, былъ въ XIV, XV и XVI вѣкѣ Холопій городъ, извѣстный по его славнымъ ярмаркамъ; правда, что сіе мѣсто донынѣ именуется Старымъ Холопьимъ и находится въ дачахъ гр. А. И. Мусина-Пушкина (ярослав. губер., въ мологскомъ уѣздѣ); правда, что недалеко оттуда есть два жительства: Станово (гр. М. Пушкина), гдѣ по разсказамъ, находился станъ Холопей и Боронишно (г. Горихвостова), гдѣ они будто-бы оборонялись: но въ лѣтописяхъ новогородскихъ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ возмущеніи рабовъ, и вѣроятно, что названіе мѣстъ, котораго причина въ самомъ дѣлѣ неизвѣстна, подало мысль къ возобновленію греческой сказки, отнесенной послѣ къ Вятчанамъ, будто бы рабамъ новогородскимъ (2).

Городъ Ахазъ (3) Герберштейнъ полагаетъ при устьѣ Дона надъ Азовомъ: «Asoph civitas, quae prius Tanas vocabatur, supra hanc quatuor dierum itinere Achas oppidum est, ad eundem fluvium situm, quam Rutheni Don apellant». Этотъ городъ, который мы должны искать около нынѣшняго Черкаска, не обозначенъ ни на древнѣйшихъ, ни на новѣйшихъ картахъ. Даже на самой герберштейновой картѣ нѣтъ такого имени на означенномъ мѣстѣ. Можетъ быть это испорченное Абхази или Абаза? Карамзинъ думаетъ, что Ахазъ Герберштейна и городъ Орна, (по нашимъ лѣтописямъ Орначь) одно и тоже (4). Орна, какъ разсказываетъ Карпини, былъ потопленъ по запруженьи Дона Батыемъ (Voyage, 47).

О происхожденіи городка Нали (Налей), который должно искать въ окрестностяхъ Москвы, Герберштейнъ говоритъ слѣдующее: «Non procul a civitate trans fluvium non multis retroactis annis Basilius Princeps satellibus suis novam Nali civitatem (quod eorum lingua infunde sonat) exaedificavit, propterea quod cum aliis

(1) Melpomene, c. 1.
(2) И. Г. Р. Т. 1, пр.458.
(3) Rer. Mosc. Com. p. 66.
(4) И. Г. Р. Т. IV, пр. 4.

Ruthenis medonem et cerevisiam libere exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, iis solis bibendi potestas a Pvincipe sit permissa: atque eam ob rem, ne caeteri eorum convictu corrumperentur, ab reliquorum consuetudine sunt sejuncti» ([1]). Слѣдовательно Налейками называлась древняя, московская слобода, слѣды имени которой видны въ названіи прихода—у Спаса на Ливкахъ.

Герберштейнъ обратилъ особенное вниманіе на рѣки, обозначая ихъ истокъ и устье, и упоминая ихъ древнія названія. Описывая Волгу, онъ говоритъ, что это птоломеева Ра, что она имѣетъ особый истокъ, а не общій съ Днѣпромъ, и что впадаетъ не въ евксинскій понтъ, а въ каспійское море.

По свидѣтельству Птоломея, Донъ имѣетъ свое начало въ рифейскихъ горахъ; а Герберштейнъ доказываетъ, что въ Россіи нѣтъ рифейскихъ горъ, и что Донъ истекаетъ изъ большаго ивановскаго озера въ тульской губерніи и, пробѣгая около 80 нѣмецкихъ миль, впадаетъ въ азовское море. Краковскій каноникъ Матвѣй Миховскій, бывшій въ Россіи въ началѣ XVI столѣтія, первый сообщилъ это въ Descriptio Sarmatiarum (Cracoviae 1521), и тѣмъ навлекъ на себя негодованіе поклонниковъ древней географіи, а въ особенности императора Максимиліана, который по этому поручилъ Франциску да Колло, посланному въ 1518 г. въ Россію—изслѣдовать этотъ предметъ съ особеннымъ тщаніемъ. Въ введеніи къ описанію своего путешествія, Францискъ да Колло говоритъ на 6-й стр. объ этомъ и, или по незнанію, или въ угодность императору, защищая извѣстіе Птоломея, опровергаетъ показаніе Матвѣя Миховскаго, прибавляя, что послѣдній получилъ это ложное свѣдѣніе отъ русскихъ плѣнниковъ. Карамзинъ сомнѣвается, чтобы греки разумѣли подъ именемъ рифейскихъ горъ наши уральскія, какъ думалъ Герберштейнъ, а за нимъ Штамбергъ и другіе географы ([2]).

Герберштейнъ говоритъ, что Нарова, принявъ въ себя Пскову, и идущую съ юга Великую рѣку, оставя Псковъ вправѣ, протекаетъ чрезъ Опочку. Но мы знаемъ, что Нарова, вытекая изъ чудскаго озера, впадаетъ въ финскій заливъ, не принимая ни Великой, ни Псковы. Первая выше Пскова 131 верстой, имѣетъ на своемъ островѣ Опочку, подъ Псковомъ принимаетъ съ себя рѣку Пскову, и оставляя Псковъ вправѣ, впадаетъ въ чудское озеро почти противъ истоковъ Наровы, съ

([1]) Rer. Mosc. Com. p. 62.
([2]) И. Г. Р. Т. 1, пр. 4.

другой стороны озера. Дубна впадаетъ не въ Сесть, а въ Клязьму.

Далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о Березинѣ, узнавая въ ней древній Борисѳенъ, на основаніи птоломеева описанія и сродства звуковъ; объ Окѣ, Двинѣ, Печорѣ, Нѣменѣ, въ которомъ видитъ птоломеевъ Крононъ, и другихъ рѣкахъ, о Ладожскомъ озерѣ и Ильменѣ, довольно точно опредѣляя положеніе этихъ водъ.

Говоря объ Оби и ея притокахъ, Герберштейнъ упоминаетъ о городахъ Еромѣ и Туменѣ, нынѣ Тюменѣ. Послѣдній лежитъ на Турѣ и 1586 г. вновь укрѣпленъ русскими, а подъ Еромомъ нужно разумѣть Верхотурье, которое у туземцевъ прежде называлось Неромомъ.

Герберштейнъ, услышавъ о причиненіи вреда великому князю тюменскимъ царемъ, шейбанскимъ Мамукъ-Ханомъ, сомнѣвался въ подчиненности Югріи Россіи. Но наши лѣтописи описываютъ подъ 1499 г. походъ для покоренія Югріи при Іоаннѣ III Васильевичѣ [1].

Описанное Герберштейномъ водное сообщеніе между Двиною и Печорою совершенно соотвѣтствуетъ древнимъ и новымъ картамъ [2].

Извѣстія о литовцахъ [3] чрезвычайно рѣдки для его времени. Онъ собралъ ихъ отъ Альбрехта Гастольда, виленскаго воеводы и штатгальтера велик. княжества литовскаго. Далѣе упоминается о татарахъ вообще и въ особенности о ногайскихъ [4], о калмыкахъ, самоѣдахъ [5], черемисахъ [6], лапландцахъ и пр. Укажемъ на нѣкоторыя ошибки: Герберштейнъ утверждаетъ напр., что черкесы говорятъ по славянски; и не ошибается конечно только въ томъ случаѣ, если подъ именемъ черкесовъ подразумѣваетъ донскихъ казаковъ, которые себя такъ называли. Онъ называетъ соловецкій монастырь — Соловуки [7], Неву—Хевой. Послѣдняя ошибка произошла вѣроятно отъ одинакой формы латинскаго X(H). и русскаго Н. Орѣшекъ, стоявшій при истокѣ Невы, Герберштейнъ полагаетъ при ея устьѣ, и прибавляетъ, что нѣмцы называли его Путембургомъ. Но мы знаемъ, что Нотенбургомъ называлась нынѣшняя Охта.

---

(1) Никон., Архив., Врем., Степен. кн., Псковская лѣт.
(2). Ср. книгу большему чертежу 288, 289 и древ. Идрогр. стр. 207.
(3) Rer. Mosc. Com. p. 103, 138.
(4) Ib. p. 86, 87, 91.
(5) Ib. p. 81.
(6) Ib. p. 86.
(7) Ib. p. 77.

Подобные промахи встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ отдаленнѣе описываемыя земли. Напр. Герберштейнъ говоритъ, что татары [1], послѣ хорошей добычи, спятъ часто трои, четверы сутки сряду, и въ это время безнаказанно умерщвляются русскими и литовцами. Такъ же забавны разсказы о томъ, что въ каждомъ самогитскомъ семействѣ есть карлики [2], что въ рѣкѣ Тахминѣ водятся рыбы съ человѣческими головами, лишенныя впрочемъ голоса, но употребляемыя въ пищу [3] и пр. Берега Оби преимущественно богаты у Герберштейна такими чудесами. Тамъ живутъ или черные люди [4] или обросшіе шерстью [5] или если бѣлые, то съ собачьими головами, или имѣющіе человѣческое лицо на груди.

Левкоморы, живущіе въ Лукоморіи, ежегодно умираютъ въ георгіевъ день 26 ноября и опять оживаютъ къ новому георгіеву дню 26 апрѣля. Но передъ своимъ летаргическимъ сномъ или спячкой, левкоморы складываютъ товары въ извѣстное мѣсто, для того чтобы ихъ сосѣди грустинцы и серпоновцы замѣнили ихъ своими товарами. Пробудясь, левкоморы спѣшатъ къ этому мѣсту, чтобы убѣдиться выгодно ли промѣняны товары и въ противномъ случаѣ затѣваютъ съ нечестными покупщиками ссоры.

Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о мѣновой торговлѣ и къ тому еще нѣмой, потому что оба народа знали только свой языкъ. Такъ торговали карѳагеняне и мавры съ африканскими неграми, серы въ средней Азіи съ иноземцами [6] подобное же встрѣчалось и въ торговлѣ лапландцевъ, еще въ XVI в. О серпоновцахъ нигдѣ не упоминается, а въ грустинцахъ Лербергъ видитъ [7] гаустинцовъ Штраленберга [8] и евштинцевъ Миллера [9]. Доказательствомъ того, что гаустинцы Штраленберга и евштинцы Миллера одинъ и тотъ же народъ, служатъ замѣчанія обоихъ писателей. Первый упоминаетъ объ нихъ при описаніи Сибири и говоритъ, что нашелъ остатокъ этого народа около Томска, въ числѣ 200 или 300 человѣкъ, а Миллеръ въ

---

(1) Ib. p. 89.
(2) Ib. p. 113.
(3) Ib. p. 83.
(4) Ib. p. 82.
(5) Ib. p. 83.
(6) Herodot. Lib. IV cap. 196. Plin. hist. nat. lib. IV p. 17.
(7) Untersuch. zur Erläut. d. alt. Geschichte Russlands. s. 40.
(8) Nord .u. Östl. Th. v. Europa u. Asien. 1730 s. 187, 257.
(9) Samml. Russ. Gesch. VI. 523.

сибирской исторіи говоритъ также о 3000 евштинцахъ, участвовавшихъ въ сооруженіи Томска.

Касательно названія Лукоморіи замѣтимъ, что лукоморьемъ называютъ вообще морской заливъ (луки моря), слѣдовательно это не собственное, а нарицательное имя. Подтвержденіемъ нашихъ словъ могутъ послужить извѣстія лѣтописей. Подъ 1090 г. этимъ именемъ обозначенъ берегъ карійскаго моря (1), подъ 1186 г. берегъ каспійскаго моря (2), подъ 1223 г. берегъ азовскаго моря (3). Подъ лукоморскими горами, Герберштейнъ разумѣлъ вѣроятно малый Алтай (4). Слѣдовательно грустинцы и серпоповцы посѣщали прибрежную страну дальняго сѣвера, гдѣ зимою не показывается солнце, природа мертва отъ ноябрьскаго Георгія до апрѣльскаго и многія животныя подвержены спячкѣ. Это Югрія. Но что касается до ея жителей, то они не спали, а напротивъ были особенно дѣятельны въ это время, охотились за пушнымъ звѣремъ и перевозили на саняхъ свои товары по замерзшимъ болотамъ. Не по поводу ли извѣстія Геродота о Гипербореяхъ, Герберштейнъ заставляетъ ихъ такъ долго спать (5)? Арабскій географъ Бакуй еще раньше Герберштейна зналъ объ этой нѣмой торговлѣ въ Югріи (6). Герберштейнъ относитъ Югрію къ восточнымъ берегамъ Оби. Онъ разсказываетъ о путешествіи князя Семена Ѳедоровича Курбскаго изъ Перми въ Югрію чрезъ печорскія горы (Уралъ) и замѣчаетъ, что князь въ 17 дней не могъ достигнуть ихъ вершины, называемой столпомъ (7).

Приведемъ, въ заключеніе этого отдѣла, основательное замѣчаніе Лерберга (8): «очень жаль, что ученые путешественники, посѣтившіе Сибирь въ прошломъ столѣтіи, пренебрегли сказаніями Герберштейна. Иначе многія изъ его замѣчаній, достойныхъ ученаго изслѣдованія и повѣрки, были бы уже теперь объяснены».

---

(1) Ник. Воскрес.
(2) Воскрес., Рос. Вивліоѳ. 277.
(3) Ник., Воскрес.
(4) Untersuch. Lehrbergs s. 41.
(5) Lib. IV, 25.
(6) Not. et Extr. des Manuscr. de la Bibl. du Roi p. 1789.
(7) Lehrbeg. s. 20.
(8) Untersuch. s. 40.

ГЛАВА III.

Объяснение степени достовѣрности извѣстій Барона Герберштейна, почерпнутыхъ имъ изъ письменныхъ источниковъ.

Третья часть настоящаго отдѣла нашего разсужденія имѣетъ своимъ предметомъ показать достовѣрность тѣхъ извѣстій Герберштейна, которыя заимствовалъ онъ изъ письменныхъ источниковъ. Здѣсь мы, смотря на Герберштейна, какъ на переводчика, должны показать въ какой степени понималъ Герберштейнъ тотъ языкъ, съ котораго переводилъ, и какъ пользовался источниками: переводилъ-ли буквально, или дѣлалъ извлеченія изъ нихъ.

Исторія.

Въ запискахъ Герберштейна въ первый разъ явились выписки изъ нашихъ лѣтописей (¹), въ первый разъ явились въ свѣтъ эти сокровища нашей первоначальной исторіи, безъ которыхъ древнѣйшая эпоха нашего государства, должна бы была остаться загадочною, полу-миѳическою. Герберштейнъ, на основаніи лѣтописей, совершенно послѣдовательно, исторически излагаетъ первоначальную эпоху нашего государства, основаніе его и древнѣйшія событія, и доводитъ свое изложеніе до Іоанна III. Съ этого времени къ лѣтописному повѣствованію онъ присоединяетъ разсказы лицъ, достойныхъ довѣрія и тѣмъ придаетъ своему описанію значительный интересъ. Начинаетъ онъ съ происхожденія народа славянскаго и по этому случаю говоритъ слѣдующее (²).

«Народъ славянскій произошелъ отъ колѣна іафетова, въ древности жилъ на Дунаѣ, въ нынѣшней Венгріи и Булгаріи и назывался именемъ Норци». А вотъ слова лѣтописи: (³) «Отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова. Норци еже суть Словѣни. По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни на Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска». Ясно, что Герберштейнъ хорошо понималъ языкъ лѣтописный. Упомянувъ о происхожденіи, Герберштейнъ переходитъ къ описанію мѣстныхъ названій славянъ. При сличеніи

(¹) Смотр. Адел. стр. 373. При провѣркѣ лѣтописныхъ выписокъ Герберштейна, лаврент. лѣтопись, гдѣ помѣщенъ древнѣйшій текстъ Нестора, будетъ намъ служить главнымъ источникомъ.

(²) Rer. Mosc. Com. p. 2.

(³) Лавр. лѣт. стр. 2.

этого мѣста Герберштейна съ лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи легко замѣтить нѣкоторое различіе. Вслѣдствіе этого мы должны признать, что авторъ имѣлъ подъ рукою какой нибудь другой списокъ. Вотъ слова лѣтописи: (¹) «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ ихъ, Словѣни же ови, пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашеся Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашеся Поляне». Герберштейнъ пишетъ: (²) «Они жили на Дунаѣ, но будучи изгнаны Валахами пришли на Вислу и получили названіе Леховъ, *по имени одного польскаго князя Леха*, отъ котораго поляки и теперь называются лехами». Ясно видно, что курсивныя слова — прибавка Герберштейна, но безъ достаточно-основательной причины онъ не могъ бы этого сдѣлать. Герберштейнъ, какъ бы предугадывая это недоразумѣніе, въ оправданіе свое говоритъ: «такъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописи». Ручательство важное и неопровержимое! На этомъ основаніи безъ дальнихъ умствованій дѣло можетъ быть объяснено очень просто. Извѣстно, что списковъ лѣтописи Нестора въ настоящее время у насъ находится весьма много, а прежде по всѣмъ вѣроятіямъ было ихъ еще больше; всѣ списки ведутъ свое начало отъ одного корня— подлинной лѣтописи самого Нестора, слѣды которой еще не отысканы. Впрочемъ со времени изданія археографическою коммисіею полнаго собранія русскихъ лѣтописей утверждено мнѣніе, что лаврентьевскій списокъ всего болѣе приближается къ оригиналу и содержитъ въ себѣ древнѣйшій текстъ. Ведя свое начало отъ одного корня, списки эти различаются между собою: въ иныхъ встрѣчаются пропуски, въ другихъ дополненія. И такъ, признавая слова Герберштейна «такъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописи» истинными, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны согласиться, что Герберштейнъ при своемъ изложеніи пользовался однимъ изъ тѣхъ списковъ, которые дошли до насъ съ прибавленіями переписчиковъ. Заключеніе наше подтверждаетъ покойный исторіографъ Н. М. Карамзинъ (³). Основываясь на слѣдующихъ словахъ Герберштейна: «Рюрикъ получилъ княжество новгородское и мѣстопребываніемъ своимъ избралъ Ладогу», онъ думаетъ, что лѣтопись, которою пользовался Герберштейнъ, была съ поправками, ибо въ древнемъ подлинникѣ не упоминается о Ладогѣ. Призпавъ, что Герберштейнъ пользовался при своемъ изложеніи лѣтописью съ поправками, мы должны

(¹) См. стр. 2 лѣт.
(²) Rer. Mosc. Com. p. 2.
(³) См. Т. 1. пр. 275.

смотрѣть на всѣ уклоненія его отъ древнѣйшаго текста, какъ на слѣдствіе того же. Такъ въ выпискѣ Герберштейна о первоначальномъ разселеніи славянъ и о мѣстныхъ названіяхъ встрѣчаются еще нѣкоторыя измѣненія: р. Припеть названа Петью. «Друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи» (1). Вотъ слова лѣтописи, а у Герберштейна читаемъ: (2) «нѣкоторые жившіе между рѣками Двиною и Петью называется Дреговичами». Рядомъ съ этою описокою слѣдуетъ мѣсто, далеко уклоняющееся отъ соотвѣтственнаго мѣста той лѣтописи, которую мы избрали источникомъ для повѣрки извѣстій Герберштейна. «Другіе же» говоритъ Герберштейнъ, «занявъ землю новгородскую, поставили себѣ княземъ Гостомысла (3)». Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о Гостомыслѣ. Немного далѣе, разсказывая поводъ, побудившій славянъ призвать варяговъ изъ-за-моря, опять упоминаетъ о Гостомыслѣ и говоритъ, что по совѣту его совершилось призваніе.—Вотъ слова Герберштейна: «случилось, что между руссами возникъ споръ о верховной власти; воспламененные другъ противъ друга ненавистью, они открыли страшныя междоусобія; тогда Гостомыслъ, мужъ мудрый и имѣвшій въ Новгородѣ большое значеніе, предложилъ совѣтъ—отправить посольство къ варягамъ, и просить трехъ братьевъ, весьма уважаемыхъ въ ихъ отечествѣ, пріійти княжить и владѣть надъ ними (4)». Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о Гостомыслѣ. «Рѣша сами къ себѣ», говорится въ лѣтописи, «поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Карамзинъ (5) считалъ преданіе о Гостомыслѣ сомнительнымъ, потому что ни въ несторовой лѣтописи, ни въ никоновской, ни въ степенной книгѣ нѣтъ о томъ ни слова. Послѣдующія извѣстія до смерти Рюрика переданы Герберштейномъ совершенно согласно съ лѣтописями. Выраженіе лѣтописи «и раздая Рюрикъ мужемъ своимъ грады» Герберштейнъ, переводитъ: «Рюрикъ роздалъ города своимъ друзьямъ и приближеннымъ». До сихъ поръ Герберштейнъ дѣлалъ выписки изъ лѣтописи и приводилъ въ переводѣ подлинныя слова лѣтописи. О княженіи Олега встрѣчаемъ у Герберштейна извлеченіе изъ лѣтописи. Вотъ слова Герберштейна: «Олегъ увеличилъ русское царство покореніемъ многихъ областей и перепи-

(1) Стр. 3 лѣт.
(2) Rer. Mosc. Com. p. 2.
(3) Ibid. p. 2.
(4) Rer. Mosc. Com. p. 3.
(5) См. Т. прим. 274.

ся оружіе въ Грецію, осадилъ самую Византію (1)». Далѣе Герберштейнъ разсказываетъ о баснословной смерти Олега и тѣмъ оканчиваетъ свое извлеченіе. Замѣтно, что Герберштейнъ старался отдѣлаться общими фразами и пропустилъ характеристическіе моменты княженія Олега: поступокъ его съ Аскольдомъ и Диромъ, походъ на грековъ и миръ съ греками. Баснословный разсказъ о смерти Олега, приведенный Герберштейномъ, совершенно согласенъ съ лѣтописью. «По смерти Олега», говоритъ Герберштейнъ, «Игорь, вступивъ въ супружество съ псковитянкою Ольгою, началъ царствовать (2)». Въ лѣтописи подъ годомъ 6411—сказано: «Игореви взрастоши, и хожаше по Олзѣ, и слушаше его и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу». Изъ этого слѣдуетъ, что Игорь не могъ вступить въ бракъ по смерти Олега. Описывая дѣйствія Игоря во время его княженія, Герберштейнъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «идя впередъ съ своимъ войскомъ, Игорь достигъ до Гераклеи и Никомидіи, наконецъ, побѣжденный въ сраженіи, бѣжалъ (3)». Дѣйствительно, въ лѣтописи подъ годомъ 6449 есть подобное извѣстіе, но оно гораздо подробнѣе, именно тамъ встрѣчается упоминовеніе о греческомъ огнѣ, которымъ Ѳеофанъ истреблялъ русскія ладьи. Герберштейнъ, упоминая согласно съ лѣтописью о смерти Игоря, проходитъ молчаніемъ подробности этого событія. «Игорь убитъ древлянскимъ княземъ Маломъ, гдѣ и погребенъ», но какъ и зачто Игорь былъ убитъ, объ этомъ ни слова не говоритъ Герберштейнъ, несмотря на то, что въ лѣтописи, откуда онъ заимствовалъ самый фактъ, находится подробное описаніе. Вообще и про княженіе Игоря у Герберштейна сказано весьма мало, и опущены важные моменты княженія этого. Описывая княженіе Ольги, Герберштейнъ упоминаетъ о хитрой ея мести древлянамъ за смерть мужа по принятіи ею христіанской вѣры. Первое событіе Герберштейнъ разсказываетъ подробно и совершенно согласно съ тою лѣтописью, которую мы избрали для повѣрки его извѣстій. Значеніе подобныхъ басень для нашей первоначальной исторіи весьма хорошо показано М. П. Погодинымъ (4). О крещеніи Ольги говоритъ Герберштейнъ весьма коротко и въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ важную ошибку, говоря, что въ то время въ Царѣградѣ царствовалъ Іоаннъ Константинопольскій. Достовѣрно

(1) Rer. Mosc. Com. p. 3
(2) Jbid. p. 4.
(3) Ibid. p. 4.
(4) См. изслѣд. замѣч. и лекц. о Русск. Истор. Т. I.

извѣстно, что императоромъ былъ тогда Константинъ Багрянородный, который и былъ воспріемникомъ Ольги при святомъ крещеніи. Во всѣхъ спискахъ лѣтописи, служившихъ варіантами при изданіи археографическою коммиссіею лаврентьевской лѣтописи, упоминается, что императоромъ былъ тогда «Константинъ сынъ Леонтовъ», только въ лаврентьевскомъ спискѣ встрѣчается несогласное извѣстіе. «Бѣ тогда царь, именемъ Цѣмьскій».— вотъ слова этого списка, по объ Іоаннѣ Константинопольскомъ нигдѣ нѣтъ никакого извѣстія.—Сказаніе Герберштейна о характерѣ Святослава довольно согласно съ лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи: «Строгій и всегда готовый къ перенесенію воинскихъ трудовъ и опасностей, Святославъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, не позволялъ своему войску имѣть при себѣ обозы и сосуды для приготовленія пищи, питался же жаренымъ мясомъ, спалъ на землѣ, сѣдло служило ему изголовьемъ(1)». А вотъ слова лѣтописи: «Князю Святославу възростъши и возмужаше, нача совокупляти многи и храбры и легко ходя аки пардусъ, воины многи творяше. Ходя, возъ по себѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину на углехъ испекъ ядаше, ни шатра имаше, но подъ кладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ». Далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о раздѣлѣ Руси, сдѣланномъ Святославомъ между 3-мя своими сыновьями и здѣсь впадаетъ въ одну весьма странную ошибку. Приведу его слова: «Новгородцы сами по совѣту одной женщины,—Добрыни, просили себѣ государемъ Владиміра. Въ Новгородѣ былъ одинъ гражданинъ Комофча, называемый малымъ; онъ имѣлъ двухъ дочерей: «Добрыню и Малушу (2)».—Замѣтно, что Герберштейнъ не могъ хорошо понять слѣдующаго мѣста лѣтописи: «Володимиръ бо бѣ отъ Малуши, ключницы Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ, бѣ Добрыня уй Володиміру». Герберштейнъ назвалъ Добрыню сестрою Малуши, а въ самомъ то дѣлѣ онъ былъ братъ ей. Причину этой ошибки мы объясняемъ въ 1) тѣмъ, что Герберштейна привело въ затрудненіе окончаніе слова Добрыня на *я;* онъ никакъ не думалъ, что тутъ нужно разумѣть родительный или дательный падежъ или окончаніе прилагательнаго имени, а признавалъ за именительный.— Здѣсь кстати замѣтить, что окончаніе *я*, встрѣчается только въ лаврентьевскомъ спискѣ. Въ радзивиловскомъ сказано Добры-

---

(1) Rer. Mosc. Com. p. 5.
(2) Ibid. p. 5.

нъ, а въ троицкомъ Добрыш*ина* ([1]). 2) Герберштейнъ совершенно не понялъ и въ слѣдствіе этого прошелъ молчаніемъ славянское слово *уй*, что значитъ дядя. Если бы Герберштейнъ понялъ выраженіе лѣтописи, что «бѣ Добрыня уй Володимеру», то не сказалъ бы, что Добрыня былъ сестрою Малуши. Описывая согласно съ лѣтописью войну Святослава съ имперіею, Герберштейнъ приводитъ слова Святослава, сказанныя имъ передъ битвою, переводя ихъ изъ лѣтописи; но здѣсь должно замѣтить, что авторъ жертвовалъ ясности перевода смысломъ самыхъ словъ. Переводъ, можно сказать, довольно далеко отступаетъ отъ подлинныхъ словъ лѣтописи: «уже намъ не камо ся дѣти», говоритъ Святославъ въ лѣтописи, «волею и неволею стати противу, да не посрамимъ земли Рускiѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама неимамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжетъ, то промыслити собою», и рѣша вои: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». «Руссы, я невижу мѣста» говоритъ Святославъ Герберштейна, «гдѣ бы мы могли быть безопасными; *но уступить врагамъ землю русскую я никогда не думалъ*. Остается или умереть, или получить славу, мужественно сражаясь со врагомъ. Если я, храбро сражаясь, паду,—то сдѣлаю имя свое безсмертнымъ, если-жъ побѣгу, то получу вѣчное безславіе. Враги окружили насъ и въ бѣгствѣ уже нѣтъ спасенія; стану крѣпко, пойду на встрѣчу всѣмъ опасностямъ и первый положу голову за отечество ([2])». «Гдѣ твоя голова, тамъ и наши», отвѣчаютъ воины.— Подчеркнутыя слова перевода не имѣютъ соотвѣтствующихъ словъ въ подлинникѣ. — Распри между сыновьями Святослава описаны совершенно вѣрно. Замѣчу здѣсь одну ошибку Герберштейна, которая впрочемъ не имѣетъ большаго значенія: упоминая о Рогвольдѣ, Герберштейнъ называетъ его княземъ псковскимъ, ([3]) между тѣмъ какъ онъ былъ княземъ полоцкимъ. Приступая къ описанію княженія Владиміра, Герберштейнъ сначала перечисляетъ идоловъ, поставленныхъ Владиміромъ въ Кіевѣ: «Первый идолъ назывался Перуномъ, съ серебряною головою, прочія части были деревянныя; другіе назывались *Усладъ*, Корса, Дасва, Стриба, Симерша, Макошъ (Macosch) ([4])». Здѣсь опять встрѣчается странная ошибка, которую весьма легко замѣтить, прочтя соотвѣтствующее мѣ-

---

([1]) См. 29 стр. Лѣт. варіанты къ слову Добрыня

([2]) Rer. Mosc. Com. p. 5.

([3]) Ibid. p. 6.

([4]) Ibid. p. 6.

его лѣтописи: «и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребряну, а *усъ златъ* и хорса, дажьбога и стрибога, и симерьгла и макошъ». Герберштейнъ принялъ выраженіе *усъ златъ* за особаго идола и составилъ небывалое имя *усладъ*. Про написаніе послѣдующихъ именъ идоловъ нужно замѣтить, что имена ихъ чрезвычайно испорчены у Герберштейна въ сравненіи съ написаніемъ ихъ въ лѣтописи. Нельзя-ли объяснить и самую вышеприведенную ошибку, и небрежное написаніе именъ дурнымъ написаніемъ того самаго списка лѣтописи, которымъ руководствовался Герберштейнъ при своемъ сочиненіи. Далѣе, перечисляя имена сыновей Владиміра, ошибочно называетъ одного изъ нихъ Станиславомъ [1], вмѣсто Мстислава, какъ онъ названъ въ лѣтописи. Принятіе Владиміромъ христіанской вѣры описано Герберштейномъ очень коротко и даже, можно сказать, не ясно. Въ лѣтописяхъ нашихъ такъ подробно и тщательно описано это важнѣйшее событіе для нашего государства, что мы и отъ Герберштейна вправѣ были ждать болѣе обстоятельнаго описанія. Вотъ слова Герберштейна: «Когда Владиміръ безпрепятственно сдѣлался монархомъ всей Россіи, къ нему пришли послы изъ разныхъ странъ, увѣщавая его принять ихъ вѣроисповѣданіе. Владиміръ, *узнавъ о столь многоразличныхъ исповѣданіяхъ*, самъ отправилъ пословъ отъ себя для изслѣдованія сущности и обрядовъ каждаго исповѣданія. Наконецъ, когда Владиміръ избралъ и предпочелъ всѣмъ вѣрамъ, вѣру христіанскую греческаго исповѣданія, тогда онъ отправилъ *пословъ въ Константинополь къ царямъ Василію и Константину, обѣщаясь вмѣстѣ съ своими подданными принять христіанскую вѣру, и уступить имъ Корсунь и другія свои владѣнія въ Греціи*, если получитъ въ супружество сестру ихъ Анну: для взаимныхъ совѣщаній назначено время и избрано мѣсто—Корсунь [2]». Въ лѣтописяхъ весьма подробно изложено это событіе; Герберштейнъ старался удалить эти подробности и выбрать самую сущность дѣла.—Сущность дѣла, другими словами голый фактъ, затемнилъ собою весь интересъ лѣтописнаго разсказа. Герберштейнъ говоритъ, что Владиміръ, желая получить руку греческой царевны Анны, обѣщалъ за то принять христіанскую вѣру и уступить братьямъ ея Корсунь и другія свои владѣнія въ Греціи. Дѣйствительно по вступленіи въ супружество съ Анною, Владиміръ уступилъ Корсунь: «вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ

(1) Ibid. p. 6.
(2) Ibid. p. 7.

дѣля, а самъ приде къ Кіеву» *но о другихъ владѣніяхъ въ Греціи*, которыя, по словамъ Герберштейна, Владиміръ хотѣлъ еще уступить, въ лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи ни слова не говорится, да и самый этотъ фактъ по лѣтописи выходитъ нѣсколько отличнымъ. Владиміръ, взявъ Корсунь, «посла къ цареви Василью и Константину, глаголаше сице: се градъ ваю славный взяхъ, слышу же се, яко сестру имати дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ». И такъ не обѣщаніями, но угрозами старался Владиміръ склонить царей выдать за него свою сестру. Угрозы эти подѣйствовали на царей; но они опасались только того, какимъ образомъ сестра ихъ *христіанка—выйдетъ* за язычника. Владиміръ постарался разувѣрить ихъ въ этомъ опасеніи и вотъ тутъ-то далъ обѣщаніе креститься, что дѣйствительно и исполнилъ; наконецъ при отъѣздѣ изъ Греціи отдалъ обратно грекамъ Корсунь. «За вѣно, опять царицѣ дѣля», вотъ сущность самаго факта по лѣтописи. Сравнивъ его съ описаніемъ Герберштейна, мы видимъ, что извѣстія Герберштейна нѣсколько отлично отъ лѣтописнаго; различіе это произошло отъ того, что въ извѣстіи Герберштейна не соблюдена лѣтописная послѣдовательность. Послѣднимъ словомъ Герберштейна о Владимірѣ было то, что Владиміръ построилъ между рѣками Волгою и Окою городъ, назвалъ его своимъ именемъ и сдѣлалъ митрополіею Россіи [1]. Эта ошибка должна быть отнесена уже собственно къ Герберштейну, потому что нельзя предполагать чтобы былъ списокъ лѣтописи съ такою грубою ошибкою.—Если же признать это ошибкою Герберштейна, то она въ такомъ случаѣ потеряетъ свою грубость и можетъ быть признана только слѣдствіемъ недосмотрительности и сбивчивости Герберштейна. Не будемъ долго останавливаться на фактическомъ опроверженіи этого извѣстія: оно не справедливо: 1) потому, что Владиміръ (на Клязьмѣ) построенъ не Владиміромъ святымъ, а Мономахомъ [2] и 2) потому, что митрополіею этотъ городъ сдѣлался въ 1299 г., когда Максимъ перенесъ сюда свой престолъ изъ Кіева, тѣснимаго Монголами [3]. Въ лѣтописи подъ годомъ 6499 сказано: «Володиміръ заложи градъ Бѣлъгородъ, и наруби въ не инѣхъ городовъ, и много людій сведе въ онь; бѣ бо любя градъ сь». — Ясно видно что невозможно согласить извѣстія лѣтописныя съ извѣстіемъ Герберштейна; послѣднее должно

---

(1) Ibid. p. 7.
(2) См. Истор. Н. Г. Устрялова Т. I.
(3) Тамъ же.

быть признано явною ошибкою. События отъ Владиміра святаго до татарскаго ига проходитъ Герберштейнъ весьма коротко: упоминаетъ о смерти Бориса и Глѣба, а о послѣдующихъ событіяхъ отдѣлывается слѣдующею фразою: «во время несогласіи братьями ничего не было сдѣлано достойнаго памяти; но вездѣ встрѣчаются только измѣны, козни, обманы и междоусобныя войны (1)». Здѣсь можно сдѣлать упрекъ Герберштейну за то, что онъ оставилъ безъ вниманія княженіе Ярослава I. О послѣдующихъ событіяхъ онъ имѣлъ право такъ выражаться, потому что для него, какъ для иностранца, худо знакомаго съ причиною, ходомъ и результатомъ нашей удѣльной системы, утомительно было читать въ лѣтописи однообразное описаніе междоусобныхъ войнъ, козней, обмановъ и измѣнъ, чѣмъ дѣйствовали наши князья въ то время одинъ противъ другаго. О Владимірѣ Мономахѣ мы имѣемъ у Герберштейна два короткія извѣстія, именно, что онъ возстановилъ единодержавіе и что отъ него остались царскіе знаки, употребляемые нынѣ россійскими государями при восшествіи ихъ на престолъ. Оба эти извѣстія совершенно справедливы. О событіяхъ отъ смерти Мономаха до татарскаго ига рѣшительно ничего не упоминается, а самихъ князей и ихъ дѣйствія характеризуетъ Герберштейнъ нѣсколькими словами: «они не произвели ничего достойнаго памяти потомства». Замѣтно что Герберштейну надоѣлъ *сухой разсказъ* нашихъ лѣтописей о междоусобныхъ войнахъ этого времени. Татарскій період русской исторіи Герберштейнъ описываетъ гораздо подробнѣе, чѣмъ предъидущій, и приводитъ нѣсколько фактовъ изъ междоусобныхъ войнъ русскихъ князей этого времени; упоминаетъ о князьяхъ: Андреѣ Александровичѣ, Димитріѣ Александровичѣ, Димитріѣ Михайловичѣ, Григоріѣ Даниловичѣ, Симеонѣ Іоанновичѣ и наконецъ о великомъ князѣ Димитріѣ, поразившемъ Мамая на поляхъ Куликовскихъ, гдѣ земля на пространствѣ 13 т. шаговъ была покрыта трупами. Всѣ сообщенные Герберштейномъ факты согласны съ лѣтописью (2). Только нужно замѣтить одну странность: Герберштейнъ говоритъ, что Симеонъ Іоанновичъ просилъ у хана Чанибека для себя тверскаго великокняжескаго престола. Это несправедливо потому, что тутъ рѣчь шла не о тверскомъ престолѣ, а о московскомъ, и еще потому, что ханомъ былъ тогда Узбекъ, а не Чанибекъ (3). О Василъѣ Дмитріевичѣ Герберштейнъ говоритъ,

(1) Rer. Mosc. Com. p. 7.
(2) См. Лавр. и Троиц. лѣтоп.
(3) См. Истор. проф. Н. Г. Устрялова Т. 1.

что «онъ имѣлъ единственнаго сына Василія, но, подозрѣвая въ невѣрности жену свою Анастасію, не любилъ и его, и въ слѣдствіе того, умирая, назначилъ по себѣ великимъ княземъ брата своего Георгія»—и что потомъ уже Василій Васильевичъ выхлопоталъ себѣ въ Ордѣ грамоту на великокняжескій престолъ. Послѣднее событіе справедливо; но откуда заимствовалъ Герберштейнъ свои свѣдѣнія о первомъ,—неизвѣстно. Въ лѣтописи ничего не говорится о назначеніи Василіемъ брата своего Георгія великимъ княземъ. Напротивъ вотъ слова лѣтописи: (1) «въ лѣто 6933 преставися христолюбивый князь великый Василей Дмитріевичъ; того же лѣта сынъ его князь Василей Васильевичъ сѣде на Великомъ Княженіи». Ни слова про назначеніе Георгія великимъ княземъ.—А что Василій Васильевичъ съ дядею своимъ Георгіемъ ѣздили въ Орду для полученія ханской грамоты на великое княженіе—это совершенно справедливо. Георгій дѣйствительно имѣлъ права на великокняжескій престолъ по силѣ завѣщанія Димитрія Донскаго, а не по завѣщанію Василія Дмитріевича, какъ говоритъ Герберштейнъ. Професоръ Н. Г. Устряловъ (2) прямо говоритъ, что Василій Дмитріевичъ хотѣлъ исправить ошибку отца и наименовалъ своимъ преемникомъ не брата Юрія Дмитріевича, которому принадлежалъ престолъ по завѣщанію Донскаго, а собственнаго сына Василія. Противно лѣтописи также разсказываетъ Герберштейнъ слѣдующее событіе: «Георгій спокойно княжилъ,» говоритъ онъ, «до самой своей смерти и по завѣщанію предоставилъ престолъ племяннику своему Василію». Въ лѣтописи подъ 6942 г. говорится: «того же лѣта преставися князь великый Юрьи Дмитріевичъ. Того же лѣта сѣде князь Василей Васильевичъ на великомъ княженіи». «Юрій торжествовалъ не долго», говоритъ профессоръ Н. Г. Устряловъ, «смерть скоро пресѣкла его честолюбивые замыслы и Василій возвратился въ Москву». Про завѣщаніе нигдѣ ни слова. Объ ослѣпленіи Василія Васильевича разсказываетъ Герберштейнъ слѣдующимъ образомъ: «Василій, находившійся въ то время въ монастырѣ св. Сергія, услышавъ объ осадѣ, разослалъ лазутчиковъ и расположивъ гарнизонъ, остерегался, чтобы не было сдѣлано внезапное нападеніе. Когда узнали объ этомъ два упомянутые брата, то, наполнивъ нѣсколько повозокъ вооруженными воинами, отправили оныя, будтобы съ товаромъ. Воины, проникнувъ такимъ образомъ въ монастырь, среди глубокой и ненастной ночи, вышли изъ пово-

(1) См. Софійскую 1 лѣтоп.
(2) См. Т. 1 его исторіи.

зокъ, напали на неподозрѣвавшихъ никакой опасности карауль-ныхъ и взяли ихъ въ плѣнъ» (1). Всѣ эти подробности въ разсказѣ Герберштейна о взятіи Василія въ монастырѣ троицкомъ въ плѣнъ находятъ подтвержденіе въ софійской второй лѣтописи, гдѣ подъ годомъ 6954 помѣщенъ подробный разсказъ, но въ софійской первой и псковской первой лѣтописи нѣтъ никакихъ подробностей. Карамзинъ тоже со всѣми подробностями разсказываетъ это событіе. Съ этого времени начинаетъ преобладать въ запискахъ Герберштейна устный разсказъ предъ лѣтописнымъ, и потому здѣсь считаемъ нужнымъ окончить провѣрку историческихъ извѣстій Герберштейна по лѣтописи. Замѣтимъ только, что особенно-отличительными чертами изобилуетъ царствованіе Іоанна III Васильевича и не менѣе достопамятнаго его сына. Здѣсь кромѣ различныхъ анекдотовъ описано подробно сраженіе при Оршѣ, покореніе Рязани, Новгорода, Пскова, Казани, Смоленска и другихъ городовъ; но изъ числа этихъ извѣстій мы должны исключить два—обрядъ коронованія Дмитрія и о десятинахъ Владиміра. Недостаточно будетъ, если мы скажемъ, что въ повѣствованіи Герберштейна объ этихъ предметахъ выдержанъ духъ лѣтописнаго разсказа. Нѣтъ, мы должны признать его за совершенно вѣрный переводъ лѣтописнаго разсказа.—Мы свѣряли описаніе обряда коронованія Димитрія у Герберштейна съ описаніями, находящимися въ софійской второй лѣтописи, въ никоновской лѣтописи и въ древней россійской Вивліоѳикѣ, и въ слѣдствіе этого пришли къ этому заключенію. Слово *вѣрный* мы не понимаемъ въ смыслѣ дословный и не думаемъ, чтобы маленькія перестановки въ изложеніи у Герберштейна могли служить опроверженіемъ нашего заключенія. Для доказательства приведемъ параллельныя мѣста.

«Посреди храма Пресвятыя Богородицы» говоритъ Герберштейнъ (2) «сооружается амвонъ, на которомъ ставятъ три сѣдалища, т. е. для дѣда, внука и митрополита; кромѣ того ставится каѳедра, которую они называютъ аналоемъ: на него кладутъ покняжескую шапку и бармы, т. е. княжескія украшенія. Въ постановленное время входятъ, одѣтые въ торжественныя облаченія, митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь священный соборъ. При входѣ въ храмъ великаго князя со внукомъ, діаконы, по обыкновенію, возглашаютъ

(1) Rer. Mosc. Com. p. 8 et 9.
(2) Jbid. p. 19—21.

многолѣтіе одному только великому князю Іоанну. За тѣмъ митрополитъ со всѣмъ клиромъ начинаетъ пѣть молебенъ пресвятоій Богородицѣ и святому Петру Исповѣднику, котораго они по своему обычаю именуютъ чудотворцемъ. По окончаніи молебна, митрополитъ, великій князь и внукъ восходятъ на амвонъ; первые садятся на назначенныя мѣста, *а внукъ остается* внизу амвона». Вотъ разсказъ лѣтописи: (1) «Средѣ церкви уготовиша мѣсто большое, на чемъ Святителей ставить и учиниша на томъ мѣстѣ три стулы, великому князю Ивану, да внуку его Дмитрію, да митрополиту, и егда доспе время облечеся митрополитъ и архіепископъ и епископы и архимандриты и игумены и весь соборъ въ освященныя одежды и повелѣша среди церкви поставити налой и на немъ положиша шапку мономаха и бармы. И егда вниде князь великій со внукомъ въ церковь и митрополитъ со всѣмъ соборомъ нача молебны Пречистой и Петру Чудотворцу служити и послѣ *Достойна и Трисвятой*, и по тропарехъ митрополитъ и князь великій шедъ и сѣдоша на своихъ мѣстахъ, а внукъ сталъ предъ ними у мѣста у вышней ступени, не всходя на мѣсто».

Юридическіе памятники.

Особенно блеснулъ Герберштейнъ своимъ знаніемъ славянскаго языка при переводѣ устава Владиміра (2). Переводу этого памятника Герберштейнъ посвятилъ особенную главу, назвавъ ее «de decimis». Въ ней онъ говоритъ о цѣли, съ которою давались десятины, и о церковномъ судѣ. Въ переводѣ этого памятника всего болѣе высказывается свѣдѣніе Герберштейна въ языкѣ славянскомъ; доказать это можно только сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ. Для доказательства выбираю повѣствованіе лѣтописи (3) и Герберштейна о церковномъ судѣ. «А се церковные судове, даныя закономъ Божіимъ, по правиламъ Святыхъ Отецъ, крестьян-

---

(1) См. Соф. втор. Лѣт. стр. 241—242.

(2) Подлинность этого устава, заподозренная Карамзинымъ, доказывается тѣмъ, что уже въ XII в. онъ является распространеннымъ по разнымъ концамъ Россіи по крайней мѣрѣ въ 3-хъ спискахъ; и что внесенный въ кормчіи и въ лѣтописи, онъ несомнѣнно имѣлъ уже тогда смыслъ дѣйствующаго устава. Точно также по указаніямъ лѣтописи и по внутреннимъ признакамъ устава можно утвердительно сказать, что онъ существовалъ и въ XII и въ XI вѣкѣ. Объ этомъ подробнѣе см. Ист. Рус. Цер. Макарія С.-Пб. 1857 Т. 1. *Прим. Ред.*

(3) См. Прибав. ко второй Соф. Лѣт.

скими цари и князи: во всѣхъ крестьянскихъ людехъ роспусты, смильное, умычькы, пошибаніе, застатіе, промежи мужемъ и женою о животѣ ихъ, въ племени или въ сватовствѣ поймутся, вѣдьство, зелья, уреканія блядиею и зельи и еретичьствомъ, отца или матерь біетъ сынъ или дочь или кто уречется скверными словы пралыгая отца и матерь, церковная татба, мертвеци сволочать, гробная татба, крестъ посѣкуть, въ церковь скотъ или псы введетъ или что неподобно церкви сдѣетъ, то все церковнія судове». А вотъ переводъ Герберштейна: (¹) «Епископы должны рѣшать разводы, также къ суду ихъ относятся слѣдующія случаи: если жена не повинуется мужу, когда кто либо будетъ обличенъ въ блудѣ или прелюбодѣяніи, или кто женится на родственницѣ, если супругъ умышляетъ что нибудь худое противъ своей супруги, гаданія и волшебства, отравы, споры по причинѣ ереси, или прелюбодѣянія, также если сынъ злословитъ и оскорбляетъ родителей или сестеръ. Сверхъ того подлежатъ суду епископа обличенные въ содомскомъ грѣхѣ, святотатцы, кто грабитъ могилы, кто похищаетъ для волшебства что нибудь отъ образовъ святыхъ или отъ изображенія креста, кто введетъ въ церковь или употребитъ въ пищу собаку, птицу, или другое какое нибудь нечистое животное». Дальнѣйшихъ выписокъ мы не будемъ дѣлать; изъ приведенныхъ параллельныхъ мѣстъ уже достаточно ясно, до какой степени былъ свѣдущъ Герберштейнъ въ языкѣ славянскомъ.

Теперь переходимъ къ другому весьма замѣчательному юридическому памятнику, извлеченіемъ изъ котораго, или, лучше сказать, переводомъ нѣсколькихъ мѣстъ, Герберштейнъ упрочилъ за собою видное мѣсто въ нашей древней юридической литературѣ. Я говорю о судебникѣ Іоанна Васильевича III. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только рѣчь зайдетъ объ этомъ судебникѣ, всегда имя Герберштейна является на первомъ планѣ.—Что же сдѣлалъ Герберштейнъ?—Герберштейну принадлежитъ честь перваго ознакомленія насъ съ этимъ памятникомъ; онъ первый сдѣлалъ выписки изъ него. До самаго XIX столѣтія не знали о существованіи этого памятника и довольствовались выписками Герберштейна. Незнаніе породило сомнѣніе: стали сомнѣваться въ достовѣрности выписокъ Герберштейна. Наконецъ, въ 1817 году, стараніемъ нашего знаменитаго, просвѣщеннаго любителя древностей, государственнаго канцлера, графа Николая Петровича Румянцова, нашелся современный списокъ Іоанновыхъ

(¹) Rer. Mosc. Com. p. 45—46.

законовъ (1). Теперь памятникъ этотъ изданъ археографическою коммиссіею въ 1 томѣ актовъ историческихъ подъ годомъ 7006. При изданіи, археограф. коммиссія указала на тѣ мѣста, которыя переведены Герберштейномъ, и сдѣлала ихъ варіантами при своемъ изданіи, приведя ихъ на латинскомъ языкѣ (2). Такъ-какъ мы имѣемъ дѣло съ языкомъ перевода Герберштейна, и цѣль наша показать степень свѣдѣній Герберштейна въ языкѣ славянскомъ, то и думаемъ, что не будетъ излишнимъ, если помѣстимъ здѣсь подлинныя слова судебника и соотвѣтственный переводъ Герберштейна.

А имати бояриту и діаку въ судѣ, отъ рублеваго дѣла на виноватомъ, кто будетъ виноватъ, ищея или отвѣтчикъ, и бояриту на виноватомъ два алтына, а діаку осмь денегъ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, и бояриту имати по тому расчету.	Когда виновный будетъ обвиняемъ въ одномъ рублѣ, то платитъ судьѣ два алтына, дьяку же 8 денегъ.
А досудятся до поля, а у поля не стоявъ помирятся, а бояриту и діаку по тому расчету, бояриту съ рубля 2 алтына и діаку 8 денегъ, а окольничему и діаку и недѣлщикамъ пошлинъ полевыхъ нѣтъ.	Если же обѣ стороны, прежде чѣмъ придутъ на мѣсто поединка, примирятся, то платятъ судьѣ и дьяку не менѣе, какъ если бы и самый судъ былъ произведенъ.
А у поля стоявъ помирятся, и бояриту и діаку имати по томужъ расчету пошлины свои, а окольничему четверть и діаку четыре алтына съ деньгою, а недѣлщику четверть, да недѣлщику жъ вязчего два алтына.	Если же пришли бы на мѣсто поединка и здѣсь примирились бы, то платятъ столько же судьѣ, окольничему 50 денегъ, недѣльнику тоже 50 денегъ и два алтына; писцу четыре алтына и одну деньгу.
А побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ или въ бою, и бояриту съ діакомъ взяти на убитомъ противень противу иецева, а окольничему полтина, а діаку четверть, а недѣлщику	Если же пришли бы на мѣсто поединка и одинъ изъ нихъ былъ бы побѣжденъ, тогда виновный платитъ судьѣ столько, сколько отъ него потребуется, окольничему дается полтина и

(1) См. Карамз. Т. VI. прим. 609.
(2) См. Т. 1. Актовъ Истор.

полтина, да недѣлщику же вязчего 4 алтына.

А побіются на полѣ въ пожогѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татбѣ, ино на убитомъ исцево доправити, до окольничему на убитомъ полтина да доспѣхъ, а діаку четверть, а недѣлщику полтина, да недѣлщику жъ вязчего 4 алтына, а самъ убитый въ казни и въ продажѣ, боярину и діаку.

А государскому убойцѣ и коромольнику, церковному татю и головному и подметчику и зажигальщику вѣдомому лихому человѣку живота не дати, казнити его смертною казнію.

А котораго татя поимаютъ съ какою татбою нибуди впервые, опрочѣ церковные татбы и головные, а въ иной татбѣ въ прежней довода на него не будетъ, ино его казнити торговою казнію, бити кнутьямъ, да исцево на немъ доправя, да судіѣ его продати, а не будетъ у того татя статка чѣмъ исцево заплатить, ино его бивъ кнутьемъ, да истцу его выдать въ его гибели головою, а судьѣ не имати ничего на немъ.

оружіе побѣжденнаго, писцу 50 денегъ, недѣльнику полтина и четыре алтына.

Если назначается поединокъ по причинѣ зажигательства, душегубства, грабежа или наконецъ за воровство, и если обвинитель побѣдитъ, то отъ виновнаго получаетъ все чего домогался, окольничему дается полтина, писцу 50 денегъ, недѣльнику полтина, *вязчего* 4 алтына, *оставшееся имѣніе побѣжденнаго продается, и вырученныя деньги даются судьямъ,* виновный же подвергается тѣлесному наказанію, смотря по качеству преступленія.

Подвергаются смертной казни: убійцы своихъ господъ, измѣнники, святотатцы, продавцы людей, также тѣ, которые приносятъ вещи въ домъ другаго и послѣ говорятъ, что эти вещи у нихъ украдены. Эти люди называются подмѣтчиками, также тѣ, которые губятъ людей чрезъ зажигательство, наконецъ всѣ открытые злодѣи.

Кто въ первый разъ будетъ пойманъ въ воровствѣ, если только онъ не будетъ обвиняемъ въ святотатствѣ, или въ похищеніи людей, то такой не подвергается смертной казни, но исправляется посредствомъ публичнаго наказанія, т. е. бываетъ битъ палками и кромѣ того наказывается отъ судьи денежною пенею. Если же снова будетъ схваченъ въ воровствѣ и не будетъ имѣть возможности удовлетворить судью, или

А поимаютъ татя вдругые съ татбою, ино его казнити смертною казнію, а исцево заплатити изъ его статка, а досталь его статка судьѣ; а не будетъ у того тати статка съ исцеву гыбель, ино его въ гыбели не выдати, казнити его смертною казнію.

А съ поличнымъ его приведутъ впервые, а взмолветъ на него человѣкъ пять или шесть, по великаго князя крестному цѣлованію, что онъ тать вѣдомой и прежъ того не одинова крадывалъ, ино того казнити смертною казнію, а исцево заплатити изъ его статка.

А съ холопа и съ рабы отъ правые грамоты и отъ отпустныя бояриму имати отъ печати, съ головы по девяти денегъ, а діаку отъ подписи по алтыну съ головы, а подъячему, который грамоту правую напишетъ или отпустную съ головы по три денги.

обвинителя, то наказывается смертью. Если схваченный воръ не можетъ удовлетворить обвинителя, то, битый палками, передается обвинителю.

Если кто нибудь будетъ обвиняемъ въ воровствѣ, и какой нибудь честный человѣкъ подъ присягою утвердительно скажетъ про него, что онъ и прежде этого былъ уже схваченъ въ воровствѣ, но по какой нибудь причинѣ прощенъ, то такой человѣкъ безъ всякаго суда предается смерти, съ имѣніемъ же его поступаютъ какъ сказано выше.

Если же кто нибудь дурнаго поведенія и подозрительной жизни будетъ обвиняемъ въ воровствѣ, то призывается для допроса. Если же не признается, то отдается на поруки и отпускается до дальнѣйшаго изслѣдованія.

За написаніе рѣшенія или открытаго мнѣнія по дѣлу въ одинъ рубль, платится судьѣ девять денегъ; секретарю, который имѣетъ печать,—одинъ алтынъ, дьяку 3 деньги.

Тѣмъ и оканчиваются выписки Герберштейна изъ судебника. И такъ мы видимъ, что едва четвертая часть судебника переведена Герберштейномъ; видимъ также, что Герберштейнъ имѣлъ подъ руками какой нибудь другой списокъ этого памятника. Подчеркнутыя слова и послѣдніе два параграфа подтверждаютъ наше заключеніе. Касательно самаго перевода нужно замѣ-

тить, что онъ отличается вѣрностью и точностью, только слово дьякъ переведено Герберштейномъ двоякимъ образомъ: notarius и scriba.

Памятники духовно-юридическіе слѣдуютъ на ряду съ другими памятниками церковной литературы.

Духовная литература.

Въ своихъ комментаріяхъ Герберштейнъ помѣщаетъ переводъ нѣсколькихъ письменныхъ памятниковъ русской духовной литературы, а именно: посланіе митрополита Іоанна къ папѣ, правила Іоанна митрополита и вопросы Кирика.

На славянскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія рукописныя посланія: «Архіепископу Римскому отъ Іоанна Митрополита Рускаго о опрѣсноцѣхъ»:

1. Рукопись библіотеки гр. Толстова Отд. 3 N 65, принадлежащая теперь публичной библіотекѣ (въ С.-Петербургѣ), въ 8-ю долю листа, полууставная, на пергаменѣ, конца XIV или начала XV вѣка, на 150 листахъ. Посланіе митрополита Іоанна находится въ этой рукописи, на л. 138—148. Нач: «Възлюбихъ, Господи, любовь твою, человѣче Божій!»

2. Рукопись также библіотеки гр. Толстова Отд. 2 N 341, принадлежащая теперь публичной библіотекѣ, въ 4-ку, скорописная, XVI вѣка, на 377 листахъ. Здѣсь на л. 225—227 помѣщены 2 отрывка изъ посланія Іоанна митрополита русскаго къ римскому архіепископу.

3. Кормчая Румянцовскаго Муз. N 238, писанная въ большой листъ, полууставомъ, въ 1620 г. Здѣсь на стр. 545 и слѣд. находится посланіе; «Іванна Митрополита Русскаго къ Архіепископу Римскому о опрѣсноцѣхъ.»

4. Рукопись моск. синод. библіотеки N 562, подъ заглавіемъ: «Посланія Россійскихъ митрополитовъ и другихъ лицъ», въ 4 долю листа, XVI вѣка. Объ этой рукописи вообще см. въ Дополн. къ Актамъ Историческимъ Т. I N 11 (въ концѣ). О томъ, что въ ней есть посланіе митрополита Іоанна къ римскому архіепископу, см. у Калайдовича [1] и у митрополита Евгенія [2].

5. Кормчая библіотеки московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, Отд. I № 108, XVI вѣка, въ л., полууставная, на 230 листахъ. Посланіе митрополита Іоанна вставлено здѣсь въ грань вторую.

---

[1] Памятники Россійской Словесности XII вѣка.

[2] Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина.

Въ книгѣ, несправедливо называемой Кирилловою, напечатанной въ Москвѣ, въ 7152 (1644) г., при патріархѣ Іосифѣ, помѣщена, на л. 257, выписка изъ посланія іоаннова, подъ заглавіемъ: «Указаніе отъ правилъ обличительно на ереси Латинскія Іоанна митрополита Русскаго архіепископа, о опрѣсноцѣхъ». Все посланіе напечатано Калайдовичемъ по списку библіотеки гр. Толстова, Отд. 3. № 65.

На греческомъ языкѣ это посланіе находится въ московской патріаршей библіотекѣ, по каталогу 1805 г. лейпцигскаго професора Фридерика Маттея, подъ № 353. Гарлесъ, въ новомъ изданіи фабриціевой греческой библіотеки ([1]), говоритъ, что оно находится и между рукописями библіотекъ: Императорской вѣнской, венеціанской св. Марка, парижской и оксфордской. На латинскомъ языкѣ оно есть въ одномъ греческомъ номоканонѣ или кормчей. Левъ Аллатій ([2]) приводитъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ одно мѣсто изъ этого посланія (объ утвержденіи правилъ шестаго вселенскаго собора, согласіемъ папы Агаѳона). Онъ называетъ папу, къ которому писано посланіе, Климентомъ, основываясь, конечно, на какой нибудь греческой рукописи, изъ которой заимствовалъ приведенное мѣсто.

Три ученые представили изслѣдованія объ этомъ посланіи. Калайдовичъ въ Памятникахъ россійской словесности XII вѣка, въ предисловіи къ изданному тамъ славянскому тексту этого посланія, митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина» (въ статьѣ: Іоаннъ III, а по счету другихъ каталоговъ IV), и профессоръ Неволинъ въ «Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности» за 1852 и 1853 гг. (въ статьѣ: о митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ о сочинителѣ посланія къ архіепископу римскому Клименту о опрѣснокахъ). Калайдовичъ касательно именъ автора посланія и папы, къ которому оно относится, сообщилъ только мнѣнія другихъ, безъ всякаго съ своей стороны сужденія. Митрополитъ Евгеній, сдѣлавши общее замѣчаніе, что «при всѣхъ россійскихъ митрополитахъ Іоаннахъ не было никакого папы Климента современникомъ имъ», полагаетъ однакоже, что «посланіе Іоанново не сомнительно по всѣмъ вышеупомянутымъ свидѣтельствамъ, а ошибка только въ надписи имени папы», приписываетъ посланіе митрополиту Іоанну III, а по счету другихъ каталоговъ IV (1164—1166), и сочинителя этого посланія отли-

(1) Hamburg 1790-1808 T. XI p. 651, T. XII p. 197.

(2) De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, Coloniae Agrip. 1648, pag. 474.

чаетъ отъ митрополита Іоанна II, которому приписываетъ извѣстное правило церковное, надписанное къ Іакову черноризцу. Профессоръ Неволинъ вотъ какимъ образомъ утверждаетъ честь авторства за митрополитомъ Іоанномъ II. Въ изслѣдованіи о лицѣ, говоритъ онъ ([1]), къ которому писано посланіе митрополитомъ русскимъ Іоанномъ, должно держаться несомнительно надписанія греческихъ рукописей, по которымъ оно показывается писаннымъ къ папѣ Клименту. Не было ли дѣйствительно между римскими папами какого нибудь, съ именемъ Климента, современника одному изъ нашихъ митрополитовъ Іоанновъ XI и XII вѣка? Изъ истинныхъ и признанныхъ римскокатолическою церковью папъ такого, дѣйствительно, не было. Но съ именемъ Климента былъ одинъ антипапа, и притомъ современникъ нашимъ митрополитамъ Іоаннамъ—II и III. Извѣстно, что по настоянію нѣмецкаго короля Генриха IV, бывшаго въ распрѣ съ Григоріемъ VII Гильдебрандомъ, на сеймѣ въ Бриксенѣ 25 іюня 1080 г. избранъ былъ въ папы архіепископъ равенскій, канцлеръ Генриха, Вибертъ, который принялъ наименованіе Климента III. Онъ умеръ въ 1099 г., спустя 20 лѣтъ послѣ своего избранія и сопротивленія тремъ законнымъ папамъ.

Этому папѣ были современны русскіе митрополиты: Іоаннъ II и Іоаннъ III. Къ нему слѣдовательно было писано посланіе однимъ изъ русскихъ митрополитовъ Іоанновъ. Достоинство митрополита Іоанна II, какъ писателя, подтверждается такимъ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ, которое не оставляетъ желать лучшаго, какъ скоро предполагается за достовѣрное, что митрополитъ Іоаннъ III не былъ писатель. При такомъ предположеніи, честь авторства этого посланія принадлежитъ Іоанну II несомнительно.

В. И. Григоровичъ, сравнившій греческій текстъ посланія съ русскимъ, въ «Ученыхъ Запискахъ 2 Отдѣленія Академіи Наукъ за 1854 г.», говоритъ, что изслѣдованіе профессора Неволина подверждается самимъ греческимъ текстомъ. Именно въ самомъ началѣ греческаго текста упомянуто о неблагочестивыхъ поступкахъ предшествовавшихъ папъ и объ умѣренности новаго папы. Это упоминовеніе какъ нельзя лучше относится къ Льву IX и Григорію VII, притязанія которыхъ окончательно нарушили единство церкви и всего болѣе повредили славянамъ. Если при томъ сообразить, что императоръ Генрихъ IV былъ въ родствѣ и сношеніяхъ съ русскими князьями, то не

([1]) стр. 72.

безъ основанія будетъ предположеніе, что поставленный имъ въ папы, архіепископъ равенскій Wibertus подъ именемъ Климента III (1080—1100), могъ обращаться къ іерархамъ русской церкви. Нельзя также пропустить безъ вниманія и того обстоятельства, что тотъ же папа искалъ приверженцевъ въ Чехіи и Польшѣ. Слѣдственно посланіе Іоанна, отличавшаго умѣренность новаго папы въ сравненіи съ предшественниками его, могло быть внушено обстоятельствами западной церкви, возникшими вслѣдствіе борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII. Поэтому надпись его въ греческомъ текстѣ есть лучшее указаніе на время сочиненія.

Герберштейнъ надписалъ свой латинскій переводъ этого посланія: Ioannes Metropolita Russiae ad Archiepiscopum Romanum. Что Герберштейнъ не имѣлъ греческаго текста, и перевелъ это посланіе съ русскаго языка, то это подтверждается тѣмъ, что 1) онъ не упоминаетъ о греческомъ текстѣ, 2) не называетъ римскаго архіепископа по имени, тогда какъ въ греческихъ рукописяхъ этотъ архіепископъ прямо называется папою Климентомъ, 3) что онъ даже съ сомнѣніемъ выражаетъ, что посланіе писано къ римскому архіепископу: ad archiepiscopum, ut ipsi dicunt, Romanum; 4) что начало посланія у Герберштейна: dilexi decorem tuum, болѣе соотвѣтствуетъ началу славянскаго, нежели греческаго текста, и наконецъ тѣмъ, что 5) многія выраженія русскаго перевода, которыхъ въ греческомъ текстѣ нѣтъ, у Герберштейна переведены, напр. папежеве переведено papae, между тѣмъ какъ, въ греческомъ текстѣ, вмѣсто слова стоитъ слѣдующій перифразъ: παντες οι προεδροι και διαδοχοι της του κορυφαιου Πετρου καθεδρας, т. е. вси первовозсѣдници и въсприемници на сѣдалищи верховнаго Петра; любви твоей—charitati tuae; цѣлую тя—saluto te, а въ греческомъ текстѣ: προσαγορευω σου την ἐν Κυριῳ αγαπην чьту твою о Христѣ любовь; епископи — episcopi, а въ греческ. μητροπολιται и пр.

Герберштейновъ переводъ точенъ, исключая незначительныхъ отличій.

И нашу вѣру—чюдишися, переведено—specialiter interrogas, и слѣдовательно, кажется, не понято. — Таковый ту свѧщенникъ быстъ. Эти слова относятся къ посланному римскому епископу, а Герберштейнъ отнесъ ихъ къ папѣ: et quia tantus es et talis sacerdos.—И честную главу и рамнѣ противу тѧ цѣлую. Герберштейнъ прибавилъ *и руки*: honorando caput tuum et deosculando manus tuas et brachia.

Не вѣмъ бо, кый бѣсъ лукавый, завистивъ и истиннѣ

врагъ, и благочестію супостатъ, иже таковая премѣни и братьскую вашю и нашю любовь отверже, всего крестьянскаго совокупленья. Не бѣхъ бо рѣку (не Крестьяны вы), но Крестьянъ васъ Божью благодатью изначала знаемъ. Герберштейнъ въ переводѣ, какъ бы оправдываетъ свою вѣру, относя къ ней слова: tota Christiana congregatio, отъ котораго греческая будто отпала: et mirari satis non possum, quis diabolorum tam malus ac invidus, tam veritati inimicus, ac mutuae benevolentiae adversarius fuerit, qui fraternam nostram (вашю—не переведено) charitatem a tota Christiana congregatione alienavit, dicens, nos non esse Christianos (¹).—

Іоаннъ II, митрополитъ кіевскій и всея Россіи, прозванный добрымъ, былъ, по замѣчанію кіевскаго каталога, или греческаго или русскаго происхожденія. Онъ былъ хиротонисанъ въ митрополиты въ 1080 г. константинопольскимъ патріархомъ Козьмою, а по другимъ въ 1084 г. Николаемъ Грамматикомъ и скончался въ Кіевѣ 1089 г. Современникъ его Несторъ говоритъ, что «онъ бысть мужъ хитръ книгамъ и ученію, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же, молчаливъ и рѣчистъ, книгами Святыми утѣшая печальныя». Въ лаврентьевскомъ спискѣ прибавлено: «и сякаго не бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ». Изъ его сочиненій дошло до насъ, кромѣ посланія къ римскому папѣ объ опрѣснокахъ, еще другое посланіе къ черноризцу Іакову, въ которомъ іерархъ излагаетъ тѣ начала, коими должно руководствоваться при рѣшеніи церковнымъ судомъ тѣхъ дѣлъ, которыя касаются семейныхъ отношеній, особенно брака. Сверхъ того Іоаннъ помѣстилъ здѣсь постановленія о сохраненіи въ церкви благочинія и порядка, и о водвореніи между лицами духовнаго званія той нравственности, которою должны быть проникнуты служители алтаря. За нарушеніе благоправія и цѣломудрія налагается эпитимія.

Этотъ памятникъ, важный для юриста, не менѣе важенъ и для историка и археолога, потому что изъ него можно весьма много узнать о тогдашнемъ бытѣ и духѣ времени. Долгое время мы знали эти правила только по переводу Герберштейна, который изучивъ тогдашнее русское право, помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: Canones cujusdam Ioannis Metropolitæ, qui dicitur Propheta. Наконецъ Карамзинъ нашелъ эти правила въ древнѣйшей рукописной кормчей книгѣ, относимой къ 1280 г. и хранящейся въ московской синодальной библіоте-

(¹) См. Учен. Зап. Ак Наукъ по 2 Отд. 1854 г. ст. Григоровича.

кѣ (¹). Въ 1815 г. они изданы были въ русскихъ достопамятностяхъ (²), перепечатанныя съ одного харатейнаго списка, подъ заглавіемъ: «Іоанна митрополита Русскаго, нареченнаго Пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ Іакову Черноризцу». Вотъ единственное изданіе этого любопытнаго памятника церковнаго русскаго права. Надлежащихъ объясненій его текста до сихъ поръ нѣтъ, что было бы необходимо, потому что при чтеніи правилъ встрѣчаются многія древнія слова и темныя, непонятныя мѣста. Издатели полагаютъ, что темнота слога произошла оттого, что посланіе первоначально было написано по гречески, а на русскій языкъ переведено неискусными людьми.

Герберштейнъ передавалъ правила не совсѣмъ точно, и чаще выражалъ коротко ихъ сущность. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя мѣста.

Святую трапезоу дрѣвяноу соущю, и честныя кресты и иконъ честныхъ аще ветхы боудоуть, постраивати, а не отврещи въписанныхъ образъ святыхъ; в мѣстѣхъ ѡградныхъ, или инѣхъ честьнѣхъ, гдѣ ни человѣкъ, ні ино что животинъ помѣтаемо скверною нечисто, погребоуться съ всякомъ храненіи. Imagines antiquæ et tabulæ, super quibus consurationes fiunt non comburantur: sed in horto, aut alio honorifico loco, ne injuria afficiatur, aut dedecore, sepeliantur.—Идеже, рече, преставляються древяны церкви и іны на томь мѣстѣ не ставляются; мѣсто въ немже ѡлтарь, идеже ся таина творяше, ѡградити и неприкосновно хранити и честно, ꙗда не отъ поужа священиѥ принмахоуть и нечестьнѣ святая попіраються. Si in loco sacro domum exaedificaveris, locus ubi erat altare, vacuus relinquatur.—Иже г-ю жену поялъ, и іерѣй благословилъ боудеть, вѣдая или не вѣдая? да извьржеться. Sacerdos si sciens, personam jam tertio expetentem matrimonio conjunxerit, officio privetur.—Тѣмъ болѣе оба посланія надобно приписать одному лицу, что въ сочинителѣ того и другаго посланія выражается равно обширное знаніе церковныхъ законовъ.

Въ заглавіи посланія митрополитъ Іоаннъ II названъ пророкомъ Христа, и Герберштейнъ называетъ его также propheta. Калайдовичъ (³) сдѣлалъ замѣчаніе, что названіе пророка было нѣкогда общимъ именемъ многихъ архипастырей греческихъ, и что многіе митрополиты русскіе, прибывшіе изъ Греціи, мо-

(¹) И. Г. Р. Т. II, пр. 158.
(²) Ч. I.
(³) Въ Русс. достоп. ч. 1 с. 88.

гли его удержать за собою. Митрополитъ Евгеній ([1]) считаетъ это замѣчаніе несправедливымъ. Но въ пользу Калаідовича можно привести свидѣтельства изъ Дюканжа ([2]), изъ котораго выписка помѣщена на 73 стр. историческихъ чтеній о языкѣ и словесности за 1852 и 1853 г.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вопросовъ Кирика.

Нѣкто Кирикъ предлагалъ вопросы духовнымъ властямъ, прося разрѣшенія на нѣкоторыя недоумѣнія, встрѣченныя имъ въ практическомъ примѣненіи церковныхъ правилъ. Іерархи отвѣчали. Вопросы и отвѣты касаются совершенія нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, пресѣченія суевѣрныхъ обычаевъ, соблюденія благочинія и благоправія священниковъ, діаконовъ и женъ ихъ, зачѣмъ смотрѣть повелѣвается неотступно. Кромѣ этихъ предметовъ здѣсь изложены нѣкоторыя постановленія, касающіяся частнаго и уголовнаго права, равно и государственнаго благочинія и благоустройства. Эти вопросы, какъ и правила Іоанна, заключаютъ въ себѣ много любопытнаго. Такъ:

1. Запрещеніе странствованія по святымъ мѣстамъ, которое давало поводъ къ тунѣядству и бродяжничеству. Положено было, для пресѣченія этого вреднаго для государства обыкновенія, чтобы желающіе странствовать просили позволенія.

2. Смерды, жившіе по селамъ, иногда признавались на покаяніи, что ѣдятъ дивиричину (мясо бѣлки), полагая, что этотъ родъ пищи незаконный. Іерархи разрѣшили это такъ: въ церковномъ законѣ запрещается ѣсть только удавленныхъ животныхъ, слѣд. должно болѣе обращать вниманія на то, какъ поймано животное и пр.

Самые вопросы даютъ намъ возможность узнать ихъ историческое происхожденіе. Кирикъ, іеродіаконъ и доместикъ новгородскаго антоніева монастыря, жилъ въ XII столѣтіи. Встрѣтивъ недоразумѣнія и сомнѣнія въ своей практической, церковной дѣятельности и, не имѣя возможности разрѣшить ихъ своею властію, онъ предложилъ оныя на разрѣшеніе верховной духовной власти. Въ числѣ давшихъ отвѣты былъ и знаменитый іерархъ русской церкви, новгородскій епископъ Нифонтъ, «поборникъ всей Рустѣй земли ([3])» любимый новгородцами и уважаемый великимъ княземъ. Кромѣ Нифонта, отвѣчали игуменъ Аркадій, Савва и Илія. Первый и послѣдній были преемниками Нифонта въ епископствѣ.

([1]) См. въ его словарѣ: Іоаннъ II.
([2]) См. въ его словаряхъ слова *Προφήτης* и prophetа.
([3]) Воскр. лѣт. II, 38.

Долгое время русскій текстъ оставался неизвѣстенъ; мы знали памятникъ изъ извлеченій на латинскомъ языкѣ барона Герберштейна. Честь открытія русскаго текста принадлежитъ также Карамзину въ той же кормчей книгѣ. Отсюда онъ перепечатанъ въ Памятники россійской словесности XII вѣка, подъ заглавіемъ: Впрашеніе Кириково, еже впраша епископа Ноугородскаго Нифонта и инѣхъ. Издатели частію исключили, а частію смягчили названія нѣкоторыхъ преступленій противъ благонравія и цѣломудрія.

До сихъ поръ еще весьма мало сдѣлано для объясненія и изданія сего памятника, тѣмъ болѣе, что въ текстѣ встрѣчается много описокъ и непонятныхъ мѣстъ.

Достовѣрность и подлинность іоанновыхъ правилъ и кириковыхъ вопросовъ подтверждается внесеніемъ ихъ въ кормчую книгу и тѣмъ, что еще въ XVI вѣкѣ, во время пребыванія барона Герберштейна въ нашемъ отечествѣ, они были въ большомъ употребленіи. Да и нѣтъ никакихъ поводовъ думать, чтобы эти памятники были подложные.

Герберштейнъ помѣстилъ эти извлеченія подъ заглавіемъ: Sequuntur quaestiones Cyrilli cujusdam, ad episcopum Niphontem Novuogardiensem. Ученый путешественникъ очевидно смѣшалъ два русскія имени: Кирика и Кирилла. Чтобы дать понятіе о достоинствѣ перевода, приведемъ примѣры.

Черньца въ скиму постригавъ, не дахъ ясти скорома до осмаго дни. И слышавъ епископъ похвалилъ бяше, яко то горазно створша. Quid si monacho infirmo, Seraphica veste induto, per octo dies nihil dederim ad edendum. R. Bene factum quia erat in Angelico ordine.

Въ отвѣтѣ на вопросъ, можно ли хоронить по захожденіи солнца, сказано, чтобы непремѣнно хоронить тогда, когда солнце еще высоко «то бо послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія». Герберштейнъ не выразилъ этой прекрасной мысли, переведя: videre solem antequam sepeliantur.

Въ чистую недѣлю достоитъ медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣніе белцемъ. Quo cibi genere in ieiunio majore utendum? R. Dominicis et sabbatis diebus, piscibus: aliis vero ikhri, hoc est, piscium intestinis. Un majori hebdomabi, monachi mel edant, et bibant kvuas, id est aquam acetosam. Здѣсь Герберштейнъ поясняетъ точное значеніе коренныхъ русскихъ названій кваса и икры.

Вотъ мѣсто, переведенное точнѣе:

Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечетъ, а слова будутъ знати. Si forte lace-

rata papyrus, quae aliquid sacrarum litterarum continebat, in terram projecta fuerit, an eodem loco deambulare liceat? R. Non.

Кромѣ инфонтовыхъ отвѣтовъ, встрѣчаются у него отвѣты Иліи и Саввы, напр. Иліи: а се есть у женъ: аже не възлюбятъ ихъ мужи, то омываютъ тѣло свое водою, и ту воду даютъ мужемъ. Повелѣ ми дати опитемьи 5 недѣль, в-оже лѣто отъ причащенья. Item, quae viro suo aqua, qua ipsa se lavit ad bibendum, ut se amet, dederit, sex hebdomadis ieiunet.

Ссылаясь на приведенные факты, можно съ полнымъ сознаніемъ сказать, что Герберштейнъ весьма отчетливо зналъ языкъ славянскій, зналъ такъ, что могъ понимать въ большей части случаевъ языкъ лѣтописи и другихъ памятниковъ. Степень его знанія ясна изъ точности, съ какой онъ передалъ лѣтописныя извѣстія и съ какою перевелъ отрывки изъ судебника и изъ памятниковъ духовной литературы XII вѣка, языкъ которыхъ могъ затруднить иного русскаго въ XVI вѣкѣ.

ГЛАВА IV.

Указаніе мѣста Rerum Moscoviticarum Commentarii въ числѣ иностранныхъ источниковъ о Россіи.

Настоящая часть нашего разсужденія имѣетъ своимъ предметомъ указать то мѣсто, которое по справедливости должно занимать сочиненіе барона Герберштейна въ ряду иностранныхъ источниковъ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного обстоятельнаго сочиненія, въ которомъ приведена бы была точная оцѣнка, и показано бы было значеніе этихъ источниковъ для исторіи нашего отечества, а между тѣмъ важность ихъ не подвержена сомнѣнію. Въ доказательство сошлемся на авторитетъ: «чѣмъ далѣе я углублялся,» говоритъ Мейнерсъ [1], «въ чтеніе иностранныхъ писателей о Россіи, тѣмъ болѣе убѣждался, что творенія ихъ содержатъ въ себѣ много новыхъ и важныхъ подробностей, которыхъ мы тщетно стали бы искать въ Русскихъ историческихъ сочиненіяхъ или лѣтописяхъ; по показанію первыхъ могутъ быть рѣшены многіе такіе вопросы, о которыхъ ничего нельзя найти въ сочиненіяхъ туземныхъ писателей и въ грамотахъ». Признавая наши лѣтописи драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для узнанія древнѣйшаго періода исторіи нашего оте-

---

(1) Vergl. des ält. und neuern Russ.

чества, мы должны согласиться, что для послѣдующихъ временъ жизни нашего государства, они одни являются уже недостаточными: намъ нуженъ другой источникъ, который показалъ бы внутренній бытъ народа, внутреннюю жизнь его, внутреннее состояніе государства. Такимъ источникомъ могутъ быть названы сочиненія иностранныхъ писателей—путешественниковъ. *Причину такого* превосходства иностранныхъ источниковъ предъ лѣтописями прекрасно объяснилъ покойный академикъ Кругъ (1) въ рецензіи на Библіотеку иностранныхъ писателей о Россіи: «Такъ какъ до временъ Петра I-го», говоритъ онъ, «мало писали въ самой Россіи, исключая канцеляріи, то многое, заслуживающее вниманія, особенно о правахъ и обычаяхъ, и казавшееся туземцамъ совершенно обыкновеннымъ, потому что встрѣчалось ежедневно, можно узнать почти исключительно чрезъ однихъ иностранцевъ, которые лучше видѣли, потому что взглядъ ихъ не притупился привычкой». Упомянувъ кратко о важности этихъ источниковъ, мы теперь переходимъ къ подробному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Никакой изъ образованныхъ народовъ», съ удивленіемъ замѣчаетъ Мейнерсъ, «не былъ столь долго неизвѣстенъ, какъ русскіе, и ни одно европейское государство, въ продолженіе 3 послѣднихъ столѣтій не было столь хорошо и обстоятельно описано чужеземными путешественниками, какъ Россія». Въ самомъ дѣлѣ—первыя болѣе или менѣе обстоятельныя извѣстія о Россіи мы имѣемъ въ запискахъ Іосафа Барбаро и Амвросія Контарини,—пословъ венеціанской республики къ двору персидскаго хана. Оба они жили въ XV столѣтіи. Путешествіе Барбаро относится къ первой половинѣ XV стол. т. е. къ 1436 г., а Контарини—къ 1483.—И такъ, только съ XV вѣка Европа начинаетъ узнавать кое-что о нашемъ отечествѣ. До сихъ поръ Россія въ буквальномъ смыслѣ слова была terra incognita для западной Европы. Этотъ фактъ заслуживаетъ по справедливости удивленія, особенно если вспомнимъ, что уже въ XIII ст. многіе искатели приключеній и послы проходили чрезъ Россію на пути ко двору Чингисхана, что въ томъ же столѣтіи ганзейскіе города основали множество конторъ, и что торговля ихъ процвѣтала. Нѣмецкіе рыцари подобнымъ образомъ основали на границахъ Россіи сильное государство. Около этого же времени генуезцы и венеціане, безопасно плавая по берегамъ Чернаго моря и входя въ устья рѣкъ, впадающихъ въ это море, основывали тамъ колоніи и производили оттуда дѣятельную торговлю съ ближайши-

(1) См. Forschungen in der ält. Gesch. Russ. 2 т. стр. 641.

ми и отдаленными странами. Гораздо ранѣе этого времени смѣлые датчане и норманы по торговымъ дѣламъ, а иногда изъ желанія добычи посѣщали заливы Бѣлаго моря и окрестъ лежащія пустыни ([1]). Съ перваго взгляда приведенные нами факты кажутся совершенно противорѣчащими нашему заключенію, но въ самомъ то дѣлѣ оно справедливо: всѣ эти путешественники (если можно назвать ихъ этимъ именемъ), пріѣзжая въ Россію по торговымъ дѣламъ, не поставляли себѣ цѣлію наблюдать современное имъ состояніе Россіи, для того, чтобы по возвращеніи описать все видѣнное и передать современникамъ результаты своихъ наблюденій, а дѣлали наблюденія просто безъ всякой цѣли.—Недостаточность извѣстій о Россіи въ это время можно объяснить еще тѣмъ, что въ это время татары составляли предметъ всеобщаго *любопытства:* одни смотрѣли на нихъ со страхомъ, другіе съ любопытствомъ; огромное число любознательныхъ путешественниковъ спѣшило въ Татарію съ цѣлію—удовлетворить своему любопытству. Этимъ объясняется содержаніе записокъ Плано-Карпини, Асцелина, Рубруквиса и проч. Правда, въ этихъ запискахъ встрѣчаемъ кое-что и о Россіи, но она не составляла предмета особеннаго наблюденія этихъ лицъ, а замѣчали они кое-что только потому, что на пути въ Татарію не рѣдко имъ случалось переходить чрезъ нее. Только съ XV столѣтія, (еще разъ повторю) мы встрѣчаемъ въ западной Европѣ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣденія о Россіи; но не скажу, чтобы эти свѣденія были полны, подробны, совершенно справедливы и проч. По словамъ Мейнерса, даже въ началѣ XVI вѣка Западная Европа знала гораздо менѣе о Россіи, чѣмъ мы теперь знаемъ о новой Голландіи.—Теперь приступаемъ къ перечню писателей о Россіи, другими словами къ перечню путешественниковъ, бывшихъ въ нашемъ отечествѣ ранѣе и позже Герберштейна. Цѣль наша показать относительныя достоинства и недостатки извѣстій каждаго изъ нихъ. Сдѣлавъ это, мы будемъ въ состояніи опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ сочиненіе Герберштейна въ ряду иностранныхъ источниковъ (подъ которыми я понимаю извѣстія иностранныхъ путешественниковъ) русской исторіи. При изложеніи перечня писателей, мы будемъ руководствоваться сочиненіями Аделунга: Ubersicht der Reisenden in Russland, и Мейнерса: Vergleichung des ältern und neuern Russlands.

Герберштейнъ въ предисловіи къ своимъ запискамъ говоритъ о тѣхъ писателяхъ, въ сочиненіяхъ которыхъ находятся болѣе

([1]) См. Vergl. des ält. und neuer. Russ.

или менѣе подробныя и полныя извѣстія о Россіи. Такъ онъ упоминаетъ о Николаѣ Кузанѣ,Павлѣ Іовіѣ, Іоаннѣ Фабрѣ и Антоніи Бидѣ, и прибавляетъ, что отъ нихъ остались записки и карты; далѣе упоминаетъ о тѣхъ писателяхъ, которые касались Россіи при описаніи смѣжныхъ съ нею странъ: объ Олаѣ Готѣ, о Матвеѣ Мѣховецкомъ, Албертѣ Компенскомъ и Минстерѣ. Изъ жизни Николая Кузана извѣстно, что онъ по порученію папы Евгенія IV ѣздилъ въ Константинополь съ цѣлію стараться о соединеніи греческой церкви съ римскою, и умеръ въ 1464 г. въ званіи кардинала и намѣстника столицы христіанства. Не извѣстно, почему Герберштейнъ ставитъ его въ число писателей о Россіи, тѣмъ болѣе, что отъ него не осталось нетолько полнаго сочиненія о Россіи, но даже и краткихъ замѣтокъ. Не разумѣлъ ли Герберштейнъ, называя Кузана писателемъ о Россіи, его рукописное сочиненіе объ устройствѣ греческой церкви, или не разумѣлъ ли Герберштейнъ tabula Cusani, объясненіе которыхъ сдѣлано Себастіаномъ Минстеромъ (¹). Правда, отъ этого Кузана остались письма, которыя собраны и изданы въ трехъ огромныхъ томахъ въ 1565 г., въ Базелѣ. Мейнерсъ говоритъ, что онъ весьма тщательно просматривалъ эти письма, но рѣшительно ничего не нашелъ о Россіи (²). Ниже, слѣдуя хронологическому порядку, мы будемъ говорить о Іовіѣ и Фабрѣ. О сочиненіи Антонія Бида нѣтъ никакихъ извѣстій, мало того: и самая личность этаго писателя загадочна. Мейнерсъ говоритъ, что онъ не могъ собрать никакихъ свѣденій о немъ (³). Даже показанія разнорѣчатъ на счетъ имени этого писателя: называютъ его Bied, Bild, Wied.—Впрочемъ Nic Witsen помѣстилъ въ своемъ сборникѣ карту Россіи 1555 г., и приписалъ ее этому Антонію (⁴). И такъ неизвѣстно, какое сочиненіе разумѣлъ Герберштейнъ, называя Антонія писателемъ. Олай Готъ и Минстеръ дѣйствительно помѣстили нѣкоторыя замѣтки о Россіи: первый въ Historia de gentibus Septentrionalibus, а послѣдній въ извѣстной своей космографіи. О Матвеѣ Мѣховецкомъ и Албертѣ Компенскомъ, будемъ говорить ниже.

Кругъ писателей иноземцевъ о Россіи не ограничивается упомянутымъ Герберштейномъ; мы видимъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ.—Перечень этихъ писателей необходимъ для показанія относительнаго достоинства и важности записокъ Гербер-

---

(¹) См. Uebersicht Adel. 123 стр. и Herberst. Adel. 314 стр.
(²) См. Verg. des ält. und neuer. Russ. стр. 7.
(³) См. тамъ же.
(⁴) См. Herberst. Adel. стр. 315.

штейна; только этотъ перечень можетъ указать намъ то мѣсто, которое занимаетъ сочиненіе Герберштейна въ ряду иностранныхъ источниковъ русской исторіи. Начнемъ съ половины XV вѣка, когда начинаютъ появляться болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ.

Барбаро (Іосафъ) былъ родомъ венеціанецъ; въ жизни своей онъ совершилъ два путешествія: одно въ Тану, нынѣшній Азовъ, а другое въ Персію. Цѣль перваго путешествія была торговая, а втораго чисто дипломатическая. Описаніе этихъ путешествій издано имъ въ свѣтъ въ 1487 году (1). Только въ двухъ послѣднихъ главахъ говоритъ онъ о Россіи и о татарскихъ земляхъ, лежащихъ на юговостокѣ Россіи, особенно о Цитрахани или Астрахани, и о Казани (2). Въ первое свое путешествіе Барбаро изъѣздилъ совершенно Крымъ и собралъ многія важныя свѣденія о Россіи. Барбаро въ своемъ произведеніи является весьма свѣдущимъ и внимательнымъ наблюдателемъ. При появленіи въ свѣтъ оно надѣлало много шума, и до сихъ поръ оно имѣетъ свою цѣну, какъ дополненіе къ географіи и исторіи торговли среднихъ вѣковъ (3). Пропуская повѣтствованіе о Георгіѣ Интеріанѣ и Энеѣ Сильвіѣ, такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ почти нѣтъ никакихъ извѣстій о нашемъ отечествѣ: (первый писалъ о землѣ черкаской, а второй de Polonia Lithuania et Prussia)—обращусь прямо къ Контарини.

Контарини (Амвросій) принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ патриційскихъ фамилій венеціанскихъ. Въ качествѣ посла отъ своей республики, онъ совершилъ путешествіе чрезъ Польшу и Украйну къ персидскому двору. На возвратномъ пути оттуда онъ заѣзжалъ въ Россію и жилъ 4 мѣсяца въ Москвѣ. Произведеніе Контарини имѣютъ форму дневника, гдѣ говорится обо всемъ, что съ нимъ случилось въ продолженіе времени отъ 24 февраля 1474 года до 10 апрѣля 1477 года. Интересныя замѣчанія о Россіи находятся въ 8 главѣ. Въ 1-й и 9-й онъ тоже касается ея. Въ описаніи Россіи онъ касается положенія и строенія Москвы, говоритъ о тамошнемъ холодѣ, о торговлѣ различными мѣхами, которые приносятся изъ отдаленнаго сѣвера; въ заключеніе дѣлаетъ замѣчаніе объ образѣ жизни и обычаяхъ русскихъ (4). Оба эти путешественника мимоходомъ были въ Россіи и слѣдовательно мимоходомъ дѣлали свои наблюденія; гораздо болѣе вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній вправѣ мы ждать

(1) См. Uebersicht Adel. стр. 139.
(2) См. Библ. иностр. писат. о Россіи т. I.
(3) См. Uebersicht стр. 140.
(4) См. Библ. иностр. писат. о Россіи т. 1.

отъ Поппеля (Никласа), который былъ аккредитованъ Фридрихомъ III къ нашему двору. Поппель начинаетъ собою рядъ дипломатическихъ сношеній римско-императорскаго двора съ русскимъ; онъ два раза былъ въ Россіи. Первое посольство его окончилось весьма неудачно; при вторичномъ прибытіи своемъ въ Москву, Поппель, желая снискать благоволеніе великаго князя, разсказывалъ ему на аудіенціи, что по возвращеніи своемъ изъ перваго посольства, императоръ и всѣ князья съ любопытствомъ распрашивали его о русскомъ государствѣ, и что онъ выставилъ истинное состояніе Россіи, такъ какъ онъ ее видѣлъ, описалъ подвластные Россіи народы и земли, разсказалъ о величіи, богатствѣ и умѣ великаго князя. Дѣйствительно эти подробности должны были быть весьма любопытны для императора, потому что въ Германіи имѣли тогда весьма малое понятіе о Россіи, даже думали, что она состоитъ подъ властію короля польскаго; эти подробности потому были болѣе интересны, что они выходили изъ устъ очевидца; но къ сожалѣнію мы лишены теперь возможности знать эти подробности, потому что онѣ заключены въ рукописномъ сочиненіи этаго Поппеля, а рукопись эта хранится въ императорскомъ вѣнскомъ архивѣ (¹). Почти въ слѣдъ за Поппелемъ дважды ѣздилъ въ Москву по дипломатическимъ дѣламъ Георгъ фонъ Турнъ. О предметахъ посольства мы говорить не будемъ, а скажемъ только, что отъ Турна не дошло до насъ никакого сочиненія о Россіи; сохранилось въ императорскомъ вѣнскомъ архивѣ только донесеніе его о своемъ путешествіи (²). Разумѣется, политическія дѣла, которыя составляли цѣль посольства, занимаютъ большую часть этого донесенія, но нельзя думать, чтобы тутъ не находилось какія нибудь замѣтки о нашемъ отечествѣ. Но какъ бы то нибыло донесеніе это недоступно для большинства читателей. По отъѣздѣ Турна (въ 1492 г.) тотчасъ же явилось въ Москву новое австрійское посольство въ лицѣ Михаила Снупса. Предметъ этого посольства былъ совершенно отличенъ отъ предъидущихъ. Эрцгерцогъ Сигизмундъ, отправляя Снупса, поручилъ ему собрать какъ можно болѣе свѣденій о Россіи, и для достиженія этого приказалъ ему изъѣздить средину государства и побывать у р. Оби. Кромѣ того вмѣнилъ ему въ обязанность научиться русскому языку. И такъ мы видимъ, что цѣль этого посольства была чисто ученая. Не имѣя положительныхъ свѣденій о Снупсѣ, т. е. незная до какой степени онъ былъ образованъ, до какой степени живо было его во-

(¹) См. Uebersicht стр. 149.
(²) См. тамъ же, стр. 154.

ображеніе и вѣренъ тактъ, мы не можемъ утвердительно сказать, въ состояніи ли онъ былъ исполнить благое намѣреніе ерцгерцога. Мы знаемъ, что цѣль не была достигнута, но Спупса мы не имѣемъ права упрекать въ этомъ. Весь упрекъ падаетъ на нашихъ бояръ, которые съ недовѣрчивостію смотрѣли на всѣхъ подобныхъ путешественниковъ. Результатъ былъ таковъ, что Спупса не только не допустили изъѣздить государство и побывать у р. Оби, но даже не позволили ему возвратиться обратно чрезъ Турцію или чрезъ Польшу, такъ что Спупсъ принужденъ былъ возвратиться тою же дорогой, которою и пріѣхалъ, т. е. чрезъ Лифляндію и Германію (1). По всѣмъ вѣроятіямъ Спупсъ, имѣя цѣлію удовлетворить любознательность своего государя и представить вѣрную картину современнаго ему состоянія нашего государства, началъ дѣлать наблюденія съ перваго шага своего съ границы Россіи, и если мы согласимся, что въ слѣдствіе недовѣрчивости нашего двора, онъ не могъ отчетливо и ясно узнать о состояніи нашего государства и составить полное и подробное сочиненіе о немъ; то все-таки онъ имѣлъ случай и долженъ былъ обогатить свой умъ мелкими замѣтками, болѣе или менѣе интересными. Дѣйствительно мы знаемъ, что по возвращеніи въ отечество, онъ составилъ донесеніе о своемъ путешествіи и представилъ его своему государю. По всѣмъ вѣроятіямъ въ донесеніи этомъ должны заключаться интересныя замѣтки о нашемъ отечествѣ, но оно неизвѣстно ученому свѣту, такъ какъ хранится въ рукописи въ Вѣнѣ или Инспрукѣ (2). Чрезъ 13 лѣтъ явилось новое посольство къ нашему двору. Представителемъ его былъ Кантингеръ (Юстусъ). Рядомъ съ ученою цѣлію въ предметъ этого посольства входила и цѣль политическая: Кантингеру поручено было разузнать о состояніи великаго князя и о положеніи дѣлъ въ Россіи; кромѣ того поручено было предложить великому князю помощь императора въ войнѣ его съ лифляндцами. Результатъ исполненія обоихъ порученій изложенъ Кантингеромъ въ донесеніи о своемъ путешествіи, представленномъ императору по возвращеніи въ отечество. Донесеніе это хранится въ рукописи въ императорскомъ вѣнскомъ архивѣ (3). Въ слѣдъ за Кантингеромъ, слѣдуя порядку времени, пріѣзжалъ въ Москву Герберштейнъ съ чисто-дипломатическою цѣлію. Изъ біографическаго очерка этого писателя уже извѣстно, что цѣль посольства не была имъ достигнута, и потому тотчасъ

(1) См. Uebersicht стр. 157.
(2) См. Uebersicht стр. 157.
(3) См. тамъ же, стр. 158.

же послѣ Герберштейна по тому же дѣлу пріѣхало новое посольство, состоящее изъ Францпска да-Колло и Антонія де-Конти. О послѣднемъ мы ничего не знаемъ, а о Францискѣ знаемъ, что пребываніе его въ Россіи не было безплодно: онъ собралъ различныя свѣденія о Россіи, и по возвращеніи въ отечество составилъ донесеніе о своемъ путешествіи; донесеніе это извѣстно ученому свѣту на итальянскомъ языкѣ (Францискъ самъ былъ родомъ итальянецъ). — Такъ какъ сочиненіе это весьма рѣдко въ настоящее время, то мы и не знаемъ, какіе предметы составили содержаніе его. Изъ отечественныхъ нашихъ историковъ только у одного Карамзина находятся выписки изъ этого сочиненія ([1]). Слѣдуя порядку времени, мы теперь переходимъ въ Павлу Центуріону, происходящему отъ знаменитой патрицiйской генуэзской фамиліи. Центуріонъ два раза былъ въ Москвѣ: въ первый разъ онъ пріѣзжалъ по торговымъ дѣламъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ папы Льва X къ великому князю Василію. Не имѣя никакого особеннаго порученія, онъ старался воспользоваться временемъ своего пребыванія въ Москвѣ и особенно настаивалъ на открытіе новаго пути для перевозки индійскихъ товаровъ; но это ему совершенно неудалось. Въ 1525 г. папа Климентъ VII послалъ его уже отъ своего имени съ подобнымъ предложеніемъ. Цѣль папы была подорвать монополію португальцевъ. Въ томъ же году Центуріонъ въ сопровожденіи русскаго посла Дмитрія Герасимова возвратился къ папскому двору. Центуріонъ самъ описалъ свое путешестіе, и оно напечатано въ Raccolta di Ramusio ([2]).—Теперь мы переходимъ къ новому писателю о Россіи, изъ сочиненія котораго Европа впервые, можно сказать, узнала кое-что о Россіи и о сопредѣльныхъ татарскихъ земляхъ. Я разумѣю здѣсь Матвѣя Мѣховецкаго и сочиненіе его: «Libellus de duabus Sarmatiis». Неизвѣстно, съ какою цѣлію былъ онъ въ Россіи, но что онъ былъ—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому что онъ самъ говоритъ, что собственными глазами видѣлъ источники Днѣпра, Дона и Волги. Мѣховецкій былъ ученый докторъ и краковскій каноникъ ([3]). Большую часть его книжки занимаютъ полусправедливыя сказанія о происхожденіи и мѣстѣ жительства татаръ, объ отечествѣ готѳовъ, вандаловъ, алапъ, шведовъ, турокъ и венгровъ (послѣднихъ онъ называетъ юграми). Онъ отличаетъ Россію отъ Московіи и считаетъ ихъ за двѣ совершенно различныя страны, причи-

---

([1]) См. Uebersicht стр. 175, 176.
([2]) См. тамъ же, стр. 177, 178.
([3]) См. тамъ же, стр. 179.

сляетъ къ Россіи Украйну и Литву; послѣдней странѣ онъ придаетъ такіе обширные предѣлы, что включаетъ въ нее и Новгородъ и Псковъ. Извѣстія его о Московіи и о принадлежащихъ къ ней земляхъ—Perm, Baskird, Cziremissa, Juhra и Corela занимаютъ собою только три листа. Его описаніе Московіи мало того, что неполно и сбивчиво, но иногда даже совершенно противно истинѣ. Такъ онъ упоминаетъ иногда о такихъ областяхъ, объ имени которыхъ никто даже и не слыхивалъ; самую важную ошибку дѣлаетъ Мѣховецкій при разсказѣ о рѣкѣ Волгѣ; по его словамъ Волга впадаетъ *въ Черное море*. Такая ошибка не простительна ему, какъ очевидцу источниковъ Дона, Днѣпра и Волги. Во вступленіи къ своему сочиненію Мѣховецкій горячо оспариваетъ существованіе рифейскихъ или гиперборейскихъ горъ (¹). Герберштейнъ въ повѣтствованіи своемъ о татарахъ указываетъ на сочиненіе Мѣховецкаго и говоритъ, что онъ повторять этого не намѣренъ. На слѣдующей страницѣ своего сочиненія Герберштейнъ опровергаетъ заключеніе Мѣховецкаго о значеніи слова половцы. Мѣховецкій объясняетъ это словомъ охотники, а Герберштейнъ словомъ полевые (²). Не смотря на всѣ свои недостатки и погрѣшности, книжка Мѣховецкаго имѣла пять изданій и два раза была переведена на итальянскій языкъ (³). До сихъ поръ мы говорили о путешественникахъ-писателяхъ, которые или были сами мимоходомъ въ нашемъ отечествѣ, или нарочно были посланы туда: одни по дипломатическимъ дѣламъ, другіе же съ ученою цѣлію; теперь мы будемъ говорить о такихъ писателяхъ, которые сами не были въ Россіи, а довольствовались разсказами о ней, и по этимъ разсказамъ составили свои сочиненія, таковы: Албертъ Компензе, Іоаннъ Фабръ и Павелъ Іовій. Герберштейнъ считаетъ ихъ тоже въ числѣ своихъ предшественниковъ. Албертъ Компензе былъ родомъ голландецъ, но жизнь свою провелъ внѣ отечества, по большей части при польскомъ дворѣ (⁴). Отъ него осталось письмо, адресованное имъ къ папѣ Клименту VII. Главная цѣль этого письма—побудить папу стараться о соединеніи москвитянъ съ римскою церковью. Чтобы яснѣе выставить всю важность этого подвига и легче побудить папу къ непосредственному принятію участія въ немъ, Компензе описываетъ наше отечество и преимущественно обращаетъ вниманіе на географическое положеніе его.

(¹) См. Verg. des ält. und neuer. Russ.
(²) Rer. Mosc. Com. 84.
(³) См. Uebersicht стр. 180.
(⁴) См. Uebersicht. стр. 181.

Но прежде чѣмъ приступаетъ къ описанію, дѣлаетъ оговорку, что онъ самъ въ Россіи не бывалъ, и что при изложеніи будетъ руководствоваться разсказами отца, бывшаго лѣтъ 50 тому назадъ въ Россіи, разсказами брата и нѣкоторыхъ купцовъ, бывшихъ въ Россіи. Покойный Н. М. Карамзинъ (1) признаетъ всѣ географическія извѣстія Компензе заимствованными у Матвѣя Мѣховецкаго. Мейнерсъ (2) такого же мнѣнія о Компензе и въ доказательство этого приводитъ слѣдующіе факты: Компензе, согласно съ Матвѣемъ Мѣховецкимъ, отдѣляетъ Московію отъ Россіи, дѣлаетъ списокъ областямъ, принадлежащимъ Московіи и перечисляетъ завоеванныя страны и рѣки; только при описаніи Волги онъ какъ бы исправляетъ ошибку Мѣховецкаго, говоря, что она впадаетъ не въ Черное, *а въ Каспійское море*. Мы уже видѣли какими недостатками отличается сочиненіе Мѣховецкаго о Россіи, теперь тоже самое должны сказать и о Компензе. Повѣствованіе Компензе неполно, сбивчиво и часто совсѣмъ невѣрно; а имена областей, городовъ и народовъ такъ искажены, что весьма трудно, или даже иногда совершенно невозможно догадаться, о чемъ говоритъ авторъ. Такъ отзывается о сочиненіи Компензе переводчикъ его на русскій языкъ (3). Мы же съ своей стороны прибавимъ, что къ числу недостатковъ должно быть отнесено и то, что авторъ на многое смотритъ совершенно пристрастно,—и обо всемъ отзывается съ похвалою. Это можно объяснить тѣмъ, что авторъ хотѣлъ склонить папу къ союзу съ Василіемъ. Мейнерсъ признаетъ письмо Компензе болѣе важнымъ для историковъ, чѣмъ для географовъ (4). Аделунгъ высказываетъ тоже самое и признаетъ письмо Компензе важнымъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ папскимъ и иностранными дворами во время второй половины XV и первой XVI вѣка (5). Рукопись письма Компензе находится въ ватиканской библіотекѣ; въ первый разъ оно издано въ свѣтъ въ 1543 г., а въ 1583 г. повторено то же изданіе, наконецъ оно находится въ Raccolta di Ramusio. Изъ переводовъ извѣстенъ только русскій (6).—Іоаннъ Фабръ былъ совѣтникомъ и духовникомъ римскаго короля Фердинанда, особенно силенъ былъ въ богословіи и былъ врагомъ реформаціи. Во время пре-

(1) См. VII т. прим. 287.
(2) См. Vergl. des ält und neuer. Russ.
(3) См. Библ. иностр. писат. о Россіи т. I.
(4) См. Vergl. des ält und neuer. Russ.
(5) См. Uebersicht стр. 183.
(6) См. тамъ-же.

бывапія русскихъ пословъ—Ивана Өедоровича Ярославскаго и Семена Борисовича Трофимова, въ Тюбингенѣ, Фабру поручено было отъ эрцгерцога собрать отъ нихъ свѣдѣнія объ ихъ отечествѣ, народѣ, обычаяхъ, обрядахъ и особенно объ ихъ религіи. При разговорѣ съ ними Фабръ дѣйствовалъ чрезъ посредство толмача Василія Власа, знавшаго латинскій и отчасти нѣмецкій языки ([1]). Но или толмачъ худо понималъ вопросы Фабра, или самые послы были мало свѣдущи, замѣчаетъ Мейнерсъ ([2]), какъ бы то ни было, а въ результатѣ вышло то, что Фабръ весьма мало могъ узнать о народѣ и государствѣ, за то многое узналъ онъ объ ученіи и обрядахъ русской вѣры. Европа чрезъ сочиненіе Фабра въ первый разъ узнала объ этихъ предметахъ. Съ появленія своего въ свѣтъ сочиненіе Фабра имѣло четыре изданія.—Павелъ Іовій, родомъ итальянецъ, впослѣдствіе епископъ комскій, самъ не былъ въ Россіи, но заимствовалъ свое описаніе изъ разсказовъ русскаго посла Димитрія, весьма свѣдущаго и опытнаго человѣка, бывшаго посломъ при дворахъ королей датскаго, шведскаго, нѣмецкаго гермейстера и императора Максимиліана, наконецъ въ 1523 г. при дворѣ папы Климента VII ([3]). Іовій, подъ руководствомъ Димитрія составилъ довольно справедливое и подробное (если взять его относительно къ предъидущимъ писателямъ) описаніе Россіи и замѣчательныхъ ея городовъ, говоритъ о татарскихъ ордахъ, о недавно завоеванныхъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ областяхъ, объ образованности и обычаяхъ русскихъ, наконецъ о производительности и торговлѣ русскихъ областей. Мейнерсъ признаетъ сочиненіе Іовія болѣе интереснымъ, чѣмъ всѣ предъидущія сочиненія о Россіи. Изданій и переводовъ сочиненія Іовія было довольно много:—такъ въ продолженіе времени отъ 1537 г. до 1600 было шесть изданій. Кромѣ того существуютъ 4 перевода итальянскіе, 3 нѣмецкіе и одинъ русскій ([4]). Для полноты перечня упомяну еще о трехъ путешественникахъ: о Маркѣ Фоскарини, Томасѣ Шруе и графѣ Еберистейнѣ. Фоскарини принадлежалъ къ одной изъ знаменитыхъ венеціанскихъ фамилій, и въ 1537 г. былъ посылаиъ республикою въ Россію по торговымъ дѣламъ. Въ русскихъ архивныхъ извѣстіяхъ ничего не упомянуто объ этомъ посольствѣ. Впрочемъ самое описаніе путешествія находится на латинскомъ

([1]) См. тамъ же стр. 185.
([2]) См. Vergl. des ält. und neuer. Russ.
([3]) См. Meiners.
([4]) См. Uebersicht стр. 189.

языкѣ въ двухъ спискахъ въ римской ватиканской библіотекѣ ([1]). Отъ Томаса Шруе, который пріѣзжалъ въ Россію въ 1546 г., по торговымъ дѣламъ, сохранилось въ королевской берлинской библіотекѣ рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Ein Russisch Buch». Содержаніе этого сочиненія составляетъ торговля русскихъ и образъ ихъ покупки и продажи ([2]). Еберштейнъ пріѣзжалъ въ 1550 г. въ Москву съ порученіемъ отъ папы Юлія III стараться о соединеніи церквей и предложить великому князю титулъ короля: но стараніе папы не увѣнчалось успѣхомъ; другое порученіе касалось примиренія польскаго государя съ русскимъ. Успѣхъ этого дѣла не извѣстенъ; донесеніе о результатѣ посольства находится въ рукописи въ ватиканской библіотекѣ ([3]). Мы не разбираемъ здѣсь Горзея, Флетчера, Бера и другихъ, такъ какъ они были въ Россіи уже послѣ Герберштейна.

Приведенный нами перечень путешественниковъ—писателей о Россіи даетъ намъ право сдѣлать слѣдующее заключеніе: всѣ поименнованные нами писатели о Россіи, могутъ быть подведены подъ три категоріи: одни изъ нихъ совсѣмъ не были въ Россіи, таковы: Албертъ Компензе, Іоаннъ Фабръ и Павелъ Іовій, а писали по разсказамъ лицъ болѣе или менѣе достойныхъ довѣрія; другіе сами были въ Россіи, дѣлали наблюденія, можетъ быть даже и сдѣлали описанія, но они не извѣстны ученому свѣту и составляютъ достояніе государственныхъ архивовъ. Оба эти разряда писателей не подлежатъ суду критики и въ слѣдствіе этого не выдерживаютъ сравненія съ Герберштейномъ. Есть еще третій разрядъ писателей, каковы: Іосафъ Барбаро, Амвросій Контарини, Матвѣй Мѣховецкій и Франциекъ да-Колло. Первые два были мимоходомъ въ Россіи, и потому неудивительно, что содержаніе извѣстій ихъ о Россіи самое ничтожное; касательно Мѣховецкаго нужно замѣтить, что сомнительно, чтобы онъ и мимоходомъ былъ въ Россіи. Очевидецъ теченія Дона, Днѣпра и Волги не могъ бы такъ грубо ошибиться, говоря о Волгѣ, что она впадаетъ *въ Черное море*. Выше нами довольно подробно разсмотрѣно абсолютное значеніе и достоинство замѣтокъ Мѣховецкаго о Россіи; изъ этого разсмотрѣнія уже достаточно можно видѣть, что такія замѣтки не выдерживаютъ сравненія съ сочиненіемъ Герберштейна. О Франциекѣ да-Колло мы не можемъ много говорить отчасти потому,

---

([1]) См. тамъ же стр. 186.
([2]) См. тамъ же стр. 191.
([3]) См. Uebersicht стр. 191.

что въ сочиненіяхъ нашихъ историческихъ писателей весьма рѣдко встрѣчаются ссылки на его сочиненіе. Аделунгъ говоритъ, что только одинъ Карамзинъ въ своемъ сочиненіи руководствовался этимъ источникомъ. Приведемъ мнѣніе Карамзина о немъ: Географическія извѣстія Франциска да-Колло, говоритъ исторіографъ, не выдерживаютъ сравненія съ извѣстіями Герберштейна: онъ часто даже говоритъ нелѣпости (1).

Изъ этого вывода уже довольно ясно видно относительное достоинство и значеніе сочиненія Герберштейна. Теперь мы покажемъ абсолютное достоинство этого сочиненія и посему обратимъ вниманіе на побудительныя причины, содержаніе, объемъ и систему въ изложеніи. Наблюдательность и внимательность ко всему окружающему, эти двѣ врожденныя способности Герберштейна, должны быть признаны главными побудительными причинами, главными руководителями его. Съ самаго ранняго возраста, говоритъ Герберштейнъ, находя удовольствіе и въ отечествѣ и внѣ отечества въ обращеніи съ людьми иностранными, я охотно несъ посольскую службу. Вездѣ, гдѣ мнѣ ни случалось бывать, я не только многое замѣчалъ мимоходомъ, но и тщательно обращалъ вниманіе на то, что безъ всякаго сомнѣнія наиболѣе было достойно упоминовенія и ознакомленія. Малоизвѣстность и отдаленность нашего отечества интересовали Герберштейна узнать что нибудь вѣрное и положительное о томъ государствѣ, которое, не смотря на свое 700 лѣтнее существованіе, оставалось еще загадкою для западной Европы. «Я рѣшился», говоритъ Герберштейнъ, «описать государство московское, потому что оно, во первыхъ, весьма отдаленно и, во вторыхъ, мало знакомо нашему вѣку». Приказъ ерцгерцога Фердинанда обязывалъ его къ добросовѣстному исполненію этого дѣла. Уже на дорогѣ, при вторичномъ отправленіи своемъ въ Московію, получилъ Герберштейнъ приказъ отъ ерцгерцога, чтобы во время пребыванія своего въ Московіи онъ старался ознакомиться съ религіею, церемоніями и божественными книгами россійской церкви, и по возвращеніи сдѣлалъ бы подробное описаніе всего этого. Изложивъ побудительныя причины къ составленію описанія, мы займемся теперь обозрѣніемъ содержанія записокъ Герберштейна. Еще не входя въ подробное обозрѣніе содержанія записокъ Герберштейна, мы уже раздѣлили выше его извѣстія на три части и замѣтили, что въ сочиненіи Герберштейна соединено видѣнное, слышанное и читан-

(1) Карамз. Т. VII, пр. 414.

ное. Съ этой точки зрѣнія мы смотрѣли и на сочинителя и на сочиненіе. Теперь считаемъ нужнымъ сдѣлать обозрѣніе содержанія ихъ. Начинаетъ Герберштейнъ свое сочиненіе историческимъ повѣствованіемъ о судьбахъ нашего отечества со времени основанія нашего государства и доводитъ послѣдовательно, на основаніи лѣтописей, свое изложеніе до современной ему эпохи нашего государства. Систематическая исторія нашего отечества въ то время была предметомъ совершенно новымъ не только для современныхъ Герберштейну иностранцевъ, но и для нашихъ предковъ. Не разсказами пользовался Герберштейнъ при описаніи древнѣйшей эпохи нашего государства, а лѣтописями; не сказками наполнилъ свое описаніе, а историческими фактами, не искажалъ событій пристрастнымъ взглядомъ, а писалъ чистую истину. Эти слова наши—не фразы, а логическій выводъ изъ приведенныхъ выше фактовъ.—За историческимъ повѣствованіемъ о судьбахъ нашего отечества сей часъ же слѣдуетъ описаніе нашей религіи. Здѣсь Герберштейнъ обращаетъ вниманіе на состояніе духовенства и на священныя таинства нашей церкви. Какъ то, такъ и другое онъ подтверждаетъ письменными памятниками, для показанія правъ и обязанностей нашего духовенства. Герберштейнъ приводитъ разсказъ лѣтописи о десятинахъ Владиміра; въ подтвержденіе же своихъ словъ о священныхъ таинствахъ нашей церкви, онъ приводитъ въ переводѣ: буллу папы Александра, посланіе Іоанна митрополита къ архіепископу римскому и въ извлеченіи: посланіе Іоанна митрополита къ Іакову черноризцу, вопросы Кирика и отвѣты Нифонта. Всѣ эти памятники мы уже разсмотрѣли выше и пришли къ тому убѣжденію, что Герберштейнъ весьма отчетливо зналъ славянскій языкъ и весьма хорошо понималъ то, что переводилъ. Большую часть сочиненія Герберштейна занимаютъ географическія извѣстія о нашемъ отечествѣ. Пріемы Герберштейна въ этомъ случаѣ чисто ученые: «описавъ Московію, какъ самую замѣчательную мѣстность»,говоритъ онъ, «я приступаю къ описанію другихъ областей, подвластныхъ великому князю московскому, слѣдуя такому порядку: сперва восточныя, потомъ южныя, западныя, сѣверныя, и наконецъ перейду къ равноденному востоку.»—И такъ не географическія замѣтки мы видимъ у Герберштейна, но полное географическое описаніе нашего государства, описаніе составленное съ большимъ знаніемъ дѣла: въ немъ на ряду съ географическими извѣстіями, встрѣчаются и историческія замѣтки. Такъ повѣствуетъ Герберштейнъ о послѣднихъ судьбахъ рязанскаго, сѣверскаго, бѣль-

скаго княжествъ, и о судьбѣ Великаго Новгорода и Пскова. Послѣ описанія внутреннихъ областей Россіи, Герберштейнъ переходитъ къ повѣствованію о сопредѣльныхъ съ нею народахъ и говоритъ о татарахъ. Начавъ съ происхожденія этого народа и изложивъ прошедшую жизнь его, Герберштейнъ съ большою отчетливостью излагаетъ настоящія событія, внутреннія междоусобія татарскихъ ордъ и неудачныя войны съ московскимъ государемъ. За историческими извѣстіями слѣдуютъ географическія, и здѣсь Герберштейнъ описываетъ татарскія владѣнія: Астрахань, Азовъ, Ахасъ и проч. Отъ татаръ переходитъ Герберштейнъ къ Литвѣ, Мазовіи и Самогитіи, считая эти земли сопредѣльными Россіи съ запада. Считая сѣвернымъ предѣломъ Россіи Ледовитое море, Герберштейнъ описаніемъ плаванія по немъ оканчиваетъ свою географію. Замѣчательно, что при сочиненіи Герберштейна находится карта, гдѣ онъ изобразилъ нагляднымъ образомъ свои географическія свѣденія. Вслѣдъ за географическими извѣстіями приступаетъ Герберштейнъ къ описанію тѣхъ церемоній, которыя соблюдались при нашемъ дворѣ во время пріема и отпуска пословъ. Герберштейнъ здѣсь представляется очевидцемъ и дѣйствующимъ лицемъ. Эта часть сочиненія Герберштейна чрезвычайно интересна и замѣчательна. Мы посвятили выше разсмотрѣнію ея нѣсколько страницъ нашего разсужденія и пришли къ тому убѣжденію, что эти извѣстія Герберштейна достойны всякаго вѣроятія. И такъ историческія событія, прошлыя и современныя, вѣра и религіозныя обряды, церковь и состояніе духовенства, обычаи двора и хорографія государства—вотъ главные предметы содержанія записокъ; но кромѣ нихъ встрѣчаются мелкія замѣтки о состояніи народа—правахъ и обычаяхъ его, о торговлѣ, промышленности, военныхъ силахъ, государственномъ благоустройствѣ и проч. Объемъ сочиненія уже достаточно явствуетъ изъ перечня предметовъ, которые составили содержаніе сочиненія; но ежели прибавить къ этому, что описаніе каждаго изъ этихъ предметовъ составлено Герберштейномъ совершенно обстоятельно и съ надлежащею полнотою, то въ такомъ случаѣ объ объемѣ уже и говорить болѣе нечего. Касательно расположенія предметовъ при описаніи ихъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что не вездѣ видна строгая при этомъ система. Но этого нельзя ставить въ упрекъ автору: Герберштейнъ писалъ не историческое изслѣдованіе и не исторію московскаго государства, а просто замѣтки о немъ. Въ главѣ: «de matrimonio» излагаются слѣдующіе предметы: сватовство, брачные дары, степени, разводы, супружеская любовь, состо-

яніе женщинъ, слуги, дѣти боярскія, лошади и верховая ѣзда, оружіе и доспѣхи, образъ войны, пушки и пушкари и проч.; въ главѣ: «de ingressu in alterius domum» Герберштейнъ говоритъ о церемоніяхъ при проводахъ и о почтовой ѣздѣ. Приведенные примѣры подтверждаютъ нѣсколько наше заключеніе. Что же касается до историческаго изложенія древнѣйшихъ событій нашего государства, то характеристическою чертою его должно признать строгій порядокъ и послѣдовательность въ изложеніи фактовъ. Только въ изложеніи царствованія Василія Іоанновича авторъ перерываетъ нить историческаго повѣствованія, говоря: о власти великаго князя, о титулѣ, о названіи *бѣлый царь* и проч. Географическія извѣстія изложены Герберштейномъ ученымъ образомъ—совершенно послѣдовательно и въ надлежащей связи. Сообразивъ все сказанное, мы съ полнымъ сознаніемъ можемъ сказать, что Герберштейнъ въ ряду поименованныхъ нами писателей занимаетъ первое мѣсто.

Отчего же такъ удалось его описаніе Россіи? Отчего оно такъ рѣзко выдается своею основательностію изъ ряда прочихъ подобныхъ сочиненій?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны обратить вниманіе на качества автора, отличавшія его отъ другихъ иноземныхъ наблюдателей.

Эти качества были: 1) его образованность, и 2) его добросовѣстность. Вотъ они-то способствовали къ истинности его описанія.

1. *Его образованность.* Герберштейнъ получилъ самое блестящее образованіе для своего вѣка. Счастливыя способности и трудолюбіе способствовали къ обогащенію его ума всякаго рода свѣдѣніями, которыя послужили къ болѣе чѣмъ удовлетворительному исполненію возлагавшихся на него порученій. Но независимо отъ служебныхъ занятій, его многочисленныя сочиненія даютъ намъ полное понятіе объ учености автора, которое однако въ особенности отразилось въ московскихъ комментаріяхъ. Ни одинъ народъ Европы не могъ въ то время представить такого обстоятельнаго описанія своей страны. Герберштейнъ, такъ сказать, создалъ географію восточной Европы, и первый познакомилъ западныхъ европейцевъ съ русскими лѣтописями, и слѣдовательно съ русскою исторіею, которая до него рисовалась въ глазахъ иностранца еще неопредѣленнѣе, чѣмъ русская земля. Въ учености Герберштейна мы убѣждаемся на каждой страницѣ; въ ней могутъ сравниться съ нимъ развѣ только Поссевинъ и Флетчеръ.

Нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей пользовались знатностью своего сана, но не принадлежали къ числу ученыхъ людей. Оттого личныя розысканія и изслѣдованія ихъ мало участвовали въ повѣствованіи. Таковъ Контарини. Въ недостаткѣ образованія можно упрекнуть купца Горзея, и Маржерета, стараго солдата, сдѣлавшагося писателемъ по обстоятельствамъ. Можетъ быть одною изъ причинъ его авторства было желаніе оправдать свою приверженность къ Лжедмитрію. Пасторъ Мартинъ Беръ обнаруживаетъ непониманіе нашей религіи, когда напр. говоритъ, что Ханъ Кепельсенъ принялъ греческую вѣру, отрекшись отъ Бога, котораго съ дѣтства исповѣдывалъ, и обязался покланяться русскому Богу Николаю; или что Шуйскій ѣздилъ осенью въ Троицкую лавру принести Богу Сергію благодареніе за побѣду надъ измѣнниками.

Къ счастію, Герберштейнъ родился и выросъ посреди славянъ. Человѣкъ, съ такою любознательностію какъ онъ, не могъ не поспѣшить ознакомиться съ языкомъ своихъ многочисленныхъ земляковъ. Всякое знаніе, пріобрѣтенное въ юношескомъ возрастѣ, бываетъ болѣе или менѣе прочно; Герберштейнъ, проживавшій въ Россіи самое короткое время, несравненно менѣе искажаетъ названія и собственныя имена, чѣмъ Беръ, который, будучи въ зрѣломъ возрастѣ, не успѣлъ выучиться русскому языку. Знаніе славянскаго языка сообщило извѣстіямъ Герберштейна самостоятельность: онъ могъ непосредственно видѣть минувшія судьбы въ нашихъ лѣтописяхъ, а многія современныя извѣстія могъ узнавать отъ русскихъ, а не отъ иностранцевъ, какъ это дѣлали другіе путешественники. Незнаніе русскаго языка побудило многихъ заимствовать описаніе прошедшихъ временъ Россіи изъ Герберштейна. Маржеретъ начинаетъ свой трудъ общимъ описаніемъ нашего отечества (стр. 1—11), которое изложено по изысканіямъ Герберштейна. Такъ напр. на стр. 3 онъ упоминаетъ о животномъ растеніи, растущемъ близь Астрахани, и прибавляетъ, что видѣлъ нѣсколько такихъ растеній [1]. Мы можемъ упрекнуть въ заимствованіи и Петрея въ отношеніи къ древнѣйшей исторіи нашего отечества и къ статистическимъ свѣдѣніямъ касательно сѣвернаго края Россіи. Безъ дальнѣйшаго разбора повторяетъ онъ промахи Герберштейна, и даже увеличиваетъ число ихъ, руководимый народнымъ суевѣріемъ и лишенный знанія русскаго языка. Въ примѣръ того, какъ безтолково и безсознатель-

[1] Объ этомъ растеніи упоминаетъ не одинъ Маржеретъ, но и многіе другіе путешественники, какъ напр. Стрюисъ. *Прим. Ред.*

но выписываетъ онъ иногда изъ Герберштейна, напомнимъ разсужденіе о поединкахъ. Онъ писалъ это въ 1620 г., а мы уже изъ Флетчера знаемъ, что въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича въ Россіи не было поединковъ ([1]). Въ описаніи Петрея вообще мало самостоятельности; онъ не только придерживается извѣстій Бера, но иногда даже по цѣлымъ страницамъ переписываетъ хронику послѣдняго.

Иностранные писатели, желая вѣроятно придать болѣе интереса своимъ описаніямъ, выдавали часто сказки за истинныя происшествія. Беръ разсказываетъ о чудесахъ, бывшихъ при въѣздѣ Димитрія въ Москву и при его смерти, о монахѣ, сражавшемся съ 12,000 чертей, о чернокнижничествѣ Шуйскаго и пр. Петрей также легковѣренъ и зараженъ всякаго рода предразсудками. Нашъ писатель, вслѣдствіе своего отличнаго образованія, разсказывая какое нибудь неосновательное народное вѣрованье или молву о какихъ нибудь чудовищныхъ людяхъ, или о баснословномъ растеніи, обыкновенно обнаруживаетъ сомнѣніе.

Образованіе Герберштейна и знаніе русскаго языка доставили ему еще одно превосходство предъ другими иностранными писателями о Россіи, изъ которыхъ никто не обратилъ вниманія на умственную жизнь русскихъ, проявляющуюся въ словесныхъ произведеніяхъ. Герберштейнъ, для совершенной характеристики русскаго государства, захотѣлъ показать и его умственные успѣхи; а для этого долженъ былъ представить образцы. Онъ перевелъ судебникъ Іоанна III, посланіе и правила митрополита Іоанна II и вопроса кирпковы. Три изъ этихъ памятниковъ— юридическіе, къ переводу которыхъ нельзя было приступить иностранцу безъ знакомства съ русскимъ гражданскимъ и церковнымъ правомъ. Но Герберштейнъ преодолѣлъ этотъ трудъ и сдѣлалъ для описанія Россіи все, что отъ него зависѣло.

2. *Добросовѣстность.* Въ предисловіи къ Фердинанду, Герберштейнъ самъ говоритъ о себѣ: «уже съ молодыхъ лѣтъ я любилъ наблюдать обыкновенія иноземцевъ и дома и въ людяхъ; а будучи посломъ, съ тщательнымъ стараніемъ изучалъ характеръ иностранцевъ». Ученость необходима должна сопровождаться любовью къ труду, которымъ занимаемся, иначе не будетъ добросовѣстности. Антоній Поссевинъ былъ хорошо образованъ, но отъ недостатка добросовѣстнаго изученія иностранныхъ обычаевъ, встрѣчаются у него нелѣпые толки о важнѣйшихъ дѣлахъ. Такъ напр., на стр. 30, 31, онъ разсуждаетъ о

([1]) Еще при Іоаннѣ IV въ его судебникѣ началось отмѣненіе поля по нѣкоторымъ родамъ преступленій. См. Судеб. ст. 106, 107 и 114. *Прим. Ред.*

мнимомъ правѣ конюшаго—избирать вѣнценосца для Россіи, когда она остается безъ государя.

Сравнивая герберштейново описаніе обряда коронованія съ описаніемъ Флетчера, мы должны удивляться точности перваго. Флетчеръ не такъ вникалъ въ описываемый предметъ: нѣкоторыя молитвы у него соединены вмѣстѣ, другія сокращены, а о поясѣ и великолѣпной мантіи вовсе не упоминается. Герберштейнъ былъ католикъ, и это конечно нисколько не могло ему помѣшать сказать доброе слово о дѣятельности нашихъ миссіонеровъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить его сужденіе о нашихъ миссіонерахъ: «монахи и пустынники обратили въ христіанскую вѣру уже большую часть идолопоклонниковъ, давно и обильно сѣя у нихъ божіе слово. Да и нынѣ отправляются въ различныя страны, лежащія на сѣверѣ и востокѣ, достигая туда съ величайшимъ трудомъ, терпя голодъ и подвергая свою жизнь ежеминутной опасности, при чемъ однако они не ожидаютъ и не требуютъ себѣ никакого вознагражденія, а побуждаются къ этому единственно своимъ усердіемъ и дѣлаютъ это въ угодность Богу, чтобы привести заблудшія души на путь спасенія и посвятить ихъ Христу. Они нерѣдко запечатлѣваютъ свое ученіе смертью».

Флетчеръ, слишкомъ ревностный слуга Елисаветы и слѣдовательно врагъ западной церкви, смотритъ и на уставы нашей церкви съ точки зрѣнія реформатора. Оттого мы встрѣчаемъ у него частые нападки на монастырскіе нравы и пр. Вообще рѣзкость въ выраженіяхъ есть отличительная черта Флетчера.

Добросовѣстность и умѣренность Герберштейна тѣсно связано съ его личнымъ характеромъ, который обнаруживается во всѣхъ его отношеніяхъ къ императору и вообще въ его жизни.

Отличивъ Герберштейна такими чертами, мы должны, хотя кратко, показать причины встрѣчающихся у него невѣрностей.

Въ Россіи XVI вѣка были болѣе другихъ образованы придворные сановники и высшее духовное сословіе. Но какъ тѣ, такъ и другіе съ предубѣжденьемъ смотрѣли на каждаго любознательнаго иностранца и неохотно удовлетворяли его любопытству. Къ этому присоединялось еще то, что, по тогдашнему образу мыслей, они не смѣли бесѣдовать съ дипломатическимъ лицомъ, безъ особаго дозволенія начальства. Принимая это въ соображеніе, мы вправѣ думать, что Герберштейнъ не всегда могъ почерпать свѣдѣнія отъ знающихъ людей, хотя онъ это и утверждаетъ. Немногіе изъ образованныхъ русскихъ знали иностранные языки, а Герберштейнъ, хорошо понимая по русски, могъ затрудняться въ живомъ разговорѣ, какъ это обыкновенно

бываетъ съ иностранцами. Всѣ эти неудобства, взятыя вмѣстѣ съ кратковременностью его пребыванія въ нашемъ отечествѣ, заставляли его, можетъ быть, вывѣдывать необходимыя свѣдѣнія отъ бывшихъ въ Россіи иностранцевъ, которые, принадлежа большею частію къ классу ремесленниковъ, не могли имѣть вѣрнаго, критическаго взгляда на чуждую для нихъ націю.

Въ его запискахъ мы иногда видимъ что-то похожее на лесть въ отношеніи къ польскому королю и его народу. Герберштейнъ, кажется, соблюдалъ при этомъ выгоды своего государя. Императорскій домъ успѣлъ въ это время породниться съ польскимъ королемъ. Это еще болѣе покажется естественнымъ, если Герберштейнъ дѣйствительно писалъ часть своихъ записокъ въ Польшѣ. Въ его трудѣ видны иногда подтвержденія этого предположенія; напр. Изборскъ названъ Сворцехъ; не есть ли это извращенное польское Скворцехъ, перешедшее и въ кіевскій синопсисъ? Нѣкоторыя мѣста описанія, гдѣ проскваживаетъ какъ-бы недоброжелательность, произошли вслѣдствіе иностраннаго взгляда. Незнакомые обычаи обыкновенно странно поражаютъ насъ, и мы готовы порицать ихъ только потому, что они для насъ новы.

Исторіографъ Карамзинъ, начертавъ 4 главу VII тома своей исторіи почти по однимъ извѣстіямъ Герберштейна, даетъ замѣтить, что многія невѣроятности, находимыя у нашего автора, были разглашаемы самими московскими жителями, и оканчиваетъ VII томъ словами: «вообще герберштейново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки».

Трудъ Герберштейна замѣчателенъ и по самой формѣ своей. При такомъ множествѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, онъ умѣлъ соблюсти въ своемъ описаніи систематическій порядокъ. Языкъ его труденъ для перевода, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличается силой выраженій.

Екатерина Великая, въ лицѣ Россіи, оказала свое высокое уваженіе къ труду Герберштейна, повелѣвъ отпечатать его въ Петербургѣ въ 1795 г., а русская исторія, уже давно присудила ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду своихъ иностранныхъ источниковъ.

ТЕОРІЯ НАИБОЛЬШИХЪ И НАИМЕНЬШИХЪ ВЕЛИЧИНЪ ФУНКЦІЙ,

сочиненіе студента А. Коркина. [1]

ГЛАВА I.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ явныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію $y=f(x)$ непрерывную между нѣкоторыми предѣлами. При измѣненіи перемѣннаго независимаго количества функція можетъ измѣняться различно. Она можетъ или неопредѣленно возрастать съ увеличеніемъ его и уменьшаться съ его уменьшеніемъ; или же наоборотъ увеличиваться при неопредѣленномъ уменьшеніи перемѣннаго количества, и уменьшаться при увеличеніи его. Первое состояніе функціи называется *возрастающимъ*, а послѣднее *убывающимъ*.

Функція можетъ также одинъ или нѣсколько разъ измѣнять свое состояніе, то есть, переходить изъ возрастающаго состоянія въ убывающее и наоборотъ. При переходѣ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее она приметъ величину, которая заканчиваетъ рядъ возрастающихъ ея значеній и начинаетъ рядъ убывающихъ, и которая посему будетъ болѣе всѣхъ смежныхъ ей величинъ функціи. Такая величина функціи называется *наибольшею*. Напротивъ при переходѣ изъ убывающаго состоянія въ возрастающее функція принимаетъ величину меньшую всѣхъ смежныхъ ей значеній функціи, и которая потому называется *наименьшею величиною*.

---

(1) *Отъ редакціи.* Этому сочиненію, писанному по заданной темѣ, Физико-Математическій факультетъ петербургскаго университета присудилъ въ прошломъ $18\frac{56}{57}$ году золотую медаль. Кромѣ того, г. профессоръ В. Я. Буняковскій въ письмѣ своемъ на имя г. профессора-редактора особенно рекомендовалъ эту статью для помѣщенія въ сборникъ. Редакція пріятнымъ долгомъ своимъ считаетъ предложить это изслѣдованіе спеціалистамъ-математикамъ.

Розысканіе наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, признаки ихъ существованія, и отличіе однихъ величинъ отъ другихъ составляетъ предметъ одной очень важной и интересной теоріи дифференціальнаго исчисленія, которую мы и постараемся изложить въ настоящемъ разсужденіи.

Изъ опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, сдѣланнаго выше, мы должны заключить, что если мы будемъ измѣнять безконечно мало, но совершенно произвольно перемѣнное количество, то всѣ величины данной функціи, получаемыя при этомъ измѣненіи, будутъ менѣе наибольшей и болѣе наименьшей величины, если только такія величины находятся въ сопредѣльности съ упомянутыми значеніями функціи. Поэтому, если значенія $x=x_0$ доставляетъ одну изъ этихъ величинъ, и если ε есть какъ угодно малое произвольное количество, то разность $f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)$ должна имѣть отрицательный знакъ въ случаѣ наибольшей, и положительный въ случаѣ наименьшей величины, не смотря на произвольный знакъ и величину, впрочемъ какъ угодно малую, количества ε. Разложивъ упомянутую разность по Тейлоровой теоремѣ, мы получимъ

$$(1) \qquad f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)=\varepsilon.\ f'(x_0)+\frac{\varepsilon^2}{1.\ 2}f''(x_0+\theta\varepsilon),$$

гдѣ θ есть количество, заключающееся между нулемъ и единицею. Знакъ разности, находящійся въ первой части предъидущаго уравненія долженъ быть, какъ выше было замѣчено, постоянный. Между тѣмъ во второй части онъ зависитъ отъ знака члена $\varepsilon.\ f'(x_0)$, который, очевидно, можетъ быть сдѣланъ болѣе другаго члена. Такъ какъ количество $f'(x_0)$ есть постоянное, то знакъ члена $\varepsilon.\ f'(x_0)$ будетъ перемѣняться съ измѣненіемъ знака количества ε; а поэтому и знакъ разности (1) будетъ также измѣняться. Слѣдовательно для того, чтобы этотъ знакъ остался постояннымъ, или, что одно и тоже, чтобы значенію $x=x_0$, соотвѣтствовала наибольшая или наименьшая величина данной функціи, необходимо условіе

$$(2) \qquad f'(x_0)=0,$$

то есть, что значеніе перемѣнной, доставляющее наибольшую, или наименьшую величину функціи, должно непремѣнно быть однимъ изъ корней уравненія $f'(x)=0$. По этому, если упомянутое уравненіе не имѣетъ дѣйствительныхъ и конечныхъ корней, то и данная функція не имѣетъ наибольшихъ и наименьшихъ величинъ. Такъ напримѣръ функція $y=2x^3+3x^2+6x+5$ не имѣетъ ни наибольшей ни наименьшей величины, потому что уравненіе $\frac{dy}{dx}=6(x^2+x+1)=0$, не имѣетъ дѣйствительныхъ корней.

Когда выполнено условіе $f'(x_0)=0$, то уравненіе (1) представится въ такомъ видѣ:

$$f'(x_0+\varepsilon)-f'(x_0)=\frac{\varepsilon^2}{1.\ 2}f''(x_0+\theta\varepsilon).$$

Теперь знакъ этой разности уже не зависитъ ото знака ε. Онъ постоянный и опредѣляется знакомъ количества $f''(x_0+\theta\varepsilon)$; и такъ какъ величина ε можетъ быть сдѣлана какъ угодно малою, то онъ будетъ завиcѣть отъ знака количества $f''(x_0)$.

Слѣдовательно, на основаніи предыдущихъ замѣчаній, мы заключаемъ, что если

$$f''(x_0)<0,$$

то величина $y=f(x_0)$ будетъ наибольшая, а если

$$f''(x_0)>0,$$

то наименьшая.

Положимъ теперь, что $f''(x_0)=0$; тогда мы не будемъ въ сотояніи по знаку $f''(x_0)$ заключить, будетъ ли значеніе $y=f(x_0)$ наибольшимъ или наименьшимъ, потому что она обращается въ нуль; поэтому мы должны обратиться къ высшимъ производнымъ. Продолжимъ разложеніе (1) до четвертой степени ε; тогда мы получимъ

$$(3) \qquad f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)=\frac{\varepsilon^3}{1.\ 2.\ 3}f'''(x^0)+\frac{\varepsilon^4}{1.\ 2.\ 3.\ 4}f^{IV}(x_0+\theta_1\varepsilon).$$

Отсюда мы видимъ, что если количество $f'''(x_0)$ есть величина конечная и не равная нулю, то давъ приращенію ε достаточно малую-величину, для того, чтобы знакъ разложенія (3) зависѣлъ отъ перваго его члена $\frac{\varepsilon^3}{1.2.3.}f'''(x_0)$, мы, очевидно, будемъ въ состояніи измѣнять знакъ разности $f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)$ по произволу, измѣняя знакъ у количества ε. Поэтому тогда не можетъ быть ни наибольшей ни наименьшей величины. Для существованія же такихъ величинъ необходимо должно быть также и

$$(4) \qquad f'''(x_0)=0.$$

Когда и это условіе выполнено, и четвертая производная данной функціи $f^{IV}(x_0)$ имѣетъ величину конечную, то для значенія $x=x_0$, существуетъ наибольшая или наименьшая величина данной функціи, потому что въ такомъ случаѣ знакъ разности $f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)$ зависитъ единственно отъ знака количества $f^{IV}(x_0)$. Слѣдовательно если имѣемъ

$$f^{IV}(x_0)<0,$$

то величина функціи, соотвѣтствующая значенію $x=x_0$ будетъ наибольшая, а если

$$f^{IV}(x_0)>0,$$

то наименьшая.

Совершенно подобнымъ образомъ докажемъ, что если изъ ряда производныхъ

$$f'(x_0), f''(x_0), f'''(x_0)\ldots\ldots f^{(2n+1)}(x_0), f^{(2n+2)}(x_0)\ldots\ldots$$

уничтожаются по порядку $f'(x_0)$, $f''(x_0)$,... и до $f^{(2n)}(x_0)$ включительно, то для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ необходимо, чтобы и количество $f^{(2n+1)}(x_0)$ равнялось нулю, и если это исполнено, то отрицательный знакъ количества $f^{(2n+2)}(x_0)$ опредѣлитъ наибольшую, а положительный наименьшую величину.

Изъ всѣхъ предыдущихъ соображеній мы выводимъ слѣдующее общее правило для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ:

Прежде всего мы находимъ корни уравненія $f'(x)=0$. Между этими корнями должны находиться и тѣ величины x, которыя соотвѣтствуютъ наибольшимъ и наименьшимъ величинамъ данной функціи $y=f(x)$. Потомъ каждый изъ сихъ корней подвергаемъ испытанію. Положимъ, что одинъ изъ нихъ есть $x=x_0$. Если подстановка этой величины въ рядъ производныхъ

$$f'(x), f''(x), f'''(x), f^{IV}(x), \ldots\ldots$$

уничтожитъ нечетное число ихъ или, что одно и тоже, первая изъ неуничтожающихся производныхъ будетъ четнаго порядка, тогда значенію $x=x_0$ будетъ непремѣнно соотвѣтствовать наибольшая или наименьшая величина данной функціи; въ противномъ же случаѣ не будетъ соотвѣтствовать ни той ни другой. Потомъ смотримъ на знакъ первой неуничтожившейся производной, которую предполагаемъ четнаго порядка; если этотъ знакъ положительный, то величина $y=f(x_0)$ будетъ наименьшею; въ противномъ случаѣ она будетъ наибольшею.

Пояснимъ предъидущую теорію примѣрами.

1) *Найти наименьшую величину функціи* $y=ax^2+2bx+c$.

Уравненіе $f'(x)=0$, въ этомъ случаѣ обращается въ слѣдующее

$$\frac{dy}{dx}=2(ax+b)=0,$$

откуда получаемъ

$$x = -\frac{b}{a}.$$

Такъ какъ кромѣ того мы имѣемъ: $\frac{d^2y}{dx^2} = 2a$, то въ случаѣ a положительнаго, величина $y = c - \frac{b^2}{a}$, соотвѣтствующая значенію $x = -\frac{b}{a}$ будетъ наименьшею, ибо тогда $\frac{d^2y}{dx^2} > 0$. Въ противномъ случаѣ упомянутая величина будетъ наибольшею.

2) *Найти наименьшую величину функціи* $y = \frac{A^x}{x}$, гдѣ величина A есть положительная.

Дифференцируя данную функцію мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx} = \frac{A^x}{x}\left(\frac{1}{Loge} - \frac{1}{x}\right)$$

$$\frac{d^2y}{dx^2} = \frac{A^x}{x}\left[\left(\frac{1}{Loge} - \frac{1}{x}\right)^2 + \frac{1}{x^2}\right].$$

Рѣшая уравненіе $\frac{dy}{dx} = 0$, мы получаемъ $x = Loge$, гдѣ $Loge$ есть логариѳмъ Неперова основанія, въ системѣ логариѳмовъ, основаніе которой есть число A. Такъ какъ величина $x = Loge$ обращаетъ количество $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ положительное, то значеніе $y = \frac{e}{Loge}$ будетъ наименьшее.

Точно также найдемъ, что функціи $y = x\,e^{a-x}$ и $y = \frac{Logx}{x}$, коихъ соотвѣтствующія производныя суть $e^{a-x}\,x\left(\frac{a-x}{x}\right)$ и $\frac{1}{x^2}(Loge - Logx)$, получаютъ наибольшія величины $a\,e^{a-a}$ и $\frac{Loge}{e}$; первая для $x = a$, а вторая для $x = e$.

3) *Раздѣлить дугу* θ *на двѣ такіе, чтобы произведеніе синусовъ этихъ дугъ были наибольшее.*

Означивъ одну изъ искомыхъ дугъ черезъ x, и слѣдовательно другую черезъ $\theta - x$, мы получимъ функцію $y = \operatorname{Sin} x . \operatorname{Sin}(\theta - x)$, наибольшую величину которой требуется опредѣлить. Поступая сообразно съ вышеизложенными правилами, мы получимъ

$$\frac{dy}{dx} = \operatorname{Cos} x . \operatorname{Sin}(\theta - x) - \operatorname{Sin} x \operatorname{Cos}(\theta - x) = \operatorname{Sin}(\theta - 2x),$$

$$\frac{d^2y}{dx^2} = -2 \operatorname{Cos}(\theta - 2x).$$

Изъ уравненія $\frac{dy}{dx} = 0$, мы получимъ $x = \frac{\theta}{2}$. Эта величина обра-

щаетъ функцію $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ отрицательную, по этому значенію $y=\mathrm{Sin}^2\frac{1}{2}\theta$, соотвѣтствующее величинѣ $x=\frac{1}{2}\theta$ будетъ наибольшее.

4) *Вписать въ прямомъ конусѣ цилиндръ наибольшаго объема.* Означивъ черезъ r радіусъ основанія и черезъ *h* высоту конуса, черезъ x радіусъ основанія и черезъ z высоту искомаго цилиндра, мы, очевидно, получимъ $z=\frac{h}{r}(r-x)$; а потому искомый объемъ, который мы означимъ черезъ *V*, будетъ

$$V=\frac{\pi.h}{r}x^2\ (r-x)$$

Но эту функцію можно упростить, отбросивъ постоянный положительный множитель $\frac{\pi.h}{r}$, который войдетъ множителемъ и во всѣ производныя функціи. Такимъ образомъ, если $y=V\frac{r}{\pi.h}$, то функція *y* будетъ въ одно время возрастать съ функціею *V* и въ одно время убывать съ нею, а потому, если, для какого либо значенія x, V получитъ величину наибольшую, то для того же значенія сдѣлается наибольшею и функція *y*. Такимъ образомъ достаточно разыскать наибольшую величину этой послѣдней.

Дифференцируя функцію *y* мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx}=2rx-3x^2=o,\ \text{откуда}\ x=\frac{2}{3}r,\ \text{и}\ x=0$$

$$\frac{d^2y}{dx^2}=2r-6x.$$

Такъ какъ рѣшеніе x=0, соотвѣтствуетъ прямой линіи, то мы его отбросимъ. Другое рѣшеніе $x=\frac{2r}{3}$ обращаетъ $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ количество отрицательное—2r, посему искомый наибольшій объемъ будетъ $V=\frac{4}{27}\pi\ hr^2.$

5) *Если свѣтящаяся точка A можетъ двигаться по перпендикуляру AB къ плоскости BC, то на какой высотѣ надъ плоскостію BC должна она быть, чтобы наивыгоднѣйшимъ образомъ освѣтить безконечно—малую площадку* $\alpha\alpha'\beta$, *которая находится отъ основанія перпендикуляра AB=X, на разстояніи* $B\alpha=a$ (См. Фигуру 1-ю) (¹).

Предполагаются извѣстными законы свѣта, по которымъ освѣщеніе прямо пропорціонально синусамъ угловъ паденія, и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній свѣтящейся точки отъ точки освѣщаемой.

(¹) Чертежи см. въ концѣ статьи.

Означимъ уголъ $A\alpha B$ черезъ θ, высоту AB черезъ x, искомое освѣщеніе черезъ y; тогда мы получимъ $y=\frac{\text{Sin}\theta}{x^2+a^2}$, если предположимъ, что освѣщеніе на разстояніи единицы есть единица. Но мы имѣемъ кромѣ того

$$\text{Sin}\ \theta=\frac{x}{\sqrt{a^2+x^2}},$$

слѣдовательно
$$y=\frac{x}{[x^2+a^2]^{3/2}}.$$

Отсюда получимъ
$$\frac{dy}{dx}=\frac{a^2-2x^2}{[x^2+a^2]^{5/2}}$$

$$\frac{d^2y}{dx^2}=-\frac{4x}{[x^2+a^2]^{5/2}}-\frac{5x\ (a^2-2x^2)}{[x^2+a^2]^{7/2}}$$

Величина $x=\frac{a}{\sqrt{2}}$ обращаетъ функцію $\frac{dy}{dx}$ въ нуль, а $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ количество отрицательное, по этому величина освѣщенія есть наибольшая, $y=\frac{2}{3\sqrt{3}.\ a^2}$

6) Найти изъ всѣхъ равнобедренныхъ треугольниковъ, имѣющихъ одинаковый периметръ 2 p, треугольникъ съ наибольшею площадью.

Означивъ одну изъ двухъ равныхъ сторонъ черезъ x, искомую площадь черезъ y, мы будемъ имѣть

$$y=\sqrt{p\ (p-x)^2\ (2x-p)}.$$

Отбросивъ постоянный множитель $\sqrt{p}$, и означивъ черезъ z функцію $\frac{y}{\sqrt{p}}$, мы получимъ

$$z=(p-x)\sqrt{2x-p}$$

$$\frac{dz}{dx}=\frac{2p-3x}{\sqrt{2x-p}}$$

$$\frac{d^2z}{dx^2}=\frac{p-3x}{(2x-p)^{3/2}}.$$

Величина $x=\frac{2p}{3}$ обращаетъ $\frac{dz}{dx}$ въ нуль, а $\frac{d^2z}{dx^2}$ въ количество отрицательное. По этому искомая наибольшая площадь будетъ

$$y=\frac{p^2}{3\sqrt{3}},$$

и равносторонній треугольникъ удовлетворитъ вопросу.

ГЛАВА II.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой.

Когда функція не дана непосредственно, но дано только уравненіе, связывающее эту функцію съ перемѣнною независимою величиною, въ такомъ случаѣ упомянутая функція называется *неявною*. Для разысканія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ ея, можно было бы вывести ея величину изъ даннаго уравненія, т. е. обратить ее въ явную, и тогда поступать по вышеизложеннымъ правиламъ. Но рѣшеніе уравненія въ буквахъ почти всегда затруднительно, и даже въ большей части случаевъ невозможно, слѣдовательно, для нахожденія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ неявной функціи нужно употребить другой пріемъ.

Положимъ, что данное уравненіе, связывающее функцію y съ перемѣнною независимою величиною x есть

(1) $$F(x, y) = 0.$$

Для упомянутой цѣли нужно найти послѣдовательныя производныя $\frac{dy}{dx}$, $\frac{d^2y}{dx^2}$, . . . Чтобы этого достигнуть мы поступаемъ слѣдующимъ образомъ:

Дифференцируемъ уравненіе (1), изъ котораго получаемъ

(2) $$\frac{dF}{dx} + \frac{dF}{dy} \cdot \frac{dy}{dx} = 0.$$

Откуда имѣемъ $$\frac{dy}{dx} = \frac{-\left(\frac{dF}{dx}\right)}{\left(\frac{dF}{dy}\right)}.$$

Если функція $\frac{dF}{dy}$ не обращается ни въ нуль, ни въ безконечность, то $\frac{dy}{dx}$ будетъ равно нулю, если

$$\frac{dF}{dy} = 0.$$

Это уравненіе въ соединеніи съ даннымъ $F(x, y) = 0$, доставитъ систему величинъ $x = x_0$, $y = y_0$.

Теперь по предыдущимъ правиламъ нужно подвергнуть эти величины испытанію, т. е. посмотрѣть обращаютъ ли онѣ величину $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ количество конечное и неравное нулю; если же онѣ уничтожаютъ функцію $\frac{d^2y}{dx^2}$, то нужно узнать какого по-

рядка будетъ первая изъ неуничтожившихся производныхъ. Чтобы найти количество $\frac{d^2y}{dx^2}$, дифференцируемъ уравненіе (2) и получаемъ

$$(3)\qquad \frac{d^2F}{dx^2}+\left(2\frac{d^2F}{dxdy}+\frac{d^2F}{dy^2}\cdot\frac{dy}{dx}\right)\frac{dy}{dx}+\frac{dF}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}=0.$$

Замѣчая, что $\frac{dy}{dx}=0$, и предполагая производныя $\frac{d^2F}{dxdy}$, $\frac{d^2F}{dy^2}$ величинами конечными, мы вмѣсто уравненія (3) получимъ слѣдующее

$$(4)\qquad \frac{d^2F}{dx^2}+\frac{dF}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}=0$$

Откуда получаемъ

$$\frac{d^2y}{dx^2}=-\frac{\left(\frac{d^2F}{dx^2}\right)}{\left(\frac{dF}{dy}\right)}.$$

Подставляя сюда величины $x=x_0$, $y=y_0$, мы по знаку производной $\frac{d^2y}{dx^2}$ тотчасъ узнаемъ, будетъ ли значеніе $y=y_0$, соотвѣтствующее величинѣ $x=x_0$, наибольшимъ или наименьшимъ, или же ни тѣмъ ни другимъ.

Если функція $\frac{d^2F}{dx^2}$ обращается въ нуль при $x=x_0$, $y=y_0$, то и производная $\frac{d^2y}{dx^2}$ также уничтожится, а потому слѣдуетъ обратиться къ производнымъ высшихъ порядковъ. Чтобы получить ихъ, составляемъ послѣдовательныя дифференціальныя уравненія, дифференцируя уравненіе (1) нѣсколько разъ сряду; тогда мы получимъ величины послѣдовательныхъ производныхъ функціи y по x. По правиламъ изъясненнымъ въ главѣ 1, мы легко докажемъ присутствіе или отсутствіе наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ функціи y, и отличимъ одни изъ нихъ отъ другихъ.

Объяснимъ эту теорію нѣкоторыми примѣрами.

1) *Найти наибольшую величину ординаты кривой линіи, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ, и опредѣляемой уравненіемъ.*

$$x^2+\log(y)=0.$$

Дифференцируя два раза это уравненіе мы имѣемъ

$$2x+\frac{1}{y}\cdot\frac{dy}{dx}=0$$

$$\frac{1}{y}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}-\left(\frac{1}{y}\cdot\frac{dy}{dx}\right)^2=\frac{1}{y}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}-\frac{1}{y^2}\cdot\frac{dy^2}{dx^2}=-2.$$

Изъ перваго уравненія получаемъ $\frac{dy}{dx} = -2xy$. Уравнявъ функцію $\frac{dy}{dx}$ нулю, имѣемъ $x=0$, $y=1$. Изъ втораго уравненія имѣемъ $\frac{d^2y}{dx^2} = -2 < 0$; посему величина $y = 1$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наибольшая.

Мы достигли бы точно тѣхъ же результатовъ, если бы рѣшили данное уравненіе относительно y. Мы получили бы $y=e^{-x^2}$ и поступали бы по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ 1.

2) *Два тѣла движутся по линіямъ AC и BD, пересѣкающимся между собою въ точкѣ O, и составляющимъ уголъ θ, одно со скоростію* m, *а другое со скоростію* n *въ единицу времени. Первое начинаетъ двигаться изъ точки A, а второе изъ точки B. Разстояніе A 0=a и B 0=b. Оба тѣла выходятъ въ одно и то же время, первое изъ A, а второе изъ B. Спрашивается, когда разстояніе между тѣлами будетъ наименьшее?* (См. фигуру 2-ю)

Означимъ искомое разстояніе *DC* черезъ *x*, время которое протекаетъ отъ момента выхожденія точекъ, перваго изъ точки A, а втораго изъ точки B, до того момента, когда первое будетъ въ точкѣ C, а второе въ точкѣ D, черезъ t, мы, очевидно, получимъ $AC=mt$, $BD=nt$, $OC=mt-a$, $OD=nt-b$, и такъ какъ уголъ $DOC=\theta$, то

$$x^2=(nt-b)^2+(mt-a)^2-2\,(nt-b)\,(mt-a)\operatorname{Cos}\theta.$$

Отсюда

$$x\frac{dx}{dt}=(m^2-2\;mn\operatorname{Cos}\theta+n^2)\;t+n\;(a\operatorname{Cos}\theta-b)+m\;(b\operatorname{Cos}\theta-a)$$

По предыдущимъ правиламъ нужно положить $\frac{dx}{dt}=0$, откуда выводимъ

$$(\alpha)\qquad t=\frac{n\;(b-a\operatorname{Cos}\theta)+m\;(a-b\operatorname{Cos}\theta)}{m^2-2\;mn\operatorname{Cos}\theta+n^2}$$

Такъ какъ *x* для этой величины *t* не обращается ни въ нуль, ни въ безконечность, то предположивъ $x\frac{dx}{dt}=0$, вмѣсто $\frac{dx}{dt}=0$, мы не сдѣлали ошибки. Поступая далѣе по предыдущимъ правиламъ находимъ

$$\frac{d^2x}{dt^2}=m^2+n^2-2\;mn\operatorname{Cos}\theta.$$

Такъ какъ величина $\frac{d^2x}{dt^2}$ постоянно положительная, потому что $\operatorname{Cos}\theta$ всегда менѣе единицы или только равенъ ей, то зак-

лючаемъ, что величина x, соотвѣтствующая значенію t выраженному формулою (α), есть наименьшая.

Можетъ также случиться, что функція, наибольшія и наименьшія величины которой слѣдуетъ разыскать, заключаетъ нѣсколько перемѣнныхъ, изъ которыхъ всѣ кромѣ одной суть зависимыя, и эта зависимость опредѣляется нѣкоторыми уравненіями. Такъ какъ этотъ случай будетъ разобранъ въ общемъ видѣ, при изложеніи способовъ опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ неявныхъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ, то мы до времени его оставимъ.

ГЛАВА III.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, представляющихъ особенныя или какія либо прерывныя величины функціи объ одной перемѣнной независимой.

Въ предыдущихъ главахъ мы вывели правила для распознаванія и опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ томъ предположеніи, что какъ сама данная функція, такъ и послѣдовательныя ея производныя, входящія въ вычисленіе, непрерывны въ сопредѣльности съ частнымъ значеніемъ перемѣнной, соотвѣтствующимъ величинамъ данной функціи, о коихъ идетъ рѣчь.

Если же сама функція, или ея производныя будутъ прерывны, то мы по вышеизложеннымъ правиламъ не можемъ знать, будетъ ли прерывная величина самой функціи или значеніе ея, соотвѣтствующею, разрыву непрерывности ея производныхъ наибольшимъ или наименьшимъ. Слѣдовательно нужно вывести правила для распознаванія подобныхъ значеній между особенными величинами функціи.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію $y=f(x)$, имѣющую особенную величину для значенія $x=x_0$. Тогда всѣ случаи такихъ величинъ относительно наибольшихъ и наименьшихъ можно подвести подъ два слѣдующіе отдѣла.

1) Къ первому мы отнесемъ такую величину $y=f(x_0)$, для которой значенія $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя и безконечно мало другъ отъ друга разнящіяся, но функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ есть прерывная, имѣющая для $x=x_0$ два значенія, тогда какъ для прочихъ значеній x, сопредѣльныхъ съ x_0, она имѣетъ по одному значенію. Такая функція будетъ напримѣръ

$y=x \operatorname{arctang}\left(\frac{1}{x}\right)$, имѣющая особенную величину перваго отдѣла для $x=0$.

2) Ко второму отдѣлу мы отнесемъ такое значеніе $f(x_0)$, для котораго одна изъ величинъ $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ есть дѣйствительная, а другая мнимая, или же обѣ суть дѣйствительныя, и значенія первой производной, имъ соотвѣтствующія, суть дѣйствительныя, но $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ разнятся другъ отъ друга не безконечно мало. Такія величины будутъ имѣть напримѣръ функцію $\log x$, x^x для $x=0$; также функція $\operatorname{arctang}\left(\frac{1}{x}\right)$ для $x_0=0$ имѣетъ величину принадлежащую ко второму отдѣлу, потому что $f(-\varepsilon)=-\frac{\pi}{2}+\alpha$ и $f(+\varepsilon)=+\frac{\pi}{2}+\beta$ разнятся не безконечно мало и обѣ суть величины дѣйствительныя, если α и β суть какъ и ε безконечно малыя величины. Значенія производной $\frac{dy}{dx}$ соотвѣтствующія величинамъ пр. $[f(-\varepsilon)]$ и пр. $[f(+\varepsilon)]$ суть величины дѣйствительныя и равны отрицательной единицѣ.

Первый отдѣлъ особенныхъ величинъ.

Такимъ образомъ къ первому отдѣлу относятся такія величины функціи, которыя сами принадлежатъ къ непрерывнымъ ихъ значеніямъ, но соотвѣтствующія имъ величины производныхъ суть величины прерывныя. Чтобы отличить наибольшія и наименьшія величины функціи между особенными величинами такого рода, мы разсмотримъ предметъ этотъ съ нѣсколько иной точки зрѣнія, нежели разсматривали его до сихъ поръ, потому что разложеніе въ рядъ по Тейлоровой теоремѣ въ этомъ случаѣ невозможно, по причинѣ прерывности данной функціи или ея производныхъ.

Мы уже замѣтили выше, что наибольшія и наименьшія величины функціи соотвѣтствуютъ переходу ихъ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее и наоборотъ. Изъ правилъ дифференціальнаго исчисленія извѣстно, что, при возрастающемъ состояніи функція, ея первая производная всегда имѣетъ знакъ положительный, а при убывающемъ отрицательный. Если бы эта производная была непрерывна въ сопредѣльности съ частнымъ значеніемъ перемѣнной, соотвѣтствующимъ наибольшей или наименьшей величинѣ данной функціи, то она перешла бы черезъ нуль изъ положительнаго состоянія въ отрицательное въ то же самое время, когда данная функція перейдетъ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее. Такимъ образомъ наи-

большія и наименьшія величины данной функціи соотвѣтствуютъ значенію первой ея производной, равному нулю.

Этотъ же результатъ мы вывели и прежде, на основаніи разложенія данной функціи по Тейлоровой теоремѣ. Но если первая производная функція имѣетъ величину прерывную, тогда она можетъ и не проійдя черезъ нуль перемѣнить знакъ. Въ такомъ случаѣ она переходитъ отъ одной конечной или безконечно большой величины къ другой, вовсе не проходя черезъ среднія величины. Первое условіе существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ будетъ поэтому тò, по которому упомянутыя двѣ величины должны быть различнаго знака. Если же онѣ сохраняютъ одинаковый знакъ, то данная функція оставаясь постоянно возрастающею или убывающею, никакъ неприметъ наибольшей или наименьшей величины, соотвѣтствующей разрыву непрерывности ея производной, но такая величина ея будетъ простою особенною величиною, относящеюся къ первому отдѣлу.

Такимъ образомъ мы заключаемъ, что если $x=x_0$ есть значеніе перемѣнной, соотвѣтствующее подобной величинѣ данной функціи $y=f(x)$, то особенныя величины перваго отдѣла характеризуются тѣмъ, что для нихъ количества $f'(x_0-\varepsilon)$ и $f'(x_0+\varepsilon)$ разнятся на величину конечную или безконечно большую. Здѣсь количество ε предполагается безконечно малымъ.

Такъ какъ переходъ функціи $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ изъ положительнаго состоянія въ отрицательное соотвѣтствуетъ переходу данной функціи $y=f(x)$ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее, то условіе наибольшей величины будетъ

$$(1) \qquad f'(x_0-\varepsilon)>0,\ f'(x_0+\varepsilon)<0.$$

Когда же первая производная проходитъ изъ отрицательнаго состоянія въ положительное, тогда функція $y=f(x)$ принимаетъ наименьшую величину. По этому условіе послѣдней величины будетъ

$$(2) \qquad f'(x_0-\varepsilon)<0,\ f'(x_0+\varepsilon)>0.$$

Чтобы лучше объяснить себѣ предыдущія правила, разсмотримъ этотъ предметъ въ геометрическомъ смыслѣ.

Положимъ, что мы имѣемъ кривую линію AMM'B, отнесенную къ прямоугольнымъ координатамъ, и опредѣляемую уравненіемъ $y=f(x)$ (см. фигуры 3, 4 и 5).

Въ такомъ случаѣ первая производная функція $y=f(x)$ есть тангенсъ угла, составляемаго касательною къ кривой съ осью x—овъ. Когда этотъ тангенсъ положительный, то есть когда

упомянутый уголъ менѣе прямаго, или болѣе двухъ прямыхъ и менѣе трехъ, очевидно, кривая линія опредѣляемая уравненіемъ $y=f(x)$ будетъ восходить, и ордината ея y увеличиваться съ увеличеніемъ x. Если же этотъ уголъ болѣе прямаго, тогда тангенсъ его будетъ отрицательный, кривая будетъ нисходить, и слѣдовательно ордината y будетъ уменьшаться при увеличеніи абсциссы x. Такимъ образомъ наибольшая или наименьшая величина ординаты будетъ соотвѣтствовать переходу кривой изъ восходящаго состоянія въ нисходящее, или наоборотъ, или же переходу тангенса угла, составляемаго касательною къ кривой съ осью x—овъ, изъ положительнаго состоянія въ отрицательное и наоборотъ. Если этотъ тангенсъ есть непрерывная функція координатъ, то упомянутый переходъ онъ можетъ совершить только пройдя черезъ нуль, и слѣдовательно тогда касательная къ кривой будетъ параллельна съ осью x—овъ. Если же функція координатъ, опредѣляющая этотъ тангенсъ для каждой точки, лежащей на данной кривой линіи, становится для нѣкотораго значенія $x=x_0=Op$ (фиг. 1 и 2) прерывною, то тангенсъ можетъ перемѣнить знакъ и не пройдя черезъ нуль. Въ такомъ случаѣ онъ для одного значенія $x=x_0$ будетъ имѣть двѣ величины, а слѣдовательно и $\operatorname{arctang} \frac{dy}{dx}$, также будетъ имѣть двѣ величины, разнящіяся между собою не безконечно мало. Одна изъ этихъ величинъ будетъ уголъ MTx, а другая $MT'x$. Тангенсы этихъ угловъ соотвѣтственно выразятъ количества, которыя мы обозначали черезъ $f'(x_0-\varepsilon)$ и $f'(x_0+\varepsilon)$. Если эти тангенсы имѣютъ различные знаки, то ордината $y=f(x_0)$ будетъ наибольшею, когда $\operatorname{tang} MTx>0$, а $\operatorname{tang} MT'x<0$ (фиг. 1), напротивъ она будетъ наименьшею, если $\operatorname{tang} MTx<0$, а $\operatorname{tang} MT'x>0$, (фиг. 4).

Когда оба тангенса имѣютъ знаки одинаковые, то небудетъ ни наибольшей ни наименьшей величины (фиг. 5).

Заключенія наши будутъ справедливы независимо отъ знака y, т. е. будетъ ли кривая надъ осью x—овъ или подъ осью x—овъ, предыдущія правила предлагаются безъ исключенія.

Когда обѣ величины $f'(x_0-\varepsilon)$ $f'(x_0+\varepsilon)$ сдѣлаются безконечными, тогда обѣ касательныя сольются въ одну, которая будетъ перпендикулярна къ оси x—овъ. Здѣсь также выведенныя нами заключенія прилагаются вполнѣ, но существуетъ также и особенный признакъ, отличающій такія величины отъ другихъ величинъ перваго отдѣла. Если будемъ разсматривать эти особенныя величины въ геометрическомъ смыслѣ, то, очевидно, что если ордината будетъ наибольшею, то кривая будетъ выпукла къ низу, и слѣдовательно будетъ тогда

$$f''(x_0)>0;$$

если же ордината будетъ наименьшею, то вогнутость кривой будетъ обращена къ низу; а потому будетъ

$$f''(x_0) < 0.$$

Это же можно доказать и помощію слѣдующаго разсужденія: Будемъ увеличивать непрерывно x, начиная отъ значенія меньшаго количества x_0. Тогда, если $y=f(x_0)$ есть наибольшая величина функціи $y=f(x)$, то функція $f'(x)$ будетъ неопредѣленно возрастать съ приближеніемъ x къ x_0, до тѣхъ поръ, пока при $x=x_0$ не обратится въ положительную безконечность. Для $x=x_0+\varepsilon$, гдѣ ε есть безконечно малая положительная величина, значеніе $y'=\frac{dy}{dx}$ будетъ менѣе всякой данной величины, потому что это значеніе будетъ отрицательная безконечность. При дальнѣйшемъ увеличеніи x, числовая величина значеній функціи $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ будетъ уменьшаться, и слѣдовательно, такъ какъ значенія эти отрицательныя, они сами будутъ увеличиваться. По этому функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ показываетъ вездѣ возрастающее состояніе, и слѣдовательно должно быть

$$f''(x_0) > 0.$$

Точно также докажемъ, что для наименьшей величины будетъ

$$f''(x_0) < 0.$$

Такъ какъ оба значенія фукціи $f'(x)$ для $x=x_0$ суть безконечныя, то и значеніе $f''(x_0)$ будетъ также безконечное; а потому функція $f'(x)$ обращается въ отрицательную безконечность, если значенію $x=x_0$ соотвѣтствуетъ наименьшая величина, и въ положительную безконечность, если эта величина есть наибольшая.

Точно также можно доказать и геометрически, что въ этомъ случаѣ величина $f''(x_0)$ будетъ безконечная. Дѣйствительно радіусъ кривизны, соотвѣтствующій особенной точкѣ, которую мы разсматриваемъ, долженъ имѣть конечную величину. Общее выраженіе радіуса кривизны есть

$$\rho=\pm\frac{\left[1+\frac{dy^2}{dx^2}\right]^{\frac{3}{2}}}{\left(\frac{d^2y}{dx^2}\right)}.$$

Въ настоящемъ случаѣ числитель этого выраженія есть величина безконечная; такъ какъ ρ должно имѣть конечное значеніе, то знаменатель $\frac{d^2y}{dx^2}$ долженъ быть безконечнымъ.

Такимъ образомъ къ первому отдѣлу особенныхъ величинъ принадлежатъ случаи выходящихъ точекъ (points saillants) и точекъ возврата перваго рода, въ томъ случаѣ, когда касательная перпендикулярна къ оси x—овъ, если разсматривать предметъ съ геометрической точки зрѣнія.

Нужно замѣтить, что случаи выходящихъ точекъ очень похожи на случаи точекъ кратныхъ (points multiples), гдѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть наибольшей или наименьшей величины. Для точки кратной также функція $f'(x)$ можетъ имѣть двѣ различныя величины, если разсматриваемая точка есть двойная; и эти величины могутъ имѣть различный знакъ. Но легко отличить выходящую точку отъ кратной, руководствуясь слѣдующимъ замѣчаніемъ:

Положимъ, что кривая (см. фиг. 6 и 7) $AMM\ B$ изображаетъ графически данную функцію $y=f(x)$, и что она отнесена къ прямоугольнымъ координатамъ XOY. Легко видѣть, что если возмемъ значенія $f'(x)$ въ сопредѣльности съ значеніями ея, соотвѣтствующими кратной точкѣ M, которая опредѣляется координатами $x=x_0=OP$ и $y=f(x_0)=MP$, то число величинъ ея, соотвѣтствующихъ кратной точкѣ не будетъ болѣе, чѣмъ число величинъ соотвѣтствующихъ какому либо другому сопредѣльному значенію x. Напримѣръ (на фигурѣ 6) какъ значенію $x=OP$ соотвѣтствуютъ двѣ величины функціи $f'(x)$, такъ и значеніемъ $x=OP'$ и $x=OP''$ близкимъ къ $x=OP$. Точно также (на фигурѣ 5) функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ имѣетъ три величины какъ для $x=OP$, такъ и для $x=OP'$ и $x=OP''$.

Между тѣмъ въ случаѣ выходящихъ точекъ для самой такой точки, количество $f'(x)$ имѣетъ большее число значеній, нежели для какой либо сопредѣльной точки (фиг. 3 и 4).

Пояснимъ предыдущую теорію примѣрами.

1) Найти наименьшую величину функціи

$$y=x\operatorname{arctg}\left(\frac{1}{x}\right)+\frac{1}{2}\log(1+x^2)+1.$$

Дифференцируя мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=\operatorname{arctang}\left(\frac{1}{x}\right).$$

Здѣсь функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ принимаетъ два значенія для $x=o$

$$\text{пр. } f'(-\varepsilon)=-\frac{\pi}{2} \text{ и пр. } f'(+\varepsilon)=\frac{\pi}{2},$$

гдѣ ε есть безконечно малая положительная величина. Такъ какъ $f'(-\varepsilon)$ и $f'(+\varepsilon)$ имѣютъ различные знаки, и притомъ

$$f'(-\varepsilon)=-\frac{\pi}{2}<0 \text{ и } f'(+\varepsilon)=+\frac{\pi}{2}>0,$$

то по предъидущимъ признакамъ величина $y=1$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая.

2) *Найти наименьшую величину функціи.*

$$y=\frac{1}{2}\left[1+2\sqrt{x^2}+x^2\right]$$

Здѣсь у количества $\sqrt{x^2}$ принимается одинъ положительный знакъ. Дифференцируя мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=x+\frac{x}{\sqrt{x^2}}.$$

При $x=0$ функція $f'(x)$ имѣетъ двѣ величины,

$$\text{пр. } f'(-\varepsilon)=-1 \text{ пр. } f'(+\varepsilon)=+1.$$

Такъ какъ эти двѣ величины имѣютъ различные знаки, и притомъ пр. $f'(-\varepsilon)=-1<0$, а пр. $f'(+\varepsilon)=+1>0$, то величина $y=\frac{1}{2}$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая.

Если данное уравненіе принять за уравненіе кривой линіи, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ, то оно представитъ двѣ вѣтви параболы, пересѣкающіяся подъ угломъ 90° на оси y-овъ.

Еслибы одно изъ значеній функціи $y'=\frac{dy}{dx}=f'(x)$ обратилось въ нуль, то слѣдовало бы также найти: положительнымъ или отрицательнымъ величинамъ служитъ онъ предѣломъ, и соотвѣтственно этому приписать ему знакъ. Напримѣръ разберемъ функціи $y=\frac{x}{1+e^{\frac{1}{x}}}$ 1-ая производная которой есть

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{1}{1+e^{\frac{1}{x}}}+\frac{e^{\frac{1}{x}}}{x\left(1+e^{\frac{1}{x}}\right)^2}.$$

Величинѣ $x=o$, соотвѣтствуютъ два значенія функціи y' одно пр. $f'(-\varepsilon)=+1$, и пр. $f'(+\varepsilon)=0$. Но послѣднее значеніе есть предѣлъ положительныхъ значеній данной функціи, по этому приписавъ величинѣ пр. $f'(+\varepsilon)=0$ положительный знакъ, мы по предыдущему тотчасъ увидимъ, что для $x=0$ данная функція не имѣетъ ни наибольшихъ ни наименьшихъ величинъ, потому что знаки количествъ $f'(-\varepsilon)$ и $f'(+\varepsilon)$ одинакіе.

3) *Найти наименьшую величину функціи* $y=\sqrt[5]{x^4}$.

Дифференцируя мы имѣемъ $\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{4}{5}\cdot\frac{1}{\sqrt[5]{x}}$ и

$$\frac{d^2y}{dx^2}=f''(x)=-\frac{4}{10}\cdot\frac{1}{x\sqrt[5]{x}}$$

Здѣсь при $x=0$, $f'(x)$ имѣетъ два значенія $f'(-\varepsilon)=-\infty$ и пр. $f'(+\varepsilon)=+\infty$.

Точно также какъ и прежде заключаемъ, что величина $y=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая, что еще подтверждается знакомъ второй производной, ибо мы имѣемъ $\frac{d^2y}{dx^2}=f''(0)=-\infty<$.

4) *Опредѣлить наибольшую величину функціи* $y=\frac{1}{\log(x^2)}$.

Дифференцируя два раза мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{-2}{x[\log(x^2)]^2} \text{ и } \frac{d^2y}{dx^2}=f''(x)=\frac{2[4+\log(x^2)]}{x^2[\log(x^2)]^3}.$$

Здѣсь значенію $x=0$ соотвѣтствуютъ двѣ величины функціи $f'(x)$: одна пр. $f'(-\varepsilon)=+\infty$, и другая пр. $f'(+\varepsilon)=-\infty$. Поэтому величина $y=0$, которую принимаетъ данная функція при $x=0$, есть наибольшая, что еще видно изъ знака количества $f''(0)=+\infty$.

5) *Опредѣлить наибольшую величину функціи.*

$$y=\frac{x}{1-e^{\frac{1}{x}}}$$

производная которой есть $\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{1}{1-e^{\frac{1}{x}}}-\frac{e^{\frac{1}{x}}}{x\left(1-e^{\frac{1}{x}}\right)^2}$.

Въ этомъ случаѣ при $x=0$ два значенія функціи $f'(x)$ суть.

$$\text{пр. } f'(-\varepsilon)=+1 \text{ и пр. } f'(+\varepsilon)=0.$$

Послѣднее значеніе функціи $f'(x)$ есть предѣлъ отрицательныхъ значеній ея. Посему приписавъ ему знакъ отрицательный, мы заключимъ, что данная функція принимаетъ для $x=0$ наибольшую величину $y=0$.

Второй отдѣлъ особенныхъ величинъ.

Ко второму отдѣлу особенныхъ величинъ мы отнесли такія величины функцій, въ сопредѣльности съ которыми находятся мнимыя значенія этихъ функцій, или же сопредѣльныя значенія съ особенною величиною разнятся отъ нея на нѣкоторую конечную или безконечно большую величину.

Положимъ, что функція $y=f(x)$ имѣетъ, для значенія $x=x_0$, особенную величину, относящуюся ко второму отдѣлу. Тогда которая либо изъ функцій $f(x_0+\varepsilon)$ или $f(x_0-\varepsilon)$ будетъ мнимая, или же обѣ эти величины будутъ разниться другъ отъ друга на величину конечную или безконечно большую.

Разсмотримъ сначала первый случай, который мы раздѣлимъ на два:

1) Когда $f(x_0-\varepsilon)$ есть величина дѣйствительная, а количество $f(x_0+\varepsilon)$ есть мнимое.

2) Когда количество $f(x_0+\varepsilon)$ есть дѣйствительное, а количество $f(x_0-\varepsilon)$ мнимое.

Положимъ сначала, что данная функція $y=f(x)$ имѣетъ для всякой величины сопредѣльной съ x_0 только одно значеніе. Въ такомъ случаѣ если величина $f(x_0-\varepsilon)$ есть дѣйствительная, а $f(x_0+\varepsilon)$ мнимая, то особенная величина $f(x_0)$ будетъ наибольшею, если въ сопредѣльности съ нею данная функція $y=f(x)$ будетъ показывать возрастающее состояніе, потому что тогда она будетъ заканчивать рядъ возрастающихъ значеній функціи, и потому будетъ болѣе каждаго изъ нихъ.

Напротивъ величина $f(x_0)$ будетъ наименьшею, если функція $y=f(x)$ показываетъ въ сопредѣльности съ нею убывающее состояніе. По этому условіе наименьшей величины будетъ

$$(1)\left\{\begin{array}{ll} & f'(x_0)<0 \\ \text{а наибольшей} & f'(x_0)>0. \end{array}\right.$$

Нужно замѣтить, что если функція $y=f(x)$ имѣетъ одно дѣйствительное значеніе для одного дѣйствительнаго значенія x, въ сопредѣльности съ $x=x_0$, то всегда величина $f'(x_0)$ будетъ наибольшею или наименьшею. Когда же данная функція имѣетъ для каждаго значенія x по двѣ дѣйствительныя величины, то необходимо чтобы оба ряда значеній y, соотвѣтствующіе одному ряду возрастающихъ величинъ x, показывали возрастающее состояніе, для того чтобы величина $y=f(x_0)$ была наибольшая, и убывающее, для того чтобы она была наименьшая. Поэтому двѣ величины функціи $y'=f'(x)$, соотвѣтствующія значенію $x=x_0$, должны имѣть одинаковый знакъ. Это первое и самое главное условіе, общее какъ для наибольшихъ, такъ и для наименьшихъ величинъ, во второмъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ функціи. Когда двѣ величины $f'(x_0)$ равны между собою и одинаковаго знака, то предыдущее условіе выполняется само собою.

Во второмъ случаѣ втораго отдѣла особенныхъ величинъ количество $f(x_0-\varepsilon)$ есть мнимое, а $f(x_0+\varepsilon)$ дѣйствительное.

Поэтому, если $y=f(x_0)$ есть наибольшее значеніе данной функціи, то эта функція должна показывать убывающее состояніе. Дѣйствительно, тогда величина $f(x_0)$, начиная рядъ убывающихъ значеній функціи $y=f(x)$, будетъ болѣе каждаго изъ нихъ.

Если же значеніе $y=f(x_0)$ есть наименьшее, то данная функція должна возрастать, начиная съ $x=x_0$ при возрастающихъ

величинахъ x. Такимъ образомъ условіе наименьшей величины будетъ
а наибольшей

$$(2)\begin{cases} f'(x_0)>0 \\ f'(x_0)<0. \end{cases}$$

Въ этомъ случаѣ нужно сказать совершенно тоже о функціяхъ, имѣющихъ два ряда значеній для одного ряда величинъ x, что и въ первомъ случаѣ, т. е. двѣ величины производной $f'(x)$ должны имѣть одинакіе знаки.

Разсмотримъ теперь тотъ случай, когда $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя, но разнящіяся на величину конечную или безконечно большую. Здѣсь функція $y=f(x)$ принадлежитъ совершенно къ тому же роду, къ какому относится функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ въ первомъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ, потому что здѣсь данная функція переходитъ отъ одной конечной величины къ другой конечной или же безконечной большой, вовсе не переходя черезъ среднія величины. Такимъ образомъ, если мы будемъ увеличивать x, начиная отъ величинъ меньшихъ $x=x_0$, то для $x=x_0$ данная функція приметъ двѣ различныя между собою величины. Если значеніе пр. $f(x_0-\varepsilon)$ будетъ заканчивать рядъ убывающихъ величинъ функціи, то оно будетъ наименьшее, а если оно закончитъ рядъ величинъ возрастающихъ, то оно будетъ наибольшее. Поэтому величина $y=$ пр. $f(x_0-\varepsilon)$ будетъ относиться къ первому случаю втораго отдѣла. Точно также значеніе $y=$ пр. $f(x_0+\varepsilon)$ будетъ начинать рядъ возрастающихъ или убывающихъ значеній данной функціи, и потому будетъ относиться ко второму случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ функціи.

Въ геометрическомъ смыслѣ, къ этому отдѣлу относятся точки прекращенія (points d'arret), точки возврата втораго рода (points de rebroussement); перваго рода, исключая тотъ случай, когда касательная перпендикулярна къ оси x—овъ, и о которомъ было говорено выше; также во многихъ случаяхъ выходящія точки.

Изъяснимъ предыдущую теорію геометрическимъ образомъ.

Положимъ, что имѣемъ кривую линію AMB, отнесенную къ прямоугольнымъ координатамъ и опредѣляемую уравненіемъ $y=f(x)$.

Данная кривая имѣетъ точку M, относящуюся ко второму отдѣлу, если ордината ея по одну или по другую сторону этой точки дѣлается мнимою (фигура 8 и 9), или же ординаты сопредѣльныя съ этою точкою разнятся другъ отъ друга на величину конечную или безконечно большую. Это видно на фигурѣ 10, гдѣ ординаты QR и $Q'R'$ разнятся на конечную величину, хотя

и соотвѣтствуютъ двумъ безконечно близкимъ значеніямъ абсциссы $x=OP-PR=x_0-\varepsilon$ и $x=OP+PR'=x_0+\varepsilon$.
Здѣсь, во второмъ отдѣлѣ особенныхъ точекъ, нужно отличать два случая: 1) ордината y дѣлается мнимою, когда увеличиваемъ x, начиная отъ $x=x_0=OP$; 2) она становится мнимою, когда уменьшаемъ x, начиная отъ того же значенія.

Въ первомъ случаѣ (фиг. 8) наибольшая величина будетъ соотвѣтствовать значенію $x=x_0$, если обѣ вѣтви кривой восходятъ. Ордината будетъ имѣть наименьшую величину, если обѣ онѣ нисходятъ. Поэтому для наибольшей величины мы должны имѣть

$$\tang MTx>0 \text{ и } \tang MT'x>0,$$

или иначе, обѣ величины функціи $\frac{dy}{dx}=f'(x)$, соотвѣтствующія наибольшей величинѣ ординаты MP, должны имѣть знакъ положительный. Для наименьшей же величины ординаты $M'P'$, мы должны имѣть

$$\tang M'Tx<0 \text{ и } \tang M'T'x<0,$$

то есть обѣ упомянутыя величины производной $f'(x)$ должны имѣть отрицательный знакъ

Во второмъ случаѣ (фиг. 9) условія, очевидно, должны быть обратныя, потому что здѣсь наибольшая величина MP ординаты будетъ соотвѣтствовать тому случаю, когда обѣ вѣтви кривой нисходятъ, а наименьшая, когда онѣ восходятъ.

Если бы вмѣсто двухъ мы имѣли одну вѣтвь кривой, или двѣ вѣтви, касающіяся другъ къ другу въ особенной точкѣ, принадлежащей ко второму отдѣлу, то въ этомъ случаѣ, очевидно, правила остаются тѣ же самыя, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь всегда такой точкѣ будетъ соотвѣствовать наибольшая или наименьшая величина ординаты; однако исключается одинъ случай, когда особенная точка будетъ точка возврата перваго рода, въ которой касательная параллельна оси x-овъ.

Можетъ случиться, что ординаты, соотвѣтственно выражающія величины $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$, не будутъ ни одна мнимыми, но будутъ только разниться не безконечно мало (фиг. 10). Въ такомъ случаѣ данная кривая $AMM'B$ имѣетъ двѣ точки прекращенія M и M', сотвѣтствующія одной величинѣ абсциссы $x=x_0=OP$. Здѣсь ордината $MP=$ пр. $f(x_0-\varepsilon)$ заканчиваетъ рядъ значеній $NS, QR, \ldots$ и слѣдовательно относится къ первому случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ, а ордината $M'P$ начинаетъ рядъ значеній $Q'R'$, $N'S', \ldots$ и по этому принадлежитъ ко второму случаю того же отдѣла.

Такимъ образомъ мы выводимъ слѣдующія правила для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ томъ случаѣ, когда имѣемъ величину $y=f(x_0)$, относящуюся ко второму отдѣлу особенныхъ величинъ:

Сначала смотримъ, которое изъ количествъ $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ есть мнимое. Если первое дѣйствительное, а второе мнимое, то опредѣляемъ такъ знакъ первой производной $f'(x)$, соотвѣтственно значенію $x=x_0$. Если этотъ знакъ есть положительный, то величина $y=f(x_0)$ есть наибольшая, а если отрицательный, то наименьшая. Когда количество $f'(x_0-\varepsilon)$ есть мнимое, а $f'(x_0+\varepsilon)$ дѣйствительное, то условія будутъ обратныя. Можетъ случиться, что производная $f'(x_0)$ имѣетъ два значенія при $x=x_0$; тогда необходимо для существованія наибольшихъ величинъ, чтобы знаки двухъ значеній функціи $f'(x_0)$ были одинакіе.

Когда функція $y=f(x)$ имѣетъ двѣ особенныхъ величины, соотвѣтствующія $x=x_0$, и относящіяся ко второму отдѣлу, тогда можетъ случиться, что обѣ величины $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть дѣйствительныя. Въ такомъ случаѣ относимъ величину пр. $f(x_0-\varepsilon)$ къ первому случаю отдѣла, а величину пр. $f(x_0+\varepsilon)$ ко второму, и разбираемъ ихъ по предъидущимъ правиламъ.

Объяснимъ эту теорію примѣрами.

1) *Найти наибольшую величину функціи*

$$y=\frac{1}{\operatorname{Log}x}.$$

Эта функція становится мнимою при $x<0$. Слѣдовательно положивъ $x_0=0$, и дифференцируя, мы получимъ

$$'y=\frac{dx}{dy}=-\frac{1}{x\,[\operatorname{Log}x]^2}.$$

Такъ какъ пр. $f'(x^0+\varepsilon)=-\infty$, то по признакамъ втораго отдѣла особенныхъ величинъ, мы заключаемъ, что значеніе $y=0$, соотвѣтствующее величинѣ $x=0$, есть наибольшее.

2) *Опредѣлить наименьшую величину функціи*

$$y=x\operatorname{Sin}x\,[1\pm\sqrt{x}\;],$$

которая дѣлается мнимою для $x<0$. Положивъ $x_0=0$, мы увидимъ, что въ настоящемъ случаѣ $f(x_0-\varepsilon)$ есть мнимая величина, а $f(x_0+\varepsilon)$ дѣйствительная. Поэтому данная функція относится ко второму случаю втораго отдѣла. Дифференцируя ее, имѣемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=(1\pm\sqrt{x})\operatorname{Sin}x+x\operatorname{Cos}x)+\tfrac{1}{2}x^{\frac{1}{2}}\operatorname{Sin}x.$$

Въ настоящемъ случаѣ функція y имѣетъ, въ сопредѣльности съ величиною $x=0$, два значенія для каждаго значенія x, по причинѣ двойнаго знака радикала $\sqrt{x}$. Легко видѣть, что въ настоящемъ случаѣ обѣ величины производной $\frac{dy}{dx}$ обращаются въ нуль и обѣ имѣютъ знакъ положительный, когда будетъ $x=0$. Слѣдовательно, по признакамъ втораго случая, величина $y=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая.

3) *Найти наименьшую величину функціи* $y=x\ (1 \pm \sqrt[4]{x})$, коей производная есть $\frac{dy}{dx} = 1 \pm \frac{5}{4}\sqrt[4]{x}$.

И здѣсь точно также какъ и въ предъидущемъ случаѣ при $x<0$ данная функція становится мнимою. Тогда также $x_0=0$, мы заключимъ что функція $f\ (x_0+\varepsilon)$ есть дѣйствительная, а $f\ (x_0-\varepsilon)$ мнимая. Слѣдовательно величина $y=0$, данной функціи, соотвѣтствующая значенію $x=0$, относится ко второму случаю втораго отдѣла. Притомъ въ сопредѣльности съ $x=x_0$, данная функція имѣетъ по два значенія для каждой величины x. Такъ какъ обѣ величины $\frac{dy}{dx}$, соотвѣтствующія двумъ различнымъ рядамъ величинъ функціи y, при $x=0$, сливаются въ одну величину $\frac{dy}{dx}= + 1$ большую нуля, то по признакамъ (2) втораго случая, значеніе $y=0$, соотвѣтствующее значенію $x=0$ есть наименьшее.

4) *Найти наименьшую величину функціи* $y=1 + e^{\frac{1}{x}}$, которой производная есть $\frac{dy}{dx} = f'(x) = \frac{1}{x^2} \cdot e^{-\frac{1}{x}}$

Здѣсь функція y не дѣлается ни въ какомъ случаѣ мнимою, но при $x=0$ имѣетъ двѣ величины, одну пр. $f\ (x_0-\varepsilon)=\infty$, а другую пр. $f\ (x_0 + \varepsilon) = 1$, полагая $x_0=0$. Такъ какъ двѣ величины принимаетъ данная функція только при $x=0$, а въ другихъ случаяхъ имѣетъ только одну величину для одного значенія x, и притомъ $f\ (x_0-\varepsilon)$ и $f\ (x_0 +\varepsilon)$ дѣйствительныя, то заключаемъ, что величина пр. $f\ (x_0 - \varepsilon) = \infty$ относится къ первому случаю втораго отдѣла, а величина пр. $f\ (x_0 +\varepsilon) = + 1$ ко второму, какъ было говорено и выше при изложеніи правилъ опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ во второмъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ функціи. Но значеніе $y=\infty$ не можетъ быть принято за наибольшее или наименьшее, потому что есть

безконечное; величина же $y = +1$, для которой соотвѣтствующее значеніе производной есть пр. $f'(x_0 + \varepsilon) = 0$, есть наименьшая по признакамъ (2) втораго случая, ибо производная остается постоянно положительною.

5) *Опредѣлить наибольшую и наименьшую величину функціи*

$$y = \operatorname{arctang}\left(\frac{1}{x}\right),$$

производная коей есть $\frac{dy}{dx} = f'(x) = -\frac{1}{1+x^2}$.

Въ этомъ случаѣ при $x_0 = 0$ также какъ и въ предыдущемъ $f'(x_0 - \varepsilon)$ и $f'(x_0 + \varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя и разнящіяся на конечную величину. По этому данная функція имѣетъ двѣ величины пр. $f(x_0 - \varepsilon) = -\frac{\pi}{2}$ и пр. $f(x_0 + \varepsilon) + = \frac{\pi}{2}$, и относится по первой величинѣ къ первому случаю втораго отдѣла, а по второй ко второму.

Такъ какъ $f'(x_0) = f'(0)$ есть отрицательная какъ для $x =$ пр. $(-\varepsilon) = 0$, такъ и для $x =$ пр. $(+\varepsilon) = 0$, то по признакамъ (1) перваго случая находимъ, что значеніе $y = -\frac{\pi}{2}$ есть наименьшее, а по признакамъ (2) втораго случая значеніе $y = +\frac{\pi}{2}$ наибольшее.

6) *Найти наибольшую величину функціи* $y = x^x$, производная которой есть $\frac{dy}{dx} = x^x\,(1 + \log x)$.

При $x = x_0 - \varepsilon = 0 - \varepsilon$ данная функція становится мнимою, и слѣдовательно относится ко второму случаю. Такъ какъ пр. $f'(x_0 - \varepsilon) = -\infty$ есть величина отрицательная, то по условіямъ (2) втораго случая величина $y = 1$, соотвѣтствующая значенію $x_0 =$ пр. $(+\varepsilon) = 0$, есть, наибольшая.

7) *Найти наибольшую и наименьшую величину функціи*

$$y = \frac{1}{1 + e^{\frac{1}{x-1}}}.$$

Дифференцируя эту функцію мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx} = \frac{e^{\frac{1}{x-1}}}{\left[(x-1)\left(1 + e^{\frac{1}{x-1}}\right)\right]^2}.$$

Въ настоящемъ случаѣ данная функція при $x_0 = 1$ имѣетъ двѣ величины $y =$ пр. $f'(1-\varepsilon) = +1$ и $y =$ пр. $f'(1+\varepsilon) = 0$. Величины $f'(x_0 + \varepsilon)$ и $f'(x_0 - \varepsilon)$ суть дѣйствительныя и разнящіяся на положительную единицу. По этому значеніе $y = 1$ относится къ первому случаю, а $y = 0$ ко второму. По признакамъ (1) перваго

случая находимъ, что величина $y=1$ есть наибольшая, потому что производная $\frac{dy}{dx}$ остается постоянно положительною; а по признакамъ (2) втораго случая величина $y=0$ есть наименьшая.

8) *Определить наименьшую величину функціи*

$$y = x^2 e^{\frac{1}{x}},$$

для которой
$$\frac{dy}{dx} = e^{\frac{1}{x}} (2x-1).$$

При $x_0=0$ функція y имѣетъ два значенія: одно, соотвѣтствующее величинѣ $x_0=$пр. $(-\varepsilon)=0$, есть $y=0$, другое, соотвѣтствующее величинѣ $x_0=$пр. $(+E)=0$, есть $y=+\infty$. Такъ какъ величины $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть дѣйствительныя, то значеніе $y=0$ относится къ первому случаю.

Другое же значеніе $y=+\infty$ неможетъ быть принимаемо за наибольшее или наименьшее. Такъ какъ производная $\frac{dy}{dx}$, для $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$ обращается въ нуль, сохраняя отрицательный знакъ, то величина $y=0$ по признакамъ перваго случая есть наименьшая.

9) *Определить наибольшую величину функціи* $y=x\log x.$, для которой

$$\frac{dy}{dx} = 1 + \log x.$$

При $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$ функція становится мнимою, поэтому величина ея $y=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, относится ко второму случаю. Такъ какъ при $x=0$, $\frac{dy}{dx}=-\infty<0$, то по признакамъ втораго случая величина $y=0$ есть *наибольшая.*

10) *Найти наименьшую величину функціи*

$$y = \frac{\log(x)}{1+\log(x)}$$

у коей
$$\frac{dy}{dx} = \frac{1}{x[1+\log(x)]^2}.$$

Эта функція также относится ко второму случаю, потому что она есть мнимая для значеній x меньшихъ нуля. Величина производной пр. $f'(+\varepsilon)=+\infty$ показываетъ, что разсматриваемое значеніе $y=+1$, соотвѣтствующее значенію $x=0$, есть наименьшее.

Два нами разсмотрѣнные отдѣла совершенно обнимаютъ всѣ случаи особенныхъ величинъ, могущихъ сдѣлаться наибольшими и наименьшими. Такимъ образомъ изъ предыдущихъ соображеній выходитъ, что если разсматривать предметъ въ геометрическомъ смыслѣ, то наибольшими и наименьшими величинами могутъ сдѣлаться ординаты точекъ выходящихъ, точекъ возврата перваго и втораго рода, и точекъ прекращенія. Напротивъ ординаты другихъ особенныхъ точекъ какъ то: точекъ изгиба, точекъ кратныхъ и точекъ сопряженныхъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть наибольшими или наименьшими. Хотя повидимому и можно бы было принимать величину ординаты сопряженной точки за наибольшую или наименьшую, въ томъ случаѣ, когда эта точка находится непосредственно надъ кривою линіею или подъ нею, но такой *maximum* или *minimum* не подойдетъ подъ общее опредѣленіе этихъ величинъ, по которому онѣ должны соотвѣтствовать переходу изъ функціи возрастающаго состоянія въ убывающее или наоборотъ, или же въ случаѣ особенныхъ величинъ начальному или конечному значенію ея, причемъ функція должна показывать какое либо состояніе возрастающее или убывающее. Но въ случаѣ сопряженныхъ точекъ функція никакого состоянія не показываетъ, и слѣдовательно величина ординаты подобной точки не можетъ быть ни наибольшею ни наименьшею.

Г. Коши, въ сочиненіи «Leçons sur les applications du calcul infinitésimal à la Géometrie», причисляетъ еще къ особеннымъ точкамъ такія, для которыхъ направленіе касательной есть совершенно неопредѣленное. Напримѣръ, если уравненіе

$$(a) \qquad y = x \operatorname{Sin}\left(\frac{1}{x}\right)$$

означаетъ уравненіе кривой, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ, то подобная особенная точка будетъ соотвѣтствовать значенію $x = 0$. Очевидно, что ординаты такихъ точекъ также не могутъ быть наибольшими или наименьшими, по совершенной неопредѣленности величинъ сопредѣльныхъ съ ними ординатъ кривой линіи. Такъ напримѣръ въ уравненіи (a) величина y, соотвѣтствующая значенію $x = 0$ есть совершенно опредѣленная, и равна нулю; но сопредѣльныя съ нею величины функціи $y = \varepsilon \sin\left(\frac{1}{\varepsilon}\right)$, при ε очень маломъ, суть совершенно неопредѣленныя, и могутъ быть положительными и отрицательными, хотя также суть очень малыя.

Нужно замѣтить, что раздѣленіе особенныхъ величинъ на два отдѣла относительно наибольшихъ и наименьшихъ, совер-

шенно различно отъ естественнаго ихъ раздѣленія. Такъ напримѣръ относительно наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, выходящія точки могутъ относиться и къ первому и ко второму отдѣлу, смотря по положенію ихъ относительно координатъ.

Что касается до тѣхъ случаевъ, гдѣ данная функція и первая ея производная непрерывны въ сопредѣльности съ наибольшею или наименьшею величиною, а вторая производная обращается въ безконечность, то легко видѣть, что правила остаются тѣже, что и для непрерывныхъ функцій вообще. Дѣйствительно въ сопредѣльности съ наибольшею или наименьшею величиною, первая производная должна сохранять возрастающее или убывающее состояніе, и неможетъ показывать безразличнаго состоянія, въ какомъ случаѣ подобныхъ величинъ не будетъ. Поэтому вторая производная можетъ обратиться и въ безконечность; но она удержитъ непремѣнно опредѣленный знакъ, который будетъ показывать состояніе первой производной, этотъ знакъ покажетъ также, какъ и вообще въ случаѣ непрерывныхъ функцій наибольшую или наименьшую величину. Такъ напримѣръ функція $y=x^2\log(x^2)$, которой производныя суть $\frac{dy}{dx}=2x\ (1+\log x^2)$, и $\frac{d^2y}{dx^2}=2\ \text{loy}\ (x^2)+6$, имѣетъ наибольшую величину $y=0$, соотвѣтствующую значенію $x=0$, потому что для этого значенія $\frac{dy}{dx}=0$, и $\frac{d^2y}{dx^2}=-\infty<0$.

ГЛАВА IV.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій.

Когда функція, коей особенная величина можетъ быть наибольшею или наименьшею, связана съ перемѣнною независимою уравненіемъ

(1); $$u=F(x, y)=0$$

то, замѣтивъ, какая величина x дѣлаетъ ее прерывною, нужно стараться найти соотвѣтствующую величину функціи $\frac{dy}{dx}$, и тогда поступать по правиламъ, изложеннымъ выше для функцій явныхъ.

Чтобы найти величину $\frac{dy}{dx}$, соотвѣтствующую значенію $x=x_0$,

дѣлающую данную функцію или ея производныя прерывными, дифференцируемъ уравненіе (1); тогда мы получаемъ

(2) $\frac{du}{dx} + \frac{du}{dy}\,\frac{dy}{dx} = 0$, откуда имѣешъ

$$\frac{dy}{dx} = -\frac{\left(\frac{du}{dx}\right)}{\left(\frac{du}{dy}\right)}$$

Такимъ образомъ получимъ значеніе $\frac{dy}{dx}$...Если $\frac{du}{dx} = 0$ и $\frac{du}{dy} = 0$, то дифференцируемъ уравненіе (2), и получаемъ

(3) $$\frac{d^2u}{dx^2} + 2\,\frac{d^2u}{dxdy}\,\frac{dy}{dx} + \frac{d^2u}{dy^2}\,\frac{dy^2}{dx^2} + \frac{du}{dy}\,\frac{d^2y}{dx^2} = 0.$$

Если функція $\frac{d^2y}{dx^2}$ есть величина конечная для $x = x_0$, то изъ уравненія (3) мы имѣемъ.

(4) $$\frac{d^2u}{dx^2} + 2\,\frac{d^2u}{dxdy}\,\frac{dy}{dx} + \frac{d^2u}{dy^2}\,\frac{dy^2}{dx^2} = 0.$$

Отсюда получаемъ двѣ величины для функціи $\frac{dy}{dx}$, которыя въ частномъ случаѣ могутъ быть и равными. Вообще очень часто случается, а для нѣкоторыхъ функцій (именно, если функція $u = F(x, y)$ будетъ цѣлою алгебрическою функціею отъ x и y) это бываетъ и всегда, что $\frac{du}{dx} = 0$ и $\frac{du}{dy} = 0$, или въ частныхъ случаяхъ $\frac{du}{dx} = \infty$ и $\frac{du}{dy} = \infty$. Въ такомъ случаѣ обращаемся къ уравненію (4), изъ котораго получимъ два значенія для функціи $\frac{dy}{dx}$. Если же и оно обращается въ тожество $0 = 0$, т. е. если $\frac{d^2u}{dx^2} = 0$, $\frac{d^2u}{dxdy} = 0$ и $\frac{d^2u}{dx^2} = 0$, то слѣдуетъ дифференцировать уравненіе (3) и найти слѣдующія дефференціальныя уравненія отъ уравненія (1). Узнавъ такимъ образомъ всѣ величины которыя имѣетъ $\frac{dy}{dx}$, мы будемъ поступать по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ III. Также изъ даннаго уравненія нужно узнать, сколько имѣетъ значеній функція для одного значенія x въ сопредѣльности съ $x = x_0$, и для $x = x_0$.

Когда функція и есть цѣлая алгебрическая функція количествъ x и y, то для всякой особенной ея величины должно быть $\frac{du}{dx} = 0$ и $\frac{du}{dy} = 0$, или же $\frac{du}{dx} = \infty$ и $\frac{du}{dy} = \infty$. Поэтому полезно, при разсматриваніи функцій, опредѣлять величины x и y изъ этихъ уравненій, потомъ подставить ихъ въ данное

уравненіе $F(x, y) = 0$ и посмотрѣть, удовлетворяютъ ли ему эти величины. Если удовлетворяютъ, то нужно поступать какъ выше было сказано. Если удовлетворяютъ, то нужно поступать какъ выше было сказано. Если же не удовлетворяютъ, то нужно эти рѣшенія отбросить, какъ посторонніл.

Въ томъ нѣсколько примѣровъ, чтобы объяснить теорію.

1) *Найти наименьшую величину функціи y, опредѣляемой уравненіемъ:*

$$u = (a^2 - y^2)(a + y)^2 - x^2 y^2 = 0$$

Мы имѣемъ $\frac{du}{dx} = -2xy^2$, $\frac{du}{dy} = 2(a^3 - 3ay^2 - 2y^3 - x^2 y)$

Величины $x = 0$, $y = -a$, обращаютъ въ нуль производныя $\frac{du}{dx}$ и $\frac{du}{dy}$. Подставивъ эти величины въ данное уравненіе $u = 0$, мы находимъ, что онѣ ему удовлетворяютъ. Второе дифференціальное уравненіе отъ даннаго $u = 0$, будетъ.

$$a^2 + 4xy\frac{du}{dx} + 6(ay + y^2 + x^2)\frac{dy^2}{dx^2} = 0.$$

Отсюда ничего мы не узнали бы не рѣшивъ даннаго уравненія. Рѣшивъ же его мы лучше опредѣлимъ функцію $\frac{dy}{dx}$ по формулѣ

$$\frac{dy}{dx} = -\frac{\left(\frac{du}{dx}\right)}{\left(\frac{du}{dy}\right)}$$

Изъ даннаго уравненія получаемъ

(a)
$$x = \sqrt{\frac{(a+y)^2}{y^2}} \cdot \sqrt{a+y} \cdot \sqrt{a-y} \cdot$$

Потомъ помощію нѣсколькихъ преобразованій находимъ.

$$\frac{dy}{dx} = \frac{2xy^2}{2a^3 - 6ay^2 - 4y^3 - 2x^2 y} = \frac{\sqrt{a-y}}{\sqrt{a+y}} \cdot \frac{y^2}{a + (a-1)y - 2y^2}$$

Изъ уравненія (a) видно, что при $x > 0$ радикалъ $\sqrt{a^2 - y^2}$ долженъ быть взять вообще со знакомъ отрицательнымъ, а при $x < 0$ соотвѣтствуютъ различные знаки радикаловъ $\sqrt{a + y}$ и $\sqrt{a - y}$, а значенію $x > 0$ одинаковые. Такъ какъ функція $\frac{dy}{dx}$ есть дѣйствительная, какъ для $x < 0$, такъ и для $x > 0$, и притомъ для перваго значенія обращается въ $-\infty$, а для втораго въ $+\infty$, то заключаемъ, что функція y относится къ первому отдѣлу, и величина ея $y = -a$ есть наименьшая.

2) *Опредѣлить наибольшую величину функціи y данной по уравненію*

$$\mathrm{Sin}\,(\log y) + e^{-\frac{1}{x}} = 0.$$

Очевидно, что величины $x =$ пр. $(+\varepsilon) = 0$ и $y = +1$ удовлетворяютъ этому уравненію. При $x < 0$ функція y дѣлается мнимою. По этому она относится ко второму случаю втораго отдѣла. Дифференцируя данное уравненіе, мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx} = -\frac{y\,e^{-\frac{1}{x}}}{x^2.\,\mathrm{Cos}\,(\log y)}$$

Производная $\frac{dy}{dx}$ при $x = 0$ также обращается въ нуль, но нуль этотъ есть предѣлъ отрицательныхъ ея значеній; по этому на основаніи признаковъ втораго случая втораго отдѣла особенныхъ величинъ, находимъ, что упомянутое значеніе ея $y = +1$ есть наибольшее.

3) *Найти наибольшую величину функціи y, опредѣляемой уравненіемъ*

$$\log\,(2 + y) - e^{\frac{1}{x}} + xy = 0$$

Отсюда мы имѣемъ $\frac{dy}{dx} = -\dfrac{\frac{1}{x^2}\;e^{\frac{1}{x}} + y}{\frac{1}{2+y} + x}$

При $x =$ пр. $(+\varepsilon) = 0$, $y = \infty$, а при $x =$ пр. $(-\varepsilon) = 0$- $y = -1$, слѣдовательно такъ какъ здѣсь $f'\ (x_0 - \varepsilon)$ и $f'(x_0 + \varepsilon)$ тоже также и $f\,(x_0 - \varepsilon)$ и $f\ (x_0 + \varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя, и послѣднія величины разнятся не на безконечно малую величину, то величина $y = -1$, относится къ первому случаю втораго отдѣла. По признакамъ этого случая заключаемъ, что по причинѣ величины $\frac{dy}{xd} = +1$, соотвѣтствующей значенію $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$, значеніе $y=-1$ есть наибольшее.

4) *Опредѣлить наименьшую величину функціи y, данной по уравненію*

$$u = y^7 - x^6 =,$$

изъ котораго имѣетъ $\frac{dy}{dx} = -6x^5$, $\frac{du}{dy} = 7y^6$ и $\frac{dy}{dx} = \frac{6}{7}\,\frac{x^6}{y6}$

Уравненіямъ $\frac{du}{dx} = 0$, $\frac{du}{dy} = 0$ и $u=0$ удовлетворяютъ величины $x=0$, $y=0$. Онѣ обращаютъ функцію $\frac{dy}{dx}$ въ безконечную. Легко видѣть, что величина $y=0$, относится къ первому отдѣлу особенныхъ величинъ. Такъ какъ притомъ $\frac{dy}{dx} = -\infty$ при $x=$ пр. $(-\varepsilon)=0$; а при $x=$пр. $(+\varepsilon)=0$, $\frac{dy}{dx} = +\infty$, то по признакамъ перваго отдѣла заключаемъ, что величина $y=0$ есть наименьшая. Это также видно по отрицательному знаку производной $\frac{d^2y}{dx^2} = \frac{6}{7}\left(5\frac{x^4}{y^6} - 6\frac{x^5}{y_7}\cdot\frac{dy}{dx}\right)$, потому что здѣсь обѣ величины функціи $\frac{dy}{dx}$ обращаются въ безконечныя.

5) *Найти наибольшую величину функціи y связанной съ перемѣнною независимою x уравненіемъ* $u=\log\left(y+e^{\frac{1}{x}}\right) - y \operatorname{Sin} x = 0$,

изъ котораго имѣемъ $$\frac{dy}{dx} = \frac{\frac{1}{x^2}\cdot\frac{e^{\frac{1}{x}}}{y+e^{\frac{1}{x}}} + y\log x}{\frac{1}{y+e^{\frac{1}{x}}} - \operatorname{Sin} x}$$

Въ настоящемъ случаѣ функція y имѣетъ при $x=0$ двѣ величины: одну, соотвѣтствующую значенію $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$, $y=+1$, другое $y=\infty$, соотвѣтствующее значенію $x=$пр. $(+\varepsilon)=0$. По этому величина $y=+1$ относится къ первому случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ.

Такъ какъ значеніе $\frac{dy}{dx} = +1$, соотвѣтствующее величинѣ $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$, есть положительное, то по признакамъ упомянутаго случая, находимъ, что величина $y=+1$ есть наибольшая.

6) *Найти наименьшія ординаты циклоиды, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ и опредѣляемой уравненіями*

$$\alpha = r(\varphi - \operatorname{Sin}\varphi)$$
$$y = r(1 - \operatorname{Cos}\varphi)$$

Дифференцируя эти уравненія мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx} = \frac{\operatorname{Sin}\varphi}{1-\operatorname{Cos}\varphi} = \operatorname{Cotang}\frac{1}{2}\varphi \text{ и } \frac{d^2y}{dx^2} = -\frac{r}{y^2}$$

При $\varphi=0$, $\varphi=2\pi v$, $\varphi=4\pi v$,.... $\varphi=2m\pi v$......, гдѣ m есть какое либо цѣлое число, $x=0$, $y=0$, $x=2\pi r$, $y=0$, $x=4\pi r$, $y=0$,... $x=2m\pi r$, $y=0$,... Кромѣтого при упомянутыхъ значеніяхъ φ, $\frac{dy}{dx}$ обращается или въ $-\infty$ если $\varphi=$пр. $(-\varepsilon)=0$, $\varphi=$пр. $(2\pi-\varepsilon)=2\pi$,... $\varphi=$пр. $(2m\pi-\varepsilon)=2m\pi$

или въ $+\infty$, если $\varphi=$np $(+\varepsilon)=0$; $\varphi=$np $(2\pi+\varepsilon)=2\pi$.... $\varphi=$np. $(2m\pi+\varepsilon)=2m\pi$. Отсюда заключаемъ, что всѣ величины $y=0$, относятся къ первому отдѣлу и суть наименьшія, что еще видно изъ знака количества $y=-\infty<0$. Мы имѣемъ право здѣсь взять послѣдній признакъ, потому, что обѣ величины $\frac{dy}{dx}$ суть безконечныя.

Такимъ образомъ циклоида имѣетъ безчисленное множество точекъ возврата перваго рода, лежащихъ на оси x—овъ, на разстояніи одна отъ другой равномъ $2\pi r$.

ГЛАВА V.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ явныхъ функцій многихъ перемѣнныхъ независимыхъ.

Наибольшими и *наименьшими* величинами функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ называются величины сихъ функцій большія или меньшія всѣхъ сопредѣльныхъ имъ величинъ, то есть, такихъ, которыя получаются, измѣняя безконечно мало перемѣнныя количества.

Мы разсмотримъ здѣсь способы опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ двояко: разсматривая каждую перемѣнную порознь и всѣ вмѣстѣ. Первый образъ воззрѣнія намъ нуженъ будетъ впослѣдствіи, а второй есть болѣе общій и обнимающій предметъ со всѣхъ сторонъ.

И такъ положимъ сначала, что имѣемъ функцію $u=f(x, y)$ двухъ перемѣнныхъ независимыхъ x и y, непрерывную между нѣкоторыми предѣлами, относительно обѣихъ перемѣнныхъ. Опредѣлимъ сначала наибольшія и наименьшія величины функціи u предполагая одно y перемѣннымъ, и считая x количествомъ постояннымъ. Въ такомъ случаѣ данная функція есть функція объ одной перемѣнной y. Общее условіе существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, по предъидущему будетъ (1) $\frac{du}{dy}=0$

При томъ для наибольшей должно быть

$$\left.\begin{array}{l}\frac{d^2u}{dy^2}<0\\ \text{а для наименьшей}\quad \frac{d^2u}{dy^2}>0\end{array}\right\}(2)$$

Изъ уравненія (1) мы опредѣлимъ величину y въ функціи x. Подставивъ ее въ данную функцію, мы выразимъ эту функцію

въ одномъ x, и такое выраженіе ея будетъ наибольшая или наименьшая ея величина относительно y. Теперь уже можно разсматривать функцію u, какъ зависящую отъ одной перемѣнной x. Такимъ образомъ мы для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ теперь будемъ имѣть условіе

$$(3) \qquad \frac{du}{dx}+\frac{du}{dy}\cdot\frac{dy}{dx}=0,$$

которое получится, если мы продифференцируемъ данную функцію u, относительно x, и производную ея по x уравняемъ нулю. Кромѣ того для наибольшей величины должно быть

$$(4) \qquad \frac{d^2u}{dx^2}+2\frac{d^2u}{dx.dy}\cdot\frac{dy}{dx}+\frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{dy^2}{dx^2}+\frac{du}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}<0$$

а для наименьшей

$$(5) \qquad \frac{d^2u}{dx^2}+2\frac{d^2u}{dxdy}\cdot\frac{dy}{dx}+\frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{dy^2}{dx^2}+\frac{du}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}>0$$

Вслѣдствіе уравненія (1) условіе (3) приводится къ слѣдующему

$$(6) \qquad \frac{du}{dx}=0$$

Потомъ замѣчая, что величина y, какъ функція, x опредѣляется условіемъ (2), мы получаемъ

$$\frac{d^2u}{dxdy}+\frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{dy}{dx}=0, \text{ откуда}$$

$$(7) \qquad \frac{dy}{dx}=-\frac{\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)}{\left(\frac{d^2u}{dy^2}\right)}$$

На основаніи уравненій (1), (6) и (7), условія (4) и (5) приводятся къ слѣдующимъ

$$(8) \qquad \begin{cases} \dfrac{d^2u}{dx^2}-\dfrac{\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2}{\left(\frac{d^2u}{dy^2}\right)}<0 \text{ и} \\ \dfrac{d^2u}{dx^2}-\dfrac{\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2}{\left(\frac{d^2u}{dy^2}\right)}>0 \end{cases}$$

При томъ по условіямъ (2) должно быть $\frac{d^2u}{dy^2}<0$ въ случаѣ наибольшей и $\frac{d^2u}{dy^2}>0$, въ случаѣ наименьшей величины, поэтому оба условія (8) приведутся къ одному

$$(9) \qquad \frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{d^2u}{dx^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0$$

Неравенство (9) можетъ остаться только тогда, когда количества $\frac{d^2u}{dx^2}$ и $\frac{d^2u}{dy^2}$ имѣютъ одинаковые знаки, и потому, соображаясь съ условіями (2), условіе существованія наибольшей величины, будетъ

$$(10)\qquad \frac{d^2u}{dx^2}<0,\ \frac{d^2u}{dy^2}<0,\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0,$$

и условіе наименьшей

$$(11)\qquad \frac{d^2u}{dx^2}>0,\ \frac{d^2u}{dy^2}>0\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0.$$

Такимъ образомъ для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій двухъ перемѣнныхъ независимыхъ, слѣдуетъ частныя производныя ея по одной и по другой перемѣнной уравнять нулю; изъ двухъ уравненій, которыхъ такимъ образомъ получится, опредѣлятся величины перемѣнныхъ, могущія сдѣлать данную функцію наибольшею или наименьшею. Потомъ нужно посмотрѣть, удовлетворяютъ ли вторыя частныя производныя данной функціи условіямъ (10) или (11), когда въ нихъ подставимъ упомянутыя величины перемѣнныхъ независимыхъ, и если удовлетворяютъ, то условія (10) опредѣлятъ наибольшую, а условія (11) наименьшую величину данной функціи. Въ противномъ же случаѣ не будетъ ни той ни другой.

Замѣтивъ ходъ разсужденій, легко уже будетъ подобнымъ же образомъ вывести правила для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ случаѣ функцій трехъ, четырехъ, и т. д. перемѣнныхъ независимыхъ, и потому мы неостанавливаемся на этомъ способѣ воззрѣнія, тѣмъ болѣе, что изложенныхъ правилъ будетъ совершенно достаточно для объясненія послѣдующихъ предметовъ.

Разсмотримъ тотъ же предметъ съ болѣе общей точки зрѣнія.

Положимъ, что имѣемъ функцію $u=f(x, y, z....)$, сколькихъ угодно перемѣнныхъ независимыхъ x, y, z,...., непрерывную относительно каждой перемѣнной между нѣкоторыми предѣлами. Положимъ также, что система величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,..., гдѣ x_0, y_0, z_0,.... суть конечныя и опредѣленныя количества, изъ которыхъ каждое заключается въ тѣхъ предѣлахъ соотвѣтствующей перемѣнной, для которыхъ непрерывна данная функція u, дѣлаетъ эту функцію наибольшею или наименьшею. Тогда означивъ черезъ $F(\varepsilon)$ приращенную функцію $f(x_0+\varepsilon p, y_0+\varepsilon q, z_0+\varepsilon r,...)$, въ которой ε есть безконечно малая величина, а p, q, r,.. . суть постоянныя произвольныя количества, или дифференціалы перемѣнныхъ независимыхъ x, y, z,...., мы заключаемъ, что для частной величины $\varepsilon=0$, функція $F(\varepsilon)$ полу-

чаетъ наибольшую или наименьшую величину; по этому, на основаніи правилъ изложенныхъ въ главѣ I, должно быть

(a) $$F'(0)=0$$

При томъ для наибольшей величины, мы должны имѣть

$$F''(0)<0$$

а для наименьшей $F''(0)>0$

Но, на основаніи правилъ дифференціальнаго исчисленія,

$$F'(0)=d\,u=\frac{du}{dx}p+\frac{du}{dy}q+\frac{du}{dz}r+\ldots$$

$$F''(0)=d^2u=\frac{d^2u}{dx^2}p^2+2\frac{p^2u}{dxdy}p\,q+\frac{d^2u}{dy^2}q^2+2\frac{d^2u}{dxdz}pr+\ldots.$$

Поэтому для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ необходимо должно быть

(б) $$du=\frac{du}{dx}p+\frac{du}{dy}q+\frac{du}{dz}r+\ldots=0,$$

каковы бы нибыли величины произвольныхъ количествъ p, q, r,.... что приводится къ слѣдующимъ условіямъ

(12) $$\frac{du}{dx}=0,\ \frac{du}{dy}=0,\ \frac{du}{dz}=0,\ldots$$

Кромѣ того, по предъидущему, количество.

(13) $$d^2u=\frac{d^2u}{dx^2}p^2+\frac{d^2u}{dy^2}q^2+\frac{d^2u}{dz^2}r^2+\ldots+2\frac{d^2u}{dxdz}p\;q+$$

$$2\frac{d^2u}{dxdz}p\;r+2\frac{d^2u}{dydz}q\;r+\ldots.$$

должно сохранять постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины, независимо отъ постоянныхъ произвольныхъ количествъ p, q, r,...., входящихъ въ d^2u.

Если мы будемъ имѣть $F''(0)=d^2u=0$, т. е. если

$$\frac{d^2u}{dx^2}=0,\ \frac{d^2u}{dy^2}=0,\ \frac{d^2u}{dz^2}=0,\ldots\frac{d^2u}{dxdy}=0,\ldots.$$

то необходимо также, чтобы тожественно обратилось въ нуль и количество $F'''(0)=d^3u=\frac{d^3u}{d^3x}p^3+3\frac{d^3u}{dx^3dy}p^2q+$

$3\frac{d^3u}{dx^3dy}p\,q^2+\frac{d^3u}{dy^3}q^3+\ldots..$, что требуетъ слѣдующихъ условій

$$\frac{d^3u}{dx^3}=0,\ \frac{d^3u}{dy^3}=0,\ldots\frac{d^3u}{dx^2dx}=0,\ \frac{d^3n}{dy^2dx}=0,\ldots.$$

Тогда, если количество $F^{IV}(0)=d^4u$ не уничтожается тоже-

ственно, и предъидущія условія удовлетворяются, то необходимо, чтобы количество $F^{IV}(0)$ или

$$d^4u=\frac{d^4u}{dx^4}p^4+4\frac{d^4u}{dx^3dy}p^3q+6\frac{d^4u}{dy^2dx^2}p^2q^2+4\frac{d^4u}{dxdy^3}pq^3+\frac{d^4u}{du^4}q^4+\ldots$$

сохраняло постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаи наибольшей какова бы нибыла величина количествъ p, q, r, ...

Вообще, если изъ ряда количествъ du, d^2u, d^3u,....$d^{(2n-1)}u$, $d^{(2n)}u$,.... уничтожаются сряду 2n—1 дифференціаловъ, или, что одно и тоже, первый изъ неуничтожившихся дифференціаловъ будетъ четнаго порядка, то положительный знакъ этого послѣдняго дифференціала опредѣлитъ наименьшую, а отрицательный наибольшую величину данной функціи.

Если количество d^2u, сохраняя постоянный знакъ, обращается въ нуль для нѣкоторыхъ частныхъ величинъ количествъ p, q, r,...., то необходимо также, чтобы и количество d^3u, для этихъ же величинъ, уничтожилось, а количество d^4u сохраняло одинакій такъ съ d^2u. Если постановленія частныхъ значеній p, q, r, . . ., для которыхъ дифференціалъ d^2u обращается въ нуль, въ дифференціалы d^3u и d^4u, найдетъ, что первый изъ нихъ не уничтожается, а послѣдній не сохраняетъ одинаковаго знака съ d^2u, то заключимъ, что данная функція u, для системы величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,... неимѣетъ ни наибольшей ни наименьшей величины.

Означимъ величины $\frac{d^2u}{dx^2}$, $\frac{d^2u}{dxdy}$, $\frac{d^2u}{dy^2}$, $\frac{d^2u}{dxdz}$, $\frac{d^2u}{dydz}$, $\frac{d^2u}{dz^2}$, ...

соотвѣтственно буквами A, B, C, D, E, F,.... тогда задача о розысканіи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, приводится къ слѣдующему вопросу:

Найти условія, при которыхъ бы многочленъ второй степени

$$Ap^2+2Bpq+Cq^2+2Dpr+2Eqr+Fr^2+\ldots$$

сохранялъ одинъ и тотъ же знакъ, каковы бы нибыли величины количествъ p, q, r......

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы докажемъ слѣдующее свойство многочлена второй степени: такой многочленъ будетъ сохранять постоянно положительный или постоянно отрицательный знакъ, если онъ будетъ имѣть наименьшую положиительную величину въ первомъ случаѣ, и наибольшую отрицательную во второмъ, относительно постоянныхъ произвольныхъ количествъ p, q,...

Дѣйствительно, если многочленъ этотъ имѣетъ положитель-

ный *minimum*, то, чтобы перейти въ отрицательное состояніе, онъ долженъ имѣть по крайнѣй мѣрѣ еще одинъ *maximum*, но этого быть не можетъ, потому что первый дифференціалъ его въ отношеніи количествъ p, q, r, .,.., будетъ линейный, и слѣдовательно, уравненный нулю, двухъ системъ величинъ для этихъ количествъ дать не можемъ. Поэтому не возможно и то, чтобы разсматриваемый полиномъ, имѣя положительный *minimum*, обратился въ отрицательное состояніе.

Такимъ образомъ означивъ его черезъ φ (p, q, r,....) мы будемъ увѣрены, что онъ сохранитъ постоянно положительный знакъ, если функція φ (p, q, r,....) имѣетъ относительно количествъ p, q, r,.... положительный *minimum*

Что касается до того, чтобы функція φ (p, q, r,...) сохраняла постоянно отрицательный знакъ, то достаточно перемѣнить знаки у коэфиціэнтовъ A, B, C,... если она сохраняетъ уже положительный знакъ. Поэтому мы будемъ выводить условія, при которыхъ эта функція будетъ постоянно положительною, независимо отъ постоянныхъ произвольныхъ количествъ p, q, r,...

При опредѣленія наименьшей положительной величины, будемъ слѣдовать порядку, изложенному въ началѣ этой главы; а именно: дифференцируемъ функцію φ относительно p, тогда мы получаемъ

$$\frac{1}{2}\frac{d\varphi}{dp}=Ap+Bq+Dr+...=0, \text{ откуда}$$

$$p=-\frac{Bq+Dr+...}{A}=p_0$$

Кромѣ того мы имѣемъ условіе $\frac{1}{2}\frac{d^2\varphi}{dp^2}=A>0$.

Представимъ величину p, выведеную изъ уравненія $\frac{d\varphi}{dp}=0$ въ функцію φ (p, q. r,...), тогда мы приведемъ ее къ такому виду

$$(14) \qquad \varphi\left(-\frac{Bq+..}{A}, q, r,...\right)=Lq^2+2Mqr+Nr^2+.....$$

Эта величина будетъ наименьшимъ значеніемъ функціи φ (p, q,...) относительно p. Потомъ слѣдуя тѣмъ же правиламъ дифференцируемъ найденную величину по q, и получаемъ уравненіе

$$Lq+Mr+.....=0, \text{ откуда } q=-\frac{Mr+....}{L}=q_0$$

и условіе $L>0$.

Подставляя величину q, выведенную изъ предъидущаго уравненія, мы исключимъ q, получимъ въ результатѣ многочленъ, несодержащій p и q, который при условіяхъ $A>0$, $L>0$, будетъ наименьшею величиною функціи φ (p, q, r, . . .) относи-

тельно p и q. Поступая совершенно также съ нимъ, какъ мы поступали съ многочленами φ (p, q, r, . . .) и φ $(-\frac{Bq+..}{A},q,r.)$, мы получимъ условіе $T>0$, гдѣ T есть коэфиціэнтъ при второй степени r въ этомъ многочленѣ. Такимъ образомъ мы исключимъ мало по малу количества p, q, r, ... и въ результатѣ получимъ функцію вида $Q\ s^2$, гдѣ *s* есть послѣднее постоянное произвольное количество. Условіе $Q>0$, также будетъ послѣднимъ, для существованія положительнаго *minimum*. Такимъ образомъ условія

$$(15) \qquad A>0,\ L>0,\ T>0,\ .\ .\ .\ Q>0.$$

Опредѣлятъ постоянный положительный знакъ даннаго многочлена $\varphi(p, q, r, ...)=Ap^2+2\ B\ p\ y+Cq^2+2\ D\ pr+Eq\ r+F\ r^2+...$

Если мы перемѣнимъ знаки коэфиціэнтовъ A, B, C, ... Тогда условія (15) обратятся въ слѣдующія

$$(16) \qquad A<0,\ L<0,\ T<0,\ .\ .\ .\ Q<0.$$

и данный многочленъ будетъ сохранять постоянно отрицательный знакъ.

Легко видѣть, что этотъ многочленъ тожественно равенъ такому $\quad A\ (p-p_0)^2+L\ (q-q_0)^2+T\ (r-r_0)^2+\ .\ .\ .\ +Q\ s^2.$

гдѣ $p_0=-\frac{Bq+Dr+\ .\ .\ .}{A}q_0=-\frac{Mr+\ .\ .\ .}{L}$, . . . Это очевидно, потому что подвергая тѣмъ же дѣйствіямъ, какимъ подвергали данный многочленъ при разысканіи положительнаго minimum, получимъ $p=-\frac{Bq+Dr+\ .\ .\ .}{A},\quad q=-\frac{Mr+\ .\ .\ .}{L}$

т. е. тоже самое, что мы получили и прежде.

Такой видъ многочлена ясно показываетъ, что если всѣ коэфиціэнты A, L, T, . . . Q положительные, то и знакъ его будетъ постоянно положительный, а если они — отрицательные, то и знакъ этотъ будетъ отрицательный.

Возмемъ для примѣра многочленъ

$$d^2 u = Ap^2+2\ Bpq+Cq^2$$

Поступая по предидущимъ правиламъ найдемъ

$$p_0=-\frac{B}{A}q \text{ и } A>0.$$

Подставивъ величину p_0 въ данный многочленъ мы будемъ имѣть

$$Ap^2+2\ Bpq+Cq^2=\left(C-\frac{B^2}{A}\right)q^2$$

условіе $C-\frac{B^2}{A}>0$, соединенное съ первымъ $A>0$, опредѣлять

постоянный положительный знакъ разсматриваемаго многочлена, условія же $A < 0$, $C - \frac{B^2}{A} < 0$, опредѣлятъ отрицательный его знакъ. Въ обоихъ случаяхъ условія $C - \frac{B^2}{A} > 0$ и $C - \frac{B^2}{A} < 0$, можно замѣтить однимъ $AC - B^2 > 0$. По предыдущему, мы также имѣемъ равенство

$$Ap^2 + 2\,Bpq + Cq^2 = A\,(p - p_0)^2 + Lq^2 = A\left(p + \frac{B}{A}q\right)^2 + \left(C - \frac{B^2}{A}\right)q^2.$$

Если бы данъ былъ многочленъ

$$d^2 u = Ap^2 + 2\,Bpq + Cq^2 + 2\,Dpr + 2\,Eqr + F\,r^2$$

то мы, поступая по изложеннымъ правиламъ, получили бы

$$p_0 = -\frac{Bq + Dr}{A},\ q_0 = -\frac{E - \frac{BD}{A}\,r,}{C - \frac{B^2}{A}} \text{ и } A = A,\ L = C - \frac{B^2}{A},$$

$$T = F - \frac{D^2}{A} - \frac{\left(E - \frac{BD}{A}\right)^2}{C - \frac{B^2}{A}}$$

Такимъ образомъ условія $A > 0$, $L > 0$, $T > 0$, опредѣлятъ положительный знакъ даннаго многочлена, а условія $A < 0$, $L < 0$ $T < L$, отрицательный. Но замѣтивъ, что въ первомъ случаѣ $A > 0$, а во второмъ $A < 0$, мы имѣемъ слѣдующія условія

$$A>0,\ AC-B^2>0,\ (AF-D^2)(AC-B^2)-(AE-BD)^2>0$$

въ первомъ случаѣ, и $A<0$ $AC-B^2>0$, $(AF-D^2)(AC-B^2)-(AE-BD)^2>0$, во второмъ. Очевидно также, что данный многочленъ можетъ быть представленъ въ видѣ

$$A\,(p-p_0)^2 + L\,(q-q_0)^2 + T\,(r)^2 = A\left(p + \frac{B}{A}q + \frac{D}{A}r\right)^2 + \left(C - \frac{1}{A}.B^2\right)$$

$$\left(q + \frac{E - \frac{1}{A}.BD}{C - \frac{1}{A}.B^2}\,r\right)^2 + \left[F - \frac{D^2}{A} - \frac{\left(E - \frac{BD}{A}\right)^2}{C - \frac{B^2}{A}}\right]r.$$

Возмемъ еще полиномъ

$$d^2u = Ap^2 + 2Bpq + Cq^2 + 2Dpr + 2Eqr + F\,(r)^2 + 2Gps + 2Hqs + 2Jrs + Ks^2$$

Точно также, какъ и прежде, найдемъ

$$p_0 = -\frac{Bq + Dr + Gs}{A},\ q_0 = -\frac{\left(E - \frac{BD}{A}r\right) + \left(H - \frac{BS}{A}\right)s}{C - \frac{B^2}{A}},$$

$$r_0 = \frac{-\left[\left(J-\frac{DG}{A}\right)-\frac{1}{C-\frac{1}{A}.\,B^2}\left(E-\frac{BD}{A}\right)\left(H-\frac{BG}{A}\right)\right]}{\left[\left(F-\frac{D^2}{A}\right)-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}\right]}$$

$$A=A,\ L=C-\frac{B^2}{A},\ T=\left[\left(F-\frac{D^2}{A}\right)-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}\right],$$

$$Q=\left[\left(H-\frac{D^2}{A}\right)-\frac{\left(H-\frac{BG}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}\right]-\frac{\left[\left(J-\frac{BG}{A}\right)-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)\left(H-\frac{BG}{A}\right)}{C-\frac{B^2}{A}}\right]^2}{F-\frac{D^2}{A}-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}}$$

По этому условія, общія положительному и отрицательному знаку даннаго многочлена, будетъ

$$AC-B^2>0,\ (AC-B^2)\,(AF-D^2)-(AE-BD)^2>0,\ \left.\begin{matrix}[(AC-B^2)\,(AK-G)^2-\\ (AH-BS)^2]\,[(AC-B^2)\,(AF-D^2)-(AE-BD)^2]-[(AC-B^2)\,(AJ-DG)-\\ (AE-BD)\,(AH-BG)]^2\end{matrix}\right\}>0.$$

При этомъ положительный знакъ даннаго многочлена опредѣлится условіемъ $A>0$, и отрицательный условіемъ $A<0$

Очевидно, также, что данный полиномъ можетъ быть представленъ въ видѣ

$$A\,(p-p_0)^2+L\,(q-q_0)^2+T\,(r-r_0)^2+Qs^2$$

Мы достигли бы тѣхъ же результатовъ, если бы разыскивали условія мнимости корней уравненія $\varphi\,(p,\ q,\ r,\ldots)=0$, Тогда, легко видѣть, что эта функція не обратится въ нуль и будетъ постоянно сохранять одинъ и тотъ же знакъ. Но мы не останавливаемся на этомъ предметѣ.

Замѣтимъ, что если нѣкоторое изъ коэфиціентовъ A, L, T, Q,... обращаются въ нуль, то это не помѣшаетъ данному многочлену сохранять постоянный знакъ. Если же всѣ они обращаются въ нуль, тогда нужно обратиться къ высшимъ дифференціаламъ, какъ было показано выше, потому что тогда d^2u уничтожается тожественно. Чтоже касается до условій, по которымъ четвертый дифференціалъ d^4u сохраняетъ постоянный знакъ, то объ этомъ можно читать интересную статью Г. Академика В.

Я. Буняковскаго, помѣщенную въ Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St. Pétersbourg; année 1829.

Возмемъ нѣсколько примѣровъ, чтобы объяснить предъидущую теорію.

1) *Раздѣлить данное число 3a, на такія три части, чтобы произведеніе ихъ было наибольшее.*

Означимъ черезъ x, y, z, искомыя части, тогда мы будемъ имѣть

$$x+y+z=3a \text{ и } z=3a-x-y,$$

а функція наибольшую величину которой требуется опредѣлить будетъ $u=xy\ (3a-x-y)$

Диффиренцируя ее мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=y\ (3a-x-y)-xy,\ \frac{du}{dy}=x\ (3a-x-y)-xy$$

Изъ уравней $\frac{du}{dx}=0$ и $\frac{du}{dy}=0$, получаемъ $x=y=z=a$. Вторыя же частныя производныя функціи u будетъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=-2y,\ \frac{d^2u}{dxdy}=3a-2\ (x+y)\ ,\ \frac{d^2u}{dy^2}=-2x$$

По подставленіи величинъ $x=y=a$, получимъ $\frac{d^2u}{dx^2}=-2a=\frac{du^2}{yd^2}$ и $\frac{d^2u}{dxdy}=-a$. Очевидно, эти производныя удовлетворяютъ условіямъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{d^2u}{dy^2}=-3a<0 \text{ и } \frac{d^2u}{d^2x}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2=3a^2>0,$$

поэтому величина $u=a^3$ будетъ наибольшая.

2) *Изъ всѣхъ треугольниковъ одинаковаго периметра 2 p, найти треугольникъ съ наибольшею площадью.*

Означивъ стороны искомаго треугольника черезъ x, y, z, площадь его выразится такъ $V=\sqrt{p\ (p-x)\ (p-y)\ (x+y-p)}$. Отбросивъ постояннаго множителя $\sqrt{p}$, мы получимъ

$$u=\sqrt{(p-x)\ (p-y)\ (x+y-p)}$$

Слѣдуя предыдущимъ правиламъ мы получимъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{2p-2x-y}{2u}=0,\ \frac{du}{dy}=\frac{2p-x-2y}{2u}=0,$$

откуда находимъ $x=y=z=\frac{2}{3}\ p$. Далѣе мы имѣемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=-\frac{1}{2}\ \frac{2u+(2p-2x-y).\ \frac{du}{dx}}{u^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{\sqrt{p^3}}$$

$$\frac{d^2u}{dy^2}=-\frac{1}{2}\frac{2u+(2p-x-2y).\frac{du}{dy}}{u^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{\sqrt{p^3}}$$

$$\frac{d^2u}{dxdy}=-\frac{1}{2}\frac{u+(2p-2x-y).\frac{du}{dy}}{u^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{2\sqrt{p^3}}.$$

Очевидно, что мы здѣсь имѣемъ условія

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{d^2u}{dy^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{\sqrt{p^3}}<0 \text{ и } \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2=\frac{27}{p^3}\left(1-\frac{1}{4}\right)>0,$$

которыя опредѣлятъ наибольшую величину функціи u, и что одно и тоже функціи V, которая будетъ равна количеству $V=\frac{p^2}{3\sqrt{3}}$. Изъ равенства $x=y=z=\frac{2}{3}p$ видно, что равносторонній треугольникъ удовлетворяетъ вопросу.

3) *Провести черезъ точку, опредѣляемую координами x', y' и z', плоскость, такъ чтобы треугольная пирамида, составляемая ею съ плоскостями координатъ имѣла наименьшій объемъ.*

Уравненіе плоскости, проходящей черезъ точку (x', y', z') будетъ

$$(x-x')+a(y-y')+b(z-z')=0$$

Части же координатныхъ осей x, y, z, заключающіяся между началомъ координатъ и этою плоскостію соотвѣтственно будутъ

$$x'+ay'+bz',\ \frac{x'+ay'+bz'}{a},\ \frac{x'+ay'+bz'}{b}.$$

Искомый объемъ будетъ $u=\frac{1}{6ab}(x'+ay'+bz')^3$. Дифференцируя же эту функцію по a и b получимъ

$$\frac{du}{da}=(x'+ay'+bz')^2\cdot\frac{3a^2y'-a(x'+ay'+bz')}{6a^3b}=(x'+ay'+bz')^2\cdot\frac{3ay'-x'-ay'-bz'}{6a^2b}=0$$

$$\frac{du}{db}=(x'+ay'+bz')^2\cdot\frac{3bz'-x-ay'-bz'}{6ab^2}=0,$$

Откуда получаемъ $a=\frac{x'}{y'}$ и $b=\frac{x'}{z}$. Взявъ вторыя производныя функція u по a и по b, мы увидимъ, что онѣ удовлетворяютъ условіямъ $\frac{d^2u}{da^2}>0$, $\frac{d^2u}{db^2}>0$, $\frac{d^2u}{da^2}\cdot\frac{d^2u}{db^2}-\left(\frac{d^2u}{da.db}\right)^2>0$, слѣдовательно величина $u=\frac{9}{2}x'\ y'\ z'$, соотвѣтствующая значеніямъ $a=\frac{x'}{y'}$ и $b=\frac{x'}{z'}$ есть наименьшая. Уравненіе же искомой плоскости будетъ $(x-x')+\frac{x'}{y'}(y-y')+\frac{x'}{z'}(z-z')=0.$

4) *Найти кратчайшее разстояніе двухъ прямыхъ линій въ пространствѣ, опредѣляемыхъ уравненіями*

$$y=ax+b$$
$$z=a'x+b'$$
$$y'=\alpha x'+\beta$$
$$z'=\alpha' x'+\beta'$$

Въ такомъ случаѣ искомое разстояніе выразится слѣдующимъ образомъ $r=\sqrt{(x-x')^2+(b-\beta+ax-\alpha x')^2+(b'-\beta'+a'x+\alpha'x')^2}$.
Съ этою функціею въ одно время наибольшею и наименьшею будетъ слѣдующая $u=\frac{1}{2}(x-x')^2+\frac{1}{2}(b-\beta+ax-\alpha x')^2+\frac{1}{2}(b'-\beta'+a'x-\alpha'x')^2$

Поэтому дифференцируя эту послѣднюю функцію по x и x′ получимъ $\frac{du}{dx}=(x-x')+a(b-\beta+ax-\alpha x')+a'(b'-\beta'++a'x-\alpha'x')=0$

$$\frac{du}{dx'}=-(x-x')-\alpha(b-\beta+a x-\alpha x',)-\alpha'(b'-\beta'+a' x-\alpha' x')=0$$

$$\frac{d^2u}{dx^2}=1+a^2+a'^2,\ \frac{d^2u}{dx'^2}=1+x^2+\alpha^2,\ \frac{d^2u}{dxdx'}=-1-ax-a'\alpha'$$

Система величинъ x и x′, получаемая изъ уравненій $\frac{du}{dx}=0$ и $\frac{du}{dx'}=0$, дѣлаетъ данную функцію наименьшею, потому что выполняются условія $\frac{d^2u}{dx^2}=1+a^2+a'^2>0$, $\frac{d^2u}{dx^2}=1+\alpha^2+\alpha'^2>0$, $\frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dx'^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdx'}\right)^2>0$.

Послѣднее условіе можно привести къ слѣдующему

$$(a-\alpha)^2+(a'-\alpha')^2+(a\alpha'-a'\alpha)^2>0,$$

что, очевидно, справедливо. Такимъ образомъ искомое наименьшее разстояніе будетъ

$$r=\frac{(b-\beta)(a'-\alpha')-(b'-\beta')(a-\alpha)}{\sqrt{(a-\alpha)^2+(a'-\alpha')^2+(a\alpha'-a\,\alpha)^2}}$$

Можетъ случиться, что уравненія $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dy}=0$, $\frac{du}{dz}=0$, . . . будутъ принадлежать къ числу неопредѣленныхъ. Въ такомъ случаѣ иногда бываетъ, что системы величинъ, вытекающія изъ этихъ уравненій, по видимому доставляютъ наибольшую или наименьшую величину для данной функціи. Но такъ какъ, такая величина будетъ соотвѣтствовать безконечному множеству системъ величинъ x, y, z,..., то, кажется, естественнѣе не принимать ее за наибольшую или наименьшую, потому что она не подходитъ подъ общее опредѣленіе такихъ величинъ. Дѣйствительно для каждой системы, удовлетворяющей упомянутымъ уравненіямъ $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dy}=0$, ... соотвѣтствуетъ равная ве-

личина данной функціи u. Поэтому въ сопредѣльности съ такою величиною, другія значенія функціи и не всѣ будутъ менѣе или болѣе ея, но найдутся и равныя. Слѣдовательно она уже не будетъ въ строгомъ смыслѣ наибольшею или наименьшею. Такъ напримѣръ для функціи $u=(cy-bz+l)^2+(az-cx+m)^2+(bx-ay+n)^2$ уравненія $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dz}=0$, доставляютъ только слѣдующія два

$$\frac{1}{a}(cy-bz+l)=\frac{1}{b}(az-cx+m)=\frac{1}{c}(bx-ay+n)$$

По этому величина $u=\frac{(al+bm+cn)^2}{a^2+b^2+c^2}$, которая есть по видимому наименьшая, не можетъ быть принимаема въ строгомъ смыслѣ за наименьшую, потому что соотвѣтствуетъ безчисленному множеству величинъ x, y, z.

ГЛАВА VI.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ.

Положимъ, что имѣемъ уравненіе

$$(1) \qquad f(u, x, y, z, \ldots)=0,$$

и требуется опредѣлить наибольшія и наименьшія величины функціи u, которая въ настоящемъ случаѣ есть неявная. Вопросъ приведется къ функціямъ явнымъ, если можно исключить функцію u, и представить ее въ видѣ $u=\varphi(x, y, z \ldots)$. Но такъ какъ такое исключеніе не всегда возможно, то мы и покажемъ правила, по которымъ опредѣляются наибольшія и наименьшія величины въ подобныхъ случаяхъ.

Дифференцируемъ уравненіе (1) послѣдовательно въ отношеніи къ перемѣннымъ x, y, z, ... принимая ихъ за независимыя, а функцію u, какъ функцію этихъ перемѣнныхъ независимыхъ.

Въ такихъ предположеніяхъ, мы получаемъ слѣдующія уравненія:

$$(a)\ \frac{df}{dx}+\frac{df}{du}\cdot\frac{du}{dx}=0,\ \frac{df}{dy}+\frac{df}{du}\cdot\frac{du}{dy}=0,\ \frac{df}{dz}+\frac{df}{du}\cdot\frac{du}{dz}=0,\ldots$$

Откуда непосредственно получаемъ

$$\frac{du}{dx}=-\frac{\left(\frac{df}{dx}\right)}{\left(\frac{f}{du}\right)},\ \frac{du}{dy}=-\frac{\left(\frac{df}{dy}\right)}{\left(\frac{df}{du}\right)},\ \frac{du}{dz}=-\frac{\left(\frac{df}{dz}\right)}{\left(\frac{df}{du}\right)}$$

Для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, какъ мы видѣли выше, необходимыя условія будутъ $\frac{du}{dx}=0, \frac{du}{dx}=0, \frac{du}{dz}=0,\ldots$ Если количество $\frac{df}{du}$ не обращается ни въ нуль, ни въ безконечность, то эти условія приведутся къ слѣдующимъ

$$\text{(b)}\qquad \frac{df}{dx}=0,\ \frac{df}{dy}=0,\ \frac{df}{dz}=0,\ldots$$

Изъ уравненій (b), соединенныхъ съ уравненіемъ (1), получаемъ систему величинъ $u=u_0$, $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0,\ldots$ Чтобъ узнать есть ли величина u_0 наибольшая или наименьшая, поступаемъ слѣдующимъ образомъ: Дифференцируемъ уравненія (a); тогда получаемъ.

$$\text{(c)}\left\{\begin{array}{l}
\frac{d^2f}{dx^2}+2\frac{d^2f}{dxdu}\cdot\frac{du}{dx}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\left(\frac{du}{dx}\right)^2+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dx^2}=0\\
\frac{d^2f}{dy^2}+2\frac{d^2f}{dy.du}\cdot\frac{du}{dy}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\left(\frac{du}{dy}\right)^2+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}=0\\
\frac{d^2f}{dz^2}+2\frac{d^2f}{dz.du}\cdot\frac{du}{dz}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\left(\frac{du}{dz}\right)^2+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dz^2}=0\\
\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\\
\frac{d^2f}{dxdy}+\frac{d^2f}{dxdu}\cdot\frac{du}{dy}+\frac{d^2f}{dy.du}\cdot\frac{du}{dx}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\frac{du}{dx}\cdot\frac{du}{dy}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdy}=0\\
\frac{d^2f}{dxdz}+\frac{d^2f}{dxdu}\cdot\frac{du}{dz}+\frac{d^2f}{dz.du}\cdot\frac{du}{dx}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\frac{du}{dx}\cdot\frac{du}{dz}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdz}=0\\
\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots
\end{array}\right.$$

Изъ этихъ уравненій выводимъ величины частныхъ производныхъ

$$\frac{d^2u}{dx^2},\ \frac{d^2u}{dy^2},\ \frac{d^2u}{dz^2},\ldots\frac{d^2u}{dxdy},\ \frac{d^2u}{dxdz},\ \frac{d^2u}{dydz},\ldots$$

Предъидущія уравненія представятся въ простѣйшемъ видѣ, если замѣтимъ, что $\frac{du}{dx}=0, \frac{du}{dy}=0, \frac{du}{dz}=0,\ldots$ и также, что вторыя производныя функціи $f(u, x, y, z,\ldots)$ непрерывны. Дѣйствительно тогда вмѣсто этихъ уравненій получимъ слѣдующія

$$\frac{d^2f}{dx^2}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dx^2}=0,\ \frac{d^2f}{dy^2}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}=0,\ldots\frac{d^2f}{dxdy}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdy}=0,\ \frac{d^2f}{dxdz}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdz}=0,\ldots$$

Подставляя въ полученныя величины частныхъ производныхъ функцій u, систему величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0,\ldots u=u_0$, мы получимъ нѣкоторыя опредѣленныя количества $\frac{d^2u}{dx^2}=A$, $\frac{d^2u}{dxdu}=B, \frac{d^2u}{dy^2}=C, \frac{d^2u}{dxdz}=D, \frac{d^2u}{dydz}=E, \frac{d^2u}{dz^2}=F,\ldots$ Тогда смотримъ сохраняетъ-ли постоянный знакъ многочленъ.

$$Ap^2+2Bpq+Cq^2+2Dpr+2Eqr+Fr^2+\ldots$$

независимо отъ величины произвольныхъ количествъ p, q, r,.... Если условія, опредѣляющія постоянный его знакъ, выполнены, то система величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,.... доставляетъ для данной функціи наибольшую или наименьшую величину $u=u_0$, смотря потому будетъ ли знакъ упомянутаго полинома отрицательный или положительный. Когда этотъ знакъ будетъ иногда положительный, иногда отрицательный, смотря по частнымъ значеніямъ количествъ p, q, r,...., то величина $u=u_0$ не будетъ ни наибольшею ни наименьшею.

Правила останутся тѣже самыя, если перемѣнныя x, y, z,... приведутся къ одному x. Въ такомъ случаѣ функція u будетъ зависѣть только отъ одного перемѣннаго x. Тогда многочленъ $Ap^2+2Bpq+\ldots$ обратится въ $Ap^2=\frac{d^2u}{dx^2}p^2$, и слѣдовательно знакъ производной $\frac{d^2u}{dx^2}$ прямо опредѣляетъ наибольшую или наименьшую величину функціи u. Въ случаѣ уничтоженія дифференціала d^2u, обращаемся къ высшимъ дифференціаламъ d^3u, d^4u... Чтобы найти частныя производныя, ихъ составляющія, дифференцируемъ нѣсколько разъ уравненія (c) относительно каждой перемѣнной, подобнымъ же образомъ, какъ мы поступали прежде. Найдя d^3u, d^4u, . . . нужно слѣдовать правиламъ изложеннымъ въ главѣ V. Объяснимъ предыдущую теорію примѣромъ.

Найти наименьшую величину радіуса вектора и эллипсоида, даннаго по уравненію $u^2-\frac{a^2-c^2}{a^2}x^2-\frac{b^2-c^2}{b^2}y^2-c^2=0$, гдѣ a, b и c суть полуоси эллипсоида, написанныя по порядку ихъ величинъ. Поэтому $a>b>c$. Дифференцируя данное уравненіе мы получаемъ $\frac{du}{dx}=\frac{a^2-c^2}{a^2u}.x$, $\frac{du}{dy}=\frac{b^2-c^2}{b^2u}.y$.

Изъ уравненій $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dy}=0$, соединенныхъ съ даннымъ, находимъ $x=0$, $y=0$, $u=c$. Кромѣ того мы имѣемъ.

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{a^2-c^2}{a^2u}-x\frac{(a^2-c^2)\frac{du}{dx}}{a^2u^2}$$

$$\frac{d^2u}{dxdy}=-\frac{(a^2-c^2)x}{a^2u^2}.\frac{du}{dy}$$

$$\frac{d^2u}{dy^2}=\frac{b^2-c^2}{b^2u}-y\frac{(b^2-c^2\frac{du}{dy}}{b^2u^2}$$

Такъ какъ система величинъ $x=0$, $y=0$, $u=c$, дѣлаетъ $\frac{d^2u}{dxdy}=0$ и притомъ $a>b>c$, то, очевидно, выполняются условія

$$\frac{d^2u}{dx^2}>0,\ \frac{d^2u}{dy^2}>0,\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)>0,$$

почему заключаемъ, что величина $u=c$ есть наименьшая.

Перейдемъ теперь къ тому случаю, когда перемѣнныя, входящія въ данную функцію, сами связаны уравненіями.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію $u=f(x, y, z,...t, v)$, n перемѣнныхъ $x, y, z,...t, v$, наибольшія и наименьшія величины которой требуется разыскать, и предположимъ, что n перемѣнныхъ въ нее входящихъ связаны такими m уравненіями

$$(1)\quad f_1(x,y,z,....t,v)=0,\ f_2(x,y,z,...t,v)=0,\ f_3(x,y,z,...t,v)=0...f_m(x,y,z,...)=0.$$

Диффеpенцируя эти уравненія, мы имѣемъ

$$(2)\quad \begin{aligned}
&\frac{df_1}{dx}dx+\frac{df_1}{dy}dy+\frac{df_1}{dz}dz+...+\frac{df_1}{dt}dt+\frac{df_1}{dv}.dv=0\\
&\frac{df_2}{dx}dx+\frac{df_2}{dy}dy+\frac{df_2}{dz}dz+...+\frac{df_2}{dt}dt+\frac{df_2}{dv}\ dv=0\\
&\frac{df_3}{dx}dx+\frac{df_3}{dy}dy+\frac{df_3}{dz}dz+...+\frac{df_3}{dt}dt+\frac{df_3}{dv}\ dv=0\\
&\dots\dots\dots\dots\dots\dots\dots\dots\\
&\frac{df_m}{dx}dx+\frac{df_m}{dy}dy+\frac{df_m}{dz}dz+...+\frac{df_m}{dt}dt+\frac{df_m}{dv}dv=0.
\end{aligned}$$

Отсюда находимъ m какихъ угодно дифференціаловъ, напримѣръ $dr, dt,....$ въ линейныхъ функціяхъ другихъ. Такимъ образомъ, подставивъ эти m дифференціаловъ, которые мы принимаемъ за зависимые отъ другихъ, въ количество

$$du=\frac{du}{dx}dx+\frac{du}{dy}dy+\frac{du}{dz}dz+...+\frac{du}{dt}dt+\frac{du}{dv}dv$$

мы исключимъ въ du всѣ зависимые дифференціалы, и останутся только тѣ, которыхъ мы принимаемъ за независимые.

Слѣдовательно количество du приведется къ виду

$$(3)\qquad du=Pdx+Qdy+Rdz+......,$$

гдѣ $P, Q, R,....$ суть функціи перемѣнныхъ $x, y, z,....t, v$. Такъ какъ коеффиціэнты передъ независимыми дифференціалами должны быть, по предыдущему, уравнены нулю, то мы имѣемъ $n-m$ уравненій

$$(4)\qquad P=0,\ Q=0,\ R=0,....$$

которые по соединеніи съ m уравненіями (1), дадутъ величины $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,...$t=t_0$, $r=r_0$ всѣхъ n перемѣнныхъ, могущія доставить данной функціи наибольшія и наименьшія величины.

Потомъ подвергаемъ полученную систему $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$

..... испытанію. Для этого дифференцируемъ, выраженіе (3); мы получаемъ

$$d^2u=\left(\frac{dP}{dx}dx+\frac{dP}{dy}dy+\ldots+\frac{dP}{dv}dv\right)dx+\left(\frac{dQ}{dx}dx+\frac{dQ}{dy}dy+\ldots+\frac{dQ}{dv}dr\right)dy$$
$$+\left(\frac{dR}{dx}dx+\frac{dR}{dy}dy+\ldots+\frac{dR}{dv}dv\right)dz\ldots\ldots\ldots$$

Подставивъ сюда величины dr, dt,.... выведенныя изъ уравненій (2), мы приведемъ количество d^2u, къ виду

$$d^2u=Adx^2+2Bdxdy+Cdy^2+2Ddxdz+2Edydz+Fdz^2+\ldots..$$

гдѣ A, B, C, D, E, F,... суть постоянныя опредѣленныя количества.

По правиламъ, изложеннымъ въ главѣ V, легко будетъ узнать сохраняетъ ли дифференціалъ d^2u постоянно одинъ и тотъ же знакъ, независимо отъ величинъ постоянныхъ произвольныхъ количествъ dx, dy, dz,... Если онъ имѣетъ постоянно отрицательный знакъ, то величина $u=f(x_0, y_0, z_0,\ldots t_0, v_0)$ есть наибольшая, и если положительный, то наименьшая. Когда же знакъ его зависитъ отъ величинъ dx, dy, dz,......, то эта величина не будетъ ни наибольшею, ни наименьшею.

Въ томъ случаѣ, когда число m приводится къ единицѣ, т. е. когда перемѣнныя связаны однимъ уравненіемъ, то уравненія (2) приведутся къ одному

$$\frac{df_1}{dx}dx+\frac{df_1}{dy}dy+\frac{df_1}{dz}dz+\ldots+\frac{df_1}{dv}dv=0$$

Принимая здѣсь который либо изъ дифференціаловъ dx, dy, dz,...dv, напримѣръ dv за зависимый, получаемъ

$$\text{(a)}\qquad dv=-\left(\frac{\frac{df_1}{dx}}{\frac{df_1}{dv}}dx+\frac{\frac{df_1}{dy}}{\frac{df_1}{dv}}dy+\frac{\frac{df_1}{dz}}{\frac{df_1}{dv}}dz+\ldots\ldots\right)$$

Подставляя эту величину dv въ первый дифференціалъ

$$du=\frac{du}{dx}dx+\frac{du}{dy}dy+\frac{du}{dz}dz+\ldots+\frac{du}{dv}dv,$$

находимъ $du=\left(\frac{du}{dx}-\frac{\frac{du}{dv}\cdot\frac{df_1}{dx}}{\frac{df_1}{dv}}\right)dx+\left(\frac{du}{dy}-\frac{\frac{du}{dv}\cdot\frac{df_1}{dy}}{\frac{df_1}{dv}}\right)dy+\left(\frac{du}{dz}-\frac{\frac{du}{dv}\cdot\frac{df_1}{dz}}{\frac{df_1}{dv}}\right)dz+\ldots$

Уравнявъ нулю порознь каждый изъ коэффиціэнтовъ передъ dx. dy,..., получаемъ

$$\text{(5)}\qquad \frac{\frac{du}{dr}}{\frac{df_1}{dr}}=\frac{\frac{du}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{du}{dy}}{\frac{df_1}{dy}}=\frac{\frac{du}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}=\ldots\ldots$$

Этихъ уравненій будетъ числомъ $n-1$, которые по соединеніи съ даннымъ $f_1(x, y, z, \ldots t, v)=0$, дадутъ n величинъ $x=x_0$ $y=y_0$, $z=z_0, \ldots t=t_0$, $v=v_0$, могущихъ доставить данной функціи наибольшую или наименьшую величину.

Такой способъ, который мы сей часъ предложили, кажется есть самый естественный и очень легкій въ приложеніяхъ, который представляется самъ собою при первомъ взглядѣ на предметъ.

Объяснимъ этотъ способъ примѣрами.

1) *Найти кратчайшее разстояніе начала координатъ, отъ плоскости, опредѣляемой уравненіемъ*

$$Ax+By+Cz=D$$

Искомое разстояніе выразится такъ

$$r^2=x^2+y^2+z^2$$

Очевидно, что r будетъ наибольшимъ и наименьшимъ съ функціею $u=x^2+y^2+z^2$, въ одно время, и потому мы разыщемъ наименьшую величину этой послѣдней функціи. Изъ уравненія

(a) получаемъ $$dz=-\frac{A}{C}dx-\frac{B}{C}dy$$

Уравненія же (5) въ этомъ случаѣ обращаются въ слѣдующія

$$\frac{x}{A}=\frac{y}{B}=\frac{z}{C}=\frac{u}{D}=\frac{D}{A^2+B^2+C^2},$$

откуда получаемъ

$$x=\frac{AD}{A^2+B^2+C^2},\ y=\frac{BD}{A^2+B^2+C^2},\ z=\frac{CD}{A^2+B^2+C^2},\ u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$$

Также мы очевидно имѣемъ

$$\frac{1}{2}du=xdx+ydy+zdz=\left(x-\frac{A}{C}z\right)dx+\left(y-\frac{B}{C}z\right)dy$$

$$\frac{1}{2}d^2u=\left(dx-\frac{A}{C}dz\right)dx+\left(dy-\frac{B}{C}dz\right)dy=\left(1+\frac{A^2}{C^2}\right)dx^2+2\frac{AB}{C^2}dxdy+\left(1+\frac{B^2}{C^2}\right)dy^2$$

или $$\frac{C^2}{2}d^2u=(A^2+C^2)dx^2+2ABdxdy+(B^2+C^2)dy^2$$

Такъ какъ мы имѣемъ

$$A^2+C^2>0,\ B^2+C^2>0\ (A^2+C^2)(B^2+C^2)-A^2B^2=C^4+(A^2+B^2)C^2>0,$$

то величина $u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$ есть наименьшая, и искомое наименьшее разстояніе, по этому будетъ $r=\frac{D}{\sqrt{A^2+B^2+C^2}}$

2) ***Изъ всѣхъ прямыхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ одинаковый объемъ a^3, найти параллелепипедъ съ наименьшею поверхностію.***

Означивъ черезъ x, y, z, три взаимно пресѣкающіяся ребра параллелепипеда, мы получимъ

$$u=xy+xz+yz$$
$$f_1=xyz-a^3=0.$$

Поступая по предыдущимъ правиламъ, мы получимъ

$$dz=-\frac{z}{x}dx-\frac{z}{y}dy$$

Уравненія же (5) дадутъ $\frac{y+z}{yz}=\frac{x+z}{xz}=\frac{x+y}{xy}$, откуда $x=y=z=a$

По этому $dz=-\frac{z}{x}dx-\frac{z}{y}dy=-dx-dy$. Притомъ мы имѣемъ

$$du=(y+z)dx+(x+z)dy+(x+y)dz=\frac{xy-yz}{x}dx+\frac{xy-xz}{y}dy$$

$$d^2y=\left[\frac{yz}{x^2}dx+\left(1-\frac{z}{x}\right)dy-\frac{y}{x}dz\right]dx+\left[\frac{xz}{y^2}dy+\left(1-\frac{z}{y}\right)dx-\frac{x}{y}dz\right]dy$$

Замѣчая что $x=y=z=a$, и $dz=-(dx+dy)$ мы получимъ

$$d^2u=2dx^2+2dxdy+2dy^2$$

Такъ какъ здѣсь соблюдаются условія $2>0$, $2>0$ и $2.\ 2-1^2=3>0$, то величина $u=3\ a^2$ есть наименьшая. Наименьшая же поверхность будетъ$=6a^2$, и кубъ удовлетворяетъ данному вопросу.

3) *Найти наибольшую величину функціи* $u=x^m y^n z^t$ причемъ дано условіе $ax+by+cz-k=0$

Уравненія (5) даютъ

$$\frac{m}{ax}=\frac{n}{by}=\frac{t}{cz}=\frac{m+n+t}{k}\text{, откуда}$$

$$x=\frac{mk}{a(m+n+t)}\text{, }y=\frac{nk}{b(m+n+t)}\text{, }z=\frac{tk}{c(m+n+t)}$$

$$\frac{du}{u}=m\frac{dx}{x}+n\frac{dy}{y}+t\frac{dz}{z}$$

$$\frac{d^2u}{u}-\frac{du^2}{u^2}=-m\frac{dx^2}{x^2}-n\frac{dy^2}{y^2}-t\frac{dz^2}{z^2}$$

Откуда видимъ, что если a, b, c, m, n, t суть постоянныя положительныя количества, то $d^2u<0$ и слѣдовательно величина u, соотвѣтствующая найденнымъ значеніямъ x, y и z, есть наибольшая.

4) *Найти наибольшую величину функціи* $u=xyz$, при чемъ дано условіе $xy+xz+yz-3a^2=0$

Въ этомъ случаѣ уравненія (5) даютъ

$$\frac{yz}{y+z}=\frac{xz}{x+z}=\frac{xy}{x+y}$$

По этому выводимъ $x=y=z=a$. Кромѣ того изъ условнаго уравненія имѣетъ $dz=-\frac{y+z}{x+y}dx-\frac{x+z}{x+y}dy=-(dx+dy)$

Дифференцируя же функцію u, получимъ

$$du=yzdx+xzdy+xydz=(yz-xy)\,dx+(xz-xy)dy$$

$$d^2u=[(z-x)\,dy-2ydx-y\,dy]\,dx+[(z-y)dx-2xdy-xdx]\,dy$$
$$=-2a\,dx^2-2adxdy-2ady^2$$

Такъ какъ мы имѣемъ $-2a<0, -2a<0, 4a^2-a^2>0$, то предполагая a количествомъ положительнымъ, заключаемъ что величина $u=a^3$ есть наибольшая.

Изложимъ теперь другіе способы, относящіеся къ томуже предмету. Сдѣлаемъ прежнія положенія, то есть положимъ, что имѣемъ функцію $u=f\,(x, y, z, \ldots t, v)$, n перемѣнныхъ и m условныхъ уравненій $f_1=0, f_2=0, f_3=0 \ldots f_m=0$. Дифференцируемъ сначала функцію u по x, по y, по z,..., принимая эти перемѣнныя за независимыя, а m перемѣнныхъ какихъ угодно, напримѣръ, $t, v, \ldots$ за функціи, названныхъ перемѣнныхъ независимыхъ. Тогда, сообразуясь съ правилами, изложенными въ главѣ V, получимъ

$$(a)\qquad \begin{aligned}\frac{du}{dx}&=\frac{df}{dx}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots\ldots=0\\ \frac{du}{dy}&=\frac{df}{dy}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots=0\\ \frac{du}{dz}&=\frac{df}{dz}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots\ldots=0\end{aligned}$$

Всѣхъ этихъ уравненій числомъ есть $n-m$, сколько перемѣнныхъ независимыхъ. Теперь дифференцируемъ условныя уравненія послѣдовательно въ отношеніи къ перемѣннымъ независимымъ $x, y, z, \ldots$ Тогда мы получаемъ слѣдующія системы уравненій

$$(A)\qquad \left\{\begin{aligned}&\frac{df_1}{dx}+\frac{df_1}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df_1}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots\ldots=0\\ &\frac{df_2}{dx}+\frac{df_2}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df_2}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots\ldots=0\\ &\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\\ &\frac{df_m}{dx}+\frac{df_m}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df_m}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots\ldots=0\end{aligned}\right.$$

$$(B)\qquad \left\{\begin{aligned}&\frac{df_1}{dy}+\frac{df_1}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df_1}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots=0\\ &\frac{df_2}{dy}+\frac{df_2}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df_2}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots=0\\ &\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\\ &\frac{df_m}{dy}+\frac{df_m}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df_m}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots 0\end{aligned}\right.$$

$$(C)\quad\begin{cases}\frac{df_1}{dz}+\frac{df_1}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df_1}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots\ldots=0\\ \frac{df_2}{dz}+\frac{df_2}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df_2}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots\ldots=0\\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\\ \frac{df_m}{dz}+\frac{df_m}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df_m}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots=0\end{cases}$$

. . . .

Такимъ образомъ получаемъ системы уравненій (A), (B), (C),..., которыхъ числомъ будетъ n—m и въ каждой изъ нихъ m уравненій, т. е. столько же сколько перемѣнныхъ зависимыхъ t, v,.. Очевидно, что исключивъ производныя $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$, ... между системою (A), и первымъ изъ уравненій (a), получимъ нѣкоторое уравненіе φ_1 (x, y z, ... t, v) = 0, гдѣ уже не будетъ производныхъ $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$, ... Точно также, исключивъ производныя $\frac{dt}{dy}$, $\frac{dv}{dy}$, ... изъ уравненій (B) и втораго изъ уравненій (a) получимъ уравненіе φ_2 (x, y, z, ... t, v) = 0. Поступая подобнымъ образомъ съ системою (C), мы будемъ имѣть уравненіе φ_3 (x, y, z, ... t, v) = 0.

Такъ какъ системъ (A), (B), (C), ... есть числомъ n — m, то и получаемыхъ уравненій φ_1 (x, y, z, ...) = 0, φ_2 (x, y, z, ...) = 0, φ_3 (x, y, z, ...)=0, ... будетъ также n—m. Эти уравненія, по соединеніи съ m данными, послужатъ для опредѣленія величинъ $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0$, ... $t = t_0$, $v = v_0$, могущихъ доставить данной функціи наибольшія и наименьшія значенія.

Теперь слѣдуетъ эти значенія $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0$, ... $t = t_0$, $v = v_0$ подвергнуть испытанію, и узнать дѣйствительно ли они соотвѣтствуютъ наибольшимъ или наименьшимъ величинамъ данной функціи. Для этого дифференцируемъ уравненія (a) и получаемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{d^2f}{dx^2}+2\frac{d^2f}{dxdt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt^2}{dx^2}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{d^2t}{dx^2}+\ldots$$

$$+2\frac{d^2f}{dxdr}\frac{dr}{dx}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr^2}{dx^2}+\frac{df}{dr}\cdot\frac{d^2r}{dx^2}+\ldots$$

$$\frac{d^2u}{dy^2}=\frac{d^2f}{dy^2}+2\frac{d^2f}{dydt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt^2}{dy^2}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{d^2t}{dy^2}$$

$$+2\frac{d^2f}{dydr}\cdot\frac{dr}{dy}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr^2}{dy^2}+\frac{df}{dr}\cdot\frac{d^2r}{dy^2}+\ldots$$

. . . .

$$\frac{d^2u}{dxdy}=\frac{d^2f}{dxdy}+\frac{d^2f}{dxdt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{d^2f}{dydt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt}{dr}\cdot\frac{dt}{dy}$$
$$+\frac{d^2f}{dxdr}\cdot\frac{dr}{dy}+\frac{d^2f}{dydr}\cdot\frac{dr}{dx}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr}{dx}\cdot\frac{dr}{dy}$$
$$+\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\frac{d^2u}{dxdz}=\frac{d^2f}{dxdz}+\frac{d^2f}{dxdt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{d^2f}{dzdt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt}{dx}\cdot\frac{dt}{dz}$$
$$+\frac{d^2f}{dxdr}\cdot\frac{dr}{dz}+\frac{d^2f}{dzdr}\cdot\frac{dr}{dx}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr}{dx}\cdot\frac{dr}{dz}+\ldots$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\ldots\ldots\ldots\ldots$$

Въ эти частныя производныя функціи u входятъ неизвѣстныя производныя $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$,… $\frac{dt}{dy}$, $\frac{dv}{dy}$,…, $\frac{dt}{dz}$, $\frac{dv}{dz}$,……, которыя можно получить изъ уравненій (A), (B), (C),… коихъ числомъ всѣхъ будетъ m (n—m) т. е, столько же сколько и неизвѣстныхъ. Что касается до вторыхъ производныхъ $\frac{d^2t}{dx^2}$, $\frac{d^2v}{dx^2}$,… $\frac{d^2t}{dy^2}$, $\frac{d^2v}{dy^2}$,… $\frac{d^2t}{dxdy}$, $\frac{d^2v}{dxdy}$,…… которыя также входятъ въ частныя производныя $\frac{d^2u}{dx^2}$,… $\frac{d^2u}{dxdy}$,… функціи u, то число ихъ есть $m(n-m)+m.\frac{(n-m)(n-m-1)}{2}$. Чтобы получить ихъ дифференцируемъ системы уравненій (A), (B), (C),… въ отношеніи всѣхъ перемѣнныхъ независимыхъ. Производныя $\frac{d^2t}{dx^2}$, $\frac{d^2v}{dx^2}$,… $\frac{d^2t}{dy^2}$, $\frac{d^2v}{dy^2}$,… $\frac{d^2t}{dz^2}$, $\frac{d^2v}{dz^2}$,… получатся, дифференцируя систему (A) по x, систему (B) по y, систему (C) по z и т. д. Такъ какъ системъ этихъ числомъ n—m, и въ каждой по m уравненій, то всего во всѣхъ системахъ будетъ m (n—m) уравненій, столько же сколько неизвѣстныхъ величинъ $\frac{d^2t}{dx^2}$,… $\frac{d^2t}{dy^2}$,… $\frac{d^2t}{dz^2}$,… Кромѣ того намъ нужны величины $\frac{d^2t}{dxdy}$, $\frac{d^2v}{dxdy}$,… $\frac{d^2t}{dxdz}$, $\frac{d^2v}{dxdz}$, … $\frac{d^2t}{dydz}$, $\frac{d^2v}{dydz}$,… Чтобы получить ихъ, дифференцируемъ каждое изъ уравненій, заключающихся въ системахъ (A), (B), (C),… по всѣмъ перемѣннымъ независимымъ, исключая той, относительно которой составлено это уравненіе. Такъ какъ уравненій всѣхъ числомъ есть m (n—m), а всѣхъ перемѣнныхъ безъ одной будетъ n—m—1, то вновь полученныхъ дифференціальныхъ уравненій будетъ

m (n—m) (n—m—1)

Кромѣ того, очевидно, что въ ряду $m(n-m)(n-m-1)$ уравненій каждое уравненіе будетъ имѣть одно совершенно себѣ подобное; слѣдовательно всѣхъ различныхъ уравненій будетъ $\frac{m(n-m)(n-m-1)}{2}$.

Легко видѣть, что число этихъ уравненій равно числу неизвѣстныхъ $\frac{d^2t}{dxdy}, \frac{d^2v}{dxdy}, \ldots \frac{d^2t}{dxdz}, \frac{d^2v}{dxdz}, \ldots, \frac{d^2t}{dydz}, \frac{d^2v}{dydz}, \ldots$. Дѣйствительно такихъ производныхъ для одной только перемѣнной зависимой t, будетъ столько, сколько можно сдѣлать различныхъ комбинацій изъ $n-m$ буквъ $x, y, x, \ldots$ по двѣ, слѣдовательно это число будетъ $\frac{(n-m)(n-m-1)}{1.2}$. Но перемѣнныхъ зависимыхъ $t, v, \ldots$ числомъ m, слѣдовательно всѣхъ неизвѣстныхъ будетъ $m.\frac{(n-m)(n-m-1)}{1.2}$, т. е. столько же сколько мы имѣемъ, для ихъ опредѣленія, уравненій.
Слѣдовательно мы будемъ имѣть возможность найти всѣ неизвѣстныя, входящія во вторыя частныя производныя функціи u. Означивъ эти послѣднія производныя, какъ мы и прежде дѣлали, буквами $A, B, C, \ldots$ мы составимъ полиномъ

$$Adx^2+2Bdxdy+Cdy^2+2Ddydz+2Edydz+Fdz^2+\ldots$$

и по знаку его, точно также заключимъ, будетъ ли значеніе функціи $u_0=f(x_0, y_0, z_0, \ldots t_0, v_0)$ наибольшимъ или наименьшимъ, или ни тѣмъ ни другимъ.

Если $m=1$, то уравненія (a) обратятся въ слѣдующія

$$\frac{du}{dx}=\frac{df}{dx}+\frac{df}{dv}.\frac{dv}{dx}=0, \frac{du}{dy}=\frac{df}{dy}+\frac{df}{dv}.\frac{dv}{dy}=0, \frac{du}{dz}=\frac{df}{dz}+\frac{df}{dv}.\frac{dv}{dz}=0, \ldots$$

а системы уравненій (A), (B), (C),... обратятся въ простыя уравненія

$$\frac{df_1}{dx}+\frac{df_1}{dv}.\frac{dv}{dx}=0, \frac{df_1}{dy}+\frac{df_1}{dv}.\frac{dv}{dy}=0, \frac{df_1}{dz}+\frac{df_1}{dv}.\frac{dv}{dz}=0, \ldots$$

Уравненія же $\varphi_1(x, y, z, \ldots)=0$, $\varphi_1(x, y, z\ldots)=0$, $\varphi_2(x, y, z, \ldots)=0, \ldots$ будутъ

$$\frac{df}{dx}.\frac{df_1}{dv}-\frac{df_1}{dx}.\frac{df}{dv}=0, \frac{df}{dy}.\frac{df_1}{dv}-\frac{df_1}{dy}.\frac{df}{dv}=0, \frac{df}{dz}.\frac{df_1}{dv}-\frac{df_1}{dz}.\frac{df}{dv}=,0\ldots$$

которыя дадутъ $\frac{df}{dv}.\frac{1}{\frac{df_1}{dv}}=\frac{\frac{df}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{df}{dy}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{df}{dz}}{\frac{df_1}{vd}}=\ldots$ Эти уравненія тождественны съ уравненіями (5), выведенными посредствомъ перваго способа.

Объяснимъ способъ примѣрами

1) *Найти наибольшую и наименьшую величину функціи.*

$$u=ax+by+cz$$

гдѣ, a, b и c суть постоянныя положительныя количества. При этомъ условіе $x^2+z^2+y^2-r^2=0$,

гдѣ r есть также постоянное положительное количество.

Принимаемъ которую либо перемѣнную, напримѣръ z, за зависимую. Тогда уравненія $\dfrac{\frac{df}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\dfrac{\frac{df}{dy}}{\frac{df_1}{dy}}=\dfrac{\frac{df}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}$ дадутъ

$$(\beta) \qquad \frac{a}{x}=\frac{b}{y}=\frac{c}{z}=\frac{\sqrt{a^2 \quad b^2 \quad c^2}}{r}=\frac{u}{r^2}$$

Ищемъ вторые диффиренціальные коэффиціэнты функція u. Мы получаемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=c.\frac{d^2z}{dx^2},\ \frac{d^2u}{dy^2}=c.\frac{d^2z}{dy^2},\ \frac{d^2u}{dxdy}=c.\frac{d'z}{dxdy}.$$

Изъ уравненіи (β) получаемъ

$$x=\frac{ar}{\sqrt{a^2+b^2+c^2}},\ y=\frac{br}{\sqrt{a^2+b^2+c^2}},\ z=\frac{cr}{\sqrt{a^2+b^2+c^2}},\ u=r\sqrt{a^2,\ b^2,\ c^2}.$$

Притомъ дифференцируя условное уравненіе получимъ

$$\frac{dz}{dx}=-\frac{x}{z},\ \frac{dz}{dy}=-\frac{y}{z},\ \frac{d^2z}{dx^2}=-\frac{x^2 \quad z^2}{z^3},\ \frac{d^2z}{dxdy}=-\frac{xy}{z^3},\ \frac{d^2z}{dy^2}=-\frac{y^2+z^2}{z^3}.$$

поэтому мы имѣемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=-\frac{c}{z^3}.(x^2+y^2),\ \frac{d^2u}{dxdy}=-\frac{c}{z^3}.\ xy,\ \frac{d^2u}{dy^2}=-\frac{c}{z^3}.(y^2+z^2).$$

Предполагая у радикала $\sqrt{a^2+b^2+c^2}$ знакъ положительный, мы имѣемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}<0\ \frac{d^2u}{dy^2}<0,\ \frac{d^2u}{dx^2}.\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0,$$

Слѣдовательно величина $u=r\sqrt{a^2+b^2+c^2}$ есть наибольшая. Еслибы мы приняли у радикала $\sqrt{a^2+b^2\ c^2+}$ знакъ отрицательный, то точно также нашли бы, что величина $u=-r\sqrt{a^2+b^2+c^2}$ есть наименьшая.

Для сравненія обоихъ изложенныхъ способовъ рѣшимъ вопросъ о наименьшей поверхности параллелепипеда изъ всѣхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ одинаковый обѣимъ a^3. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ и по первому способу. Мы имѣли

$$u=xy+xz+yz,\ f_1=xyz-a^3=0.$$

Дѣйствуя по второму способу, мы получимъ

$$\frac{du}{dy}=x+z+(x+y)\frac{dz}{dy}=0,\ \frac{du}{dx}=y+z+(x+y)\frac{dz}{dx}=0$$

Откуда находимъ $\frac{dz}{dy}=-\frac{x+z}{x+y}$, $\frac{dz}{dx}=-\frac{y+z}{x+y}$. Кромѣ того мы имѣемъ

$$(\gamma) \qquad \frac{df_1}{dy}=xz+xy\frac{dz}{dy}=0,\ \frac{df_1}{dx}=-yz+xy\frac{dz}{dx}-=0.$$

Изъ четырехъ уравненій, которые мы получили, выводимъ

$$xy\ (y+z)-yz\ (x+y)=0$$

$$xy\ (x+z)-xz\ (x+y)=0$$

Откуда получаемъ $x=y=z=a$. Дѣйствуя далѣе по второму же способу получаемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=z\frac{dz}{dx}+(x+y)\frac{dz^2}{dx^2},\ \frac{du^2}{dxdy}=1+\frac{dz}{dx}+\frac{dz}{dy}+(x+y)\frac{d^2z}{dxdy},$$

$$\frac{d^2u}{dy^2}=z\frac{dz}{dy}+(x+y)\frac{d^2z}{dy^2}$$

Потомъ дифференцируя уравненія (γ), мы получимъ неизвѣстныя $\frac{d^2z}{dx^2}$, $\frac{d^2z}{dy^2}$, и $\frac{d^2z}{dxdy}$. Подставивъ въ нихъ величины $x=y=z=a$, найдемъ

$$\frac{d^2z}{dx^2}=\frac{d^2z}{dy^2}=\frac{2}{a},\ \frac{d^2z}{dxdy}=\frac{1}{a}$$

слѣдовательно $\frac{d^2u}{dx^2}=+2$, $\frac{d^2u}{dy^2}=+2$, и $\frac{d^2u}{dxdy}=+1$.

Поэтому мы опредѣляемъ полиномъ $2dx^2+2dxdy+2dy^2$, который сохраняетъ постоянно положительный знакъ, потому что

$$\frac{d^2u}{dx^2}=2>0,\ \frac{d^2u}{dy^2}=2>0,\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2=2.\ 2-1^2>0.$$

Отсюда находимъ, что величина $u=3a^2$ есть наименьшая.

Способъ, который мы теперь изложили, не такъ удобенъ какъ первый по причинѣ множества уравненій и неизвѣстныхъ, которыхъ нужно исключать. Въ первомъ способѣ нужно исключить всего m зависимыхъ дифференціаловъ; а во второмъ первыхъ производныхъ $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$, ... $\frac{dt}{dy}$, ... $m\ (n-m)$, да еще вторыхъ производныхъ $m\ (n-m)+\frac{m\ (n-m)\ (n-m-1)}{1.2}$, слѣдовательно всего нужно исключить $2\ m\ (n-m)+\frac{m\ (n-m)\ (n-m-1)}{1.2}$ неизвѣстныхъ.

Изложимъ теперь способъ неопредѣленныхъ множителей, который обыкновенно излагается во всѣхъ курсахъ дифференціальнаго исчисленія; но такъ какъ тамъ не показываются обыкновенно способы отличія наибольшихъ величинъ отъ наименьшихъ при способѣ неопредѣленныхъ множителей, то мы представимъ этотъ предметъ нѣсколько въ иномъ видѣ.

Предположимъ, какъ и прежде, что имѣемъ функцію $u=f(x, y, z,...)$, n перемѣнныхъ, связанныхъ m уравненіями

$$(\delta)\qquad \begin{array}{l} f_1\,(x, y, z,...)=0 \\ f_2\,(x, y, z,...)=0 \\ \ldots\ldots\ldots \\ f_m\,(x, y, z,...)=0 \end{array}$$

Чтобы исключить m дифференціаловъ въ первомъ дифференціалѣ du функціи u и во второмъ d^2u, возмемъ m опредѣленныхъ функцій

$$(\psi)\qquad \begin{array}{l} a+a_1p+a_2q+a_3r+\ldots\ldots \\ b+b_1p+b_2q+b_3r+\ldots\ldots \\ c+c_1p+c_2q+c_3r+\ldots\ldots \\ \ldots\ldots\ldots\ldots \\ i+i_1p+i_2q+i_3r+\ldots\ldots \\ k+k_1p+k_2q+k_3r+\ldots\ldots \\ l+l_1p+l_2q+l_3r+\ldots\ldots \end{array}$$

гдѣ a, a_1,.... b, b_1,.... суть неопредѣленные множители, и количества p, q, r,... соотвѣтственно изображаютъ дифференціалы dx, dy, dz,... Сначала мы посмотримъ сколькимъ условіямъ мы должны будемъ удовлетворить.

Въ первомъ дифференціалѣ функціи u, мы должны будемъ исключить m членовъ съ зависимыми дифференціалами. Легко видѣть, что въ количествѣ d^2u, зависимые дифференціалы войдутъ въ $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ. Дѣйствительно число всѣхъ перемѣнныхъ есть n, и слѣдовательно каждое изъ нихъ войдетъ въ n членовъ. Такимъ образомъ зависимые дифференціалы заняли бы mn членовъ, если бы не совокуплялись между собою.

Но отъ совокупленія между собою по два они войдутъ въ $\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ, которые уже заключаются лишніе въ числѣ поименованныхъ mn членовъ; по этому они войдутъ только въ $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ втораго дифференціала d^2u.

Теперь посмотримъ сколько мы имѣемъ неопредѣленныхъ коеффиціэнтовъ въ функціяхъ (ψ). Въ каждой изъ нихъ, заключается $n+1$ неопредѣленныхъ множителей; всѣхъ же этихъ функцій числомъ m, слѣдовательно всѣхъ неопредѣленныхъ коеффиціэнтовъ будетъ $m\,(n+1)=m+mn$. Такъ какъ число условій, которымъ мы должны удовлетворить, есть $m+mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$, то у насъ будетъ $\frac{m(m-1)}{1.2}$ лишнихъ коеффиціэнтовъ. Относительно этихъ послѣднихъ можно сдѣлать различныя

предположенія; но удобнѣе ихъ уравнять другимъ неопредѣленнымъ множителямъ слѣдующимъ образомъ

$$a_1=b_1=c_1=\ldots=i_1=k_1=l_1$$
$$a_2=b_2=c_2=\ldots=i_2=k_2$$
$$a_3=b_3=c_3=\ldots=i_3$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots$$

Легко видѣть, что уравнивая именно такимъ образомъ, мы уравняемъ ровно $\frac{m(m-1)}{1.2}$ лишнихъ неопредѣленныхъ множителей другимъ. Въ первомъ ряду мы уравняли $m-1$ множителей количеству l_1; во второмъ $m-2$ количеству k_2; въ третьемъ $m-3$ количеству $i_3,\ldots$ въ послѣднемъ одинъ множитель извѣстному другому; слѣдовательно всего $m-1+m-2+m-3+\ldots+2+1=\frac{m(m-1)}{1.2}$.

Мы увидимъ далѣе, что количества $a, b, c, \ldots i, k, l$, которые не умножены на $p, q, r, \ldots$ должны быть всѣ различны.

Разсмотрѣвши эти условія приступимъ къ изложенію самаго способа. Разлагаемъ какъ данную функцію такъ и всѣ условныя уравненія по Тейлоровой теоремѣ. Мы получаемъ

$$f(x+p, +q, z+r,\ldots)=u+\frac{1}{1}\left(\frac{du}{dx}p+\frac{du}{dy}q+\frac{du}{dz}r+\ldots\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2u}{dx^2}p^2+\ldots\right.$$

$$V_1=f_1\ (x+p, y+q, z+r,\ldots)=\frac{1}{1}\left(\frac{df_1}{dx}q+\frac{df_1}{dy}q+\ldots\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2f_1}{dx^2}p^2+\ldots\right)+\ldots$$

$$V_2=f_2\ (x+p, y+q, z+r,\ldots)=\frac{1}{1}\left(\frac{df_2}{dx}p+\frac{df_2}{dy}q+\ldots\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2f^2}{dx^2},p^2+\ldots\right)+\ldots$$

$$V_m=f_m(x+p, y+q, z+r,\ldots)=\frac{1}{1}\left(\frac{df_m}{dx}p+\frac{df_m}{dy}q+\ldots\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2f_m}{dx^2}p^2+\ldots\right)+\ldots$$

По уравненіи $\frac{m(m-1)}{1.2}$ лишнихъ неопредѣленныхъ множителей въ функціяхъ (ψ), мы умножимъ соотвѣтственно эти функціи на количества $V_1, V_2, V_3,\ldots V_m$, и потомъ сложимъ произведенія между собою и съ функціей $f(x+p, y+q, z+r,\ldots)$. Тогда мы получимъ сумму

$$f(x+p,y+q,z+v\ldots)+(a+l_1p+k_2q+\ldots)V_1+(b+l_1p+k_2q+\ldots)V_2+\ldots$$
$$+(c+l_1p+k_2q+\ldots)V_3+\ldots+(l+l_1p+l_2q+\ldots)V_m.$$

Теперь мы можемъ принять всѣ перемѣнныя за независимыя, потому что можемъ удовлетворить всѣмъ выше упомянутымъ условіямъ, т. е. можемъ исключить всѣ зависимые дифференціалы. Отобравъ въ предыдущей суммѣ члены первой степени относительно количествъ $p, q, r,\ldots$ и члены второй степени мы получимъ функцію вида

$$u+Ap+Bq+Cr+\ldots+\alpha p^2+2\beta pq+\gamma q^2+2\delta pr+2\varepsilon qr+\xi p^2+\ldots$$

Здѣсь m членовъ перваго измѣренія и $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ втораго должны быть уравнены нулю. Легко видѣть, что

$$A=\frac{du}{dx}+a\frac{df_1}{dx}+b\frac{df_2}{dx}+c\frac{df_3}{dx}+\ldots+l\frac{df_m}{dx}$$

$$B=\frac{du}{dy}+a\frac{df_1}{dy}+b\frac{df_2}{dy}+c\frac{df_3}{dy}+\ldots+l\frac{df_m}{dy}$$

$$C=\frac{du}{dz}+a\frac{df_1}{dz}+b\frac{df_2}{dz}+c\frac{df_3}{dz}+\ldots+l\frac{df_m}{dz}$$

. . . .

Такъ какъ, по выключеніи m зависимыхъ дифференціаловъ въ первомъ дифференціалѣ функціи u, коеффиціэнты передъ остальными должны быть равны нулю, то мы имѣемъ уравненія

(x) $A=0,\ B=0,\ C=0,\ \ldots$

которыхъ будетъ столько же сколько и перемѣнныхъ т. е. n. Исключивъ изъ m которыхъ либо уравненій количества a, b, c, ... l мы получимъ n—m уравненіи независимыхъ отъ этихъ количествъ, и которые по соединеніи съ данными m уравненіями дадутъ системы величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$, ... могущихъ доставить данной функціи наибольшія или наименьшія значенія.

Мы уже замѣтили раньше, что коеффиціэнты a, b, c, . . . k, l, должны быть всѣ различные. Если бы нашлись между ними одинаковые, то мы исключили бы ихъ изъ числа уравненій меньшаго m, и слѣдовательно получили бы болѣе чѣмъ n уравненій для опредѣленія величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$, ...

Опредѣливъ величины коэфиціэнтовъ a, b, c, ... k, l, подставимъ ихъ въ члены втораго измѣренія упомянутой суммы. Потомъ уравняемъ нулю во второй разъ $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ втораго измѣренія съ m дифференціалами, какими угодно, изъ количествъ p, q, r, ... Такимъ образомъ мы получимъ еще $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ уравненіи, которыя дадутъ возможность опредѣлить величины остальныхъ неопредѣленныхъ множителей. Подставивъ эти величины въ остальные члены втораго измѣренія, мы изъ этихъ послѣднихъ членовъ составимъ извѣстный полиномъ второй степени, и поступая по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ пятой, легко узнаемъ какая величина данной функціи u, соотвѣтствуетъ значеніямъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,....

Въ томъ случаѣ когда m=1, т. е. когда перемѣнныя входящія въ функцію u связаны однимъ уравненіемъ, число $\frac{m(m-1)}{1.2}=0$; слѣдовательно лишнихъ коеффиціэнтовъ въ функціяхъ (ψ), которыя въ настоящемъ случаѣ приведутся къ одной, небудетъ.

Исключивъ же количество a мы очевидно получимъ

$$(б)\qquad -a=\frac{\frac{du}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{du}{dy}}{\frac{df_1}{dy}}=\frac{\frac{du}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}=\ldots$$

Число полученныхъ уравненій будетъ n—1, которыя по соединеніи съ даннымъ $f_1(x, y, z,\ldots)=0$, дадутъ систему величинъ $x=x_0\ y=y_0,\ldots$ Этотъ же результатъ мы получили и посредствомъ другихъ способовъ.

Чтобы сравнить всѣ три способа мы здѣсь возмемъ два примѣра, которые рѣшены были прежде.

1) *Найти кратчайшее разстояніе начала координатъ отъ плоскости опредѣляемой уравненіемъ*

$$Ax+By+Cz=D$$

Искомое разстояніе можетъ выразиться такъ $r=\sqrt{x^2+y+z^2}$. Но возмемъ, какъ и прежде, за данную функцію

$$u=x^2+y^2+z^2$$

Тогда изъ уравненій (б) получимъ

$$\frac{x}{A}=\frac{y}{B}=\frac{z}{C}=\frac{D}{A^2+B^2+C^2}=\frac{u}{D},\ \text{откуда}$$

$$x=\frac{AD}{A^2+B^2+C^2},\ y=\frac{BD}{A^2+B^2+C^2},\ z=\frac{CD}{A^2+B^2+C^2},\ u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$$

Пишемъ разложеніе функціи u по Тейлоровой теоремѣ до втораго ея дифференціала включительно; мы получаемъ

$$(x+p)^2+(y+q)^2+(z+r)^2=x^2+y^2+z^2+\frac{2}{1}(xp+yq+zr)+\frac{2}{1.2}(p^2+q^2+r^2)+\ldots$$

Точно также разложимъ функцію $Ax+By+Cz-D$; но замѣтивъ что второй дифференціалъ ея тожественно равенъ нулю, мы, помноживъ разложеніе этой функціи на неопредѣленное количество $\alpha+\beta p+\gamma q+\delta r$, получимъ произведеніе $(\alpha+\beta p+\gamma q+\delta r)(Ap+By+Cr)$, которое нужно придать къ разложенію данной функціи. Обративъ вниманіе только на члены втораго измѣренія, потому что прочіе уже приняты во вниманіе, мы получимъ

$$\left.\begin{matrix}A\beta\\1\end{matrix}\right|p^2+\left.\begin{matrix}B\beta\\+A\gamma\end{matrix}\right|pq+\left.\begin{matrix}B\gamma\\+1\end{matrix}\right|q^2+\left.\begin{matrix}C\beta\\+A\delta\end{matrix}\right|pr+\left.\begin{matrix}C\gamma\\+B\delta\end{matrix}\right|qr+\left.\begin{matrix}C\delta\\+1\end{matrix}\right|r^2$$

Исключимъ отсюда какой угодно дифференціалъ, напримѣръ p. Тогда коэфиціэнты передъ p^2, pq и pr должны быть равны нулю; а потому мы имѣемъ $A\beta+1=0$, $B\beta+A\gamma=0$, $C\beta+A\delta=0$, откуда $\beta=-\frac{A}{1}$, $\gamma=\frac{B}{A^2}$, $\delta=\frac{C}{A^2}$. Поэтому полиномъ, который намъ нужно разсмотрѣть, будетъ

$$\frac{A^2+B^2}{A^2}q^2+2\frac{BC}{A^2}qr+\frac{A^2+C^2}{A^2}\cdot r^2.$$

Такъ какъ мы имѣемъ

$$\frac{A^2+B^2}{A^2}>0,\ \frac{A^2+C^2}{A^2}>0,\ \frac{(A^2+B^2)(A^2+C^2)-B^2C^2}{A^2}>0,$$

то величина $u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$ есть наименьшая. Искомое же разстояніе будетъ

$$r=\frac{D}{\sqrt{A^2+B^2+C^2}}.$$

2) *Найти изъ всѣхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ одинаковый объемъ a^3, параллелепипедъ съ наименьшею поверхностію.*

Мы имѣли прежде

$$u=xz+xy+yz,\ f_1=xyz-a^3=0$$

Изъ уравненій (б) мы имѣемъ

$$\frac{y+z}{yz}=\frac{x+z}{xz}=\frac{x+y}{xy}$$

откуда имѣемъ $x=y=z=a$

Потомъ придаемъ къ разложенію функціи u по Тейлоровой теоремѣ произведеніе

$$(yzp+xzq+xyr+zpq+ypr+xqr)(\rho+\lambda p+\mu q+\nu r),$$

суммы $df_1+\frac{1}{1.2}d^2f_1$; на неопредѣленную функцію $\rho+\lambda p+\mu q+\nu r$, и обращаемъ вниманіе только на члены втораго измѣренія. Тогда отобравъ эти члены мы получимъ

$$\lambda yz\left|\begin{array}{l}p^2+1\\ \quad+\rho z\\ \quad+\lambda xz\\ \quad+\mu yz\end{array}\right|\begin{array}{l}pq+1\\ \quad+\rho z\\ \quad+\lambda xy\\ \quad+\nu yz\end{array}\left|\begin{array}{l}pr+\mu xz\\ \\ \\ \\ \end{array}\right|\begin{array}{l}q\ +1\\ \quad+\rho x\\ \quad+\lambda xy\\ \quad+\nu xz\end{array}\left|\begin{array}{l}qr+\nu xy\\ \\ \\ \\ \end{array}\right|r^2$$

Такъ какъ изъ уравненій (б) имѣемъ

$$-\rho=\frac{\frac{du}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{du}{dy}}{\frac{df_1}{dz}}=\frac{\frac{du}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}=\frac{y+z}{yz}=\frac{x+z}{xz}=\frac{x+y}{xy}=\frac{2}{a}$$

то подставивъ величину $\rho=-\frac{2}{a}$ въ коеффиціэнты предыдущаго полинома, мы должны исключить какой либо дифференціалъ напримѣръ p. Такимъ образомъ получимъ уравненія

$$\lambda yz=\lambda a^2=0,\ 1+\rho z+\lambda xz+\mu yz=1-2+\lambda a^2+\mu a^2=0,$$
$$1+\rho y+\lambda xy+\nu yz=1-2+\lambda a^2+\nu a^2=0.$$

Откуда находимъ $\lambda=0$, $\mu=+\frac{1}{a^2}$, $\nu=+\frac{1}{a^2}$. Слѣдовательно предыдущій полиномъ приводится къ такому

$$q^2+qr+r^2,$$

который сохраняетъ постоянно положительный знакъ, потому что $1>0$, $1>0$, $1^2-\left(\frac{1}{2}\right)^2=\frac{3}{4}>0$. Посему величина $u=3a^2$ есть наименьшая.

Способъ неопредѣленныхъ множителей довольно легкій, когда имѣется не большое число условныхъ уравненій и неопредѣленныхъ коеффиціэнтовъ, становится затруднительнымъ, когда условныхъ уравненій большое число, по причинѣ большихъ умноженій, которыя при этомъ нужно дѣлать. Всѣ способы, служащіе для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, основываются на исключеніи зависимыхъ дифференціаловъ, если перемѣнныя связаны условными уравненіями.

ГЛАВА VII.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій.

Прежде мы видѣли, что функціи нѣсколькихъ перемѣнныхъ, при розысканіи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, легко сводятся на функціи одной перемѣнной. Въ настоящемъ случаѣ можно сдѣлать тоже.

Положимъ, что имѣемъ функцію $u=F(x, y, z, \ldots)$ нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ $x, y, z, \ldots$, которая принимаетъ для значеній $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0, \ldots$ особенную величину, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшая или наименьшая. Означимъ приращенную функцію $F(x_0 + \varepsilon p, y_0 + \varepsilon q, z_0 + \varepsilon r, \ldots)$ черезъ $\varphi(\varepsilon)$, принимая здѣсь за перемѣнную количество ε. Въ такомъ случаѣ разсматриваемая функція $\varphi(\varepsilon)$ принимаетъ особенную величину, которая есть притомъ и наибольшая или наименьшая, для частнаго значенія $\varepsilon = 0$. Она должна принадлежать или къ первому или ко второму отдѣлу особенныхъ величинъ, которые были разсмотрѣны въ главѣ III. Положимъ, что она принадлежитъ къ первому отдѣлу. Тогда необходимое условіе существованія наибольшей величины будетъ

(1) $$\varphi'(-\varepsilon) > 0,\ \varphi'(+\varepsilon) < 0$$

и наименьшей

(2) $$\varphi'(-\varepsilon) < 0,\ \varphi'(+\varepsilon) > 0$$

Такимъ образомъ необходимо и здѣсь, чтобы $\varphi'(\varepsilon)$ перемѣнила знакъ съ перемѣною знака ε при прохожденіи послѣдняго черезъ нуль.

На основаніи извѣстной формулы дифференціальнаго исчисленія мы имѣемъ $\varphi'(0) = du = \frac{du}{dx} p + \frac{du}{dy} q + \frac{du}{dz} r + \ldots$.

Такимъ образомъ по подстановленіи въ дифференціалъ du величинъ $x = x_0 + \varepsilon p$, $y = y_0 + \varepsilon q$, $z = z_0 + \varepsilon r$, ... , въ случаѣ наибольшей или наименьшей величины, онъ долженъ перемѣнять знакъ съ перемѣною знака количества ε, совершенно независимо отъ величинъ произвольныхъ количествъ p, q, r, ... Это же условіе, по причинѣ неопредѣленности этихъ послѣднихъ количествъ, приводится къ тому условію, по которому каждая частная производная $\frac{du}{dx}$, $\frac{du}{dy}$, $\frac{du}{dz}$, ... должна отдѣльно перемѣнить знакъ, при прохожденіи соотвѣтственной перемѣнной черезъ величину этой перемѣнной, дѣлающую данную функцію $u = F(x, y, z, \ldots)$ наибольшею или наименьшею. Слѣдовательно условія наибольшей величины будутъ

$$\text{для } x < x_0 \ \frac{du}{dx} > 0; \text{ для } y < y_0 \ \frac{du}{dy} > 0; \text{ для } z < z_0 \ \frac{du}{dz} > 0, \ldots\ldots$$

$$\ldots\ldots x > x_0 \ \frac{du}{dx} < 0; \ - y > y_0 \ \frac{du}{dy} < 0; \ldots\ldots z > z_0 \ \frac{du}{dz} < 0, \ldots\ldots$$

Условія же наименьшей величины будутъ обратныя.

Если которое либо изъ условій не исполняется, тогда данная функція не будетъ имѣть наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, соотвѣтствующихъ значеніямъ $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0$, ... Но бываютъ случаи, гдѣ наибольшая или наименьшая величина функціи не зависитъ отъ значенія которой либо перемѣнной или же не зависитъ отъ значеній нѣсколькихъ перемѣнныхъ, въ нее входящихъ; въ такомъ случаѣ, предъидущія условія могутъ быть только исполнены относительно тѣхъ перемѣнныхъ, отъ которыхъ собственно зависитъ упомянутая наибольшая или наименьшая величина, а относительно прочихъ перемѣнныхъ могутъ быть и неисполнены. Такъ напримѣръ, функція $u = \sqrt{\frac{x^6}{x^4 + y^4}}$, имѣетъ наименьшую величину при $x = 0$, которая вовсе не зависитъ отъ значенія, приписаннаго перемѣнной y; по этому при опредѣленіи этой наименьшей величины можно вовсе и не разсматривать перемѣнной y.

Вообще должно данную функцію разбирать относительно каждой перемѣнной порознь по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ III, для особенныхъ величинъ перваго отдѣла. Если по всѣмъ перемѣннымъ функція принимаетъ наибольшую величину, или по всѣмъ принимаетъ наименьшую, то такая величина функціи дѣйствительно существуетъ. Если же по одной или по нѣсколькимъ перемѣннымъ она не можетъ принять ни той, ни другой, то функція ни наибольшей, ни наименьшей величины не имѣетъ. Исключается изъ этого правила одинъ случай, о кото-

ромъ мы выше упоминали, т. е. тотъ, когда наибольшая или наименьшая величина данной функціи вовсе не зависитъ отъ значенія какой либо перемѣнной.

Объяснимъ теорію нѣкоторыми примѣрами.

1) *Найти наименьшую величину функціи.*

$$u=\sqrt{x^2+y^2+z^2+\ldots}$$

Дифференцируя ее мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{x}{\sqrt{x^2+y^2+z^2+\ldots}},\ \frac{du}{dy}=\frac{y}{\sqrt{x^2+y^2+z^2+\ldots}},\ \frac{du}{dz}\ \frac{z}{\sqrt{x^2+y^2+z^2\ldots}},\ldots$$

Такъ какъ здѣсь выполняются условія

при $x<0,\ \frac{du}{dx}<0$; при $y<0,\ \frac{du}{dy}<0$; при $z<0,\ \frac{du}{dz}<0,\ldots$

при $x>0,\ \frac{du}{dx}>0$; при $y>0,\ \frac{du}{dx}>0$; при $z>0,\ \frac{du}{dz}>0,\ldots$

то значеніямъ $x=0$, $y=0$, $z=0,\ldots$ соотвѣтствуетъ наименьшая величина функціи $u=0$.

Абсолютная величина частныхъ производныхъ есть совершенно неопредѣленная. Дѣйствительно поставивъ на мѣсто x, y, $z,\ldots$ соотвѣтственно величины εp, εp, $\varepsilon r,\ldots$ мы получимъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{p}{\sqrt{p^2+q^2+r^2+\ldots}},\ \frac{du}{dy}=\frac{q}{\sqrt{p^2+q^2+r^2+\ldots}},\ \frac{du}{dz}=\frac{r}{\sqrt{p^2+q^2+r^2+\ldots}}$$

При p, q, $r,\ldots$, совершенно произвольныхъ, эти величины обращаются въ нѣкоторыя среднія произвольныя величины между отрицательною и положительною единицею. Такимъ образомъ условясь обозначать съ Г. Коши черезъ $M(a, b)$ нѣкоторую произвольную величину заключающуюся между предѣлами a и b, мы получимъ $\frac{du}{dx}=M(-1,+1)$, $\frac{du}{dy}=M(-1,+1)$, $\frac{du}{dz}=M(-1,+1),\ldots$

2) *Найти наименьшую величину фучкціи.*

$$u=\sqrt{\frac{x^6}{x^4+y^4}},$$

коей производныя суть $\frac{du}{dx}=x^5\frac{x^4+3y^4}{u\,(x^4+y^4)^2}$, $\frac{du}{dy}=-y^3\frac{2x^6}{u(x^4+y^4)^2}$

Такъ какъ здѣсь величина $u=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, вовсе не зависитъ отъ значенія, которое можно приписать перемѣнной y, то можно разсматривать для особенной величины $u=0$ одну только перемѣнную x. Такъ какъ при $x<0, \frac{du}{dx}<0$, и при $x>0$, $\frac{du}{dx}>0$, то величина $u=0$, есть наименьшая. Еслибы

мы разсматривали x какъ количество постоянное, то по y функція u приняла бы наибольшую величину $u=\sqrt{x^2}$.

3) *Найти наибольшую величину функціи*

$$u=\frac{1}{\log(x^2+y^2)}$$

Дифференцируя ее по x и по y имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=-\frac{2x}{(x^2+y^2).[\log(x^2+y^2)]^2},\ \frac{du}{dy}=-\frac{2y}{(x^2+y^2)[\log(x^2+y^2)]^2}$$

здѣсь при $x=0$ и $y=0$ исполняются условія

для $x<0, \frac{du}{dx}>0$; для $x>0, \frac{du}{dx}<0$; для $y<0, \frac{du}{dy}>0$, для $y>0, \frac{du}{dy}<0$,

слѣдовательно величина $u=0$, соотвѣтствующая значеніямъ $x=0$, $y=0$ будетъ наибольшая. Въ настоящемъ случаѣ производныя $\frac{du}{dx}$ и $\frac{du}{dy}$ обѣ обращаются въ безконечныя.

4) *Найти наименьшую величину функціи*

$$u=\log(1+\sqrt{x^2+y^2}),$$

которой частныя производныя суть

$$\frac{du}{dx}=\frac{x}{\sqrt{x^2+y^2}}.\frac{1}{1+\sqrt{x^2+y^2}};\ \frac{du}{dy}=\frac{y}{\sqrt{x^2+y^2}}.\frac{1}{1+\sqrt{x^2+y^2}}.$$

Такъ какъ для $x=0$, $y=0$, выполняются условія

при $x<0, \frac{du}{dx}<0$; при $y<0, \frac{du}{dy}<0$; при $x>0, \frac{du}{dx}>0$; при $y>0, \frac{du}{dy}>0$,

то величина $u=0$, соотвѣтствующая значеніямъ $x=0$, $y=0$, есть наименьшая. Въ настоящемъ случаѣ количества $\frac{du}{dx}$ и $\frac{du}{dy}$ обращаются въ совершенно неопредѣленныя величины.

Если особенная величина данной функціи относится по всѣмъ перемѣннымъ ко второму отдѣлу, то и въ этомъ случаѣ правила, выведенныя въ главѣ III, прилагаются безъ исключенія.

Для того, чтобы данная функція имѣла наибольшую или наименьшую величину, необходимо, чтобы она показывала характеръ такой величины относительно каждой перемѣнной отдѣльно. Поэтому и здѣсь нужно разбирать данную функцію по каждой перемѣнной порознь. Если она по какой либо перемѣнной, или же по нѣсколькимъ вмѣстѣ, не показываетъ характера наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, то она подобныхъ величинъ не имѣетъ. Но и здѣсь точно также, какъ и въ первомъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ, можетъ случиться, что наибольшая или наименьшая величина данной функціи не будетъ вовсе зависѣть отъ значенія, приписаннаго нѣкоторымъ перемѣннымъ. Въ такомъ случаѣ и здѣсь можно не разсматривать этихъ

послѣднихъ, а брать во вниманіе нужно только тѣ перемѣнныя, отъ которыхъ подобная величина зависитъ. Такъ напримѣръ функція $u=\frac{1+y^2+z^2+\ldots}{\log(x)}$ имѣетъ наибольшую величину для $x=0$, каковы бы нибыли величины другихъ перемѣнныхъ $y, z, \ldots$ лишь бы только небыли онѣ безконечныя. Впрочемъ во всѣхъ такихъ случаяхъ, по причинѣ произвольности нѣкоторыхъ перемѣнныхъ, *maximum* или *minimum* данной функціи будетъ относительный; и именно относительно тѣхъ только перемѣнныхъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, его можно принимать за абсолютный.

Бываютъ также случаи, гдѣ особенная величина данной функціи, по нѣкоторымъ перемѣннымъ относится къ первому, а по нѣкоторымъ ко второму отдѣлу. Тогда ее нужно разбирать относительно однихъ перемѣнныхъ по правиламъ перваго отдѣла, а относительно другихъ по правиламъ втораго. И въ этомъ случаѣ данная функція должна по всѣмъ перемѣннымъ показывать характеръ наибольшей или наименьшей величины. Въ случаѣ противномъ она не будетъ имѣть ни тѣхъ ни другихъ величинъ.

Такимъ образомъ въ случаѣ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ правила для розысканія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ остаются тѣже, которые были изложены въ главѣ III для функцій одной перемѣнной независимой.

Возмемъ нѣсколько примѣровъ.

1) *Найти наименьшую величину функціи.*

$$u=(1+e^{\frac{1}{x}}).\frac{\log y}{1+\log y}$$

Эта функція принимаемъ особенную величину $u=1$, для значеній $x=0$, $y=0$. Но для $y<0$ она становится мнимою, и потому по y она относится ко второму случаю втораго отдѣла. Относительно перемѣнной x, она имѣетъ двѣ величины: одну, соотвѣтствующую значенію $x=$ пр. $(-\epsilon)=0$, равную $\frac{\log y}{1+\log y}$, другую, соотвѣтствующую значенію $x=$пр. $(+\epsilon)=0$, равную безконечности. По этому мы разсмотримъ первую величину u относително x, которая относится къ первому случаю втораго отдѣла. Кромѣ того мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=-\frac{\log y}{1+\log y}.\frac{e^{\frac{1}{x}}}{x^2},\quad \frac{du}{dy}=1+e^{\frac{1}{x}}.\frac{1}{y(1+\log y)^2},$$

Такъ какъ въ сопредѣльности съ значеніями $x=$пр. $(-\epsilon)=0$, $y=$пр. $(+\epsilon)=0$ функція $\frac{du}{dx}$ показываетъ отрицательное состоя-

ніе, а $\frac{du}{dy}$ положительное, то данная функція u показываетъ по x, на основаніи правилъ перваго случая втораго отдѣла, характеръ наименьшей величины, и тоже самое относительно y, по правиламъ втораго случая втораго отдѣла. Слѣдовательно упомянутая особенная величина u=1, есть дѣйствительно наименьшая.

2) *Найти наибольшую и наименьшую величину функціи.*

$$u=\frac{x^x}{1-e^{\frac{1}{y}}}.$$

Здѣсь предложенная функція имѣетъ двѣ особенныя величины: одна, равная единицѣ, соотвѣтствуетъ значеніямъ x=пр. $(+\varepsilon)=0$, и y=пр. $(-\varepsilon_1)=0$; другая равная нулю, соотвѣтствуетъ значеніямъ x=пр. $(+\varepsilon_1)=0$, y=пр. $(+\varepsilon_1)=0$. Первая по перемѣнной x относится къ второму случаю втораго отдѣла, а по y къ первому. Вторая по обѣимъ перемѣннымъ относится ко второму случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ. Частныя производныя данной функціи суть

$$\frac{du}{dx}=(1+\log x)\frac{x^x}{1-e^{\frac{1}{y}}};\quad \frac{du}{dy}=\frac{x^x\,.\,e^{\frac{1}{y}}}{y^2\,(1-e^{\frac{1}{y}})^2}$$

Для значеній x=пр. $(+\varepsilon)=0$, y=пр. $(-\varepsilon_1)=0$, $\frac{du}{dx}$ есть отрицательная, а $\frac{du}{dy}$ положительная; по этому величина u=1, соотвѣтствующая упомянутымъ значеніямъ, есть по обѣимъ перемѣннымъ наибольшая. При x=пр. $(+\varepsilon)=0$, и y=пр. $(+\varepsilon_1)=0$, какъ $\frac{du}{dx}$, такъ и $\frac{du}{dy}$ суть положительныя величины; слѣдовательно величина u=0, по обѣимъ перемѣннымъ есть наименьшая.

3) *Опредѣлить наименьшую величину функціи*

$$u=\sqrt{x^2+y^2}-\frac{1}{\log z}$$

Функція u имѣетъ особенную величину u=0, соотвѣтствующую значеніямъ x=0, y=0, z=0, относящуюся по x и y къ первому отдѣлу особенныхъ величинъ, а по z ко второму случаю втораго отдѣла. Диффиренцируя ее мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{x}{\sqrt{x^2+y^2}},\quad \frac{du}{dy}=\frac{y}{\sqrt{x^2+y^2}},\quad \frac{du}{dz}=\frac{1}{z(\log)^2}$$

Относительно x и y выполнены здѣсь условія

при $x<0$, $\frac{du}{dx}<0$, пр $x>0, \frac{du}{dx}>0$; при $y<0, \frac{du}{dy}<0$, при $y>0, \frac{du}{dy}>0$,

слѣдовательно по x и по y предложенная функція имѣетъ наи-

меньшую величину. Производная $\frac{du}{dz}$, для значенія $z=np(+\varepsilon)=0$, есть положительная, поэтому и по переменной z данная функція принимаетъ наименьшую величину. Отсюда заключаемъ, что упомянутая величина $u=0$ есть наименьшая.

Вопросы о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, относящіеся къ исчисленію Варіацій.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію $V=f(x, y, y', y'',\dots)$, гдѣ $y'=\frac{dy}{dx}$, $y''=\frac{d^2y}{dx^2}$,... суть различныя производныя y относительно x. Требуется узнать, какою функціею отъ x должно быть количество y, чтобы интегралъ $\int Vdx$ былъ наибольшимъ, при томъ условіи, что онъ долженъ быть равенъ нулю, когда $x=a$, и наибольшимъ или наименьшимъ, когда $x=b$.

Дадимъ количеству y произвольное приращеніе $\omega=\varphi(x)$. Въ такомъ случаѣ необходимо, для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, чтобы интегралъ разности

$$K=f(x, x+\omega, y'+\omega', y''+\omega'',\dots)-f(x, y, y', y'',\dots)$$

имѣлъ постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины. Разложимъ эту разность въ рядъ по Тейлоровой теоремѣ. Мы получимъ

$$(1)\qquad K=\omega.\frac{dV}{dy}+\omega'.\frac{dV}{dy'}+\omega''\frac{dV}{dy''}+\dots+\frac{1}{1.2}\left(\omega^2.\frac{d^2V}{dy^2}+2\omega.\,\omega'.\frac{d^2V}{dydy'}\right.$$
$$\left.+\omega'^2\frac{d^2V}{dy'^2}+\dots\right)+\dots$$

Положимъ теперь $\omega=i\mu$, и гдѣ i есть постоянное произвольное количество, которое можно сдѣлать какъ угодно малымъ. Тогда предъидущее разложеніе все будетъ помножено на i. Точно также и интегралъ этого количества будетъ умноженъ на i. Поэтому, такъ какъ i есть какъ угодно малая величина, очевидно, что упомянутый интегралъ будетъ перемѣнять знакъ съ перемѣною знака i, если не будетъ условія, по которому интегралъ количества

$$L=\omega\frac{dV}{dy}+\omega'\frac{dV}{dy'}+\omega''\frac{dV}{dy''}+\dots,$$

равенъ нулю. Слѣдовательно это условіе будетъ общее, какъ для наибольшихъ, такъ и для наименьшихъ величинъ. Кромѣ того должно быть еще условіе, по которому интегралъ суммы

$$M=\omega^2\frac{d^2V}{dy^2}+\omega\omega'\frac{d^2V}{dydy'}+\omega'^2\frac{d^2V}{dy'^2}+\dots$$

долженъ сохранить постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины, независимо отъ произвольнаго количества ω.

Сначала удовлетворимъ первому условію. Мы замѣтимъ, что по причинѣ неопредѣленности ω, интегралъ количества L долженъ быть вида

$$a+\omega\beta+\omega'\gamma+\omega''\delta+\ldots..$$

Взявъ производную этого послѣдняго и сравнивъ ее съ количествомъ L, мы очевидно имѣемъ равенства

$$\alpha=0, \frac{d\beta}{dx}=\frac{dV}{dy}\ ,\ \beta+\frac{d\gamma}{dx}=\frac{dV}{dy}\ ,\ \gamma+\frac{d\delta}{dx}=\frac{dV}{dy''},\ldots$$

Изъ этихъ уравненій непосредственно получаемъ

$$\frac{d\beta}{dx}=\frac{dV}{dy}\ ,\ \frac{d\beta}{dx}+\frac{d^2\gamma}{dx^2}=\frac{d^2V}{dxdy'}\ ,\ \frac{d^2\gamma}{dx^2}+\frac{d^3\delta}{dx^3}=\frac{d^3V}{dx^2dy''}\ ,\ldots.$$

Отсюда же имѣемъ

$$(2) \qquad \frac{dV}{dy}-\frac{d^2V}{dx.dy'}+\frac{d^3V}{dx^2.dy''}-\frac{d^4V}{dx^3.dy'''}+\ldots..=0$$

Это есть условное уравненіе для наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, откуда можно вывести y въ функціи x. Оно будетъ двойнаго порядка въ сравненіи съ предложенною функціею V.

Теперь написавъ рядъ уравненій

$$\beta+\frac{d\gamma}{dx}=\frac{dV}{dy'}\ ,\ \frac{d\gamma}{dx}+\frac{d^2\delta}{dx^2}=\frac{d^2V}{dx.dy''}\ ,\ \frac{d^2\delta}{dx^2}+\frac{d^2\varepsilon}{dx^2}=\frac{d^3V}{dx^2.dy'''}\ ,\ \ldots.$$

имѣемъ $\beta=\frac{dV}{dy'}-\frac{d^2V}{dx.dy''}+\frac{d^3V}{dx^2dy'''}-\ldots$

Точно также $\gamma=\frac{dV}{dy''}-\frac{d^2V}{dx\,dy'''}+\ldots\ldots$

$$\delta=\frac{dV}{dy'''}-\ldots\ldots\ldots\ldots$$

По причинѣ $\alpha'=\frac{d\alpha}{dx}=0$, количество α есть постоянное произвольное.

Положимъ теперь $\omega\beta+\omega'\gamma+\omega''\delta+\ldots.=\Phi\,(x)$. Тогда въ силу условія, по которому интегралъ $\int Vdx$, долженъ быть равенъ нулю при $x=a$, имѣемъ $\Phi\,(a)+\alpha=0$; откуда $\alpha=-\Phi\,(a)$. Въ силу другаго условія количество $\Phi\,(x)-\Phi\,(a)$ должно быть равно нулю при $x=b$, слѣдовательно мы имѣемъ условіе

$$(3) \qquad \Phi\,(b)-\Phi\,(a)=0$$

которому нужно удовлетворить посредствомъ постоянныхъ произвольныхъ величинъ, входящихъ въ функцію y, выведенную изъ уравненія (2). Если по условіямъ вопроса даны значенія y для $x=a$ и для $x=b$, то количество ω равно нулю какъ при $x=a$,

такъ и при $x=b$. Слѣдовательно нужно положить $\omega=0$, какъ въ количествѣ $\Phi(b)$, такъ и въ $\Phi(a)$. Если бы величины $y'=\frac{dy}{dx}$, были также даны для $x=a$ и $x=b$, то въ тѣхъ же количествахъ $\omega'=0$, и т. д. Уничтоживъ ω, ω', ... въ количествахъ $\Phi(b)$ и $\Phi(a)$, смотря по числу функцій y, y', y'',...., данныхъ по смыслу вопроса, коеффиціэнты передъ остальными должны быть равны пулю, чтобы равенство (3) состоялось независимо отъ произвольныхъ количествъ ω, ω', ω'',...

Теперь слѣдуетъ удовлетворить второму условію, по которому интегралъ $\int Mdx$, долженъ сохранять положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины, между предѣлами $x=a$ и $x=b$, независимо отъ перемѣнныхъ произвольныхъ функцій ω, ω', υ'',.... Впрочемъ всѣ изъ нихъ зависятъ отъ одной ω, съ которой они связаны уравненіями $\omega'=\frac{d\omega}{dx}$, $\omega''=\frac{d^2\omega}{dx^2}$,....

Чтобы удовлетворить упомянутому условію, замѣтимъ, что интегралъ какой либо функціи, между предѣлами a и b, будетъ постоянно положительный или постоянно отрицательный, если подъ интегральная функція сохраняетъ между тѣми же предѣлами постоянно положительный или постоянно отрицательный знакъ и если она между предѣлами a и b непрерывна.

На основаніи этого замѣчанія, легко будетъ удовлетворить упомянутому условію. Отдѣлимъ отъ функціи M часть, которая дѣйствительно остается постоянно положительною или постоянно отрицательною между предѣлами a и b. Пусть будетъ эта часть

$$A\omega^2+2B\omega\omega'+C\omega'^2$$

Вычтя ее изъ M и уравнявъ нулю интегралъ этой разности между предѣлами a и b, мы этимъ сдѣлаемъ $\int Mdx$ между тѣми же предѣлами постоянно положительнымъ или постоянно отрицательнымъ, отъ $x=a$ до $x=b$. Упомянутая разность есть

$$\left(\frac{d^2V}{dy^2}-A\right)\omega^2+2\left(\frac{d^2V}{dydy'}-B\right)\omega\omega'\left(\frac{d^2V}{dy'^2}-C\right)\omega'^2.$$

Такъ какъ ω есть количество совершенно произвольное, то интегралъ этой разности долженъ быть всегда $\theta(x)=\mu+\omega\nu$. Взявъ производную функціи $\theta(x)$ и сравнивъ ее съ упомянутою разностью находимъ

$$\frac{d\mu}{dx}=0, \frac{d\nu}{dx}=\frac{d^2\nu}{dy^2}-A, \nu=\frac{d^2\nu}{dydy'}-B, 0=\frac{d^2\nu}{dy'^2}-C, \text{ откуда}$$

$$A=\frac{d^2v}{dy^2}-\frac{dv}{dx};\ B=\frac{d^2v}{dydy'}-v;\ C=\frac{d^2v}{dy'^2}.$$

Величины A, B и C, по правиламъ главы V, должны удовлетворять условьямъ

$$A>0,\ C>0,\ AC-B^2>0$$

для наименьшей величины, и

$$A<0,\ C<0,\ AC-B^2>0$$

для наибольшей. Изъ уравненія $\frac{d\mu}{dx}=0$, находимъ, что μ есть постоянное произвольное количество. Величина v зависитъ отъ условія $AC-B^2>0$. Проще положить $AC-B^2=0$ и отсюда вывести величину v, но тогда можетъ случиться, что которое либо изъ количествъ A, B и C обратиться въ безконечность. Въ такомъ случаѣ наши заключенія будутъ несправедливы. Если величина v, выведенная изъ уравненія $AC-B^2=0$ есть прерывная, то нужно такъ опредѣлить v, чтобы оно удовлетворяло неравенству $AC-B^2>0$.

Потомъ нужно удовлетворить условію, по которому количество $\mu+\omega^2 v$ равно нулю при $x=a$, и положительное въ случаѣ наименьшей, отрицательное въ случаѣ наибольшей величины, когда $x=b$.

Означивъ $\omega^2 v$ черезъ $\psi(x)$, изъ уравненія $\mu+\psi(a)=0$ имѣемъ $\mu=-\psi(a)$.

Потомъ мы будемъ имѣть условіе $\psi(b)-\psi(a)\leqq 0$ для наибольшей и $\psi(b)-\psi(a)\geqq 0$ для наименьшей величины, независимо отъ произвольной величины ω. Если величины y даны для $x=a$ и $x=b$ то мы имѣемъ $\psi(a)=0$ и $\psi(b)=0$, и условіе $\psi(b)-\varphi(a)=0$ будетъ выполнено само собою, какъ для наибольшей, такъ и для наименьшей величины. Если же эти величины y не даны, то должно быть $v\leqq 0$, при $x=b$ и $v\geqq 0$, при $x=a$, для наибольшей величины; а $v\geqq 0$ при $x=b$ и $v\leqq 0$ при, $x=a$, для наименьшей.

Если бы часть разложенія разности K, содержащая вторыя измѣренія количествъ $\omega\ \omega',\ldots$ содержала и ω'', т. е. была бы

$$M=\omega^2\frac{d^2v}{dy^2}+2\omega\omega'\frac{dv^2}{dydy'}+\omega'^2\frac{d^2v}{dy'^2}+2\omega\omega''\frac{d^2v}{dydy''}+2\omega'\omega''\frac{d^2v}{dy'dy''}+\omega''^2\frac{d^2v}{dy''^2}$$

тогда означивъ часть этого количества, удерживающую постоянный знакъ между предѣлами a и b черезъ

$$S=A\omega^2+2B\omega\omega''+C\omega'^2+2D\omega\omega''+2E\omega'\omega''+F\omega''^2$$

мы нашли бы, что интегралъ разности $M-S$, долженъ быть вида

$$\mu+\omega^2\nu+2\omega\omega'\pi+\omega'^2\rho$$

и поступая совершенно также, какъ и прежде, мы вывели бы подобныя же условія для наибольшихъ и наименьшихъ величинъ.

Для примѣра рѣшимъ вопросъ: найти кратчайшее разстояніе между двумя данными точками; т. е. какая кривая, соединяющая двѣ эти точки, будетъ кратчайшая.

Извѣстно изъ правилъ дифференціальнаго исчисленія, что безконечно малыйі элементъ дуги равенъ $dx\sqrt{1+y'^2}$. Слѣдовательно

$$V=\sqrt{1+y'^2}.$$

Откуда имѣемъ $\frac{dV}{dy}=0, \frac{dV}{dy'}=\frac{y'}{\sqrt{1+y'^2}}, \frac{d^2V}{dy^2}=0, \frac{d^2V}{dydy'}=0$, и $\frac{d^2V}{dy'^2}=\frac{1}{\sqrt{1+y'^2}}$. Въ силу уравненія (2) имѣемъ

$$\frac{d\left(\frac{y'}{\sqrt{1+y'^2}}\right)}{dx}=0, \text{ откуда}$$

$$y=Cx+C',$$

гдѣ C и C' постоянныя произвольныя количества, которыя легко опредѣлятся изъ условій вопроса, по которымъ двѣ точки, соединенныя искомою линіею, даны. Такъ какъ количество

$$M=\frac{\omega'^2}{\sqrt{1+y'^2}}$$

остается постоянно положительнымъ, то и $\int Mdx$ останется также положительнымъ между предѣлами a и b. Отсюда заключаемъ, что прямая линія, опредѣляемая уравненіемъ $y=Cx+C'$, соединяющая двѣ данныя точки, будетъ короче всѣхъ линій, которыя можно провести между этими точками. Условія $\Phi(b)-\Phi(a)=0$ и $\psi(b)-\psi(a)=0$ исполняются сами собою, потому что координаты упомянутыхъ точекъ даны по смыслу вопроса.

Найдемъ еще наименьшую величину интеграла функціи

$$V=y'^2+2myy'+n^2y^2,$$

гдѣ n есть постоянное количество. Положимъ также величины y даны для значеній $x=a$ и $x=b$. Очевидно мы имѣемъ

$$\frac{dV}{dy}=2(n^2y+my'),\quad \frac{dV}{dy'}=2(my+y'),\quad \frac{d^2V}{dy^2}=2n^2, \frac{d^2V}{dydy'}=2m, \frac{d^2V}{dy'^2}=2.$$

По этому въ силу уравненія (2) имѣемъ

$$n^2y-y''=0, \text{ откуда}$$

$$y=pe^{+nx}+qe^{-nx}$$

гдѣ p и q суть постоянныя произвольныя количества, легко опредѣляющіяся изъ условій вопроса. Уравненія $\Phi(b)-\Phi(a)=0$, удовлетворяется само собою потому, что въ настоящемъ случаѣ $\Phi(b)=0$ и $\Phi(a)=0$, отдѣльно. Кромѣ того, удерживая предъидущія означенія имѣемъ $A=2n^2-\frac{d\nu}{dx}$, $B=2m-\nu$, $C=2$. Слѣдовательно нужно еще удовлетворить условію

$$2\left(2n^2-\frac{d\nu}{dx}\right)-(2m-\nu)^2>0,$$

что, очевидно удовлетворяется положеніемъ $\nu=2m$, которое сверхъ того даетъ $A>0$ и $C>0$.

Такъ какъ уравненія $\psi(b)-\psi(a)=0$, также выполняется само собою, то величина $y=pe^{nx}+qe^{-xn}$ дастъ наименьшую величину интегралу $\int Vdx$ между предѣлами $x=a$ и $x=b$.

Случается, что количества $y, y',\ldots$ не даны для $x=a$ и $x=b$ непосредственно, но между ними существуетъ условіе $\varphi(x, y, y', y'',\ldots)=0$, которое должно существовать для обоихъ предѣловъ. Тогда къ количеству, которое должно удерживать постоянный знакъ, или, что все равно, къ интегралу разложенія разности K, нужно придать количество $\omega\varphi'(y)+\varphi'\omega'(y')+\ldots$

$\frac{1}{1.2.}[(\omega^2\varphi''(y)+2\omega\omega'\varphi''(y, y')]+\ldots$,

гдѣ $\varphi'(y)=\frac{d\varphi}{dy}$, $\varphi'(y')=\frac{d\varphi}{dy'}$, ...$\varphi''(y)=\frac{d^2\varphi}{dy^2}$, $\varphi''(y, y')=\frac{d^2\varphi}{dydy'}$ ....., умноженное на неопредѣленный коэффиціэнтъ λ. Тогда уже можно разсматривать величины $\omega, \omega',\ldots$ какъ независимыя.

Точно также можетъ случиться, что требуется разыскать наибольшія и наименьшія величины интеграла $\int Vdx$, при условіи

$$\int_a^b \varphi(x, y, y', y'',\ldots)\, dx=N$$

Въ такомъ случаѣ опредѣляемъ по предъидущимъ правиламъ наибольшія и наименьшія величины интеграла $\int \nu\, d\nu+\lambda\int\varphi(x, y,\ldots)\, dx$, гдѣ λ есть неопредѣленный коэфиціэнтъ. Мы будемъ имѣть

$$\frac{dx}{dy}-\frac{d^2\nu}{dx.dy'}+\frac{d^3\nu}{dx^2dy''}-\ldots+\lambda\left(\frac{d\varphi}{dy}-\frac{d^2\varphi}{dxdy'}+\frac{d^3\varphi}{dx^2dy''}-\ldots\right)=0$$

Отсюда выводимъ y въ функціи x, считая λ количествомъ постояннымъ. Чтобы опредѣлить λ, мы, зная y въ функціи x, приведемъ функцію $\varphi\,(x, y', y'', \ldots)$ къ одной перемѣнной x. Итакъ положимъ $\varphi\,(x, y, y'\, y'', \ldots) = \varkappa\,(x)$. Тогда мы имѣемъ $\int_a^b \varkappa\,(x)\,dr = N = R\,(\lambda)$, гдѣ $R\,(\lambda)$ есть нѣкоторая функція λ.

Изъ уравненія $R\,(\lambda) = N$ опредѣлимъ λ.

Случаи функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ.

Если мы имѣемъ функцію $V = f\,(x, y, y', \ldots z, z', \ldots)$ гдѣ y и z суть перемѣнныя зависимыя отъ x, то давъ y и z соотвѣтственно произвольныя приращенія ω и ξ, мы, разсуждая совершенно подобнымъ образомъ, какъ и прежде, найдемъ, что общее условіе наибольшихъ и наименьшихъ величинъ будетъ

$$(1)\qquad \begin{cases} \dfrac{dV}{dy} + \dfrac{d^2V}{dxdy'} + \dfrac{d^3V}{dx^2dy''} - \dfrac{d^4V}{dx^3dy'''} + \ldots = 0 \\[2ex] \dfrac{dV}{dz} + \dfrac{d^2V}{dxdz'} + \dfrac{d^3V}{dx^2dz''} - \dfrac{d^4V}{dx^3dz'''} + \ldots = 0 \end{cases}$$

Изъ этихъ уравненій опредѣлимъ y и z въ функціи x. Означивъ черезъ $\Phi\,(x)$ функцію $\omega\beta + \omega'\gamma + \omega''\delta + \ldots$, гдѣ $\beta, \gamma, \delta, \ldots$ означаютъ тоже что и прежде, и черезъ $\Phi_1\,(x)$ функцію $\xi\beta + \xi'\gamma, + \xi''\delta + \ldots$, въ которой $\beta, \gamma, \delta, \ldots$ суть количества аналогическія съ $\beta, \gamma, \delta, \ldots$ мы совершенно также найдемъ условія

$$(2)\qquad \Phi\,(b) - \Phi\,(a) = 0,\ \Phi_1\,(b) - \Phi_1\,(a) = 0,$$

которымъ нужно удовлетворить независимо отъ $\omega, \omega', \ldots \xi, \xi', \ldots$ помощію постоянныхъ произвольныхъ количествъ, входящихъ въ выраженія z и y въ функціяхъ x. Если даны какъ y, такъ и z для x=a и x=b, то величины ξ и ω должны быть уравнены нулю, въ количествахъ $\Phi\,(a)$, $\Phi_1\,(a)$, $\Phi\,(b)$, $\Phi_1\,(b)$. Если сверхъ того даны величины y' и z' для x=a и x=b, то ω' и ξ' должны быть въ тѣхъ же выраженіяхъ равны нулю, и такъ далѣе.

По уравненіи нулю столькихъ функцій $\omega, \omega', \ldots \xi, \xi', \ldots$ сколько позволяютъ условія вопроса, коэффиціэнты передъ остальными должно уравнять также нулю, чтобы удовлетворить уравненіямъ (2) независимо отъ произвольныхъ количествъ ω и ξ.

Члены втораго измѣренія въ разложеніи разности

$$f\,(x, y+\omega, y'+\omega', \ldots z+\xi, z'+\xi' \ldots) - f\,(x, y, y', \ldots z, z' \ldots)$$

будутъ

$$\omega^2\frac{d^2V}{dy^2} + 2\omega\omega'\frac{d^2V}{dydy'} + \omega'^2\frac{d^2V}{dy'^2} + 2\omega\xi'\frac{d^2V}{dydz'} + 2\omega'\xi\frac{d^2V}{dy\,dz} + 2\omega'\xi'\frac{d^2V}{dy'dz'}$$
$$+ 2\omega\xi\frac{d^2V}{dydz} + \xi^2\cdot\frac{d^2V}{dz^2} + 2\xi\xi'\frac{d^2V}{dydz'} + \xi'^2\frac{d^2V}{dz'^2}$$

Предпологаемъ, что въ эти члены входятъ только количества ω, ξ, ω' и ξ'. Положимъ теперь, что часть этой суммы, сохраняющая постоянный знакъ, будетъ

$$A\omega^2 + 2B\omega\omega' + C\omega'^2 + 2D\omega\xi + 2E\omega'\xi + F\xi^2 + 2G\omega\xi' + 2H\omega'\xi' + 2I\xi\xi' + K\xi'^2$$

Вычитая изъ суммы всѣхъ членовъ втораго измѣренія эту часть, мы найдемъ, что по причинѣ совершенной неопредѣленности ω и ξ интегралъ этой разности долженъ быть вида

$$\mu+\omega^2\nu+2\omega\xi\pi+\xi^2\rho.$$

Взявъ производную этого количества и сравнивъ ее съ функціею

$$A\omega^2+2B\omega\omega'+C\omega'^2+2J\omega\xi+\ldots$$

получимъ величины коеффиціэнтовъ A, B, C,....J, K. Поступая совершенно также, какъ и прежде, и руководствуясь формулами главы V, найдемъ подобныя уловія, какъ и прежде.

Еслибы случилось, что количества y и z были связаны уравненіемъ

$$\varphi\,(x, y, y',\ldots z, z'\ldots)=0,$$

то означивъ черезъ λ неопредѣленный коеффиціэнтъ, мы имѣли бы

$$\frac{d\nu}{dy}-\frac{d^2\nu}{dxdy'}+\ldots+\lambda\left(\frac{d\varphi}{dy}+\frac{d^2\varphi}{dxdy'}+\ldots\right)=0$$

$$\frac{d\nu}{dz}-\frac{d^2\nu}{dxdz'}+\ldots+\lambda\left(\frac{d\varphi}{dz}+\frac{d^2\varphi}{dxdz'}+\ldots\right)=0.$$

откуда исключивъ λ имѣли бы уравненіе $\psi\,(x, y, y',\ldots z, z',\ldots)=0$, которое по соединеніи съ даннымъ $\varphi\,(x\ y,\ y',\ldots z,\ z',\ldots)=0$, послужитъ для опредѣленія y и z въ функціяхъ отъ x.

При разысканіи условій постояннаго знака въ извѣстномъ полиномѣ, слѣдуетъ къ нему прибавить подобный же полиномъ, соотвѣтствующій функціи φ и умноженный на λ.

Закончимъ эту теорію рѣшеніемъ извѣстнаго вопроса о кривой наискорѣйшаго ската. Этотъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: даны двѣ точки въ пространствѣ; отъ одной изъ нихъ къ другой катится по нѣкоторой кривой тяжелое тѣло, единственно въ слѣдствіе тяжести. Спрашивается, какая кривая должна соединять данныя точки, чтобы время, протекающее отъ момента выхожденія тѣла изъ одной точки, до момента вступленія въ другую было наименьшее?

При этомъ предполагаются извѣстными законы механики, по которымъ первая производная времени равна первой производной пространства, раздѣленной на скорость движенія, и скорость свободно падающихъ тѣлъ, пропорціональна корню квадратному изъ высотъ, съ которыхъ тѣла эти падаютъ. Такимъ образомъ, отнеся искомую кривую къ тремъ прямоугольнымъ координатамъ x, y, и z и предполагая x вертикальною ординатою, мы будемъ имѣть

$$\nu=\frac{\sqrt{1+y'+{}^2z'^2}}{\sqrt{h+x}}.$$

гдѣ h есть разстояніе начала координатъ отъ поверхности земли,

считаемое по вертикальной линіи. Мы, очевидно, имѣемъ $\frac{d\nu}{dx}=0$, $\frac{d\nu}{dy'}=\frac{y'}{\sqrt{h+x}.\sqrt{1+y'^2+z'^2}}$; $\frac{d\nu}{pz}=0$, $\frac{d\nu}{dz'}=\frac{z'}{\sqrt{h+x}\sqrt{1+y'^2+z'^2}}$.

Поэтому уравненія (1) дадутъ

$$\frac{d\left(\frac{d\nu}{dy'}\right)}{dx}=0,\quad \frac{d\left(\frac{d\nu}{dz'}\right)}{dx}=0, \text{ откуда}$$

$$(\alpha)\qquad \frac{y'}{\sqrt{h+x}.\sqrt{1+y'^2+z'^2}}=p,\ \frac{z'}{\sqrt{h+x}.\sqrt{1+y'^2+z'^2}}=q,$$

гдѣ p и q суть постоянныя произвольныя количества. Изъ предыдущихъ уравненій получаемъ

$$qy'=pz' \text{ откуда}$$

$$y=\frac{p}{q}z+m,$$

гдѣ m есть новое постоянное количество. Послѣднее уравненіе показываетъ, что искомая кривая есть плоская и заключается въ вертикальной плоскости, потому что уравненіе $y=\frac{p}{q}z+m$ есть уравненіе подобной плоскости. Помѣстя въ ней ось y-овъ, получимъ $z=0$, $z'=0$. По этому будемъ только имѣть

$$y'=\frac{p\sqrt{x+h}}{\sqrt{1-p^2(x+h)}}$$

что слѣдуетъ изъ уравненія (α). Это выраженіе y' показываетъ, что искомая кривая есть циклоида, у которой координаты y нужно считать по направленію ея оси, а координаты x перпендикулярно къ этой оси. Условіе $\Phi(b)-\Phi(a)=0$ здѣсь, очевидно, выполняется само собою.

Сверхъ того мы имѣемъ

$$\frac{d^2\nu}{dy'^2}=\frac{1+z'^2}{\sqrt{h+x}[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}};\ \frac{d^2\nu}{dy'dz'}=-\frac{y'z'}{\sqrt{h+x}[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}},$$

$$\frac{d^2\nu}{dz'^2}=\frac{1+y'^2}{\sqrt{h+x}.[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}}$$

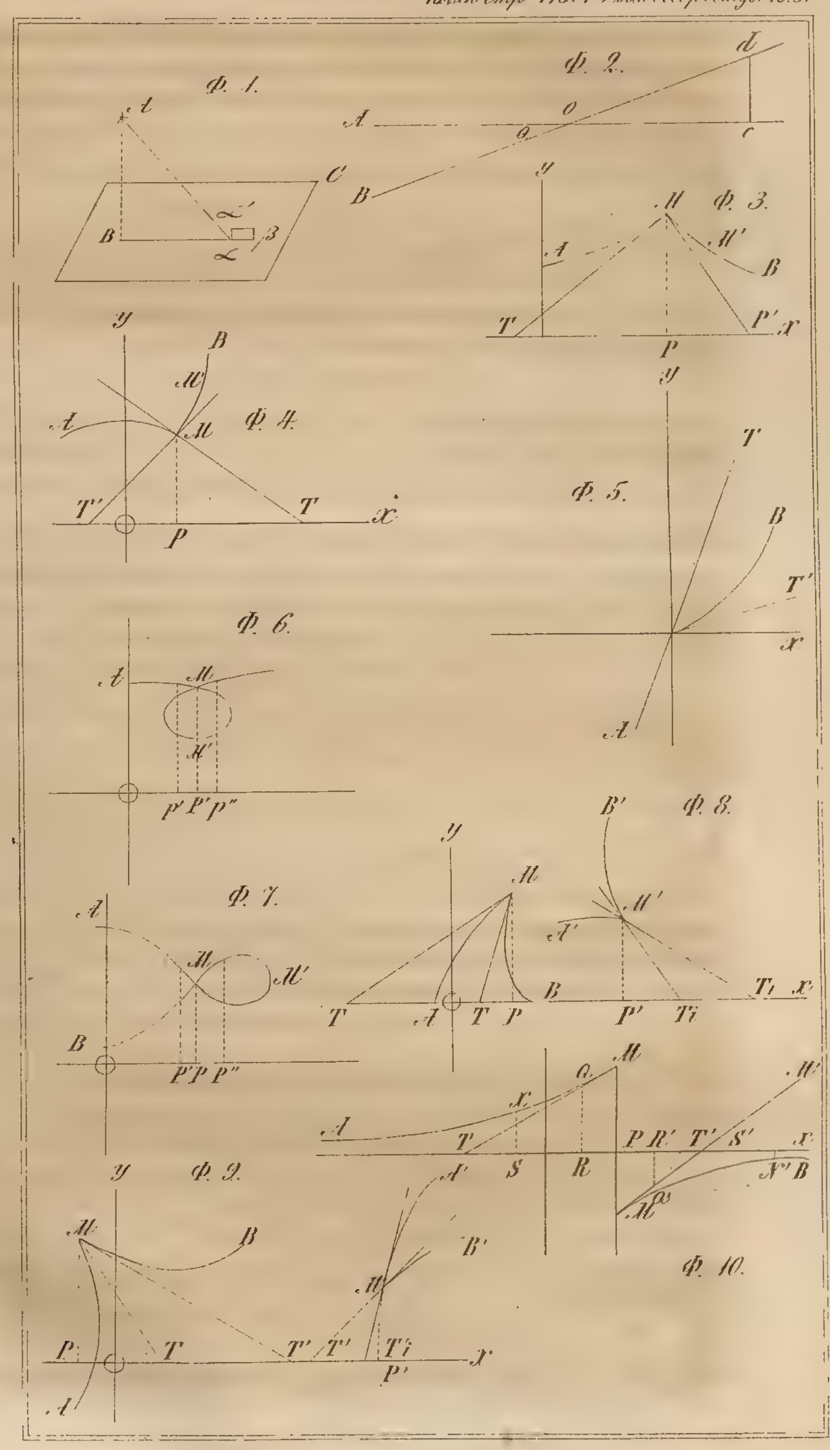
прочія вторыя производныя функціи ν равны нулю. Поэтому извѣстный полиномъ второй степени, въ настоящемъ случаѣ, приведется къ такому

$$\omega'^2\frac{d^2\nu}{d'y^2}+2\omega'\xi'\frac{d^2\nu}{dy'dz'}+\xi'^2\frac{d^2\nu}{dz'}=\frac{\omega'^2(1+z'^2)-2\omega'\xi'y'z'+(1+y'^2)\xi'^2}{\sqrt{h+x}[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}}$$

$$=\frac{\omega'^2+\xi'^2+(\omega'^2z'-\xi'y')^2}{\sqrt{h+x}.[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}}.$$

Такъ какъ этотъ многочленъ постоянно удерживаетъ знакъ положительный, и условіе $\psi(b)-\psi(a)=0$ выполняется само собою, то заключаемъ, что циклоида удовлетворяетъ данному вопросу.

Послѣ стр. 178. 1го вып. сбор. Студ. П. У.



ГЮЛИСТАНЪ СААДИ.

Сочинение студента Ю. Богушевича.

Alles hat seine Zeit!
Goethe's West-östlicher Divan.
Noten.

Въ богатой персидской литературѣ, золотой вѣкъ которой обнимаетъ нѣсколько столѣтій, есть много именъ, озаренныхъ непомрачаемымъ до сихъ поръ блескомъ, неизмѣнно и безпрепятственно переходящихъ изъ устъ одного поколѣнія въ уста другаго,—не смотря на то, что народъ, на умственномъ горизонтѣ котораго засвѣтились эти имена, часто подвергался внѣшнимъ и внутреннимъ переворотамъ. Можетъ быть это обстоятельство не говоритъ въ пользу умственнаго развитія у персовъ, которое необходимо увлекаетъ народъ впередъ и заставляетъ его покидать старину, уступая мѣсто новымъ взглядамъ, понятіямъ и ихъ выраженіямъ; но, не вдаваясь пока въ разсужденія по этому предмету, нельзя не согласиться безусловно, что словесное произведеніе, пережившее многіе вѣка въ неувядаемой славѣ и сохранившее живой интересъ въ глазахъ народа, должно быть въ самомъ дѣлѣ замѣчательно,—пожалуй относительно, по понятіямъ этого народа, — и слѣдовательно все-таки замѣчательно.

У персовъ нашего времени такихъ произведеній много. Украшенныя именами творцовъ своихъ: Фердауси, Низами, Саади, Анвари, Хафиза, Джами, Дехлеви и мн. др., они служатъ предметомъ всеобщаго глубокаго уваженія и доставляютъ обильную пищу людямъ всѣхъ сословій—и бѣдняку во время работы на знойномъ полѣ или въ хижинѣ во время отдыха, и вельможѣ во время безконечныхъ кейфовъ или государственныхъ занятій, и даже женщинѣ среди нѣги роскошнаго восточнаго гарема. Между многими другими, сэръ Джонъ Малькольмъ, въ своихъ прекрасныхъ Sketches of Persia, или А. Ходзько въ предисловіи къ своей Grammaire persanne, говорятъ, что нерѣдко можно слы-

шать звучный стихъ персидскаго поэта въ устахъ простаго погонщика муловъ или водоноса, въ судейской комнатѣ кади, въ шумной юношеской пирушкѣ,—или въ упоительную ночь, сквозь тихій древесный шелестъ, изъ высокаго таинственнаго окна.

Такимъ образомъ, будучи неотлучными спутниками народа, произведенія эти невольно сдѣлались выраженіемъ его духовной жизни, и всѣ вмѣстѣ составляютъ книгу, въ которой вписаны всѣ помышленія этого народа, его чувствованія, вѣрованія, воззрѣніе на міръ,—все то, что составляетъ его характеристическую особенность, и что опредѣляетъ степень его развитія, которое даетъ ему извѣстное мѣсто среди другихъ народовъ.

Разбирая названныхъ выше писателей съ этой точки, мы могли бы составить, такъ сказать, формулу, выражающую жизнь персидскаго народа и представляющую, слѣдовательно, результаты его жизни прошедшей и основаніе будущей.

Можно бы было подумать, что эти писатели *отстали*, потому что жили за нѣсколько вѣковъ до нашего времени, и, какъ всякій писатель, были выраженіемъ жизни современной имъ, слѣдовательно должны имѣть мало общаго съ жизнію позднѣйшею, которая могла развиться болѣе и измѣниться во многомъ. Этотъ вопросъ неизбѣженъ для насъ, европейцевъ, привыкшихъ къ прогрессу въ общественной жизни и ея выраженіи — литературѣ.

Но кто не знаетъ жизни мусульманскаго востока послѣднихъ столѣтій? Замкнутая въ себѣ самой, чуждая міровой дѣятельности, она была неподвижна на пути усовершенствованія и прогресса.

Какія были причины этого—сказать нелегко. Отъ великаго факта историческаго до ничтожнаго климатическаго факта—все вліяетъ на народъ, все въ совокупности даетъ направленіе его жизни. Но между всѣми этими обстоятельствами важнѣйшее, безъ сомнѣнія, есть религія. Она бываетъ неотлучнымъ спутникомъ человѣка и раскрываетъ предъ нимъ сокровищницу тѣхъ истинъ, которыя онъ слагаетъ въ идею своей жизни и развиваетъ съ теченіемъ времени, до могилы.

Разсмотрѣть эту вліятельность всесторонне—огромная задача, требующая глубокаго изученія исторіи въ самомъ обширномъ ея значеніи; потому мы оставимъ эту задачу будущему и, опустивъ другія обстоятельства, которыя могли имѣть вліяніе на жизнь востока, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе имѣлъ на нее исламъ.

Исламъ, по сущности своихъ основаній, есть бѣдная религія,

вполнѣ вылившаяся въ коранѣ, который есть не только кодексъ идей религіозныхъ, но и кодексъ приведенныхъ въ параллель съ этими идеями положительныхъ правилъ жизни частной и общественной, такъ-что послѣдующимъ законодателямъ мусульманскимъ оставалось только развивать однажды данныя фактическія начала, (потому и Магомета гораздо правильнѣе называть *законодателемъ*, чѣмъ учителемъ вѣры, *пророкомъ*). Правила эти составили ту тѣсную, неподвижную рамку, тѣ узкіе, вѣчные предѣлы, въ которыхъ были заключены болѣе или менѣе высокія отвлеченныя религіозныя идеи, составившія собою такимъ образомъ замкнутую среду, въ которой только и могъ вращаться умъ человѣческій. Натурально, замкнутость эта перешла и на самую жизнь. И жизни духовной востока исламъ назначилъ такіе же тѣсные предѣлы, далъ ей такой же извѣстный, осязательно опредѣленный смыслъ—и запретилъ своимъ послѣдователямъ, подъ страхомъ потери роскошнаго рая Магомета, переходить за эти предѣлы, развиваться самой, развивая этотъ смыслъ. Послѣ первыхъ вѣковъ бурной жизни, когда исламъ разливался кровавою лавою, съ быстротою и неудержимостью горнаго весенняго потока, потрясая умы своимъ палящимъ фанатизмомъ и возбуждая ихъ къ новой жизни и дѣятельности,—послѣ этихъ первыхъ вѣковъ, когда страшный потокъ разлился въ разныя стороны и потерялъ единство своей идеи и цѣли,—все застыло и превратилось, подобно лавѣ, въ твердую, почти безжизненную, бѣдно производительную массу, такъ-что тотъ же исламъ, который прежде двинулъ востокъ такъ далеко впередъ, на извѣстныхъ предѣлахъ остановилъ его, повисъ надъ нимъ неодолимою *судьбою* и надолго запечатлѣлъ его роковою печатью неподвижности. За гранью видимаго міра, даже видимаго окружнаго кругозора, не было мѣста для вопросовъ: отважный философъ-мусульманинъ сразу покончилъ со всякою философіею:—своимъ послѣдователямъ онъ или положительно объяснилъ кое-что изъ будущаго и неизвѣстнаго, не стѣсняясь разнообразіемъ и многосторонностью вопросовъ; или сказалъ и поставилъ въ законъ разъ навсегда, что неизвѣстное было и будетъ извѣстно только Богу, и человѣку не слѣдъ заглядывать дальше и иначе, чѣмъ сказалъ вдохновенный божественнымъ откровеніемъ учитель. При Шахъ-Аббасѣ вспыхнулъ послѣдній пламень духовнаго очага, когда шіитская секта торжественно открылась и подняла голову предъ сунитами, когда по этому поводу загремѣла религіозная полемика между этими двумя сектами, и чрезъ то умы были возбуждены къ дѣятельности. Большая часть лучшихъ персидскихъ писателей были порожде-

ніемъ этого временнаго движенія умовъ. А движеніе это было именно временное, также какъ полемика, которая разумѣется не могла измѣнить возникшаго порядка вещей: права обѣихъ сторонъ были равны, и преимущества въ какой бы то ни было силѣ не имѣла ни одна изъ нихъ. Потому, прошла для мусульманъ пора *политическаго* торжества—и мусульманскій міръ почилъ на своихъ лаврахъ и пріобрѣтеніяхъ, удивляясь самъ себѣ и своему прошлому, и благоговѣйно вспоминая объ немъ. Въ будущемъ не было вопросовъ, не было задачъ для выполненія.

И теперь восточные мусульманскіе народы почерпаютъ для себя правила жизни, понятія о ея значеніи и цѣли—не изъ себя самихъ, какъ результаты духовной самостоятельной дѣятельности, а изъ корана и изъ твореній своихъ безсмертныхъ поэтовъ и философовъ, которые писали разумѣется въ духѣ своего учителя и потому не умрутъ до тѣхъ поръ, пока будетъ жить міръ мусульманскій.

Такимъ образомъ творенія эти и теперь заключаютъ возможность предположенной выше формулы; они и теперь служатъ выраженіемъ жизни востока, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ,—хотя въ обоихъ этихъ случаяхъ относительное значеніе ихъ различно: въ первое время своего существованія *они* представляли картину, списанную съ восточной жизни, а въ послѣднее—уже жизнь востока представляетъ картину, написанную по началамъ, изложеннымъ въ нихъ.

Я позволю себѣ высказать въ нѣсколькихъ словахъ свое мнѣніе о томъ, какъ исламъ подѣйствовалъ на умъ восточнаго человѣка и потомъ отразился въ литературѣ.

Мусульманская религія имѣла неотвратимое и самое гибельное вліяніе на своихъ послѣдователей. Заключая въ себѣ, какъ уже сказано выше, разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ міра духовнаго, она по этому самому не могла порядочно разрѣшить ни одного вопроса, сваливая всѣ на слѣпую, безусловную, бездоказательную вѣру, которая не могла вызвать со стороны человѣка никакой попытки къ объясненію невѣдомаго, къ объясненію и сознанію самого себя, къ уразумѣнію задачи и требованій жизни. Моменты и факты настоящаго были для него опредѣлены такъ точно, что только настоящее, близкое и могло привлекать на себя его вниманіе, не оставляя никакой возможности доступа къ нему идеѣ высокаго, безконечнаго,—идеѣ, которая непремѣнно должна вплетаться въ нить человѣческой жизни, чтобы эту жизнь осмыслить и показать далекую цѣль ея въ будущемъ, къ которой ведетъ одинъ непрерывный, систематическій путь мысли, и которая только одна объясняетъ и улаживаетъ часто стран-

ные факты настоящаго. Для мусульманина этой сознательной цѣли нѣтъ, слѣдовательно и въ настоящемъ нѣтъ ладу и даже сознанія, что этотъ ладъ необходимъ для чего нибудь, кромѣ настоящаго, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—видимаго, матеріальнаго. Изъ всего этого понятна безладица, которая должна господствовать въ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ мусульманина и въ самой его жизни, а слѣдовательно и искать тамъ порядка и системы было бы совершенно напрасно.

Идея религіи Магомета согласовалась, какъ нельзя лучше, съ самою природою востока, и потому была весьма по нраву его жителямъ.

Жизнь мусульманина обстановлена такъ роскошно и великолѣпно, матерія и чувственность вырѣзались на всемъ окружающемъ такими яркими и выразительными буквами, что въ головѣ его не можетъ быть мѣста для основательнаго и систематическаго мышленія, пока въ жизни его (при настоящемъ развитіи его гражданскаго общества) не будетъ мѣста для серьезнаго, постояннаго труда, который только одинъ своею логичностью въ развитіи и послѣдовательностью пріучаетъ мыслить логично и послѣдовательно. И этотъ-то пораженный вещественнымъ, безконечно разнообразнымъ богатствомъ, окружающимъ восточнаго человѣка, смущенный и изнемогающій отъ этого богатства умъ его — былъ вдругъ захваченъ въ расплохъ схоластическимъ и безпорядочнымъ, но пламеннымъ и оригинальнымъ ученіемъ честолюбиваго и необузданнаго фанатика!.... Надъ жизнью восточнаго человѣка повисла *рука судьбы*, которая, съ одной стороны, была здѣсь не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, потому что все земное казалось слишкомъ прекраснымъ для того, чтобы можно было покинуть его равнодушно, по волѣ этой судьбы; а съ другой, давала полную и необузданную свободу страстямъ, которыя не обусловливаются разумной борьбой и потому не ведутъ къ послѣдовательности и анализу, и не представляютъ въ то же время для человѣка никакой свободы благородному и высокому сознанію своего внутренняго достоинства, своихъ внутреннихъ силъ.

И умъ восточнаго человѣка былъ совершенно парализированъ этимъ ученіемъ. Онъ изнемогалъ отъ избытка силъ, и силамъ этимъ была дана неблагодарная работа двигать безсмысленный камень невѣдѣнія, страха, невѣрія подъ обманчивой формой абсолютнаго вѣрованія—фатализма; и навѣкъ положенъ былъ зарокъ этимъ силамъ пытливо разобрать и уразумѣть свою ношу. И вышли умственныя силы безъ мысли, безъ единства, безъ направленія. Душею овладѣла глубокая апатія,

которую пробуждало только безсознательное, врожденное всякому человѣку, стремленіе къ дѣятельности, разумѣется безпорядочной. Жизнь отпечатлѣвала въ умѣ свои образы, но безъ связи; умъ порождалъ мысли, но безъ гармоніи, мысли случайныя, не имѣющія одна съ другою ничего общаго, отрѣшенныя отъ вѣчнаго, и потому не могущія быть примѣнимыми къ временному и мѣстному.

Основаніе нашей религіи, христіанская любовь къ ближнему, заставило европейцевъ заботиться объ улучшенія своего быта; отсюда для человѣка опытъ жизни и систематическое изученіе самого себя и всего окружающаго; отсюда далекій взглядъ на будущее; отсюда прогрессъ въ нашемъ духовномъ развитіи и сознательное понимапіе различныхъ явленій жизни, надъ которыми потому мы постоянно можемъ господствовать. А главное — отсюда терпимость къ прегрѣшеніямъ ближняго и опытное, систематическое, логичное усовершенствованіе его путемъ *науки*.

Значеніе ислама совершенно другое. Слѣпая безусловная вѣра въ *намѣстника Божія на землѣ*, во главу религіи, слѣдовательно и народа, и совершеннѣйшая покорность этой главѣ— составляютъ отличительный характеръ ислама. Богъ есть, но онъ говоритъ только сердцемъ и устами пророка и земнаго владыки (первый пророкъ и преемники его были вмѣстѣ и духовные и свѣтскіе владыки, какъ теперь владыка свѣтскій произвольно считается и главою вѣры), который совмѣщаетъ въ себѣ Его тѣнь. Господь такимъ образомъ отразился въ *земномъ* могуществѣ,—и на вершинѣ *его* (земнаго могущества) слѣдовательно почило счастіе жизни, стяжатели котораго раздѣляютъ между собою землю и ея сокровища и наслѣдуютъ ихъ даже въ загробной жизни. Стяжаніе близко; разстояніе его можно измѣрить, какъ извѣстное протяженіе времени, пространства; оно въ данной точкѣ, въ данномъ моментѣ. Зачѣмъ же долгое систематическое наблюденіе и изученіе настоящаго въ отношеніи его къ прошедшему и будущему, когда оно такъ просто и опредѣленно? зачѣмъ вѣчность при моментѣ? что такое непостижимый духъ, идея—предъ осязательностью матеріи, внѣшности, формы? Зачѣмъ долгое усовершенствованіе при случайной силѣ? Зачѣмъ система при произволѣ, случайности? наука при *наученіи?*

И какъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ души восточнаго человѣка, одаренной божественными началами, не могло быть отнято стремленіе къ совершенству; потому, хоть не *видя* въ себѣ самомъ, *но чувствуя* безсознательно бѣдность и несовершенство своей

жизни, и видя все это съ избыткомъ въ своихъ собратахъ и родичахъ, — онъ могъ только *поучать* ихъ, касаясь разумѣется въ своихъ поученіяхъ преимущественно внѣшней, формальной и матеріальной стороны жизни, случайныхъ фактовъ ея и явленій.—Его собственная жизнь была преимущественно основана на этихъ началахъ, и потому на степень ихъ онъ долженъ былъ низводить даже свои смутно сознаваемыя понятія о мірѣ духовномъ, выражая ихъ болѣе нежели простымъ и осязательнымъ образомъ, или на оборотъ, самыя простыя понятія о мірѣ вещественномъ облекая въ отвлеченную, мистическую форму, въ слѣдствіе несознаннаго стремленія своего къ высшей духовной дѣятельности и истинѣ.

Изъ всего сказаннаго можно составить нѣкоторое понятіе о содержаніи и изложеніи произведеній восточныхъ (мусульманскихъ) писателей. Они совершенно чужды всякой *системы* и логической цѣлости и стройности идеи. Они съ жадностію схватываютъ случайные, отрывочные факты и образы жизни, и набрасываютъ ихъ въ одну безпорядочную массу, не осмысливая ихъ одною общею идеею, а давая каждому тотъ смыслъ, который прежде другихъ взбредетъ на умъ. Если нужно соединить нѣсколько фактовъ въ одно повѣствованіе, они не затруднятся соединить ихъ какими нибудь простыми, случайными союзами, вмѣсто логической связи. Нѣсколько мыслей лучше всего, по ихъ мнѣнію, соединяется созвучіемъ цѣлыхъ фразъ или ихъ окончаній.

Такое же отсутствіе логическаго и граматическаго порядка ощущается и въ способѣ выраженія, который составляетъ у мусульманскихъ писателей едва ли не главную часть труда. Поэтъ преклоняется предъ звучностью фразы, и всѣ—предъ ея витіеватостью, оригинальностью и глубокомысліемъ,—или вообще предъ всѣми качествами фразы, наиболѣе затемняющими мысль и дѣлающими уразумѣніе ея наитруднѣйшимъ. Потому силлогизмы, разнаго рода тропы и фигуры доходятъ у нихъ до чудовищной, можно сказать, уродливости. Всѣмъ извѣстны восточныя гиперболы и аллегоріи—не всегда по своей оригинальной красотѣ.—Вообще, читая восточнаго писателя, нельзя не видѣть, до какой степени въ немъ господствуетъ уваженіе къ формѣ, къ матеріи, въ слѣдствіе отсутствія глубокой и развитой мысли, украшающей свое выраженіе безъ всякаго вспомогательнаго посторонняго искусства,—уваженіе, которое переходитъ въ страсть, и здѣсь какъ вездѣ, необузданную.

Впрочемъ восточный писатель имѣетъ свои достоинства, которыхъ отрицать нельзя. Въ выраженіи своихъ мыслей онъ не

всегда прибѣгаетъ къ принужденію и насилію себя; въ благословенныя минуты натуральности онъ говоритъ живо, наивно, увлекательно; слогъ его часто бываетъ полонъ жизни, красокъ, силы; неограниченная фантазія невольно поражаетъ насъ своимъ богатствомъ, смѣлостью и граціею. Его сближенія міра духовнаго съ вещественнымъ, въ уподобленіяхъ одного другому, также часто бываютъ поразительны по своей вѣрности или игривой оригинальности. А Саади съ нѣкоторыми современными ему писателями персидскими—вообще неповиннѣе писателей позднѣйшихъ въ изысканной и безобразной фигуральности языка, которая съ теченіемъ времени принимала все большіе и большіе размѣры. Вообще языкъ Саади довольно ясенъ при всей несостоятельности его граматическихъ понятій, при всей его претензіи на изящество и красоту, которую онъ, какъ истый мусульманинъ, видѣлъ въ наибольшемъ количествѣ словъ и выраженій арабскихъ, и въ *созвучіи* словъ и даже цѣлыхъ фразъ,—въ созвучіи, отъ котораго не рѣдко страдаетъ смыслъ. Читающіе по арабски и персидски знаютъ это очень хорошо.

Я совершенно сознаю, что все высказанное мною, высказанное въ видѣ замѣчаній, касающихся характера мусульманской литературы,—слишкомъ неполно, недостаточно и поверхностно. Но отъ замѣчаній вообще, и притомъ по поводу одного произведенія, требовать большаго, полнѣйшаго нельзя. Кто предприметъ трудъ изобразить судьбы цѣлой персидской литературы, чрезвычайно богатой (численно покрайней мѣрѣ), на томъ будетъ лежать обязанность обсудить и разобрать критически и неуступительно, со всѣхъ сторонъ, всѣ тѣ вопросы, которые связаны съ этимъ предметомъ, и оцѣнить достойно всякое произведеніе *по отношенію* его къ цѣлой литературѣ. А я въ настоящемъ случаѣ, желая сообщить читателямъ только маленькій отрывокъ изъ огромной книги персидской литературы, ограничиваюсь мимолетными замѣтками, которыя впрочемъ могутъ относиться ко всѣмъ писателямъ, принадлежащимъ къ одной категоріи съ Саади. А такихъ писателей у персовъ много: мораль для всякаго очень доступна, отвѣтственности никакой, а имя наставника-философа, моралиста, такъ почетно!

А сообщаю я этотъ отрывокъ вотъ почему и для чего.

Намъ востокъ извѣстенъ очень мало, и потому мало насъ интересуетъ. Изъ отчетовъ и описаній туристовъ мы имѣемъ понятіе о климатѣ различныхъ восточныхъ странъ, о произведеніяхъ естественныхъ, кое-что о бытѣ жителей,—т. е. знаемъ

внѣшнюю сторону, форму, въ которой часто не выражается никакой идеи, и которая, не смотря на это, часто бываетъ даже привлекательною. Намъ нравится красивое, выразительное, энергическое лице азіатскаго уроженца, и мы не догадываемся, что подъ этимъ смуглымъ, высокимъ, благороднымъ челомъ нѣтъ ни выразительности, ни истинной энергіи, той великой энергіи, которая даетъ жизни героевъ,—нѣтъ и быть не можетъ; что тамъ, въ головѣ, гнилая суевѣрная старина, нравственное безсиліе, духовная руина многихъ вѣковъ, неподвинувшихся въ человѣкѣ ни на шагъ впередъ, потерявшихъ производительную способность, наложившихъ на душу печать неподвижности, тупости и апатіи. Мы не догадываемся, что мозгъ подъ этимъ высокимъ челомъ складывался подъ вліяніемъ истинъ, четыре, пять, шесть вѣковъ переходившихъ преемственно изъ одного поколѣнія въ другое, безъ всякаго измѣненія, развитія, усовершенствованія,—подъ вліяніемъ истинъ, которыя столь же слабы, недѣйствительны, недостаточны, и даже ложны и вредны для воспитанія человѣческаго духа, сколько стары.

Однимъ словомъ, мы не знаемъ восточнаго человѣка или знаемъ весьма поверхностно, потому что не знаемъ сокровищницы, изъ которой онъ почерпаетъ матеріалы для своего духовнаго развитія,—не знаемъ восточной литературы, которая блюдетъ и хранитъ и отражаетъ въ себѣ духовное значеніе и совершенство своего народа. А чтобы узнать восточнаго человѣка съ этой стороны, для этого нѣтъ надобности ѣздить на востокъ,—на который только *послѣ* этого нужно ѣхать.

Кто хочетъ заглянуть въ душу востока, пусть заглянетъ въ предлагаемый отрывокъ, въ приведенныя далѣе мѣста изъ Гюлистана. Взглядовъ своихъ, которыми я ихъ сопровождаю, я не навязываю никому, кто хотѣлъ бы *самъ* смотрѣть на нихъ, слѣдовательно *по-своему*: я очень хорошо знаю, что у всякаго свой взглядъ или вкусъ. Но полагаю, что и въ моихъ замѣчаніяхъ будетъ частица одинаковой для всѣхъ правды, которая можетъ быть кому нибудь на что нибудь пригодится [1].

---

[1] Если я, касаясь *персидской литературы*, говорю вообще о *восточномъ* человѣкѣ, то я подразумѣваю *мусульманина*, который, какъ мусульманинъ, національности не имѣетъ: Арабъ, Турокъ, Персъ по своему духовному развитію безразличны.

Шейхъ Муслигед-Динъ Саади Ширази (²) родился въ концѣ VI в. геджры или XII христіанскаго лѣтосчисленія, въ Ширазѣ, главномъ городѣ персидской провинціи того же имени, откуда онъ получилъ и свое прозваніе *ширазскій*. Онъ жилъ около 100 лѣтъ, и своею жизнію, полною приключеній, пріобрѣлъ себѣ громкую славу въ отечествѣ и сосѣднихъ странахъ. Первую треть жизни онъ провелъ въ занятіяхъ науками; вторую въ путешествіяхъ и военной службѣ, и остальную—въ уединеніи, безмолвномъ созерцаніи природы, воспоминаніи прошедшаго и поученіи. Онъ четырнадцать разъ ходилъ на богомолье въ Мекку въ качествѣ дервиша (монаха); сражался съ послѣдователями Брагмы въ Индіи и съ христіанами въ Малой Азіи, и взятъ былъ въ плѣнъ франками въ Сиріи, которые отправили его на крѣпостныя работы въ Триполи. Какой-то алепскій купецъ выкупилъ его и даже выдалъ за него свою дочь съ изряднымъ приданымъ; но Саади не былъ счастливъ съ этою женою: она доставляла ему много огорченій, и потому изъ подъ его пера нерѣдко изливалась затаенная печаль.

Его веселость и разгульный характеръ въ молодости, и путешествія въ возрастѣ зрѣломъ доставляли ему много случаевъ знакомиться близко съ людьми разныхъ сословій и званій, съ ихъ нравами и обычаями, добродѣтелями и пороками,—и все видѣнное и слышанное онъ собралъ въ своихъ произведеніяхъ съ чисто поучительною цѣлью, и потому облекъ ихъ въ форму апологовъ, притчъ, нравоученій, анекдотовъ, и проч. Говоря выше о вліяніи ислама на духовныя воззрѣнія мусульманъ, мы указали на идею *поученія*, какъ на результатъ этого воззрѣнія. И Саади выбралъ *поученіе* для выраженія своихъ воззрѣній на жизнь. Такому направленію вѣроятно много способствовалъ также и образъ жизни Саади въ послѣдній періодъ, жизни отшельнической. Уединеніе, преклонныя лѣта и слѣдовательно въ перспективѣ—близость роковаго перехода, размышленія о назначеніи жизни и его выполненіи,—все это приводило его къ мысли о человѣческомъ несовершенствѣ, о потребностяхъ исправленія, и проч. Наконецъ, этому поучительному направленію способствовало также много политическое положеніе Персіи во время Саади. «Онъ явился на поприщѣ литературы въ половинѣ XIII ст., въ то самое время, когда природа человѣка на востокѣ принуждена была напрягать свои силы, устремлять свою дѣятельность, такъ сказать, къ выраженію болѣзни и стра-

---

(²) Bibliothèque orientale, par M. Dherbelot.

данііі, когда геній долженъ былъ оплакивать участь человѣчества! Это было вскорѣ послѣ нашествія монголовъ на Персію.

«Судьба этой страны и до того времени была довольно печальна: по ослабленіи силы халифовъ, мусульманскій востокъ былъ раздробленъ на части; намѣстники халифовъ въ разныхъ странахъ успѣли присвоить себѣ верховную власть; несоблюденіе шаріата (закона), неимѣніе государственныхъ законовъ и отсутствіе порядка, а при этомъ нерѣдкая перемѣна династій,—привели всю страну въ печальное положеніе. Народъ не находилъ защиты въ правосудіи, войска не получали ни платы, ни продовольствія, отчего и не подвергались взысканіямъ за пріобрѣтеніе того и другаго *силою*. Чувство патріотизма и понятія о правахъ собственности постепенно сдѣлались чужды ново-персамъ, и выраженія того и другаго исчезли изъ лексикона ихъ языка (³)».

Понятно, почему геній долженъ былъ оплакивать участь человѣчества и поучать его.

Это же обстоятельство имѣло и другое важное вліяніе на Саади, какъ и на всѣхъ его литературныхъ и нелитературныхъ собратій.

«Отъ безпрерывныхъ угнетеній (продолжается въ упомянутой рукописи) наконецъ совершенно измѣнились нравы и характеръ древнихъ персовъ, и это измѣненіе явно выразилось въ ихъ жизни, въ ихъ языкѣ. Законность, такъ сказать, притѣсненія, необходимость лести, униженіе предъ высшими, неимѣніе никакой собственности,—все это вошло въ сознаніе народа: въ общемъ какъ книжномъ, такъ и разговорномъ языкѣ всѣхъ сословій—*притѣснитель* (взяточникъ) выражалъ чиновника; *господинъ*, *властитель* замѣняли мѣстоименія 2-го л. (ты, вы); *рабъ*, *ничтожный*, *нижайшій* (постоянно предъ равными, а тѣмъ болѣе предъ высшими лицами)—замѣняли мѣстоименіе *я; мой*, *моя собственность* (говоря о вещахъ и предметахъ богатства) выражались словами: *вашъ*, *султанскій*, и т. п! Всѣ эти *учтивыя* выраженія употребляются и донынѣ въ краснорѣчивомъ языкѣ (!)».

Это послѣднее вліяніе выразилось на Саади весьма рѣшительно: онъ поддается ему на каждомъ шагу, особенно въ эпитетахъ, которые онъ щедро расточаетъ всѣмъ, кто стоитъ въ жизни выше его.

Саади имѣетъ еще другой весьма важный характеръ, мистическій, который конечно образовался подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, о которыхъ упомянуто выше. Но, къ сожалѣнію, я, какъ вѣроятно и всякій читающій Саади, долженъ

(³) Изъ рукописи пр. Мирзы Каземъ-Бека.

сказать, что этотъ мистицизмъ только запутываетъ дѣло и поставляетъ Саади нерѣдко въ весьма невыгодное положеніе. Мистицизмъ этотъ, не выработанный, такъ сказать, тщательнымъ систематическимъ мышленіемъ, нисходитъ иногда на степень идей совершенно непонятныхъ, или теряетъ всю свою глубину и таинственное значеніе, будучи выраженъ болѣе нежели просто и осязательно. Въ послѣдствіи, читая разныя страницы Гюлистана, мы найдемъ много тому примѣровъ.

Первое свое произведеніе, *Гюлистанъ* (садъ розъ или цвѣтовъ, цвѣтникъ), Саади написалъ, когда ему было около 60 лѣтъ. Это есть собраніе поученій, нравственныхъ и политическихъ, басенъ, анекдотовъ, эпиграммъ, и проч., отчасти въ прозѣ, отчасти въ стихахъ, но такъ, что то и другое постоянно перемѣшивается: всякая мысль, выраженная въ прозѣ, поясняется или повторяется въ особыхъ куплетахъ стиховъ арабскихъ и персидскихъ, что для европейскаго просвѣщеннаго читателя можетъ казаться весьма страннымъ.—Черезъ нѣсколько времени послѣ Гюлистана вышелъ въ свѣтъ *Бостанъ* (фруктовый садъ), по содержанію и характеру сходный съ предъидущимъ сборникомъ, кромѣ мѣстъ, касающихся началъ религіозныхъ, которыя Бостанъ излагаетъ съ большею строгостью. Далѣе слѣдовали *Пенд-Намэ* или *книга совѣтовъ*, нравоучительная поэма, и *Совѣты царямъ*, въ прозѣ. Кромѣ этихъ значительнѣйшихъ, есть еще много мелкихъ сочиненій.

Проживъ около 100 лѣтъ (¹), Саади умеръ въ концѣ VII в. г. (691) или XIII хр. л. (1291),—т. е. за *пять съ половиною вѣковъ до нашего времени*.

Но не смотря на эти $5^1/_2$ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Саади-писателя, мы будемъ смотрѣть на его произведеніе, какъ на живую намъ современность, потому что оно дѣйствительно принадлежитъ XIX вѣку столько же, сколько XIII, по своей извѣстности, даже больше; потому что оно въ нашъ XIX в. пользуется на своей территоріи бо́льшею популярностію, чѣмъ напр. Крыловъ, Пушкинъ, Гете, Шекспиръ. Значеніе Гюлистана или Саади въ исторіи литературы персидской мы предоставляемъ указать тому, кто будетъ излагать такую исторію. Мы, пожалуй, будемъ имѣть въ виду собственно не Гюлистанъ и не Саади, которыхъ значеніе въ историческомъ смыслѣ можетъ быть велико и несомнѣнно;—мы будемъ разбирать одну изъ настольныхъ книгъ, любимое чтеніе всякаго порядочнаго

(¹) Годъ рожденія Саади въ точности неизвѣстенъ, и потому встрѣчаются у всѣхъ писателей нѣкоторыя противорѣчія, такъ-что продолжительность жизни Саади опредѣляется въ 90—120 лѣтъ.

и грамотнаго мусульманина-персіянина (и даже не персіянина, потому что Гюлистанъ переведенъ на турецкій и, кажется, на арабскій языкъ), чтобы опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ, по своему духовному развитію, такой писатель или читатель мусульманинъ, такой народъ на лѣстницѣ человѣчества, въ данный моментъ. Мѣриломъ для такого опредѣленія намъ конечно должны служить лучшія, истиннѣйшія понятія о жизни, выработавшіяся до нашего времени въ человѣчествѣ. Понятія такія безъ сомнѣнія принадлежатъ европейцамъ. Потому и на Гюлистанъ мы будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія чисто европейской, предъявляя всѣ тѣ требованія европейскаго ума, которыя въ дѣлѣ мысли считаются у насъ совершенно законными.—Такой взглядъ одностороненъ? онъ не допуститъ историческихъ причинъ, не допуститъ законности факта, который исторически всегда законенъ? при такомъ взглядѣ не будетъ сказано ни единаго слова о возможности и вѣроятности лучшаго исхода, послѣдствіи разбираемаго факта? Съ этимъ я вполнѣ соглашаюсь и не претендую выполнить всѣ эти строгія требованія строгой критической науки, что далеко превосходитъ мои силы. Я готовъ согласиться, что я разбираю только частный историческій результатъ безъ отношенія его къ причинамъ и слѣдствіямъ,—готовъ согласиться, потому что такой разборъ не только позволителенъ, но даже необходимъ—для того чтобы *вызвать* критическую науку на опредѣленіе причинъ и слѣдствій,—вызвать хоть тѣми односторонними, крайними, рѣзкими заключеніями, которыя одни только при такомъ разборѣ возможны.

Гюлистанъ раздѣляется на *предисловіе*, которое имѣетъ свое подраздѣленіе, и восемь *главъ* или частей, обнимающихъ разные предметы человѣческой жизни: 1) *о нравахъ государей*, 2) *о качествахъ дервишей*, 3) *о превосходствѣ довольствованія* (тѣмъ, что есть, умѣренности), 4) *о пользѣ молчанія*, 5) *о любви и юности*, 6) *о слабости и старости*, 7) *о вліяніи воспитанія*, 8) *о правилахъ общежитія*.

Въ предисловіи авторъ высказываетъ не только причины, побудившія его написать Гюлистанъ, но всѣ тѣ задушевныя понятія, которыя владѣли его и руководили на пути жизни и литературной дѣятельности; высказываетъ воззрѣніе на міръ—свое, слѣдовательно и своихъ соотечественниковъ и сотоварищей. Оно, какъ всякое восточное письменное произведеніе, начинается славословіемъ Богу, которое заслуживаетъ нашего вни-

манія по своей дѣйствительно высокой красотѣ, хотя и не всегда совершенной, и нерѣдко заставляющей насъ сожалѣть о томъ гибельномъ вліяніи, которое произведено на умъ восточный тяжелымъ и безжизненнымъ исламомъ (5).

«Во имя Бога милостиваго и милосердаго!

Признательность Богу—да будетъ Онъ прославленъ и возвеличенъ— Которому повиновеніе есть средство приближенія (къ Нему), и благодарностію Которому увеличивается (Его) благость! Всякое дыханіе, которое входитъ въ насъ (б. идетъ внизъ), продолжаетъ жизнь, а когда выходитъ—услаждаетъ бытіе; потому въ каждомъ дыханіи заключаются двѣ милости, и за каждую милость необходимо благодареніе.

Бейтъ (6).

«Рукою и языкомъ (т. е. жертвами и молитвами) кто вознесется (такъ), | чтобы выдти (съ честію) изъ долга благодарности? | *Творите благодареніе, потомки Давидовы* (вѣщаетъ Богъ, ибо) *не многіе изъ рабовъ моихъ благодарны* (7).

---

(5) Переводъ я представляю возможно—*буквальный*, какъ для того, чтобы каждый читатель могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о красотахъ и недостаткахъ строя персидскаго языка, и могъ видѣть самое вѣрное и точное выраженіе мысли персидскаго писателя, и болѣе или менѣе—ея стройность; такъ и для того—и это было для меня важнѣйшимъ побужденіемъ—чтобы переводъ мой могъ служить пособіемъ для начинающихъ переводить съ персидскаго языка. Съ этою цѣлію впослѣдствіи будетъ изданъ отдѣльно персидскій текстъ Гюлистана въ тѣхъ отрывкахъ, которые переведены здѣсь.—Прошу читателей не быть на меня въ претензіи за предпочтеніе того тяжелаго и часто нескладнаго языка, которымъ я передаю разбираемое произведеніе. Я хотѣлъ быть, по простому требованію истины, какъ можно болѣе вѣрнымъ подлиннику, что было бы невозможно при малѣйшей вольности. Это предпочтеніе тѣмъ позволительнѣе, что я вовсе не имѣлъ въ виду—только *плѣнять* читателей *красотами* Саади. . . . А смыслъ, сколько я понимаю, переданъ вѣрно.

Слова и выраженія въ скобкахъ, суть пояснительныя или дополнительныя, въ подлинникѣ не имѣющіяся; въ скобкахъ же обозначенныя: б, представляютъ выраженія буквальныя, которыя я считалъ неудобными для передачи на русскомъ языкѣ въ сплошномъ переводѣ.

При переводѣ я пользовался персидскимъ текстомъ англійскаго изданія (The Gulistan of Sâdy, published by Francis Gladwin, Lond. 1809) и рукописнаго, по увѣренію природныхъ персіянъ, весьма вѣрнаго экземпляра. Въ пособіе у меня были буквальный переводъ: французскій (Gulistan ou le Parterre-de-Fleurs, trad. par N. Semelet, Paris, 1834) и вольный русскій переводъ (въ рукописи) пр. Мирзы Каземъ-Бека.

(6) Въ подлинникѣ каждые стихи, имѣющіе свойственные своему размѣру и риѳмѣ названіе, озаглавлены имъ; даже стихи одного и того же рода, но разнаго содержанія, часто озаглавливаются отдѣльно. Для наглядности я представляю въ началѣ нѣсколько примѣровъ.

Бейтъ—двустишіе, состоящее изъ двухъ риѳмованныхъ полустишій (строчекъ).

Кат'а—строфа.

Незмъ—стихотворный отрывокъ, и проч.

(7) Курсивомъ обозначены арабскіе стихи или изрѣченія, заимствованные большею частію изъ корана.

Кат'а. (*)

«Лучше только, чтобы рабъ въ немощи своей | извинился предъ Престоломъ Божіимъ; а если нѣтъ, — достойное Его Существа кто можетъ совершить? | Дождь неисчислимаго милосердія Его достигаетъ всѣхъ, | и всюду распростертъ столъ щедрыхъ благодѣяній Его. | Завѣсы славы (добраго имени) рабовъ онъ не раздираетъ за постыдную вину | и не отнимаетъ (б.: не отсѣкаетъ) дневнаго даянія (б.: порціи, опредѣленной части) за безчестное преступленіе.

Кат'а

«О, Прещедрый! который изъ тайной сокровищницы | надѣляешь пищею и гебровъ и невѣрныхъ,— | какъ Ты лишишь (этой пищи) друзей, | Ты, который къ врагамъ имѣешь вниманіе (б.: взглядъ)!

«Онъ говоритъ утреннему зефиру-феррашу ([1]), чтобы онъ разстилалъ (по полямъ) изумрудный коверъ, и весеннимъ кормилицамъ—облакамъ повелѣваетъ воспитывать малютокъ—растеній въ колыбели земли. Деревьямъ, какъ халь'атъ ([9]) наўруза ([10]), надѣваетъ на грудь тунику изъ зеленыхъ листьевъ, а дѣтямъ (ихъ), вѣтвямъ, по приближеніи весенняго времени, возлагаетъ на голову цвѣтистый тюрбанъ. Могуществомъ Его сокъ камыша становится превосходнымъ медомъ, и попеченіемъ Его сѣмячко финика дѣлается высокимъ деревомъ.

Кат'а.

«Облако и вѣтеръ и луна и солнце и небо дѣйствуютъ, | чтобы ты доставалъ хлѣбъ и не вкушалъ его съ безпечностію. | Все движется (б.: вращаетъ голову) и повинуется (б.: несетъ повелѣніе) ради тебя; | не будетъ условія справедливости (справедливо), чтобы ты не повиновался. |

«Въ преданіи есть (говорится) о главѣ творенія, (который есть) слава сущаго, милосердіе сотворенныхъ (б.: міранъ, живущихъ въ мірѣ), непорочность людей, дополненіе (совершенство) круга времени ([11]), Мохеммедъ Мустафа—благословеніе и миръ на него!—

Бейтъ.

«Заступникъ, внимательный, пророкъ великодушный,
щедрый, великій, любезный, запечатлѣнный ([12]).

([1]) *Феррашъ*—придворный слуга, котораго главная обязанность состоитъ въ разстиланіи ковровъ въ царскихъ покояхъ.

([9]) *Халь'атъ*—великолѣпная одежда, жалуемая царями подданнымъ.

([10]) *Наўрузъ*—б: новый день,—первый день новаго года, день весенняго равноденствія, 9 марта, который персіяне празднуютъ, надѣвая лучшія платья: халь'атъ наўруза.

([11]) и ([12]) Мусульмане считаютъ Мохеммеда послѣднимъ изъ пророковъ (которыхъ всѣхъ, какъ говоритъ Chardin, мусульмане насчитываютъ сто двадцать четыре тысячи), *дополненіемъ, печатью*, пророковъ. Въ эпитетѣ *запечатлѣнный* Chardin видитъ намекъ на преданіе, что Мохеммедъ былъ осѣненъ особеннымъ пророческимъ знакомъ, свѣтлымъ ореоломъ. Все это—эпитеты, изъ девяносто девяти придаваемыхъ мусульманами Мохеммеду.

(*) Чертами (|) отдѣляются здѣсь стихи подлинника одинъ отъ другаго.

Бейтъ.

«Какая забота (чего бояться) стѣнѣ народа вѣрныхъ, когда будетъ такая, какъ ты, подпора! | Чего бояться волны морской тому, у кого кормчимъ будетъ Ной.....

Незмъ.

«Онъ достигъ своимъ совершенствомъ высочайшей степени величія, | онъ разогналъ мракъ ночной своими достоинствами. | Всѣ его качества прекрасны.—Благословляйте его и потомство его!

«(. . . . . говорится) что всегда, когда кто нибудь изъ рабовъ, грѣшникъ, разсѣянной (безпорядочной) жизни, въ надеждѣ услышанія, воздѣнетъ руку раскаянія къ Престолу Бога—да будетъ Онъ прославленъ и превознесенъ!—(и) когда Всевышній не воззритъ на него, онъ снова воззоветъ къ Нему, (и Господь) снова отвратится, (и рабъ) снова воззоветъ къ Нему съ моленіемъ и стенаніемъ,—Богъ—слава Ему, и да будетъ Онъ вознесенъ!—скажетъ: *о, Ангелы Мои! Я скорблю о рабѣ Моемъ, и нѣтъ у него господина, кромѣ Меня, потому Я уже простилъ его;* молитву его Я услышалъ и нужду его удовлетворилъ (б.: нужду его унесъ), потому что отъ множества молитвъ и стенаній (его) Я устыдился.

«Пойми (б.: виждь) великодушіе и благость Господа: | рабъ грѣшитъ, а Онъ стыдится (за него)!

«Ревнители каабы (храма) ([13]) Его величія сознаются въ несовершенствѣ (своего) богослуженія (говоря): *мы не поклоняемся Тебѣ по истинѣ Твоего поклоненія* (такъ, какъ тебѣ должно покланяться)! Описывающіе блескъ (б.: украшеніе) Его красоты удивляются (б.: принадлежатъ удивленію): *мы не постигаемъ Тебя, по истинѣ Твоего постиженія* (какъ Тебя должно постигать)!

«Если бы кто спросилъ у меня описанія Его, | (я сказалъ—бы:) смущенный (б.: безъ сердца,—потерявшій сердце, себя) что скажетъ о безплотномъ (неимѣющемъ знака, безъ чертъ, очертаній)? | Влюбленные убиты предметами любви, | (а) изъ убитыхъ не исходитъ звука (т. е. убитые ничего не могутъ сказать о предметахъ любви).

«Одинъ изъ мудрецовъ (б.: владѣтелей сердца) преклонилъ голову на лоно (б.: въ пазуху, въ воротникъ) размышленія и погрузился въ море видѣній. Когда онъ очнулся (б.: возвратился) изъ того состоянія, одинъ изъ товарищей сказалъ весело (б.: путемъ веселости): какой подарокъ великодушія принесъ ты намъ изъ того сада, въ которомъ былъ? (Мудрецъ) сказалъ: я имѣлъ въ мысли, что когда приду къ дереву (кустарнику) розъ, наполню полу (розами, чтобы сдѣлать) подарокъ пріятелямъ; (но) когда дошелъ, запахъ розъ такъ упоилъ меня, что пола моя вышла изъ рукъ.

([13]) *Кааба*—черный камень (аэролитъ) въ храмѣ въ Меккѣ, извѣстный священнѣйшій предметъ поклоненія арабовъ (а потомъ и всѣхъ мусульманъ) съ незапамятныхъ до нашихъ временъ. Подробное описаніе см. въ Description de l'Arabie par Niebuhr, T. II, p. 226.

«О, птица утра (соловей)! учись любви у мотылька: | у обожженнаго душа ушла,—и звукъ (жалобы) не вылетѣлъ. | Эти надменные Его познаніемъ—не знаютъ Его, | потому что тѣмъ, которые знали, познаніе не возвратилось ([14]). | О (Ты, который) превыше мечты, разсужденія, думы и воображенія, и всего, что говорили, (что) мы слышали и читали! | Засѣданіе (поприще) наше совершилось и жизнь дошла до конца, | (а) мы все еще остались въ началѣ Твоего описанія!....»

Кто можетъ не найти здѣсь чудныхъ красотъ? кого не тронетъ чудная мелодія этого благоговѣйнаго рокота сердечныхъ струнъ, эта пѣсня умиленнаго сердца?.... Въ цѣломъ этомъ славословіи дышетъ любовь, любовь горячая и безпредѣльная къ Творцу, славу Котораго щебечетъ сердце, не могшее обнять всего величія и благости своего Создателя. Славословіе это производитъ на читателя такое сильное впечатлѣніе, что потомъ съ послѣдующихъ страницъ невольно возвращаешься къ началу Гюлистана, чтобы поласкать чувства мелодіею первыхъ его страницъ.—Но, вслушавшись въ эту мелодію, начинаешь чувствовать мало-по-малу, что она выливается только изъ сердца, которое, пораженное и охваченное со всѣхъ сторонъ сладостями и великолѣпіемъ жизни, упивается ими, не умѣя отдать себѣ въ нихъ отчета, отстраняя отъ себя всякіе вопросы о значеніи, возможности и результатахъ этихъ наслажденій, удаляя всѣхъ другихъ своихъ двигателей, кромѣ инстинкта наслажденія. Полагаемъ, что не неумѣстно требовать отъ разумнаго человѣка даже въ наслажденіи—нѣкотораго сознанія .... Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить обстоятельнѣе объ этомъ предметѣ, о религіозныхъ воззрѣніяхъ восточнаго человѣка, а теперь перейдемъ къ слѣдующей главѣ предисловія, которую чрезвычайно странно видѣть въ такомъ близкомъ сопоставленіи съ главою прочитанною.

Глава эта называется:

Добродѣтели государя ислама—да увѣковѣчитъ Богъ его царствованіе!

«Добрую молву (о) Саади, которая раздается въ устахъ народа (б.: упала въ уста народа), и славу его рѣчей, которая разошлась по поверхности земли, и милое перо (б.: камышъ) его разсказовъ, которое вкушаютъ

([14]) Намекъ на духовное ясновидѣніе Бога, возможное только въ минуты особенной экзальтаціи духа, преходящей и не оставляющей послѣ себя никакого сознательнаго воспоминанія.

Въ первыхъ двухъ строчкахъ стиховъ параллель между соловьемъ, громко, хвастливо поющимъ о своей любви къ розѣ, и мотылькомъ, умирающимъ безмолвно жертвою любимой свѣчи.

подобно сахарному тростнику, и листы его сочиненій, которое носятъ какъ золотое письмо ([15]),—нельзя приписывать (б.: возлагать на) совершенству искусства и краснорѣчію его (Саади), но (тому, что) властитель міра и полюсъ круга времени, намѣстникъ Соломона ([16]), покровитель вѣрныхъ (б.: народа вѣры), величайшій царь царей, Атабекъ великій, Мюзаффаруддин-вед-дунья ([17]), Абубекръ, сынъ Саада, сына Зенгія ([18]), тѣнь Божія на землѣ—*Господи! окажи благосклонность и попеченіе ему и его народу!*—воззрѣлъ (на Саади) и соизволилъ высказать (б.: приказалъ) сильное одобреніе и оказалъ искреннее расположеніе, (почему) безъ сомнѣнія (и) всѣ люди, вельможи и чернь склонились на любовь къ нему, потому что *люди* (основываются) *на опредѣленіи своихъ государей.*

«Съ тѣхъ поръ, какъ ты взглянулъ на меня бѣднаго, | слѣды мои стали явственнѣе солнца. | Хотя бы даже всѣ пороки были въ этомъ рабѣ,— | всякій порокъ, который султанъ одобряетъ, есть добродѣтель. | Однажды въ банѣ благовонная глина ([19]) | попалась мнѣ въ руки изъ рукъ пріятеля. | Я сказалъ ей: мускусъ ты или амбра, | что плѣнительнымъ благовоніемъ твоимъ я упоенъ? | Она сказала: долгое время я оставалась съ розою: | достоинство собесѣдницы сдѣлало на меня вліяніе, | а еслибы не (была я съ нею), я была бы такою же (простою) землею, какою была. | *О, Боже! окажи милость мусульманамъ продолжительностью его* (Атабека) *жизни,* | *и удвой награду за его прекрасныя качества и добродѣтели, и возвысь степень* (знатности) *друзей его и помощниковъ,* | *и порази враговъ его и ненавистниковъ,*—(заклинаемъ Тебя) *тѣмъ, что читается въ стихахъ алкорана!* | *О, Боже! дай миръ его странѣ и храни его семейство!*

«*Міръ счастливъ имъ — да продлится его счастіе!* | *и да вспомоществуетъ ему Господь знаменами побѣды,* | *и да возрастаетъ также вѣтвь, которой онъ есть корнемъ* (наслѣдникъ его), | *ибо растенія земли стали прекрасны отъ доброты сѣмени.*

([15]) Gentius въ своемъ латинскомъ переводѣ Гюлистана (Rosarium Politicum) говоритъ, что кагизи-зеръ, золотое письмо, есть жалованная персидскимъ царемъ грамата, съ которою пожалованный, являясь къ правителямъ провинціи, имѣлъ право на извѣстную подать, особо по этому случаю собираемую съ жителей.

([16]) Считая Атабека (см. далѣе примѣчаніе) преемникомъ царской власти въ Персіи отъ Кира (хотя 17 промежуточныхъ вѣковъ оставили развѣ только ту тѣнь связи между этими двумя государями, что Ширазъ, Cyropolis, резиденція Атабека, считается Персіянами также и столицею Кира, какъ говоритъ Gentius), Персіяне (такъ же неосновательно) считаютъ Кира преемникомъ Соломона, жившаго до него за 4 вѣка. Отсюда мусульманская фантазія выводитъ небывалое политическое родство между Атабекомъ и Соломономъ.

([17]) *Побѣдитель вѣры и міра,* т. е. стяжавшій духовную и мірскую силу.

([18]) Атабекъ Сюнкуръ, правитель Фарса, сынъ сельджукскаго генерала Сюльгура, освободился (543 г. Г.) изъ-подъ власти Сельджукидовъ. Ему наслѣдовалъ братъ, Мюзаффарудд-динъ Зенги, а этому сынъ его Тохла, потомъ другой сынъ Саадъ (591), отецъ Атабека Абубекра, который снискалъ себѣ расположеніе Чингизъ-хана, и потому царствовалъ спокойно, какъ Саади говоритъ далѣе.

([19]) *Гиль*—глина, илъ, земля (по Semelet пемза), служащая очистительнымъ средствомъ въ баняхъ въ Персіи, Турціи, Египтѣ, и проч.

«Да сохранитъ Всевышній и Пресвятой святую ширазскую область, до времени воскресенія мертвыхъ, въ безопасности, подъ властію (б. въ страхѣ) правосудныхъ правителей и попеченіемъ просвѣщенныхъ ревнителей!

«Не знаешь ты, въ чуждыхъ странахъ почему я медлилъ (долгое) время? | Я бѣжалъ отъ нечестія турокъ (20), потому что видѣлъ | міръ впавшимъ въ смятеніе подобно волосамъ негра. | Всѣ были дѣти Адама (люди), но подобные кровожаднымъ волкамъ съ острыми когтями. | Внутри (городовъ) народъ подобенъ (былъ) ангелу добраго свойства, | внѣ— войско подобилось свирѣпымъ львамъ. | Когда я возвратился, я увидѣлъ страну успокоивщеюся; | тигры оставили правъ тигра. | Такъ было въ первое время, которое я видѣлъ: | міръ (былъ) полонъ безпорядка, смятенія и бѣдствія. | Такъ (хорошо, когда я возвратился) стало во дни правосуднаго султана | Атабека Абубекра, сына Саада-Зенги (21).

«Нѣтъ персидской странѣ заботы отъ ударовъ (б. смятенія) судьбы,— | пока во главѣ ея будетъ подобная тебѣ тѣнь Божія! | Теперь никто не укажетъ на поверхности земли | безопаснаго мѣста удовольствія, подобнаго порогу твоей двери. | На тебѣ (лежитъ) покровительство угнѣтенныхъ, благодарность | на насъ, а на Богѣ Творцѣ міра—награда. | О, Боже! сохраняй землю персидскую отъ вѣтра смятенія, | пока будутъ земля и вѣтеръ (б. столь (долго), какъ существованіе землѣ и вѣтру!»)

Чтобы польстить своему государю, Саади представляетъ высшимъ существомъ, имѣющимъ нечеловѣческія силы, отражающимъ въ себѣ самого Бога («тѣнь Божія»), имѣющимъ власть даже *порокъ обращать въ достоинства*.—Какое заключеніе можно вывести изъ этого славословія? Едва ли не то, что Саади положительно призналъ свое абсолютное ничтожество, призналъ себя какимъ то существомъ не имѣющимъ ничего человѣческаго, уничтожилъ всякое разумное, человѣческое отношеніе свое къ своему повелителю, всякое свое человѣческое значеніе. Какая мысль водила перомъ Саади въ то время, когда онъ писалъ этотъ монологъ? Не нужно даже класть руки на сердце, чтобы сказать, что не было тамъ никакой мысли, покрайней мѣрѣ мысли, свойственной человѣку, сколько нибудь сознающему свое достоинство. Было желаніе громкими и созвучными фразами польстить неразборчивому самолюбію персидскаго повелителя, — и онъ вѣроятно остался ими совершенно доволенъ,—не смотря даже на третье еще славословіе: «*разсказъ о великомъ вельможѣ Фяхрудъ-динѣ Абубекрѣ, сынѣ Абунесра*», который былъ везиремъ, и которому поэтъ приписываетъ такія качества, какими могъ бы похвастать лю-

(20) Т. е. Монголовъ, разорявшихъ Персію.
(21) См. примѣч. 18.

бой изъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ шаховъ. Объ этомъ вельможѣ Саади говоритъ, напр., что «онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ совершенства», и что «небесный сводъ распрямился отъ радости, когда мать времени произвела сына, подобнаго ему!»

Въ чудовищномъ панегирикѣ шаху Абубекру встрѣчаются однакожъ мѣста, трогающія и увлекающія читателя своею прелестью и изяществомъ, какъ напр. басня о благовонной глинѣ, или заключительные стихи: на тебѣ лежитъ покровительство угнѣтенныхъ, и проч. Здѣсь даже дышетъ мысль глубокая и живая, которая вылилась изъ неподдѣльнаго воодушевленія. Вообще, относительно способа выраженія, Саади является здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ частяхъ предисловія, достойнымъ своей долговѣчной славы. Даже мысли недостойныя великаго поэта, какъ мы его понимаемъ, выражены Саади такъ живо и увлекательно, что недостатки ихъ значительно скрываются прелестью выраженія. Вообще, всякая *отдѣльная* мысль выражается прекрасно въ отдѣльной фразѣ, которая почти всегда была бы безукоризненна, если бы не должна была связываться съ предыдущимъ и послѣдующимъ, въ которыхъ выражается уже болѣе или менѣе полная идея,—если бы она осталась только фразою. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай неоднократно подтвердить эту мысль.

Панегирикъ вельможѣ Фяхруд-дину во всемъ подобенъ приведенному; потому я и не выпишу его здѣсь, а перейду къ слѣдующей части предисловія, въ которой говорится о *«причинѣ сочиненія книги Гюлистанъ»*.

Тутъ уже Саади касается близкихъ вопросовъ человѣческой жизни, потому что заглядываетъ въ самого себя, желая изъ самого себя объяснить причину, побудившую его написать Гюлистанъ, т. е. въ первый разъ высказать человѣчеству идеи, вынесенныя изъ своей долгой и многоопытной жизни. Тутъ уже дѣло идетъ о самой жизни человѣческой, о томъ какъ Саади смотрѣлъ на нее, на ея значеніе и выраженіе.

«Въ одну ночь я размышлялъ о прошедшихъ дняхъ, печалился о потерянной жизни и рѣзалъ камень оболочки сердца алмазомъ слезъ, и повторялъ эти стихи, сообразные моему положенію:

«Каждую минуту одно дыханіе уходитъ отъ жизни: | какъ посмотрю—(ея) осталось немного. | О (ты, котораго) пятдесятъ (лѣтъ) прошло, а ты въ усыпленіи; | можетъ быть возмешь (возьми) пять дней (которые тебѣ остались). | Стыдно тому, кто ушелъ и (б. дѣла) ничего не сдѣлалъ; | въ походный барабанъ ударили, а онъ не приготовилъ ноши. | Въ утро похода сладкій сонъ удерживаетъ пѣшехода отъ дороги».

Саади высказываетъ здѣсь мысли, совершенно сообразныя

своему положенію, какъ положенію человѣка, проведшаго жизнь зрѣлую—собственно ни въ чемъ. Въ этомъ именно онъ сознается, и это сознаніе дѣлаетъ ему честь и возбуждаетъ къ нему сочувствіе читателя.

«Всякій, кто приходилъ (въ міръ), дѣлалъ новое зданіе; | уходилъ и жилище оставлялъ другому, | а тотъ другой устроивалъ также по своему желанію, | и это зданіе никто не довелъ до конца. | Не дружись съ непостояннымъ другомъ (міромъ): | этотъ обманщикъ не стоитъ дружбы».

Интересъ увеличивается: предполагая подъ *новымъ зданіемъ* общее, цѣлое дѣло жизни человѣка, которое онъ, вступая въ міръ, начинаетъ безсознательно, съ теченіемъ времени измѣняетъ его ходъ и планъ, подчиняясь новымъ стремленіямъ и цѣлямъ, и потому не приводитъ его къ желаемому окончанію, мы невольно сочувствуемъ поэту, высказывающему искренно свои грустныя мысли о жизни, такъ какъ онъ ее понялъ: мы полагаемъ, что онъ именно понялъ ее, въ слѣдствіе размышленія объ ней, выразившагося въ приведенныхъ стихахъ. Но вотъ далѣе поэтъ указываетъ и на цѣль человѣческаго зданія или жизни. Цѣль эта—добродѣтель.

«Если добрый и дурной должны умереть, | (то) блаженъ тотъ, кто унесетъ шаръ добродѣтели. | (Самъ) пошли въ свою могилу запасъ (для) будущей жизни, | потомъ никто не принесетъ; пошли прежде. | Жизнь есть снѣгъ; въ лѣтнее солнце | мало осталось, а господинъ еще безпеченъ. | О ты, отправившійся на базаръ съ пустыми руками! | боюсь за тебя—не принесешь (и) передника. | Кто посѣвъ свой ѣстъ въ зелени, | тотъ во время жатвы его будетъ собирать (только) колосья. | Послушай ухомъ души совѣта Саади: | таковъ (истинный) путь: будь человѣкъ (мужественный) и иди».

И на все это мы не имѣемъ замѣтить ничего, кромѣ нѣкоторой угловатости и непослѣдовательности въ переходѣ мыслей. Послѣдній же совѣтъ: будь мужественъ и иди—восхищаетъ насъ, потому что онъ въ высшей степени прекрасенъ, такъ какъ мы его понимаемъ; онъ совершенно согласуется съ тѣми убѣжденіями, которыя мы стараемся вынести изъ жизни. Потому читатель ждетъ объясненія этого совѣта и съ любопытствомъ читаетъ далѣе.

«Послѣ обмышленія этого значенія (стиховъ), я призналъ за лучшее—сѣсть въ уединеніи (б.: въ гнѣздѣ уединенія), удаляться общества (б. подбирать полы отъ общества), омыть книгу (жизни) отъ безпорядочныхъ (пустыхъ) словъ и затѣмъ—пустаго не говорить.

«Лишенные языка (б.: отрѣзанный языкъ) глухой и нѣмой, сидящіе въ углу, | лучше человѣка, котораго бы языкъ не былъ во власти (разума)».

Какимъ образомъ Саади изъ приведенной выше массы болѣе

или менѣе прекрасныхъ идей пришелъ къ такому заключенію,—понятно вѣроятно только ему одному, да и то подлежитъ большому сомнѣнію. Броженіе какихъ то безпокойныхъ и пытливыхъ мыслей, стремленіе къ отвлеченности, для опредѣленія своего тревожнаго и непонятнаго душевнаго состоянія, при первой попыткѣ вылиться въ нѣчто сознательное, не смотря на обиліе и богатство этихъ мыслей, или можетъ быть именно по ихъ обилію и богатству,—представило въ цѣломъ нѣчто такое, изъ чего выведенъ результатъ самый неестественный.

Этотъ разладъ мышленія съ логикою, къ глубокому сожалѣнію ревностныхъ читателей и почитателей литературы восточной, составляетъ самый важный недостатокъ какъ Саади, такъ и всѣхъ *правовѣрныхъ* поэтовъ и мыслителей. Грустно видѣть отсутствіе всякаго логическаго мышленія, технической, такъ сказать, его обработки и анализа, при такомъ богатствѣ умственныхъ сокровищъ,—а это отсутствіе ощущается на каждомъ шагу; на любой страницѣ Саади видишь много чудныхъ золотыхъ песчинокъ, но—увы!—песчинки эти нигдѣ не сливаются въ цѣлое драгоцѣнное зерно, а напротивъ, представляютъ какую-то безпорядочную смѣсь, пересыпаны и часто совершенно засыпаны и поглощены грубымъ пескомъ или грязною землею. Природа произвела здѣсь все, что было хорошаго въ ея сокровищницахъ, и человѣкъ былъ только простымъ орудіемъ природы!

Прочитывая приведенное начало главы о причинѣ сочиненія Гюлистана, понимаемъ, что голова автора дѣйствительно была обуреваема множествомъ мыслей, съ которыми онъ однако же не могъ справиться; онъ подчинялся имъ какъ дитя, и потому нигдѣ не могъ высказать ни одного порядочнаго полнаго убѣжденія—которое даромъ не дается, а требуетъ болѣе или менѣе тщательной выработки. Начавши такъ здраво напоминаніемъ себѣ о томъ, что жизни осталось уже немного, и что нужно же наконецъ-что нибудь *сдѣлать*, и сдѣлать именно что нибудь доброе; убѣдивши по видимому въ этомъ себя цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ изрѣченій,—Саади высказываетъ наконецъ свое убѣжденіе, отъ котораго читателю становится какъ-то неловко, потому что на его глаза убѣжденіе это совершенное противорѣчіе тому, чего онъ ожидалъ. Саади рѣшился молчать и ничего не дѣлать, подтверждая это рѣшеніе твердымъ и рѣшительнымъ увѣреніемъ, что онъ ничего путнаго сказать не можетъ! эта идея такъ странна, что мы послѣдуемъ далѣе за Саади, предлагающимъ намъ, въ слѣдъ за своими размышленіями, разсказъ, который—дастъ дѣлу надлежащій оборотъ.

«(Я такъ сидѣлъ) до тѣхъ поръ пока не вошелъ изъ дверей, по старому обычаю, одинъ изъ друзей моихъ, который былъ моимъ товарищемъ на верблюдѣ (въ путешествіяхъ) и собесѣдникомъ въ комнатѣ. Сколько онъ ни рѣзвился и ни шутилъ, и (какъ) ни разстилалъ коверъ любопытства (узнать, что со мною),—я не отвѣчалъ и не подымалъ головы отъ колѣнъ благоговѣнія. Огорчившись, онъ посмотрѣлъ (на меня) и сказалъ:

«Теперь, когда тебѣ есть возможность говорить, | говори, о братъ, ласково и пріятно, | потому что завтра, когда придетъ вѣстникъ смерти, | будешь молчать (б. вытянешь языкъ) по неволѣ.

«Одинъ изъ приближенныхъ моихъ объяснилъ ему обстоятельство случившагося (такъ): онъ сдѣлалъ такое-то предположеніе, и твердое намѣреніе—остатокъ жизни въ мірѣ молиться (б. сидѣть молящимся) и избрать молчаніе; если можешь, возьми свою голову и удались (б. и предприми путь удаленія). (Пріятель мой) сказалъ: (клянусь) величіемъ великаго и прежнимъ (нашимъ) дружествомъ, что не переведу духа (не извлеку звука, слова) и ноги не занесу (за порогъ) иначе, какъ когда онъ заговоритъ по (своему) привычному обыкновенію и извѣстнымъ способомъ,—потому что оскорблять друзей есть невѣжество, а нарушеніе клятвы (очистить) легко ([22]). Противно пути истины и мнѣнію мудрецовъ—зюльфакару Алія ([23]) (оставаться) въ ножнахъ, а языку Саади въ поднебьи.

«О, умный человѣкъ! что такое языкъ во рту? | ключъ (отъ) двери сокровища обладателя достоинствомъ. | Если дверь будетъ заперта, какъ узнаетъ кто нибудь, | продавецъ ли онъ (обладающій ключемъ) жемчуга или мелкаго товара? | Хотя молчаніе предъ умными есть учтивость, | (но) въ надлежащее время лучше говорить (б. стараться о словѣ). | Двѣ вещи есть безуміе: молчать (б. запирать внизу дыханіе) | во время (необходимости) говорить, и говорить во время молчанія.

«Однимъ словомъ я не имѣлъ силы отвлекать языкъ отъ бесѣды, и не имѣлъ твердости отвращать лицо отъ его разговора, потому что онъ былъ пріятный (мнѣ) другъ, и дружба (была) искренняя.

«Когда ты будешь сражаться, сражайся съ тѣмъ, | отъ кого у тебя будетъ средство или бѣгство (кого можно побѣдить или бѣжать отъ него).

«Поневолѣ я сталъ говорить, и въ веселомъ расположеніи духа (б. веселясь) мы вышли. (Это было) во время весны, когда суровость холода прошла и наступило царство цвѣтовъ.

«На деревьяхъ (была) зеленая туника, | подобная праздничному платью счастливыхъ (богатыхъ).

«(Былъ) первый (день) ардабегишта, мѣсяца джеляльскаго ([24]). | Соло-

---

([22]) Чтобы очистить обѣтъ, который нельзя выполнить, нужно поститься три дня или накормить десять нищихъ (Gentius), или, прибавляетъ коранъ, одѣть ихъ или выкупить плѣнника.

([23]) Собств. имя меча Алія.

[24] Ардабегиштъ второй мѣсяцъ персидскаго года, который начинается въ день весенняго равноденствія, апрѣль. Это лѣтосчисленіе установлено Джеляль-эд-ди-

вей распѣвалъ (б. говорилъ) на вершинѣ вѣтвей; | на красную розу упали перлы росы, | подобные поту на ланитахъ застѣнчивой (по Semelet: разгнѣванной) красавицы.

«Ночью почлегъ случился мнѣ въ саду съ однимъ изъ друзей моихъ (упомянутымъ выше). Мѣсто было прекрасное и веселое, и плѣняющія сердце деревья вмѣстѣ (обнимались): сказалъ бы, что на ихъ почву пролиты были капельки эмали, и ожерелья плеядъ свѣсились съ молодыхъ виноградныхъ побѣговъ.

«(Это былъ) *садъ* (въ которомъ была) *вода источника Сельсами* (25), | *огородъ* (б. фруктовый садъ, въ которомъ раздавалось) *стройное пѣніе птицы.* | Тамъ полно тюльпановъ разноцвѣтныхъ, | здѣсь полно разнообразныхъ плодовъ. | Вѣтеръ въ тѣни деревьовъ его | разстилалъ коверъ хамелеоновый.

«Утромъ, когда желаніе возвратиться взяло верхъ надъ намѣреніемъ остаться (б.: сидѣть), я увидѣлъ его (пріятеля) собиравшаго въ полу розы и васильки и гіацинты и другія душистыя растенія, и вознамѣрившись возвратиться въ городъ, я сказалъ: розамъ сада, какъ ты знаешь, не будетъ прочности, и время цвѣтника измѣнчиво (б. не вѣрно, скоро проходитъ); и мудрецы говорятъ: все, что непрочно, не должно быть предметомъ (б. неприлично) сердечной привязанности. Онъ сказалъ: потому—что же? Я сказалъ: для увеселенія читателей (б. зрителей) и удовольствія просвѣщенныхъ (знатныхъ, горожанъ, б. присутствующихъ) я могу сочинить книгу цвѣтникъ, на листы которой осенній вѣтеръ не будетъ имѣть вліянія (б. у осенняго вѣтра не будетъ руки разрушенія), и весеннюю прелесть ея прахъ времени не измѣнитъ въ безпорядочность зимы.

«Къ чему тебѣ пригодится полная чаша цвѣтовъ? | возьми одинъ листъ изъ моего цвѣтника. | Роза будетъ только пять или шесть дней, | а этотъ цвѣтникъ всегда будетъ прекрасенъ.

«Какъ только я сказалъ эти слова, онъ высыпалъ цвѣты изъ полы, и схвативши меня за полу (б.: вцѣпившись въ мою полу, сказалъ): *благородный человѣкъ, если обѣщаетъ—исполняетъ* (обѣщаніе)».

Весь разсказъ очень хорошъ—живъ, блестящъ, цвѣтистъ, и представляетъ въ иныхъ мѣстахъ прекрасные образцы пластической поэзіи; только заключеніе немножко круто и построено не по всѣмъ правиламъ логики и риторики; но безъ этого заключенія можетъ быть не было бы и Гюлистана.

«Въ тѣ нѣсколько дней случайно были готовы (б. упали въ тетрадь) одна—двѣ главы о хорошемъ сообществѣ и учтивомъ разговорѣ, языкомъ (б. въ украшеніи, въ уборѣ), который пригодится витіямъ и прибавитъ краснорѣчія ученымъ.»

вомъ (царств. съ 475 г. Г.), потому и мѣсяцы называются джелальскими, какъ у европейцевъ иногда грегоріанскіе или юліанскіе. Gentius, d'Herbelot.

(25). Имя одного изъ семи райскихъ источниковъ.

Здѣсь авторъ указываетъ на новое достоинство Гюлистана, на изобиліе въ немъ — нравственныхъ и поэтическихъ выраженій, облеченныхъ въ звучную форму стиха, которыя повторяются тысячами устъ, пересыпающихъ ими рѣчь свою и кстати и некстати. И въ этомъ отношеніи Саади въ своемъ Гюлистанѣ совершенно достигаетъ цѣли: его изрѣченія въ поэтической формѣ могутъ дѣйствительно служить драгоцѣннымъ украшеніемъ рѣчи въ устахъ правовѣрныхъ, потому что изрѣченія эти, часто при глубокой и основательной мысли, выражены по большой части чрезвычайно тщательно и разборчиво. На каждой изъ разобранныхъ нами страницъ такихъ примѣровъ много, и много ихъ увидимъ еще впереди.

«Однимъ словомъ, цвѣты сада еще оставались (б.: отъ цвѣтовъ находился остатокъ), какъ книга Гюлистанъ была уже окончена,—вполнѣ же (б.: по истинѣ) окончится тогда, когда понравится во дворцѣ шаха, *прибѣжища міра, тѣни Творца, сіянія милостей Божіихъ* (и проч., и проч.,— еще пятнадцать эпитетовъ!.... и наконецъ довольно остроумное заключеніе:)

«У меня есть надежда, что онъ не нахмуритъ лица печали! | потому что цвѣтникъ не мѣсто тоски, | тѣмъ болѣе (тотъ) котораго счастливое украшеніе въ имени Саада, сына Бекра (сына) Саада, сына Зенгія (96).»

Въ этой главѣ мы надѣялись встрѣтить разрѣшеніе весьма интереснаго вопроса: какъ Саади смотрѣлъ на жизнь и понималъ ее?—Какое же разрѣшеніе мы встрѣчаемъ тамъ?—Не знаю, какъ другіе, а я этого разрѣшенія тамъ не нахожу.—Шестдесятъ лѣтъ живой, разгульной, полной развлеченій жизни, свою пустотою въ результатахъ привели Саади къ тому заключенію, что живя на землѣ, нужно что нибудь сдѣлать для этой жизни. И онъ удаляется въ уединеніе и предается благочестивымъ размышленіямъ. Если бы только это и сказалъ Саади въ своемъ предисловіи, если бы только это мы и могли извлечь изъ него,—мы были бы совершенно удовлетворены. Прекрасно и благородно желаніе маститаго ветерана жизни, убѣдившагося въ пустотѣ своихъ прошедшихъ лѣтъ, сойти съ занимаемой имъ беззнаменательной сцены и, удалившись въ отчужденный отъ всего міра уголокъ, заглянуть въ свою душевную глубину и, хоть немножко и поздно, постараться разрѣшить самые близкіе, насущные вопросы, которые должны бы были занять его при самомъ началѣ его житейскаго поприща. Мы поняли бы это и были бы признательны за такое скромное и благородное сознаніе старца: онъ не разрѣшилъ бы нашего вопроса, но покрайней мѣрѣ призналъ бы его возможность.

---

(96) Гюлистанъ посвященъ Сааду, сыну шаха Абубекра.

Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ ограничиться этимъ, какъ не ограничился этимъ Саади. Рѣшившись удалиться отъ міра, Саади весьма неосторожно и откровенно высказываетъ нѣкоторыя особенныя причины, побудившія его къ такому удаленію. Причины эти были такъ близки его сердцу, что онъ не ограничился нѣсколькими фразами, которыя мы уже видѣли, а написалъ еще цѣлую главу:

Извиненіе недостаточности службы (моей) и причина избранія уединенія.

«Нерѣшительность и медленность, которыя произошли въ выполненіи придворной государевой службы (во вступленіи моемъ въ службу), основаны на томъ, что индійскіе мудрецы разсказывали о достоинствахъ Бузюрчумахра ([27]): они не видѣли въ немъ другаго недостатка, кромѣ того, что онъ медленъ въ разговорѣ, т. е. очень медлитъ, (и) слушатель долженъ много ждать, пока онъ изложитъ рѣчь; Бузюрчумахръ услышалъ (это) и сказалъ: думать о томъ, что я скажу, лучше, чѣмъ раскаяваться—зачѣмъ я (это) сказалъ.

«Краснорѣчивый (б. знающій слово), воспитанный опытнымъ старикомъ, | подумаетъ (и) потомъ заговоритъ. | Не говори безъ размышленія. | Хорошо говори; если говоришь медленно—что за бѣда? | Подумай и потомъ говори, | и перестань (б. сдѣлай довольно) прежде, чѣмъ (тебѣ) скажутъ: довольно! | Говоромъ человѣкъ лучше скота,—(но) скотъ лучше тебя, когда ты говоришъ несправедливо (неблагоразумно)».

Очевидно большая часть этихъ фразъ вставлена для рифмы или созвучія.

«Потому, какъ я предстану на глаза вельможъ повелителя—да прославятся его побѣды!—который есть соединеніе людей умныхъ и центръ ученыхъ, (когда) если и осмѣлюсь заговорить,—сдѣлаю дерзость (невѣжество)? (и какъ бы) понесъ я малоцѣнный товаръ въ присутствіе величества? Мелкій стеклянный товаръ на рынкѣ ювелировъ не стоитъ овсянаго зерна; и свѣча предъ солнцемъ не имѣетъ свѣта; и высокій минаретъ кажется низкимъ у подошвы горы Алвенда ([28]).

«Кто подымаетъ шею притязаніемъ (гордостію), | на того врагъ устремляется со всѣхъ сторонъ. | Саади, который ничтоженъ (б.: упалъ), свободенъ (отъ заботъ): | никто не приходитъ на споръ съ ничтожнымъ. | Прежде подумай и потомъ говори: | прежде дѣлается фундаментъ, потомъ стѣна. | Я привью пальму, но не въ саду. | Я красавецъ, но не въ Ханаанѣ. ([29])

([27]) Везирь и любимецъ Хосроу Нуширвана, занимающій важное мѣсто въ исторіи и одинъ изъ любимыхъ героевъ народныхъ разсказовъ. Объ немъ подробнѣе см. у d'Herbelot и въ исторіи Малькольма.

([28]) Высочайшая вершина въ горахъ Демавенда близъ Тегерана.

([29]) Іосифъ прекрасный называется ханаанскимъ красавцемъ.

«Мудрецу Локману сказали: отъ кого ты научился мудрости? Онъ сказалъ: отъ слѣпыхъ, которые, пока не увидятъ (не ощупаютъ) мѣста, не поставятъ ноги. *Выходъ пусть предшествуетъ входу* (т. е. подумай о выходѣ прежде, чѣмъ войдешь), (прежде) испытай мужескія силы, потомъ женись.

«Хотя пѣтухъ ловокъ (б.: хитеръ) на битву, | что онъ сдѣлаетъ предъ соколомъ, у котораго мѣдныя когти? | Кошка есть левъ въ изловленіи мыши, но она мышь на полѣ битвы съ тигромъ».

Прочитавъ эту диковинную вѣчную память, которую пропѣлъ самъ себѣ живой человѣкъ, да и пропѣлъ-то такъ нескладно, и оправившись отъ смущенія, недоумѣнія и какой-то тяжести въ головѣ, невольно покачаешь этою головой и скажешь: суета суетъ! . . . . Саади здѣсь весьма ясно высказываетъ, что онъ удалился въ уединеніе для созерцанія своего внутренняго міра и благочестивыхъ размышленій—не потому, чтобы видѣлъ въ этомъ крайнюю нужду или пользу, а потому что онъ не могъ между умными людьми сказать что нибудь умное — по своей *глупости* и *ничтожеству*! Въ устахъ обыкновеннаго человѣка, европейца, слова эти звучали бы для насъ голосомъ оскорбленнаго самолюбія, злобной, колкой ироніи; въ устахъ же Саади слова эти должны знаменовать или искренность сознанія, или обычную форму вѣжливости, которая произносится однакожъ съ убѣжденіемъ въ надлежащей степени, такъ-что вообще слова эти достаточно показываютъ намъ, что восточный человѣкъ, въ лицѣ Саади, жертвуетъ своею личностью съ полнымъ самоотверженіемъ, не оставляя себѣ ничего, что бы могло поддержать его человѣческое достоинство въ собственныхъ глазахъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что истинное понятіе о человѣческомъ достоинствѣ для него было чуждо, и Саади, удаляясь отъ свѣта, стремился стяжать себѣ шаръ добродѣтели, предполагая его не только не въ добромъ, но и ни въ какомъ дѣяніи, а въ какомъ-то размышленіи о предметахъ, для самого Саади неизвѣстныхъ и недоступныхъ и чуждыхъ. Неосновательность и неумѣстность всѣхъ этихъ прекрасныхъ, но нисколько не идущихъ къ дѣлу изрѣченій, равно какъ и изумительную шаткость своихъ убѣжденій—самъ Саади доказалъ положительно дѣломъ: тѣмъ, что написалъ и Гюлистанъ и Бостанъ и еще нѣсколько другихъ книгъ, которыя онъ однако не называетъ *пустословіемъ*.

Слѣдовательно и напрасно мы будемъ искать у него разрѣшенія тѣхъ насущныхъ вопросовъ, которые мы надѣялись найти: Саади они не занимали, а если иногда и пробивались кое-гдѣ, то это случайно и какъ бы безъ его вѣдома,—покрайней мѣрѣ ни-

когда не привлекали на себя его сосредоточеннаго вниманія,— потому что къ такому сосредоточенію онъ былъ неспособенъ, какъ мы это видѣли въ приведенныхъ страницахъ его предисловія, и какъ мы увидимъ далѣе.

Такимъ образомъ, окончивши или почти окончивши обзоръ предисловія, касающагося по немножку различныхъ предметовъ, мы вынесли изъ него идеи, совершенно чуждыя намъ,—идеи или устарѣвшія, или не могущія никогда быть новыми, какъ высказанныя схоластически, безъ убѣжденія и аналитическаго умственнаго изслѣдованія, и противорѣчащія тѣмъ истинамъ, которыя нами уже усвоены. Всѣ эти идеи могутъ быть выражены въ слѣдующемъ сжатомъ извлеченіи:

«Наслаждайся жизнію и удивляйся Божіей благости, которая расточаетъ съ такою щедростію, и достойнымъ и недостойнымъ, сокровища міра; пользуйся этими сокровищами и превозноси величіе падишаха, потому онъ на землѣ всемогущъ и всевластенъ надъ тобою. Не забывай и прочихъ великихъ міра сего, всѣхъ тѣхъ, кто сильнѣе тебя чѣмъ нибудь, предъ которыми ты червь, предъ которыми единственная защита твоя — твоя слабость и ничтожество. И смотри на жизнь, какъ на неразгаданную и во всѣхъ отношеніяхъ недоступную намъ тайну, объ которой нужно размышлять въ торжественныя минуты, т. е. находиться въ безсознательномъ состояніи, понуривъ приличнымъ образомъ голову, и на всѣ отвлеченные вопросы отвѣчать глубокомысленно: Богъ великъ, онъ лучше знаетъ!....»

Мы полагаемъ, что извлекли изъ цѣлаго предисловія все существенное, и къ извлеченію этому прибавлять ничего не нужно: оно говоритъ само за себя достаточно-краснорѣчиво. И на послѣдующихъ страницахъ ничто не отвергнетъ ни одной его мысли.

Обзоръ предисловія къ Гюлистану мы заключимъ словами самого Саади, относящимися уже непосредственно къ самому Гюлистану.

«Но въ упованіи (на) возвышенность (б. ширину, объемистость) качествъ людей знатныхъ, которые закрываютъ глаза на недостатки подвластныхъ, и не стараются обнаруживать проступки (людей) маленькихъ, мы ввели въ эту книгу нѣсколько словъ, способомъ сокращенія (краткихъ), о вещахъ рѣдкихъ, изъ преданій, разсказовъ и стиховъ, о нравахъ прошедшихъ государей, и употребили на нее часть драгоцѣнной жизни. Это была причина книги Гюлистанъ,—*и на Бога* (возлагаю надежду на) *помощь*!

«Эти стихи и (ихъ) расположеніе останутся годы (многіе), | когда отъ насъ отпадутъ всѣ атомы праха. | Цѣль (этой) картины (книги) есть (та),

чтобы она осталась отъ насъ памятникомъ,— | потому что я не вижу твердаго существованія (долгой для себя жизни,—скоро умру). | (Можетъ быть) иной мудрецъ изъ состраданія, когда нибудь | помолится о дервишахъ (б. о пользахъ дервишей, вѣроятно, въ будущей жизни)!»

Зная, что самый Гюлистанъ есть собраніе правоучительныхъ басень, мы, взглянувши на названіе первой главы, *о правахъ государей*, имѣемъ полное право предполагать, что эта первая глава представитъ намъ рядъ разсказовъ, характеризующихъ государей персидскихъ и выражающихъ изъ-подъ пера Саади общественное мнѣніе объ этомъ предметѣ, и вообще понятія персовъ о правахъ и обязанностяхъ государей, объ отношеніи къ нимъ ихъ подданныхъ, о мѣстѣ, занимаемомъ ими среди людей государства.

Мы по прежнему будемъ заставлять говорить прежде всего самого Саади, приводя изъ каждой главы по нѣскольку разсказовъ, которыхъ совершенно достаточно будетъ для того, чтобы составить положительное мнѣніе о разсматриваемомъ произведеніи.

Начнемъ съ перваго разсказа первой главы.

«Я слышалъ объ одномъ государѣ, что онъ приказалъ убить плѣнника (б. указалъ плѣнника на убіеніе). Безнадежный, въ этомъ отчаянномъ положеніи, началъ на своемъ природномъ языкѣ (б. на языкѣ, который онъ имѣлъ) поносить и ругать государя; ибо говорятъ: всякій кто умываетъ руки отъ жизни (кто разстается съ жизнію), говоритъ все, что имѣетъ на сердцѣ.

«*Если человѣкъ отчаявается, языкъ его дѣлается длиннымъ, | подобно какъ побѣжденная кошка бросается на собаку.*

«Во время необходимости, когда побѣгъ невозможенъ, | рука хватается за лезвее остраго меча.

«Государь спросилъ: что онъ говоритъ?—О, повелитель! сказалъ одинъ изъ добродѣтельныхъ везирей,—онъ говоритъ, что (вѣчное блаженство предназначено) *тѣмъ, которые удерживаютъ гнѣвъ, ибо Богъ любитъ добродѣтельныхъ*. Царю пришло состраданіе къ нему (плѣннику), и онъ удалился отъ крови его (простилъ). Другой везирь, который былъ противникомъ его (перваго везиря), сказалъ: сынамъ нашего сословія нельзя въ присутствіи государей говорить иначе какъ по правдѣ; этотъ плѣнникъ поносилъ царя и говорилъ неблагопристойное. Государь нахмурилъ (б.: сморщилъ) лицо отъ этой рѣчи и сказалъ:—намъ эта ложь пришлась пріятнѣе той правды, которую ты сказалъ, потому что на-

мѣреніе той (лжи) было на пользу, а этой (правды) основаніе на злобѣ; и мудрецы говорятъ: ложь, смѣшанная съ пользою, лучше правды, возбуждающей смуту.

«Когда шахъ дѣлаетъ то, что кто нибудь говоритъ, | несправедливость была бы (вредъ), чтобы онъ говорилъ противное добру. | На сводѣ залы Феридуна (30) было написано: | Міръ, о братъ! не останется никому. | Сердце заключи въ Творцѣ міра, и только. | На обладаніе міромъ не облокачивайся и не опирайся спиною, | потому что онъ воспиталъ и умертвилъ много людей такихъ, какъ ты. | Когда чистая душа (человѣкъ) намѣревается уйти (изъ этого міра), | все равно умереть ли (ему) на престолѣ или на землѣ (б. на лицѣ праха)».

Въ этомъ разсказѣ мы встрѣтили именно то, чего желали: авторъ представилъ намъ прекрасный примѣръ *всемилосердія* государя. Но—всемилосердіе это мы видимъ здѣсь безъ всякаго отношенія къ *правдѣ*, къ справедливости, къ добру, и потому требовательность читателя, желающаго извлечь изъ разсказа полезную мысль, не удовлетворяется. Мы признаемъ великость безусловнаго милосердія, но здѣсь оно какъ-то такъ поставлено, что мы видимъ въ немъ только *произволъ*, какой видимъ и въ прешедствующемъ осужденіи плѣнника на казнь; мы не видимъ здѣсь рѣшенія разумнаго, вытекающаго изъ убѣжденія или побужденія добраго, являющаго правильную идею, извлеченную изъ житейскаго факта, и могущую потому имѣть приложеніе въ жизни, могущую поучить насъ. Все это случайно, безсмысленно, и потому для насъ безынтересно.

Еще болѣе затемняетъ и роняетъ дѣло изложеніе разсказа, которое въ нашихъ глазахъ никуда не годится. По поводу одного предмета насказано здѣсь такъ много, что идея царскаго милосердія стоитъ совсѣмъ не на первомъ планѣ, на которомъ не стоитъ и никакой идеи. Саади сначала доказываетъ такъ убѣдительно (т. е. повторительно), что приговоренный къ казни можетъ ругать всѣхъ, кого и какъ ни попало, ни объ чемъ не заботясь. Странная идея!—Затѣмъ онъ выводитъ на сцену правду и ложь, высказываетъ здѣсь можетъ быть глубокую идею, но опять безотносительную къ жизни, къ факту, потому что фактъ, представленный здѣсь, слишкомъ неопредѣленный, и до него идея эта не можетъ касаться. И разсказъ заключается разсужденіемъ о добрѣ, о непрочности мірскаго и проч. И идея царской милости не только не стоитъ на первомъ планѣ, но едва пробивается между указанными нами тремя главными идеями.

И вообще разсказъ этотъ не есть одинъ изъ разсказовъ о правахъ государей, а разсказъ—собственно ни объ чемъ, сборъ

(30) Седьмой царь первой персидской династіи, внукъ Джемшида, свергнувшій съ престола тирана Зохака.

фразъ, причисленный къ разсказамъ о правахъ государей потому, что въ немъ государь говоритъ нѣсколько словъ.

Историкъ изъ этого разсказа вынесетъ нѣкоторое понятіе о судѣ и правосудіи персидскихъ царей,—а вы не забудьте, что Гюлистанъ написанъ съ *поучительною* цѣлью, и состоитъ весь изъ правоучительныхъ разсказовъ. А какъ мало поучительнаго можно вывести изъ прочитаннаго разсказа—очевидно. Чтобы государи дѣйствовали по такому поученію, очевидно нужно, чтобы они приговаривали плѣнниковъ къ смерти ни-за-што ни-про-што; чтобы плѣнники были такіе отчаянные люди, какъ показано намъ въ этомъ разсказѣ; чтобы возлѣ государя были такіе мудрые везири или министры-философы; чтобы государи были подобными выведенному въ разсказѣ.

Пойдемъ далѣе и прочтемъ второй разсказъ.

«Одинъ изъ царей хорасанскихъ видѣлъ во снѣ султана Махмуда Сюбуктегина чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти: все существо его разрушилось и стало прахомъ, а глаза его все—еще продолжали двигаться въ глазныхъ чашкахъ и смотрѣли. Прохожіе мудрецы не могли растолковать (б. остались безсильны въ толкованіи) этого, кромѣ одного дервиша, который выполнилъ почтеніе (привѣтствіе) и сказалъ: онъ еще (до сихъ поръ) смотритъ, что царство его у другихъ (въ другой династіи).

«Подъ землею погребены многіе знаменитые, | отъ существованія которыхъ на лицѣ земли не осталось никакого знака. | И тотъ старый трупъ, который ввѣрили подъ-землю,— | прахъ изъѣлъ его такъ, что кости отъ него не осталось. | Благословенное имя Нуширвана живетъ по (тому) добру (которое онъ сдѣлалъ), | хотя много (лѣтъ) прошло, какъ Нуширвана нѣтъ. | Дѣлай добро, о (ты) такой-то! и считай жизнь добычею (пользуйся жизнью), | прежде чѣмъ поднимется голосъ (говоря): такого-то нѣтъ».

Не знаю, какъ другіе читатели, а я этого разсказа совершенно не понимаю, какъ не понималъ, кажется, ни одинъ изъ переводчиковъ, которыхъ труды были у меня подъ рукою (покрайней мѣрѣ переводовъ ихъ я такъ же не понимаю, какъ и подлинника). Потому, вздохнувши о томъ, что я не Персіянинъ, который одинъ только и можетъ вѣроятно понять такую диковинку (а если и не понять, то совершенно остаться сю довольнымъ), перехожу къ третьему разсказу.

«Я слышалъ объ одномъ царевичѣ, который былъ малъ (ростомъ) и дуренъ (лицомъ), а другіе братья его высоки и красивы. Однажды отецъ взглянулъ на него съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Сынъ понялъ (это) съ проницательностью и сказалъ: о отецъ! умный малорослый лучше высокаго дурака; не все, что ростомъ больше, цѣною лучше. *Овца* (мала и) *чиста, а слонъ* (великъ и) *поганъ.*

«*Самая маленькая гора на землѣ—Синай, однако онъ | высочайшій предъ Богомъ достоинствомъ и почетомъ.* | Слышалъ ли ты, что худощавый ученый | сказалъ однажды тучному глупцу?— | арабская лошадь хотя и тоща— | все-таки лучше (цѣлой) конюшни ословъ.

«Отецъ засмѣялся; столпы государства (вельможи) похвалили, а братья въ душѣ оскорбились.

«Пока человѣкъ не заговоритъ, | недостатокъ и доблесть его будутъ скрыты. | Не думай, чтобы всякій лѣсъ былъ пустъ;— | можетъ быть тамъ и тигръ спитъ.

«Я слышалъ, что въ то время явился царю опасный врагъ. Когда оба войска сошлись лицомъ къ лицу, первый человѣкъ, который погналъ коня на поле битвы, былъ юноша, и сказалъ (онъ):

«Я не тотъ, котораго тылъ увидишь въ день сраженія; | я тотъ, котораго голову увидишь въ срединѣ пыли и крови;— | потому что тотъ, кто сражается, играетъ своею кровію, | (а) кто въ день побоища побѣжитъ— кровію войска.

«Сказалъ это и ударилъ на непріятельскихъ воиновъ; опрокинулъ нѣсколькихъ изъ людей опытныхъ. Когда пришелъ къ отцу, поцѣловалъ землю почтенія и сказалъ:

«О ты, которому особа моя показалась презрѣнною! | да не считай крупность (тѣла) доблестью. | Въ дѣло идетъ поджарая лошадь | въ день битвы, не раскормленный волъ.

«Разсказываютъ, что непріятельскихъ воиновъ было много, а этихъ мало. Нѣсколько человѣкъ (б. толпа, масса) вознамѣрились бѣжать. Юноша закричалъ и сказалъ: о герои! постарайтесь, чтобы вы не надѣли платья женщинъ! У всадниковъ отъ словъ его прибавилось отваги, и они вдругъ сдѣлали нападеніе. Я слышалъ, что въ тотъ день получили надъ врагомъ побѣду. Царь поцѣловалъ его голову и глаза и схватилъ его въ объятія, и каждый день взиралъ на него (дѣлался внимательнымъ, благосклоннымъ) болѣе, до того что сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ. Братья позавидовали и положили (б. сдѣлали) ядъ въ его кушаньѣ. Сестра увидѣла (это) изъ верхней комнаты (и) захлопнула окно. Молодой человѣкъ понялъ и руку отъ пищи отнялъ и сказалъ: нелѣпо, чтобы достойные люди умирали, а недостойные захватывали ихъ мѣсто.

«Никто не пойдетъ подъ тѣнь (покровительство) совы, | хотя бы гумая (31) и былъ потерянъ изъ міра.

«Объ этомъ обстоятельствѣ увѣдомили отца. Онъ позвалъ братьевъ его и наказалъ, какъ должно; каждому назначилъ достаточную часть изъ пограничныхъ городовъ —такъ что смута осѣла и раздоръ поднялся (уле-

---

(31) Гума́ или гума́я—священная (баснословная) птица Персіянъ, живущая въ высшихъ небесныхъ кругахъ, къ землѣ никогда не прикасающаяся. Тѣнь ея приноситъ тому счастіе, на кого падаетъ. Въ особенности покровительствуетъ царямъ, откуда и производное слово: *гумаюнъ*—благородный, августѣйшій, счастливый. D'Herbelot.

тѣлъ вверхъ—игра словъ). И говорятъ: десять дервишей будутъ спать на одномъ коврѣ, а два государя не совмѣстятся въ одной странѣ.

«Если человѣкъ Божій—(монахъ, священно-служитель) ѣстъ половину хлѣба,— | другую половину онъ даритъ дервишамъ. | Государь (же) захватитъ власть надъ одною страною, | (и) все-таки желаетъ (б. въ желаніи) другой».

Разсказъ этотъ еще болѣе чѣмъ первый снабженъ разнообразіемъ содержанія, такъ-что и не знаешь, что и сказать объ этомъ разсказѣ—съ духомъ собраться трудно.

Несомнѣнно можно высказать здѣсь одну мысль (которая относится равно къ первому и слѣдующимъ разсказамъ), что этотъ третій разсказъ изображаетъ нравы царей, общіе не только всякому прочему человѣку, но даже и всѣмъ прочимъ существамъ одушевленнымъ: кстати же въ этомъ разсказѣ и приведены въ подтвержденіе этого лошадь, оселъ, овца и слонъ.. Плохое поученіе для государей, плохое понятіе могутъ составить правовѣрные читатели о своихъ повелителяхъ, — если какое нибудь понятіе они желаютъ и могутъ составить.

Для насъ въ содержаніи нѣтъ уже ровно никакого интереса; но я совѣтую читателю прочесть еще разъ этотъ разсказъ, чтобы постигнуть всю глубину его нелогичности и непослѣдовательности. Съ первой строчки что фраза, то новая мысль, не имѣющая ничего общаго съ предъидущимъ или послѣдующимъ. И весь разсказъ Саади вѣнчаетъ двумя удивительными изрѣченіями, которыя онъ если и приводитъ въ доказательство какой нибудь истины, то безъ сомнѣнія той, что онъ имѣетъ рѣдкое искуство и присутствіе духа сплочивать самымъ дикимъ и неестественнымъ образомъ различныя фразы и мысли, и составлять такимъ образомъ цѣлые разсказы, изъ которыхъ составлены цѣлыя книги!.... Содержаніе этого разсказа чрезвычайно напоминаетъ извѣстныя русскія популярныя книжицы: Бова-Королевичъ, Еруслапъ-Лазаревичъ, и т. п.; впрочемъ, по порядку и отчетливости изложенія мыслей — разсказъ этотъ далеко уступаетъ тѣмъ книжицамъ.

Мы разсмотрѣли уже три разсказа, оцѣнили ихъ, по нашимъ понятіямъ, и если читатели вынесли изъ нихъ одну общую идею, что въ послѣдующихъ разсказахъ они не встрѣтятъ ничего новаго, то ошибаются очень сильно, именно на половину: тамъ все или очень много новаго,—конечно, по достоинству отрицательному. Саади въ этомъ случаѣ даетъ намъ удивительное доказательство того, что умъ и духъ человѣка, въ своемъ содержаніи и проявленіяхъ, безконечно сложенъ, безконечно разнообразенъ—даже до противорѣчія.... Хотите ли видѣть образчикъ противорѣчія въ проявленіяхъ одного и того же духа?

Четвертый разсказъ

«Шайка арабскихъ воровъ расположилась на вершинѣ горы и преграждала путь караванамъ; жители городовъ были устрашаемы ихъ кознями и султанское войско преодолѣваемо, по той причинѣ, что они владѣли неприступнымъ убѣжищемъ на вершинѣ горы и сдѣлали себѣ безопасный пріютъ и жилище. Правители областей той страны совѣщались объ удаленіи вреда ихъ: если эта шайка такимъ образомъ будетъ продолжать существовать, то сопротивленіе ей будетъ невозможно.

«Дерево, которое теперь (недавно) пустило корни, | вырвется силою одного человѣка; | а если оставишь его такъ нѣкоторое время— | воротомъ не оторвешь его отъ корня. | Начало источника можно перехватить соломенкою, | когда же онъ станетъ полнымъ, нельзя перейти слономъ.

«Разговоръ на томъ порѣшили, что отправили одного (человѣка) на изслѣдованіе ихъ (воровъ) и выжидали удобнаго случая до тѣхъ поръ, когда (воры) отправились на грабежъ (б. устремились на людей), и пещера осталась пустою. Послали нѣсколько человѣкъ изъ мужей опытныхъ и воинственныхъ, чтобы спрятались въ ущельи горъ. Ночью, когда воры возвратились, совершивши путь и принесши награбленное, разбросали оружіе и расклали добычу. Первый врагъ, который палъ на ихъ голову, былъ сонъ.

«Кругъ солнца пошелъ во мракъ, | Іона пошелъ во чрево китово. (32) (т. е. наступила ночь).

«Какъ скоро прошла одна стража (четверть) ночи, храбрые мужи выскочили изъ засады и руки всѣхъ поодиночкѣ связали на спину. Утромъ привели (воровъ) во дворецъ царя. Онъ указалъ всѣхъ на убіеніе. Случайно въ той средѣ былъ юноша, который (еще) плода начала юности не достигнулъ, и мурава цвѣтника ланиты ново-распустилась. Одинъ изъ везирей поцѣловалъ подножіе царскаго трона, положилъ на землю лицо ходатайствованія и сказалъ: этотъ юноша не вкушалъ такъ (какъ другіе) плода изъ сада жизни и отъ цвѣта юности не получалъ наслажденія; надежда на великодушіе и благородныя качества повелителя (т. е. вашего величества)—что онъ возложитъ на раба (на меня) милость дарованіемъ его крови (окажешь мнѣ милость дарованіемъ его). Царь нахмурился отъ этихъ словъ, и не пришло ему согласіе совѣта сановника, и сказалъ:

«Тотъ, у кого дурное основаніе, не принимаетъ свѣта (совѣта) добрыхъ. | Воспитаніе у негодяевъ (б. нелюдей)—подобно орѣху на куполѣ (незамѣтно).

«Самое лучшее—истребить племя и семейство ихъ, и лучше вырвать корень ихъ и основаніе, потому что гасить огонь и оставлять уголь, убивать змѣю и сохранять (ея) дитя—не есть дѣло умныхъ.

Е«слибы облако дождило воду жизни, | ты никогда не будешьѣсть

---

(32) Здѣсь указывается на двойную темноту, отсутствіе свѣта солнца и мудрости Іоны, исчезнувшаго въ китѣ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ стихи эти не имѣютъ никакого смысла, по мнѣнію проф. Каземъ-Бека.

плодовъ отъ вѣтвѣй ивы. | Не проводи времени съ подлымъ, | потому что изъ дикаго тростника ты не будешь ѣсть сахара.

«Везирь выслушалъ эти слова, покорно и невольно одобрилъ (ихъ) и на прекрасное мнѣніе царя произнесъ похвалу, и сказалъ: то что повелитель—*да продлится вѣчно его царствованіе!*—изволилъ сказать, есть источникъ истины: если бы онъ получилъ воспитаніе въ нити сообщества тѣхъ злыхъ—сдѣлался бы однимъ изъ нихъ; но рабъ надѣется, что въ сообществѣ честныхъ онъ пріобрѣтетъ воспитаніе и приметъ нравы умныхъ, потому что онъ еще ребенокъ, и (хотя) та толпа положила на него видъ нечестія и упорства, но онъ еще не утвердился (въ этомъ). И въ преданіи есть, что *нѣтъ никого изъ рожденныхъ, кто бы родился не по природѣ ислама: дѣлаютъ ихъ потомъ родители евреями, христіанами и огнепоклонниками.*

«Жена Лотова подружилась со злыми, | и семейство ея лишилось пророчества. | Собака товарищей пещеры нѣсколько дней | перенимала слѣды добрыхъ и сдѣлалась человѣкомъ. (33)

«Онъ сказалъ это, и нѣкоторые изъ царскихъ придворныхъ помогали ему въ ходатайствѣ, такъ-что царь удалился отъ головы крови его (плѣнника) и сказалъ: я простилъ, хотя пользы не видѣлъ.

«Знаешь ли, что̀ сказалъ Залъ храброму Рустему (34)?— | не должно считать врага презрѣннымъ и слабымъ. | Мы видѣли довольно воды изъ начала источника: | когда увеличится—унесетъ верблюда съ пошею.

«Наконецъ везирь привелъ юношу домой и воспитывалъ въ ласкѣ и милости; опредѣлилъ для воспитанія его учителей и наставниковъ; они научили его краснорѣчивому разговору (б. прелести вопроса и силѣ отвѣта) и другимъ придворнымъ учтивостямъ, такъ-что въ глазахъ товарищей онъ заслужилъ одобреніе. Однажды везирь разсказывалъ кое-что о его свойствахъ и качествахъ въ присутствіи государя, ка̀къ подѣйствовало на него попеченіе умныхъ, и прежнее невѣжество изъ его природы исторгнуто. Царю отъ этихъ словъ пришла улыбка, и онъ сказалъ:

«Въ заключеніе волченокъ сдѣлается волкомъ, | хотя выростетъ съ человѣкомъ.

«Прошло года два, толпа бродягъ (того) мѣста сошлась съ нимъ (съ юношей) и заключила союзъ товарищества,—такъ-что въ удобное время онъ убилъ везиря съ двуми его сыновьями, утащилъ несмѣтное богатство, поселился въ разбойничьей пещерѣ на мѣстѣ отца и сдѣлался бун-

---

(33) Извѣстное на востокѣ преданіе о *семи спящихъ отрокахъ,* дошедшее отъ первыхъ вѣковъхристіанства, его гоненія. Семеро юношей (христіанъ), спасаясь отъ преслѣдованій Даціана или Деція, скрылись въ пещерѣ (которую мѣстныя восточныя поверья полагаютъ близь Эфеса, въ Натоліи, въ Емеѳѣ) и умерли тамъ, съ собакою, съ которою вмѣстѣ и удостоились вѣчной жизни въ Раю. Это преданіе записано и въ Коранѣ. Подробности: у Chardin (L. X, p. 70; edit 1723), въ Chrestomathie de Sacy (L. III, p. 253), въ dictionnaire de Moréri (m. Dormants), въ description de l'Arabie par Niebuhr (L. II, p, 77). (Notes de la traduct. de Semelet, p. 128).

(34) Залъ и Рустемъ — герои Шах-намэ.

товщикомъ. Извѣстили царя. Царь схватилъ зубами палецъ удивленія и сказалъ:

«Если сдѣлаетъ кто нибудь хорошій мечь изъ дурнаго желѣза, | то негодяй чрезъ воспитаніе не сдѣлается человѣкомъ, о мудрецъ! | Дождь, въ пріятной природѣ котораго нѣтъ противорѣчія, | въ саду возращаетъ тюльпанъ, а на болотѣ волчецъ. | Болотистая земля не произведетъ благовоннаго цвѣтка: | не теряй въ ней сѣмени и труда. | Добро дѣлать злымъ—то же, | что хорошимъ людямъ дѣлать зло вмѣсто добра.»

Предметомъ разсказа мы опять видимъ царское *милосердіе*, какъ и въ первомъ разсказѣ; — но что общаго между идеями этого милосердія тамъ и здѣсь? И какая одна главная его идея?

А каково понятіе Саади о воспитаніи?!...

Вотъ *пятый* разсказъ изъ той же первой главы, который нетолько самъ по себѣ непонятенъ, какъ второй разсказъ, но и по видимости нисколько не относится къ предмету первой главы—къ нравамъ государей.

«При дворѣ Углумыша я видѣлъ одного сына чиновника, который имѣлъ умъ, остроуміе, понятливость, проницательность выше описанія; даже съ малолѣтства знаки величія видны были на его челѣ.

«Надъ головою его, отъ ума, | блистаетъ звѣзда величія.

«Однимъ словомъ, онъ понравился царю, потому что имѣлъ прелесть фигуры и совершенство мысли. И мудрецы говорятъ: могущество въ достоинствѣ, не въ имѣніи; величіе въ умѣ, не въ возрастѣ. Сыны его сословія (его сверстники) возъимѣли къ нему зависть и обвинили въ какомъ-то дурномъ поступкѣ,—и объ убіеніи его употребляли безполезныя старанія.

«Что сдѣлаетъ врагъ, когда защитникомъ будетъ другъ!

Какая причина ненависти ихъ въ отношеніи тебя (спросилъ государь)? Онъ сказалъ: въ тѣни могущества повелителя я удовлетворялъ всѣхъ, кромѣ завистника, который удовольствуется только упадкомъ моего благополучія. Да продлится неизмѣнно власть и счастіе повелителя!

«Я могу не огорчать чьего нибудь сердца (б. внутренности), | а что я сдѣлаю завистнику, который самъ отъ себя полонъ огорченія? | Что бы избавиться—умри, о завистникъ, потому что это есть страданіе, | потому что отъ этого мученія нельзя спастись иначе какъ смертію. | Злосчастные (низкіе) страстно желаютъ | счастливымъ потери богатства и сана. | Если глазъ летучей мыши днемъ не видитъ, | какая вина источнику солнца? | Хочешь правды?—тысяча глазъ такихъ | слѣпыхъ (пусть будетъ) лучше, чѣмъ темное солнце».

Разсказъ *шестой*, чисто относящійся къ государю и государствованію.

«Разсказываютъ объ одномъ изъ царей персидскихъ, что онъ руку несправедливости протягивалъ къ имѣнію подданныхъ и сталъ дѣлать насиліе и притѣсненіе. Народъ отъ козней его тиранства пошелъ по-міру и отъ огорченія его притѣсненія взялъ путь скитальческій. Когда подданные

уменьшилось, возвышеніе доходовъ получило уменьшеніе, и казна опустѣла; и враги потѣснили со всѣхъ сторонъ.

«Всякому, кто желаетъ помощи на день бѣдствія, | скажи: во дни благополучія заботься о добрыхъ дѣлахъ. | Если не приласкаешь раба съ кольцомъ въ ухѣ,—онъ уйдетъ; | дѣлай милость,—милость, чтобы чужестранецъ сдѣлался кольцомъ въ ухѣ.

«Однажды въ обществѣ его (царя) читали книгу шах-намэ о паденіи царства Зохакова и времени Феридуна. Везирь спросилъ государя: Феридунъ не имѣлъ ни сокровищъ, ни владѣній, ни слугъ;—какимъ образомъ утвердилось на немъ падишахство? (Государь) сказалъ: такъ-какъ ты слышалъ: народъ съ расположеніемъ сходился вокругъ него и оказывалъ ему помощь,—(и) онъ получилъ падишахство. Везирь сказалъ: когда стеченіе народа есть причина падишахства, зачѣмъ ты разгоняешь народъ? развѣ не имѣешь желанія царствовать?

«Самое лучшее, чтобы ты отъ души заботился о войскѣ, | потому что султанъ царствуетъ съ войскомъ.

«(Государь) сказалъ: какое средство для стеченія военныхъ и подданныхъ? (Везирь) сказалъ: падишаху необходимо правосудіе, чтобы въ тѣни власти его сидѣли безопасно; а у тебя нѣтъ этихъ двухъ (качествъ).

«Тиранъ не дѣлаетъ султанства, | какъ отъ волка не произойдетъ присмотра за стадомъ. | Падишахъ, который заводитъ (б. бросаетъ учрежденіе) тиранство | выкапываетъ основаніе стѣны своего царства.

«Совѣтъ вѣрнаго везиря не пришелся по нраву царю. Онъ приказалъ (его) сковать и отправить въ темницу. Немного прошло (времени), какъ племянники султана поднялись на ссору (съ нимъ), и приготовили войско для сопротивленія, и требовали отцовскаго царства. Народъ, который отъ руки тиранства его дошелъ до крайности (б. до послѣдняго издыханія) и разсѣялся, сошелся къ нимъ и оказалъ помощь, такъ-что царство изъ власти его вышло и утвердилось за ними.

«Который падишахъ считаетъ справедливостью жестокость надъ подвластными, | друзья въ день (его) бѣдствія становятся сильными врагами. | Утверждай миръ съ подданными—и будь безопасенъ (не бойся) отъ войны противника, | оттого что для правосуднаго монарха народъ есть войско».

Въ этомъ разсказѣ есть, пожалуй, смыслъ, только условный: если государь такъ безразсуденъ, и если народъ можетъ такъ удобно переходить изъ одного государства въ другое, вообще—смыслъ восточной жизни, въ которомъ едва ли есть что нибудь прямо поучительное, такъ-что и для восточнаго человѣка вѣроятно не было бы никакой потери, если бы онъ вовсе не читалъ такого нравоученія. Царямъ персидскимъ было бы полезно прочитать его, и убѣдиться въ немъ,—но отъ чтенія до убѣжденія очень далеко, особенно у такихъ царей, какихъ образчики мы видѣли выше.

Но вотъ побасенка *(седьмая)* и въ Европѣ весьма знакомая.

«Падишахъ съ персидскимъ слугою помѣстился на кораблѣ. Мальчикъ еще не видѣлъ моря и не испыталъ бѣдствія на кораблѣ; (потому) началъ плачь и крикъ, и дрожь овладѣла его членами, (и) сколько ласкъ ни дѣлали, онъ не успокоивался. У царя отъ него жизнь (расположеніе духа?) возмутилась; а средства (никакого) не знали. На томъ кораблѣ былъ одинъ докторъ; онъ сказалъ: если ты прикажешь, я его заставлю молчать. Падишахъ сказалъ: (это) будетъ чрезвычайная милость (для меня). Докторъ приказалъ бросить мальчика въ море. (Когда) онъ нѣсколько разъ окунулся: его схватили за волоса и притащили къ кораблю; онъ обѣими руками схватился за корму корабля, (и) когда взошелъ (на него), сѣлъ въ уголъ и успокоился. Царю (это обстоятельство) понравилось; онъ сказалъ: какое въ этомъ правоученіе?»

«(Докторъ) сказалъ: (кто) не испыталъ несчастья утонуть, (тотъ) не знаетъ цѣны безопасности; такимъ образомъ, цѣну невредимости узнаетъ (только) человѣкъ, который попадется въ бѣду.»

Этого мало: вотъ вамъ Саади уже прямо отъ себя прибавляетъ кое-что въ назиданіе, что не имѣетъ ничего общаго ни со смысломъ разсказаннаго преданія, ни съ мудростію мудреца.

«О сытый! тебѣ ячменный хлѣбъ не кажется хорошимъ; | для меня (же) любимъ (и) тотъ, который для тебя отвратителенъ. | Для райскихъ гурій чистилище было бы адомъ; | спроси у жителей ада,—(они скажутъ) что чистилище рай.»

А вотъ еще четвертый смыслъ, который, по нашему мнѣнію, удачнѣе предыдущихъ можетъ подойти къ преданію,— только едва ли подходитъ къ Саади.....

«Есть различіе между тѣмъ, кто друга своего (держитъ) въ объятіяхъ, | и тѣмъ, котораго оба глаза ожиданія его (друга) у дверей.»

Какой нибудь нѣмецкій философъ нашелъ бы можетъ быть аналогію между моремъ и тѣмъ, кто не знаетъ его и потому къ нему *неравнодушенъ*, съ одной стороны, и любовникомъ, такъ же неравнодушно *ожидающимъ* свою любезную, съ другой.—Не правда ли, однако, что это для Саади слишкомъ большая тонкость? Вѣроятнѣе предположить, что и это поучительное изрѣченіе привязано къ разсказу такъ же безъ претензій, какъ и первыя два или три.

Восьмой разсказъ.

«Гермюзу Таджадару [35] сказали: какую ты видѣлъ вину отъ везирей отца (твоего), что приказалъ ихъ заточить? Онъ сказалъ: я никакой вины не узналъ, но я видѣлъ, что страхъ ко мнѣ въ сердцѣ ихъ безпредѣленъ, и они не имѣютъ полной вѣры въ мое обѣщаніе; я боялся, что изъ опасенія своего вреда они покусятся на мою погибель. Потому я исполнилъ слова мудрецовъ, которые говорятъ:

(35) Сынъ Хосроу-Нуширвана, отецъ Хосроу-Парвиза.

«О мудрецъ! бойся того, который тебя боится, | хотя бы ты и на сто такихъ, какъ онъ, пошелъ (могъ пойти) войною. | Не видишь ли, что когда кошка ослабѣваетъ, | (то) когтями выцарапываетъ глаза тигру? | Оттого змѣя поражаетъ пастуха въ ногу, | что боится—голову ея разобьетъ палкой.»

Чрезвычайно назидательно? Особенно для тѣхъ, которые имѣютъ счастливый даръ внушать къ себѣ такой знаменательный страхъ!—Великими мудрецами должны быть всѣ *свободные* везири, если они умѣютъ выбирать трудную средину между везирями восьмаго и шестаго разсказовъ.

Пробѣжавъ взглядомъ слѣдующія страницы Гюлистана и сравнивъ ихъ съ предыдущими, я пришелъ къ тому убѣжденію, что читатель самъ для себя ничего не потерялъ бы если бы эти слѣдующія страницы остались для него неизвѣстными: они по своему характеру и внутреннему значенію въ нашихъ глазахъ—совершенно тождественны съ видѣнными уже нами; а достоинство (отрицательное?) этихъ видѣнныхъ страницъ намъ положительно извѣстно; слѣдующія страницы въ этомъ случаѣ представляютъ только нѣкоторое колебаніе: однѣ уступаютъ въ своемъ достоинствѣ предыдущимъ, другія превосходятъ ихъ,—и колебаніе это едва ли не склоняется на сторону послѣднихъ.

Еще одинъ разсказъ *(девятый)* изъ той же главы я приведу для полной характеристики—не слѣдующихъ страницъ и помѣщенныхъ на нихъ разсказовъ, о которыхъ мы уже можемъ судить *вообще*, болѣе или менѣе основательно, а для характеристики личности персидскаго государя: мы видѣли уже отношеніе государя къ подданнымъ и къ везирямъ; теперь слѣдуетъ отношеніе государя къ наслѣднику. Сложите все это въ одно, и выйдетъ—типическая личность!

«Одинъ изъ царей арабскихъ былъ боленъ на старости и оставилъ (б. отсѣкъ) надежду на жизнь. Вдругъ изъ двери вошелъ всадникъ и принесъ радостную вѣсть, что такую-то крѣпость мы взяли (б. отворили) во власть повелителя, и непріятели въ плѣну, и военные и подданные той страны всѣ сдѣлались покорны повелѣніямъ (вашимъ). (Падишахъ), когда эти слова услышалъ, испустилъ холодный вздохъ и сказалъ: эта радостная вѣсть не для меня, (а) для враговъ моихъ, т. е. наслѣдниковъ царства.

«Драгоцѣнная жизнь, увы! стала у предѣла (своего) въ надеждѣ, | что то, что есть въ моемъ сердцѣ, исполнится (б. изъ двери моей возвысится); | затворница-надежда вышла (на волю, исполнилась), а что пользы?—потому что | надежды нѣтъ, чтобы жизнь пропадшая воротилась! . . .

«Рука судьбы ударила въ барабанъ походъ смерти. | О, мои два глаза! проститесь съ головою! | О, ладонь руки, и рука ([26]) и мышца— | всѣ проститесь другъ съ другомъ. | На меня пала смерть, (по) желанію врага (какъ желалъ врагъ). | Наконецъ, уйдите, о друзья! | Вѣкъ мой пошелъ на глупости; | я не дѣлалъ (предосторожности, не употреблялъ его, вѣкъ свой, въ пользу)—вы остерегитесь».

Нечего уже говорить о томъ, въ какой степени умѣстны и позволительны для государя предсмертныя жалобы и сѣтованія о жизни: государь, не понимающій значенія человѣка, подданнаго своего, совѣтника, наслѣдника,—имѣетъ полное право не понимать и своего собственнаго, царскаго значенія.

Повторяю, что читатель ничего вѣроятно самъ для себя не потерялъ бы, еслибы прекратилъ свое ознакомленіе съ Гюлистаномъ на послѣднемъ приведенномъ разсказѣ: часть даетъ слишкомъ ясное понятіе о цѣломъ. Но—только *понятіе.* А я хочу вашего убѣдительнаго *знанія,* безъ котораго можетъ быть *востокъ* мой потерялъ бы много. Я хочу, чтобы вы полюбили его—хоть ради того что тамъ любить нечего: любить достойное любви—не трудно. ..... Потому приглашаю читателя далѣе, обнадеживая его, что какъ всякій предметъ, такъ и Гюлистанъ—имѣетъ множество сторонъ, и съ каждой стороны бьютъ новые лучи мысли восточнаго человѣка. Однообразія, въ содержаніи покрайней мѣрѣ, не будетъ, а будетъ много новыхъ вопросовъ, которые откроютъ востокъ съ неизвѣстныхъ еще для васъ сторонъ.

Думаю однако, что для первой главы (въ которой 41 разсказъ) читатель удовлетворенъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что можно свободно перейти ко второй главѣ: *о качествахъ дервишей.* Я начну ознакомленіе читателя съ нею также съ перваго разсказа; я хотѣлъ сначала брать разсказы какъ нибудь наудачу, но боясь, чтобы не обвинили меня въ пристрастіи, я беру ихъ попорядку,—что, впрочемъ, рѣшительно все равно, потому что въ расположеніи разсказовъ Саади не руководствовался никакою системою, порядкомъ, связью.

«Изъ великихъ (кто-то, какой-то вельможа) сказалъ одному благочестивому: что ты скажешь касательно такого-то богомола, о которомъ другіе говорятъ съ охужденіемъ? Онъ сказалъ: въ наружности его вины я невижу, а скрытаго во внутренности его не знаю.

«Всякаго, на комъ увидишь святое платье, благочестивымъ считай и добродѣтельнымъ, хотя и не знаешь, что въ натурѣ его: какое дѣло полицейскому чиновнику внутрь дома»?

([26]) Отъ ладони до локтя.

(Новая сторона востока, благочестіе).

Сказавъ о первой половинѣ разсказа, что тамъ взглядъ слишкомъ односторонній, потому что отсутствіе, и тѣмъ болѣе только невидимость пороковъ не есть еще добродѣтель,—мы считаемъ излишнимъ говорить что нибудь о второй половинѣ, которая до такой степени противорѣчитъ всякому *нашему* здравому смыслу, что ее могъ написать только мусульманскій дервишъ (каковымъ былъ Саади). И это для всякаго читателя очень ясно.

Но зная русскую пословицу, *у всякаго свой вкусъ*, мы бы пожалуй не произнесли никакого порицанія на такую мысль, если бы она была тверда въ головѣ мыслившаго, еслибы понятія, подобныя приведеннымъ выше, были плодомъ извѣстной дѣятельности мысли и полученнаго оттуда убѣжденія; но—что всего страннѣе въ Саади, это то, что для него ни-почемъ противорѣчить самому себѣ діаметрально, какъ это мы видѣли въ началѣ первой главы Гюлистана. Вотъ новый, весьма положительный примѣръ, для котораго я беру *шестнадцатый* разсказъ второй главы.

«Одинъ изъ благочестивыхъ видѣлъ во снѣ падишаха въ раю, а богомольца въ аду; спросилъ: что за поводъ степени повышенія того и что за причина степени пониженія этого? мы думали напротивъ этого. Сказали: тотъ падишахъ въ раю по любви къ дервишамъ, а этотъ богомолецъ въ аду по короткости съ падишахомъ.

«Къ чему годится платье дервиша и четки и рубище?— | отъ дѣлъ безчестныхъ имѣй себя удаленнымъ. | Нѣтъ надобности, чтобы ты имѣлъ (б. въ имѣніи тобою) шапку (изъ) листьевъ: | качествами будь дервишъ и носи (хоть) татарскую шапку.»

Или вотъ еще—позволяя себѣ нарушить принятый Саади порядокъ разсказовъ—въ разсказѣ *пятомъ*.

«Нѣсколько человѣкъ изъ путешественниковъ согласились (на) странствованіе и (быть) соучастниками печали и радости. Я хотѣлъ сотовариществовать. Они не согласились. Я сказалъ: чуждо великодушія (б. отъ велик. . . .) и высокихъ свойствъ великихъ (людей) отвращать лицо отъ сообщества бѣдныхъ и отвергать пользу, потому что я знаю въ себѣ столько крѣпости и силы, что въ службѣ людямъ я буду смышленнымъ помощникомъ, не тяжестію сердца.

«*Если я не ѣду на верховомъ скотѣ,* | (то) *я постараюсь нести для васъ попоны.*

«Одинъ изъ той среды сказалъ: отъ этихъ словъ, которыя ты слышалъ, не имѣй печальнаго сердца, потому что въ эти дни (недавно) одинъ воръ въ видѣ (въ платьѣ) дервишей пришелъ и устроилъ себя въ нити нашего общества.

«Какъ узнаютъ люди, ктò въ платьѣ: | (только) написавшій знаетъ, чтò (какой смыслъ) въ имени (въ словѣ).

«Такъ какъ (б. отъ того мѣста, что) состояніе дервишей есть спокойствіе (безпечность, свобода),—мы излишняго подозрѣнія объ немъ не несли (не имѣли) и безъ мысли (безъ размышленія) согласились.

«Наружность состоянія *знающихъ* (37) есть платье дервишей: | этого довольно, потому что (это какъ) лицо въ твореніи. | О дѣлахъ старайся, а надѣвай все что хочешь. | Положи корону на голову и знамя на шею: | благочестіе не въ грубой одеждѣ. | Благочестивый, будь чистъ и надѣвай атласъ. | Оставленіе міра и плоти и сластолюбія есть | святость, не оставленіе платья и только. | Въ бронѣ долженъ быть мужественный человѣкъ; | воинское оруженіе на женоподобномъ—что пользы?

«Однимъ словомъ, въ одинъ день мы шли до ночи, и ночью заснули у подножія укрѣпленія. Несчастный (б. лишенный Божія благословенія) воръ взялъ рукомойникъ товарища, (сказавши) что иду на омовеніе, самъ пошелъ на грабежъ.

«Смотри (на этого) богомольца, который на груди сдѣлалъ (надѣлъ) рубище: | онъ одѣяніе каабы сдѣлалъ попоною осла.

«Какъ скоро скрылся отъ взгляда дервишей, онъ взошелъ на одинъ дворъ и укралъ ларчикъ, (и) пока день сдѣлался свѣтлымъ, это темное сердце (этотъ негодяй) прошелъ нѣкоторое количество дороги, а невинные товарищи спали. Утромъ всѣхъ повели въ крѣпость и посадили (б. сдѣлали) въ тюрьму. Съ той исторіи мы приняли (порѣшили, б. сказали) удаленіе (отъ) общества и предприняли путь уединенія, потому что *безопасность въ уединеніи.*

«Когда одинъ изъ общества сдѣлалъ глупость— | не осталось достоинства ни маленькимъ, ни большимъ (опозорилъ всѣхъ); | не видишь ли ты, что одинъ быкъ (блудливый) въ паствѣ | оскверняетъ всѣхъ быковъ деревни?

«Я сказалъ: хвала Богу—да будетъ Онъ возвеличенъ и прославленъ!—что я не остался удаленнымъ отъ пользъ дервишей, хотя сталъ отъединеннымъ отъ ихъ общества: я воспользовался этимъ разсказомъ, и наставленіе это идетъ на всю жизнь въ дѣло моимъ разсказамъ (въ мои разсказы).

«Однимъ невоспитаннымъ въ обществѣ | оскорбляется сердце многихъ умныхъ. | Если прудъ сдѣлаютъ полнымъ розовой воды, | (и) собака упадетъ въ него,—(весь) сдѣлается нечистымъ.»

Послѣ приведенныхъ трехъ разсказовъ, всякій читатель вѣроятно весьма сомнѣвается насчетъ благочестія дервишей—мусульманскихъ монаховъ. Я полагаю, что можно даже и не сомнѣваться, а быть совершенно увѣреннымъ въ его отсутствіи, потому что нигдѣ, конечно, не нужно столько высокаго сознанія и пониманія жизни и человѣка, какъ въ истинномъ служеніи Богу; мы же видѣли, какъ далекъ самъ Саади, одинъ изъ столповъ мусульманской мудрости и краснорѣчія, отъ

(37) Одинъ изъ мистическихъ эпитетовъ дервишей, людей благочестивыхъ.

вѣрнаго, яснаго и глубокаго пониманія чего-бы то ни было. Наконецъ, въ этомъ можетъ убѣдить насъ и неосторожно затронутый Саади вопросъ о нравственности его собратовъ.

Во *второмъ* и *третьемъ* разсказахъ Саади дастъ понятіе о молитвѣ правовѣрныхъ, святой нити, связывающей Бога съ человѣкомъ,—о молитвѣ въ смыслѣ *моленія*, не обряда. Разсказы эти дополнятъ наше понятіе о религіозныхъ воззрѣніяхъ Саади, слѣдовательно, какъ мы предполагаемъ, болѣе или менѣе и цѣлаго народа мусульманскаго.

«Я видѣлъ нѣкотораго дервиша, который, положивши голову на порогъ каабы, стеналъ и говорилъ: прощающій и милостивый! Ты знаешь, что выйдетъ приличнаго Тебѣ изъ несправедливости и невѣжества (моего).

«Я выполняю (б. несу службу) извиненіе преступленія (моего), | потому что я не имѣю увѣренности въ (своей) покорности (Тебѣ, въ своемъ благоговѣніи, благочестіи). | Непокорные раскаяваются въ грѣхахъ, | знающіе (законъ—дѣлаютъ) испрашиваніе прощенія въ своемъ Богопочитаніи (несовершенномъ).»

Какъ ясно выразилась многозначительная и задушевная идея мусульманина, что дѣла не суть необходимы для *Вѣры*! что вѣру, истинное благочестіе, можетъ замѣнить какое-то благочестіе обрядное, наружное, словами, извѣстными движеніями и положеніями тѣла (которыя кажется замѣщаютъ въ ихъ умѣ понятіе настоящихъ *дѣлъ*), и т. п.!.... Какъ иначе объяснить сказанное Саади? какъ отыскать въ его словахъ великую истину: Вѣра безъ дѣлъ мертва есть? какъ въ нихъ отыскать самую Вѣру?.... Если бы даже допустить истинность и глубину скорби мусульманскаго грѣшника, то гдѣ же надежда на исправленіе его въ жизни, которое безъ дѣлъ невозможно? гдѣ плоды этой скорби и долженствующаго слѣдовать за нею раскаянія? гдѣ самое раскаяніе?

Наконецъ, какъ дѣтски наивна послѣдняя фраза: грѣшники каются въ грѣхахъ, а благочестивые люди просятъ прощенія въ своихъ недостаткахъ (не раскаяваясь въ нихъ?)! Очевидно, по мнѣнію Саади—благочестивые люди сознаютъ свое благочестіе, считая его, по всей вѣроятности, совершенно удевлетворительнымъ. Какое же это благочестіе?.... Мысль для насъ совершенно новая и подтверждающая только сказанное выше, какъ подтверждаютъ его и слѣдующія далѣе слова того же разсказа.

«Богомольцы просятъ награды покорности ихъ, а купцы цѣны товарамъ; а я, рабъ, несу надежду, не покорность, и пришелъ за милостію, не за торгомъ.»

Тутъ сверхъ того мы видимъ новое, оригинальное понятіе о *наградѣ* богомольцевъ за ихъ служеніе, которую они требуютъ

сами!.... и совершенную безнадежность грѣшника въ своемъ исправленіи, въ чемъ ясно выражается плохая заботливотливость объ этомъ исправленіи.—И все, и все это подтверждаетъ вышесказанное и еще другое, извѣстное намъ, положеніе: отсутствіе сознанія своихъ человѣческихъ силъ, своихъ духовныхъ сокровищъ, данныхъ Господомъ, не подозрѣваемыхъ людьми и не обращающихъ на себя ихъ вниманія;—слѣдовательно—ничтожность, упадокъ этихъ силъ, ничтожность, упадокъ человѣка......

«Дѣлай со мною то, что Тебя достойно, и не дѣлай со мною того, чего я достоинъ.

«Умертвишь ли меня или даруешь вину—лицо и голова моя на порогѣ (покорности); | повелѣніе рабу не пристойно; понесу все, что Ты повелишь (т. е. у раба не можетъ быть своей воли, онъ исполнитъ твою). | «Я видѣлъ нищаго у двери каабы, | который все говорилъ и плакалъ крѣпко (б. хорошо): | я не говорю—прими покорность мою,— | перо прощенія вытяни на грѣхъ мой.»

И этотъ прекрасный отрывокъ, противъ котораго, по видимому, трудно сказать что нибудь,—и онъ выдаетъ Саади: «у раба не можетъ быть своей *воли*, онъ исполнитъ Твою»!—Если бы могъ подозрѣвать Саади, что этою незначительною, кажется, фразою, кроткою, смиренною,—онъ произноситъ страшный приговоръ надъ собою и себѣ подобными: у меня нѣтъ *(разумной) воли*, (или, что то же) у меня нѣтъ *разума*!!....

Третій разсказъ похожъ на второй, только гораздо умѣреннѣе и глаже его, за исключеніемъ послѣдней фразы, воззванія къ Богу, въ которой звучитъ недовѣріе къ Всевышней Благости, которую такъ превозносилъ Саади въ самомъ началѣ своего произведенія.

«Абдуль-Кадиръ Гилянскій (38), въ тайникѣ каабы лицо на камень положивши, говорилъ: о Повелитель! о прости! а если будетъ (б. есть) необходимость наказанія моего въ день воскресенія, воздвигни (воскреси) меня слѣпымъ, чтобы я не былъ пристыженъ предъ лицомъ добрыхъ.

«Лицо на прахъ безсилія (положивши), я говорю | на всякой зарѣ, когда идетъ вѣтерокъ: | о (Ты), котораго я никогда не забываю! | Тебѣ придетъ ли что нибудь на память о рабѣ?»

Не довольно ли для харастеристики второй главы? Читатель въ нѣсколькихъ ея разсказахъ могъ найти отвѣты на нѣкоторые важные вопросы, вызванные ея названіемъ: о нравахъ дервишей. Отвѣтовъ этихъ, каковы бы они ни были (а они по преимуществу отрицательные) смѣю увѣрить читателя, далеко не опровергаютъ слѣдующіе за тѣмъ разсказы (которыхъ всѣхъ

---

(38) По мнѣнію Semelet это извѣстный багдадскій ученый и учитель, котораго слушалъ и Саади.

49); они возбудили бы только новые вопросы и новые, неутѣшительные отвѣты, отъ которыхъ едва ли была бы какая нибудь существенная польза.—А впрочемъ, для лучшаго убѣжденія въ этомъ, я приведу еще нѣсколько разсказовъ, слѣдующихъ, по порядку.

И въ *четвертомъ*, напр., разсказѣ читатель найдетъ такое высокое понятіе о добродѣтели, до которой она едва ли когда нибудь доходила или дойдетъ въ несравненно гуманнѣйшей Европѣ.

«Воръ вошелъ въ домъ одного благочестиваго; сколько ни искалъ онъ (украсть что нибудь), ничего не нашелъ, и огорчился. Благочестивый узналъ, и коверъ, на которомъ онъ спалъ, бросилъ на дорогѣ прохода вора, чтобы онъ не остался лишеннымъ (добычи)

«Я слышалъ, что люди Божьяго пути | не оскорбляютъ сердецъ враговъ; | какъ же для тебя возможно будетъ это достоинство, | когда (у тебя) съ друзьями твоими противорѣчіе и ссора.

«Любовь чистыхъ людей, въ лицо ли или за глаза (б. въ затылокъ),—не такая, чтобы безъ тебя порицали (тебя), а предъ тобою готовы были умереть (б. умирали).

«Въ глаза, какъ кроткая овца, | за глаза какъ волкъ людоѣдъ.

«Кто недостатки другихъ приноситъ къ тебѣ и пересчитываетъ, | несомнѣнно понесетъ къ другимъ твои недостатки».

Что по поводу этой добродѣтели Саади дѣлаетъ всю вторую половину разсказа не относящеюся къ первой—къ этому мы должны привыкнуть. И кое-какъ утѣшиться можемъ, находя въ концѣ разсказа интересное указаніе на *сплетни*, которыя слѣдовательно могутъ гордиться глубокою, историческою древностію, и притомъ—родствомъ съ мусульманско-персидскою мудростію и благочестіемъ.

Вотъ еще оно, мусульманское благочестіе.

Шестой разсказъ.

«Одинъ монахъ былъ въ гостяхъ у падишаха. Когда сѣли за столъ, онъ ѣлъ меньше, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе, а встали на молитву—творилъ (молитву) больше обыкновеннаго, чтобы увеличили мнѣніе о его добродѣтели.

«О, Арабъ! я боюсь, ты не достигнешь каабы, | потому что дорога, которою ты идешь, (лежитъ) въ Туркистанъ.

»Когда онъ возвратился въ свое жилище, потребовалъ обѣденный столъ, чтобы поѣсть. Онъ имѣлъ сына, полнаго проницательности, (который) сказалъ: отецъ! ты ничего не ѣлъ на приглашеніи султана? (Отецъ) сказалъ: въ ихъ глазахъ я ничего не ѣлъ, что̀ бы насытило (было полезно, б. пошло въ дѣло). (Сынъ) сказалъ: соверши также молитву, потому что ты (и для нея) ничего не сдѣлалъ, что̀ бы было полезно.

«О ты, положившій добродѣтели на ладонь руки (на показъ), | а пороки

схватившій подъ мышки!— | что же ты хочешь покупать, гордецъ! | въ день бѣдствія, на поддѣльное серебро?»

Седьмой разсказъ.

«Помню, что во время дѣтства я былъ благочестивъ, встающій по ночамъ и жадный благочестія и воздержанія. Въ одну ночь сидѣлъ я къ услугамъ отца, всю ночь не смыкалъ глазъ и держалъ въ объятіяхъ несравненное писаніе (коранъ). А толпа вокругъ насъ спала. Я сказалъ отцу: изъ этихъ ни одинъ не подниметъ головы, чтобы совершить повтореніе (молитвы),—такъ спятъ, что ты сказалъ бы—умерли. (Отецъ) сказалъ: милый мой (б. душа отца)! если бы ты также заснулъ, (было бы) лучше, чѣмъ осуждать другихъ (б. лучше того, что ты упалъ на кожу творенія т. е. осудилъ).

«Надмѣнный не видитъ (ничего), кромѣ себя, | потому что имѣетъ завѣсу себялюбца предъ (собою, своими глазами). | Еслибы дано ему было Божіе видящее око,— | онъ не увидѣлъ бы никого слабѣе себя.»

Если шестой разсказъ написанъ въ назиданіе лицемѣрнымъ дервишамъ, то, для назиданія, онъ совершенно приличенъ, за то въ слѣдующемъ разсказѣ Саади такъ умилительно говоритъ о своемъ дѣтскомъ благочестіи, что невозможно заподозрить недостаточности его. Только немножко сбиваетъ съ толку неожиданное стихотворное заключеніе, о самолюбіи, несогласующееся какъ-то, въ устахъ одного человѣка, съ видѣннымъ выше воспоминаніемъ дѣтства.

А вотъ смиреніе паче гордости, въ *восьмомъ* разсказѣ.

«Одного знатнаго человѣка въ собраніи хвалили и превозносили прекрасныя его качества. Онъ поднялъ голову и сказалъ: я то, что̀ я знаю.

«Устранишь ли ты мои пороки, высчитывая мои достоинства? | Это моя наружность, а внутренности моей ты не знаешь.

«Особа моя въ глазахъ мірянъ есть прекрасный образъ. | а отъ внутренняго моего зла голова стыдливости поникла долу. | Павлина, за рисунокъ и краски, которыя (на немъ) сдѣланы | хвалятъ, а самъ онъ стыдится своихъ безобразныхъ ногъ».

Зато въ подлинникѣ персидскомъ какъ это хорошо—звучно!

А вотъ разсказъ (*девятый*) объ томъ, отъ чего сталъ въ тупикъ (или правильнѣе—упалъ въ колодезь) даже славный какой-то отшельникъ (слѣдовательно мудрецъ) изъ горъ Ливанскихъ.

« Одинъ изъ праведниковъ горъ Ливанскихъ, котораго духовныя совершенства извѣстны были въ странахъ арабскихъ, и чудеса славны, пришелъ въ дамасскую мечеть, и на краю колодца кюляса началъ дѣлать омовеніе. Нога его поскользнулась, и онъ упалъ въ водоемъ и съ большимъ затрудненіемъ освободился оттуда. Когда окончили молитву, одинъ изъ товарищей сказалъ: у меня есть затрудненіе (затруднительный

вопросъ). Шейхъ(39) сказалъ: что такое? Онъ сказалъ: я помню, что ты ходилъ по поверхности западнаго моря (40) и ноги не замочилъ, а сегодня въ этой водѣ (которая только) въ одинъ ростъ (человѣческій), ты чуть не погибъ (б. ничего не оставалось отъ твоей погибели;) какое въ этомъ таинство? Онъ склонилъ голову на грудь размышленія и послѣ долгаго раздумья голову поднялъ и сказалъ: не слышалъ ты, что *повелитель міра, Мохеммедъ-Мустафа—да благословитъ и хранитъ его Богъ!*—сказалъ?—*для меня у Бога есть время, когда не сравнится со мною ближайшій ангелъ* (Его), *ни посланный пророкъ*,—а не сказалъ: *всегдашнее время*;—такъ же какъ онъ изволилъ сказать: (что онъ и) на Гавріила и Михаила (41) не тратитъ (времени), а иногда проводитъ его съ Хафазой и Зейнебой (42);—*потому что созерцанія праведныхъ бываютъ между явленіемъ и скрытіемъ* (явныя и тайныя): являются и изчезаютъ.

«Ты показываешь свой образъ и воздерживаешься (отъ показанія); | (и тѣмъ) товаръ свой (оживляешь) и огонь нашъ (любви) воспламеняешь. | *Я смотрю на того, кого я люблю, безпрепятственно.* | *Онъ ввергаетъ меня въ состояніе* (такое, какъ бы) *я потерялъ дорогу.* | *Онъ воспламеняетъ мой огонь, а потомъ гаситъ его водою.* | *Оттого ты видишь, что я сожигаюсь и тону* (въ его любви).»

Въ томъ же родѣ и *десятый* разсказъ.

«Нѣкто спросилъ у того (который) потерялъ сына: | о свѣтлая жемчужина! мудрый старикъ! | ты услышалъ запахъ его (сына твоего) рубашки изъ Египта, | почему ты не увидѣлъ его въ колодцѣ ханаанскомъ? (43) | Онъ сказалъ: состояніе наше (вдохновенное) есть быстрая молнія: | одну минуту явно, а другую минуту скрытно. | Иногда я сижу на высочайшемъ сводѣ (небесномъ), | иногда дальше ноги своей не вижу, | Еслибы дервишъ оставался въ одномъ состояніи,— | оконечность руки оторвалъ бы отъ двухъ міровъ (т. е. лишился бы счастія и въ здѣшнемъ и въ будущемъ мірѣ).»

Тутъ особенно интересно извѣстіе, что Іаковъ былъ *дервишъ* (*мусульманскій* монахъ)!! Удивляться впрочемъ такому извѣстію не слѣдуетъ очень сильно: по Гюлистану же—дервишемъ былъ и *Локманъ*, мусульманиномъ былъ и *Моисей*.

Позвольте *заключить* эту главу *тридцать седьмымъ* ея разсказомъ, заслуживающимъ вниманія читателя по своему остроумію, нисколько впрочемъ не относящемуся къ качествамъ дервишей.

«Ученикъ сказалъ старику: что я сдѣлаю? меня безпокоятъ люди, многіе, которые приходятъ ко мнѣ на посѣщеніе (б. я въ безпокойствѣ отъ людей, отъ многихъ.....), и отъ ихъ безпорядка (прихода и ухода) раз-

(39) Титулъ человѣка почтеннаго, пожилаго, ученаго.

(40) А отъ насъ—южное,—Средиземное.

(41) Высшіе Ангелы, по признанію ислама.

(42) Любимыя жены Мохеммеда,—у котораго, нужно замѣтить, было *двадцать четыре* жены, вмѣсто тѣхъ *четырехъ*, которыхъ онъ предписываетъ правовѣрнымъ въ своемъ коранѣ. Gentius.

(43) Преданіе о Іаковѣ, потерявшемъ Іосифа.

влекается драгоцѣнное время.—(Старикъ) сказалъ: когда дервиши — давай имъ въ долгъ, а когда знатные—проси отъ нихъ чего нибудь,—другой разъ вокругъ тебя не соберутся.

«Еслибы нищіе были предъ лицомъ (на челѣ) исламскаго войска, | невѣрный отъ страха надежды (на его подаяніе) ушелъ бы даже въ Китай.»

Нельзя не пожалѣть, почему изъ-подъ пера Саади выливались не всегда такія многозначительныя вещи, каково объясненіе отношеній къ бѣднымъ и богатымъ!.... Тогда бы мы имѣли вѣроятно удовольствіе говорить не то, что теперь, и многіе нашли бы нашъ Гюлистанъ чудесною книгою, содержащею въ себѣ высокіе уроки практической философіи.—А за неимѣніемъ этого, читатель да позволитъ перейти мнѣ къ слѣдующей главѣ: *О превосходствѣ довольствованіи* (тѣмъ, что есть).

Судя по этому названію, можно предполагать, что Саади хочетъ доказывать извѣстную и несомнѣнную истину: кто довольствуется тѣмъ, что есть, тому хорошо жить на свѣтѣ. Хоть эта истина дѣйствительно извѣстна всякому, но Саади можетъ быть откроетъ загадочный способъ достигать этого благополучія, откроетъ въ этой истинѣ вообще какую нибудь новую сторону (въ ней же есть много сторонъ, требующихъ изслѣдованія),—въ поискѣ за которою мы и обратимся къ *первому* разсказу.

«Нищій африканецъ, (ходя) по ряду алепскихъ вѣтошниковъ, говорилъ: о владѣтели богатства! если бы у васъ была справедливость, а у насъ довольство (настоящимъ),—обычай просить исчезъ бы изъ міра.

«О умѣренность! сдѣлай меня богатымъ, | потому что безъ тебя нѣтъ никакого богатства. | Выборъ Локмана есть уголъ терпѣнія. | У кого нѣтъ терпѣнія—нѣтъ мудрости.»

Въ первой половинѣ разсказа Саади, влагаетъ въ уста африканца такую мысль, какую едва ли интересно было знать даже людямъ, жившимъ за шесть вѣковъ до него,—мысль, что еслибы не нуждались въ милостынѣ (если бы были надѣлены всѣмъ нужнымъ), то и не просили бы ее. Затѣмъ уже, во второй половинѣ, желая подтвердить стихомъ сказанное въ прозѣ, высказываетъ совершенно безсознательно довольно дѣльную мысль, плохо согласующуюся конечно съ высказанною прежде, но тѣмъ не менѣе дѣльную,—что истиннымъ богатствомъ есть довольство тѣмъ, что есть. Но эта мысль, ясная и прекрасная сама по себѣ, затемняется слѣдующею фразою, приводящею въ примѣръ Локмана, который терпѣніе считалъ лучшимъ богатствомъ (терпѣніе вѣроятно въ нуждѣ?). Для насъ и то и другое истинно; мы, хоть призвавши на помощь силу софизма, сумѣемъ доказать, что нищета можетъ быть богатствомъ, потому что нищета научаетъ терпѣнію, сквозь призму котораго можно видѣть вокругъ себя довольство, составляющее истинное богат-

ство; но у Саади даже это не клеится. И будучи по природѣ софистомъ великимъ, онъ такъ мало былъ знакомъ даже съ шаткою логикою софизма, что у него все какъ-то распадается врозь, ничто не имѣетъ внутренней связи, съ помощію которой софизмъ покрайней мѣрѣ вызываетъ какую нибудь болѣе или менѣе здравую мысль.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Саади не показываетъ, почему или чѣмъ довольство настоящимъ хорошо. Перейдемъ ко *второму* разсказу.

«Въ Египтѣ были два царевича: одинъ изучалъ науку, а другой собиралъ имѣніе, одинъ сталъ ученѣйшимъ (своего) вѣка, другой сдѣлался правителемъ Египта. Потому этотъ богачъ взглянулъ на ученаго глазами презрѣнія и сказалъ: я достигъ султанства, а ты все еще остаешься въ бѣдности. (Тотъ) сказалъ: о братъ! на мнѣ (лежитъ долгъ) благодарности Всевышнему Творцу, потому что я получилъ наслѣдіе пророковъ, т. е. знаніе, а ты наслѣдіе Фараона и Гамана [44], т. е. египетское царство.

«Я тотъ муравей, котораго давятъ ногами, | не оса, отъ ужалѣнія которой стенаютъ. | Какъ я выполню даже благодарность этой милости, | что (по которой) не имѣю силы огорчать людей!»

Очевидно этотъ разсказъ написанъ съ цѣлію навести читателя на счастливую мысль, что наука составляетъ богатство. Но почему такъ? вотъ вопросъ! Отвѣтъ прямо слѣдуетъ въ конечныхъ стихахъ, которые говорятъ безъ запинки: *ученый бѣденъ и ничтоженъ и не имѣетъ даже возможности* дѣлать другимъ зла!! Вотъ чѣмъ хороша наука! Радуетъ ли васъ, юноши, перспектива вашего ученаго поприща и значенія? отдаете ли вы должное почтеніе великимъ мужамъ восточной мудрости, которые были такъ безкорыстны, такъ мало для нея стяжали?... Закройте глаза и почтительно предъ ними преклоните голову, а главное—закройте глаза!

Но Саади никогда не ограничивается одною мыслію въ разъ, какъ бы ни была велика эта мысль; онъ, пожалуй, не выскажетъ никакой другой мысли прямо, но тонко дастъ почувствовать ее, какъ чувствуется такая мысль въ концѣ стиховъ втораго разсказа: послѣ *я, я,* очевидно должно слѣдовать противоположное *ты*, о которомъ Саади, должно быть изъ скромности, умолчалъ. А это *ты* относится къ великимъ міра сего, къ богатымъ, которые имѣютъ (слѣдовательно и употребляютъ) всѣ средства оскорблять другихъ и заставлять страдать. Таково назначеніе богатства!

А къ этимъ двумъ мыслямъ я приставлю свою третью, что еслибы Саади былъ богатъ, то былъ бы очень далекъ и первой мысли и второй.

---

[44] Лицо неизвѣстное; можетъ быть—Іосифъ?

И Саади и не подозрѣвалъ, что наука можетъ научить терпѣнію, т. е. дать человѣку то сокровище, которое выбралъ себѣ мудрый Локманъ,—такъ-что, взглянувши внимательно на стихи, невольно сомнѣваешься въ томъ, что Саади считалъ терпѣніе особенно драгоцѣннымъ сокровищемъ.

А вопросъ, почему или чѣмъ довольство настоящимъ хорошо, все-таки не разрѣшенъ.

Третій разсказъ.

«Я слышалъ объ одномъ дервишѣ, что онъ сгаралъ въ огнѣ бѣдности и нашивáлъ лоскутъ на лоскутъ, и утѣшалъ свое сердце этимъ стихомъ: «Будемъ довольствоваться сухимъ хлѣбомъ и рубищемъ, | потому что тяжесть своего горя лучше, чѣмъ бремя человѣческихъ одолженій. |

«Кто-то сказалъ ему: что ты сидишь, когда въ этомъ городѣ такой-то имѣетъ великодушную натуру и высокую щедрость; онъ препоясывается на службу свободнымъ (45) и пребываетъ у двери сердецъ. Если бы онъ извѣстился о твоемъ положеніи, возъимѣлъ бы милость, изъ уваженія къ людямъ достойнымъ (какъ ты). (Дервишъ) сказалъ: молчи: лучше умереть въ ничтожествѣ, чѣмъ нести къ кому нибудь нужду (свою), какъ говорятъ:

«Даже сшиваніе лоскутьевъ иеобходимостьугла терпѣнія лучше, | чѣмъ изъ-за (ради) платья писать письмо къ именитымъ. | По истинѣ, равняется съ мученіями ада | идти въ рай ногами человѣка-сосѣда.»

Наконецъ, хоть весьма косвенно, разрѣшается отчасти искомый нами вопросъ: довольство настоящимъ хорошо потому, что, довольствуясь, не имѣешь грустной необходимости просить милости у богатыхъ. Но, собственно, главная мысль здѣсь та, что лохмотья и чорствый кусокъ хлѣба лучше этой милости. Зная великость и святость этой истины, мы не можемъ однакожъ не замѣтить, что она высказана въ этомъ разсказѣ какъ-то совершенно бездоказательно, безотносительно къ разумному, убѣдительному факту; потому и разсказъ и мысль едва ли могутъ произвести на читателя удовлетворительное впечатлѣніе. Тѣмъ болѣе, что въ концѣ разсказа слышится какой-то упрекъ богатымъ, который скорѣе можетъ навести на мысль, что вышеописанный дервишъ чувствовалъ не столько свое нравственное достоинство и цѣну независимости, сколько зависть и тайную злобу къ щедрому богачу.

Въ *четвертомъ* разсказѣ Саади отвѣчаетъ наконецъ сколько нибудь прямо на вопросъ, приводя въ примѣръ воздержныхъ людей, которые, благодаря своему воздержанію, не нуждаются въ докторѣ.

---

(45) Свободный отъ заботъ—эпитетъ дервишей.

«Одинъ изъ царей персидскихъ послалъ на службу къ Мустафѣ—миръ ему!—искуснаго врача. Онъ (врачъ) былъ нѣсколько лѣтъ въ арабской странѣ, (но) никто не пришелъ къ нему для опыта и не просилъ отъ него исцѣленія. Однажды онъ пришелъ ко главѣ пророковъ—миръ ему!—и жаловался, что—меня прислали для излеченія сподвижниковъ (твоихъ), а въ это продолженіе времени никто мнѣ не оказалъ вниманія, такъ что—какъ я выполню службу, которая возложена на этого раба (на меня)? Посланникъ (Божій)—миръ ему!—изволилъ сказать: у этихъ людей есть обыкновеніе ничего не ѣсть, пока голодъ не восторжествуетъ, и отнимать руку отъ пищи, когда еще голодъ остается. Докторъ сказалъ: это есть причина тѣлесной крѣпости (ихъ). Потому землю почтенія поцѣловалъ и отправился.

«Мудрецъ тогда начинаетъ рѣчь, | или протягиваетъ концы пальцевъ къ куску (пищи), | когда отъ молчанія его рождается вредъ, или (когда) онъ умираетъ, еслибы не ѣлъ. | Безъ сомнѣнія слово его будетъ мудро, | (и) ѣда его принесетъ плодъ здоровья.»

Все это хорошо и болѣе или менѣе складно, и мы бы ничего не сказали, еслибы въ первомъ стихѣ Саади не предлагалъ наставленія, когда долженъ говорить мудрецъ. А въ этомъ наставленіи выражается слишкомъ узкій и односторонній, да наконецъ и непонятный взглядъ на пользу слова: говорить тогда когда молчаніемъ своимъ причиняешь вредъ! Стало быть человѣческое слово можетъ только устранять вредъ, а не приносить пользу?

Въ *пятомъ* разсказѣ Саади ничего не нашелъ сказать въ пользу довольствованія настоящимъ, и трактуетъ уже о вредности невоздержанія.

«Нѣкто дѣлалъ много покаянія (и обѣтовъ) и опять нарушалъ (ихъ), такъ-что одинъ изъ почтенныхъ старцевъ такъ ему сказалъ: я знаю, что ты привыкъ много ѣсть, и цѣпь чувственности, т. е. раскаяніе, тоньше волоса; и что чувственныя страсти, какъ ты ихъ воспитываешь, разорвутъ цѣпь, и придетъ день, когда растерзаютъ тебя.

«Нѣкто воспитывалъ волченка: | когда онъ выросъ, растерзалъ (своего) господина»,

Въ *шестомъ* разсказѣ Саади предлагаетъ наставленіе, *сколько* нужно ѣсть и *для чего* нужно жить. Сомнительно однако, чтобы кто нибудь научился тому или другому.

«Въ жизнеописаніи Ардешира Бабекана вошло (преданіе), что онъ спросилъ у арабскаго доктора: сколько пищи нужно ѣсть въ день? (Тотъ) сказалъ: сто драхмъ вѣсомъ довольно. (Ардеширъ) сказалъ: это количество какую дастъ силу? Докторъ сказалъ: *это количество тебя понесетъ, а то что сверхъ этого—понесешь ты*, т. е. (по персидски): это количество тебя поддержитъ на ногахъ, а все что прибавишь, то понесешь ты (на себѣ).

«Ѣсть нужно для жизни и молитвы; | (а) ты полагаешь, что жить (нужно) для ѣды.»

Въ слѣдующихъ разсказахъ Саади разсуждаетъ о томъ, что не нужно много ѣсть, а если ѣсть очень хочется и нечего, то просить все-таки не нужно, и проч.

Главу эту Саади вѣнчаетъ слѣдующимъ *двадцать девятымъ* разсказомъ, какъ нельзя болѣе гармонирующимъ съ духомъ и значеніемъ цѣлаго Гюлистана.

«Я видѣлъ дервиша, (который) сидѣлъ въ пещерѣ и затворилъ къ себѣ двери отъ міра, и царямъ и богачамъ въ глазахъ его склонности не представлялось величія.

«Всякій, кто откроетъ себѣ двери просьбы, пребудетъ— | нуждающимся, пока не умретъ. | Оставь жадность и царствуй (будь независимъ): | голова (б. шея) безъ алчности возвышается (достоинствомъ).

«Одинъ изъ царей той страны повелѣлъ (предложилъ ему): надѣюсь на великодушіе качествъ достопочтенныхъ особъ (т. е. вашихъ), что соизволятъ на хлѣбъ и соль съ нами? Старецъ согласился, потому что принятіе предложенія есть священное правило. Царь пришелъ на другой день, во изъявленіе своего къ нему почтенія. Отшельникъ всталъ и схватилъ царя въ объятія и оказывалъ ему любезности. Когда царь удалился, одинъ изъ товарищей спросилъ шейха: столько ласкъ съ султаномъ было (прежде) противно (твоему) обыкновенію? какой въ этомъ смыслъ (тайный)? (Шейхъ) сказалъ: не слышалъ ты, что говорятъ:

«Къ кому за столъ сѣлъ, | для оказанія тому почтенія необходимо вставать.

«Ухо можетъ во всю свою жизнь | не слышать звука барабана, лютни и флейты; | глазъ стерпитъ отъ (желанія) удовольствія сада; | безъ розъ и нарциссовъ обоняніе дойдетъ до конца (проживетъ); | если нѣтъ подушки, наполненной перьями, | спать можно, подложивши камень подъ голову; | и если нѣтъ плѣнительной наложницы предъ (тобою), | руки могутъ обнимать самого себя; | а этотъ негодный желудокъ, постоянно дѣйствуя, | не имѣетъ терпѣнія привыкнуть ни къ чему».

Хотите ли знать о неисчислимыхъ пользахъ и даже необходимости молчанія? Вотъ вамъ четвертая глава: *о пользахъ молчанія,* которой *первый* разсказъ гласитъ:

«Я сказалъ одному изъ друзей: потому выбрано мною молчаніе (б. воздержаніе отъ произнесенія словъ), что часто въ словахъ случается хорошее и дурное, а глаза враговъ направляются только на дурное. Онъ сказалъ: о братъ! тотъ врагъ лучше, который не видитъ хорошаго.

«Достоинство въ глазахъ ненависти есть величайшій недостатокъ. | Саади роза, а въ глазахъ враговъ терніе. | Братъ злобы не пройдетъ мимо добраго, | не досадивши ему злымъ обманомъ. | Свѣтъ, освѣщающій вселенную изъ источника солнца, | отвратителенъ для глазъ слѣпаго крота.»

Глубокій смыслъ этого разсказа налагаетъ печать молчанія на уста всякаго болѣе или менѣе порядочнаго человѣка; и чѣмъ человѣкъ порядочнѣе, молчаніе безгласнѣе. Но другой еще болѣе глубокій смыслъ этого разсказа касается предмета болѣе высокаго и серьезнаго—добра въ человѣческихъ дѣяніяхъ, которое, собственно, оказывается такъ неумѣстнымъ, что непремѣнно вызываетъ противодѣйствіе, зло.... Драгоцѣнная новость! практическая, назидательная! Драгоцѣнная философія!...

И въ этой главѣ философія такая высказывается особенно рельефно, съ различныхъ новыхъ сторонъ, въ новыхъ и оригинальныхъ образахъ.—Вотъ одинъ изъ нихъ, во *второмъ* разсказѣ, представляющій поразительный примѣръ высокой, благородной человѣческой гордости:

«У одного купца пропала тысяча динаровъ, Онъ сказалъ своему сыну: не нужно, чтобы ты эти слова разсказывалъ между кѣмъ нибудь. (Сынъ) сказалъ: приказаніе тебѣ (подобаетъ); я не скажу, но объясни мнѣ выгоды этого, ибо какая польза въ скрываніи? (Отецъ) сказалъ: чтобы небыло двухъ непріятностей: одной—потери капитала, а другой—радости врага о нашемъ несчастіи.

«Не говори врагамъ о своей заботѣ | потому что они говорятъ *ля хаўль*!—([46]) радуясь.»

Вотъ другой, въ *третьемъ* разсказѣ, показывающій какое мудрое употребленіе можно сдѣлать изъ учености, и какъ легко быть ученымъ,—нужно только *молчать*:

«Одинъ умный юноша, который имѣлъ (получилъ отъ Бога) обильный удѣлъ изъ превосходнѣйшихъ средствъ (умственныхъ), сколько разъ ни сидѣлъ въ собраніи ученыхъ, ни единаго слова не говорилъ. Однажды отецъ его сказалъ: о сынъ! почему ты также не говоришь о томъ, что знаешь? Онъ сказалъ: боюсь, что меня спросятъ о томъ, чего не знаю, и понесу стыдъ.

«Слышалъ ли ты объ томъ, что нѣкоторый суфи вколачивалъ | нѣсколько гвоздей подъ свои башмаки; | какой-то чиновникъ схватилъ его за рукавъ | (говоря:) поди подкуй мою лошадь. | Пока не говоришь, съ тобою никто не будетъ имѣть дѣла, | а когда ты заговорилъ—приводи тому доказательства.»

Вотъ въ *четвертомъ* разсказѣ еще новый взглядъ, новая идея, которую да возметъ на себя трудъ опредѣлить самъ читатель.

«Одному изъ достойныхъ ученыхъ выпалъ споръ съ однимъ изъ еретиковъ, (но ученый) не вышелъ съ нимъ на доказательства, бросилъ щитъ (своей правоты?) и удалился. Кто-то сказалъ ему: ты съ такими познаніями, воспитаніемъ, съ достоинствомъ и мудростію—не вышелъ съ невѣрующими (на доказательства)? Онъ сказалъ: мои познанія суть коранъ, пре-

---

([47]) Везирь Махмуда. См. D' Herbelot.

данія и толкованія богослововъ, а онъ къ вѣрованіямъ не привержень, и не слушаетъ, и мнѣ какое дѣло слушать его кощунство?

«Тому человѣку, отъ котораго не избавляешся ни кораномъ, ни извѣстіями (преданіями,) | (лучшій) отвѣтъ—не давай отвѣта.»

И такъ далѣе, и такъ далѣе, до четырнадцатаго разсказа, которымъ и оканчивается глава.

Переходимъ къ главѣ, которой предметомъ есть *любовь и юность*, и которая слѣдовательно должна быть для насъ очень интересна.

«Хасану Мейменди (47) сказали: султанъ Махмудъ столько имѣетъ красавцевъ-рабовъ, что всякій есть рѣдкость міра и чудо времени; какимъ образомъ ни къ одному изъ нихъ онъ не имѣетъ такой привязанности и любви, какъ къ Аязу, у котораго нѣтъ большой красоты? Онъ сказалъ: все, что опустится въ сердце, (понравится) въ глазахъ кажется хорошимъ.

«Всякій, къ кому султанъ будетъ доброжелателенъ, | хотя бы дѣлалъ все дурное, будетъ хорошимъ; | а того, кого падишахъ оттолкнетъ, | никто изъ придворныхъ не обласкаетъ. | Если кто нибудь смотритъ (на человѣка) глазами отвращенія, | черты наружности Іосифа обращаетъ (б. даетъ) въ безобразіе; | а если глазами расположенія смотритъ на Дива (48)— | (дивъ) ангеломъ ему кажется съ глазами херувима».

Любовь, стало быть, капризъ, который даже объяснить Саади порядочно не умѣлъ. Пойдемъ искать во *второмъ* разсказѣ объясненія темнаго, туманнаго и—заманчиваго предмета любви.

«Говорятъ, у одного господина былъ рабъ рѣдкой красоты, и (господинъ) былъ къ нему расположенъ искренно (б. имѣлъ на него воззрѣніе путемъ дружбы и чести). Онъ сказалъ одному изъ друзей: ахъ! если бы этотъ рабъ, съ такою красотою и душевными качествами, какія онъ имѣетъ, не былъ длинноязычнымъ и невѣжественнымъ! Другъ сказалъ: о братъ! когда ты утвердилъ дружбу (съ кѣмъ нибудь), не имѣй надежды на (его) службу, потому что когда влюбленный съ любимымъ соединяются,—власть и подчиненность подымаются вверхъ (исчезаютъ).

«Господинъ съ рабою, у которой лицо пери, когда войдетъ въ игру и смѣхъ, | что удивительнаго, если (раба) подобно господину дѣлаетъ нѣжности, | а этотъ несетъ бремя нѣжности, какъ рабъ. | Слуга долженъ (быть) таскающимъ воду и бьющимъ (приготовляющимъ) кирпичъ, | (а не то—)кулачный боецъ будетъ рабомъ прелести».

Мы искали *любви*, а нашли Богъ знаетъ что такое: привязанность господина къ красавцу-слугѣ. Это не любовь, и потому

---

(46) Восклицаніе сѣтованія, сожалѣнія, ахъ! увы! Буквально значитъ: нѣтъ могущества! нѣтъ силы!

(48) *Дивъ*—демонъ. Въ обширнѣйшемъ значеніи—геній, духъ.

дальше.—Впрочемъ если бы на мѣстѣ этого слуги была красавица - служанка - раба, и совершенно глупая притомъ (какъ раба), то сказанное во второмъ разсказѣ было бы довольно основательно.

Третій разсказъ.

«Я видѣлъ одного благочестиваго, плѣненнаго любовью къ одной особѣ, и тайна котораго обнаружилась (б. изъ-подъ завѣсы упала на толпу), Сколько ни видѣлъ онъ порицаній и ни переносилъ пеней (страданій душевныхъ), не оставлялъ страсти и говорилъ:

«Я не отниму руки отъ полы твоей, | еслибы ты даже поразила меня острымъ мечемъ. | Послѣ тебя у меня нѣтъ убѣжища и пріюта: | если прибѣгаю—все прибѣгаю къ тебѣ.

«Однажды я укорялъ его и сказалъ: что сталось съ твоимъ отличнымъ умомъ, что низкая страсть восторжествовала надъ нимъ? Онъ погрузился на нѣкоторое время въ свою мысль и сказалъ:

«Нигдѣ, куда пришелъ царь любви, не остается | мѣста силѣ мышцы благочестія. | Какъ будетъ чиста пола несчастнаго, | упавшаго въ грязь по воротникъ»?

Ну, вотъ тутъ, пожалуй, любовь,—носящая на себѣ всѣ признаки любви восточнаго человѣка; любовь возведенная (или низведенная?) на степень страсти—не нашей, временной, минутной, а постоянной, въ которой человѣкъ забывается и отрицается себя не на мигъ,—забывается такъ, что долженъ навѣкъ проститься съ силою благочестія и разсудка; любовь, въ которой, при всей ея неумѣстности, восточный человѣкъ, и отшельникъ притомъ, сознается безъ стыда. Что нибудь изъ двухъ: или благочестіе весьма сомнительно, или любовь дѣйствительно неумѣстна совершенно.—А каково заключеніе: можетъ ли быть чиста пола человѣка, увязшаго въ грязи по горло? Любовь, такимъ образомъ, по мнѣнію Саади, грязь, которой, благодаря живости восточной фантазіи, и омыть рѣшительно ничто не можетъ! Хороша же эта любовь! А на другую у Саади нѣтъ и малѣйшаго намека.

Но вотъ вамъ еще, *четвертый* разсказъ, въ которомъ любовь достигаетъ послѣдней, nec plus ultra степени.

«У нѣкого сердце ушло изъ рукъ (влюбился), и онъ сказалъ оставленіе душѣ (сказалъ душѣ или жизни—прости). Тамъ, куда привлекались взоры его, было опасное мѣсто и пропасть погибели, (и не было) ни куска (хлѣба), ни птицы (б. ни куска, который *былъ воображаемъ,* что придетъ въ ротъ, ни птицы, которая упала бы въ сѣть).

«Когда твое золото не идетъ въ глаза (не нравится) прекрасной особѣ, | золото и земля для тебя должны показаться одинаковыми.

«Друзья въ назиданіе ему сказали: удались отъ этой несбыточной меч-

ты, потому что (многіе) люди, по этой же страсти, какую ты имѣешь, суть плѣнники, и ноги (ихъ) въ цѣпяхъ. Онъ зарыдалъ и сказалъ:

«Друзья, сказалъ, наставленія мнѣ не дѣлайте, | потому что меня видятъ (предавшагося) на его волю. | Желающіе войны—силою ладони (и) плеча | убиваютъ враговъ, прекрасные—друга (убиваютъ прелестями?)

«Не есть условіе дружбы—по мысли о душѣ (изъ заботы, страха за свою душу, жизнь), отторгать серце отъ любви любезныхъ.

«Ты, который будешь въ привязанности самого себя (будешь привязанъ самъ къ себѣ), | ты играешь любовью, ты будешь лжецъ. | Если нельзя нести путь къ другу, | законъ дружбы—въ исканіи (отыскивая) друга умереть. | Я встаю, такъ какъ впереди не остается (ничего, кромѣ) этого моего рѣшенія,—еслибы всѣ враги били меня мечемъ или стрѣлою. | Если рука достанетъ, чтобы я схватилъ рукавъ ея (я останусь живъ); | если же нѣтъ—пойду, умру на ея порогѣ.

«Приближенные къ нему, которые смотрѣли за его поступками и несли сострадаміе къ его судьбѣ, дали ему совѣтъ и положили ему преграду (препятствовали любви). Пользы никакой не имѣлось,

«Жаль, что врачъ предписываетъ терпѣніе, | а этой жаждущей душѣ нуженъ сахаръ. | Слышалъ ли ты о томъ, что красавица по секрету | говорила сердцу, ушедшему изъ рукъ (влюбленному): | пока тебѣ твое собственное достоинство будетъ (дорого), | какое будетъ мое достоинство предъ твоими глазами?

«Царевича, который былъ предметомъ его страсти, извѣстили, что нѣкоторый юноша, прекрасной натуры и сладкаго языка, постоянно находится на краю этой площади, (и) мы слышимъ отъ него пріятныя слова и необыкновенныя остроты. Такимъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ имѣетъ смятеніе въ головѣ и пламень въ сердцѣ, потому что оказываетъ свойства помѣшаннаго. Юноша (царевичъ) узналъ, что сердце (его) привязано къ нему, и что онъ поднялъ эту пыль его несчастія. Онъ погналъ лошадь къ нему. Когда увидѣлъ юноша, что царевичъ имѣетъ намѣреніе идти къ нему, то онъ заплакалъ и сказалъ:

«Тотъ человѣкъ, который убилъ меня, возвращается предъ (меня), | какъ будто сердце его сгорѣло (сжалилось) надъ убитымъ имъ самимъ.

«Сколько ласкъ (царевичъ ни) дѣлалъ, и спрашивалъ, откуда ты и какое имѣешь имя, и какое знаешь искуство,—юноша такъ былъ погруженъ на днѣ моря дружбы и любви, что дышать не имѣлъ никакой возможности.

«Еслибы даже ты читалъ наизусть семь седьмыхъ (корана), | когда ты влюбленъ, ты не знаешь алифъ, ба, та (49)

«Царевичъ сказалъ: почему ты мнѣ ни слова не говоришь? я изъ круга дервишей,—болѣе, я кольцо въ уши ихъ (я самъ дервишъ). Тогда силою снизхожденія возлюбленнаго, изъ среды бушеванія волнъ любви вознесъ голову и сказалъ:

---

(49) Первыя буквы арабской азбуки.

«Удивительно, что въ присутствіи твоемъ существованіе мое остается! | ты говоришь (б. ты идешь въ разговорѣ) и мнѣ (еще) остается слово!
«Сказалъ это и вскрикнулъ, и духъ вручилъ Богу.

«Удивительно, если (человѣкъ) не будетъ убитъ (не умретъ) въ дверяхъ палатки друга! | удивительно, если будетъ живъ, когда унесетъ здоровую душу.»

Такъ много высказываетъ Саади въ этомъ длинномъ разсказѣ, что могъ бы больше ничего не говорить: мудрено было бы сказать что нибудь новое. Но Саади продолжаетъ, пишетъ еще семнадцать новыхъ разсказовъ, въ которыхъ, варьируетъ ту же тему и на одинъ ладъ. Саади изображаетъ любовь не ту, которая нужна для полноты и сознанія цѣны жизни человѣка, которая служитъ для него крѣпчайшимъ звеномъ, связывающимъ его съ жизнію, а напротивъ, любовь, для которой жизнь есть вспомогательное средство; которая не привязываетъ человѣка къ жизни (высокой, человѣческой), а напротивъ, отрываетъ отъ нея, отрывая отъ всего дѣйствительнаго, разумнаго, помрачая и парализируя въ немъ всѣ его силы, все то, что дѣлаетъ его человѣкомъ, высокимъ существомъ, выполняющимъ въ жизни цѣли и предначертанія Творца, необходимымъ труженикомъ на ея обширномъ полѣ. Не удивительно, впрочемъ, почему понятія Саади—или вообще восточнаго человѣка, для котораго онъ можетъ служить зеркаломъ,—такъ противорѣчатъ нашимъ понятіямъ. Мы здѣсь, также какъ и во всемъ предыдущемъ, можемъ видѣть эгоизмъ человѣка настоящей минуты, котораго умъ не могъ окинуть и обнять однимъ взглядомъ прошедшаго и чрезъ то постигнуть будущаго, чтобы, съ помощію того и другаго, уразумѣть только переходный, посредствующій смыслъ настоящаго и, затѣмъ, значеніе человѣка въ жизни—не для человѣка (личности), а для жизни (въ обширномъ смыслѣ человѣка или человѣчества).—Конечно, задача эта была слишкомъ многосложна и потому тяжела и неудобовыполнима для ума восточнаго человѣка.

Что касается до рода любви, изображаемой Саади, матеріальности или платоничности ея, то тутъ трудно сказать что нибудь положительно. Собственно, какъ любовь чуждая всякимъ логическимъ законамъ (которые вообще незнакомы восточному человѣку), любовь Саади не можетъ подойти ни подъ одинъ изъ этихъ двухъ родовъ, имѣющихъ какое нибудь теоретическое основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ природу восточнаго человѣка, въ которой господствуетъ матерія, можно было бы съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что тамъ и любовь должна быть чисто матеріальная, грубая; но съ

другой стороны мы видимъ, что тамъ и мышленіе, идея, имѣетъ иногда мѣсто, въ видѣ какого-то причудливаго и своевольнаго каприза души, который создаетъ иногда теоріи—такія же причудливыя и своевольныя, которыя разрушаютъ даже простую теорію животнаго, скотскаго матеріализма, и потому являютъ иногда такіе факты, которые могутъ поставить въ тупикъ самаго рьянаго нѣмецкаго строителя теорій и системъ. Впрочемъ, по всей вѣроятности, матерія и здѣсь не теряетъ совершенно своего господства....

Однимъ словомъ, Саади въ своей главѣ о любви и юности не представляетъ ничего, что бы могло разъяснить вопросъ о любви. Что же касается до *юности*, словѣ — вопросительно читатель можетъ поставить при этомъ интересномъ для насъ ный знакъ: въ главѣ о любви и юности нѣтъ даже и вопросительнаго знака объ этомъ предметѣ, хотьона и заключаетъ 21 разсказъ. Можетъ быть въ головѣ Саадидва понятія о любви и юности были безразличны, какъ и понятія *о слабости и старости*, которыя служатъ предметомъ шестой главы.—Безразличіе это, въ первомъ случаѣ, мы не только прощаемъ ему, но даже поставляемъ въ особенную заслугу и благодаримъ въ душѣ за то, что любовь онъ не отдѣлилъ отъ юности.

Понятія старика о своей потухающей жизни вѣнчаютъ понятія его о жизни въ юный, мужественный и зрѣлый періоды, заключаютъ собою ту книгу, которую во время жизни написалъ онъ, предметомъ которой—жизнь. Потому воззрѣнія восточнаго человѣка на жизнь лучше всего опредѣлятъ намъ его мысли, понятія о его старости.

Посмотримъ, что говоритъ старикъ въ *первомъ* разсказѣ предстоящей шестой главы *о слабости и старости*.

«Въ дамасскомъ соборѣ я разсуждалъ съ обществомъ ученыхъ. Вдругъ изъ двери вошелъ молодой человѣкъ и сказалъ: есть ли между вами человѣкъ, который знаетъ персидскій языкъ? Указали на меня. Я сказалъ: такъ (знаю). Онъ сказалъ: сто пятидесятилѣтній старикъ отходитъ и говоритъ что-то на персидскомъ языкѣ, что намъ не понятно; если бы, по великодушію, ты потрудился пойти, получилъ бы награду: можетъ быть онъ дѣлаетъ завѣщаніе.—Когда я подошелъ къ его изголовью, онъ говорилъ слѣдующее:

«Я говорилъ (себѣ): я проведу (еще) нѣсколько минутъ по (своему) желанію, | (а между тѣмъ) увы! путь дыханія перехваченъ. | Какъ жаль, что на разнообразной трапезѣ жизни | мы ѣли (только) нѣсколько минутъ, и (намъ) сказали: довольно!

«Я пересказалъ дамаскинцамъ по арабски значеніе этихъ словъ. Они удивились его долгому вѣку и горестнымъ стенаніямъ о земной жизни. Я сказалъ ему: каково теперь твое состояніе? Онъ сказалъ: что я скажу?

«Не видѣлъ ли ты, какая мука приходитъ къ человѣку, | когда изо рта его выдергиваютъ зубъ?— | вообрази же, какое состояніе ея будетъ въ тотъ часъ, | когда выходитъ душа изъ прекраснаго его существа.

«Я сказалъ: выбрось изъ воображенія мысль о смерти и не дѣлай опасенія господствующимъ надъ характеромъ, потому что философы говорятъ: хотя бы сложеніе было крѣпко (б. прямо), не нужно имѣть увѣренности въ твердомъ существованіи, и болѣзнь, хотя бы была страшною, не совсѣмъ указываетъ на смерть; если прикажешь, мы позовемъ врача, чтобы онъ излечилъ, что бы ты чувствовалъ себя лучше. Онъ сказалъ: нѣтъ!

«Хозяинъ заботится о росписаніи зала, | (а) домъ разрушается съ основанія. | Веселый врачъ хлопаетъ въ ладоши, | когда увидитъ бредъ падающаго паціента . . . . . | Старикъ стоналъ отъ послѣдняго издыханія, | (а) старуха терла его сандаломъ! | Когда равновѣсіе организма нарушено,— | не сдѣлаетъ впечатлѣнія ни заговоръ (заклинаніе), ни лекарство».

Великія ожиданія наши увѣнчались очень небольшимъ пріобрѣтеніемъ. Жалкая старость, въ которой человѣкъ не можетъ сказать *ничего* больше, какъ жаль, жаль жизни,—въ которой я уже не могу наслаждаться!....

Во *второмъ* разсказѣ Саади указываетъ, *чѣмъ* бы желалъ наслаждаться старикъ.

«Одинъ старикъ разсказывалъ: я желалъ (въ супружество) дѣвицу. Комнату я убралъ цвѣтами, сѣлъ съ нею (съ дѣвицею) въ уединеніи и прилѣпилъ къ ней глаза и сердце. Долгую ночь я не спалъ и говорилъ шутки и любезности, чтобы она не набралась страха и приняла дружеское обращеніе. Въ одну изъ всѣхъ тѣхъ ночей я говорилъ: высокая судьба тебѣ благопріятствуетъ и глаза счастія бодрствуютъ (надъ тобою), потому что ты попала въ сообщество старика опытнаго и видѣвшаго свѣтъ, отвѣдавшаго и жара и холода жизни, испытавшаго и хорошее и худое; онъ знаетъ обязанности сообщества и законы любви исполняетъ,—нѣжный и благосклонный, добраго нрава и пріятнаго языка.

«Пока могу, буду плѣнять твое сердце, | и если ты меня оскорбишь, я не оскорблюсь. | И еслибы, какъ для попугая, сахаръ былъ твоею пищею, | сладкая жизнь (моя была бы) искупленіемъ твоего питанія.

«Ты не досталась плѣнницею въ руки юноши себялюбиваго, буйной мысли, легкомысленной головы и вѣтренныхъ ногъ, который всякую минуту измѣняетъ склонность, всякое мгновеніе перемѣняетъ намѣреніе, всякую ночь спитъ (на новомъ) мѣстѣ, всякій день беретъ (себѣ инаго) друга.

«Юноши веселы и прекрасны лицомъ, | однако въ вѣрности ни съ кѣмъ не идутъ (не могутъ идти въ соперничество). | Не ожидай отъ соловьевъ постоянства (въ любви), | потому что они всякую минуту поютъ о другомъ цвѣткѣ.

«Но поколѣніе старыхъ живетъ съ умомъ и благовоспитанностью, не по требованію (не по правиламъ) юношескаго невѣжества.

«Ищи (человѣка) лучше себя и цѣни случай (встрѣчи съ такимъ человѣкомъ), | потому что съ подобными себѣ (только) потеряешь время.

«Онъ сказалъ (продолжалъ): столько я говорилъ такимъ образомъ, и думалъ, что сердце ея въ моихъ оковахъ и добыча моя. Вдругъ она испустила холодное дыханіе изъ сердца полнаго боли и сказала: столько сказанныхъ тобою словъ на вѣсахъ моего разума не имѣютъ вѣса того одного слова, которое я слышала отъ своей кормилицы,—что для молодой женщины,—еслибы стрѣла сидѣла въ боку, лучше (бы было), чѣмъ старикъ (у бока). Однимъ словомъ, не было возможности согласія, и разлука совершилась. Прошло много времени. Ее соединили брачными узами съ юношей грубымъ, суровымъ наружностью, бѣднякомъ (б. пусторукимъ), злаго характера. Видѣла она обиду и оскорбленіе, переносила печаль и огорченіе, и—такъ благодарила за милость Всевышняго: слава Богу, что я избавилась отъ этой болѣзненной муки (прежняго замужества) и достигла до этого твердаго счастія.

«Со всею этою обидою и грубостью характера, | я буду наслаждаться твоими ласками, потому что ты прекрасенъ лицомъ. | Горѣть съ тобою въ мукахъ (въ аду)—для меня | лучше, чѣмъ быть съ другимъ въ раю. | Запахъ чеснока изъ устъ красавца | пріятнѣе, чѣмъ запахъ цвѣтка изъ рукъ безобразнаго».

Седьмую главу, *о вліяніи воспитанія*, Саади начинаетъ (*первый* разсказъ)—отрицаніемъ этого вліянія на человѣка.

«Нѣкоторый везирь имѣлъ слабоумнаго сына, котораго послалъ къ одному изъ ученыхъ (говоря): воспитай мнѣ его, можетъ быть онъ сдѣлается умнымъ. (Учитель) обучалъ его нѣкоторое время, (но) послѣдствій не было. (Учитель) послалъ къ отцу его одного человѣка (сказать), что этотъ (сынъ его) не умнѣетъ и меня свелъ съ ума.

«Если бы основное начало было перломъ способности (т. е. если кто отъ природы одаренъ богатою способностью), | въ немъ воспитанію будетъ слѣдъ. | Никакая полировка не сдѣлаетъ хорошимъ | желѣза, когда оно будетъ дурнаго свойства (закалки). | Не мой собаки въ семи моряхъ, | потому что она нечистѣе, когда мокра... | Оселъ (даже) Іисуса, хотя бы его водили въ Мекку, | когда придетъ—все будетъ осломъ».

Сравненія съ собакой и осломъ особенно назидательны и убѣдительны.

А вотъ второй разсказъ—исключеніе изъ разсказовъ Саади.

Одинъ мудрецъ давалъ сыновьямъ совѣтъ: милыя дѣти (б. душа отца)! учитесь (какому нибудь) искусству, потому что нельзя быть увѣреннымъ въ мірской власти и богатствѣ: знатность уйдетъ изъ дверей, и серебро и золото могутъ (подвергнуться) опасности (уйти въ далекій) путь, —или воръ утащитъ разомъ, или господинъ съѣстъ понемножку. Но искусство (знаніе) есть (вѣчно) живой источникъ и твердое богатство, (такъ что) если бы искусный человѣкъ обѣднѣлъ (б. упалъ изъ счастія)—печали не будетъ, потому что знаніе въ собственной душѣ есть богатство. Искусный, куда бы ни пришелъ, вездѣ видитъ уваженіе и садится на первомъ мѣстѣ, а неискусный (неучь), куда бы ни пришелъ, — подбираетъ куски и видитъ горе.

«Несчастіе—послѣ знатности нести (получать, исполнять) приказанія; | привыкши къ ласкамъ, нести оскорбленія человѣка. | Однажды въ Сиріи случилось возмущеніе; | всѣ разошлись изъ домовъ (б. изъ угловъ). | Умные сыновья поселянъ | дошли до везирства (у) царя; | малолѣтнія дѣти везирей | дошли до бѣдности поселянъ. | Желаешь ты отцовскаго наслѣдства?—научись отцовскому знанію, | потому что богатство отца (матеріальное) можетъ быть издержано въ десять дней.»

Хоть изъ этого разсказа (какъ изъ предыдущаго и послѣдующихъ) нельзя составить себѣ никакого понятія, что̀ именно Саади разумѣлъ подъ словомъ искуство, знаніе, и т. п., но это уже тонкости такія, какихъ отъ Саади требовать нельзя. Все же прочее въ этомъ разсказѣ обстоитъ благополучно; потому, какъ исключеніе, мы отмѣтимъ его похвалою и перейдемъ къ *третьему* разсказу, въ которомъ возбуждается нѣсколько интересныхъ вопросовъ о воспитаніи, разрѣшаемыхъ Саади преоригинально.

«Одинъ изъ высокихъ мудрецовъ воспитывалъ царевича и билъ (его) безъ милости и оказывалъ непомѣрную жестокость. Мальчикъ, отъ нестерпимости, принесъ жалобу отцу и снялъ платье съ больнаго (избитаго) тѣла. У отца сердце сжалось. Онъ позвалъ наставника и сказалъ: для дѣтей каждаго подданнаго ты не считаешь приличнымъ столько жестокости и наказаній, какъ для моего сына;—что за причина? (Учитель) сказалъ: говорить съ размышленіемъ и дѣлать похвальные поступки должно всему народу, особенно (же) царямъ, потому что все, что пройдетъ чрезъ царскія руки и языкъ (все что цари дѣлаютъ и говорятъ), всегда перескажется устами (подданныхъ), а слову и дѣлу простаго народа не будетъ столько вниманія.

«Если отъ дервиша произойдетъ сто дурныхъ поступковъ— | товарищи его ни объ одномъ изъ ста не узнаютъ; | если же отъ султана произойдетъ одинъ дурной поступокъ— | онъ дойдетъ изъ страны въ страну.

«Потому объ исправленіи (дурныхъ) свойствъ сыновей властителя должно стараться больше, чѣмъ въ отношеніи простаго народа.

«Кого не воспитаютъ въ малолѣтствѣ, | въ большомъ возрастѣ мужикъ возвысится надъ нимъ. | Гни какъ хочешь свѣжее (молодое) дерево; | сухое же (старое) не выпрямится, развѣ огнемъ. | Если будешь выпрямлять вѣтви, онѣ дѣлаются прямыми, | но не будетъ тебѣ пользы отъ выпрямленія толстаго дерева.

«Прелесть разсужденія образованнаго (человѣка) и убѣдительность его словъ пришлись царю (по) мысли; онъ подарилъ ему платье и богатство и мѣсто (его) сдѣлалъ выше того, которое было.»

Какой способъ воспитанія самый лучшій?—съ помощію битья и истязаній. Въ чемъ состоитъ воспитаніе?—въ томъ, чтобы говорить обдумавши и имѣть хорошій характеръ. Для кого такое воспитаніе необходимо?—для людей знатныхъ и богатыхъ;

люди же низшаго званія могутъ не только говорить всякій вздоръ, но даже быть негодяями: они пользуются тою привилегіею, что изо ста ихъ дурныхъ поступковъ можетъ не быть извѣстенъ ни одинъ!... Счастливцы!... И такая привилегія дѣлаетъ совершенно неумѣстнымъ сравнительное сужденіе мудраго учителя, что о воспитаніи знатныхъ нужно заботится *больше*, чѣмъ о незнатныхъ: да о послѣднихъ совсѣмъ не нужно заботиться.....

Саади должно быть такъ нравилось, такъ были имъ усвоены высказанныя выше понятія о воспитаніи, что онъ не ограничился однимъ разсказомъ, въ которомъ впрочемъ онъ вполнѣ высказалъ свое воззрѣніе на этотъ предметъ, а написалъ тотчасъ же другой, *четвертый*.

«Въ Африкѣ (б. въ западной странѣ) я видѣлъ школьнаго (б. книжнаго) учителя, (который имѣлъ) угрюмое лицо, горькую рѣчь, дурной характеръ; (былъ) человѣко-мучитель, подлой (б. бѣдной, нищей) натуры и невоздерженъ, такъ что удовольствіе (хорошее расположеніе духа) мусульманъ разстроивалось при видѣ его, а его чтеніе корана огорчало человѣческое сердце (б. дѣлало чернымъ). Собраніе невинныхъ мальчиковъ и непорочныхъ дѣвочекъ, плѣнники въ рукахъ его жестокости, не смѣли ни смѣяться ни говорить (б. не имѣли отваги смѣха и смѣлости рѣчи), потому что одного онъ билъ по серебряной щекѣ, а иногда—истязалъ (пыталъ) другому кристальныя ножки. Наконецъ я слышалъ, что узнали часть его вѣроломства (злобы), отколотили его и прогнали, и дали училищу его, для приведенія въ порядокъ, человѣка благочестиваго, мирнаго, добраго, кроткаго, который слова не говорилъ, развѣ по нуждѣ, и побужденія обиды человѣка не приходило на его языкъ. У дѣтей страхъ къ прежнему учителю вышелъ изъ головы; видѣли ангельскія качества втораго учителя—и одинъ за другимъ стали демонами; по увѣренности въ кротости учителя, они оставили науку, большее время сидѣли вмѣстѣ въ дѣтской забавѣ, и доски (письменныя), не сдѣлавши вполнѣ (заданнаго), разбивали о головы другъ друга.

«Когда ученый наставникъ будетъ мало суровъ— | дѣти будутъ играть въ кости на базарѣ.

«Чрезъ двѣ недѣли я проходилъ мимо дверей той мечети, (и) увидѣлъ прежняго учителя, котораго сердце обрадовали, и посадили его опять на свое мѣсто. Отъ такой несправедливости я вознегодовалъ, и воскликнувъ: о горе! сказалъ: за чѣмъ сатану сдѣлали опять наставникомъ ангеловъ? Видѣвшій свѣтъ (опытный) старикъ услышалъ и сказалъ: не слышалъ ты что разсказываютъ?

«Падишахъ отдалъ сына въ школу, | (и) положилъ ему въ объятія серебряную доску;— | на верху доски его написано было золотомъ: | жестокость учителя лучше нѣжности отца.»

На этомъ разсказѣ и должна бы была окончиться глава о воспитаніи, потому что далѣе слѣдуютъ различные житейскіе предметы, по большей части къ воспитанію вовсе не относящіе-

ся, такъ напр.: вредъ расточительности (5 разск.), о забвеніи человѣкомъ Бога (7), о томъ что по воскресеніи будутъ спрашивать о дѣлахъ человѣка, а не объ отцѣ его (8); о скорпіонѣ, что̀ именно—не могу знать (9), о томъ что дервишъ просилъ однажды Бога, чтобы его беременная жена родила ему сына: она дѣйствительно и родила сына, который сдѣлался негодяемъ,—изъ чего и выведено чрезвычайно мудрое и назидательное заключеніе, что «беременной женщинѣ лучше родить змѣю, нежели злаго сына» (10), и проч., и проч., еще 7 разсказовъ о подобныхъ же предметахъ.

Послѣдняя, восьмая глава отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что состоитъ не изъ разсказовъ, а почти исключительно изъ голословныхъ правоученій, не поясняемыхъ примѣрами, взятыми изъ жизни, какъ это дѣлалъ Саади въ предшествовавшихъ главахъ. Потому вы можете догадываться, что глава эта совершеннѣе другихъ. Легче составить цѣлую стройнную теорію жизни, нежели построить жизнь по этой теоріи или сдѣлать ее къ жизни удобоприложимою. А Саади въ этой восьмой главѣ и теоріи не составляетъ. Житейскій фактъ производилъ на него впечатлѣніе, производившее съ своей стороны умозаключеніе, да не одно, а нѣсколько, цѣлый рой, которыя онъ и высказывалъ.

Вникая въ эти умозаключенія, мы должны придти къ тому убѣжденію, что Саади составлялъ ихъ по отдѣльнымъ фактамъ, попадавшимся ему на глаза случайно, отрывочно, и не обнимавшимъ даннаго житейскаго вопроса со всѣхъ сторонъ; или можетъ быть даже не по цѣлымъ фактамъ, а только по отдѣльнымъ точкамъ, проявленіямъ одного и того же факта; потому Саади, какъ мы видѣли не однажды, даже противорѣчитъ самъ себѣ, высказывая идеи, образовавшіяся мгновенно, и неимѣющія всѣ между собою никакой связи, никакой единной мысли, которая образуется только при полномъ, многостороннемъ обзорѣ и обсужденіи предмета. Потому-то при малѣйшемъ желаніи Саади объяснить эту идею примѣромъ, воплотить ее въ наглядный, практическій фактъ,—выходитъ непремѣнно разладъ мысли съ дѣломъ, затемняющихъ и всячески искажающихъ другъ друга. Понятно слѣдовательно, что рѣзкость идей Саади бросается въ глаза наиболѣе въ какомъ нибудь приложеніи; стоящія же отдѣльно, имѣющія только характеръ отвлеченности, онѣ иногда могутъ даже поражать насъ своею оригинальностью или глубиною—конечно одностороннею.

Таково преимущественное достоинство послѣдней главы Гюлистана *о правилахъ общежитія*, обнимающей различные,

весьма разнообразные предметы жизни, и имѣющей по существу своему самое точное заглавіе изъ всѣхъ заглавій предыдущихъ главъ. Мы приступимъ такимъ образомъ къ этой главѣ съ оживленнымъ любопытствомъ, и будемъ за него вознаграждены хоть тѣмъ, что содержаніе ея выражено въ сколько нибудь сносной формѣ.

Первое правоученіе.

«Имѣніе служитъ для покоя (наслажденія) жизни, не жизнь для собиранія имѣнія. Я спросилъ у одного умнаго человѣка: кто счастливъ и кто несчастливъ? онъ сказалъ: счастливъ тотъ, который вкушаетъ и сѣетъ, а несчастливъ тотъ, кто умираетъ и оставляетъ (свое имѣніе безъ употребленія—какъ объясняетъ Semelet).

«Не твори молитвы о томъ, кто ничего не сдѣлалъ, | потому что онъ жилъ въ желаніи собиранія богатства и не вкушалъ (его).»

Идея пожалуй хорошая, но только относительно вѣрная,—вѣрная только въ томъ случаѣ, когда наслажденіе (матеріальное) будетъ единственнымъ выраженіемъ жизни, съ чѣмъ *мы* согласиться не можемъ, но что впрочемъ составляетъ задушевную идею Саади, отражающаго въ себѣ вообще восточнаго человѣка. Даже и Саади не хочетъ быть въ ней убѣжденнымъ и косвенно отклоняетъ ея исключительность, высказывая, весьма впрочемъ неясно, что наслаждаться значитъ дѣлать добро. Можно сказать положительно, что Саади не сознавалъ твердо этого положенія, потому что эти два понятія не могли сливаться въ умѣ его въ одно, по самому существу природы человѣка вообще и восточнаго человѣка въ особенности. Только вслѣдствіе несогласной двойственности своей природы, Саади смѣшалъ два совершенно различныя понятія добра и наслажденія, придавая имъ вдругъ совершенно равное значеніе—цѣли жизни, и слѣдовательно противорѣча высказанному мнѣнію, что наслажденіе должно служить выраженіемъ жизни, противорѣча даже самой основной идеѣ мусульманской вѣры (непримѣняемой впрочемъ никогда къ жизни), что наслажденіе (вѣроятно такое роскошное, что на землѣ объ немъ и фантазировать нельзя) умѣстно только въ будущемъ мірѣ.

Опять скажу, замѣчательно здѣсь то, что повторялось такъ часто,—что двѣ идеи, сколько нибудь относящіяся къ одному предмету, никогда вполнѣ не согласуются другъ съ другомъ: до такой степени господствуетъ въ Саади исключительная способность видѣть предметъ только въ одной его *точкѣ*, даже не съ одной только *стороны*, отсутствіе всякаго сколько нибудь обширнаго и разносторонняго взгляда и умѣнья слагать различныя впечатлѣнія одного и того же предмета въ нѣчто цѣлое, систематическое, одно.

Второй разсказъ или поученіе замѣчателенъ разнообразіемъ содержанія, почему онъ и выигралъ бы гораздо болѣе, если бы былъ раздѣленъ на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга частей.

«Августѣйшій Моисей—да будетъ надъ нимъ миръ!—совѣтовалъ Каруну: *благотвори, какъ благотворитъ тебѣ Богъ;* онъ не послушалъ, и ты слышалъ его конецъ.

«Тотъ кто съ динарами и диргемами не собираетъ добра духовнаго, | послѣднее благо (будущее блаженство) будетъ полагать въ благѣ динаровъ и диргемовъ. | Хочешь наслаждаться благами міра? | Оказывай щедрость людямъ, какъ Богъ тебѣ оказываетъ щедрость.

«Арабъ говоритъ: *дѣлай добро и не считай* (этого) *за одолженіе, ибо польза* (его) *къ тебѣ возвратится*, т. е. (по-персидски) давай и дари и не хвались (не попрекай этимъ) потому что польза этого къ тебѣ возвратится.

«Дерево великодушія гдѣ бы ни пустило корни, | вѣтви и вершина его сдѣлались (выше) небесъ. Если имѣешь надежду, что будешь отъ него вкушать, | похвальбой (упрекомъ) не клади пилы на его ноги (корни). | Благодари Бога, потому что ты былъ споспѣшествуемъ къ добру, | не былъ оставленъ благодѣяніями Его совершенства. | Не хвались, что служишь царю: | считай милостію его, что имѣетъ (тебя) въ службѣ.»

Здѣсь Саади подтверждаетъ между прочимъ высказанную выше мысль, что истинное наслажденіе есть благодѣяніе. Повторяемъ, что плохо вѣрится этому въ устахъ Саади, написавшаго напримѣръ, главу о слабости и старости, въ которой онъ о наслажденіи даетъ совсѣмъ другое понятіе. Даже память, какъ видите, у Саади была плоха.

Другая мысль о даяніи безъ одолженія прекрасна, только не относится къ предыдущему, и слѣдуетъ за нею опять новая, и очень оригинальная мысль—о царскомъ *одолженіи*.

Нравоученіе *третье* и *четвертое* безукоризненно хороши—покрайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли прежде.

«Два человѣка печалятся попусту и стараются безполезно: тотъ который собираетъ имѣніе (и) не пользуется (имъ), и другой тотъ, который изучаетъ науку и не поступаетъ (по ней).

«Какъ много ты ни обучался бы знанію (ни читалъ бы), | когда дѣлъ въ тебѣ нѣтъ—ты невѣжда (незнающій). | Не будетъ воспитаннымъ и ученымъ | четвероногое, на которомъ (положено) нѣсколько книгъ: | какое знаніе и свѣдѣніе у этого пустомозгаго (какъ онъ знаетъ), | что на немъ дрова или книги?

«Ученіе нужно для воздѣланія вѣры, а не для вкушанія мірскихъ благъ.

«Всякій кто воздержаніемъ и наукою и благочестіемъ похвалился (б. продалъ)— | (похожъ на того, кто) собралъ жатву и всю сжегъ.»

Въ *пятомъ* ложная идея; мы не знаемъ *ученаго*, который бы

не былъ добродѣтельнымъ,—иначе это не ученый. А стихи приведены совсѣмъ некстати.

«Ученый нецѣломудренный (недобродѣтельный) есть слѣпой; *онъ руководитъ и не руководится* (т. е. показываетъ дорогу другимъ, а не себѣ).

«Кто безполезно игралъ жизнію— | ничего не купилъ и золото бросилъ.»

Шестое правоученіе.

«Царство получаетъ блескъ отъ умныхъ (ученыхъ) людей, а вѣра совершенство отъ цѣломудренныхъ. Цари болѣе нуждаются въ совѣтахъ людей мудрыхъ, нежели въ довѣренности (б. въ приближеніи) царей.

«Если послушаешь моего совѣта, о царь!— | во всѣхъ книгахъ лучше этого совѣта нѣтъ: | кромѣ мудрыхъ (никому) не поручай дѣла (службы), | хотя служба не есть дѣло мудрыхъ.»

Совѣтъ принимать въ службу ученыхъ—прекраснѣйшій,—только едва ли въ устахъ Саади, на востокѣ, гдѣ ученый тотъ, кого много били. Развѣ по пословицѣ: за одного битаго двухъ небитыхъ даютъ. Притомъ Саади нисколько не затрудняется смѣшивать два совершенно разнородныя понятія *ученаго* и *умнаго*,—какъ будто и умнымъ могъ быть только тотъ, кого много били. Это уже слишкомъ немилостиво.

Седьмое правоученіе.

«Три вещи безъ трехъ вещей нетверды: богатство безъ торговли, знаніе безъ состязанія и государство безъ наказанія».

Опять дикій разладъ понятій: торговля и состязаніе суть необходимыя, естественныя слѣдствія имѣнія и знанія, между тѣмъ какъ наказаніе есть случайное, совсѣмъ неестественное исключеніе изъ обыкновеннаго порядка жизни государственной, такъ-что отношенія между двумя послѣдними сравниваемыми предметами и предыдущими—совершенно противоположны.

Мысль эту о наказаніи Саади дополняетъ другою мыслію въ слѣдующемъ, *восьмомъ*, правоученіи.

«Простирать милосердіе на злыхъ есть обида для добрыхъ, и прощать притѣснителей значитъ притѣснять (наказывать) угнетенныхъ.

«Если ты злому будешь оказывать расположеніе и льстить— | онъ будетъ дѣлать проступки подъ твоею властію (покровительствомъ), въ твоемъ сообществѣ.»

И здѣсь Саади не могъ понять, что обходиться милосердо или немилосердо и прощать или наказывать—не все равно. Вообще у Саади понятія родоваго, видоваго, части, цѣлаго—безразличны.

Девятое правоученіе.

«Нельзя довѣряться дружбѣ царей и не должно прельщаться пріятнымъ голосомъ дѣтей: онъ испортится въ одинъ сонъ (эротическій, когда физически дитя уже выходитъ изъ дѣтскаго возраста: объясн. Semelet).

«(Женщинѣ) любимой тысячью друзей (всѣми) не отдавай сердца, | а если отдашь сердце—приготовься къ разлукѣ».

Высказанная здѣсь тщета надеждъ справедлива, только односторонняя въ отношеніи къ надѣющемуся; что же касается до голоса, то со стороны его весьма неосновательно — капризничать, въ чемъ конечно никто не найдетъ для себя поучительнаго. И параллель сравненія съ красавицей неправильна, потому что отношеніе влюбленнаго человѣка къ красавицѣ, имѣющей тысячу обожателей, не имѣетъ никакой аналогической параллели съ предыдущимъ: легкомысленность и непостоянство въ дружбѣ — есть неотъемлемое свойство такихъ женщинъ.

Въ *девятомъ* правоученіи Саади ратуетъ во имя тайны и скрытности. При томъ себялюбіи, которое господствуетъ въ восточномъ человѣкѣ, это весьма понятно. Жаль только, что Саади даетъ скрытности обширные размѣры—до неопредѣленности. Если бы слѣдовать его совѣту, то всему человѣчеству пришлось бы пожалуй молчать до скончанія міра. А прекрасное наставленіе объ отношеніяхъ къ врагу вставлено опять не кстати.

«Всякую ту тайну, которую ты имѣешь, не открывай (б. не клади въ середину) другу: какъ ты знаешь, что въ извѣстное время онъ (не) сдѣлается твоимъ врагомъ? И всякое зло, которое ты можешь сдѣлать врагу, не дѣлай: можетъ быть, что когда нибудь онъ сдѣлается другомъ. Тайну, которую ты хочешь скрыть (б. чтобы она осталась скрытою), ни одному человѣку не открывай, хотя бы онъ былъ (человѣкъ) надежный, потому что никто на тайну твою не будетъ осторожнѣе (тебя).

«Молчаніе лучше, чѣмъ чувство сердца твоего | кому нибудь разсказывать, и говорить: не говори (объ этомъ никому). | О праводушный! преграждай воду у начала источника, | потому что когда станетъ полною— преградить рѣку будетъ невозможно. | Втайнѣ не должно говорить ни одного слова, | котораго нельзя сказать во всякомъ собраніи».

А въ *одиннадцатомъ* правоученіи, такъ скоро послѣ десятаго, о врагѣ говорится совсѣмъ другое.

«У слабаго врага, который приходитъ въ покорность и показываетъ дружбу, нѣтъ другаго желанія кромѣ (того), чтобы сдѣлаться сильнымъ врагомъ. И говорятъ: нѣтъ увѣренности въ дружбѣ (даже) друзей,—что же остается (б. приходитъ) ласкательству враговъ. Всякій, кто считаетъ презрѣннымъ маленькаго врага, подобенъ тому, который малый огонь оставляетъ безъ вниманія.

«Сегодня потуши (его), когда можно потушить, | потому что когда огонь увеличится—міръ сожжетъ. | Не позволяй, чтобы тетиву натягивалъ (б. дѣлалъ) на лукъ | врагъ, когда можетъ пустить стрѣлу.»

Сначала какъ будто указывается на то, чтобы не довѣрять

лести врага; но потомъ предостереженія о врагѣ такъ сильны, что дѣло идетъ уже не о лести.

О врагахъ вообще Саади говоритъ очень много. Можетъ быть тутъ отъ него можно было бы и научиться многому, если бы онъ объяснилъ причины и возможности вражды, если бы онъ показалъ, кого и за что нужно считать своимъ врагомъ. А какъ этого Саади не высказалъ, то и всѣ его наставленія ни къ чему не ведутъ, или еще хуже—могутъ повести къ совершенно ложнымъ ихъ пониманіямъ и приложеніямъ въ жизни. Да наконецъ и то, что говоритъ Саади, такъ изложено безпорядочно, безсвязно, что рѣшительно нѣтъ возможности составить себѣ одно общее ясное пониманіе идеи; отсутствіе въ Саади общаго, по возможности многосторонняго взгляда, указанное уже нами не однажды, подтверждается здѣсь самымъ поразительнымъ образомъ; предоставляю читателямъ самимъ изъ понятій Саади о врагахъ вывести свое заключеніе.

Двѣнадцатое правоученіе (которое впрочемъ поучительно и безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ).

«Промежду двухъ враговъ говори такое слово, чтобы ты не былъ пристыженнымъ, если они сдѣлаются друзьями.

«Когда ссора между двухъ людей стала огнемъ,— | несчастный сплетникъ (б. подбирающій слово) таскаетъ дрова (которыми огонь воспламеняетъ). | Этотъ и тотъ (враждующіе) помирятся, (и) онъ между ними (будетъ) несчастнымъ и пристыженнымъ. | Воспламенять огонь между двумя людьми | не есть умъ: (это значитъ) жечь себя въ срединѣ (ихъ). | Въ разговорѣ съ друзьями будь остороженъ, | чтобы кровожадный врагъ не слышалъ (б. не имѣлъ уха). | Знай (б. имѣй умъ), что говоришь предъ стѣною, | чтобы не было за стѣною шпіона (б. уха)».

Тринадцатое.

«Всякій кто съ врагами друзей своихъ живетъ въ мирѣ (б. держитъ миръ), имѣетъ желаніе оскорбленія друзей.

«Умный человѣкъ, умой руки отъ того друга, | который бы сидѣлъ вмѣстѣ съ врагами твоими».

Четырнадцатое.

«Когда въ исполненіи (въ выборѣ) дѣла ты будешь въ недоумѣніи, выбирай ту сторону (то дѣло), которая выйдетъ незатруднительнѣе.

«Не говори грубо съ человѣкомъ кроткорѣчивымъ; | не ищи ссоры съ тѣмъ, который стучится въ дверь мира».

Едва ли кто нибудь найдетъ и тѣнь связи между прозою и стихами.

Пятнадцатое.

«Пока дѣло удается (б. идетъ), за золото не должно повергать жизнь въ опасность.

«Когда рука оторвана отъ всѣхъ средствъ, | позволительно заносить руку къ мечу».

Съ этимъ нельзя не согласиться.

Шестнадцатое.

«Не дѣлай состраданія къ слабости врага, потому что онъ не сдѣлаетъ (состраданія къ тебѣ), когда сдѣлается сильнымъ.

«Когда увидишь врага безсильнымъ, не хвались своею силою (б. усами): | въ каждой кости есть мозгъ, въ каждой рубашкѣ человѣкъ.

«Всякій, кто убьетъ дурнаго человѣка, избавитъ людей отъ бѣдствія и его отъ наказанія Божія.

«Прощеніе похвально, но | не клади пластыря на рану оскорбителя людей. | Тотъ кто сжалился надъ змѣею, не зналъ, | что это есть жестокость для сыновъ человѣка».

Семнадцатое.

«Принимать совѣтъ отъ врага есть ошибка, но слушать прилично, чтобы ты дѣлалъ (могъ дѣлать) напротивъ того (что онъ говоритъ), потому что это есть прямой способъ (дѣйствовать).

«Остерегайся того, что говоритъ тебѣ врагъ: дѣлай то-то,— | потому что (если сдѣлаешь такъ) ударишь по колѣну рукою обмана (оплошности, —будешь раскаяваться). | Если онъ показываетъ тебѣ дорогу правую (прямую), какъ стрѣла,— | вороти отъ нея и принимай дорогу лѣвую».

Осьмнадцатое.

«Гнѣвъ безпредѣльный (б. больше предѣла) наводитъ ужасъ, а безвременная (несвоевременная, неумѣстная) кротость устраняетъ (отъ тебя, б. уноситъ) почтеніе. Не дѣлай столько суровости, чтобы тобою пресытились (чтобы ты надоѣлъ), ни столько мягкости, чтобы сдѣлались противъ тебя дерзкими.

«Суровость и мягкость вмѣстѣ прекрасны: | такъ цирюльникъ (дѣлаетъ) рану и (въ то же время) кладетъ пластырь (исцѣляющій). | Умный человѣкъ не употребляетъ много суровости, | ни нѣжности (кротости), потому что (этимъ) повредилъ бы своему достоинству; | онъ не кладетъ на себя излишняго величія, | ни поддается когда нибудь униженію. | Пастухъ говорилъ своему отцу: умный человѣкъ! | дай мнѣ наставленіе, совѣтъ одинъ, постарчески. | Онъ сказалъ: не оказывай столько человѣколюбія, | чтобы сдѣлался смѣлымъ волкъ острозубый».

Все хорошо, кромѣ—старческаго совѣта, который касается только доброты, и очень неясенъ.

Девятнадцатое.

«Два человѣка враги государства и вѣры: падишахъ безъ милосердія и богослужитель (б. благочестивый, монахъ) безъ науки.

«Да не будетъ во главѣ царства тотъ царь повелѣвающій, | который Богу не будетъ рабомъ, несущимъ (исполняющимъ) повелѣніе (Его)».

Двадцатое.

«Падишахъ не долженъ устремлять гнѣвъ на враговъ до такой степени,

чтобы друзьямъ не оставалось надежды (на его милость), потому что огонь гнѣва падаетъ прежде въ разгнѣваннаго (б. владѣтеля гнѣва), (а) потомъ (уже) пламя (его) достигаетъ противника или (а можетъ быть и) не достигаетъ.

«Не слѣдуетъ прахорожденному (рожденному изъ праха) сыну человѣка | класть на голову (б. дѣлать на головѣ) высокомѣріе, лютость и суетность;— | тебя, съ такимъ жаромъ и упорствомъ (обладающаго жаромъ и проч.), | я не считаю (б. не думаю) изъ земли (сдѣланнымъ), а изъ огня. | Въ землѣ Балканской я пришелъ къ отшельнику | (и) сказалъ: очисти меня отъ невѣжества наставленіемъ своимъ. | Онъ сказалъ: иди, претерпѣвай подобно землѣ, о ученый! | или все, что ты изучилъ (б. прочелъ), все брось въ землю».

Много прекрасныхъ мыслей, и не будь непонятнаго загадочнаго наставленія отшельника, все правоученіе было бы очень хорошо.

Далѣе слѣдуютъ правоученія, заслуживающія нашего вниманія въ одинаковой степени съ прочтенными, которыхъ характеръ и значеніе читатель, надѣюсь, достаточно понялъ, и потому могъ бы окончить здѣсь чтеніе этого оригинальнаго произведенія, называемаго въ Персіи *солью трапезы персидскихъ поэтовъ.* Глава эта, какъ и достоинство ея, больше предыдущихъ главъ, состоитъ изъ 106 правоученій и еще *заключенія* книги. Мы приведемъ нѣсколько послѣднихъ правоученій и самое заключеніе, какъ дѣйствительно вѣнчающее достойнымъ образомъ цѣлую книгу.

Сто третье.

«У всякаго человѣка зубы оскомляются отъ кислоты, только у кади (судьи) отъ сладкаго.

«Кади, который съѣлъ въ подарокъ пять огурцовъ, | присудитъ тебѣ десять арбузныхъ грядъ».

Чрезвычайно характеристично!

Сто четвертое.

«Старая распутная женщина отъ нечего-дѣлать, что̀ будетъ дѣлать, какъ не раскаяваться (о своихъ грѣхахъ)? а отставленный губернаторъ—о притѣсненіи людей?

«Юноша сидящій въ углу есть мужественный левъ на дорогѣ Божіей, | потому что старикъ даже не можетъ подняться изъ угла».

(т. е. даже сидящій въ углу юноша есть левъ въ сравненіи со старикомъ).

Плохой почетъ былъ старикамъ отъ Саади.

Сто пятое.

«У мудреца спросили: столько славныхъ деревьевъ, которыя сотворилъ Богъ Всевышній, высоки и плодоносны, (а) ни одно не называютъ свободнымъ, кромѣ кипариса, который не имѣетъ плодовъ; какое въ этомъ таинство? Всякому (дереву) опредѣленъ доходъ (прибытокъ), и въ извѣст-

ное время, во время существованія его (прибытка, плодовъ), они зелены, во время его отсутствія—цвѣтущи, а у кипариса ничего этого нѣтъ, и во всякое время онъ зеленъ; и это есть достоинство свободныхъ (—подразумѣваются дервиши).

«Не полагай сердца (не привязывайся) на то, что проходитъ, потому что Тигръ | будетъ долго протекать въ Багдадѣ послѣ халифовъ (т. е. потому что даже и халифы прошли). | Если тебѣ можно (б. если тебѣ выходитъ изъ рукъ)—будь великодушенъ какъ пальма, | а если нельзя —будь свободенъ какъ кипарисъ».

Смыслъ—таинственный.

Сто шестое.

«Два человѣка умираютъ и печалятся (б. несутъ печаль): тотъ, который имѣлъ и не вкушалъ, и тотъ, который зналъ и не дѣлалъ.

«Никто не видѣлъ скупаго, превосходнаго (въ другихъ отношеніяхъ), | о недостаткахъ котораго не старались бы говорить; | а если щедрый имѣетъ двѣсти грѣховъ,—щедрость его покрываетъ недостатки».

Между стихами и прозой никакой связи, и въ добавокъ—такое милое и полезное значеніе щедрости!

Заключеніе книги.

«Окончена книга Гюлистанъ, и Богъ помощникъ (былъ мнѣ). Во всемъ этомъ не было увеличенія (книги) способомъ заимствованія изъ стиховъ предшественниковъ (моихъ), по обычаю писателей (другихъ).

«Надѣвать свое старое рубище | лучше, чѣмъ новое платье просить.

«Рѣчь Саади по большей части возбуждаетъ веселость и смѣшана (съ) шуткой, и у близорукихъ (умственно, б. коротковзглядыхъ) по этой причинѣ языки порицанія сдѣлаются длинными (и они скажутъ): напрасно употреблять (б. нести) мозгъ (мозговое вещество, б. мозгъ-мозгъ) и глотать дымъ безполезной лампы не есть дѣло умныхъ; но да не останется скрытымъ предъ свѣтлою мыслью мудрецовъ, къ которымъ есть (обращено) лицо слова (этой книги), что (въ ней) жемчугъ спасительныхъ наставленій нанизанъ на нитку слова (б. изъясненія), и горькое лекарство совѣта смѣшано съ сладостію остроты (шутки, тонкости), чтобы натура читателей не утомилась, и книга не осталась удалена (б. лишена) отъ счастія принятія (ея читателями).

«Мы дали (б. сдѣлали) въ своемъ мѣстѣ добрый совѣтъ | и употребили на это нѣкоторое время; | если онъ не придетъ въ чье нибудь ухо желанія (не понравится), | на посланныхъ будетъ извѣщеніе и только (т. е. на посланныхъ лежитъ только обязанность извѣстить о томъ, что знаютъ). | О, читатель (б. о смотрящій въ нее, т. е, въ книгу)! проси у Бога милосердія | для сочинителя и прощенія (грѣховъ) переписчику, | и проси душѣ своей изъ благъ желаемое ею, | послѣ этого проси прощенія владѣтелю ея (этой книги).

«Книга окончилась съ помощію щедраго Царя (Господа)».

Я полагаю, что изъ того, что прочли вы (изъ отрывковъ Гюлистана), можно составить себѣ нѣкоторое мнѣнія объ нихъ понятіе обо всѣхъ этихъ названныхъ предметахъ. Ясно, что мнѣнія объ нихъ не могутъ быть въ ихъ пользу,—но этого и не нужно!—Зачѣмъ смотрѣть на предметъ сквозь призму непонятнаго пристрастія, образовавшагося преданіемъ, сквозь призму мечтательнаго, своенравнаго взгляда, усвоеннаго нами потому, что мы плохо знаемъ предметъ, что онъ окруженъ прекрасною, великолѣпною обстановкою, внѣшностью?

А что мы плохо знаемъ востокъ, это несомнѣнно. Безпристрастная, строгая и здравая наука едва касалась его. Мы *знаемъ*, что тамъ были поэты, философы, которыхъ даже мы называемъ почетнымъ именемъ мудрецовъ; мы знаемъ, что эти поэты и мудрецы оставили намъ огромную литературу, что они слѣдовательно много работали для человѣчества; но что же они сдѣлали? какою мудростію надѣлили міръ эти мудрецы?—внесли ли они хоть одну новую, плодотворную идею въ сокровищницу человѣческой мысли? на полѣ науки возрастили ли они хоть одно общеполезное знаніе? подвинули ль они хоть на шагъ прогрессъ общечеловѣческій, которымъ можетъ хвалиться Европа?—Мы этихъ вопросовъ не разрѣшали, потому что не могли разрѣшить, потому что не изучали безпристрастно востока, восточной литературы, восточной мысли. И не разрѣшивши этихъ вопросовъ, мы питаемъ старовѣрческое уваженіе ко всему тому, что называется восточнымъ! Мы придаемъ пресловутымъ восточнымъ писателямъ эпитеты—великихъ, славныхъ, знаменитыхъ, не подозрѣвая, что они знамениты и славны только у себя дома, а для насъ рѣшительно все равно, хоть бы ихъ и совсѣмъ не было, потому что написанное ими—въ Европѣ давно уже было расписано и обработано и переработано, и выработаны такія чудесныя вещи, что прежняго какъ будто и слѣдовъ не осталось,—такъ оно измѣнено, усовершенствовано; что позднѣйшіе восточные писатели отъ своихъ корифеевъ научились только бездарности и получили въ наслѣдіе горы книгъ, которыхъ они ни понять, ни замѣнить новыми, понятнѣйшими, не умѣли. И въ горахъ этихъ не было истинной жизни, производительной силы ни на-волосъ,—до такой степени, что даже прекрасныя, самыя удобораститительныя сѣмена европейской мысли—къ этимъ горамъ не прививались, или перерождались тамъ въ какія-то уродливыя растенія. Если въ этомъ и виноваты много сами европейцы, то все-таки больше виноваты люди восточные, мусульманскіе.

А мы все-таки признаемъ тамъ и мыслителей и поэтовъ, и

литературныя творенія ихъ, и уважаемъ то и другое безусловно. А на какомъ основаніи?—Въ цѣлой Европѣ можно пересчитать по пальцамъ нѣсколько плохихъ политическихъ исторій разныхъ мусульманскихъ народовъ, написанныхъ по двумъ-тремъ источникамъ, и въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одной исторіи литературы ни одного мусульманскаго народа! А у насъ, русскихъ, нѣтъ политическихъ исторій востока даже плохихъ. Кто же знаетъ востокъ? Что жъ вы скажете на это, почтенные его почитатели?

А между тѣмъ знать его необходимо. Съ одной стороны крылья европейскаго ума крѣпнутъ и расправляются шире и шире, и требуютъ для своего полета все болѣе и болѣе обширной сферы, все болѣе и болѣе обширнаго изученія; а съ другой—летаргія востока продолжается слишкомъ долго, и отъ нея вѣетъ безжизненностью, холодомъ на духовную почву человѣчества.

Мы прочли кое-что изъ Гюлистана,—прочли столько, что можемъ составить нѣкоторое понятіе о духовной сторонѣ восточнаго человѣка, о духовныхъ его воззрѣніяхъ и о томъ, какъ эти воззрѣнія выражаются въ жизни.

Мы не ошибемся, если скажемъ, какъ уже сказали и въ началѣ нашей статьи, что основная идея, на которой построилъ мусульманскій человѣкъ все зданіе своей духовной жизни,—есть матеріализмъ, идея внѣшности, формы, идея настоящаго, близкаго, дѣйствительнаго;—матеріализмъ не тотъ стройный, логическій, который развивала аристотелева школа пластиковъ, или развиваютъ нынѣ—повидимому въ ущербъ отвлеченной идеѣ—нѣкоторые изъ новѣйшихъ германскихъ философовъ; нѣтъ: философы эти обязаны своею системою силѣ той же самой отвлеченной идеи, которую они преслѣдуютъ, и которая однако научила ихъ мыслить логично и строить логичныя системы..... У мусульманина отвлеченная идея никогда не была исходною точкою умственной дѣятельности. Магометъ, этотъ земной владыка, окрещенный мечемъ и кровью, не могъ на своемъ побѣдоносномъ знамени не помѣстить прежде всего неизгладимыхъ, вѣковыхъ начертаній силы земной и земной власти, эмблемы грубой силы. И съ тѣхъ поръ для мусульманина путеводною звѣздою стала земная власть и сила. Понятно, что дальше земли она никуда не могла провести мусульманина.

Мы читали прекрасное славословіе Саади Всевышнему, читали и восхищались имъ, но и чувствовали вмѣстѣ съ тѣмъ, что отъ него вѣетъ какимъ-то земнымъ, безмысленнымъ холодомъ; что это славословіе открываетъ какой-то узкій, тѣсный, духовно-бѣдный міръ; что оно похоже на безсознательный дѣт-

скій лепетъ, сложившійся изъ всего того, что дитя когда-то слышало, не понимая и *вѣря* только, что слышанное имъ прекрасно,—не пытаясь понять и, слѣдовательно, плохо вѣря.—Всмотритесь внимательно. Въ цѣломъ славословіи опредѣлительно выражается малосложная и немногосторонняя, а главное—удобоприложимая въ жизни философія сердца; *наслаждайся и благодари*—колѣнопреклоненіемъ, почтительнымъ и благоговѣйнымъ наклоненіемъ головы, чтеніемъ молитвъ—какъ вѣроятно думалъ авторъ этого славословія, наслаждайся всѣмъ, что есть въ мірѣ, потому что весь міръ существуетъ для тебя одного.... благодари же за все только одного Создателя, Который и ближнихъ твоихъ сотворилъ для твоего счастія, удовольствія, какъ сотворилъ Онъ животныхъ, растенія, воздухъ, и Котораго, главное, словомъ или наклоненіемъ головы благодарить не трудно.... Вотъ та философія, которая звучитъ въ гармоническихъ персидскихъ стихахъ и прозѣ первыхъ страницъ Гюлистана, которую мы встрѣчали не однажды на слѣдующихъ его страницахъ (см. разсказы о дервишахъ, о старости, и т. п.), на которыхъ мы никогда не встрѣчали, какъ не встрѣтили въ приведенномъ славословіи, ничего, что бы могло навести насъ на другую идею, на другія понятія о Верховномъ Существѣ и Его твореніи—человѣкѣ. И въ славословіи философія эта оперлась очень твердо на двухъ крайнихъ его пунктахъ, на его началѣ и концѣ: предположивъ, что благодарность человѣка Творцу усугубляетъ Его благость, едва ли можно было человѣку подвинуться дальше заглавія Богопознанія.

Впрочемъ и эта философія могла бы имѣть какое нибудь положительное значеніе, если бы она была сознана и приведена въ убѣжденіе. Но не до того, видно, было восточному человѣку, очарованному и поглощенному прелестями жизни матеріальной; нѣкогда было ему плестись по скучной и трудной дорогѣ систематическаго и логичнаго мышленія, нѣкогда было разрѣшать терпѣливо вопросы: что? и какъ? и почему? и для чего?.... И онъ наслаждался, потому что это дѣлалось безъ труда, и—только наслаждался искренно, хоть безсознательно.... Затѣмъ, на вопросъ, кому онъ обязанъ этимъ наслажденіемъ? онъ положительно отвѣтилъ—Богу всеблагому и всемилосердому, Котораго «дождь неисчислимыхъ милостей нисходитъ на всѣхъ», и Который «за преступленія не лишаетъ насущнаго хлѣба».

А какъ человѣкъ привыкаетъ ко всякому благополучію очень легко, то и восточный человѣкъ легко привыкъ къ этой благости Божіей, которой онъ не понималъ, и которую понять не заботился, потому что былъ въ ней совершенно увѣренъ. Не удивительно послѣ этого, что сдѣлавши такъ мало успѣховъ

въ Богопознанiи, онъ считалъ весьма достаточнымъ для благодарности Богу—нѣсколько молитвъ и поклоновъ.

Но, будучи покоенъ насчетъ неисчерпаемой благости Всевышняго, восточный человѣкъ не былъ однако жъ совершенно покоенъ въ другихъ отношенiяхъ. Его драгоцѣнныя блага земныя могъ отнять его ближнiй, всякiй сильнѣйшiй, и потому вотъ куда были направлены его задушевные помыслы. Повелитель его былъ для него олицетворенiемъ высшей земной, и слѣдовательно всякой силы; потому и Саади, послѣ славословiя Богу, почелъ необходимымъ помѣстить славословiе своему падишаху, которое и составляетъ въ предисловiи къ Гюлистану особую главу подъ названiемъ: добродѣтели государя ислама.

Согласитесь, что глава эта написана съ гораздо большимъ сознанiемъ и искренностью, чѣмъ глава предшествующая? Согласитесь, что понятiе земной силы плохо связывается съ понятiемъ о силѣ высшей, Божественной?

Такими понимапiями воспитывались тѣ люди, которые не хотѣли говорить правды царю, боясь потерять голову; которые уважали только то, что было сильно и могло быть вреднымъ, которые дорожили только выгодами своей личности, потому что не любили и не могли любить никого, кромѣ себя; которые и въ воспитанiи дѣтей видѣли только науку подчиненности; которые, умирая въ глубокой старости, сожалѣли только о томъ, что не могутъ уже вкушать сладостей жизни—объѣдаться вкусными яствами, обнимать юную, свѣжую красавицу.....

Оттого на духовной нивѣ востока и не выросло ничего стройнаго, вѣчнаго, прогрессивнаго, чтобы могло обогатить сокровищницу человѣческаго разума. Въ перiодъ гоненiя греческихъ философскихъ школъ, греческая и александрiйская ученость была занесена европейскими изгнанниками въ Аравiю и Персiю и принялась тамъ довольно хорошо. Но встрѣтившись съ безжизненною идеею ислама, она переродилась въ тяжелый мертвенный обскурантизмъ, который непроглядпымъ облакомъ задернулъ горизонтъ мысли восточнаго человѣка. Науки, пожалуй, развивались, имѣли свой золотой вѣкъ (Гарунъ ар-Рашидъ), который соперничалъ съ вѣкомъ Карла В. и даже много превосходилъ его литературною и ученою дѣятельностью. Но едва ли не правильнѣе было бы назвать этотъ вѣкъ позолоченнымъ: позолота скоро сошла, и подъ нею оказался металлъ низкаго достоинства, негодный ни къ какому производительному употребленiю. Облекшись двойною мантiею схоластики и мистики, науки въ этотъ золотой вѣкъ представляли чудную дисгармоническую смѣсь: медицина, астрономiя, математика, геогра-

фія, химія, алхимія, кабалистка, астрологія,—все это вмѣстѣ составляло ученый курсъ. Въ Европѣ эта смѣсь перебродилась и вылилась въ стройныя формы современной науки; на мусульманскомъ востокѣ она не пошла впередъ: утомилась въ тяжелой и неблагодарной работѣ въ заколдованномъ кругу ислама, ослабѣла и—задремала непробудною дремотою, прерываемою по временамъ безсвязнымъ бредомъ.

Въ Европѣ есть немного произведеній мусульманскихъ писателей въ точныхъ переводахъ; нѣсколько изъ нихъ—историческія и географическія сочиненія; образчикъ другихъ, если не по формѣ, то по смыслу, мы видѣли въ Гюлистанѣ. И эти-то послѣдніе переведены по большей части *въ пособіе къ переводамъ* съ восточныхъ языковъ!—Намъ укажутъ на нѣкоторыя восточныя произведенія, переданныя европейскими писателями въ прекрасной художественной формѣ: но по формѣ переданнаго нельзя судить о формѣ и достоинствѣ подлинниковъ: Байронъ, Гете, Шиллеръ, Вольтеръ, Ламартинъ, Жуковскій—не знали ни одного восточнаго языка; они были геніальными художниками, которые изъ безобразныхъ массъ глины, принесенной съ востока, лѣпили свои высоко-прекрасныя, идеальныя группы; они творили не для востока, не для критической науки; имъ нужна была не идея, не форма востока, а только глина, которой они придавали свои новѣйшія, европейскія, поэтическія формы и идею; имъ нужны были восточные костюмы, декораціи, сцена,—а *слово* они проповѣдывали *свое*, отъ кого бы они прежде ни слышали его.

Примѣчаніе. Впослѣдствіи мы, студенты восточнаго факультета, надѣемся познакомить просвѣщенныхъ читателей съ другими отрывками мусульманской литературы, которые бы такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Гюлистаномъ, представили въ возможной полнотѣ факты духовной жизни востока.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
О
НОВГОРОДСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТѢ
1471 года,

въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно гражданскому.

Сочиненіе студента Θедора Панова, писанное для полученія степени кандидата въ 1856 году.

Введеніе.

Задача предлагаемой статьи—раскрыть содержаніе новгородской судной грамоты въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно гражданскому. Но прежде нежели мы приступимъ къ разрѣшенію этой задачи, считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя предварительныя понятія о новгородской судной грамотѣ, служащія какъ-бы краткимъ обозрѣніемъ ея внѣшней исторіи.

Текстъ новгородской судной грамоты въ томъ видѣ, какъ онъ помѣщенъ въ нашемъ изслѣдованіи, взятъ изъ тома I Акт. Археогр. Эксп., гдѣ эта грамота помѣщена подъ N° 92 и названа новгородскою судною грамотою. Она имѣетъ тѣсную связь съ двумя мирными договорными грамотами новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III и съ сыномъ его Іоанномъ, также помѣщенными въ т. I Акт. Арх. Эксп. подъ N° 91, и вмѣстѣ съ этими грамотами она была утверждена взаимною присягою (крестнымъ цѣлованьемъ) и скрѣплена подписью и печатью великаго князя (1), 11 августа 1471 года.

Грамоту эту мы не можемъ считать за ограниченіе правъ судебной власти «господина Великаго Новагорода», потому что въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, она не предоставляетъ

---

(1) Акты Арх. Эксп., т. I. N° 91, II: «А что грамота докончалная *промежъ себя о судѣ*, ино у той грамоты быти *имени и печати Великихъ Князей*».

Іоанну III, какъ новгородскому князю, такихъ правъ въ судебномъ разбирательствѣ, какихъ-бы уже не имѣли его предшественники, какъ князья новгородскіе: судебная власть намѣстника и тіуновъ, которыхъ Іоанну III было предоставлено держать въ новгородскомъ княжествѣ, въ этой грамотѣ ничѣмъ не отличается отъ той власти, которая была предоставлена намѣстнику и тіунамъ польскаго короля Казиміра IV (1), договоръ, съ которымъ нельзя признавать за ограниченіе правъ людей вольныхъ (2): этотъ договоръ былъ нечто иное, какъ письменное изложеніе всѣхъ тѣхъ отношеній новгородцевъ къ князю, которыя существовали изстари и назывались пошлиною, стариною. Въ договорныхъ грамотахъ новгородцевъ съ князьями не всѣ эти отношенія излагаются, потому что они предполагаются уже извѣстными всѣмъ русскимъ князьямъ; но какъ польскій король не могъ знать новгородской старины, то въ договорѣ съ нимъ она по большей части и была означена.

Новг. с. грамота ограничивается судомъ надъ одними новгородскими людьми (3), такъ что о судѣ смѣстномъ или общемъ въ ней вовсе не говорится (4).

Новг. с. грамота, по нашему мнѣнію, была вызвана стремленіемъ новгородскаго правительства къ ограниченію самоуправства частныхъ лицъ въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ оно являлось для общества наиболѣе вреднымъ, а не отношеніями новгородцевъ къ Іоанну III послѣ шелонской битвы. Новгородское правительство, желая подчинить большую часть тяжебныхъ споровъ между частными лицами судебному разбирательству, старается искоренить дѣйствіе права сильнаго въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ оно, по понятіямъ народа, удобно могло быть употребляемо какъ средство рѣшенія спора. Къ числу такихъ дѣлъ

---

(1) Акты Арх. Эксп., т. I, № 87.

(2) См. С. Соловьева: Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ. Москва, 1846 г. стр. 86.

(3) См. выноску на предъидущей страницѣ.

(4) Судъ смѣстный или общій былъ учрежденъ на Городищѣ (село, которое и теперь подъ тѣмъ-же именемъ находится въ разстояніи одной версты отъ Новгорода, вверхъ по Волхову) для разбирательства судн. дѣлъ, возникавшихъ между новгородск. и великокняжескими подданными. Судьями назначались два боярина, одинъ состороны вел. князя, другой отъ новгородск. правительства. (См. Акты Арх. Эксп., т. I № 91, II). А. И. Куницынъ въ своемъ сочиненіи «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи», стр. 28, считаетъ учрежденіе смѣстнаго суда за уступку со стороны новг. правительства въ пользу Іоанна III, происшедшую не ранѣе 1471 года и бывшую слѣдствіемъ несчастнаго для новгородцевъ сраженія на Шелони, 1471 г., 14 іюля (см. Софійск. Временникъ, часть II, стр. 103); но это несправедливо, потому что о существованіи такого суда въ Акт. Арх. Эксп. (т. I, № 58) упоминается уже ранѣе, именно подъ годомъ 1456.

принадлежали въ то время тяжбы за поземельную собственность и иски по уголовнымъ преступленіямъ, совершаемымъ противъ частныхъ лицъ (delicta privata). Поэтому новг. правительство для такихъ дѣлъ издаетъ разныя постановленія, въ которыхъ излагаются правила суда и назначаются тяжкіе денежные штрафы за употребленіе насилія въ тѣхъ случаяхъ, кои по предписанію закона должны подлежать судебному разбирательству. Постановленія эти, быть можетъ, существовали уже и прежде (подобно тому, какъ большая часть постановленій псковской судной грамоты въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ (1), дѣйствовали уже и прежде 1467 г.) (2); но по случаю заключенія Новгородомъ мирнаго договора съ великими князьями (Іоанномъ III и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ), съ соизволенія этихъ князей, были преданы письму, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы служить руководствомъ намѣстнику и тіунамъ великокняжескимъ при рѣшеніи ими (совмѣстно съ новгородскими судьями) тѣхъ дѣлъ, для которыхъ эти узаконенія были назначены (3). Эти постановленія состоялись на вѣчѣ, какъ видно изъ начала новг. с. грамоты:

§ 1. Доложа господы Великихъ Князей, Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архіепископство Великого Новагорода и Пъскова священноинока Θеофила. Се покончаша посадникы Ноугородцкіе, и тысятцкіе Ноугородцкіе а), и бояря, и житьи люди, б) и купци, и черные люди, вся пять Концовъ, весь государь Велики Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ.

а) Посадники и тысяцкіе носили наименованіе степенныхъ или старыхъ (въ одной новг. грамотѣ употреблено даже названіе *изстаринныхъ*). Степеннымъ посадникомъ или тысяцкимъ назывался тотъ бояринъ новгородскій, который въ то время, какъ о немъ идетъ рѣчь, исправлялъ означенную должность; старыми-же посадниками и тысяцкими назывались бояре, прежде отправлявшіе подобныя должности. Иногда старые посадники снова избирались въ должность степенныхъ. б) Житьи люди,—богатые, зажиточные собственники,—именитые граждане.

---

(1) См. Псковская судная грамата, составленная на вѣчѣ въ 1467 году, изданная Н. Мурзакевичемъ въ Одессѣ, 1847 года.

(2) Гражданскіе законы Псковской судной грамоты, сочиненіе Ивана Энгельмана, С.-Пбургъ, 1855 года (см. стр. 8—11).

(3) Гдѣ писались постановленія новгородскаго вѣча? — неизвѣстно. Мы знаемъ

Будучи утверждены великими князьями вмѣстѣ съ мирнымъ договоромъ 11-го августа 1471 г., эти узаконенія составили правила «о судѣ и о закладѣ, на наѣздщики и на грабещики» (¹), которыя въ настоящее время образуютъ новг. с. грамоту. Поэтому, если мы примемъ во вниманіе такое заглавіе новг. с. грамоты, то должны будемъ допустить, что она не могла составлять общаго для судопроизводства въ новгородск. княжествѣ узаконенія; ограничиваясь-же тою ея частію, которая дошла до насъ, мы можемъ высказать слѣдующія общія положенія о н. с. грамотѣ, которыя выводятся изъ нашего сочиненія:

1) Новг. с. грамота исключительно содержитъ въ себѣ судопроизводство по тяжбамъ за поземельную собственность съ проистекающими изъ нихъ исками о насильственныхъ дѣйствіяхъ въ недвижимомъ имѣніи (иски «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ») и по искамъ объ уголовн. преступленіяхъ, совершаемыхъ противъ частныхъ лицъ.

2) Форма производства суда по новг. с. грамотѣ, подобно тому, какъ и во всѣхъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ того времени, есть исковая или обвинительная, но не слѣдственная.

3) Только присяга обѣщательная прямо высказана новг. с. грамотою, и имѣетъ значеніе полнаго судебнаго доказательства тогда только, когда истецъ или отвѣтчикъ отказывается принять ее. Въ искахъ же уголовныхъ даже и отказъ отъ присяги несоставляетъ доказательства къ обвиненію отказавшагося отъ нея.

4) Акты, заключающіе въ себѣ рѣшеніе новгородскихъ судовъ по тяжбамъ и искамъ, суть грамоты судныя или безсудныя; слѣдовательно это такіе акты, которые были общеупотребительны въ современной н. с. грамотѣ Руси.

5) Главное наказаніе обвиненныхъ по суду состоитъ въ денежныхъ штрафахъ и взысканіяхъ.

только то, что вѣче издавало отъ себя грамоты вѣчныя (см. Акты Арх. Эксп., т. I, NN° 32 и 42), которыя уже по договору новгородцевъ съ Василіемъ Темнымъ, 1456 г., положено отмѣнить (Акты Арх. Эксп., т. I, N° 58) и которыя также отмѣняются договоромъ новгородцевъ съ Іоанномъ III, 1471 г. (Акты Арх. Эксп., т. I, N° 91, II); мы знаемъ еще, что вѣче имѣло своего дьяка, который назывался *вѣчнымъ* (см. примѣч. 147 къ т. VI Исторіи Государства Росс. Карамзина и Акты Арх. Эксп., т. I, N° 59); но не болѣе. Впрочемъ вѣроятно, что при дьякахъ состояло особое учрежденіе, соотвѣтствовавшее канцеляріи настоящаго времени, въ которомъ писались *вѣчныя* грамоты (см. Ив. Красова: о мѣстоположеніи древняго Новгорода, Новгородъ, 1851 г. стр. 88—89).

(¹) Надпись, сдѣланная въ сборникѣ новгородскихъ и двинскихъ грамотъ (принадлежащемъ Император. публичн. библіотекѣ) въ началѣ новг. с. грамоты.— См. Акты Арх. Эксп., т I, N° 92, стр. 72.

Источники и ученыя пособія, которыми мы пользовались для изслѣдованія новг. с. грамоты, указаны тамъ, гдѣ сдѣланы на нихъ ссылки. Здѣсь мы замѣтимъ только, что во многихъ мѣстахъ нашего сочиненія, при объясненіи нѣкоторыхъ постановленій н. с. грамоты и при выводѣ нѣсколькихъ заключеній о новгородскомъ судопроизводствѣ, мы принимали въ соображеніе законы псковскаго государства (въ томъ видѣ, какъ они помѣщены въ изданіи г. Мурзакевича (1) и объяснены въ сочиненіи г. Энгельмана (2), и изъ нихъ приблизительно старались дѣлать заключеніе о сходствѣ въ подобныхъ случаяхъ новгородскихъ законовъ съ псковскими, основываясь на тождествѣ бóльшей части государственныхъ учрежденій въ обоихъ княжествахъ и на сходствѣ правъ, предоставляемыхъ своимъ подданнымъ Новгородомъ и Псковомъ. Это сходство мы думаемъ основать на томъ обстоятельствѣ, что Псковъ долгое время, именно до 1348 года, находился въ зависимости отъ Новгорода и получалъ отъ него посадниковъ, хотя и имѣлъ свое отдѣльное вѣче. Только съ 1348 г. онъ пріобрѣлъ отъ Новгорода право называться его «молодшимъ братомъ», послѣ чего самъ сталъ избирать себѣ посадниковъ; но тѣмъ не менѣе по отношенію къ церковному суду псковитяне всегда зависѣли отъ новгородскаго архіепископа, который имѣлъ у нихъ своего особаго намѣстника, называемаго владычнымъ.

Что касается до *системы* нашего сочиненія, то она можетъ быть усмотрѣна изъ заглавія отдѣловъ. Для удобства ссылокъ на разныя постановленія новг. с. грамоты, мы раздѣлили текстъ ея на §§, къ которымъ приложили замѣчанія, заключающія въ себѣ переводъ древнихъ словъ на нынѣшній русскій языкъ.

Впрочемъ, такъ какъ постановленія новг. с. грамоты изложены въ ней безъ всякой системы, то часто случалось, что два, по видимому однородныя узаконенія, непосредственно слѣдующія въ грамотѣ одно за другимъ, размѣщались нами по разнымъ отдѣламъ нашего сочиненія, потому что правила въ этихъ узаконеніяхъ выраженныя, принадлежатъ различнымъ моментамъ судопроизводства.

А. О СУДЕБНЫХЪ ВЛАСТЯХЪ ВЪ НОВГОРОДСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Судъ, производимый въ новгородскомъ княжествѣ, можно раздѣлить на два главные рода: 1) судъ постоянный и 2) судъ

(1) Пск. судн. грамата, изд. Мурзакевичемъ въ Одессѣ, 1847 г.

(2) Гражданскіе законы Псковской судн. грамоты, соч. Ив. Энгельмана, С.-Пбургъ, 1855 г.

временной. Первый состоялъ изъ опредѣленныхъ мѣстъ и лицъ, установленныхъ для изслѣдованія и рѣшенія большей части тяжебныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ; послѣдній имѣлъ мѣсто только относительно нѣкоторыхъ немногихъ дѣлъ, и притомъ производился не всегда, а въ особо для того назначенное время. Къ такому временному суду принадлежатъ: 1) судъ самого великаго князя; 2) судъ порубежный и 3) судъ проѣзжій. Но какъ о временномъ судѣ въ новг. с. грамотѣ не говорится, то мы изложимъ здѣсь только постоянный судъ новг. княжества и притомъ такъ, какъ онъ можетъ быть выведенъ изъ словъ этой судной грамоты.

Постоянный судъ въ новг. княжествѣ былъ четырехъ родовъ: 1) судъ вѣчевой; 2) судъ княжескій; 3) судъ новгородскій и 4) судъ церковный.

I. О судѣ вѣчевомъ.

Вѣче въ Новгородѣ собиралось или по распоряженію князя, и такое вѣче называется княжескимъ; или оно созывалось независимо отъ усмотрѣнія князя, часто даже противъ его воли. Вѣче собиралось на дворѣ Ярослава, и въ немъ могли принимать участіе всѣ свободные новгородскіе люди [1]. Главою вѣча были: или князь (если вѣче созывалось по его усмотрѣнію), или посадникъ (степенный) и тысяцкій (степенный), если они созывали вѣче. Впрочемъ посадники и тысяцкіе, какъ степенные, такъ и старые присутствовали и на княжескомъ вѣчѣ. Но кромѣ князя, посадника и тысяцкаго, вѣче могло быть собираемо каждымъ гражданиномъ вообще, который созывалъ своихъ согражданъ для принесенія имъ жалобы. Такое вѣче называется суднымъ. Жалоба разсматривалась и рѣшалась собравшеюся такимъ образомъ толпою, которая получала значеніе вѣча, и приводила свое рѣшеніе въ исполненіе, если имѣла на то достаточно силы. Противъ такого вѣча не рѣдко собиралось другое, недовольное поступками перваго. Это новое вѣче открытою силою старалось или воспрепятствовать приведенію въ исполненіе рѣшенія перваго вѣча, или-же имѣло цѣлію отмстить первымъ вѣчникамъ за зло, причиненное ими извѣстнымъ гражданамъ. Отъ такихъ самоуправныхъ поступковъ народа въ городѣ не рѣдко происходили гражданскіе смуты: грабежи, зажигательство, убійство. Впрочемъ какъ вѣче, созываемое княземъ, или посадникомъ и тысяцкимъ (слѣдовательно составлявшееся по

(1) См. § 1. Также это видно изъ разныхъ другихъ новгородскихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Т. I Акт. Арх. Эксп. подъ №№ 32, 42, 57 и 62.

распоряженію высшихъ новгородскихъ сановниковъ), такъ равно и вѣче, собиравшееся по волѣ прочихъ гражданъ, имѣло одинаковое значеніе: постановленія послѣдняго имѣли такую-же силу, какъ и опредѣленія перваго, и даже самъ князь признавалъ ихъ законными (1).

Изъ лѣтописей видно, что судное вѣче предоставляло себѣ право рѣшать слѣдующія дѣла: 1) преступленія, признаваемыя государственною измѣною; 2) случаи притѣсненія народа государственными сановниками и 3) убійство, разбой, грабежъ и др. подобныя преступленія, какъ дѣйствія возмущающія общую тишину и спокойствіе (2).

Изъ этого перечисленія видно, что новгородскіе граждане считали себя въ правѣ рѣшать, безъ испрошенія на то соизволенія князя, такія дѣла, которыя возмущали общую тишину и спокойствіе въ городѣ, которыя нарушали его *нарядъ* внутренній или внѣшній; слѣдовательно они считали себя въ правѣ судить преступленія общественныя (delicta publica), какъ нарушающія благо цѣлаго государственнаго союза, заботиться о пользахъ котораго новгородскіе граждане считали для себя обязанностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ признавали за собою право карать нарушителей этого общественнаго порядка, видя въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преступниковъ противъ самихъ себя, какъ противъ частныхъ лицъ.

Пріобрѣтеніе вѣчемъ такой судебной власти основывается на ослабленіи великокняжеской власти отъ споровъ и усобицъ князей въ такъ-называемый удѣльный періодъ. Слѣдствіемъ упадка этой власти было и ослабленіе княжеской власти въ Новгородѣ, который, около половины XII вѣка, пріобрѣлъ возможность избирать себѣ князя изъ множества князей (3). Эти избранные князья принимались *на всей волѣ* новгородской: они должны были соглашаться на условія, *господиномъ великимъ Новымъ-городомъ* имъ предлагаемыя (4), должны были спокойно смотрѣть на самовластіе народа, выражавшееся въ постановленіяхъ вѣча, и должны были признавать силу и дѣйствіе вѣчевыхъ постановленій, потому что то-же самое вѣче, которое дѣлало эти постановленія, было виновникомъ избранія князя; вѣчу точно

---

(1) См. въ соч. Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ» стр. 2 и 6—7.

(2) См. напр. въ соч. Куницына «Историч. изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи» стр. 15, выноски М—Р, и въ соч. Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. кн.» стр. 5—6.

(3) См. вышеприведенное соч. Соловьева, въ особенности стр. 36—37.

(4) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, Т. I №№ 1—20.

также принадлежало право изгнать князя, если онъ не правился народу. На этомъ-то основаніи,—на основаніи сильнаго вліянія вѣча на общественныя и политическія дѣла новгородской державы, князь новгородскій, если хотѣлъ удержаться въ Новгородѣ, долженъ былъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ вѣчеваго народовластія.

Обратимся теперь къ новг. с. грамотѣ, предмету нашего изслѣдованія. О судебной власти вѣча въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее только что представили, въ этой грамотѣ нѣтъ и рѣчи; впрочемъ въ періодъ времени, нами разсматриваемый, подобной судебной власти вѣче и не могло уже имѣть безъ опасенія навлечь чрезъ то на Новгородъ неминуемый гнѣвъ велик. князя московскаго, теперь вполнѣ могущественнаго для того, чтобы смирить непокорныхъ и наказать буйныхъ вѣчниковъ. Доказательствомъ этому можетъ служить первый походъ Іоанна III на Новгородъ (1470—1471 г.), предпринятый имъ для приведенія этого города въ покорность Москвѣ, потому что буйные новгородцы, собравъ вѣче, положили отдаться въ подданство вел. кн. Литовскаго (вмѣстѣ съ тѣмъ и короля польскаго), Казиміра IV, съ которымъ и былъ ими заключенъ упомянутый уже нами договоръ (Акты Арх. Эксп. Т I, № 87) отъ имени всего великаго Новагорода (¹).

Судебная власть вѣча на основаніи н. с. грамоты ограничивается двумя случаями: 1) заботою о скоромъ движеніи и рѣшеніи тяжбъ за поземельную собственность и 2) наказаніемъ ослушниковъ судебныхъ опредѣленій. Въ первомъ случаѣ вѣче посылало своихъ приставовъ въ судъ великокняжескаго тіуна, (²) подъ наблюденіемъ которыхъ докладчики обязаны были съ возможною скоростію изслѣдовать дѣло и представить тіуну способъ рѣшенія его (т. е. сдѣлать докладъ), а тіунъ долженъ былъ въ присутствіи этихъ приставовъ рѣшить дѣло (³). Во второмъ случаѣ вѣче изрѣкало обвинительный приговоръ надъ истцомъ въ судномъ дѣлѣ, если онъ, предъявивъ суду свою жалобу, въ теченіе узаконеннаго времени не вступалъ въ переговоры съ отвѣтчикомъ или судьею и скрывался отъ приставовъ, которые по истеченіи этого времени посылались съ вѣча для представленія его къ суду (⁴).

II. О судѣ княжескомъ.

Княжескій судъ былъ двоякого рода: его производили или

(¹) Вышеприведенное соч. Соловьева, стр. 85—87.
(²) Ст. § 62 и статью о Княж. судѣ.
(³) См. §§ 62 и 75.
(⁴) См. § 19.

1) княжескій (т. е. великокняжескій) намѣстникъ или 2) его тіуны [1]. О судѣ великокняжескаго намѣстника въ н. с. грамотѣ отдѣльно не говорится, потому что всѣ дѣла этотъ намѣстникъ долженъ былъ рѣшать по согласію съ новгородскимъ посадникомъ, который въ свою очередь не могъ кончать никакого судебнаго дѣла, безъ согласія на то княжескаго намѣстника [2]. Послѣ этого понятно, что всѣ дѣла, которыя въ н. с. грамотѣ отнесены къ вѣдомству новгор. посадника, принадлежали въ то же время и къ вѣдомству великокняжескаго намѣстника. Впрочемъ изъ самаго образа выраженія н. с. грамоты [3] слѣдуетъ заключить, что главное лицо въ судѣ былъ посадникъ, а не великокняжескій намѣстникъ, который, кажется, обращалъ главное свое вниманіе на судебные штрафы и пошлины, изъ коихъ первые слѣдовали въ великокняжескую казну, [4] а послѣднія въ его собственную пользу [5].

Другое, по н. с. грамотѣ болѣе замѣчательное лицо въ судебномъ отношеніи, былъ княжескій тіунъ, который находился въ Новгородѣ при великокняжескомъ намѣстникѣ.

---

(1) Мы здѣсь не говоримъ о непосредственномъ судѣ самого князя, потому что о такомъ судѣ въ н. с. грамотѣ не упоминается. Судъ самого князя (именно великаго) въ это время былъ только временной; онъ производился или самимъ великимъ княземъ или его близкимъ родственникомъ, когда тотъ или другой находился въ Новгородѣ (Акты Арх. Эксп. т. I, № 91). Примѣръ такого суда помѣщенъ Куницынымъ въ его сочиненіи «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи», въ прибавленіи I, стр. 139—141. Но въ тотъ періодъ времени, когда новгородцы по своему произволу избирали себѣ князя, непосредственный княжескій судъ могъ считаться постояннымъ, если князь жилъ большею частію въ Новгородѣ, а не въ своемъ какомъ нибудь удѣлѣ (въ какомъ случаѣ онъ производилъ судъ чрезъ своего намѣстника и тіуновъ); такой судъ могъ уже распространяться на всѣ вообще дѣла и на всѣ лица безъ изъятія и былъ окончательный, т. е. не имѣлъ надъ собою другаго высшаго суда, въ который-бы дѣло могло перейти по апелляціи или на ревизію (см. Соловьева: Объ отношеніяхъ Новгорода къ велик. кн., стр. 3—5, 10, 11 и др.). Впрочемъ, если судебная власть князя обнимала собою судныя дѣла всякаго рода и простиралась на всѣ вообще лица, то послѣ этого вѣчу не оставалось-бы никакого участія въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ, такъ какъ рѣшеніе ихъ зависѣло исключительно отъ князя; а между тѣмъ мы видѣли, что вѣче обладало обширными правами судебной власти въ періодъ возрастанія могущества новгородской державы и въ эпоху полнаго его развитія. Даже и во время составленія новг. с. грамоты вѣче имѣло еще нѣкоторую судебную власть (см. §§ 19, 62 и 75);—слѣдовательно право вѣча производить судъ признавалось дѣйствующимъ и при Іоаннѣ III, во время совершеннаго ослабленія могущества *господина Великаго Новагорода*, но еще не окончательнаго его покоренія московской державѣ. Причиною такого сопоставленія судебныхъ правъ вѣча судебной власти князя было ослабленіе княжеской власти въ Новгородѣ вслѣдствіе пріобрѣтенія народомъ права избирать и изгонять князя по произволу, какъ объ этомъ мы уже говорили.

(2) См. § 2.

(3) См. §§ 2 и 83.

(4) См. §§ 36, 74, 80 и др.

(5) См. § 83.

Такъ какъ этотъ намѣстникъ занимался главнымъ образомъ политическими дѣлами новгор. державы, то власть судебная принадлежала преимущественно великокняжескому тіуну. Этотъ тіунъ ([1]) съ новгородскими докладчиками судилъ въ Новгородѣ ([2]) въ особой одринѣ ([3]), а потому такой тіунскій судъ можетъ быть названъ судомъ смѣстнымъ, т. е. княжеско-новгородскимъ, но какъ великокняжескій тіунъ упоминается въ немъ какъ главное лицо, то мы и говоримъ объ этомъ судѣ въ настоящемъ мѣстѣ, а не въ статьѣ о Новгородскомъ судѣ.

Составъ этого суда былъ многосложный; въ него входили слѣдующія лица: 1) великокняжескій тіунъ, который считался предсѣдателемъ этого суда, ([4]) 2) десять докладчиковъ и 3) два пристава. Впрочемъ рѣшительную власть по отношенію къ разбираемымъ дѣламъ въ этомъ судѣ имѣли великокняжескій тіунъ и докладчики; приставы же обязаны были только наблюдать за соблюденіемъ тяжущимися тишины и порядка при судопроизводствѣ. Докладчики были главные дѣятели въ этомъ су-

---

([1]) Слово «тіунъ» въ новгор. с. грамотѣ не встрѣчается; его мы находимъ въ договорѣ новгородцевъ съ польск. королемъ Казимиромъ IV:» А *тіуну* твоему (Король) судити въ одринѣ съ новгородскими приставы» (Акты Арх. Экспед. т. I № 87). Этотъ договоръ относится къ 1470 или 1471 г.

([2]) Кромѣ этого тіуна Іоанну III, на основаніи договорн. грамоты (первой) съ новгородцами (Акт. Арх. Экспед. т. I. № 91, I) было предоставлено имѣть еще своего тіуна въ Торжкѣ. О немъ см. ниже статью: Судебное разбирательство высшихъ новгородскихъ судей, стр. 271.

([3]) Одрина на древнемъ русскомъ языкѣ означаетъ жилой покой, избу. (Ак. Сл.) Въ юридическомъ отношеніи óдрина имѣла значеніе судебной комнаты, судебной палаты (см. договоръ новгородцевъ съ польскимъ королемъ Казимиромъ IV: «А тіуну твоему (король) судити въ одринѣ съ новгородцкими приставы» (Акты Арх Экспед., т. I, № 87) Въ новгородской с. грамотѣ эта одрина прямо названа тіунскою: «А въ *тіунь* óдринѣ....» (См. § 4). Прилагательное тіунь, (а въ женскомъ родѣ тіуня), легко могло образоваться изъ сл. тіунъ, подобно тому, какъ отъ сл. истецъ произошло прилагательное истець, которое одинъ разъ встрѣчается въ н. с. грамотѣ (См. § 67). Въ актахъ послѣдующаго времени мы находимъ, что тіуня одрина дѣйствительно называлась тіунскою избою. Такъ въ т. IV историч. актовъ въ № 259 мы встрѣчаемъ слѣдующее: «И о томъ (о производствѣ ставленическихъ дѣлъ и о сборѣ съ поповъ и діаконовъ разн. пошлинъ) на Москвѣ, въ *тіунскую избу* послать память». Куницынъ судъ вел. княж. тіуна несправедливо называетъ судъ одринъ, принимая сл. одринъ въ смыслѣ прилагательнаго отъ одръ-тронъ, престолъ, и вм. словъ н. с. грамоты «А въ тіунѣ одринѣ....» (см. § 4) предлагаетъ читать «а въ судѣ одринѣ», (см. вышеприведенное соч. Куницына, стр. 33—37). Эта ошибка Куницына была повторяема даже въ новѣйшее время (сочиненіе Куницына «Историч. изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи» писано прежде 1826 г.), какъ напр. г. Чеглоковымъ въ его статьѣ «объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича», помѣщенной въ юридич. сборникѣ Мейера (Казань, 1855 г.), и профессоромъ моск. университета Соловьевымъ, въ его сочиненіи «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ». стр. 162 примѣч. 27.

([4]) См. на этой стр. выноску 3.

MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERI BARONIS IN HERBERSTEIN NEIPERG ET GVTNHAG · ANNO · M · DXLIX
SEPTENDRIO
MARE GLACIALE
OCCIDENS
ORIENS
MERIDIES
SINVS LIVONICVS ET RVTHENICVS
RVTHENORVM SEV MOSCOVITARVM FINES
FINLANDIÆ PARS
LADOGA Lacus
NOVOGARDIA MAG:
ILMEN lacg
PLESCOVIA
LIVONIA
Riga
POLOCZKO
LITVANIÆ PARS
BORISTENES VEL NIEPER Fl.
SEVERA PROVI
MOSCOWIA
OTWER
ROSTOW
WOLODIMERIA
REZAN principaparg
MORDVA populi
DWINA PRO VIN CIA
PERMIA PROVINCIA
CZEREMISSA POPVLI
ALBVS lacus
Bieloyesero
Kastroma
Tanais Fontes
fl · Don · Ruthenice Tanais
RHA GRECÆ
FL · WOLGA RHVTE
EDEL TARTAR
TARTARIA
NAGAYSKI
TARTARÆ
CIRCASI POPVLI
MEOTIS PALVS
TAVRICA CHESIO
EVXINI PARS
PONTI
PODOLIA
KIOW
MOLDAVIÆ · PARS
MARE CASPIVM
SIBIER PRO
IVHRA inde Vngarorum Origo
Cambalick regia in Kytay
KYTHAY lacg
Aurea anus
Stara baba
HANC TABVLAM ABSOLVIT AVG HIRSFOGEL VIE: AVS CVM GRA: ET PRIVI IMP
9 18 27 36 45 54 63 72 81 90

H. Koeck lith.

дѣ
ст
ж

ра

вт

ми
ар
по
мо

кл
ко
ни

со
пр

по
чт
ра
по
Та
за
ра
ну
дѣ
св

ск
и
Эт
да

ну
по

че

дѣ и на нихъ возлагалась обязанность изслѣдовать дѣло и представить свое мнѣніе о рѣшеніи его въ видѣ доклада великокняжескому тіуну (1).

Для занятій по изслѣдованію дѣла они были обязаны собираться три раза въ недѣлю:

§ 2. А докладчикомъ садиться на недѣлю по трижды, въ понедѣльникъ, въ середу и въ пятокъ.

Докладъ по оконченнымъ производителями (т. е. докладчиками) дѣламъ происходилъ въ престольной комнатѣ новгор. архіепископа, куда допускались также и тяжущіеся или ихъ повѣренные, но только не посторонніе по отношенію къ рѣшаемому дѣлу лица:

§ 3. А докладу быти во владычнѣ комнатѣ а); а у докладу быть изъ конца по боярину да по житьему б), да кои люди въ судѣ сидѣли в), да и приставомъ, а иному никому же у доклада не быть.

а) Престольная комната новгор. архіепископа. (См. вышеприведенное сочин. Куницына, стр. 34). б) Докладчики. в) Тяжущіеся (см. также § 13 примѣч. б).

Какъ видно изъ этого §, докладчики назначались изъ обоихъ почетныхъ классовъ новгор. людей; числомъ ихъ было 10, потому что изъ каждаго конца назначалось по 2 докладчика, а Новгородъ раздѣлялся на 5 главныхъ концовъ: славенскій, плотенскій, неревскій, загородскій и гончарскій (первоначально людинъ). Такимъ образомъ докладчики, которыхъ мы можемъ назвать засѣдателями въ судѣ тіунскомъ, были сословные судьи, избираемые изъ почетныхъ классовъ новгородскихъ людей. Цѣль ихъ назначенія — возможно справедливое рѣшеніе судныхъ дѣлъ, котораго правительство въ правѣ ожидать отъ лучшихъ своихъ гражданъ.

Мы замѣтили, что приставы, упоминаемые въ составѣ тіунскаго суда, въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ участія не принимали, и были только блюстители порядка во время судопроизводства. Этому, по видимому, противорѣчитъ слѣдующій §, который даетъ имъ значеніе судей:

§ 4. А въ тіунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону, людемъ добрымъ, да судити имъ въ правду крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ.

Для соглашенія такого противорѣчія съ принятымъ нами значеніемъ приставовъ тіунскаго суда, мы прежде всего замѣтимъ,

(1) См. ниже статью: Объ обсужденіи и рѣшеніи судныхъ дѣлъ, стр. 306.

что слова этого §, «по приставу съ сторону» относятся не къ тяжущимся, а къ великому князю и новг. правительству, которые въ этомъ мѣстѣ н. с. грамоты являются договаривающимися. До этого времени (т. е. до составленія н. с. грамоты) при тіунской одринѣ состояли только новгород. приставы (1); но съ этихъ поръ вел. князь получилъ право назначать въ эту одрину одного своего пристава (другаго избирало новг. правительство), подобно тому, какъ князья во Псковѣ имѣли право держать при каждомъ псковскомъ судѣ своего подверника (2). Подверникъ этотъ не былъ судья: онъ долженъ былъ наблюдать за порядкомъ при судопроизводствѣ, а иногда, въ силу судебн. рѣшенія, обязанъ былъ содержать подсудимыхъ подъ стражею. На основаніи послѣдняго права ему вмѣняется въ обязанность «праваго не погубити, а виноватаго не оправити (3)».

Приставы въ тіунскомъ судѣ могли имѣть по отношенію къ подсудимымъ подобное же право ареста, а потому имъ вмѣняется въ обязанность поступать съ этими подсудимыми справедливо: «да судити (4) имъ въ правду крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ».

Къ вѣдомству тіунскаго суда н. с. грамота относитъ только тяжбы за поземельную собственность; но какъ эти же тяжбы составляли предметъ судебнаго вѣдомства посадника (5), то и трудно опредѣлить, какія условія требовались для того, чтобы дѣло было разсмотрѣно судомъ тіунскимъ, и какія для рѣшенія его посадникомъ. Кажется однако, что тѣ тяжбы за поземельную собственность, которыя были соединены съ исками «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ», всегда принадлежали вѣдомству посадника.

Куницынъ относитъ къ вѣдомству такъ называемаго имъ суда одрина, по нашему правильнѣе—суда тіунскаго, всѣ дѣла, которыя считались въ вѣдомствѣ посадника (6); но никакихъ доказательствъ тому не представляетъ. Тіунскій судъ находился въ зависимости отъ вѣча, которое по жалобѣ истца на медленность рѣшенія дѣла тіуномъ или на бездѣятельность докладчиковъ посылало отъ себя приставовъ, которые обязаны были понудить того или другихъ къ скорѣйшему окончанію дѣла (7).

---

(1) См. выноску 3 на стр. 264.
(2) Псковск. с. грамота, изданная Мурзакевичемъ, стр. X, строки 20—28.
(3) См. сочиненіе г. Энгельмана, § 69, примѣч. 6.
(4) Здѣсь слово «судити» можетъ имѣть значеніе «дѣйствовать».
(5) См. §§ 72, 73 и 74.
(6) См. вышеприведенное соч. Куницына, стран. 34.
(7) См. выше статью: «О судѣ вѣчевомъ», стр. 262, и также §§ 62 и 75.

III. СУДЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Подъ новгородскимъ судомъ мы разумѣемъ тотъ судъ, который производился новгородскими судьями, т. е. тѣми новгородцами, которые пріобрѣли судебную власть или по волѣ вѣча—избраніемъ ихъ въ извѣстныя должности съ утвержденіемъ въ нихъ великимъ княземъ, или-же по согласію тѣхъ общинъ, въ коихъ они дѣлались судьями. На этомъ основаніи мы принимаемъ, что судъ новгородскій былъ 3-хъ родовъ: 1) судъ посадника; 2) судъ тысяцскаго и 3) судъ низшихъ новгородскихъ судей.

1. О судѣ посадника.

Около половины XII столѣтія сами новгородцы начинаютъ избирать себѣ посадника, въ качествѣ народнаго чиновника, ограничивающаго судебную власть князя (¹), хотя до этого времени посадникъ назначался имъ княземъ и имѣлъ значеніе княжескаго намѣстника (²).

Это право,—право избирать посадника по собственной волѣ, новгородцы пріобрѣли въ слѣдствіе ослабленія княжеской власти въ Новгородѣ, какъ объ этомъ мы уже говорили выше; они сохраняли это право во все время самостоятельности новгородской державы; оно изчезло только вмѣстѣ съ паденіемъ Новгорода,—въ 1478 году.

Посадникъ избирался на вѣчѣ изъ новгород. бояръ, на неопредѣленное время, (³) и въ числѣ прочихъ должностныхъ преимуществъ ему, какъ первому сановнику новгородскаго государства, принадлежала и власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Впрочемъ въ тотъ періодъ времени, къ которому относится н. с. грамота, посадникъ не могъ произносить окончательнаго рѣшенія по судному дѣлу безъ согласія великокняжескаго намѣстника на судебный приговоръ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ н. с. грамоты:

§ 5. А посаднику судити судъ свой съ намѣстники а) Великого Князя, по старинѣ б); а безъ намѣстниковъ Великого Князя посаднику суда не кончати в).

(а) Здѣсь говорится о нѣсколькихъ великокняжескихъ намѣстникахъ, хотя великій князь имѣлъ въ новгородскомъ княжествѣ преимущественно одного только намѣстника, именно въ самомъ Новгородѣ. Въ другихъ городахъ этого княжества если князь и получалъ право держать своихъ судей (к. напр. въ Торжкѣ), то это были тіуны, а не намѣстники

(¹) См. вышеприведенное соч. Соловьева стр. 38—39.

(²) Тамъ же стр. 29—30.

(³) Посадникъ отправлялъ свою должность до тѣхъ поръ, пока не былъ смѣняемъ по волѣ князя или народа.

въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. (б) По древнему обычаю или изстари принятому правилу. Значеніе этого слова взято изъ Академическаго словаря («Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, изданный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, С.-Петербургъ, 1847)., (в) «Кончать судъ» значитъ окончить судебное разбирательство, т. е. рѣшить дѣло.

Къ вѣдомству посадника н. с. грамота относитъ: 1) тяжбы за поземельную собственность (1); 2) иски «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ» (2) и 3) разныя уголовныя преступленія, 3) совершаемыя противъ частныхъ лицъ.

Впрочемъ судебное вѣдомство посадника, подобно тому какъ и вѣдомство суда вѣчеваго, въ н. с. грамотѣ опредѣлено не вполнѣ, по той весьма естественной причинѣ, что н. с. грамота въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, не составляетъ общаго для судопроизводства узаконенія. Изъ источниковъ указанныхъ въ сочиненія Куницына (4) видно, что посадникъ судилъ разнаго рода гражданскіе иски и тяжбы и всѣ уголовн. преступленія, совершаемыя противъ частн. лицъ,—delicta privata (въ отличіе ихъ отъ преступленій противъ государства, delicta publica).

2) О судѣ тысяцкаго.

Второе лицо послѣ посадника въ новгородскомъ государствѣ былъ тысяцкій, который также какъ и посадникъ избирался въ эту должность на вѣчѣ изъ новгородскихъ бояръ. Какія были его служебныя права и обязанности, съ точностію не извѣстно; знаемъ только, что онъ вмѣстѣ съ посадникомъ участвовалъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ новг. державы и имѣлъ свое особое судебное вѣдомство, въ которое даже самъ князь не долженъ былъ вмѣшиваться, какъ это видно изъ договора новгородцевъ съ великимъ княземъ литовскимъ (польск. королемъ) Казиміромъ IV (5).

Новг. с. гр. также говоритъ о судѣ тысяцкаго, какъ объ отдѣльномъ и самостоятельномъ судебномъ вѣдомствѣ:

---

(1) См. §§ 72, 73, и 74.

(2) § 77. Здѣсь посадникъ разумѣется подъ общимъ родовымъ названіемъ—судья.

(3) § 52. Хотя въ немъ не говорится, что дѣла этого рода подлежатъ суду посадника; но это можно вывести, какъ справедливо замѣчаетъ Куницынъ (на стран. 31, примѣчаніе аа) изъ другой новгородской грамоты, ближайшей по времени ея составленія къ н. с. грамотѣ, а именно изъ договора новгородцевъ съ тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ, 1426 г.:» А приведутъ Тверитина съ поличнымъ къ Новгородскому Посаднику, или къ Новоторжскому, судити его по крестному цѣлованію, а посула не взяти съ обѣ половины.» (Собр. государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, № 18).

(4) См. вышепр. сочин. Куницына, стран. 27 и 31.

(5) Акты Арх. Эксп, т. I, № 87. «А во владычень судъ и въ *тысяцкого*, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, но старицѣ».

§ 6. А тысецкому судить свой судъ.

Изъ дѣлъ, подлежащихъ суду тысяцкого, н. с. грамота упоминаетъ объ искахъ вообще [1] и о тяжбахъ за поземельную собственность [2]. Изъ этого должно заключить, что судъ тысяцкаго былъ особенный по сословію подсудимыхъ ему лицъ (forum privilegiatum personale). Какія же лица были подсудны тысяцкому? Этотъ вопросъ старается рѣшить Куницынъ. Онъ говоритъ, что самое названіе тысяцкаго заставляетъ думать, что онъ былъ начальникъ надъ сотниками или сотскими, которые въ свою очередь были начальники сотень, на которыя раздѣлялись купцы и черные люди (ремесленники и вообще низшій классъ свободныхъ новгородцевъ); слѣдовательно судебныя дѣла этихъ лицъ и принадлежали разбирательству тысяцкаго. Намъ хотѣлось-бы согласиться съ мнѣніемъ Куницына; но въ этомъ отношеніи затрудненіе представляетъ одна статья въ договорной грамотѣ (второй) новгородцевъ съ Іоанномъ III, запрещающая сотскимъ производить судъ безъ намѣстника великаго князя и безъ посадника [3], тогда какъ по мнѣнію Куницына сотскіе были подсудимы тысяцкому, а въ его судъ даже самъ князь не долженъ былъ вмѣшиваться. Чтобы устранить это противорѣчіе мы предлагаемъ слѣдующее объясненіе: Сотскіе, какъ начальники городскихъ сотень, хотя зависѣли отъ тысяцкаго, какъ главы всѣхъ сотень вообще, но тѣмъ не менѣе имѣли свое судебное вѣдомство, которое ограничивалось маловажными тяжбами и исками между членами сотень; по этимъ то дѣламъ договорная грамота новгородцевъ съ вел. кн. Іоанномъ III запрещаетъ сотскимъ производить судъ безъ участія въ немъ великокняжескаго намѣстника и новгородскаго посадника. Тысяцкій же разбиралъ дѣла болѣе важныя самъ непосредственно, и по отношенію къ нимъ ни посадникъ, ни даже самъ князь не могли вмѣшиваться въ судъ его. Какъ мы уже упомянули, дѣла эти состояли въ тяжбахъ за поземельную собственность и въ искахъ. По отношенію къ послѣднимъ должно допустить, что преступленія, исчисленныя въ § 52, принадлежали судебному разбирательству тысяцкаго, если были совершаемы людьми ему подсудными; въ особенности же суду тысяцкаго должны были подлежать иски о холоп-

---

(1) § 71. Въ немъ употреблено сл. орудье въ значеніи иска вообще. Но мы значеніе этого слова ограничиваемъ только тѣми исками, о которыхъ говорится въ н. с. грамотѣ.

(2) § 74.

(3) Акты Арх. Эксп. т. I, № 91, II: «А сотскимъ и рядовичемъ, безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника, не судити нигдѣ».

ствѣ, потому что притязанія на свободу людей всего чаще могли относиться къ лицамъ нисшихъ сословій, а они были подсудны тысяцскому (1).

3) Судебное разбирательство нисшихъ новгородскихъ судей.

Судъ посадника и тысяцкаго, какъ новгородскихъ судей, былъ судъ высшей инстанціи, который всегда производился въ самомъ Новгородѣ. Теперь считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о судебномъ разбирательствѣ нисшихъ судей, современныхъ п. с. грамотѣ, которые находились въ волостяхъ новгородскихъ и въ самомъ Новгородѣ въ сословіи купцовъ и черныхъ людей.

Новгород. с. грамота не поименовываетъ этихъ нисшихъ судей; но послѣ посадника и тысяцкаго въ ней два раза встрѣчаются слова «и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ» (2) и часто просто говорится о *иныхъ судьяхъ* (3). Она также не опредѣляетъ въ подробности предметовъ вѣдомства этихъ судей, такъ что намъ приходится ограничиться очень скудными свѣдѣніями о нихъ.

Въ *самомъ Новгородѣ* были *сотскіе*, какъ начальники городскихъ сотенъ, на которыя раздѣлялись купцы и черные люди. Эти сотскіе имѣли судебную власть, которая ограничивалась разбирательствомъ маловажныхъ дѣлъ (о чемъ мы уже сказали выше). Постановленіе договорной грамоты (второй) новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III, которое было выше приведено нами (стран. 269, выноска 3), ограничило судебную власть этихъ сотскихъ тѣмъ, что имъ запрещено было производить судъ безъ совмѣстнаго участія въ немъ посадника и великокняжескаго намѣстника. Такое постановленіе съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ и навести на ту мысль, что сотскіе были какіе либо болѣе значительные судьи, а не простые выборные представители сотенъ двухъ нисшихъ городскихъ сословій. Но оно вполнѣ объясняется стремленіемъ великаго князя имѣть участіе во всякомъ новгородскомъ судѣ, который служилъ для него источникомъ дохода, и ощутительнымъ значеніемъ сословія купцовъ въ Новгородѣ, который въ это время вполнѣ процвѣталъ какъ городъ

---

(1) Полезно было-бы прослѣдить дѣятельность тысяцскаго во время военныхъ походовъ; но трудъ этотъ мы предоставляемъ сдѣлать болѣе насъ опытнымъ въ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ.

(2) См. §§ 71 и 84.

(3) §§ 35, 36, 51.

торговый. Поэтому сотскіе, въ качествѣ судей, могли пріобрѣсти вліяніе на общественныя дѣла новгородскаго государства, тѣмъ болѣе, что у лицъ торгующихъ не рѣдко встрѣчались такія судебныя дѣла, которыя не легко могли быть рѣшаемы одними сотскими, и которыя въ то же время по закону не принадлежали къ вѣдомству тысяцкаго. Эти причины, вмѣстѣ взятыя, могли послужить основаніемъ къ изданію запрещенія судить сотскимъ подвѣдомыя имъ дѣла безъ новгородскаго посадника и безъ великокняжескаго намѣстника.

Въ *волостяхъ* (1) новгородскихъ были посадники, назначаемые въ это званіе княземъ и новгородскимъ посадникомъ. Они избирались изъ новгородцевъ и безъ вины не могли быть удаляемы княземъ, равно какъ и новгородцы не имѣли права смѣнять ихъ безъ согласія на то князя. Судебному вѣдомству этихъ посадниковъ принадлежали тяжбы и иски, какъ гражданскіе такъ и уголовные. Надъ виновниками въ послѣднихъ они имѣли даже право произносить смертный приговоръ и приводить его въ исполненіе. За производство суда они сбирали опредѣленныя пошлины въ свою пользу, а съ обвиненныхъ по суду взыскивали денежные штрафы въ казну великокняжескую. Въ Торжкѣ вмѣстѣ съ посадникомъ занимался судопроизводствомъ особо для того назначенный *великокняжескій тіунъ*, который имѣлъ тѣже судебныя права, какими пользовались областные новгородскіе посадники.

Во всѣхъ пригородахъ новгородскихъ, по примѣру самого Новгорода, два низшіе класса свободныхъ лицъ раздѣлялись на сотни, начальниками коихъ были *сотскіе*, пользовавшіеся тѣми-же судебными правами, какія принадлежали сотскимъ въ самомъ Новгородѣ. Кажется впрочемъ, что ограниченіе въ судопроизводствѣ, постановленное въ договорной грамотѣ (второй) новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III, на нихъ не распространялось, потому что по волостямъ княжескихъ намѣстниковъ не было, если только слово намѣстникъ будемъ принимать въ тѣсномъ смыслѣ, и не станемъ разумѣть подъ нимъ всякаго судью, назначаемаго княземъ вмѣсто себя.

---

(1) Въ договорной грамотѣ (первой) новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III, 1471 г., волостьми новгородскими поименованы слѣдующія: Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ, Палецъ (кажется слѣдуетъ читать Городецъ-Палецъ), Шиппно, Мелеча, Егна, Заволочье, Теръ, Пермь, Печора, Югра (Ак. Арх. Эксп., Т. I № 91, I). Кромѣ того къ волостямъ Новгорода принадлежали Руса, Вологда и Ладога. Странно только, что ни въ этой грамотѣ, ни во второй не говорится о Волокѣ, въ которомъ для разбирательства судныхъ дѣлъ отъ князя назначался тіунъ, а отъ новгородскаго правительства посадникъ, какъ это видно изъ большей части договорныхъ грамотъ новгородцевъ съ князьями, а также и изъ договора новгородцевъ съ великимъ княземъ литовскимъ (польскимъ королемъ) Казиміромъ IV (см Ак. Арх. Эксп., Т. I, № 87, стр. 63).

Погосты новгородскіе были въ зависимости отъ *старостъ*, которые въ отношеніи къ жителямъ ихъ имѣли, кажется, туже судебную власть, какою пользовались сотскіе по отношенію къ состоящимъ въ ихъ сотняхъ людямъ.

Вотъ всѣ тѣ лица, которыя встрѣчаются какъ нисшіе свѣтскіе судьи новгородской державы въ современныхъ н. с. грамотѣ актахъ и въ лѣтописяхъ среди одновременныхъ съ нею событій. Говоря о судебныхъ правахъ волостныхъ посадниковъ, мы упомянули и о тѣхъ судебныхъ пошлинахъ и штрафахъ, кои они взимали, тогда какъ объ этомъ должно бы было сказать ниже въ статьѣ: о денежныхъ штрафахъ и судебныхъ пошлинахъ; но мы сдѣлали это на томъ основаніи, что эти лица въ н. с. грамотѣ не упоминаются прямо, а потому и разсмотрѣніе ихъ судебныхъ правъ и обязанностей не можетъ войти въ общую систему нашего сочиненія: оно встрѣчается тамъ, гдѣ является къ тому случай.

IV. О церковномъ судѣ.

Судъ церковный въ новгородскомъ княжествѣ составлялъ отдѣльное, самостоятельное вѣдомство, въ которое ни посадникъ новгородскій, ни даже самъ князь не могли вмѣшиваться ([1]). Онъ принадлежалъ новгородскому архіепископу и назывался судомъ владычнымъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ н. с. грамоты:

§ 7. Нареченному (а) на архіепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу судити судъ свой, судъ святительски, по Святыхъ Отець правилу, по Манакануну (б).

(а) Ѳеофилъ, будучи нареченъ на архіепископскій престолъ Новгорода 1470 г., ноября 5, во время составленія н. с. грамоты не былъ еще посвященъ въ этотъ санъ; хиротонія его послѣдовала 15 декабря 1471 года. (См. 38-е и 40-е прибавленія къ тому 1 Акт. Арх. Эксп.). Поэтому онъ называется въ н. с. грамотѣ не владыкою новгородскимъ, а только нареченнымъ на архіепископство священноинокомъ. (б) т. е. по номоканону.

Но какъ новгородскій архіепископъ самъ суда не производилъ, то для разбирательства судныхъ дѣлъ отъ него назначался особый намѣстникъ, называемый владычнымъ. Одинъ разъ этотъ намѣстникъ въ н. с. грамотѣ названъ владычнымъ посадникомъ ([2]).

([1]) Это видно изъ словъ договора новгородцевъ съ Казиміромъ IV (приведенныхъ на стр. 268, въ выноскѣ 5) и изъ слѣдующихъ словъ псковской с. грамоты: «и владычню намѣстнику судъ, и на судъ не судитъ князю, ни судьямъ» (см. сочиненіе г. Энгельмана, § 73).

([2]) См. § 71.

Суду церковному подлежали: 1) Лица свѣтскаго званія всѣхъ свободныхъ состояній (1) по дѣламъ религіознымъ (2) и по тѣмъ семейственнымъ отношеніямъ, которыя въ церковныхъ уставахъ и по новгор. номоканону были отнесены къ церковному разбирательству; 2) лица духовнаго званія по всѣмъ суднымъ дѣламъ ихъ, какъ должностнымъ, такъ и вообще тяжебнымъ и уголовнымъ, если только въ дѣлѣ не было замѣшано лицо свѣтскаго званія, въ какомъ случаѣ производился смѣстный или общій судъ (3) т. е. вмѣстѣ съ намѣстникомъ новгородскаго архіепископа или назначенными отъ него судьями судилъ посадникъ новгородскій и великокняжескій намѣстникъ или ихъ судьи; 3) крестьяне и вообще всѣ люди, какъ высшаго, такъ и низшаго чина (т. е. званія), жившіе на церковныхъ земляхъ, если только судебное дѣло не подлежало смѣстному суду.

Не вмѣшиваясь въ вѣдомство церк. суда, н. с. грамота постановляетъ только сроки, въ продолженіе которыхъ намѣстникъ новг. архіепископа или другіе церковные судьи обязаны были оканчивать каждое судное дѣло (4), и опредѣляетъ количество денежнаго взысканія, слѣдующаго съ владычняго намѣстника въ случаѣ невыполненія имъ этого правила (5).

Рѣшенія намѣстника новгородскаго владыки получали силу не прежде, какъ по утвержденіи ихъ самимъ архіепископомъ (6).

Низшими судьями въ церковномъ судѣ были судьи монастырскіе и старосты поповскіе (7).

V. О лицахъ, отправлявшихъ при судахъ низшія должности.

Лица эти существовали въ новг. княжествѣ подъ различными наименованіями, опредѣлялись частію отъ князя, частію отъ новгородскаго правительства, и своею обязанностію имѣли вызовъ или представленіе тяжущихся и свидѣтелей ихъ къ суду, а иногда и задержаніе обвиненныхъ. За трудъ свой они получа-

---

(1) См. § 69.

(2) Замѣтимъ, что рѣшенія новгородскаго архіепископа по этимъ дѣламъ шли на разсмотрѣніе и утвержденіе московскаго митрополита.

(3) Это видно изъ псковск. с. грамоты: «А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ мірянинъ, а не церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнымъ намѣстникомъ вопчи, такожь и судіямъ». См. въ изданіи Мурзакевича стран. XVII, строки 3—6. Здѣсь кстати замѣтимъ, что подъ римск. цифрами мы будемъ разумѣть въ изданіи Мурзакевича страницы, а подъ арабскими—строки.

(4) См. §§ 71, 72.

(5) См. § 74.

(6) См. соч. Куницына, стран. 46.

(7) ibid стр. 46.

ли денежное вознагражденіе; только для приставовъ и ятцевъ его не назначалось.

Разсмотримъ-же ближе всѣ такія лица:

1. *Шестникъ и ятцы.* Ихъ не должно принимать за особый классъ судейскихъ служителей; вѣроятно шестникъ назначался, по усмотрѣнію суда, изъ числа позовниковъ, а ятцы избирались изъ среды того сословія, къ которому принадлежалъ подсудимый. Въ сущности обязанности ихъ состояли въ слѣдующемъ:

Шестникъ посылался отъ суда для представленія въ судъ свидѣтеля, на котораго ссылалась одна или обѣ тяжущіяся стороны и на путевыя издержки получалъ денежное вознагражденіе:

§ **8.** А кто съ кѣмъ пошлется на послуха [а], ино взять закладъ [б] шестнику на сто верстъ по старинѣ [в].

а) Послухъ—свидѣтель. б) Закладъ означаетъ взысканіе или штрафъ (денежный), какъ это видно изъ разныхъ постановленій п. с. грамоты (см. напр. примѣч. г. къ § 11). в) См. примѣч. б. къ § 5. Древній обычай въ Новгородѣ былъ тотъ, что посылаемые отъ князя позовники получали по 5-ти кунъ за трудъ свой, а отправляемые тіуномъ—по 2 куны (см. стран. 276 вып. 4).

Это денежное вознагражденіе платила, кажется, та сторона, которая первая ссылалась на свидѣтеля (послуха); но если другая сторона не хотѣла сослаться на того-же свидѣтеля, то должна была отъ себя назначить свидѣтеля, и въ такомъ случаѣ для представленія его въ судъ обязывалась дать «закладъ шестнику»:

§ **9.** А [а] закладъ дать виноватому [б] истцю на сто верстъ шестнику.

а) Частица «а» показываетъ, что это постановленіе есть только продолженіе другаго, которое помѣщено нами въ §§ 39 и 38. б) Куницынъ въ виноватомъ истцѣ видитъ отвѣтчика (см. вышепр. его сочин. стр. 105) и думаетъ, что во всякомъ случаѣ онъ, а не истецъ обязанъ былъ давать «закладъ шестнику». По намъ кажется, что правильнѣе будетъ считать обязаннымъ къ уплатѣ этого заклада того изъ тяжущихся, который не согласился сослаться на послуха, предложеннаго его противникомъ: онъ, какъ виновный въ посылкѣ шестника за другимъ свидѣтелемъ, долженъ былъ нести и путевыя издержки, необходимыя на доставленіе послуха къ суду.—Пахманъ въ своемъ сочиненіи: «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи,» Москва, 1851 г., подъ виноватымъ истцомъ разумѣетъ обвиненнаго по суду тяжущагося (стр. 172); но намъ это кажется несправедливымъ, потому что при посылкѣ позовника (здѣсь шестникъ) за свидѣтелемъ ни тотъ, ни другой изъ тяжущихся еще не признавался обвиненнымъ по суду.

Ятцы. Такъ назывались тѣ два человѣка, которые представляли къ суду отвѣтчика, принадлежавшаго къ одному изъ 5-и концовъ новгородскихъ, или къ одной изъ улицъ новгородскихъ концовъ, или къ какой либо сотнѣ (купцовъ), или наконецъ къ извѣстному ряду (1):

§ 10. А отъ Конца, или отъ улицп и отъ ста и отъ ряду, итти ятцомъ а) двѣма человѣкомъ.

а) Я́тецъ—тотъ, кто беретъ кого нибудь для представленія въ судъ (Ак. Сл.); вѣроятно слово ятецъ происходитъ отъ глагола «ять» (брать).

Этимъ людямъ за ихъ трудъ въ н. с. грамотѣ не назначается денежнаго вознагражденія.

Куницынъ подъ словомъ «ятцы» разумѣетъ двухъ понятыхъ, которые отправлялись въ помощь позовнику отъ того пригорода или селенія, въ которомъ сей послѣдній долженъ былъ производить позывъ. Но намъ кажется, что правильнѣе будетъ считать ятцами тѣхъ поручителей, которые обязаны были въ назначенный срокъ представлять взятыхъ ими на поруки подсудимыхъ къ суду. Слѣдовательно ятцы не были нисшіе служители суда въ собственномъ смыслѣ; но какъ они въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняли ихъ собою, представляя подсудимыхъ въ судъ, то мы и упоминаемъ о нихъ въ настоящей статьѣ.

Ятцы были обязаны исполнять свой долгъ безпрекословно и не вредить, хотя-бы и чрезъ другихъ, дѣйствіямъ правосудія. Поэтому ятцы должны были доставлять подсудимыхъ къ суду съ соблюденіемъ, по возможности, наибольшей тишины и порядка; если-же отъ ихъ вины происходило возстаніе цѣлаго конца, улицы, или сословія людей, имѣвшее цѣлію открытою силою напасть на судей или на противника того подсудимаго, котораго ятцы представляли въ судъ (2), и такимъ самоуправствомъ воспрепятствовать судебному разбирательству дѣла или же исполненію судебнаго приговора надъ обвиненнымъ, который былъ взятъ ятцами на поруки;—то за такое нарушеніе условій, требуемыхъ отъ ятцевъ при исполненіи ими взятыхъ на себя обязанностей, законъ предписываетъ подвергать ихъ тяжкимъ денежнымъ

---

1) Два нисшіе класса свободныхъ новгородскихъ людей — «молодшіе люди», а именно: купцы и черные люди (см. § 36, примѣч. г), раздѣлялись на *сотни* и *ряды* (см. напр. уставъ Ярослава о мостовыхъ, въ Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. II, примѣч. 108). Впрочемъ купцы не дѣлились на *ряды* (они состояли только въ сотняхъ), а изъ *черныхъ людей* раздѣленію на *ряды* подлежали, кажется, тѣ простолюдины, которые занимались ремеслами или отправляли по найму разныя работы (отъ чего они могли получить названіе *рядовичей*).

(2) См. § 36.

штрафамъ, смотря по ихъ званію (1). По крайней мѣрѣ намъ кажется, что такъ должно понимать слѣдующее постановленіе н. с. грамоты:

§ 11. А а) будетъ наводка б) отъ конца или отъ улици или ото ста или отъ ряду, ино Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на тыхъ дву человѣкѣхъ, по Ноугородской грам*отѣ* в) *закладъ* г).

а) Если. б) Нападеніе цѣлымъ скопищемъ людей съ употребленіемъ физической силы противъ нападаемыхъ. (См. соч. Куницына, стр. 84). Сравни это объясненіе съ толкованіемъ слова «наводка» въ статьѣ: «Объ уставахъ и управленіи Новгорода въ средніе вѣки» въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1840 г. кн. 27-я. в) Слогомъ «грам» въ Акт. Арх. Эксп. оканчивается н. с. грамота. Мы дополнили смыслъ этой статьи по сравненію ея съ словами § 57. г) Штрафъ денежный. Такое значеніе имѣетъ слово «закладъ» во второй договорной грамотѣ новгородцевъ съ вел. княз. Іоанномъ III (см. выноску 5 на стр. 318) и въ заглавіи н. с. грамоты (см. введеніе, стран. 258).

2) *Подвойскіе и позовники.* Обязанность тѣхъ и другихъ состояла въ вызовѣ къ суду отвѣтчиковъ и обвиняемыхъ, также послуховъ, за что они получали денежное вознагражденіе; различіе-же между ними заключалось въ томъ, что въ самомъ Новгородѣ позывъ производили *подвойскіе*, а по волостямъ эту обязанность исполняли *позовники*. Тѣ и другіе назначались отъ вел. князя и отъ новгор. правительства, по равному числу отъ каждаго (2). Великокняжескіе позовники были извѣстны подъ именемъ дворянъ, какъ это можно видѣть и изъ новг. с. грамоты (3). Такъ какъ подвойскіе производили позывъ только въ Новгородѣ, то ихъ всего было двое: одинъ великокняжескій, другой новгородскій; позовниковъ же было множество. Цѣль совмѣстнаго существованія великокняжескихъ подвойскихъ и позовниковъ съ новгородскими была та, чтобы доставить людямъ московскаго великаго князя возможность пользоваться въ новгор. княжествѣ судебными доходами.

Какое вознагражденіе получали подвойскіе за свой трудъ,— этого изъ дошедшихъ до насъ грамотъ не видно; позовники-же получали по пяти кунъ, если посылались отъ вел. князя, и по двѣ куны, если ихъ посылалъ великокняжескій тіунъ (4).

(1) См. § 36.
(2) Акты Арх. Эксп., т. I, № 58, стр. 44 и № 91, стр. 63.
(3) См. § 24.
(4) Акты Арх. Эксп., т. I №№ 58 и 91, I: «А дворяномъ нашимъ (великіе князи), какъ пошло, погонъ имати отъ князя по пяти кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны.» Но-

3) *Софьяне.* Подобно тому какъ подвойскіе и позовники были разсыльщиками отъ свѣтскихъ новгородскихъ судовъ, софьяне исполняли эту обязанность при церковномъ новгородскомъ судѣ и при особѣ новгородскаго архіепископа (¹).

4) *Биричи и извѣтники.* Обязанность *биричей*, какъ видно изъ повг. с. грамоты, состояла въ томъ, чтобы кликать на площадяхъ скрывшихся и неизвѣстныхъ по жительству отвѣтчиковъ въ судн. дѣлѣ, объявляя предъ народомъ о необходимости явиться этимъ лицамъ въ опредѣленное время къ суду. *Извѣтники* были обязаны разузнавать о совершеніи или несовершеніи извѣстныхъ дѣяній, на которыя кѣмъ либо предъявленъ искъ, и доносить о томъ суду. Слѣдовательно мы не должны разумѣть извѣтниковъ въ смыслѣ прокуроровъ, которые ex officio обязаны открывать и изслѣдовать совершаемыя въ ихъ вѣдомствѣ преступленія и наблюдать за справедливымъ рѣшеніемъ гражданскихъ исковъ: извѣтники были такія лица, которыя посылались судомъ для слѣдствія не иначе, какъ съ согласія одного или обоихъ тяжущихся (²), потому что форма судебнаго разбора по уголовнымъ преступленіямъ, о которыхъ говорится въ н. с. грамотѣ (³), была обвинительная, а не слѣдственная (⁴).

Какъ мы уже замѣтили выше (стран. 274), писшіе служители правосудія получали за свой трудъ денежное вознагражденіе отъ тяжущихся, по дѣлу которыхъ они производили позывъ или слѣдствіе:

§ 12. А подвойскимъ, и Софьяномъ, и биричемъ, и извѣтникомъ, на сто верстъ четыре гривны (a).

а) Повгородскій рубль содержалъ въ себѣ 140 денегъ (см. вышеприведенное сочиненіе Куницына, стран. 36, примѣч. с. и стран. 132) и раздѣлялся на 10 гривенъ. Такую гривну должно отличать отъ старой гривны кунами (см. вышепривед. соч. Куницына, стр. 136—137, примѣч. X; сравни также примѣч. в къ § 36 настоящей статьи).

5. *Приставы* посылались съ вѣча въ тіунскій судъ для понужденія княжескаго тіуна или докладчиковъ къ скорѣйшему

добное же постановленіе находимъ и во многихъ другихъ новгородскихъ грамотахъ, помѣщенныхъ въ т. I. Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ (№№ 1—20). Въ гривнѣ, по справедливому замѣчанію Карамзина, содержалось 25 кунъ. (См. «Исторія Росс. Гражд. Закон.» соч. Неволина, т. III, статья о займѣ простомъ, стр. 125).

(¹) См. вышепр. соч. Куницына, стран. 69.

(²) См. напр. §§ 56 и 58.

(³) См. ниже статью: Особенности судеб. разбора въ искахъ по уголовн. преступленіямъ, стр. 302.

(⁴) Въ древней Руси, почти до времени Петра Вел., гражданское судопроизводство не отдѣлялось и не различалось отъ уголовнаго. Сравни соч. г. Михайлова: «Исторія образованія и развитія системы Русскаго гражданскаго судопроизводства до уложенія 1649 г.» С П. бургъ, 1848 года.

окончанію и рѣшенію дѣла; они-же были обязаны брать подъ стражу явныхъ ослушниковъ судебной власти и доказанныхъ ябедниковъ и представлять ихъ въ судъ [1]. Особое назначеніе имѣли приставы, бывшіе при тіунскомъ судѣ; но о нихъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ [2].

Б. О тяжущихся сторонахъ.

Здѣсь мы будемъ говорить: во 1-хъ) объ истцѣ и отвѣтчикѣ и во 2-хъ) о представителяхъ тяжущихся предъ судомъ или о повѣренныхъ.

I. Объ истцѣ и отвѣтчикѣ.

Право иска въ новгородскомъ государствѣ было равно для всѣхъ его свободныхъ гражданъ: судьи обязывались производить равномѣрно-справедливый судъ для лицъ всѣхъ состояній. Это прямо выражено въ договорѣ новгородцевъ съ польск. кор. Казиміромъ IV [3], но мы можемъ вывести тоже самое изъ одного постановленія н. с. грамоты, которое предписываетъ архіепископу судить всѣхъ гражданъ равно, не обращая вниманія на разность ихъ состояній [4].

Изъ н. с. грамоты не видно, чтобы рабы имѣли право иска; но какъ въ ней встрѣчается дозволеніе рабу быть свидѣтелемъ противъ раба [5], то это дозволеніе мы относимъ къ искамъ о холопствѣ, т. е. къ тѣмъ судебнымъ случаямъ, въ которыхъ извѣстное лицо доказывало свои права господской власти на человѣка, выдававшаго себя за свободнаго [6]. Этотъ обвиняемый во время судопроизводства по его дѣлу разсматривался какъ человѣкъ зависимый, и свидѣтелемъ противъ него могъ быть рабъ, который въ подобномъ случаѣ легко могъ знать причину, послужившую обвиняемому основаніемъ къ побѣгу отъ своего настоящаго господина и къ переходу въ имѣніе другаго землевладѣльца (на правахъ раба или только зависимаго человѣка).

Обѣ тяжущіяся стороны называются въ н. с. грамотѣ истцами [7], и каждая изъ нихъ въ одно и тоже время могла быть и

---

(1) См. § 19.

(2) См. § 4. и стран. 265—266.

(3) Акты Арх. Эксп. т. I, № 87: «А намѣстнику твоему (король) судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина такъ и житьего такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно».

(4) См. § 69.

(5) См. § 42.

(6) См. § 52.

(7) См. §§ 26, 35, 36, 39, 47 и др.

истцомъ и отвѣтчикомъ ([1]). Каждая тяжущаяся сторона могла состоять только изъ одного лица физическаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ н. с. грамоты:

§ 13. А сажати (а) въ суду по два человѣка (б).

а) Здѣсь рѣчь обращена къ судьямъ, которымъ дается это повелѣніе. б) Куницынъ подъ этими двумя человѣками разумѣетъ не тяжущихся, а посредниковъ, которыхъ каждый изъ тяжущихся выбиралъ изъ сословія бояръ и житьихъ людей (по два отъ каждаго сословія) съ тѣмъ, чтобы они присутствовали въ судѣ при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣла и заботились о сохраненіи интересовъ своего избирателя (см. соч. Куницына, стран. 22—27). Не входя въ разборъ мнѣнія Куницына, мы замѣтимъ, что правильнѣе будетъ считать этихъ двухъ человѣковъ за самыхъ тяжущихся, а не за ихъ посредниковъ. Это выводится: 1) изъ смысла слѣдующаго 14 § и 2) изъ современнаго н. с. грамотѣ повсемѣстнаго на Руси судебн. обычая допускать тяжущихся къ присутствію въ судѣ во время производства въ немъ ихъ дѣла (см. напр. пск. с. грамоту, въ изданіи Мурзакевича, X, 20).

Истецъ, опредѣливъ въ своемъ искѣ, кто долженъ быть по нему отвѣтчикомъ, былъ обязанъ со всѣми своими требованіями, какъ встрѣчавшимися во время производства суда, такъ и изъ рѣшенія суднаго дѣла возникавшими, обращаться исключительно къ нему (т. е. къ отвѣтчику), не вмѣшивая въ дѣло людей постороннихъ:

§ 14 (а). А (б) кто кого въ суду пасадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается (в).

а) § этотъ есть продолженіе предъидущаго (13-го §). б) Если. в) Вѣдаться или увѣдаться—значитъ раздѣлаться. Здѣсь это слово имѣетъ значеніе судебной расправы.

II. О представителяхъ тяжущихся въ судѣ или о повѣренныхъ.

Н. с. грамота допускаетъ въ судѣ вмѣсто самихъ тяжущихся ходатайство ихъ повѣренныхъ, которыхъ она называетъ *отвѣтчиками* ([2]), не исчисляя впрочемъ тѣхъ качествъ, которыми сіи послѣдніе должны были обладать для успѣшнаго дѣйствія. Нѣкоторыя лица по словамъ самаго закона были ближайшими повѣренными тяжущихся; такъ сынъ «старѣйшей» и «житьей» вдовы могъ даже присягать за мать свою по всѣмъ ея суднымъ дѣламъ ([3]), на что прочіе довѣренные права не имѣли ([4]), а бо-

([1]) См. § 26.
([2]) См. напр. § 17.
([3]) См. § 29.
([4]) См. ниже, стр. 282, статью о началѣ тяжбы или иска.

яре, житьи люди и купцы имѣли право быть повѣренными въ тяжбахъ женъ ихъ за поземельную собственность (1). Они въ подобныхъ дѣлахъ были повѣренными не только сами лично, но могли даже дѣйствовать чрезъ своихъ довѣренныхъ (2). Вообще кажется, что мужья за женъ, а сыновья за матерей всегда могли быть повѣренными во всѣхъ ихъ тяжбахъ и искахъ, потому что знаніе законовъ и формъ дѣлопроизводства было у насъ исключительною принадлежностію мужчинъ, и вмѣшательство женщинъ въ дѣла подобнаго рода считалось излишнимъ и даже неприличнымъ, если у нихъ были близкіе родственники, каковы сынъ для матери и мужъ для жены, которые почитались ихъ законными защитниками.

Права и обязанности повѣренныхъ опредѣляются н. с. грамотою. Изъ нея видно, что они могли производить по отношенію къ судебному дѣлу всѣ тѣ дѣйствія и принимать всѣ тѣ мѣры, которыми могли бы располагать сами довѣрившія ихъ лица. Такимъ образомъ каждый повѣренный имѣлъ право и обязанность:

1) Вчинать искъ вмѣсто своего довѣрителя и представлять въ подтвержденіе своего права разные доводы, если онъ былъ уполномоченъ для ходатайства истцомъ, или онъ былъ обязанъ приводить оправданія въ защиту противъ обвиненій и требованій истца, если онъ былъ довѣренный отвѣтчика (3).

2) Повѣренный имѣлъ право скрѣплять своею печатью судейскіе протоколы, писанные съ его словъ (4).

3) Онъ могъ назначать своему противнику и самъ принимать отъ него срокъ для явки обоихъ въ судъ къ показаніямъ (5).

Наконецъ 4). Онъ долженъ былъ принимать присягу въ томъ, что будетъ давать предъ судомъ справедливыя показанія:

§ 15. А (а) отвѣтчику съ послухомъ на учанѣ (б) крестъ цѣловать.

(а) § этотъ есть продолженіе § 50, какъ показываетъ частица «а». (б). Мы не можемъ съ точностію опредѣлить значеніе этого слова. Куницынъ вмѣсто «учанъ» читалъ «учинъ», какъ это видно изъ выноски г на стран. 87 и выноски о на стран. 107 его сочиненія, и принималъ это слово въ значеніи начала иска (см. его соч. стран. 106). Поэтому если мы согласимся съ его мнѣніемъ, то должны будемъ заключить, что повѣренные, тотчасъ по принятіи ими на себя этой обязанности, приводились судомъ къ присягѣ, которая должна была служить ручательствомъ въ добросовѣстномъ

---

(1) См. § 49.
(2) См. § 50.
(3) См. §§ 30 и 50.
(4) См. § 30.
(5) См. § 34.

выполненія ими этой обязанности. Впрочемъ на правильность текста н. с. грамоты, приводимаго въ сочиненіи Куницына, какъ и вообще на точность его чтенія, положиться нельзя: въ своихъ выноскахъ онъ дѣлаетъ частыя отступленія отъ текста тѣхъ грамотъ, на которыя ссылается; такъ напр. и на стран. 103, въ выноскѣ b, вмѣсто принятаго прежде (стран. 87, вын. г.) и повтореннаго впослѣдствіи (стран. 107, вын. о.) слова «учинъ» онъ помѣстилъ «учанъ.» Въ областномъ словарѣ великорусскаго языка, изданномъ въ 1852 г. вторымъ отдѣленіемъ Императ. Ак. наукъ, слово «учинъ» имѣетъ значеніе предѣла, границы, межи. Если бы послѣ этого можно было доказать, что употребленное въ настоящемъ § сл. «учанъ» есть искаженіе слова «учинъ», то § этотъ (§ 15) должно бы было помѣстить въ числѣ особенностей судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность. Пахманъ (въ своемъ соч. «О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русск. праву) вмѣсто «учанъ» читаетъ «учинъ», принимая это слово въ смыслѣ начала иска (стр. 175); но никакихъ доказательствъ въ пользу своего чтенія не приводитъ. Въ н. с. грамотѣ, помѣщенной Карамзинымъ въ 404 прибавленіи къ V т. Ист. Гос. Россійскаго (изданіе Эйнерлинга) мы встрѣчаемъ слово «учанъ», а не «учинъ». Вообще въ Ист. Гос. Россійскаго н. с. грамота помѣщена въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ Акт. Арх. Экспедиціи: это потому, что Карамзинъ выписалъ н. с. грамоту изъ пушкинскаго собранія двинскихъ грамотъ, которое теперь принадлежитъ Императ. публичн. библіотекѣ, и изъ котораго эта грамота напечатана въ Акт. Арх. Эксп. (см. здѣсь выноску 1 на стр. 258).

В. О порядкѣ производства суда.

Такъ какъ новг. с. грамота, не вполнѣ до насъ дошедшая, содержитъ въ себѣ только судопроизводство по тяжбамъ за поземельную собственность (вмѣстѣ съ исками «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ») и по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, то мы и должны будемъ ограничиться ими въ нашемъ изслѣдованіи. Но какъ тотъ и другой виды судопроизводства имѣютъ въ ней кромѣ общаго имъ обоимъ характера еще особыя, свойственныя каждому въ отдѣльности черты, то мы здѣсь изложимъ во 1-хъ: общія правила судопроизводства по н. с. грамотѣ, свойственныя какъ тяжбамъ за поземельную собственность, такъ и искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ; затѣмъ во 2-хъ: покажемъ особенности каждаго изъ этихъ двухъ видовъ судопроизводства; въ 3-хъ: представимъ правила, которыми должны были руководствоваться судьи при обсужденіи дѣла, и опредѣлимъ правила н. с. грамоты для рѣшенія судныхъ дѣлъ; въ 4-хъ: покажемъ правила для исполненія су-

дебныхъ рѣшеній и наконецъ въ 5-хъ: исчислимъ тѣ денежные штрафы и судебныя издержки, которые встрѣчаются въ н. с. грамотѣ.

I. О разборѣ судныхъ дѣлъ по общимъ правиламъ.

Здѣсь мы будемъ говорить:

Во 1-хъ: О началѣ тяжбы или иска и о вызовѣ къ суду отвѣтчика.

Во 2-хъ: О явкѣ отвѣтчика къ суду, о показаніяхъ тяжущихся, о срочныхъ грамотахъ и объ обязанностяхъ тяжущихся въ отношеніи другъ къ другу и къ судьямъ.

Въ 3-хъ: О судебныхъ доказательствахъ.

1. *О началѣ тяжбы или иска и о вызовѣ къ суду отвѣтчика.*

По началамъ, принятымъ н. с. грамотою, тяжба или искъ (какъ гражданскій, такъ и уголовный) всегда *начинается* по волѣ истца, объявленіемъ въ судѣ требованій на отвѣтчика, что производилось истцомъ изустно, послѣ присяги на справедливость своихъ показаній (если только онъ не присягалъ на это уже прежде: вѣроятно при всеобщемъ утвержденіи н. с. грамоты на вѣчѣ):

§ 16. А кто на комъ какого дѣла поищетъ, а креста не цѣловавъ на сей грамотѣ, ино крестъ поцѣловавъ одинова,[а] да искать.

а) Однажды, т. е. каждый новгородскій гражданинъ долженъ былъ присягнуть на этой судной грамотѣ однажды и навсегда, а не при каждомъ новомъ искѣ. Послѣ слова «одинова», для большей раздѣльности и ясности смысла, мы поставили запятую, чего въ текстѣ н. с. грамоты (въ Акт. Арх. Эксп.) нѣтъ.

Если истецъ присылалъ вмѣсто себя повѣреннаго въ судъ, то тѣмъ не менѣе присягать обязанъ былъ самъ лично:

§ 17 [а]. А отъ коего истца отвѣтчикъ[б] станетъ на судъ, а истецъ тотъ будетъ креста не цѣловалъ на сей грамотѣ, ино тому истцю крестъ цѣловать одинова, а отвѣтчику въ его мѣсто отвѣчивать.

а) Это постановленіе одинаково относится какъ къ истцу, такъ и къ отвѣтчику, потому что обѣ тяжущіяся стороны въ н. с. грамотѣ называются истцами (см. выше стран. 278); но мы помѣстили его здѣсь для удобства изложенія текста н. с. грамоты и потому еще, что рѣчь теперь идетъ объ истцѣ. б) Повѣренный (см. выше, стр. 279).

Впрочемъ повѣренный также долженъ былъ присягать въ томъ, что будетъ дѣйствовать и давать свои показанія справедливо (1); но только онъ не могъ присягать за своего довѣрителя, какъ это допускалось для сыновей боярскихъ и житьихъ вдовъ (2).

Если истецъ отказывался подтвердить присягою свое требованіе на отвѣтчика, то терялъ право иска:

§ 18 а). А б) не поцѣлуетъ в) креста, ино тѣмъ его и обвинить.

а) Постановленіе это есть продолженіе § 17. б) Если. в) Здѣсь подразумѣвается слово «истецъ» (см. § 17).

По предъявленному истцомъ иску судъ выдавалъ ему такъ называемую судную (3) грамоту, на основаніи которой онъ обязанъ былъ въ продолженіе мѣсяца войти съ отвѣтчикомъ или судьею въ переговоры, результатомъ которыхъ было или миролюбивое окончаніе дѣла, безъ судебнаго разбирательства (если истецъ успѣвалъ въ переговорахъ), или же приступъ къ формальному судопроизводству (когда эти переговоры не имѣли успѣха). Если же въ продолженіе этого мѣсячнаго срока дѣло не было приведено къ тому или другому результату, то вѣче посылало отъ себя приставовъ для поимки и представленія истца въ судъ, какъ ложнаго доносчика и ябедника, и если онъ въ подобномъ случаѣ скрывался отъ приставовъ, то былъ наказываемъ по приговору вѣча какъ ослушникъ судебныхъ распоряженій:

§ 19. А кто на кого возметъ грамоту судную а), а будетъ ему дѣло до судьи или до истца б), ино ему переговариваться съ ними мѣсяцъ: а не почнетъ переговариваться въ тотъ мѣсяцъ, ино взять на него приставы съ вѣча да имать в) его въ городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить г) всимъ Великимъ Новымгородомъ.

а) Въ объясненіи *судной грамоты*, которое мы только что дали (предъ изложеніемъ текста н. с. гр. въ § 19) мы слѣдовали мнѣнію Куницына (см. его соч., стран. 84). Г. Энгельманъ эту грамоту называетъ безсуд-

---

(1) См. § 15.
(2) См. § 29.
(3) Эту судную грамоту должно отличать отъ той, которую судъ обыкновенно выдавалъ тяжущейся сторонѣ, оправданной имъ въ такомъ судномъ дѣлѣ, которое разбиралось по суду. Сравни здѣсь стр. 313—316 и въ соч. Соловьева: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 5.

ною (см. вышеприведенное его соч., стр. 124); но какъ онъ не приводитъ доказательствъ въ пользу своего предположенія, то мы и не можемъ съ нимъ согласиться. б) т. е. отвѣтчика. в) Взять, схватить (Ак. Сл.). г) Наказать (Ак. Сл.).

И такъ, если истецъ, начавъ переговоры съ отвѣтчикомъ, въ теченіе мѣсяца оканчивалъ съ нимъ дѣло полюбовною сдѣлкою, то судъ считалъ этотъ искъ оконченнымъ и не приступалъ къ разбирательству его; но если истецъ не успѣвалъ въ подобной сдѣлкѣ, то по истеченіи этого времени отвѣтчику дѣлался *вызовъ къ суду* по этому иску. Вызовъ этотъ былъ различенъ, смотря потому, въ самомъ-ли Новгородѣ или въ волости имѣлъ отвѣтчикъ свое жительство. Въ первомъ случаѣ къ нему посылался подвойскій, въ послѣднемъ-позовникъ. Вызовъ однако дѣлался только свободнымъ новгородскимъ гражданамъ; если несвободные и вообще зависимые люди были отвѣтчиками въ уголовныхъ преступленіяхъ, то представлялись къ суду ихъ господами и вообще землевладѣльцами ([1]), а во всѣхъ прочихъ судныхъ дѣлахъ—самимъ истцомъ, безъ помощи господъ или землевладѣльцевъ, подвойскихъ или позовниковъ:

§ 20. А[а)] о иныхъ дѣлѣхъ[б)], ино[в)] знать истцю истца.

а) Если. б) Здѣсь подразумѣвается «будетъ судъ». в) То. Вообще этотъ § есть продолженіе § 59.

Когда отвѣтчикъ (разумѣя подъ нимъ свободнаго новгородскаго гражданина) по объявленіи ему срока для явки въ судъ давалъ обѣщаніе явиться, тогда къ нему не посылалось увѣдомленія о днѣ его явки къ суду; оно присылалось ему только въ томъ случаѣ, когда производство суда было отложено до другаго опредѣленнаго дня:

§ 21. А[а)] кто обѣчается къ суду къ коему дни, ино послѣ обѣта[б)] отсылки[в)] къ нему не слать; а не сядетъ судья того дни, ино коли[г)] судья сядетъ ино тогды къ нему отсылка [д)].

а) Если. б) Обѣщаніе (Ак. Сл.). в) Увѣдомленіе, повѣстка. г) Когда (Ак. Сл.). д) Здѣсь слѣдуетъ прибавить «слать».

Но если отвѣтчикъ, не взирая на увѣдомленіе, старался избѣгнуть сдѣланнаго ему позыва и скрывался, тогда подобное объявленіе посылалось трижды къ нему на домъ, а въ публичныхъ мѣстахъ (какъ напр. на торговищѣ, т. е. на торговой площади въ Новгородѣ) оно провозглашалось биричемъ.

---

(1) См. § 54.

§ **22.** А не видитъ отсылки, а почнетъ хорониться, ино слать къ нему отсылка въ дворъ трижды, да и биричемъ кликать.

Наконецъ если и этого было недостаточно, тогда къ нему отсылалась обѣтная грамота, за присылку которой онъ платилъ штрафъ въ три деньги:

§ **23.** А не станетъ къ суду а), ино дать на него грамота обѣтная б), а обѣту в) болши трехъ денегъ не быти.

(а) Въ тотъ день, въ который «судья сядетъ» (см. § 21). (б) Обѣтный— основанный на обѣщаніи (Ак. Сл.). Слѣдовательно обѣтная грамота была такой актъ, который напоминалъ лицу о данномъ имъ обѣщаніи явиться въ судъ. (в) Плата за присылку обѣтной грамоты. Куницынъ подъ сл. «обѣтъ» разумѣетъ взысканіе, которому подвергался вызываемый, если по присылкѣ къ нему обѣтной грамоты онъ не являлся въ судъ (см. его соч., стр. 133). Едва ли можно согласиться съ этимъ, потому что вызываемый въ томъ случаѣ, если не являлся въ судъ послѣ присылки къ нему обѣтной грамоты, признавался виновнымъ въ судебномъ дѣлѣ, какъ это слѣдуетъ заключить изъ примѣч. б. къ § 33.

Для представленія отвѣтчика въ судъ позовникамъ назначался срокъ, считая на каждыя 100 верстъ пути по двѣ недѣли:

§ **24.** А а) кто кого б) позоветъ въ селѣ позовкою в) или дворяниномъ г), ино дать срокъ на сто верстъ двѣ недѣли, а далѣ и ближе а то по числу.

(а) Если. (б) Слова эти относятся къ тяжущимся, а не къ позовникамъ, равно какъ и весь этотъ § можетъ быть отнесенъ къ нимъ (къ тяжущимся). (в) Позовка—тоже, что въ иск. с. гр. позывница или позовница, объявленіе вызываемому о явкѣ ему къ суду. (г) Великокняжескій позовникъ, въ отличіе отъ новгородскаго см. выше тр. 276.

За истязанія и вообще за противозаконныя поступки съ позовникомъ вызываемые объявлялись виновными безъ судебнаго изслѣдованія ихъ дѣла, и въ этомъ случаѣ кто либо изъ родственниковъ или друзей позовника получалъ на нихъ безсудную грамоту, на основаніи которой обязывался задержать ихъ и представить въ судъ для исполненія надъ ними судебнаго рѣшенія:

§ **25.** А имутъ позовника въ селѣ, а почнутъ надъ нимъ силу дѣять а), ино дать въ позовниково мѣсто грамота безсудная б) племеннику в) его или другу.

а) Причинять насиліе (Ак. Сл.) б) Грамота на поимку одного изъ тяжущихся, который по опредѣленію суда долженъ быть наказанъ. Ср. стр. 316.
в) Родственникъ вообще, и въ частности также племянникъ.

Для отвращенія сложности судныхъ дѣлъ и для пресѣченія ябедничества п. с. грамота постановляетъ, что нельзя одно и тоже лицо въ одно и тоже время сдѣлать отвѣтчикомъ по двумъ искамъ, хотя каждый гражданинъ имѣлъ право въ одно и тоже время быть истцомъ по одному, а отвѣтчикомъ по другому дѣлу:

§ 26. А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истецъ истца, а поищетъ своего дѣла, а будетъ тому истцю до своего истца дѣло, ино ему позвати своего истца, а поискать ему одиного жъ дѣла, а [a)] иныхъ позвовъ на него не класти въ иномъ дѣлѣ, ни Ноугородцовъ не научивати безъ хитрости по крестному цѣлованью, доколѣ тѣ суды кончаютъ.

а) Отсюда постановленіе это относится къ судьямъ. Это доказывается во 1-хъ тѣмъ, что вызовъ отвѣтчика къ суду производился не иначе, какъ по распоряженію самого суда и во 2-хъ это подтверждаютъ слѣдующія слова настоящаго §: «доколѣ тѣ суды кончаютъ» (пока тѣ дѣла рѣшаютъ). Кончать судъ могли только судьи, какъ это видно изъ §§ 60, 73, 74 и 75 п. с. грамоты. Такимъ образомъ смыслъ настоящаго § можно передать слѣдующими словами: Если вслѣдствіе предъявленнаго истцомъ иска будетъ сдѣланъ вызовъ къ суду отвѣтчика, которому встрѣтится дѣло съ третьимъ лицомъ, то ему (первому отвѣтчику) не воспрещается позвать къ суду своего отвѣтчика (второй отвѣтчикъ) и искать на немъ по своему дѣлу; судьямъ-же воспрещается вызывать его (перваго отвѣтчика, который въ этомъ встрѣчномъ искѣ является истцомъ) къ отвѣту по другимъ суднымъ дѣламъ (которыя они сами могли имѣть съ нимъ) или научать новгородцевъ къ предъявленію на него новыхъ исковъ до тѣхъ поръ, пока они (судьи) не кончатъ уже начатыхъ ими двухъ судныхъ дѣлъ этого лица (т. е. 1-го отвѣтчика). Куницынъ объясняетъ этотъ § иначе (см. его соч. стр. 122); но мы не можемъ согласиться съ его толкованіемъ.—Вообще замѣтимъ, что образъ изложенія рѣчи этого § съ частымъ повтореніемъ частицы «а» (въ смыслѣ намъ современномъ и мѣстоимѣніи «тотъ» и «онъ» былъ употребителенъ въ древнемъ судебномъ словосочиненіи (см. напр. пск. с. грамота въ изданіи Н. Мурзакевича, VI, 15—20; VIII, 18—22 и др. (1).

---

(1) Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи XVII, 24—26, гдѣ слова «ино ему» относятся къ отвѣтчику, которому по пск. законамъ предоставлялось право избрать присягу или судебный поединокъ средствомъ для рѣшенія дѣла въ излагаемомъ здѣсь (т. е. на XVII, 24—26) случаѣ.

2. О явкѣ отвѣтчика въ судъ, о показаніяхъ тяжущихся, о срочныхъ грамотахъ и объ обязанностяхъ тяжущихся въ отношеніи другъ къ другу и къ судьямъ.

Какъ скоро отвѣтчикъ *являлся въ судъ*, то прежде всего онъ приводился къ присягѣ (если только уже прежде не принималъ ея) (¹), которая должна была служить ручательствомъ въ справедливости всего того, что онъ скажетъ въ оправданіе себя предъ судомъ:

§ **27.** А кому будетъ отвѣчивать, а креста не цѣловавъ на сей грамотѣ, ино ему крестъ поцѣловавъ да отвѣчать.

Если отвѣтчикъ отказывался отъ присяги, то признавался виновнымъ въ искѣ, предъявленномъ на него истцомъ:

§ **28** а). А б) не поцѣлуетъ креста в), тѣмъ его и обвинить.

а) § этотъ въ н. с. грамотѣ составляетъ продолженіе предъидущаго (27-го) §. б) Если. в) Тотъ, «кому будетъ отвѣчивать», т. е. отвѣтчикъ.

Если искъ былъ предъявленъ на вдову боярина или житьего человѣка, слѣдовательно на женщину, принадлежавшую къ одному изъ почетныхъ сословій новгородскихъ гражданъ, то къ отвѣту вмѣсто нея могъ быть допущенъ ея сынъ, который признавался ея законнымъ повѣреннымъ и долженъ былъ присягать на справедливость своихъ показаній. Если-же сынъ отказывался присягать за мать свою, тогда присяга принималась матерью на дому, въ присутствіи истца и приставовъ новгородскихъ, а не въ судѣ, гдѣ обязаны были присягать всѣ прочіе граждане, если они являлись туда въ качествѣ тяжущихся.

§ **29.** А кому будетъ какое дѣло до старѣйшей а) жены или до житьей, кои вдовы, а у коей есть сынъ, ино сыну ее цѣловать крестъ на сей грамотѣ за собя и за матерь б) однова: а не поцѣлуетъ креста сынъ за матерь, ино цѣловать крестъ матери в) однова у собя въ дому, передъ истцомъ и передъ приставы Ноугородскими.

а) Старѣйшими людьми считались первые новгородскіе сановники,—посадники и тысяцкіе, какъ степенные, такъ и старые, и вообще всѣ бояре, потому что изъ нихъ избирались эти сановники. б) Какъ мы показали выше (на стр. 282 и въ § 17), присяга принималась самими тяжущимися, а не ихъ повѣренными; но въ настоящемъ случаѣ, когда самъ законъ предписывалъ производить дѣло чрезъ повѣреннаго, онъ требовалъ отъ

(¹) См. стр. 282.

него какъ-бы двойной присяги: за себя, какъ за повѣреннаго и за мать, какъ за отвѣтчика въ искѣ. Однако эта двойная присяга соединялась вмѣстѣ и принималась одинъ только разъ («одинова»). в) Здѣсь прямо предписывается приводить въ подобномъ случаѣ такую вдову къ присягѣ, безъ оговорки «а будетъ креста не цѣловала на сей грамотѣ», какая встрѣчается въ §§ 16 и 17. Это потому, что на вѣчѣ женщины не участвовали, а потому онѣ и не присягали на н. с. грамотѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не встрѣчалась необходимось быть истцомъ или отвѣтчикомъ въ какомъ либо судномъ дѣлѣ.

По приведенію тяжущихся къ присягѣ, съ нихъ (или съ ихъ повѣренныхъ) *снимались показанія* въ присутствіи суда, и со словъ ихъ записывались однимъ изъ дьяковъ въ протоколъ (судные списки), который они скрѣпляли своими печатями, привѣшивая ихъ на шнурахъ къ концу бумаги:

§ 30. А судьямъ какъ росказщики а) укажутъ, ино коему ни есть судьѣ велѣти своему дьяку тое дѣло записать, а розказщикомъ къ тѣмъ спискомъ свои печати приложить.

а) Сами тяжущіеся или ихъ повѣренные, равно какъ и свидѣтели. По этому настоящій (30-тый) § можетъ быть отнесенъ и къ статьѣ: свидѣтельство послуха, стр. 2?2.

Впрочемъ если тяжущимся, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, было невозможно являться къ суду въ то время, которое назначено судьями для разбирательства ихъ дѣла, тогда имъ предоставлялось право просить судъ объ отсрочкѣ изслѣдованія ихъ дѣла до болѣе удобнаго для нихъ времени. Въ такомъ случаѣ судъ выдавалъ *срочную грамоту* тому изъ нихъ, кто просилъ объ отсрочкѣ, а если оба тяжущіеся желали пріостановить ходъ ихъ суднаго дѣла, то оба и получали такія грамоты. Иногда рѣшеніе суднаго дѣла или даже и все судопроизводство по предъявленному иску отсрочивалось до времени по усмотрѣнію судьи, независимо отъ желанія тяжущихся.

Новгородская с. грамота содержитъ въ себѣ нѣсколько постановленій о срочныхъ грамотахъ, изъ которыхъ видно, что акты эти выдавались не только для отсрочки въ производствѣ суднаго дѣла, но и въ томъ случаѣ, когда являлась необходимость въ такихъ судебныхъ доказательствахъ, для представленія которыхъ въ судъ требовалось достаточное количество времени [1] Къ срочной грамотѣ прикладывалась судейская печать [2], за что взыскивалась опредѣленная пошлина.

Въ срокъ, назначенный, въ срочныхъ грамотахъ, тяжущіеся

[1] См. § 51.
[2] См. § 81.

обязаны были явиться къ суду во всякомъ случаѣ, хотя—бы даже судья, выдавшій имъ эти грамоты, перемѣнился: въ этомъ послѣднемъ случаѣ новый судья долженъ былъ изслѣдовать и рѣшить начатое его предшественникомъ судное дѣло:

§ 31. *А которы*[а] и истци у коего судьи возмутъ срокъ и срочныя[б] за печатми, а той судья перемѣнит-ся, а кто будетъ судья на его мѣсто, ино тымъ истцомъ стать передъ тыми судьями да и срочныя[б] свои положити на той срокъ, а тому судьѣ судити той судъ да и кончати.

а) Это дополненіе сдѣлано нами. Въ текстѣ новгородской с. грамоты здѣсь небольшой пробѣлъ, по видимому въ одно слово. Начальное наше —А означаетъ если. У Карамзина (404 прибавл. къ V т. Ист. Гос. Росс. изд. Эйнерлинга) означенный пробѣлъ дополненъ также самопроизвольно словами: «А *буде ли истци.*» б) т. е. срочныя грамоты, см. § 33.

Для всѣхъ-ли дѣлъ срокъ, назначаемый въ срочныхъ грамотахъ, былъ одинаковъ?—это неизвѣстно. Кажется впрочемъ, что онъ былъ различенъ по роду дѣлъ. Такъ изъ § 51 видно, что срокъ этотъ по тяжбамъ за поземельную собственность былъ назначенъ въ три недѣли на каждыя сто верстъ (для представленія судебныхъ доказательствъ); по другимъ-же дѣламъ онъ назначался иначе, на основаніи принятыхъ судебнымъ обычаемъ правилъ:

§ 32. А[а] о иныхъ дѣлѣхъ срок по старинѣ[б].

а) § этотъ есть продолженіе § 51. б) По древнему обычаю. (См. примѣчаніе б къ § 5).—Смыслъ всего этого постановленія тотъ, что для другихъ судныхъ дѣлъ (кромѣ тяжбъ за поземельную собственность) въ срочныхъ грамотахъ назначается такой срокъ, какой для нихъ принятъ судебнымъ обычаемъ.

Если одинъ изъ тяжущихся къ назначенному въ срочной грамотѣ времени не являлся, то на него давалась обѣтная грамота, къ которой присоединялась и срочная грамота, но увѣдомленія о днѣ для явки въ судъ («отсылка», см. § 21) ему не посылалось:

§ 33. А одинъ истець станетъ на той срокъ передъ судьею да и срочную свою грамоту положитъ, а другой не станетъ, ино тому судьѣ дати на него (а) грамота (б) да и срочная грамота къ той же ему грамотѣ припечатать, а отсылки ему не отсылати.

(а) На того, кто не явился къ суду на срокъ. (б) Что эта грамота была обѣтная, то можно вывести изъ словъ § 23: обѣтная грамота посылалась

къ тому, кто обѣщалъ явиться къ суду на извѣстный срокъ и не выполнялъ этого. Въ настоящемъ случаѣ каждый изъ тяжущихся предполагается давшимъ свое согласіе на явку къ суду въ срокъ, означенный въ срочной грамотѣ, и потому по наступленіи этого срока къ неявившемуся судъ посылалъ обѣтную грамоту, цѣль которой—понудить скрывающагося явиться къ суду, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть обвиненнымъ безъ судебнаго разбирательства.

Если вмѣсто самого тяжущагося дѣйствовалъ его повѣренный, который, взявъ отъ судьи срочную грамоту, умиралъ до наступленія срока явки къ суду, то вмѣсто него тяжущійся долженъ былъ прислать къ сроку или другаго повѣреннаго, или явиться къ суду самъ:

§ **34.** А во чье будетъ мѣсто [a] отвѣтчикъ срокъ взялъ, а до того сроку сведется отвѣтчику смерть, ино на той срокъ стать самому истцю, или иного отвѣтчика поставить въ свое мѣсто.

(а) Во чье мѣсто—вмѣсто кого или за кого.

Во все время судопроизводства *тяжущіеся были обязаны не вредить другъ другу* насиліемъ *и не препятствовать дѣйствіямъ суда* открытою силою, какъ это видно изъ запрещенія самоуправныхъ поступковъ съ обвиняемымъ въ уголовномъ преступленіи несвободнымъ человѣкомъ («а до суда надъ нимъ силы не дѣять») (¹) и изъ слѣдующаго общаго постановленія н. с. грамоты:

§ **35.** А истцю на истца наводки [a] не наводить, ни на посадника, ни на тысесского, ни на владычня намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладчиковъ.

(а) Нападеніе скопищемъ людей, съ употребленіемъ физической силы противъ нападаемыхъ (см. § 11, примѣч. б.).

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ здѣсь доказательствъ можно, кажется, вывести то общее положеніе, что н. с. грамота, подобно современнымъ ей узаконеніямъ (напр. псковск. с. грамотѣ и судебнику Іоанна III), запрещаетъ тяжущимся употреблять всякое самоуправство вмѣсто судебнаго разбирательства (²) и предписываетъ имъ соблюдать правила благопристойности какъ въ отношеніи другъ къ другу, такъ и въ отношеніи къ судьямъ. Не выполнявшіе этой обязанности обвинялись по суду («а кто силу доспѣетъ, ино тѣмъ его и обвинить») (³) въ самоуправствѣ и подвергались различнымъ взысканіямъ; въ особенности же тѣ, которые открытою силою, при содѣйствіи имъ цѣлаго скопища людей злонамѣренныхъ, покушались вре-

(¹) См. § 55.
(²) Это видно также изъ § 45.
(³) См. § 55.

дить своимъ противникамъ или судьямъ, осуждались къ уплатѣ тяжкихъ по тому времени денежныхъ штрафовъ, какъ это видно изъ слѣдующаго постановленія н. с. грамоты:

§ 36. А кто наведетъ наводку на посадника, или на тысетцкого, или на владычна намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладчиковъ, или истецъ на истца у суда или у доклада или у поля [а], ино взять Великимъ Княземъ [б] и Великому Новугороду на виноватомъ, на бояринѣ 50 рублевъ [в], а на житьемъ двадцять рублевъ, а на молодшемъ [г] десять рублевъ за наводку, а истцю убытки подоймѣтъ [д].

а) Поле-судебный поединокъ. б) Іоанну III и сыну его Іоанну Іоанновичу, потому что оба они въ договорной грамотѣ съ новгородцами названы великими князьями. (См. введеніе, стр. 255, вынос. 1). в) По словамъ Кузнецына, рубль въ началѣ XV ст. равнялся 6 нынѣшнимъ рублямъ серебромъ (см. вышеприведенное его сочиненіе стр. 4 и 84). Г. Энгельманъ замѣчаетъ, что рубль въ XV столѣтіи, по количеству содержащагося въ немъ серебра, равнялся пяти нынѣшнимъ рублямъ; но серебро въ то время имѣло гораздо высшую цѣну, нежели теперь (см. вышеприведенное его сочиненіе стр. 24). Оба мнѣнія могутъ быть признаны относительно-справедливыми. Что серебро въ XV вѣкѣ имѣло гораздо высшую цѣну, нежели теперь, то могутъ доказать древніе акты: такъ изъ № 68 Акт. Арх. Эксп., т. I, видно, что тверской князь Борисъ Александровичъ за 10 рублей и за 10 воловъ продаетъ Колязину монастырю цѣлое село, со всѣми находящимися при немъ угодьями. Въ Акт. Юр. № 71 (новгородскія купчія XIV и XV ст.) грамоты II, XXV и XXVII показываютъ, что за нѣсколько рублей тогдашнихъ можно было пріобрѣсти значительную часть земли: полъ-села и даже ⅔ его. Чтобы дать болѣе точное понятіе о вѣсѣ, пробѣ и формѣ древнихъ новгородскихъ рублей, помѣщаемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ и о новгородской гривнѣ изъ статьи Н. Муравьева: «Описаніе древней Новгородской серебряной гривны и ея рублей», Москва, 1826 г. Вотъ что говоритъ авторъ этой статьи: Гривна ни что иное, какъ слитокъ серебра, могущій вмѣститься въ горсть, вѣсомъ отъ 43 до 44 нынѣшнихъ золотниковъ; а рубль половина гривны, поперегъ разрубленной самымъ грубымъ образомъ, иногда даже и безъ надлежащей точности. Длина гривны 4 дюйма, 8 или 8½ линій; ширина ея при концахъ (а къ концамъ гривна выливалась толще, нежели въ срединѣ) 4¾ лин.; высота при концахъ 5 лин.; проба серебра 70-ая Представленные авторомъ на чертежѣ рубли различны по вѣсу и пробѣ: такъ одинъ изъ нихъ длиною 2 дюйма 3½ лин., другой—2 д. 2½ л.; вѣсомъ первый 22⅓ золотн., второй—21½ зол.; проба серебра въ первомъ 79-ая, во второмъ—74 ая. (См. въ статьѣ Муравьева стр. 6 и надпись на приложенномъ къ этой статьѣ чертежѣ).—Изъ этого описанія мы можемъ зак-

лючить, что серебро въ новгородскихъ рубляхъ (а слѣдовательно и въ гривнахъ) не было одинаковой доброты, хотя по вѣсу рубли эти (а потому и гривны) были приблизительно равны. Вѣроятно цѣнность денегъ въ то время опредѣлялась преимущественно количествомъ содержавшагося въ нихъ благороднаго метала, а на качество его обращалось менѣе вниманія. Такъ Куницынъ (въ сочиненіи своемъ «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи», стр. 31, примѣч. вв.) приводитъ свидѣтельство лѣтописи о томъ, что въ 1447 г. посадникъ новгородскій Сѣкира судилъ монетчиковъ за неполный вѣсъ отчеканенной ими монеты. (г) Слѣдовательно къ молодшимъ людямъ должно относить купцовъ и черныхъ людей (см. § 1). (д) Вознаградитъ (Ак. Сл.)

Другое, болѣе общее правило новгородской с. грамоты запрещаетъ всѣмъ вообще силою или хитростію препятствовать судьямъ въ производствѣ суда:

§ 37. А посадника и тысецкого и владычня намѣстника и ихъ судей, съ суда не сбивати.

5. О судебныхъ доказательствахъ.

Чтобы показанія тяжущихся были приняты въ судѣ за справедливыя, для этого они должны основываться на различныхъ судебныхъ доказательствахъ, для представленія которыхъ въ судъ истцу и отвѣтчику назначались опредѣленные сроки.

Общими судебными доказательствами по н. с. грамотѣ можно признавать слѣдующія: 1) присягу, 2) показанія послуха и 3) судебный поединокъ.

1. Присяга. Она употреблялась истцомъ и отвѣтчикомъ какъ дѣйствіе, предшествующее ихъ показаніямъ, и имѣла цѣлію принудить ихъ говорить предъ судомъ только истину. Такимъ образомъ это была присяга обѣщательная (jusjurandum promissorium), и взятая сама въ себѣ, она не имѣла силы судебнаго доказательства; но безусловный отказъ отъ нея со стороны истца велъ за собою недѣйствительность его иска ([1]), а со стороны отвѣтчика—обвиненіе его судомъ по этому иску ([2]). На этомъ послѣднемъ основаніи такая присяга можетъ быть принята нами въ число судебныхъ доказательствъ н. с. грамоты, но только какъ доказательство отрицательное.

Обрядъ совершенія присяги состоялъ въ цѣлованіи св. креста, который вмѣстѣ съ судною грамотою возлагался на блюдо ([3]).

2. Свидѣтельство послуха есть единственное судебное доказа-

([1]) См. § 18.
([2]) См. § 28.
([3]) См §§ 16, 27, 29 и др.

тельство, *прямо* выраженное въ н. с. грамотѣ. На представленіе послуха къ суду былъ назначенъ трехнедѣльный срокъ на каждыя сто верстъ въ оба конца пути:

§ 38. А (а) срокъ ему (б) взять на послуха на сто верстъ по три недѣли.

(а) § этотъ есть продолженіе слѣдующаго 39 §, какъ показываетъ и частица а. (б) Тому, кто сослался на послуха: истцу или отвѣтчику.

Если одинъ изъ тяжущихся ссылался на послуха, жившаго далѣе чѣмъ за 100 верстъ отъ мѣста суда, то другой тяжущійся могъ и не согласиться на признаніе этого лица въ качествѣ послуха; въ такомъ случаѣ однако онъ былъ обязанъ съ своей стороны представить къ суду послуха, жившаго, вѣроятно, въ болѣе близкомъ отъ суда разстояніи:

§ 39. А кой истецъ скажетъ послуха далѣ ста верстъ, а похочетъ и другой истецъ слаться на того послуха, ино слаться на него: а не всхочетъ другой истецъ слаться далѣ ста верстъ, ино поставить ему своего послуха у суда.

Послухъ былъ всегда одинъ [1], и тяжущимся не дозволялось выставлять новаго свидѣтеля (послуха) для изобличенія перваго въ несправедливости его показаній:

§ 40. А послуху на послуха не быть.

Впрочемъ допуская въ судѣ послушество только одного лица, мы не думаемъ распространять его (т. е. послушество) въ *этомъ видѣ* на всѣ судныя дѣла, а относимъ только къ искамъ по уголовнымъ преступленіямъ и къ искамъ «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ» (подобно тому, какъ въ пск. с. грамотѣ свидѣтельство послуха допускалось только въ дѣлахъ «о боѣ и грабежѣ [2]», тогда какъ въ тяжбахъ за поземельную собственность доказательную силу имѣли показанія тѣхъ лицъ, которыя въ видѣ свидѣтелей подписывались на актахъ, содержавшихъ въ себѣ распоряженія владѣльца на счетъ его поземельной собственности [3]. Большею частію этихъ лицъ было трое, и они также называются послухами.

Послухомъ противъ свободнаго новгородца могъ быть только ему подобный, т. е. также свободный новгородскій гражданинъ,

---

(1) Это видно изъ всѣхъ постановленій н. с. грамоты о послушествѣ: вездѣ, гдѣ она допускаетъ свидѣтельство послуха, онъ является какъ одно лицо.—Болѣе общее правило объ этомъ выражено въ псковской с. грамотѣ: «А послуху быти одному»—(См. въ изд. Мурзакевича XVII—26 и въ сочиненіи Г. Энгельмана стр. 131).

(2) См. соч. Г. Энгельмана, стр. 131.

(3) Акты Юрид. NN 1, 71 и др.

Не только рабы, но и псковитяне, ближайшіе къ новгородцамъ по правамъ своимъ, не могли быть допускаемы къ такому послушеству.

§ 41. А Пъсковитину не послуховать [а], ни олерноватому холопу [б].

(а) Куницынъ (также и Пахманъ, въ соч: О судебныхъ доказательствахъ, стр. 57) не постигаетъ, почему въ н. с. грамотѣ запрещено псковитянамъ быть свидѣтелями противъ свободныхъ новгородскихъ людей, тогда какъ въ договорѣ новгородцевъ съ ганзейскимъ союзомъ свидѣтелями противъ новгородцевъ въ дѣлахъ судныхъ могли быть и чужеземные инородцы (См. вышеприведенное соч. Куницына, стр. 104). На это мы замѣтимъ во 1), что документъ, принимаемый Куницынымъ за договоръ Новгорода съ ганзейскимъ союзомъ (см. въ соч. Куницына «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи» стр. 143—148), не есть подлинный договоръ, а только проэктъ договора (см. соч. Н. Е. Андреевскаго: О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. С.-Петербургъ, 1855 г., стр. 7—15). Самый же договоръ, заключенный въ 1270 г., постановляетъ о послушествѣ слѣдующее: «Въ случаѣ, когда двое, именно нѣмецъ и новгородецъ, должны представить свидѣтелей, и оба представятъ въ свидѣтели одно и тоже лицо, то таковому должно вѣрить. Но, если поссорятся и не представятъ одного и того же свидѣтеля, то они должны бросить жребій, и чей жребій выпадетъ, на сторонѣ его свидѣтеля и право». (См. вышеприведенное сочиненіе Андреевскаго, стр. 32, пунктъ договора XIX:) Во 2), хотя, такимъ образомъ, свидѣтелемъ противъ новгородца могъ быть и иностранецъ (готландецъ или вообще нѣмецъ); но это не удивительно, потому что н. с., грамота имѣла силу закона для однихъ только новгородскихъ людей, въ предѣлахъ новгородскаго княжества (см. введеніе, стр. 255, вып. 1), а потому въ ней могло быть допущено какъ общее правило, что всѣ не новгородцы устраняются отъ права быть послухами противъ новгородскихъ гражданъ; тогда какъ договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ распространялъ свое дѣйствіе и за предѣлы новгородскаго княжества: какъ внѣшній трактатъ новгородцевъ съ Ганзою, онъ имѣлъ обязательную силу закона для гражданъ обѣихъ договорившихся державъ, на всемъ пространствѣ ихъ территоріи. (б) Одерноватый холопъ—человѣкъ укрѣпленный въ рабство изъ людей свободныхъ (Ак. Сл.). По законамъ новгородскимъ каждый свободный человѣкъ могъ дать на себя *«грамоту одерноватую»*, послѣ чего дѣлался рабомъ (см. вышеприведенное сочиненіе Куницына стр. 40 также здѣсь § 58, примѣчаніе в). Постановленіе этого § можно бы было выразить болѣе общими словами «а Пъсковитину не послуховать, ни холопу».—Но запрещеніе холопамъ быть свидѣтелями противъ людей свободнаго состоянія было общеизвѣстно въ Новгородѣ, а потому и не требовало для себя подтвержденія въ законѣ (ибо н. с. грамоту нельзя считать собраніемъ древнихъ новго-

родскихъ судебныхъ обычаевъ, «пошлинъ», какимъ представляется намъ псковская с. грамота). Однако касательно тѣхъ лицъ, которыя прежде были свободны и впослѣдствіи сдѣлались рабами, настояло сомнѣніе въ томъ: допускать ли ихъ къ свидѣтельству противъ свободныхъ новгородскихъ людей, или нѣтъ, такъ какъ они, находясь въ прежнемъ своемъ состояніи, могли знать условія и подробности нѣкоторыхъ дѣлъ? Этотъ-то вопросъ и рѣшаетъ (отрицательно) настоящее постановленіе н. с. грамоты, называя такихъ рабовъ, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, одерноватыми.— Впрочемъ это только наше предположеніе, исключительно относящееся до н. с. грамоты: слово «одерноватый холопъ» имѣетъ другое значеніе,— значеніе полнаго, *обѣльнаго* раба (см. рѣчь Ординарнаго Профессора С.-Петербургскаго Университета П. Д. Колмыкова «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности». С.-Петербургъ, 1839 г.).

Если одинъ изъ тяжущихся былъ рабъ (1), то свидѣтелемъ противъ него могъ быть также человѣкъ рабскаго сословія:

§ 42. А холопъ на холопа послухъ.

Если свидѣтель въ своихъ показаніяхъ оговаривалъ или изобличалъ тяжущагося въ томъ, въ чемъ онъ былъ обвиняемъ своимъ противникомъ, то этотъ оговоренный былъ обязанъ въ теченіе двухъ недѣль кончить дѣло съ свидѣтелемъ судебнымъ порядкомъ:

§ 43. А кого опослушествуетъ (а) послухъ, ино (б) съ нимъ (в) увѣдается (г) въ двѣ недѣли.

а) Изобличитъ (Ак. Сл.) б) для полноты смысла здѣсь слѣдуетъ прибавить слово «тотъ», т. е. изобличаемый или обвиняемый; в) т. е. съ послухомъ. Впрочемъ можно и не дѣлать этихъ приставокъ; но тогда слова «съ нимъ» будутъ относиться къ обвиняемому, «а увѣдается» къ послуху. Въ томъ и другомъ случаѣ смыслъ постановленія не измѣнится; но какъ мы принимаемъ (въ сейчасъ слѣдующемъ объясненіи), что право выбора въ подобномъ рѣшеніи суднаго дѣла зависѣло отъ обвиняемаго послухомъ, то мы и предпочитаемъ такое чтеніе. г) Раздѣлается судебнымъ порядкомъ (см. примѣч. в къ § 14).

Но въ чемъ состояла эта судебная расправа?—съ точностію неизвѣстно. Хотя изъ одного постановленія н. с. грамоты (2) видно, что свидѣтели должны были присягать на справедливость своихъ показаній; но присяга эта была только обѣщательная (см. стр. 292), она принималась свидѣтелями прежде снятія съ нихъ показаній, и не составляла положительнаго судебнаго доказательства: мы знаемъ, что только отказъ тяжущагося отъ

(1) Судебные случаи, въ которыхъ рабы и вообще зависимые люди были отвѣтчиками, исчислены въ нижеслѣдующей статьѣ: «особенности судебнаго разбора въ искахъ по уголовнымъ преступленіямъ, «стр. 302. См. также выше статью » объ истцѣ и отвѣтчикѣ, стр. 278.

(2) См. § 15.

присяги велъ за собою обвиненіе его по суду (вѣроятно тоже относилось и къ свидѣтелямъ). Впрочемъ, если мы примемъ мнѣніе Куницына, который утверждаетъ, что свидѣтели были иногда обязаны подверждать присягою справедливость своихъ показаній ([1]), и затѣмъ допустимъ, что законы новгородскіе въ этомъ отношеніи имѣли сходство съ законами псковскими, то судебная расправа послуха съ тяжущимся представится возможною или въ видѣ поединка, или въ видѣ присяги подтвердительной (jusjurandum assertorium). Тотъ и другая въ выборѣ ихъ зависѣли отъ обвиняемаго ([2]).

Если послухъ, давъ показаніе, въ теченіе двухъ недѣль не являлся въ судъ для окончанія дѣла съ оговореннымъ имъ, то для этого туда призывался тяжущійся, въ пользу котораго послухъ свидѣтельствовалъ:

§ 44. А въ тѣ двѣ недѣли не дастъся послухъ позвати, ино позвати истця.

Средства для рѣшенія дѣла въ подобномъ случаѣ вѣроятно были тѣ-же, какія предоставлялось оговоренному употребить противъ обвинившаго его послуха.

Изложивъ постановленія н. с. грамоты о послушествѣ и высказавъ наше мнѣніе о послухѣ, не лишнимъ считаемъ замѣтить, что до конца XV вѣка послухъ былъ мѣстною особенностію новгородскаго и псковскаго судопроизводства; но съ изданіемъ судебника Іоанна III онъ получилъ болѣе обширный кругъ обращенія. Отъ послуховъ отличались «людіе», «сторонніе людіе, окольные сусѣды», къ показаніямъ которыхъ не рѣдко также прибѣгали въ дѣлахъ судныхъ, и эти «людіе» свидѣтельствовали о томъ, что знали по наслышкѣ; послухъ-же всегда было такое лицо, которое лично присутствовало при совершеніи извѣстнаго дѣянія, и въ судебникѣ Іоанна III ему запрещается «невидѣвъ послушествовати».

Въ такомъ значеніи послухъ принимается новгородскою и псковскою с. грамотами, въ которыхъ также встрѣчаются постановленія о показаніяхъ стороннихъ людей ([3]). Съ теченіемъ времени, при постепенномъ совершенствованіи судебныхъ доказательствъ, изъ свидѣтельства стороннихъ людей возникли

([1]) См. соч. Куницына, стр. 106.

([2]) См. вышеприведенныя сочиненія: г. Энгельмана, стр. 132; Пахмана, стр. 162, 172, выноска 2.

([3]) Въ псковской с. грамотѣ показанія стороннихъ людей часто принимаются за судебныя доказательства (см. напр. въ изданіи Мурзакевича: IX, 22—27; IX, 28; X, 3; IX, 9—14; V, 4—18 и др.). Въ н. с. грамотѣ къ числу такихъ показаній могутъ быть отнесены показанія сябровъ, о которыхъ упоминается въ § 51.

правила повальнаго обыска, а изъ показаній послуха образовались свидѣтели въ значеніи настоящаго времени (1).

3. *Судебный поединокъ или поле.* Употребленіе его въ числѣ судебныхъ доказательствъ было повсемѣстно въ современный н. с. грамотѣ періодъ времени; но какъ она упоминаетъ о немъ только вскользь (2), то мы и не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о подробностяхъ этого поединка, тѣмъ болѣе, что о немъ издано нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій (3), изъ которыхъ новѣйшее принадлежитъ И. Д. Бѣляеву. Мы замѣтимъ только, что полю подлежалъ и послухъ, когда оговоренный имъ тяжущійся избиралъ судебный поединокъ какъ способъ рѣшенія дѣла.

II. Объ особенностяхъ судебнаго разбора.

Какъ мы уже неоднократно замѣчали, н. с. грамота, не вполнѣ до насъ дошедшая, заключаетъ въ себѣ исключительно судопроизводство по тяжбамъ за поземельную собственность и по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ. Оба рода судопроизводства въ ней рѣзко отличаются своими особенностями, а потому мы здѣсь покажемъ сперва особенности въ судопроизводствѣ по тяжбамъ за поземельную собственность, а потомъ изложимъ отличительныя черты судопроизводства по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ.

1. *Особенности судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность.*

Съ тяжбами за поземельную собственность были тѣсно связаны иски противъ насильственныхъ дѣйствій, которыми сопровождалось противозаконное завладѣніе землею. Поэтому о такихъ искахъ, которые въ н. с. грамотѣ названы исками «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ», мы скажемъ также въ этой статьѣ.

Поземельная собственность въ новгородскомъ княжествѣ имѣла большое значеніе, какъ видно изъ н. с. грамоты. Право владѣть землею на правахъ частной собственности принадлежало духовенству, разнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, но только изъ трехъ первыхъ классовъ новгородскихъ подданныхъ, т. е. право это принадлежало боярамъ, житьимъ людямъ

(1) Сличи соч. Энгельмана, стр. 135—141.

(2) См. §36, также упоминается о полѣ въ договорѣ новгородцевъ съ Казиміромъ IV (Ак. Арх. Эксп., т. I, N 87).

(3) Такъ напр. Каченовскаго: «Разсужденіе о судебныхъ поединкахъ», помѣщено въ трудахъ общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, М. часть I, 1815 г. Калайдовича: «Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще, и въ особенности о судебныхъ», помѣщено въ Русск. Историч. сборникѣ, изданномъ Обществомъ Ист. и Древн. Россійскихъ, М. 1838 г., кн. 4.—Можно также получить точное понятіе о судебномъ поединкѣ изъ соч. Куницына: «Историч. изображеніе древн. судопроизводства въ Россіи» (стр. 114—116) и изъ сочин. Пахмана «О судебн. доказательствахъ....» (стр. 105—117 и 178—187).

и купцамъ. Простолюдины же брали отъ нихъ земли въ содержаніе, и за право пользованія платили имъ опредѣленный оброкъ, преимущественно естественными произведеніями обрабатываемой ими земли (¹). Владѣлецъ земли имѣлъ нѣкоторыя особыя обязанности по отношенію къ живущимъ на ней поселянамъ (которыя мы изложимъ ниже), а духовенство даже пользовалось правомъ исключительнаго суда надъ ними въ дѣлахъ менѣе важныхъ: дѣла болѣе значительныя, по которымъ отвѣтчиками были люди, жившіе на монастырскихъ и вообще на церковныхъ земляхъ, рѣшались судомъ смѣстнымъ, т. е. составленнымъ изъ свѣтскихъ и церковныхъ судей.

Въ слѣдствіе такого особенно важнаго значенія поземельной собственности въ новгородскомъ княжествѣ, и судопроизводство по тяжбамъ за нее должно было пріобрѣсти нѣкоторыя отличительныя черты отъ тѣхъ общихъ формъ дѣлопроизводства, которыя были приняты закономъ при изслѣдованіи каждаго суднаго дѣла.

На этомъ основаніи н. с. грамота въ видѣ отдѣльнаго постановленія излагаетъ запрещеніе самоуправно овладѣвать землею, за которую идетъ споръ, предписывая въ такомъ случаѣ обращаться къ судебному разбирательству:

§ 45. А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ или о дву, или болши или менши, ино ему (a) до суда на землю не наѣзщать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду.

(a) Тому, «кому будетъ о землѣ дѣло», т. е. истцу.

Если истецъ не хотѣлъ повиноваться предписанію закона и силою овладѣвалъ спорнымъ имѣніемъ, (которое въ этомъ случаѣ предполагается населеннымъ) (¹), то отвѣтчику предоставлялось право предъявить на него встрѣчный искъ о насильственномъ завладѣніи и объ ущербѣ, понесенномъ имуществомъ и жителями его отъ насилія завладѣвшаго имъ.—Первоначально судомъ разсматривался и рѣшался этотъ послѣдній искъ, а за нимъ уже слѣдовалъ разборъ спорнаго права на поземельную собственность:

§ 46. А кто на комъ поищетъ наѣзда или грабежа въ земномъ дѣлѣ, ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ, а о земли послѣ судъ.

(¹) Такъ было и въ псковскомъ княжествѣ; объ этомъ см. въ изданіи Мурзакевича статьи объ изорникахъ.

(¹) См. § 45, въ немъ слово «село» прямо указываетъ, что спорная земля есть населенная.

Цѣль этого постановленія, по нашему мнѣнію, состояла въ стремленіи новгор. правительства подчинить дѣйствію закона споры частныхъ лицъ за поземельную собственность, тѣ споры, которые не рѣдко рѣшались самими тяжущимися посредствомъ самоуправства, которое въ видѣ завладѣнія могло быть удобно примѣняемо къ тяжбамъ за поземельную собственность.

Хотя при объявленіи встрѣчнаго иска о насильственномъ завладѣніи недвижимымъ имуществомъ разборъ спорнаго права на поземельную собственность долженъ былъ пріостановиться до окончанія этого иска; но законъ не воспрещалъ истцу просить о производствѣ обоихъ дѣлъ разомъ:

§ 47. А кои (а) истецъ похочетъ искать наѣзда или грабежа и земли вдругъ, ино другому истцю ему отвѣчать.

(а) Читай «кой», т. е. который.

Цѣль этого постановленія, какъ намъ кажется, та, чтобы доставлять тяжущимся возможно-скорое рѣшеніе ихъ судныхъ дѣлъ. Если истецъ встрѣчнаго иска проситъ судъ о разборѣ спорн. права за поземельную собственность одновременно съ изслѣдованіемъ иска «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ», то слѣдуетъ предположить, что онъ, а не его противникъ имѣетъ на эту землю болѣе правъ.

Какъ по этому встрѣчному иску, такъ и по тяжбѣ за поземельную собственность судъ всегда производился въ самомъ Новгородѣ, хотя изслѣдованіе границъ спорной земли (межеваніе), въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно являлось необходимымъ, происходило конечно тамъ, гдѣ имѣніе находилось:

§ 48 (а). А о землѣ (б) судъ, а не будетъ суда (в) въ Новѣгородѣ, а о наѣздѣ и о грабежѣ судъ (г).

(а) § этотъ служитъ продолженіемъ § 46, который въ своей послѣдовательности прерывается § 89. Отъ того начало настоящаго § («А о землѣ судъ») кажется стоящимъ не на своемъ мѣстѣ; но смыслъ всего постановленія тотъ, что когда производится судъ за землю, то для изслѣдованія границъ спорнаго имѣнія на мѣсто нахожденія его посылался межевщикъ, какъ это мы увидимъ на стран. 301 (см. также §§ 73 и 74).—б) Здѣсь должно подразумѣвать слово: будетъ. в) т. е. если судъ за землю и пріостановится на время, которое необходимо для опредѣленія границъ спорной земли; но судопроизводство по иску, «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ» чрезъ то останавливаться было не должно: дѣла этого рода должно было производить и рѣшать безъ всякаго замедленія, съ возможною скоростію. г) т. е. «будетъ судъ».

Кромѣ этихъ отличительныхъ свойствъ, тяжбы за поземельную собственность заключали въ себѣ еще слѣдующія особенности:

1) Истцомъ въ нихъ могъ быть мужъ за жену, который въ этомъ случаѣ самимъ закономъ признавался ея повѣреннымъ и вмѣсто нея приводился къ присягѣ:

§ **49.** А цѣловать боярину и житьему и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женню.

Онъ могъ явиться за жену свою въ судъ къ отвѣту или самъ, или уполномочить къ тому кого заблагоразсудитъ:

§ **50.** А позовутъ бояриня и житьего и купца въ его землѣ или въ женнѣ, ино ему отвѣчать, или отвѣтчика (а) послать въ свое мѣсто и въ женне, по тому (б) крестному цѣлованью.

(а) Повѣреннаго. (б) О которомъ упомянуто въ предъидущемъ 49 §.

2) Въ тяжбахъ за поземельную собственность къ свидѣтельству допускались также сосѣди по спорному имѣнію и товарищи или соучастники въ общей собственности, если на нихъ ссылался одинъ изъ тяжущихся и бралъ для того отъ судьи срочную грамоту:

§ **51.** А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы (а) или на шабъры (б), ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли, а далѣ и ближе а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кѣмъ управы лежатъ, по крестному цѣлованью, да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ (в); а посаднику приложить къ срочной грамотѣ своя печать; а иному сроку не быть; также и инымъ судьямъ давать срокъ по томужъ (г).

(а) Судебныя доказательства вообще; но здѣсь это слово слѣдуетъ принимать въ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—въ смыслѣ письменныхъ документовъ, какъ это и сдѣлалъ Пахманъ въ св. сочиненіи «о судебныхъ доказательствахъ», стр. 207. (б) Сосѣди (Ак. Сл.); также соучастники въ общей собственности. (в) Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что отъ тяжущихся за поземельную собственность въ подобныхъ случаяхъ требовалась такая-же торжественная форма соглашенія, какая была необходима для истца, чтобы подтвердить землевладѣльцу свой искъ объ уголовномъ преступленіи, предъявленный имъ на одного изъ людей, въ имѣніи этого землевладѣльца проживавшихъ (см. § 52). (г) «по тому-жъ»—по тѣмъ же правиламъ, какія здѣсь предписаны въ руководство посаднику.

3) Въ дѣлахъ этого рода употреблялись межевщики (1), которые были обязаны заниматься опредѣленіемъ границъ земли по показаніямъ тяжущихся и окончательнымъ отводомъ земли сторонѣ, оправданной по суду, причемъ за основаніе отвода принимались грамоты тяжущихся на право владѣнія землею, о которыхъ въ н. с. грамотѣ прямо не упоминается. Она говоритъ только объ «управахъ», какъ о необходимыхъ судебныхъ доказательствахъ при тяжбѣ за поземельную собственность, не опредѣляя ихъ въ подробности (2).

Впрочемъ опредѣленіе спорнаго участка земли производилось слѣдующимъ образомъ (3): отводчики, (которые были княжескіе чиновники), требовали отъ каждой тяжущейся стороны, чтобы она въ присутствіи ихъ и старожиловъ указала границы принадлежащей ей земли, которыя при этомъ обозначались особыми межевыми знаками,—«*потесами*» (вѣроятно представлявшими собою наши спорные столбы настоящаго времени); на основаніи такихъ *потесовъ* опредѣлялась спорная часть земли, на которую составлялся планъ (4) и вмѣстѣ со всѣмъ производствомъ дѣла препровождался къ тому судьѣ, которому было предоставлено изслѣдовать и рѣшить эту тяжбу. Судья предварительно спрашивалъ тяжущихся, признаютъ-ли они планъ, снятый межевщиками, соотвѣтствующимъ ихъ грамотамъ (5), и если они признавали его таковымъ (6), тогда судья приступалъ къ изслѣдованію и обсужденію доказательствъ, тяжущимися представленныхъ, на основаніи которыхъ онъ рѣшалъ дѣло, послѣ чего земля отводилась оправданной сторонѣ въ томъ видѣ, какъ она была снята на планъ (на основаніи указаній этой оправданной стороны),

---

(1) См. §§ 73 и 74.

(2) Это доказываетъ только, что н. с. грамота, слѣдуя обыкновенію древнихъ законодательныхъ памятниковъ, не входитъ въ подробное исчисленіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя въ судебной практикѣ считались необходимыми для производства различныхъ судебныхъ дѣлъ; но такъ какъ многія изъ этихъ условій для судопроизводства были безусловно—необходимы, то о нихъ н. с. грамота прямо не упоминаетъ, предполагая ихъ общеизвѣстными (какъ напр. о грамотахъ на право владѣть землею, которыя должны были представляться тяжущимися въ судъ въ случаѣ спора за поземельную собственность). Въ этомъ отношеніи псковск. с. грамота имѣетъ преимущество предъ новгородскою: она представляетъ собою успѣхъ законодательства, которое старается съ большею противъ прежняго точностію подробно опредѣлить всѣ условія судопроизводства.

(3) Акты Юрид. № 11, стр. 22—23.

(4) Планъ этотъ снимался на лубъ. См. акты юрид., N 2, стр. 3.

(5) См. акты юрид., въ N 2, стр. 2, выраженіе: «снимаете ль съ межниковъ межничьства» и объясненіе на него въ соч. г. Энгельмана: «Гражданскіе законы Псковской судной грамоты» стр. 128 (примѣчаніе къ § 88).

(6) Въ томъ случаѣ, если-бы тяжущіеся признали планъ не соотвѣтствующимъ ихъ грамотамъ, вѣроятно, слѣдовало приступить ко вторичной и болѣе правильной его съемкѣ.

причемъ такой землѣ производилась окончательная межа, которая состояла въ граняхъ и ямахъ.

2. *Особенности судебнаго разбора въ искахъ по уголовнымъ преступленіямъ.*

Особенности въ судопроизводствѣ по дѣламъ этого рода главнымъ образомъ были двоякія: онѣ относились въ 1-хъ) до истца и во 2-хъ) до землевладѣльцевъ, въ имѣніи которыхъ обвиняемые въ этихъ преступленіяхъ люди имѣли свое жительство.

Что касается до *особенностей перваго рода*, то въ нихъ различались два случая:

Во 1-хъ): Если въ искѣ по уголовн. преступленію истцомъ было такое лицо, которое предварительно присягало на справедливость своихъ показаній, то искъ его принимался, и истецъ долженъ былъ только подтвердить его особой торжественной формою—удареніемъ по рукамъ съ тѣмъ землевладѣльцемъ, въ имѣніи котораго обвиняемый имѣлъ свое жительство [1]:

§ 52. А кому будетъ дѣло до владычня человѣка, или до боярьского, или до житейского, или до купетцкого или до монастырьского, или до кончанского; или до улитцкого, въ волости о татбѣ а), и о розбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ б), и о головщинѣ в), и о холопствѣ г), а кто будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему речи правое слово д) а рука дать по крестному цѣлованью, что тотъ человѣкъ тать и розбойникъ, или грабезщикъ, или пожегщикъ, или душегубецъ, или холопъ.

а) Татба или татьба-воровство. (Ак. Сл.) б). Пожога—зажигательство. (Ак. Сл.) в) Головшина или головщина—убійство. (Ак. Сл.) г) Холопство—состояніе рабства. (Ак. Сл.) Истецъ доказывалъ въ своемъ искѣ, что человѣкъ, выдающій себя за свободнаго, есть рабъ. д) «Речи правое слово»—говорить правду. (Ак. Сл.) Слѣдовательно этими словами предписывается нравственная обязанность истцу показывать въ своемъ искѣ только истину.

Во 2-хъ): Если истецъ предварительно не подтверждалъ присягою справедливости своего иска, то обязанъ былъ судиться

(1) Въ п. с. грамотѣ не сказано, кому истецъ долженъ былъ дать руку въ подтвержденіе своего иска. Изъ § 51 видно, что ударить по рукамъ истецъ обязанъ былъ съ отвѣтчикомъ; но какъ въ приводимыхъ здѣсь случаяхъ защитниками обвиняемыхъ были ихъ землевладѣльцы (какъ это видно изъ слѣдующихъ §§ этой статьи), то изъ этого, кажется, и слѣдуетъ заключить, что истецъ обязанъ былъ подтвердить землевладѣльцу свой искъ, удареніемъ съ нимъ по рукамъ. Это-же доказываетъ и настоящій § 52.

непосредственно съ самимъ отвѣтчикомъ, безъ участія въ этомъ его землевладѣльца:

§ 53. А кто на кого взговоритъ на владычня человѣка, или на боярьского, или на житьего, или на купетцкого, или на монастырьского, или на кончанского, или на улитцкого, а будетъ самъ креста не цѣловалъ на сей грамотѣ, и онъ самъ увѣдается [а]) съ своимъ истцомъ по своей исправѣ [б]), опричь осподаря [в]).

а) Раздѣлается, разсудится. (Ак. Сл.) б) Слова «по своей исправѣ» не означаютъ самоуправства, которое строго запрещено н. с. грамотою. «Исправа» означаетъ разбирательство, также судебную расправу вообще (Ак. Сл.), и въ частности употребляется въ смыслѣ доказательства (пск. с. грамота въ изслѣдованіи г. Энгельмана, стр. 161, примѣч. в). Здѣсь, кажется, слова «по своей исправѣ» означаютъ, что истецъ можетъ рѣшить дѣло избраннымъ для того доказательствомъ. Но какія доказательства могли быть для этого избираемы?,—н. с. грамота не опредѣляетъ. Впрочемъ если мы допустимъ, что псковское судопроизводство имѣло сходство съ новгородскимъ, то по отношенію къ доказательствамъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, въ обоихъ княжествахъ легко могли существовать сходныя узаконенія. Если послѣ этого мы изложимъ постановленія пск. с. грамоты объ этомъ предметѣ, то изъ нихъ по аналогіи можно будетъ составить себѣ приблизительное понятіе о новгородскихъ узаконеніяхъ по этому предмету. Пск. с. грамота средствами для рѣшенія судныхъ дѣлъ въ подобныхъ случаяхъ признаетъ или очистительную присягу, которую истецъ могъ предложить отвѣтчику (пск. с. гр. въ изданіи Мурзакевича: VI, 22—27; VII, 1—3 и XVII, 22—23), или свидѣтельство послуха, котораго истецъ представлялъ въ свою пользу (пск. с. грам. въ изданіи Мурзакевича: отъ IV, 17 до V, 3 и вышеприведен. сочин. г. Энгельмана § 92—95) и съ которымъ отвѣтчикъ долженъ былъ рѣшить дѣло или присягою, или судебнымъ поединкомъ (см. настоящ. статьи стр. 296). в) «Осподарь» или «господарь», также «государь», здѣсь означаетъ землевладѣльца, въ имѣніи котораго подсудимый проживалъ, или его управителя (см. §§ 57, 58, 59); вообще-же слово государь или господарь означало отношеніе служебное, зависимость безусловную.

Такимъ образомъ изъ выведенныхъ нами правилъ для рѣшенія уголовнаго иска въ томъ случаѣ, когда истецъ не подтверждалъ его присягою, должно заключить, что общее правило н. с. грамоты о необходимости присяги со стороны истца (см. §§ 16 и 18) на право вчинанія иска не распространялось на иски по уголовнымъ преступленіямъ.

Особенности втораго рода были также двоякія:

Во 1-хъ): Землевладѣльцы обязывались представлять къ суду жившихъ у нихъ въ имѣніи людей, если послѣдніе были обви-

пяемы въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ (въ § 52) уголовн. преступленій, и если истцомъ противъ нихъ было такое лицо, которое уже присягало на п. с. грамотѣ («кто будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ» (¹). Если земля была церковная или же принадлежала какому либо обществу, то обязанность представлять обвиняемыхъ въ судъ падала на управителя имѣніемъ:

§ 54. Ино а) въ коей волости будетъ отъ владыки волостель б) или поселникъ, в) ино имъ поставить того человѣка у суда; а бояряну и житьему и купцю, и манастырьскому заказщику г) и поселнику, д) и кончанскому и улистцьскому, также своихъ людей ставить у суда.

а) Постановленіе это есть продолженіе § 52. «Ино» означаетъ то. б) Начальникъ или управитель надъ волостью (Ак. Сл.) в) Управитель или прикащикъ въ селѣ (Ак. Сл.) г) Управитель или прикащикъ. Слово это употребляется только для архіерейскихъ домовъ и монастырей (Ак. Сл.).

Для представленія обвиняемыхъ въ судъ землевладѣльцамъ или ихъ управителямъ назначались поверстные сроки по тому же расчисленію, какъ и для другихъ судныхъ дѣлъ; но причинять насиліе подсуднымъ до судебнаго рѣшенія дѣла этимъ лицамъ строго воспрещалось:

§ 55. а) А срокъ взять на сто верстъ три недѣли, а ближе и далѣ по числу; а до суда надъ нимъ б) силы не дѣять в), а кто силу доспѣетъ г), ино тымъ его и обвинить.

а) Это постановленіе можетъ быть разсматриваемо какъ вообще запрещеніе тяжущимся употреблять другъ противъ друга насиліе, о чемъ мы уже упомянули на стран. 290. б) т. е. надъ обвиняемымъ. в) Силу дѣять—дѣлать, употреблять насиліе. (Ак. Сл.) г) доспѣть—дѣлать, причинять. (Ак. Сл.).

Если-бы кто изъ землевладѣльцевъ (равно какъ и изъ ихъ управителей) въ отвѣтъ на требованія истца возразилъ, что обвиняемый не находится въ его имѣніи, а по слѣдствію оказалось-бы противное, то за такое укрывательство виновный долженъ былъ вознаградить всѣ убытки, понесенные отъ этого истцомъ:

§ 56. А не скажетъ кто того человѣка у собя по крестному цѣлованью а) да и руку дастъ б), что тамъ ему не быть, а уличатъ, что у него въ волости, ино той господарь тому истцю убытки подойметъ в).

(¹) См. § 52.

а) На основаніи присяги, которую они однажды и навсегда приняли при общенародномъ утвержденіи н. с. грамоты. б) Поручится (Ак. Сл.), т. е. удареніемъ по рукамъ съ истцомъ торжественно объявитъ, что обвиняемаго въ его имѣніи нѣтъ. в) Вознаградитъ (Ак. Сл.).

Если обвиняемый скрывался изъ имѣнія своего господина и уходилъ въ помѣстье другаго землевладѣльца, то сей послѣдній обязанъ былъ не укрывать его, а представить къ суду; за ослушаніе онъ подвергался тяжкому денежному взысканію, смотря по своему званію [1]:

§ 57. А къ коему господарю въ иную волость прибѣжитъ, ино тому господарю поставить его у суда по крестному цѣлованью [а]: а кто не поставитъ, ино взять на томъ закладъ [б] по Ноугородской грамотѣ.

а) См. § 56, примѣч. а. б) Денежный штрафъ; ср. § 11, примѣч. г.

Во 2-хъ): Обвиненныхъ по суду людей своихъ землевладѣльцы обязывались не держать у себя (они, кажется, должны были представлять ихъ куда слѣдуетъ для исполненія надъ ними судейскаго приговора):

§ 58. А кого [а] утяжутъ [б], а дался въ грамоту [в], ино ему у того осподаря въ волости не жить: а иметъ жить у того осподаря въ волости, а доличятъ, ино той господарь тѣ убытки подоймется.

а) Изъ людей владычнихъ, монастырскихъ, боярскихъ и т. д (см. § 52). б) Уличать, изобличать и вообще обвинять по суду (Ак. Сл.). в) Даться или отдаться въ грамоту значитъ сдѣлаться рабомъ. Это объясненіе мы заимствуемъ изъ сочиненія Куницына, который говоритъ, что свободный человѣкъ могъ дать на себя грамоту одерноватую, послѣ чего онъ дѣлался холопомъ (см. соч. Куниц. стр. 40). Мы съ своей стороны замѣтимъ, что въ то время очень легко могло случаться, что виновный въ уголовномъ преступленіи, стараясь какимъ либо образомъ избѣжать наказанія, отдавался другому въ рабство, въ надеждѣ за это получить отъ него защиту и убѣжище отъ преслѣдованій правосудія. Въ предупрежденіе такихъ продѣлокъ н. с. грамота и запрещаетъ господамъ держать у себя обвиненныхъ по суду людей, хотя бы даже это были ихъ рабы.

Если виновный скрывался изъ имѣнія своего господина и укрывался въ имѣніи другаго землевладѣльца, то сей послѣдній обязывался не держать его у себя и не способствовать къ его дальнѣйшему бѣгству, а долженъ былъ представить его къ тому, кто его ищетъ:

---

[1] Что количество этого штрафа сообразовалось съ званіемъ виновника, то видно изъ §§ 36 и 80.

§ **59.** А бѣжитъ въ иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истцю (а), а въ иную ему волость не отсылати по крестному цѣлованью, ни его людемъ (б).

(а) Здѣсь подъ истцомъ можно разумѣть какъ господина раба и вообще землевладѣльца, такъ равно и истца въ искѣ о преступленіи. (б) Это показываетъ, что «господарь» ни самъ непосредственно, ни чрезъ своихъ людей не долженъ былъ укрывать виновнаго раба или способствовать его бѣгству.

Примѣчаніе: Люди, о которыхъ мы говорили въ этой статьѣ и которые перечтены въ § 52, были по преимуществу люди зависимые отъ землевладѣльцевъ, у которыхъ они жили по условіямъ, а не крѣпкіе землѣ. Это простолюдины, поселившіеся на владѣльческихъ земляхъ и обработывавшіе ихъ за опредѣленный оброкъ, состоявшій преимущественно въ естественныхъ произведеніяхъ воздѣлываемой ими почвы. Быть можетъ подобнымъ же правиламъ въ новг. княжествѣ подлежали и тѣ свободные люди, которые отправляли по найму разныя хозяйственныя работы; но о нихъ не говорится въ н. с. грамотѣ. § 58 подъ общія правила о зависимыхъ людяхъ подводитъ и рабовъ.

III. Объ обсужденіи и рѣшеніи судныхъ дѣлъ.

Какъ скоро тяжущіеся представляли въ судъ необходимыя по дѣлу судебныя доказательства, то они разсматривались и служили основаніемъ для рѣшенія дѣла. Въ тіунскомъ судѣ эти доказательства разсматривались докладчиками, которые на основаніи ихъ выводили свое мнѣніе о рѣшеніи дѣла и въ видѣ доклада предлагали его судьѣ, который былъ обязанъ руководствоваться имъ при рѣшеніи тяжбы. Общее правило въ н. с. грамотѣ по отношенію къ докладчикамъ было то, что они не могли перемѣняться во все время судопроизводства по тяжбѣ, при нихъ начатой; но какъ великъ былъ срокъ ихъ службы, объ этомъ въ н. с. грамотѣ не говорится:

§ **60.** А при которыхъ докладчикѣхъ судъ роскажетъ (а), ино тѣмъ докладчикомъ тотъ судъ кончать.

(а) Истецъ или отвѣтчикъ, также ихъ повѣренные или же свидѣтель.

Докладчики были обязаны сбираться въ одрину для обсужденія и изслѣдованія дѣлъ еженедѣльно 3 раза [1]; если же кто изъ нихъ не исполнялъ этого, то подвергался уплатѣ денежнаго штрафа, количество котораго назначалось по сословію докладчика:

---

[1] См. § 2.

§ **61.** А кой докладчикъ не сядетъ въ тотъ день, ино взять на бояринѣ два рубля, а на житьемъ рубль.

Срокъ для разсмотрѣнія и обсужденія докладчиками тяжбы (которая всегда была за поземельную собственность) полагался двумѣсячный; если же въ теченіе этого времени они не успѣвали привести дѣла въ надлежащую ясность и представить судьѣ о немъ своего мнѣнія, то по жалобѣ судьи (т. е. великокняжескаго тіуна) и истца наряжались приставы отъ вѣча для понужденія ихъ къ этому:

§ **62.** А не укажутъ судъ докладшики въ тую два мѣсяца, ино итти судьѣ съ истцомъ къ Великому Ноугороду да взяти приставы на докладшиковъ, а докладшикомъ указати (a) судъ и тое дѣло передъ тыми приставы.

(a) «судьѣ», какъ видно изъ послѣдующихъ словъ этого постановленія (см. § 75), т. е. докладчики въ присутствіи приставовъ, присланныхъ съ вѣча, обязывались «указати судьѣ судъ и тое дѣло».

Докладчики присягали на н. с. грамотѣ въ вѣрности ихъ службы, и на основаніи этой присяги обязаны были не принимать отъ тяжущихся предлагаемыхъ имъ противозаконныхъ подарковъ (взятокъ) и вообще не оказывать пристрастія къ кому либо изъ тяжущихся. На обязанность перваго рода указываетъ слѣдующая статья н. с. грамоты:

§ **63.** А кому сѣсти на докладѣ, ино ему крестъ цѣловать на сей на крестной грамотѣ однова.

Обязанности-же докладчиковъ въ отношеніи къ тяжущимся изложены въ слѣдующихъ словахъ н. с. грамотою:

§ **64.** А докладшикомъ отъ доклада посула (a) не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью, по крестному цѣлованью.

(a) Посулъ-обѣщаніе противозаконныхъ подарковъ и самые подарки, иначе говоря-взятки.

Примѣчаніе: Говоря здѣсь о докладчикахъ мы замѣтили, что они упоминаются н. с. грамотою только въ тіунскомъ судѣ. Поэтому, казалось-бы, намъ слѣдовало помѣстить исчисленныя здѣсь постановленія о докладчикахъ въ статью «о судѣ княжескомъ» (см. стр. 264); но мы не можемъ этого сдѣлать на основаніи принятой нами системы, которая не допускаетъ излагать подробностей судебнаго разбирательства въ томъ отдѣлѣ сочиненія, который назначенъ для изслѣдованія состава, предметовъ вѣдомства и степени власти новгородскихъ судовъ. Можно-бы

было помѣстить всѣ эти постановленія о докладчикахъ въ числѣ особенностей судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность (см. стр. 297—302); но какъ эти постановленія главнымъ образомъ относятся къ обсужденію судныхъ дѣлъ докладчиками, то мы и предпочли изложить ихъ въ настоящей статьѣ, цѣль которой—показать результатъ судебнаго изслѣдованія каждаго дѣла.

По разсмотрѣніи суднаго дѣла (которое составлялось во 1-хъ: изъ показаній тяжущихся, внесенныхъ въ протоколъ судебнаго мѣста и скрѣпленныхъ ихъ печатями(1) и во 2-хъ: изъ разныхъ судебныхъ доказательствъ) (2), выводилось заключеніе о виновности и невинности или справедливости каждаго изъ тяжущихся.

Законными причинами *къ обвиненію отвѣтчика* считались слѣдующія (3):

1) Собственное признаніе отвѣтчика предъ судомъ въ виновности по предъявленному на него иску.

2) Отреченіе его отъ присяги.

3) Изобличеніе его въ виновности послухомъ, подтвердившимъ свои показанія однимъ изъ принятыхъ для этого средствъ.

4) Превосходство силы, оказанное истцомъ на поединкѣ противъ отвѣтчика (4).

5) Уклоненіе отвѣтчика отъ присланныхъ за нимъ позовниковъ съ требованіемъ его къ суду или причиненіе имъ насилія.

6) Отказъ отвѣтчика отъ представленія судебныхъ доказательствъ, требуемыхъ отъ него судомъ:

§ 65 (а). А кой истецъ (б) не возметъ срочной (в) за печатью, ино тѣмъ его и обинить тому судьѣ, передъ коимъ судъ былъ, а сроку не ждать (г).

(а) § этотъ есть продолженіе § 51. (б) Какъ мы уже не однократно замѣчали, слово «истецъ» въ н. с. грамотѣ употребляется для каждаго изъ тяжущихся, т. е. какъ для истца, такъ равно и для отвѣтчика. Поэтому настоящій § можно относить и въ число законныхъ причинъ, обвиняю-

(1) См. § 30.

(2) См. здѣсь статьи: О судебныхъ доказательствахъ (см. стр. 292—297) и объ особенностяхъ судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность (стр. 297—302).

(3) Мы упоминаемъ только о тѣхъ изъ нихъ, которыя встрѣчаются въ н. с. грамотѣ или которыя непосредственно вытекаютъ изъ вышеприведенныхъ нами судебныхъ доказательствъ.

(4) Это-же правило относится и къ наймитамъ тяжущихся, если мы, руководствуясь постановленіями пск. с. грамоты, допустимъ, что и новгородскіе законы дозволяли тяжущимся при извѣстныхъ условіяхъ ставить вмѣсто себя наймитовъ на поединокъ.

щихъ истца· (в) т. е. срочной грамоты. (г) «Сроку не ждать»—значитъ считать его виновнымъ съ того времени, какъ онъ отказался отъ представленія доказательствъ въ судъ, а не со времени наступленія срока, назначеннаго для представленія судебныхъ доказательствъ въ срочной грамотѣ истца, который согласился на представленіе новыхъ и вообще добавочныхъ доказательствъ.

7) Неявка отвѣтчика къ суду въ срокъ, назначенный въ срочной грамотѣ или непредставленіе имъ вмѣсто себя къ этому времени повѣреннаго:

§ 66. (а) А не станетъ самъ (б), или иного отвѣтчика не поставитъ, ино тымъ его и обвинить.

(а) Въ текстѣ н. с. грамоты этотъ § составляетъ продолженіе § 34. (б) Истецъ или отвѣтчикъ, потому что это правило можетъ быть также какъ и постановленіе предъидущаго § 65 отнесено какъ къ отвѣтчику, такъ равно и къ истцу.

Основанія, по которымъ *искъ или жалоба истца признавалась несправедливою*, были слѣдующія ([1]):

1) Собственное признаніе истца предъ судомъ въ несправедливости сдѣланнаго имъ иска.

2) Отреченіе его отъ присяги подтвердительной.

3) Свидѣтельство послуха, вовсе несогласное съ показаніями истца.

4) Уклоненіе послуха отъ присяги или поединка, которыми онъ былъ обязанъ доказать справедливость своего показанія по требованію отвѣтчика:

§ 67. А послухъ истець (а) хоронится (б), ино то послушство не въ послушство, а другого истця тымъ и оправить (в).

(а) Слово это употреблено здѣсь въ смыслѣ прилагательнаго; послухъ истець—послухъ со стороны истца. §§ 44 и 43, въ которыхъ также говорится о послухѣ и которымъ настоящій 67 § служитъ продолженіемъ, разумѣютъ, кажется, послуха со стороны отвѣтчика. Это должно заключить изъ сравненія настоящаго § съ § 78, изъ котораго видно, что тяжущійся обвинялся по суду, когда онъ въ теченіе двухъ недѣль не заботился о вызовѣ къ суду послуха, оговорившаго его въ своихъ показаніяхъ, или тяжущагося, въ пользу котораго этотъ послухъ свидѣтельствовалъ. Но къ чему-же было отвѣтчику стараться о вызовѣ къ суду скрывшагося истца или его послуха, когда въ подобномъ случаѣ самъ законъ оправдывалъ его?—Для устраненія въ постановленіяхъ н. с. грамоты такого противорѣчія мы находимъ возможнымъ одно только средство: считать упоминае-

---

([1]) Они, какъ и причины къ обвиненію отвѣтчика, выведены нами или изъ самыхъ словъ н. с. грамоты, или изъ тѣхъ судебныхъ доказательствъ, о которыхъ мы говорили выше.

мыхъ въ §§43, 44 и 78 послуховъ—за свидѣтелей со стороны отвѣтчика, а встрѣчаемаго въ настоящемъ 67 § послуха за свидѣтеля со стороны истца. Въ такомъ только случаѣ намъ будетъ понятно постановленіе н. с. грамоты, изложенное въ § 78. (б) Скрывается, прячется (Ак. Сл.). (в) Оправдать (Ак. Сл.).

5) Невызовъ истцомъ къ суду въ продолженіе узаконеннаго (двунедѣльнаго) срока послуха, обвинившаго его, или отвѣтчика (въ пользу котораго послухъ свидѣтельствовалъ) (1).

6) Превосходство силы отвѣтчика надъ истцомъ или его послухомъ, оказанное во время судебнаго поединка.

7) Отказъ со стороны истца въ представленіи судебныхъ доказательствъ, требуемыхъ отъ него судомъ (2).

8) Неявка истца въ судъ къ сроку, назначенному въ срочной грамотѣ или непредставленіе къ этому времени вмѣсто себя повѣреннаго.

Кромѣ этихъ общихъ причинъ, служившихъ основаніемъ къ обвиненію истца или отвѣтчика, были еще нѣкоторыя другія, о которыхъ мы при случаѣ упоминали въ разныхъ мѣстахъ нашего сочиненія (3).

На основаніи всѣхъ исчисленныхъ причинъ, служившихъ къ обвиненію истца или отвѣтчика, судьи должны были рѣшить дѣло. Н. с. грамота въ отношеніи къ рѣшенію дѣла содержитъ въ себѣ слѣдующія правила: 1) она вмѣняетъ судьямъ въ обязанность рѣшать всѣ дѣла справедливо; 2) постановляетъ сроки и порядокъ для рѣшенія судныхъ дѣлъ; 3) исчисляетъ средства, которыя были приняты закономъ для понужденія судей къ скорѣйшему окончанію дѣла и 4) указываетъ на акты, въ которыхъ излагались судебныя рѣшенія.

Разсмотримъ по порядку всѣ эти правила, какъ они встрѣчаются въ н. с. грамотѣ:

1. *На нравственную обязанность судей рѣшать всѣ судныя дѣла право*, сообразно съ данною ими присягою, указываетъ слѣдующее постановленіе н. с. грамоты:

§ 68. А посаднику и тысяцкому и владычню намѣстнику и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ, всимъ крестъ цѣловать, да (а) судить имъ въ правду.

(а) Что.

Такимъ образомъ всѣ судьи въ новгородскомъ княжествѣ,

---

(1) См. § 78.
(2) См. § 65.
(3) См. выше статью: Особенности судебнаго разбора въ искахъ по уголовнымъ преступленіямъ, стр. 302—306.

при вступленіи въ должность, должны были дать присягу въ томъ, что будутъ судить по справедливости.

Это общее правило повторяется грамотою еще два раза: оно отдѣльно выражено для суда новгородскаго архіепископа и точно также самостоятельно встрѣчается для суда посадника и тысяцскаго:

§ 69. А судити ему (а) всѣхъ ровно, какъ боярина такъ и житьего такъ и молодчего человѣка.

(а) т. е. «Нареченному на архіепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу», какъ это видно изъ § 7, которому настоящее постановленіе служитъ продолженіемъ.

§ 70. А судить имъ (а) право, по крестному цѣлованью.

(а) Посаднику и тысяцскому, какъ это видно изъ §§ 5 и 6, которымъ настоящее постановленіе служитъ продолженіемъ.

2. *Сроки для рѣшенія судныхъ дѣлъ* были двоякіе:

Во 1-хъ: Искъ «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ», иски по уголовнымъ преступленіямъ и вѣроятно тяжбы за всякую движимую собственность судья долженъ былъ рѣшить въ продолженіе одного мѣсяца со дня вступленія ихъ:

§ 71. А орудье (а) судить посаднику, и тысецкому, и владычню посаднику (б), и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ мѣсяць, а далѣ того имъ орудья не волочить.

(а) Дѣло (Ак. Сл.); но въ Н. с. грамотѣ это слово для тяжбъ за поземельную собственность употребляется не иначе, какъ съ прилагательнымъ «земное», которое всегда ставится прежде существительнаго «орудье». (См. слѣд. §). (б) т. е. намѣстнику. Намѣстникъ новгородскаго архіепископа («владычень намѣстникъ») только одинъ разъ названъ въ н. с. грамотѣ посадникомъ владычнимъ, именно въ настоящемъ 71 §.

Во 2-хъ: Для рѣшенія тяжбъ за поземельную собственность срокъ назначался двумѣсячный:

§ 72. А земное орудье судити два мѣсяця, а болши дву мѣсяць не волочити.

Но если тяжба была такого рода, что для изслѣдованія ея необходимо было произвести измѣреніе границъ земли и вообще прибѣгнуть къ помощи межевщиковъ [1], то судопроизводство по ней могло продолжаться два мѣсяца до начала дѣйствій межевщиковъ и два-же мѣсяца полагалось для рѣшенія ея по окончаніи этихъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ намъ кажется, что такъ должно понимать слѣдующее постановленіе н. с. грамоты:

---

[1] См. стр. 301.

§ 73. А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той [а] судъ кончати посаднику въ другіе два мѣсяця томужъ посаднику [б], а далѣ не волочить.

(а) Тотъ судъ, о которомъ говорилось въ предъидущемъ (72 §), т. е. судъ за поземельную собственность. (б) Слова «томужъ посаднику», какъ повтореніе слова «посаднику» показываютъ, что тяжбу за поземельную собственность, которая изслѣдовалась при участіи межевщика, необходимо долженъ былъ кончать тотъ самый посадникъ, который послалъ межевщика для опредѣленія границъ спорнаго владѣнія. Это видно изъ слѣдующаго 74 §, который служитъ продолженіемъ § настоящему (т. е. 73).

Нѣкоторымъ образомъ н. с. грамота указываетъ и на *порядокъ при рѣшеніи судныхъ дѣлъ*. Именно она постановляетъ, что если вмѣстѣ съ тяжбою за поземельную собственность предъявленъ искъ на насильственныя дѣйствія при самовольномъ завладѣніи недвижимымъ имуществомъ, то прежде разсматривалась жалоба на насилія, а потомъ уже приступали къ изслѣдованію тяжбы за поземельную собственность [1]. Впрочемъ по желанію истца производство обоихъ дѣлъ могло быть начато одновременно [2].

3. *Понудительныя средства*, которыя употреблялись противъ судей въ случаѣ нерѣшенія ими въ срокъ судныхъ дѣла, были двоякія: 1) они состояли или въ денежныхъ штрафахъ, которые взимались съ виновныхъ судей и раздѣлялись между великими князьями (Іоанномъ III Васильевичемъ и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ) и новгородскимъ правительствомъ; 2) или средства эти состояли въ присылкѣ приставовъ съ вѣча для понужденія судьи къ немедленному окончанію дѣла.

Взысканію *перваго рода* подвергались: посадникъ, тысяцкій и намѣстникъ новгородскаго архіепископа, если они уѣзжали изъ Новгорода «не кончавъ суда» (т. е. не рѣшивъ начатаго ими суднаго дѣла). Судъ этотъ по н. с. грамотѣ ограничивается только тяжбами за поземельную собственность [3].

§ 74. А кой посадникъ, межника давъ, и поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того суда [а], ино Вели-

---

(1) См. § 46.

(2) См. § 47.

(3) Н. с. грамота опредѣляетъ понудительныя мѣры противъ судей только за медленность въ рѣшеніи тяжбъ о поземельной собственности; о взысканіяхъ за проволочку прочихъ судныхъ дѣлъ она не говоритъ. Однако на основаніи § 71 слѣдуетъ предполагать, что подобнымъ же взысканіямъ подвергалась медленность въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ всякаго рода; но мѣра взысканія, т. е. количество денежнаго штрафа, опредѣлялась, вѣроятно, сообразно съ сословіемъ судьи, подобно тому, какъ въ § 36 она назначена съ «наводщиковъ» (съ боярина 50 рублей, съ житьего 20, а съ молодшаго 10 рублей).

кимъ Княземъ и Великому Новугороду на томъ посадникѣ пятдесятъ рублевъ, а истцю убытки подойметъ; или тысетцкой поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ суда, или владычень намѣстникъ, ино взять Великимъ Княземъ и Великому Новугороду пятдесятъ рублевъ, а истцю убытки подойметъ.

(а) Судъ—дѣло (Ак. сл.). «Кончать судъ» или «орудье»—рѣшить дѣло. Употребленіе слова «тотъ» предъ существительнымъ «судъ» указываетъ на § 72, которому настоящій 74 § служитъ продолженіемъ; § же 72 говоритъ о тяжбѣ за поземельную собственность.

Какъ видно изъ этого 74 §, виновный судья, сверхъ взысканія съ него денежнаго штрафа, долженъ былъ вознаградить истца за всѣ убытки, понесенные имъ отъ безполезной проволочки дѣла.

Понужденія *втораго рода* употреблялись только противъ великокняжескаго тіуна по просьбѣ истца:

§ 75. А не кончаетъ судья (а) земнаго орудья въ два мѣсяца, ино истцю взять на него приставы у Великого Новагорода, ино ему тотъ суд кончати передъ тыми приставы.

(а) Такъ называется великокняжескій тіунъ, когда онъ разумѣется въ смыслѣ председателя тіунскаго суда.

4. *Акты, содержащіе въ себѣ судебное рѣшеніе дѣлъ* были грамоты 1) судныя и 2) безсудныя.

А) *Судная* грамота выдавалась оправданной тяжущейся сторонѣ въ такомъ дѣлѣ, которое было разбираемо и рѣшено по суду. Отъ этихъ судныхъ грамотъ должно отличать тѣ грамоты, которыя давались истцу для переговоровъ съ отвѣтчикомъ и судьею, еще до начала судебнаго разбора, тотчасъ послѣ объявленія истцомъ въ судѣ своихъ требованій на отвѣтчика. Такія грамоты въ новгородской с. грамотѣ также называются судными [1]; но цѣль послѣднихъ—миролюбивое окончаніе возникающаго суднаго дѣла, при посредствѣ судьи; назначеніе-же первыхъ (т. е. тѣхъ судныхъ грамотъ, о которыхъ мы теперь говоримъ)—возстановленіе нарушеннаго права и вознагражденіе обвиненнымъ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ оправданному.

Новгородская с. грамота три раза говоритъ о выдачѣ судныхъ грамотъ:

---

(1) См. § 19.

α) Она предписываетъ выдавать судную грамоту сторонѣ, оправданной по суду въ тяжбѣ за поземельную собственность, т. е. тому изъ тяжущихся, которому спорная земля будетъ присуждена:

§ **76**. А утяжетъ а) въ землѣ, ино взять ему б) грамота в) у судьи въ землѣ и въ убыткѣ на истцѣ.

а) Истецъ, какъ видно изъ § 45, которому это постановленіе служитъ продолженіемъ. Впрочемъ нѣтъ никакого основанія считать это узаконеніе дѣйствующимъ только по отношенію къ истцу: оно могло быть примѣняемо къ обоимъ тяжущимся. б) истцу; но точно также на это могъ имѣть право и отвѣтчикъ, если онъ былъ оправданъ по суду (см. примѣч. а). в) Что это грамота была судная, то видно изъ § 79.

β) Новгородская с. грамота вмѣняетъ судьямъ въ обязанность выдавать судныя грамоты тѣмъ изъ тяжущихся, коихъ искъ «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ» признанъ судомъ за справедливый и которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ присуждена спорная земля:

§ **77**. А утяжетъ а) въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи, и судьѣ дать на него грамота б) въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи.

а) Истецъ въ судномъ дѣлѣ за «наѣздъ и грабежъ». (см. § 46). б) Эта грамота была судная (см. § 79).

γ) Новгородская с. грамота предписываетъ судьямъ выдавать судную грамоту на истца, если онъ въ продолженіи узаконеннаго времени не приступалъ къ вызову послуха, оговорившаго его въ своихъ показаніяхъ предъ судомъ, или къ вызову отвѣтчика, въ пользу котораго этотъ послухъ свидѣтельствовалъ:

§ **78**. А кто а) не почнетъ позывать въ тѣ двѣ недѣли послуха или истца б), ино дать на него грамота судная по тому послушству. в)

а) Слово «кто» здѣсь относится къ истцу, а не къ подвойскимъ и позовникамъ, обыкновенно производившимъ вызовъ тяжущихся къ суду. Это видно изъ §§ 43, 44 и 67, которые въ текстѣ новгородской с. грамоты составляютъ постановленія, непосредственно предшествующія настоящему §. Тоже самое должно будетъ заключить объ употребленіи здѣсь слова «кто» изъ сравненія этого § съ §§ 16, 24, 26 и др. б) отвѣтчика. в) т. е. въ такомъ случаѣ истецъ обвинялся въ томъ, въ чемъ оговаривалъ его послухъ.

Впрочемъ изъ этихъ трехъ постановленій новгородской с. грамоты не слѣдуетъ заключать, что судныя грамоты выдавались только тогда, когда главный предметъ спорнаго права составляла земля; такія грамоты давались при рѣшеніи каждаго суднаго дѣла, и новгородская с. грамота упоминаетъ о нихъ также при рѣшеніи исковъ объ уголовныхъ преступленіяхъ (1). Причиною же, по которой Новгородская с. грамота не постановляетъ общаго правила о выдачѣ судныхъ (также и безсудныхъ) грамотъ по всѣмъ вообще судебнымъ дѣламъ, заключается въ томъ, что она (т. е. новгородская с. грамота) въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, не составляетъ общаго для всѣхъ судныхъ дѣлъ узаконенія, а представляетъ только законоположеніе для нѣкоторыхъ дѣлъ, и то не полное. По этому одинъ только затруднительный вопросъ представляется намъ по отношенію къ суднымъ грамотамъ, а именно: Выдавалась-ли судная грамота (т. е. признавался-ли отвѣтчикъ виновнымъ, потому что выдача судной грамоты обусловливалась виновностью того, на кого она давалась) въ томъ случаѣ, когда истецъ былъ оправданъ, а отвѣтчикъ обвиненъ въ искѣ «о наѣздѣ и грабежѣ» въ такомъ недвижимомъ имуществѣ, которое истецъ почиталъ своимъ, тогда какъ право собственности на него по суду было признано за отвѣтчикомъ? На этотъ вопросъ новгородская с. грамота не даетъ никакого отвѣта; она говоритъ, что обвиненный по этому иску платитъ штрафъ въ пользу великихъ князей и новгородскаго правительства) «а истцю убытки подоіметъ» (2). И такъ хотя отвѣтчикъ не подвергался взысканію за порчу недвижимаго имѣнія, право собственности на которое по суду было признано за нимъ; но онъ обязывался вознаградить тѣ убытки, которые своимъ самоуправствомъ причинилъ истцу. Слѣдовательно въ подобномъ случаѣ на отвѣтчика также давалась грамота судная, которую можно назвать «грамота въ убыткѣ на истцѣ» (3), (т. е. на отвѣтчикѣ).

Изъ всего этого можно вывести то заключеніе, что новгородская с. грамота, имѣя главною цѣлію искорененіе самоуправства во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя по предписанію закона должны были подлежать судебному разбирательству, но по воззрѣнію на нихъ народа удобно могли быть рѣшаемы самоуправствомъ, полагаетъ тяжкія денежныя взысканія даже за тѣ самоуправные поступки, основаніемъ для которыхъ обвиненному

(1) См. § 82.

(2) Слова эти составляютъ окончаніе § 80; но мы помѣщаемъ ихъ здѣсь потому, что они принадлежатъ настоящему вопросу, а не слѣдующей статьѣ.

(3) Сравни § 76.

послужило его дѣйствительное право. Такимъ образомъ мы видимъ, что стараясь о пресѣченіи самоуправства новгородскіе законы принимали такія мѣры противодѣйствія ему, которыя достойны даже настоящаго времени и которыхъ мы не находимъ въ современныхъ новгородской с. грамотѣ узаконеніяхъ.

Б) *Безсудная* грамота выдавалась тому изъ тяжущихся, который оправдывался судомъ въ слѣдствіе неявки другаго тяжущагося къ суду безъ основателяныхъ на то причинъ. Эта грамота выдавалась еще въ томъ случаѣ, когда требуемый къ суду самъ, или чрезъ своихъ сообщниковъ причинялъ насиліе присланному за нимъ позовнику (¹), а къ суду не являлся.

Такимъ образомъ назначеніе безсудной грамоты—исполненіе обвинительнаго судейскаго приговора надъ тѣмъ, на кого она давалась, безъ судебнаго разбирательства спорнаго дѣла.

Изложивъ и цѣль форму судныхъ и безсудныхъ грамотъ, намъ слѣдуетъ показать *сущность каждаго* отдѣльнаго рѣшенія или *судейскаго приговора* соотвѣтственно предмету суднаго дѣла. Принимая въ соображеніе разныя постановленія новгородской с. грамоты и изслѣдованія Куницына о наказаніяхъ виновныхъ (²), мы можемъ изъ нихъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Рѣшеніе тяжбы за поземельную собственность состояло въ присужденіи спорной земли одному изъ тяжущихся и въ вознагражденіи обвиненнымъ всѣхъ убытковъ оправданному (³).

2) Рѣшеніе иска «о наѣздѣ и грабежѣ» имѣло цѣлію вознаградить оправданному по суду всѣ понесенные имъ отъ того убытки (⁴) и взыскать въ пользу великихъ князей и новгородскаго правительства значительный денежный штрафъ (⁵). Оба эти взысканія падали на обвиненнаго.

3) Рѣшенія по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ были различны:

а) если оправдывался истецъ, то отвѣтчикъ или выдавался ему головою (когда, напримѣръ, послѣдній былъ обвиненъ въ холопствѣ), или же наказывался по приговору суда, причемъ оправданный иногда могъ получать денежное вознагражденіе отъ него или отъ его землевладѣльца (такъ напримѣръ въ случаѣ воровства или разбоя);

б) если-же оправдывался отвѣтчикъ, то истецъ долженъ былъ заплатить ему или его землевладѣльцу денежное возна-

---

(¹) См. § 25.
(²) См. выше пр. соч. Куниц., стр. 125.
(³) См. § 76.
(⁴) См. стр. 315.
(⁵) См. § 80.

гражденіе за безчестье. Быть можетъ обвиненный истецъ подвергался еще и другому наказанію, по усмотрѣнію вѣча, если мы распространимъ дѣйствіе § 19 и на иски по уголовнымъ преступленіямъ.

IV. Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Изъ новгородской с. грамоты не видно, чтобы рѣшеніе суднаго дѣла приводилось въ исполненіе судомъ; вѣроятно объ исполненіи этого рѣшенія долженъ былъ заботиться самъ оправданный, которому, если онъ собственными средствами не могъ успѣть въ томъ, помогало правительство чрезъ назначенныхъ для того судейскихъ служителей ([1]).

Впрочемъ и само правительство заботилось объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по тѣмъ дѣламъ, которыя заключали въ себѣ общественный интересъ ([2]).

Изъ н. с. грамоты видно, что исполненіе рѣшенія по тяжбѣ за поземельную собственность состояло въ томъ, что оправданный, получивъ судную грамоту на землю, могъ ѣхать въ имѣніе и безпрепятственно владѣть имъ:

§ 79. А кто кого утяжетъ въ землѣ и судную грамоту возметъ, ино ему ѣхать на свою землю по судной грамотѣ, да и володѣть ему тою землею, а въ томъ пени нѣтъ [a].

(a) Т. е. за то (что оправданный вступилъ во владѣніе бывшею въ спорѣ землею) не полагается взысканія.

Цѣль этого постановленія—показать, что оправданный на основаніи судной грамоты можетъ владѣть и распоряжаться присужденной ему землею, а всѣ его дѣйствія надъ нею не принимаются за самоуправство, какъ въ томъ случаѣ, когда землевладѣлецъ самовольно наѣзжалъ на землю, не прибѣгая къ судебному разбирательству (см. § 80).

V. О ДЕНЕЖНЫХЪ ШТРАФАХЪ И СУДЕБНЫХЪ ПОШЛИНАХЪ.

I. Денежные штрафы. Они взыскивались не только съ обвиненныхъ по суду тяжущихся, но и съ неисправныхъ судей. Тяжущійся платилъ штрафъ, когда былъ обвиненъ въ нападеніи на своего противника или на судей открытою силою, при помощи цѣлаго скопища людей («наводка») ([3]) или когда онъ укры-

---

([1]) Это предположеніе мы выводимъ изъ сравненія новгородскихъ законовъ съ псковскими. Послѣдніе въ большей части случаевъ заботу объ исполненіи судейскаго приговора возлагали на оправданнаго (см. въ изданіи Мурзакевича XII, 12—19; XV, 10—12 и др.).

([2]) См. выше пр. сочиненіе Куницына, стр. 125.

([3]) См. § 36.

валъ у себя обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи ([1]); судьи подвергались штрафу за проволочку въ рѣшеніи дѣла ([2]), а поручители (ятцы),—когда по ихъ наущенію или вообще отъ ихъ вины происходило возмущеніе народа, имѣвшее цѣлію избавить открытою силою взятаго ятцами на поруки подсудимаго отъ судопроизводства по его дѣлу или отъ исполненія надъ нимъ обвинительнаго судейскаго приговора ([3]). Штрафы эти носили общее названіе «закладъ» ([4]) и шли въ пользу великихъ князей и повгородскаго правительства, раздѣляясь между ними пополамъ ([5]). Количество взысканія сообразовалось съ званіемъ виновнаго ([6]).—Сверхъ всѣхъ исчисленныхъ здѣсь лицъ денежному штрафу подлежалъ еще обвиненный по суду «въ наѣздѣ и въ грабежи въ земномъ дѣлѣ», и въ этомъ случаѣ величина взысканія также зависила отъ состоянія виновнаго:

§ 80. А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежи, ино взять Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ, на бояринѣ пятдесятъ рублевъ, а нажитьемъ двадцат рублевъ, а на молодчемъ десять рублевъ.

II. Судебныя издержки въ собственномъ смыслѣ. Онѣ были двоякія: 1) пошлины съ грамотъ и 2) пошлины за производство суда.

1. Пошлина съ грамотъ за письмо и приложеніе печати. Грамоты, за выдачу которыхъ взималась опредѣленная пошлина, были слѣдующія: 1) срочныя грамоты, 2) обѣтныя грамоты и 3) судныя и безсудныя грамоты.

Срочная грамота выдавалась судьею каждому изъ тяжущихся (или ихъ повѣреннымъ) и имѣла различное назначеніе ([7]). Она скрѣплялась судейскою печатью ([8]), и за выдачу ея взималась гривна пошлины:

§ 81. А отъ сроку [а] взять [б] гривна.

(а) Т. е. за назначеніе тяжущимся для явки въ судъ срока, который

([1]) См. § 57.
([2]) См. См. §§ 74 и 75.
([3]) См. § 11.
([4]) См. §§ 11 и 57. также слѣдующую здѣсь выноску 4).
([5]) Что этотъ штрафъ раздѣлялся пополамъ между великими князьями и новгородскимъ правительствомъ, то видно изъ слѣдующихъ словъ второй договорной грамоты Новгородцевъ съ Іоанномъ III и съ сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ: «А что закладъ въ той въ Ноугородской грамотѣ (т. е. въ судной) въ докончалной написано на наѣзщиковъ, и на грабезщиковъ, и на наводщиковъ, ино Княземъ Великимъ взяти половина отъ сего докончанія, а Великому Ноугороду половина взяти.» (Акты Арх. Эксп., т. I, № 91, II).
([6]) См. §§ 36 и 80.
([7]) См. стр. 288 и §§ 31—34.
([8]) См. § 51.

опредѣлялся въ срочн. грамотѣ. (б) Здѣсь подразумѣвается слово «судьѣ.»

Обѣтная грамота выдавалась для вызова къ суду одного изъ тяжущихся, когда онъ по первымъ тремъ повѣсткамъ не являлся; за выдачу этой грамоты взыскивалось пошлины три деньги (³).

Съ судной грамоты, выдаваемой оправданному при рѣшеніи иска объ уголовн. преступленіи, взыскивалась пошлина въ четыре гривны, а *съ безсудной грамоты*—въ двѣ гривны:

§ **82.** А кто кого утяжетъ въ татбѣ съ поличнымъ (а), или въ розбоѣ, или въ грабежи, или въ поголовщинѣ (б), или въ холопствѣ, или о полевой грамотѣ (в), ино взять судьямъ отъ судной грамоты четыре гривны, а отъ безсудной двѣ гривны.

(а) Поличное—украденная вещь (Ак. Сл.) б) Поголовщина тоже, что головщина—убійство. (в) Полевая грамота—крѣпостной актъ на половника (см. соч. Куниц, стр. 108). Такимъ образомъ слова н. с. грамоты «А кто кого утяжетъ о полевой грамотѣ, ино судьямъ....» имѣютъ слѣдующій смыслъ: Если истецъ изобличитъ отвѣтчика въ половничествѣ (т. е. докажетъ судебн. порядкомъ, что человѣкъ, выдающій себя за свободнаго, есть его половникъ) то судьи за судную грамоту получаютъ 4 гривны, а за безсудную 2 гривны.—*Половникомъ* назывался земледѣлецъ, жившій на чужой землѣ и платившій владѣльцу ея (за ея обработку) натурою или по цѣнѣ половину выращеннаго имъ хлѣба, овощей и т. п. (Ак. Сл). Слѣдовательно это былъ человѣкъ хотя и свободный, но связанный съ землевладѣльцемъ нѣкоторыми условіями, которыя онъ долженъ былъ выполнить въ его пользу. Въ силу этихъ условій онъ дѣлался обязаннымъ поселяниномъ. Подобныхъ же обязанныхъ крестьянъ мы видимъ въ Псковскомъ Княжествѣ, гдѣ они носятъ названія *изорниковъ, четниковъ* и *огородниковъ* (въ одномъ мѣстѣ также «*исполовникъ*»). Они всегда почитались людьми лично свободными, и отбывательство ихъ отъ землехозяевъ подвергало ихъ только имущественнымъ невыгодамъ, а не личнымъ наказаніямъ (см. въ изданіи Мурзакевича статьи объ изорникахъ).

О пошлинахъ съ судныхъ и безсудныхъ грамотъ, выдаваемыхъ по другимъ дѣламъ, не упоминается, и вѣроятно потому, что въ такомъ случаѣ судебная пошлина взималась за самое производство суда, съ цѣны объявленнаго иска, какъ это мы теперь увидимъ.

2. *Пошлина за самое производство суда.* Пошлина этого рода назначалась съ цѣны иска и шла въ пользу всѣхъ вообще судей; по отношенію къ великокняжескимъ судьямъ она названа пересудомъ:

(³) См. § 23.

§ **83.** А намѣстникомъ Великого Князя и тіуномъ пересудъ (а) свой вѣдати по старинѣ.

(а) Пошлина съ цѣны иска. См. соч. Куниц., стр. 75 и 132.

Пошлина эта взималась при выдачѣ судныхъ и безсудныхъ грамотъ, и съ первыхъ изъ нихъ окладъ въ пользу церковныхъ судей былъ назначенъ бо́льшій, нежели для судей свѣтскихъ:

§ **84.** А отъ судного рубля (а) взять владыкѣ и его намѣстнику и ключнику (б) отъ печати гривна, а отъ безсуднаго рубля (в) отъ грамоты взять владыкѣ и его намѣстнику и ключнику три денги; а посаднику и тысесскому и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ (г), а отъ безсуднаго рубля по три денги.

(а) Судный рубль—единица цѣнности для каждаго дѣла, по суду рѣшаемаго, сообразно съ которою взыскивается пошлина за приложеніе къ судной грамотѣ архіепископской печати. (б) Ключникъ—тоже, что ларникъ,—архиваріусъ или лицо, хранившее ключь отъ архива, въ которомъ сберегались оконченныя церковнымъ судомъ дѣла. (в) Безсудный рубль,—единица цѣнности для дѣлъ, рѣшенныхъ безъ судебнаго разбирательства, за неявкою въ судъ одного изъ тяжущихся. (г) Въ гривнѣ считалось 14 денегъ. Поэтому свѣтскіе судьи отъ судныхъ грамотъ получали въ подобныхъ дѣлахъ только половинную пошлину противъ той, которая назначалась въ пользу церковныхъ судей. Но пошлина съ «безсуднаго рубля» для тѣхъ и другихъ судей была одинаковая.

Когда тяжба шла за поземельную собственность, то съ цѣнности земли судья не получалъ пошлины:

§ **85.** А отъ земли судьѣ кунъ (а) не взять.

(а) Куны—здѣсь употреблены въ смыслѣ денегъ вообще.

Вотъ всѣ пошлины, встрѣчаемыя въ Новг. с. грамотѣ. Мы здѣсь не упомянули только о закладѣ шестнику; но это потому, что о немъ уже было говорено на стр. 274.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Наши «Замѣтки», какъ видно изъ самаго названія, будутъ состоять изъ отрывочныхъ свѣдѣній о русской литературѣ, какъ новой, такъ и древней.

Въ старыхъ журналахъ, въ старыхъ и малоизвѣстныхъ книгахъ, наконецъ въ рукописяхъ попадается много интересныхъ фактовъ для исторіи нашей словесности, которые остаются необнародованными больше потому, что всѣ эти матеріалы для большинства интересующихся предметомъ бываютъ недоступны. Только Петербургъ даетъ всѣ средства библіографу знакомиться съ старой литературой; публичная библіотека въ этомъ отношеніи составляетъ такой кладъ, которому настоящую цѣну могутъ дать одни только библіографы; но кромѣ ея, есть много и другихъ собраній, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, которыя въ совокупности заключаютъ въ себѣ почти все, что произвело русское книгопечатаніе, начиная съ 1563 года.

Библіографическое изученіе русской литературы началось не давно, но пользы принесло уже довольно. Чтобы не повторять здѣсь сказаннаго уже другими, отсылаемъ читателя къ первой статьѣ «Библіографическихъ Записокъ» г. Лонгинова, бывшаго стутента нашего университета (Соврем., 1856, N° 5).

I. Матеріалы для біографіи Н. И. Новикова.

Знаменитый Новиковъ до сихъ поръ не оцѣненъ у насъ по его, почти безпримѣрнымъ, заслугамъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. А не давно пошелъ 40-й уже годъ со дня его смерти.... Впрочемъ можетъ быть не настала еще и пора для всесторонней оцѣнки заслугъ Новикова. Здѣсь мы сообщаемъ нѣсколько біографическихъ фактовъ о Новиковѣ, имѣя въ виду пополнить

свѣдѣнія о немъ, находящіяся въ «Словарѣ» м. Евгенія и въ статьѣ г. Билевича (1).

Какъ извѣстно, Новиковъ род. въ 1744 г., 27 апрѣля, въ с. Тихвинскомъ, броницкаго уѣзда. Хотя отецъ его и былъ человѣкъ съ достаткомъ, но Н. Ив., проживъ въ деревнѣ до 18-тилѣтняго возраста, учился только у своего деревенскаго дьячка. Въ 18-ть лѣтъ онъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ на службу и поступилъ здѣсь въ Измайловскій полкъ. Это было въ 1762 году, когда со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, въ исторіи русскаго просвѣщенія началась новая эпоха.

Въ С.-Петербургѣ Новиковъ прежде всего началъ учиться. Занятія его, видно, шли очень успѣшно, если черезъ 7 лѣтъ Н. Ив. является уже издателемъ «Трутня» и вслѣдъ за нимъ, цѣлой вереницы журналовъ, которые и теперь не лишены еще литературнаго достоинства, не говоря уже о значеніи ихъ историческомъ.

Еще прежде изданія «Трутня», Новиковъ оставилъ службу, съ чиномъ поручика арміи. Скоро Новиковъ сдѣлался извѣстенъ Государынѣ, которая удостоивала его даже приглашеніями на свои знаменитые эрмитажные вечера (2).

Въ числѣ новиковскихъ журналовъ особенно замѣчателенъ «Кошелекъ», который издавался (1774) подъ наблюденіемъ самой Императрицы и при содѣйствіи княгини Дашковой. Главная цѣль журнала состояла въ томъ, чтобы «быть насмѣшниками французелюбцевъ» (3).

Около этого времени (1774 г.), люди близкіе Новикову убѣдили его вступить въ одно изъ существовавшихъ тогда обществъ, составлявшихся у насъ по западнымъ образцамъ. Мы заимствуемъ этотъ фактъ изъ одной рукописи, въ которой онъ разсказанъ такъ: «однажды нѣкоторые изъ посѣщавшихъ его (Новикова) пріятелей собравшись у него въ домѣ, послѣ предварительнаго вступленія, не требуя отъ него обѣта, прочли ему принятіе и противъ ожиданія его, поздравили членомъ своего общества. Мы знаемъ тебя, говорили они, знаемъ, что ты честный человѣкъ и увѣрены, что не нарушишь тайны». Общество это слыло у насъ подъ названіемъ *Общества Елагинской системы;* собственно же говоря, это была главная масонская ложа, называвшаяся «Великою Провинціальною». Президентомъ (великимъ

(1) Московск. Городской Листокъ, 1847 г., N N 43—46.

(2) Объ этихъ вечерахъ см. статью г. Тихонравова: «Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и литература въ 1812 году», Отеч. Зап. 1854 г., N 7, отд. II, стр. 4—5.

(3) Подробности о «Кошелькѣ» см. Отеч. Зап. 1839 г., N 1, отд. VIII, стр. 26—39

провинціальнымъ мастеромъ) ся былъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ (4), отъ котораго общество и получило свое названіе.

Вступленіе Новикова въ масонскую ложу имѣло огромное вліяніе на всю остальную его жизнь: онъ сдѣлался мистикомъ и до смерти оставался имъ. Между тѣмъ «Кошелекъ», начавшійся при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, надѣлалъ издателю много непріятностей. Говорили, что эпиграмы на французовъ дошли до свѣдѣнія французскаго посольства и посланникъ началъ смотрѣть на Новикова, какъ на орудіе англичанъ. Какъ бы то ни было, но девятымъ листкомъ «Кошелекъ» кончился. Самъ издатель долженъ былъ оставить С.-П-бургъ; послѣ чего вскорѣ поселился въ Москвѣ (5).

Съ этого времени для Н-ва начался новый періодъ жизни. Безъ дѣла онъ оставаться не могъ, и вотъ въ Москвѣ является *типографская компанія*, учрежденная съ дозволенія правительства. Мысль учрежденія *компаніи*, мысль, для того времени, великая, и одна она уже дѣлаетъ имя Н-ва безсмертнымъ. Но при всемъ своемъ умѣ, Н-въ слишкомъ поддался вліянію окружавшихъ его людей и всѣ его дѣйствія, съ этого времени, отличались тѣмъ мистическо-религіознымъ характеромъ, который составлялъ необходимую принадлежность всѣхъ истыхъ масоновъ. Оттого многія мѣры Новикова, которыя предпринимаемы были единственно съ благою цѣлію—водворять просвѣщеніе въ русской землѣ, получали какой-то подозрительный для правительства оттѣнокъ.

Въ Москвѣ на Н-ва имѣлъ большое вліяніе—одинъ изъ его сотрудниковъ, Шварцъ. О своемъ знакомствѣ съ нимъ самъ Н-въ разсказывалъ такъ: «Въ одно утро пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ Ив. Егор. Шварцъ» (6). Откуда Шварцъ былъ родомъ—не знаемъ. Извѣстно только, что онъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, вѣроятно вошелъ въ близкія сношенія съ тамошними масонами, и подъ вліяніемъ ихъ началъ дѣйствовать въ Россіи.

Ко времени знакомства Н-ва съ Шварцомъ относится учрежденіе такъ называемаго *Дружескаго Общества*. Составъ послѣд-

---

(4) Авторъ «Опыта повѣствованія о Россіи» (М. 1803, 8) и переводчикъ извѣстныхъ «Приключеній маркиза Г.» Великимъ провинціальнымъ секретаремъ былъ Василій Ивановичъ Майковъ (1725—78), авторъ поэмы «Елисей или раздраженный Вакхъ». Здѣсь же кстати замѣтимъ, что извѣстный екатерининскій писатель Вл. Игн. Лукинъ былъ «мастеромъ» ложи музы Ураніи.

(5) См. указанную статью о «Кошелькѣ».

(6) Изъ той же рукописи. О Шварцѣ см. въ 2-мъ т «Біографич. Слов. Моск. Проф.»

нято былъ не многочисленъ; каждый изъ членовъ долженъ былъ внести посильный капиталъ. Внесенные капиталы въ совокупности дали средства къ основанію нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій (7).

Одною изъ задачъ общества было противодѣйствіе ученію энциклопедистовъ; для этого оно старалось по возможности распространять чтеніе библіи и вообще религіозныхъ книгъ, писанныхъ и перевозимыхъ, большею частію, его членами. Съ этого же цѣлію Шварцъ открылъ въ Москвѣ публичныя лекціи, на которыхъ разбиралъ ученіе энциклопедистовъ и старался показывать несостоятельность его (8).

Выписываемъ изъ интересныхъ записокъ Ив. Вл. Лопухина то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о цѣли общества: «цѣль сего общества была: издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности и истинѣ евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія, чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества нужныя къ оному званію. Для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые были отданы отъ самыхъ эпархіальныхъ архіереевъ съ великого признательностію».

«Члены общества сего упражнялись: *въ познаніи самаго себя, творенія и Творца по правиламъ той науки*, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ премудрости (гл. 7, ст. 17, 21), содержащихся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственно просвѣщенныхъ откровеніемъ отъ Бога, науки, открывающей начало всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей не можетъ быть истинно извѣстна . . . .».

«Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились; это казалось многимъ смѣшно; но простая пословица: *вѣкъ живи и вѣкъ учись*—будетъ гораздо умнѣе такого смѣха. Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ. Какъ мало люди, слывущіе самыми разумными, занимаются тѣмъ, что̀ необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой

(7) Заведены были школы, больницы, аптеки и т. п; для аптеки общество вызвало изъ заграницы ученаго врача Фрейнзелема. Замѣчательно, что провизоры его: Кубе, Линродъ, Берзъ и Эйнбродтъ, по закрытіи «Дружескаго Общества», завели собственныя аптеки, которыя были родоначальницами теперешнихъ московскихъ аптекъ.

(8) Объ этомъ между прочимъ см. Сіонскій Вѣстн., 1818 г., февраль, стр. 222—228.

здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто человѣка лишить не можетъ» и т. д.

Дѣйствія «Типографской Компаніи» заключались въ печатаніи книгъ, какъ говорено уже, большею частію религіознаго содержанія. Здѣсь собственно и былъ Н-въ главнымъ дѣятелемъ.

Взявъ на откупъ университетскую типографію (*), онъ выписалъ для нея новые шрифты (9), завелъ книжныя лавки не только въ Москвѣ, но и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. (**) Молодыхъ людей заставлялъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ за хорошую плату; за оригинальныя статьи платилъ еще дороже; однимъ словомъ сдѣлалъ литературный трудъ заманчивымъ, какъ честное средство бѣдняку добыть кусокъ хлѣба .... Безъ всякаго сомнѣнія, подобныя мѣры имѣли огромное вліяніе на развитіе нашей литературы.

Къ этому времени относятся московскіе журналы: «Утренній Свѣтъ» (1777—780), «Московское Ежемѣсячное Изданіе на 1781 г.,» «Вечерняя Заря» (1782) и «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784), такъ сказать, новой редакціи: всѣ они, по своему содержанію, діаметрально были противоположны петербургскимъ журналамъ того же издателя. Московскіе журналы лучше всего показываютъ, какая нравственная перемѣна произошла въ Н-вѣ, съ переселеніемъ его въ Москву.

Между тѣмъ Общество начало обращать на себя вниманіе правительства; на Н-ва стали смотрѣть, какъ на человѣка подозрительнаго. Причинъ тому было много; между прочимъ, вотъ одна изъ нихъ: въ числѣ членовъ «Дружескаго Общества» былъ какой-то баронъ Шредеръ, внесшій въ кассу его значительную сумму; но потомъ, по какимъ то причинамъ, онъ не поладилъ съ сочленами и сталъ требовать отъ Н-ва возвращенія своего капитала. Н-въ не могъ удовлетворить его тре-

(9) Типографія Н-ва находилась частію въ домѣ Ив. Вл. Лопухина, близъ Никольскихъ Воротъ, а частію въ домѣ компаніи, который прежде принадлежалъ Гендрикову.

(*) Типографія взята была въ 1778 г., на 10-ть л.; по истеченіи срока, Н-въ хотѣлъ возобновить контрактъ, но Императрица не согласилась. Въ «Запискахъ» Храповицкаго, 15 окт., 1788 г., замѣчено: «Новикову не отдавать университетской типографіи. *C'est un fanatique.*»

(**) Въ 1762 г., въ Москвѣ была только одна книжная лавка: въ 9-й ч. своихъ «Записокъ», Андр. Тим. Болотовъ (письмо 100-е) говоритъ: «удовольствіе мое было велико, когда при распровѣдываніи о томъ: нѣтъ ли въ Москвѣ книжной и такой лавки, гдѣ бъ продавались не однѣ русскія, но вкупѣ и иностранныя книги, услышалъ я, что есть точно такая у Воскресенскихъ Воротъ. Съ превеликою поспѣшностію побѣжалъ я въ оную, но сколь радость и удовольствіе мое увеличилось еще болѣе, когда нашелъ тутъ лавку подобную почти во всемъ такой, какую видѣлъ я въ Пруссіи, въ Кенигсбергѣ, и въ которой продавалось великое множество нѣмецкихъ и французскихъ книгъ.»

бованію, на томъ основаніи, что капиталъ, вмѣстѣ съ другими, находился въ оборотѣ, и выдать его сполна общество не имѣло средствъ. Вскорѣ послѣ этого Шредеръ уѣхалъ за границу и, зная, что правительство начинаетъ подозрѣвать Н-ва, началъ писать къ нему оттуда, по почтѣ, письма, которыя содержаніемъ своимъ непремѣнно должны были еще болѣе убѣдить правительство въ основательности его подозрѣній. Н-въ писемъ Шредера не получалъ и узналъ о существованіи ихъ только впослѣдствіи. . . . . .

Впрочемъ много было причинъ, повидимому незначительныхъ, но въ общей ихъ сложности составившихъ благовидный предлогъ для закрытія Общества. Вотъ что говоритъ объ этомъ Лопухинъ: «Порочили особливо таинственность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ: для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорятъ, да и не удобно говоритъ: о себѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ какъ порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.»

«Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ подозрительными и для спокойствія общаго не безопасными . . . . .».

«И такъ въ 1784 года открывались давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность, а это дѣлалось около времени Французской революціи; третьи,—что мы превлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ, и разныя разглашали нелѣпости . . . . Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны, ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики—всего этого разсудя; нельзя связать хорошенько. . . .»

«Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми исполнены были люди съ невѣжествомъ противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги».

«Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ, въ 1789 году, произведеніе которой тогда приписывали тайнымъ обще-

ствамъ и системѣ философовъ. Въ этомъ заключенiи ошибка была только та, что и общество и система ихъ были совсѣмъ не похожи на наши. Предметъ нашего общества былъ добродѣтель и старанiе, исправляя себя, достигнуть ея совершенства, при сердечномъ убѣжденiи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; и система наша была та, что Христосъ начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей. . . . . .»

И такъ съ 1784 г. Новикова начали преслѣдовать уже явно, что̀ продолжалось до начала 1786-го, когда м. Платону поручено было испытать его въ вѣрѣ. (10)

Общество было закрыто, но Новикова не преслѣдовали. Такъ дѣло оставлено было до 1791 г., около этого времени главнокомандующимъ въ Москву назначенъ былъ князь Прозоровскiй, человѣкъ чрезвычайно подозрительный и недалекiй. Дѣло было снова поднято. Въ началѣ 1791 г., въ Москву былъ отправленъ князь Безбородко, вмѣстѣ съ П. П. Архаровымъ, чтобы произвести надъ «мартинистами» (11) слѣдствiе, если онъ признаетъ это нужнымъ. Но Безбородко нашелъ, что всѣ опасенiя на ихъ счетъ совершенно неосновательны и возвратился въ С.-Пбургъ, не произведя надъ ними оффицiальнаго слѣдствiя. Наконецъ, въ апрѣлѣ уже слѣдующаго года, типографiя и книжныя лавки Новикова были опечатаны и онъ самъ взятъ подъ арестъ, въ своемъ Тихвинскомъ. Оттуда онъ былъ привезенъ въ Москву, гдѣ пробылъ три недѣли, а потомъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ. Въ «Запискахъ» Храповицкаго, 2 мая, 1772 г., говорится: «съ московской почты получено секретное донесенiе князя Прозоровскаго о взятiи Новикова изъ его деревни; онъ уже допрашиванъ и содержится въ своемъ домѣ подъ присмотромъ. На вопросъ: гдѣ взялъ имѣнiе, онъ объявилъ о типографскомъ обществѣ, въ 14 человѣкахъ состоящемъ и признался въ продажѣ прежде напечатанныхъ запрещенныхъ книгъ церковныхъ.» Лопухинъ разсказываетъ, въ своихъ запискахъ, что кн. Прозоровскiй приказалъ приставу Новикова везти его

(10) Объ этомъ см. Москвит. 1842 г. II, стр. 521—524, III, 129—146; V, 137—151; 1843 г. I, 241—242.

(11) Такъ называли тогда всѣхъ масоновъ. Объ этомъ см. въ Современ., 1857 г., № 4, отд. V, стр. 252—267, статью г. Лонгинова и «Histoire religieuse des peuples Slaves,» par le C-te V. Krasinski, (Paris, 1853, 8°), p. 276—280. Въ «Запискахъ» Храповицкаго, 30 янв., 1791 г., сказано только: «уѣхалъ графъ Безбородко въ Москву на двѣ недѣли.» Императрица особенно недовольна была на «мартинистовъ» послѣ появленiя извѣстной книги Радищева «Путешествiе изъ Петербурга въ Москву.» Въ тѣхъ же «Запискахъ,» 26 iюня, 1790 г., говорится: «говорено о книгѣ «Путеш. изъ Пет. въ Москву»; тутъ разсѣванiе заразы французской, отвращенiе отъ начальства; авторъ *мартинистъ.*» 7 iюля, того же года: «сказывать изволили, что онъ (Радищевъ) бунтовщикъ хуже Пугачева.»

въ Шлиссельбургъ окольными дорогами, чрезъ Ярославль и Тихвинъ, и при переѣздѣ чрезъ первый, принять всѣ предосторожности, ибо въ этомъ городѣ *нѣкогда* существовала масонская ложа, подъ предсѣдательствомъ А. П. Мельгунова. Впрочемъ въ то время ни его, ни ложи нѣсколько лѣтъ не было уже на свѣтѣ. Въ Шлиссельбургѣ Новиковъ былъ допрашиваемъ Шешковскимъ, послѣ чего содержаніе заключеннаго было несколько улучшено. Четыре года прожилъ Новиковъ въ Шлиссельбургѣ, скучая бездѣйствіемъ и страдая отъ болѣзней; единственнымъ развлеченіемъ для него были куры, которыхъ онъ разводилъ въ своемъ тѣсномъ жильѣ.

Освобожденъ былъ Новиковъ въ концѣ 1796 г., и 19 ноября былъ уже въ Тихвинскомъ, гдѣ въ это время жилъ С. И. Гамалѣя, сотоварищъ его по «Дружескому Обществу.» Вотъ письмо послѣдняго, гдѣ онъ описываетъ пріѣздъ Новикова на родину: «Н. Ив. отправился отсюда въ С.-Петербургъ, получа третьяго дня чрезъ московскаго главнокомандующаго, по письму генералъ-прокурора Его Императорскаго Величества, повелѣніе быть въ С.-Петербургѣ. Онъ прибылъ къ намъ 19 ноября по утру, дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодраномъ тулупѣ и проч. Докторъ [12] и слуга его крѣпче его. Дивны дѣла милосердаго Господа Бога нашего. Да будетъ Ему честь, слава и благодареніе за вся вѣчно. Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимая съ радостными слезами Н. И-ча, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній. Вы желали знать, какъ дѣти Н. И-ча встрѣтили?— сынъ въ безпамятствѣ подбѣжалъ, старшая дочь въ слезахъ подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что онъ отецъ ея. При томъ Высочайшій указъ уже воспослѣдовалъ объ отдачѣ всего имѣнія Н. И-чу сколько онаго въ казенномъ вѣдомствѣ находится; къ принятію имѣнія развѣ по возвращеніи изъ Петербурга приступлено будетъ. P. S. По написаніи сего, я получилъ письмо Н. Ив-ча, что онъ 5-го числа [13] послѣ полудня въ 5-ть часовъ представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ что описать не можетъ—слава Богу!» Послѣдніе годы Новиковъ провелъ въ Тихвинскомъ, вмѣстѣ съ Гамалѣею. Въ это время онъ писалъ къ князю Николаю Никитичу Трубецкому: (*) «что

(12) М. И. Багрянскій. одинъ изъ воспитанниковъ «Дружескаго Общества».

(13) Декабря.

(*) Н. Н. Тр-ой былъ тоже сотоварищемъ Н-ва по «Дружескому Обществу» О немъ см. «Библіогр. Записки» г. Лонгинова въ Соврем. 1857 г., N 7, стр. 77.

касается до меня, до моего состоянія и обстоятельствъ, то я получаю безпрестанно новые кресты; силы мои изнурились и изнуряются подъ тяжкимъ бременемъ крестовъ сихъ: я такъ одряхлѣлъ, что вы бы теперь меня не узнали; . . . но лишь бы мы несли хоть огненный, только очистительный, а не наказательный крестъ.»

Умеръ Н-въ въ 1818 году, 31 іюня; вотъ отрывокъ изъ письма того же Гамалѣи, неизвѣстно къ кому: «а васъ прошу увѣдомить бр., что здѣшній хозяинъ Н. И., будучи боленъ параличемъ съ 5 іюля по 31 число, сегодня поутру въ 5 часу испустилъ духъ.»

Послѣднія письма взяты нами изъ книги «Письма С. И. Г.», которая довольно рѣдка. Книги этой было два изданія:

1. Письма С. И. Г. М. 1832. Въ Университетской типографіи Въ 12 д. л. 2 ч. I: 240 и II: 293 стр. съ тремя эпиграфами:

Читай такія книги, кои болѣе производятъ сердечнаго сокрушенія, нежели занятія.

Кто желаетъ достигнуть жизни внутренней и духовной, тотъ долженъ по примѣру Іисуса Христа уклоняться отъ толпы. Ѳом. Кемп. о подр. I. Х., кн., I, гл. 20.

Labora, obedi, tace.

2. Письма С. И. Г. Изд. второе умноженное. М. Въ Университетской типографіи. Въ 24 д. л. 3 ч. I: 1836, 250; II: 1836, 298; III: 1839, 242, XCVI (изъясненіе текстовъ приводимыхъ въ письмахъ) и XVIII (содержаніе писемъ С. И. Г.) стр. Съ тѣми же тремя эпиграфами.

Подъ буквами С. И. Г. нужно читать Семена Ивановича Гамалѣи. Онъ былъ правителемъ канцеляріи московскаго главнокомандующаго гр. З. Гр. Чернышева и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Дружескаго Общества». Въ названной книгѣ заключается переписка Гамалѣи съ кн. Н. Н. Трубецкимъ, Ѳ. П. Ключаревымъ и другими, такъ можно догадываться по начальнымъ буквамъ именъ и отчествъ, находящихся въ нѣкоторыхъ письмахъ. Всѣ же они безъ надписи и безъ означенія года. Содержаніе писемъ, почти безъ исключенія,—разсужденія о религіозныхъ вопросахъ. Въ II части Писемъ (по 2 изд.) мы нашли четыре письма Н. И. Новикова: два къ Карамзину и два къ Трубецкому; первые два, по рѣдкости книги и по ихъ занимательности, прилагаемъ здѣсь. Въ двухъ же послѣднихъ интересенъ только отрывокъ, выписанный нами выше.

«Письма Н. И. къ Н. М. К.......ну.

1. Изъ сочиненій вашихъ 6-й и 7-й томы я съ возможнымъ мнѣ вниманіемъ прочиталъ отъ доски до доски; о пріятномъ, хорошемъ и прекрасномъ говорить теперь ничего не буду, но что касается до философіи, о томъ хочу нѣсколько словъ сказать. Извините меня, мой любезный, что я съ нею не совсѣмъ согласенъ; я нахожу въ ней болѣе пылкости воображенія и увлеканія въ царство возможностей, нежели основательности. Но я думаю, что нынѣ и вы сами не будете на все согласны. Скажите мнѣ угадалъ ли я, что въ письмахъ *Мелодора къ Филалету, и Филалета къ Мелодору*, также и въ разговорѣ о щастіи между Филалета и Мелодора, подъименемъ Мелодора вы, а подъ именемъ Филалета покойный молодой человѣкъ П.....; потому что при чтеніи піесъ мнѣ казалось, что обоихъ васъ вижу. Молодой Филалетъ со стоическою холодностію философствуетъ, а философія холодная мнѣ не нравится; истинная философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго происхожденія; однако, любезнѣйшій мой, не забывайте, что съ вами говоритъ Idіотъ (невѣжда), незнающій никакихъ языковъ, нечитавшій никакихъ школьныхъ философовъ, и они никогда не лезли въ мою голову; это странность, однако истинно было такъ, но о семъ въ другое время.—Й у меня есть свой Филалетъ, Англичанинъ, Философъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ между прочимъ: «покажите мнѣ науку, которая была бы совершеннымъ, а не поддѣланнымъ отпечаткомъ творенія!—которая могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога! чрезъ которую могъ бы я изслѣдовать всеобщія и невидимыя сущности ему подвластныя!—науку, чрезъ которую могу я вѣрно приидти къ познанію всѣхъ таинъ, въ наукѣ сокрытыхъ!—такова есть та наука, въ которой Физика Адама и всѣхъ патріарховъ состояла и которая ему была открыта».

Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со мнѣніемъ моего Филалета, что̀ кажется и должно сдѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ; такъ Философія вашего Филалета должна остановиться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ безполезны. Какія же начала? а вотъ какія: что есть Богъ?—что есть Богъ въ единицѣ? что есть Богъ въ Троицѣ? что есть натура? одна ли есть натура, или болѣе?—таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ?

чтò есть небо и одно ли оно, или болѣе? впечатлѣна ли троичность Божія во всей Его твари, или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны? какъ сотворенъ человѣкъ, изъ чего, и изъ какихъ частей, и почему сказано объ немъ, что онъ *сотворенъ по образу Божію и по подобію?* Казалось бы и одного выраженія довольно было, но положено два. Также почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену (*), а извѣстно по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было, и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда когда Адаму уже нужно было спать (**)? о какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказываетъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхнія воды отъ нижнихъ? какъ мы это должны разумѣть? Замѣчательно также, что не философъ, но простой рыбакъ, ученикъ Хрістовъ Петръ, пишетъ: *ибо сокрыто отъ насъ, хотящихъ знать, что небеса изперва изъ воды и водою составлены Словомъ Божіимъ.*—Какая же была тогда чудная вода, изъ которой сотворены небеса, а не одно только небо? да и Апостолъ Павелъ сказываетъ, что онъ восхищенъ былъ духомъ даже до третьяго неба! Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? Солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежатъ къ видимому міру; гдѣ же обитаютъ Ангелы? гдѣ Божественный престолъ? Съ позволенія нашихъ почтенныхъ Астрономовъ, одни изволятъ бредить, находя болѣе седми планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды, и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: чтò не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо чтò не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ селеніе Свое; и далѣе, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего, и яко исполинъ, предпріемлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его, и проч. Чтò есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ, или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она чело-

---

(*) *Примѣч. 1.* Въ Св. Писаніи сказано: «сотвори Богъ Адама: по образу Божію сотвори его. Мужа и жену сотвори ихъ». (Быт. V, 1, 2).

(**) *Примѣч. 2.* Въ Св. Писаніи сказано: «наложи Богъ изступленіе на Адама, и успе» (Быт. II, 21). Эти и подобныя невѣрности и уклоненія произошли отъ мистическаго направленія писемъ.

вѣчеcка, а мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ, и перемѣнятся въ другія новыя; намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе Физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыя Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что по ихъ высокой наукѣ, что̀ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота, и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы.—И кто можетъ всѣ ихъ бредни изчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе Философы и Патріархи не такъ разумѣли Философію; но о семъ много бы говорить было надобно, а потому я сію матерію окончу, сказавъ еще нѣсколько словъ. Древніе гораздо замѣчали, что Моисей исторію творенія начинаетъ симъ видимымъ міромъ, а о томъ, что̀ было прежде, не упоминаетъ ни слова,—откуда же бы взялось мнѣніе о падшихъ Ангелахъ,— а о нихъ въ Новомъ завѣтѣ много говорено, да и въ Ветхомъ Моисей сказываетъ, что падшій Ангелъ въ видѣ змія обольстилъ Еву, изъ чего кажется, что должно быть нѣчто существовавшее прежде сотворенія сего видимаго міра. Древніе прекрасно сіе изъясняли; они даже и въ человѣкѣ находили извлеченіе изъ трехъ міровъ, и учили, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа. Отсюда произошло то, что они поставляли надпись надъ дверьми храма: *Познай себя*, и пр.

Извините меня, Л. Д., что я кое что сказалъ смутно и безпорядочно, что только по слабости моей въ мысль пришло, и что только женская рука писать могла: онѣ до прекраснаго видомъ великія охотницы, бѣдный Адамъ былъ бы доволенъ знаніемъ одного добра; но Евѣ захотѣлось отвѣдать и съ запрещеннаго древа знанія добра и зла.— Но полно, полно; а то опять заведетъ.»—(Стр. 268—276.)

---

2. «Сердечно сожалѣю, любезнѣйшій другъ мой, Н. М., о худомъ здоровьѣ вашемъ, равно и о томъ, что не сказали вы мнѣ о болѣзни вашей: можетъ быть я нѣсколько и помогъ бы вамъ, ибо по благости Господней имѣю въ медицинѣ, хотя небольшое, однако изрядное основаніе. Ежели еще вы не уѣхали въ Петербургъ, то скажите мнѣ о болѣзни вашей коротко. И ваше письмо застало меня очень нездоровымъ; но въ моихъ припадкахъ одно только лѣкарство—терпѣніе.

Вы меня обрадовали, сказавъ, что не стоите за философію и пр. Я думаю, что тотъ можетъ назваться прямо ищущимъ, который, хотя и ошибаясь, однако искалъ истину, и наконецъ воистину найдетъ истину; ибо Христосъ Спаситель нашъ сказалъ: *Ищите и обрящете, толкайтесь и отворится вамъ, просите и дастся вамъ.* И въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *ищише прежде Царствія Божія и правды его, а прочее все иріобрѣтено вамъ будетъ.*

Вамъ 49 лѣтъ; это годъ климатеричный; вамъ сей годъ, есть годъ полной чести и славы, а мнѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали. Какъ различно поступаетъ съ нами милосердіе Божіе! одного ласкою, другаго розгою влечетъ къ себѣ: блаженъ, кто и то и другое употребляетъ въ пользу свою!

Вы сказали мнѣ въ письмѣ вашемъ: *одинъ Богъ знаетъ Бога совершенно.* Мнѣ кажется, что познаніе Бога должно раздѣлить: *познаніе Бога въ Единицѣ Его*, человѣку *можетъ быть* и невозможно; но *познаніе Бога въ Троицѣ* или *тройствѣ Его*, не токмо что возможно, (*) но и необходимо. Апостолъ Павелъ сказалъ весьма замѣчательныя слова: *душевный человѣкъ непріемлетъ Духа Божія, ибо оное кажется ему безуміемъ, и не можетъ разумѣть, понеже духовно востязуется*, и пр. Я совѣтую вамъ Л. Д. прочитать со вниманіемъ всю 2 главу 1-го Посланія къ Коринѳ.: она весьма, весьма замѣчательна; не могу также удержаться, чтобъ не посовѣтовать вамъ прочесть со всевозможнымъ и глубокимъ вниманіемъ всю 17 главу Евангелія Іоаннова: это якорь нашъ, на которомъ должно утверждаться вѣчное наше блаженство. Много бы можно было о сей матеріи сказать *неопровержимаго*, но краткости ради умолчу.

Вы также говорите, что у насъ теперь и Библія въ модѣ. Подлинно, что только въ модѣ. Признаюсь вамъ Л. Д., что не могу безъ душевнаго огорченія читать въ газетахъ и журналахъ текстовъ Св. П. Видно, что сіи писатели текстовъ думаютъ, что все-равно сказать текстъ, или исполнить его дѣйствительно, и видно, что не встрѣтилось съ ними сказанное Христомъ Спасителемъ, что Царствіе Божіе не въ словахъ состоитъ, но въ силѣ или исполненіи.

Сердечно жалѣю, и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ Петербургъ. Я желалъ бы дня два провести съ вами въ искренней и сердечной бесѣдѣ о томъ, что̀ для насъ нужнѣе всего; но мы должны во всемъ покоряться волѣ Божіей. Теперь по крайней мѣрѣ желаю того, чтобъ вы возвратились въ Москву въ Августѣ, такъ можетъ быть Господь благоволилъ бы дозволить мнѣ увидѣться съ вами. Вы говорили так-

(*) См. стр. 331, прим. 2.

же, что желали бы поговорить со мною о нѣкоторыхъ статьяхъ моего письма послѣдняго; а я сердечно бы этого желалъ, паипаче потому, 1) что пишу не своею рукою, и къ диктатурѣ не привыкъ, сказываю, какъ мысль приходитъ, а не въ порядкѣ, какъ бы я желалъ; 2) что слабость моя мѣшаетъ сказывать, и малѣйшее слово, въ то время мнѣ сказанное, прерываетъ нить. Но когда я говорю лично, слабость моя изчезаетъ и я дѣлаюсь крѣпокъ, что я многажды замѣчалъ. Духъ нашъ наружными обстоятельствами угнетается, и какъ бы упадаетъ, но когда онъ вступитъ въ дѣйствованіе, выступя изъ состоянія страдательнаго, тогда и наружная машина наша укрѣпляется и дѣлается свободною.

Кстати: вы упомянули въ письмѣ вашемъ о меланхоліи; я принималъ это слово, въ сочиненіяхъ вашихъ нерѣдко употребляемое, за обыкновенное выраженіе *пріятной задумчивости*, но въ письмѣ выражено такъ, будто вы подвержены сей болѣзни, что̀ меня опечалило; но я надѣюсь подать вамъ средство къ истребленію оной. Древніе Философы изъ глубокаго познанія своего, особенно въ натурѣ человѣческой, опредѣляли, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа, а изъ того выводили и болѣзни человѣческія: они всѣ болѣзни, относящіяся къ тѣлу, наружныя и внутреннія, лѣчили лѣкарствами изъ трехъ царствъ натуры, которыя и наша медицына кой-какъ лѣчить умѣетъ, и называли сіи болѣзни *болѣзнями тѣла*. Другія болѣзни, которыя извѣстны у нашихъ медиковъ подъ именемъ нервозной системы, они называли *болѣзнями души*, наши медики, ежели захотятъ истинно признаться, то должны сказать, что они ихъ лѣчить не умѣютъ; а древніе совершенно лѣчили, едвали не одними минеральными лѣкарствами. Третьи болѣзни называли они *болѣзнями духа;* къ симъ болѣзнямъ причисляли они и *меланхолію*, которой корень полагали въ невѣріи, и сіи болѣзни лѣчили они лѣкарствами духовными, т. е. чистымъ ученіемъ *истинной философіи*, которая есть вѣрная послѣдовательница ученію Ветхаго и Новаго завѣта, или вообще Слова Божія. Апостолъ Павелъ превосходно говоритъ: *основанія инаго никто не можетъ положить, кромѣ того, которое уже лежитъ, и которое есть Іисусъ Христосъ; на семъ основаніи каждый да строитъ.* Прочтите Л. Д. 3-ю главу 1-го посланія къ Коринѳ. Богъ есть свѣтъ, Слово Божіе есть свѣтъ; Христосъ Спаситель нашъ сказалъ о себѣ: *Я есмь свѣтъ міру* и пр. Все, что не изъ Бога, что не изъ Слова Божія, что не изъ ученія І. Х., все то есть тьма, а посему и меланхолія есть изъ тьмы. Посмотримъ напримѣръ въ физикѣ: когда небо покрываютъ черныя, густыя

и непроницаемыя тучи, тогда и самый крѣпкій, здоровый человѣкъ чувствуетъ какую-то неловкость, скуку, даже грусть, не имѣя къ тому никакой причины; больной же, слабый, дряхлый, чувствуетъ сіе сто разъ сильнѣе: отъ чего же это? отъ того, что физическая тьма дѣйствуетъ на свое подобно. Когда же вдругъ возсіяетъ солнце въ полномъ свѣтѣ своемъ и блескѣ, тогда мгновенно тьма изчезаетъ и солнечный свѣтъ дѣйствуетъ на свое подобное, и на нашу физику; человѣкъ веселится и радуется, и самъ не зная отъ чего. Отъ того, что физическій свѣтъ солнца дѣйствуетъ на свое подобное въ насъ. Что же скажемъ о Солнцѣ правды, Іисусѣ Христѣ?—Не будетъ ли сей свѣтъ тысячекратно сильнѣе дѣйствовать на нашу духовность? Читайте Л. Д. наипаче Новый завѣтъ, читайте чаще, замѣчайте отличнѣйшіе тексты, а ежели дѣйствительно подвержены вы ипохондріи, то она отъ сего лѣкарства совершенно истребится. Послушайтесь совѣта отличнѣйшаго *ученика любви*, Св. Іоанна; онъ въ 4-й главѣ 1-го Посланія совѣтуетъ испытывать духовъ; прочитайте не только всю сію главу, но и всѣ его Посланія и самое Евангеліе, имъ написанное; что касается до его Апокалипсиса, то онъ для насъ весьма, весьма высокъ. Многіе марали бумагу, пиша изъясненіе онаго; но ежели бы они воистину разумѣли только главу, или и часть только оной, то никогда бы не дерзнули изъяснять онаго. Моисей описалъ намъ твореніе и паденіе человѣка, а Св. Іоаннъ въ Откровеніи своемъ описалъ возстановленіе и возведеніе человѣка гораздо въ высшую степень, нежели въ какой онъ былъ въ раѣ; кратко сказать, Моисей показалъ намъ Альфу, а Св. Іоаннъ Омегу.

Кажется мнѣ, что я никогда бы не пересталъ писать къ вамъ и изливать на бумагу мысли и сердце мое, исполненное искренней любви къ вамъ и желанія вамъ всего добра или блага, не только временнаго, но паче вѣчнаго; однакожъ и сему положить должно границы». (стр. 376—284.)

Письмо это писано, какъ видно, въ 1814 г., считая годомъ рожденія Карамзина 1765-й г. (*)

II. А. Ѳ. Воейковъ.

Сочиненія Воейкова до сихъ поръ еще не имѣли полнаго изданія; всѣ они разбросаны по журналамъ и полное ознакомленіе съ ними возможно только тогда, когда у насъ будутъ состав-

(*) Хотя эти два письма и были уже перепечатаны г. Старчевскимъ въ его монографіи «Н. М. Карамзинъ,» но не вполнѣ вѣрно, почему мы и позволяемъ себѣ издать ихъ сн[illegible].

лены указатели ко всѣмъ старымъ періодическимъ изданіямъ. А. Воейковъ имѣетъ значеніе въ исторіи русской словесности, особенно какъ переводчикъ и журналистъ. Встарину же его ставили почти наравнѣ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ ([14]).

Біографическія свѣдѣнія о Воейковѣ тоже скудны; мы имѣемъ только коротенькое извѣстіе о его службѣ въ «Опытѣ истор. русск. лит.» г. Греча, да некрологъ, ([15]) перепечатанный г. Старчевскимъ въ Справоч. Энциклоп. Лекс. (т. III, стр. 276). Вотъ нѣсколько дополненій къ нимъ, собранныхъ изъ разныхъ книгъ.

А. Ѳ. Воейковъ род. въ Москвѣ въ 1773 г., 15 ноября. Воспитывался тамъ-же, въ Универс. Благородн. Пансіонѣ и считался въ числѣ лучшихъ его воспитанниковъ: имя Воейкова написано было на золотой доскѣ, на ряду съ именемъ Жуковскаго ([16]). Здѣсь вѣроятно, подъ вліяніемъ извѣстнаго «Собранія воспитанниковъ благородн. универс. панс.», у него развилась первая любовь къ литературѣ. Печатался ли Воейковъ раньше 1806 г.—не знаемъ, но къ этому году относится его «Сатира къ С. (перанскому) объ истинномъ благородствѣ, ([17])» которою онъ собственно и прославился ([18]). Впрочемъ она болѣе замѣчательна по рѣзкому тону, нежели по литературному достоинству. Вотъ напр. нѣсколько строкъ:

. . . . . не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался,
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцовъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не вожгутъ къ честямъ поревнованья.
Когда безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ;
А между тѣмъ сей князь, бояринъ этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,—
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ....

---

(14) «Мелочи» М. А. Дмитріева, Москвит., 1854 г., N 16, стр. 174.
(15) Сынъ Отеч. 1839 г., N 9.
(16) Воспом. о Моск. Благор. Панс., въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др., г. 4-й кн. 1-я, стр. 103.
(17) Вѣстн. Евр. 1806 г., N 19, стр. 195—201.
(18) «Мелочи, стр. 174.

Вѣроятно, что и до этой сатиры Воейковъ писалъ уже, а м. б. и печаталъ. Въ одномъ стихотвореніи своемъ, которое относится къ 1814 г., Воейковъ говоритъ:

Я опекунъ твой, старше вдвое,
Едваль не опытнѣе втрое,
И въ стихотворной цѣхъ давно
Въ одномъ разрядѣ съ Тредьяковскимъ,
Записанъ маклеромъ Жуковскимъ ([19]).

Въ 1808 г. онъ издалъ переводъ Вольтеровой «Исторіи царствованія Людовика XIV» (М. 4 ч. 8). Все время до войны XII года, Воейковъ жилъ въ Москвѣ, переводилъ «Сады» Делиля и былъ постояннымъ членомъ кружка московскихъ литераторовъ. У одного изъ послѣднихъ, Ѳ. Ѳ. Иванова, бывали литературные вечера ([20]), куда собирались Батюшковъ, Мерзляковъ, Кокошкинъ, Смирновъ, переводчикъ Шиллера, и другіе; въ числѣ ихъ постоянно бывалъ и Воейковъ, часто игравшій здѣсь съ Мерзляковымъ въ карты на стихи, которые послѣдній долженъ былъ переводить изъ «Садовъ» ([21]).

Война XII года, какъ дѣло народное, нашла глубокое сочувствіе въ кругу тогдашнихъ литераторовъ; по крайней мѣрѣ бо̀льшая и лучшая половина ихъ вступила въ ряды русской арміи; между ними былъ и Воейковъ; это видно изъ посланія къ нему Жуковскаго:

Ты былъ подъ знаменами славы,
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга ([22]).

По изгнаніи французовъ, Воейковъ вышелъ въ отставку и, вѣроятно желая отдохнуть отъ военныхъ трудовъ, объѣздилъ чуть ли не всю Россію; объ этомъ говоритъ Жуковскій въ томъ же посланіи, которое относится къ 1813 году; подробнѣе разсказываетъ самъ Воейковъ, тоже въ стихахъ ([23]).

Возвратившись изъ путешествія, онъ жилъ по прежнему въ Москвѣ. Къ этому времени относится извѣстное его стихотворе-

---

([19]) Славянинъ на 1827 г., N 50, стр. 432.

([20]) Объ этихъ вечерахъ см. статью Мерзлякова объ Ивановѣ, Труды Общ. Люб. Рос. Слов., ч. VII, стр. 101—104.

([21]) Біографич. Слов. Професор. Московск. Унив., т. II, стр. 77.

([22]) Стихотв. В. А. Жуковскаго, изд. 1849 г., т. II, стр. 41.

([23]) См. Славянинъ 1827 г. № 38, стр. 450—462 «Къ М. М. Михайлову о пользѣ путешествія по отечеству».

([24]) Москвит. 1852 г., № 18, 120.

ніе «Домъ Сумасшедшихъ» написанное осенью 1814 г. въ деревнѣ А. Н. Арбеньевой. По о немъ будетъ ниже. Въ 1815 г. Воейковъ, женившись на племянницѣ Жуковскаго Ал. Андр. Протасовой (Свѣтланѣ), переѣхалъ на житье въ Дерптъ, куда назначенъ былъ въ университетъ профессоромъ русской словесности ([24]). Здѣсь онъ оставался до 1820 г.; литературныя занятія его не прекращались: въ это время онъ участвовалъ въ изданіи «Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій», вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Тургеневымъ, продолжалъ переводить «Сады» Делиля и «Георгики» Виргилія, писалъ поэму «Искусства и науки» и разныя стихотворенія, которыя потомъ, въ С. Пбургѣ, печаталъ въ своихъ журналахъ ([25]). Что́ дѣлалъ Воейковъ по своей каѳедрѣ не знаемъ; можетъ быть къ этому времени относится извѣстное его открытіе спондеевъ въ русскомъ стихосложеніи. Для образца приводимъ нѣсколько строкъ воейковскихъ quasi-спондеевъ:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянія Россовъ:
Галлъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ, Турокъ, Сарматъ и Саксонецъ—
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли, и всѣхъ охраняемъ.

Въ 820-мъ году Воейковъ оставилъ профессуру, переѣхалъ въ С.-Петербургъ и вскорѣ поступилъ здѣсь на мѣсто инспектора Артиллерійскаго Училища. Въ промежутокъ 21—25 гг. онъ напечаталъ 2-е изд. «Образцовыхъ Сочин.,» а вслѣдъ за тѣмъ и новое собраніе ихъ (см. Роспись Смирдина, NN 6074—76).

Съ переселеніемъ въ Спб., Воейковъ вступилъ на поприще для него совершенно еще новое—журналиста. Сначала онъ издавалъ «Сынъ Отеч.,» вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ, потомъ «Русск. Инв.,» «Новости Литературы» ([26]) и «Славянинъ.»

Почти во все время своего журнальнаго поприща, онъ велъ жаркую борьбу съ Полевымъ и въ особенности съ издателемъ Сѣв. Пчелы ([27]).

Какъ журналистъ, Воейковъ пользовался большимъ значеніемъ,—его боялись. Между прочимъ, по выходѣ «Вечеровъ» Гоголя, Пушкинъ обратился съ просьбою къ нему поддержать

([25]) Полный переводъ Садовъ былъ напечатанъ въ 1816 г. (Спб. 4°) а «Георгики», въ отрывкахъ, помѣщались въ журналахъ, преимущественно въ Вѣстн. Евр. 816 и 817 г.

([26]) Въ «Новост. Литер.» онъ помѣстилъ, между прочимъ, интересную статью о Вл. Ив. Лопухинѣ и его «Запискахъ», подъ заглавіемъ «Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ и о добродѣтельномъ его хозяинѣ». 1825 г., май, стр. 65—90.

([27]) См. въ Славянинѣ отдѣлъ «Хамелеонистики».

начинающаго: «ради Бога, возьмите его (Гоголя) сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на *дурной* тонъ и проч.»

Умеръ Воейковъ въ 1839 г.

Теперь обратимся къ «Дому Сумасшедшихъ.» Написано это стихотвореніе, какъ уже говорено, въ 1814 году; но потомъ нѣсколько разъ дополнялось въ 1826, 36, 37 и наконецъ въ 1838 г.; первоначально стихотвореніе названо было «Новый Бедламъ». До сихъ поръ оно извѣстно только въ рукописяхъ, за исключеніемъ трехъ отрывковъ ([28]); но содержаніе его исполнено такой невинной ироніи, что мы рѣшились напечатать «Домъ Сумасшедшихъ» въ своихъ «Замѣткахъ»; но только первой редакціи, которая составляетъ теперь довольно замѣчательную рѣдкость.

Позднѣйшая редакція, по нашему мнѣнію, гораздо ниже первой: въ ней много натяжекъ, потому что Воейковъ слишкомъ растянулъ свою эпиграмму. «Домъ Сумасшедшихъ» интересенъ тѣмъ, что знакомитъ насъ съ слабыми сторонами, (на сколько стало у автора способностей подмѣтить ихъ), русскихъ литераторовъ двадцатыхъ годовъ. Воейковъ былъ въ дружескихъ связяхъ со многими изъ тѣхъ, которыхъ онъ посадилъ въ свой домъ сумасшедшихъ; Жуковскій, Батюшковъ, Мерзляковъ, Глинка, первые любовались его шуткою.

La vie de l'homme n'est qu'un songe:
Un songe agréable est préferable à une triste réalité.

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не паровъ смѣшенье онъ.
Нѣтъ, по мщенью предъидущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Въ вечеру, простившись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ,
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ,
Изъ Амура по сю пору
Недописанныхъ стиховъ.

([28]) Первый отрывокъ (о Шаликовѣ) напечатанъ въ 3 статьѣ г. Гаевскаго о Дельвигѣ, Соврем. 1854 г., № 1, отд. III, стр. 18 и 19, въ примѣч. Второй (о Сладковскомъ) въ статьѣ г. Пекарскаго «Русск. Мемуары,» Соврем., 1855 № 4, отд. II, стр. 57. ретій въ Отеч. Зап., 1856 г. № II, стр. 30, при разборѣ стихотвореній Славина.

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
Но въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ . . .
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ —
И вступаю въ желтый домъ (29).

Отъ любови сумасшедшихъ,
Въ списокъ было я взглянулъ,
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ я вспомянулъ,
О Кокошкинъ (а)! долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;
Но, сказавъ «прости» обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ.

Ахъ, и я. . . но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу:
Во второе отдѣленье
Я чиннёхонько вхожу:
Тутъ одинъ желаетъ трона,
А другой владѣть луной,
И портретъ Наполеона
Намалеванъ какъ живой.

Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ,
И увидѣлъ надъ дверями
Очень четко сей отдѣлъ:
«Прозаистамъ и поэтамъ,
«Журналистамъ, авторамъ
«Не по чину, не по лѣтамъ,
«Здѣсь мѣста по номерамъ.»

Двери настежь надзиратель
Отворя, мнѣ говоритъ:
«Номеръ первый, вашъ пріятель
«Каченовскій (б) здѣсь сидитъ.
Букву э на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ сжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поетъ.

То кавыки созерцаетъ,
То обнюхивая гниль,
Духу розъ предпочитаетъ,
То смѣтаетъ съ книжекъ пыль;

(29) До перевода дома умалишенныхъ на петергофскую дорогу, онъ помѣщался въ Обуховской больницѣ, которая выкрашена была желтою краскою. Обыкновенно желтымъ домомъ называется больница умалишенныхъ.

И въ восторгѣ восклицая,
Набивая ею ротъ:
«Соръ славянскій! пыль родная!
«Слаще ты, чѣмъ медъ изъ сотъ.»

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ (в) въ слезахъ,
Разрумяненый, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ;
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ
И мяуча сладострастно,
Розмазню безъ масла ѣстъ.

Номеръ третій, на лежанкѣ
Истый Глинка (г) возсидитъ;
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ;
Книга кормчая отверста,
А уста отворены;
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.

О Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ россійскаго стоглава
Ты Гофолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженье, красота
Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота.

Ты, Хвостовъ (д)! къ нему дошедши
Вскрикнулъ я,—тебѣ ль здѣсь быть?
Ты . . . . . . , не сумасшедшій:
Не съ чего тебѣ сойтить.
«Въ Буало я мысль добавилъ,
«Лафонтена я убилъ
«И Расина обезславилъ.»
Быстро онъ проговорилъ.

И читать мнѣ началъ оду;
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя; но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицемъ печальнымъ
Буквъ славянскихъ красоту,
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую *ѵиту*.

И на мебеляхъ повсюду
Коронованное—*кси*,

Старовѣрскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ *юсъ* и *пси*;
Томъ въ сафьянъ переплетенный
Тредьяковскаго стиховъ . . . .
Я увидѣлъ изумленный
И узналъ, что то Шишковъ.

Вотъ Сладковскій (е) восклицаетъ:
«Се, се Россы, се самъ Петръ,
«Се со всѣхъ сторонъ сіяетъ
«Молнія изъ тучныхъ нѣдръ.
«И чрезъ Ворсклу при переправѣ
«Градовъ на сушѣ творецъ,
«Съ дрогостью пошелъ онъ ко славѣ,
«А поэмѣ сей конецъ.»

Вотъ Жуковскій, въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянувши чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ,
И глазкомъ ей подмигнетъ
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ. (30)

Вотъ Кутузовъ. Онъ зубами (ж),
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ ручьями,
Кровью грудь обагрена;
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Время только тратитъ онъ—
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

А Станевичь, (з) въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
«Міръ, потомство!—за меня!
«Злому критику отмстите,
«Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
«Монументъ соорудите!
«Я заслугами великъ!

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ,
Крошка Батюшковъ сидитъ,
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ пѣвецъ согласно:
«Такъ спокоенъ сверху видъ,
«Но спустись туда, ужасно!
«Крокодилъ на днѣ лежитъ.»

Вотъ Грузинцовъ (п)!— онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь,
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ;
Держитъ греческій букварь.
— «Вѣрно ваше сочиненье?»
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
«Нѣтъ, Софоклово творенье—»
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

И бѣгомъ безъ дальнихъ сборовъ . . . .
«Вотъ еще—сказали мнѣ.
Я взглянулъ: Максимъ Невзоровъ (і)
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
«Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
«Былъ на мой журналъ расходъ,
«Пострадала бъ горько вѣра:
«Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.»

Отъ досады и отъ смѣху,
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать утѣху;
Но смотритель доложилъ:
«Рады ль вы, или не рады,
«По указъ ужъ полученъ;
«Вамъ отсель нельзя ни пяди.
И указъ тотчасъ прочтенъ:

«Тотъ Воейковъ, что Делиля
«Столь безбожно исказилъ,
«Истерзать хотѣлъ Эмиля
«И Виргилію грозилъ,—
«Долженъ быть, какъ сумасшедшій,
«Вовсе запертъ въ желтый домъ;
«Темя все обрить поспѣшнѣй
«И тереть почаще льдомъ.« (к)

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,—
И проснувшись не очнулся,
Не повѣрилъ самъ, что спалъ.
Други! вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать—не жить поэту,
А писать начать—боюсь!

Для поясненія, предлагаетъ здѣсь нѣсколько примѣчаній.

(а) *Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ,* переводчикъ мизантропа и авторъ нѣсколькихъ комедій; былъ предсѣдателемъ Общ. люб. русск. слов. См. «Мелочи» М. А. Дмитріева, Московит., 1854 г., № 12, стр. 165—169. Это обращеніе относятъ и къ *Д. А. Кавелину*, переводчику нѣсколькихъ англійскихъ романовъ.

(б) *М. Тр. Каченовскій* извѣстный профессоръ московскаго университета.

(в) *Кн. Петръ Ив. Шаликовъ*—переводчикъ, журналистъ и сантиментальный поэтъ. См. о немъ «Мелочи,» Москвит. 1854, N 1—2, стр. 197—200.

(г) *С. Н. Глинка* издатель Русскаго Вѣстника (1808—24 г. г.) и первый ратникъ московскаго ополченія XII года. См. тамъ же, тр. 203—205.

(д) *Графъ Дм. Ив. Хвостовъ* извѣстный своею метроманіею; его стихи называли «le sublime du galimatias.» См. «Мелочи,» Москвит. 1854 г., N 6, стр. 97—98 и «Улей» 1811 г., N 2, стр. 115, гдѣ напечатанъ *полный* перечень соч. Хв-ва до 1811-го г.

(е) *Романъ Сладковскій*, авторъ единственный поэмы «Петръ Великій.» (Спб. 1803. 4).

(ж) *Павелъ Ив. Голенищевъ-Кутузовъ*, переводчикъ Пиндара, Гезіода, Теокрита и Сафо.

(з) *Евст. Ив. Станевичъ*—писалъ стихи и прозу; сочиненія его изданы въ 1805 г. (Спб. 16°). Онъ былъ жаркимъ приверженцемъ Шишкова и по выходѣ въ свѣтъ «Разсужденія о Русск. Слогѣ,» написалъ, между прочимъ, слѣдующій панегирикъ, который можетъ дать понятіе и объ авторѣ.

От книги твоея, Шишковъ! о русскомъ слогѣ,
　　Ты видишь всѣхъ въ тревогѣ,
　　Одни тебя благодарятъ,
　　Другіе же язвятъ:
А кто изъ нихъ на то имѣетъ больше права,
Рѣшитъ въ потомствѣ то твоя не лжива слава.
А солнышко когда выводитъ красный день,
　　Не такъ ли мгла и тѣнь
　　Ему противятся съ начала?
　　Но солнышко взошло, и мгла уже пропала. (Соч. стр. 89.)

(и) *Александръ Никол. Грузинцовъ*—писалъ трагедіи изъ греческой жизни: «Эдипъ Царь,» «Электра и Орестъ» и друг. Сочиненія его изданы въ 1811—15 г. г. (Спб. 2 ч.)

(і) *Макс. Ив. Невзоровъ*—воспитанникъ «Дружескаго Общества» и издатель журнала «Другъ Юношества,» См. его біографію, написанную г. Безсоновымъ, Русск. Бесѣда, 1856 г. кн. III и Моск. Вѣд. 1857 г., N 9, статью Г. М. Третьякова.

(к) Послѣ Воейкова остался портретъ, на которомъ онъ, по собственному желанію, написанъ въ полосатомъ халатѣ и мѣховой шапкѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. Наверху надпись: «Домъ Сумасшедшихъ. Отд. III, N 27;» передъ нимъ листъ бумаги со слѣдующими четырьмя стихами:

Вотъ Воейковъ, что бранился,
Вѣкъ съ Б . . . . возился,
Честь свою тѣмъ запятналъ
И въ безумной домъ попалъ.

III. О службѣ Гоголя въ Департаментѣ Удѣловъ.

Въ ноябрской книжкѣ Отечеств. Зап. прошлаго года, при разборѣ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя,» было, между прочимъ, сказано: «время опредѣленія Гоголя на службу означено у Николая М. (Кулиша), кажется, неточно. Онъ говоритъ, что Гоголь опредѣлился на службу (въ департаментъ удѣловъ, столоначальникомъ) [31] въ апрѣлѣ 1830 («Зап.» I, 84), но въ письмѣ къ матери отъ 2-го апрѣля 1830, помѣщенномъ на стр. 94-й, Гоголь говоритъ, что жалованья *за декабрь 1829 года* не получалъ, по причинѣ вычета за переименованіе въ чинъ, на инвалидовъ, на госпиталь и проч., а *за январь 1830 получилъ жалованья 50 рублей.* Откуда же получалъ онъ жалованье? Гдѣ служилъ до апрѣля? Конечно, это обстоятельство не значительное, но все же лучше было бы, еслибъ и оно объяснилось.» [32] Дѣйствительно изъ приложеннаго г. Кулишомъ реестра доходовъ и расходовъ Гоголя, выходитъ что послѣдній поступилъ на службу въ 1829 г. Но здѣсь ошибка издателя «Зап.», или можетъ быть и самого Гоголя: вмѣсто «за декабрь 1829 и январь 1830 года,» нужно читать: «за декабрь 1830 и январь 1831 г.». Гоголь поступилъ на службу дѣйствительно только въ 1830-мъ г., что доказываетъ слѣдующій отрывокъ изъ аттестата, выданнаго ему при отставкѣ изъ департамента: «По окончаніи курса ученія въ Гимназіи Высшихъ наукъ кн. Безбородко съ правомъ на чинъ XIV класса, поступилъ на службу въ Дедепартаментъ Удѣловъ *1830 г., апрѣля 10.* Указомъ Правительствующаго Сената того же года іюня 3, утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, а 10 іюля помѣщенъ на вакансію помощника столоначальника. Прошлаго же 1831 г., марта 9, по прошенію его, изъ департамента удѣловъ уволенъ. По служеніи его въ семъ департаментѣ поведенія былъ отличнаго и должность свою исправлялъ съ усердіемъ. Нынѣ ему 24 года. Выданъ аттестатъ 25 января 1832 г.»

---

(31) Въ «Запискахъ» сказано помощника столоначальника, какъ дѣйствительно и было. Т. I, ст. 84.

(32) Отд. II, ст. 18.

IV. Французскіе стихи В. Л. Пушкина.

Французскіе стихи русскаго поэта—не новость; примѣръ Тредьяковскаго ([33]) не остался безъ послѣдствій. Приводимъ здѣсь «couplets» В. Л. Пушкина, которые были напечатаны въ 192-мъ N газеты «Le Conservateur Jmpartial», 1814 г., и въ полное собраніе сочиненій В. А. Пушкина не внесены.

1.

Messieurs, nous sommes à Paris,
Les Russes sont honnêtes;
Vous avez vu notre pays,
Nous allons voir vos fêtes,
La tragédie, et les ballets,
Brunet, le vaudeville,
Et nous vous ferons des couplets
Sans brûler votre ville.

2.

Au Gros-Gaillou, nos chers Amis,
Nous nous rendrons sans faute,
Boire à longs traits, du bon Chablis,
Manger la Matelotte.
Livrez-nous tous vos arsenaux,
Sans crainte de surprises;
Vous ne verrez point nos chevaux,
Messieurs, dans vos Eglises.

3.

Qu'ils sont jolis vos Boulevards,
Et vos Champs-Elisees!
Nous aimons aussi les Beaux-Arts,
Montrez—nous vos Musèes.

([33]) Извѣстно, что Тредьяковскій писалъ довольно много французскихъ стиховъ и послѣдніе у него выходили даже лучше русскихъ. Сочиненіе ихъ относится къ времени пребыванія Тредьяковскаго въ Парижѣ. Въ первый разъ французскіе стихи его напечатаны въ книжкѣ «Ѣзда на островъ любви, переведена съ французскаго на русской. Чрезъ студента Василья Тредьаковскаго и приписана его сіятельству князю Александру Борисовичу Куракину. Напечатана 1730.» 160—207 стр. Для примѣра вотъ начало одного изъ нихъ, которое носитъ заглавіе: «Объявленіе любви французской работы:»

Il est un berger sincère
Delicat, constant, discret,
Qui vous adore en secret,
Et qui mourrait pour vous plaire.
Je n'en dirai pas le nom:
Je crains toujours votre colère
Je n'en dirai pas le nom:
Mais ecoutez ma chanson etc. (стр. 175).

Soyez—bien sûrs que de Paris,
Nous connaissons la carte,
Allons, la Paix! vive Louis!
Et point de Bonaparte.
Basile Pouchkine.

V. Стихотворенія Іосифа Олова.

Проѣзжая лѣтомъ 1855 г. чрезъ Москву, я счелъ непремѣнною обязанностью побывать у извѣстнаго тамъ книгопродавца—библіомана Ив. Гр. Кольчугина. Между прочими книгами, онъ показалъ мнѣ «Разныя стихотворенія Іосифа Олова» (М. 1832 въ 32-ю д. л., 2 ч. I: 98 стр. II: 57+VIII стр.) (34), говоря, что настоящій авторъ этой книжки—Н. В. Гоголь, отдавшій будто-бы самъ г. Кольчугину эту книжку на коммиссію; но потомъ отобравшій всѣ экземпляры назадъ. Я пріобрѣлъ «Разныя стихотворенія», но тогда же усумнился въ принадлежности ихъ Гоголю, потому собственно, что съ меня взяты были за нее деньги слишкомъ небольшія для сочиненія автора «Мертвыхъ Душъ». Тѣмъ не менѣе при случаѣ я началъ наводить справки, желая узнать истину.—Разумѣется, прежде всего я обратился къ книгамъ г. Кулиша, но ни въ «Опытѣ», ни въ «Запискахъ» не нашелъ ничего, что хотя бы намекало на принадлежность «Стихотвореній» Гоголю. Можно только предполагать, по письмамъ къ Данилевскому (35), что послѣ изданія «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», Гоголь сознавалъ уже, что вещи подобныя Ганцу Кюхельгартену—не его призваніе. Но письма эти еще не говорили, что «Разныя Стихотворенія» писаны не имъ.—Потомъ я обращался за рѣшеніемъ этого вопроса къ людямъ, которые *могли* знать истину, но отвѣты ихъ были ни pro, ни contra. Предлагая теперь его на рѣшеніе нашихъ библіографовъ, считаю нелишнимъ съ своей сторыны сдѣлать одно замѣчаніе.

Въ концѣ перваго стихотворенія («Пиршество боговъ парнасскихъ») помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «Сіе стихотвореніе, также Караибъ, отрывокъ изъ Парида и нѣкоторыя другія, здѣсь помѣщенныя, суть плоды 16-лѣтняго возраста, первые порывы воображенія. Онѣ оставлены, по причинѣ моей болѣзни, въ такомъ видѣ, въ какомъ вышли изъ пера юноши, хотя пламеннаго, но робкаго, и не оживленнаго драгоцѣннымъ вниманіемъ публики».—Вспомнимъ предисловіе къ Ганцу Кюхельгартену: «Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣтъ, еслибъ обстоятельства важныя для одного только автора, не

(34) Цензурное позволеніе дано (въ М. 1832 г. 4-го апрѣля) г. Снегиревымъ.
(35) Зап. о жизни Гоголя Т. I, стр. 108—115.

побудили его къ тому. Это произведеніе его 18-лѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и представляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли» и т. д. (36) И тамъ и здѣсь есть что-то сходное въ уловкѣ автора привлечь вниманіе публики на свою сторону; по крайней мѣрѣ такъ намъ кажется. Припомнимъ также, что въ «Ганцѣ» авторъ скрылъ свою фамилію подъ псевдонимомъ *Алова*.—Очень можетъ быть, что Гоголь рѣшился «Разными стихотвореніями» въ послѣдній разъ испытать свои стихотворныя способности, и увидѣвъ, какъ и въ первый разъ, неудачу—съумѣлъ закрыть всѣ слѣды второй попытки, если это въ первый разъ не совсѣмъ ему удалось (37).—Замѣтимъ также, что въ концѣ книжки приложенъ списокъ «особъ благоволившихъ подписаться на сію книгу». Это обстоятельство нѣсколько противорѣчитъ характеру предполагаемаго автора, но онъ могъ это сдѣлать для большей маскировки, чрезъ другія руки. Между подписчиками встрѣчаемъ и имя нашего поэта А. С. Хомякова.

Въ каталогѣ Ольхина (С.-Пб. 1846 г.) стихотворенія Олова названы подъ № 5241-мъ.

Ал. Лазаревскій.

VI. Поправки къ смирдинскому изданію сочиненій Д. В. Давыдова.

Послѣдне изданіе сочиненій Д. В. Д-ва заключаетъ въ себѣ нѣсколько пропусковъ. Указаніе ихъ нелишне для будущихъ издателей.

Изъ числа стихотвореній недостаетъ слѣдующихъ: 1) «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи,» 2) «Утро,» элегія. Они помѣщены были въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сѣверная Звѣзда,» (С.-Пб. 1829) съ подписью *Д. Д.*, *Д. Д-въ;* первое на стр. 67-й, а второе на 293-й. Принадлежность ихъ Давыдову очевидна изъ того, что здѣсь же находится два другія стихотворенія, съ такими же подписями, перенесенныя въ полн. собраніе; обо всѣхъ четырехъ пьесахъ издатель въ предисловіи говоритъ, что это—произведенія одного изъ лучшихъ нашихъ писателей того времени и писаны за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, т. е. предъ 1829-мъ г. (стр. VI). 3) «Е. Ѳ. С—ну, убѣждавшему меня написать что нибудь,» «Споріусъ, собраніе сочин. и перевд. въ прозѣ и стихахъ,» изд. М. А. Бестужева-Рюмина, (С.-Пб.) на

(36) Зап. о жизни Н. В. Г., Т. I. стр. 68.
(37) Тамъ же, стр. 66 и 67.

стр. 71-ii, съ подписью: *Давыдовъ* и помѣткою: *Дрезденъ. 1814.* 4) «*Глаза скосивъ: на усъ кудрявый*» и 5) «*Въ ужасахъ войны кровавой.*» Эти два стихотворенія напечатаны въ книжкѣ: «Эвтерпа или собраніе новѣйшихъ романовъ, балладъ и пѣсень извѣстнѣйшихъ и любимыхъ русскихъ поэтовъ,» (М. 1831), первое на стр. 39—42, второе 124—126, съ подписью *Д. Давыдовъ*, «Эвтерпа» издана какимъ-то спекуляторомъ и потому можно сомнѣваться въ принадлежности названныхъ стихотвореній знаменитому партизану.

Изъ числа прозаическихъ прозведеній Давыдова пропущены двѣ выписки изъ дневника партизана Д-ва, помѣщенныя въ Отеч. Зап. П. Свиньина: 1821 г., VIII, 25—41: 1822 г., IX, 324—336.

Послѣ изданія 1848 г. напечатаны: 1) Письмо къ гр. Хвостову о Суворовѣ, Москвит. 1850 г., № 4. 2) Письмо къ М. Н., Загоскину, «Раутъ» изд. Н. В. Сушкова, въ статьѣ издателя: «Обозъ къ потомству.» Изъ послѣдняго письма видно, что Загоскинъ просилъ Д-ва сообщить ему свѣдѣнія о партизанѣ Фигнерѣ для романа «Рославлевъ». Д-въ исполнилъ просьбу романиста; вѣроятно это и была «характеристика партизана Фигнера», хранящаяся теперь въ рукописи въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступила изъ погодинскаго древлехранилища. (См. Отчетъ Публ. Б-ки за 1852 г., стр. 39.)

При изданіи стихотвореній Д-ва 1832 г. и при двухъ собраніяхъ сочиненій (1840 и 48 г. г.) приложенъ очеркъ его жизни. Этотъ очеркъ, впервые напечатанный въ «Русскомъ Зрителѣ,» 1830 г., по бойкости пера, считали за автобіографію; но въ изд. 1840 г., самъ Д-въ разъясняетъ это дѣло: по его словамъ, это произведеніе его сослуживца и друга, О. Д. О-го, т. е. *Осипа Даниловича Ольшевскаго*, бывшаго въ 1815 г. командиромъ Гусарскаго принца Оранскаго полка и скончавшагося въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

VII. Ненапечатанные стихи А. С. Пушкина.

Послѣ выхода сочиненій Пушкина въ изданіи П. В. Анненкова, въ разныхъ журналахъ стали появляться его стихотворенія или вовсе не бывшія въ печати, или напечатанныя прежде, но не внесенныя въ новое изданіе. Недавно объявлено было, что г. Анненковъ готовитъ къ изданію седьмой, дополнительный томъ, куда должны войти всѣ названныя стихо-

творенія знаменитаго поэта. Въ ожиданіи его, сообщаемъ слѣдующія строки Пушкина, не имѣющіяся у Анненкова.

1.

Къ К. Б., при посылкѣ одного стихотворенія.

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею радостно дышалъ.
Но васъ я вижу, вамъ внимаю....
И что же?—слабый человѣкъ,
Свободу потерялъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю. (Молодикъ СПб. 1844 г.)

2.

Поэтъ Невѣдомскій, невѣдомый никѣмъ,
Печатаетъ стихи невѣдомо зачѣмъ.

Николай Васильевичъ Невѣдомскій, противъ котораго направлена эта эпиграмма, былъ авторъ нѣсколькихъ стихотворныхъ произведеній, напечатанныхъ отдѣльно, или помѣщенныхъ въ журналахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

3.

Всѣмъ извѣстна прекрасная надпись Пушкина къ портрету Шишкова; это двустишіе составляетъ отрывокъ изъ одного большаго посланія, до сихъ поръ не изданнаго. Вотъ то мѣсто посланія, гдѣ находится это двустишіе:

. . . . . Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра новаго намъ новый Царь избралъ.
Шишковъ уже наукъ ученье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ—онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ среди вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ,
Отъ хлада нашихъ лѣтъ онъ—лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.

Л. Майковъ.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ КОРЕЛКИНЪ.

Исторія университета, какъ и дѣятельность его, должна искать себѣ матеріаловъ и въ зауниверситетской жизни питомцевъ его, которые вносятъ въ жизнь добытое ими съ помощью молодыхъ силъ на почвѣ науки, истины и товарищества. Тѣмъ лучше и яснѣе поймемъ мы взаимную связь добра съ наукой,

связь, составляющую сущность университетскаго воспитанія, чѣмъ внимательнѣе будемъ знакомиться съ плодами этого воспитанія, перенесенными въ среду общественной дѣятельности, какъ бы ни была она тѣсна.

Николай Павловичъ Корелкинъ—имя не громкое въ литературѣ и наукѣ, но тѣмъ не менѣе дорогое для каждаго, знавшаго его хоть нѣсколько. Долгомъ считаемъ подѣлиться съ товарищами нашими воспоминаніями о немъ.

Онъ родился въ Вологдѣ 3 марта 1830 года, отъ небогатыхъ родителей изъ купеческаго сословія. Патріархальное воспитаніе, полученное имъ дома, оставило на немъ лучшіе слѣды, какіе могло оставить: любовь къ семейству своему и къ семейственности, мягкость и скромность характера.—Замѣчательно, что постепенность, какая соблюдается въ умственномъ образованіи дѣтей купцовъ, постепенность скорѣе внѣшняя, чѣмъ основанная на педагогическомъ изученіи воспитанника, все таки ведетъ къ основательному образованію, если только оно доводится до конца. Я говорю о томъ, что купцы начинаютъ обучать своихъ дѣтей съ самыхъ низшихъ учебныхъ заведеній, т. е. съ приходскаго или уѣзднаго училища. Такъ началъ и Н. П. Прилежный мальчикъ, оказавъ отличные успѣхи въ вологодскомъ училищѣ, былъ отданъ въ тамошнюю же гимназію. Этотъ переходъ открывалъ уже болѣе широкую дорогу надеждамъ и стремленіямъ молодаго Корелкина, котораго прилежаніе увеличивалось соразмѣрно кругу дѣятельности. Онъ обратилъ на себя вниманіе начальства и учителей: участіе именно такихъ лицъ, какъ директоръ вологодской гимназіи г. Башинскій и оба учителя русскаго языка и словесности Иваницкій (*) и Титовъ, имѣли вліяніе на будущность его. Будучи только 15 лѣтъ, безъ денежнаго обезпеченія, безъ видимой возможности и, какъ казалось ему, безъ права удовлетворять своимъ внутреннимъ стремленіямъ, Н. П. жертвовалъ призывами ума въ пользу своего семейства.—По окончаніи курса въ гимназіи (въ 1845 году) онъ искалъ себѣ мѣста уѣзднаго учителя въ Грязовцѣ. Но 15-лѣтнему юношѣ дали силы и надежду его благородные воспитатели. А безъ нихъ тяжело было бы такой еще не взросшей душѣ упрочить въ себѣ корни, пущенные истиной науки! Слишкомъ рано и поспѣшно заходить за ученіе всегда бываетъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Такъ въ воспитаніи гимназическомъ, такъ еще болѣе въ воспитаніи университетскомъ, потому что въ немъ всего необходимѣе участіе самопознанія и развитой са-

(*) Нынѣ директоръ псковской гимназіи.

модѣятельности. — Картина университетской жизни, которую обрисовали Корелкину его друзья-воспитатели, пробудила въ немъ энергію, достойную молодости. И вотъ начался подвигъ, подвигъ, передъ которымъ стоитъ благоговѣть всякій разъ, какъ его встрѣчаешь. Это первый трудъ юноши, трудъ всегда энергическій—для науки и образованія, это—первая борьба молодыхъ силъ съ старыми, но крѣпкими мышцами житейскихъ препятствій. Корелкинъ, продолжая заниматься науками, началъ давать уроки, чтобъ было съ чѣмъ отправиться въ университетъ. Здѣсь, въ этой борбѣ, первое сомнѣніе въ собственныхъ силахъ и первое сознаніе ихъ, здѣсь первая радость, первое торжество, первое чувство уваженія и истинной любви къ труду. Намъ, какъ и всѣмъ, вѣроятно, не разъ случалось дивиться этому величію молодыхъ силъ въ юношахъ 15-ти, 16-ти лѣтъ, которые съ непрерывной энергіей, кропотливымъ трудомъ, откладывая по мелочи отъ скудныхъ доходовъ, среди бѣдности и всѣхъ волнующихъ, испытующихъ, тяжелыхъ результатовъ ея, съ торжествомъ достигали до цѣли своей въ какой нибудь годъ или полтора. И эти силы, эта энергія тратились на одни поиски желаемаго. А какіе плоды могли бы онѣ принести на болѣе широкомъ поприщѣ, еслибъ оно только было имъ предоставлено! Благодаря тѣмъ же гг. Башинскому, Иваницкому и Титову, Корелкинъ зналъ всѣ условія студентской жизни и поступленія въ петербургскій университетъ, что для многихъ въ его положеніи бываетъ совершенно terra incognita. Такъ, начавши на 16-мъ году педагогическія занятія и пріучивъ себя къ труду, въ 1846 году Н. П. отправился въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ по филологическому факультету. Изъ предметовъ факультетскихъ всего болѣе заняли его славянскія нарѣчія и русская словесность тѣмъ болѣе, что уроки г. Иваницкаго оставили на немъ глубокое впечатлѣніе, а лекціи И. И. Срезневскаго и А. В. Никитенко поддерживали его. Со всѣмъ увлеченіемъ и трудолюбіемъ юноши принялся онъ за дѣло, удѣляя время на уроки. Товарищи любили и уважали его, не смотря на то, что онъ рѣдко могъ участвовать въ бесѣдахъ съ ними, по недостатку времени. Эта любовь товарищей была его жизнью, его наслажденіемъ, потребностью его души—до самой смерти. Съ начала университетскаго курса Корелкинъ не могъ, конечно, опредѣлить свою спеціальность. Любовь къ труду рано пробудила въ немъ стремленіе къ исходу этого труда. Для студента этотъ исходъ видѣлся единственно только въ конкурсѣ на медаль. Въ 184⁷/₈ г., бывши во 2-мъ курсѣ, Корелкинъ написалъ и подалъ диссер-

тацію на тему, заданную А. В. Никитенко: *разсмотрѣть сочиненія И. Крылова и А. Пушкина*»; ему присужденъ былъ похвальный отзывъ на основаніи слѣдующаго мнѣнія г. профессора:

«Въ этой диссертаціи съ девизомъ: *въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?* и проч., начало сочиненія обременено изслѣдованіями, къ рѣшенію задачи не относящимися и написанными тяжелымъ языкомъ. Но послѣ того, когда сочинитель перешелъ къ главному своему предмету, онъ сохранялъ строгій порядокъ задачи во всѣхъ частяхъ диссертаціи. Каждую сторону сочиненій Крылова и Пушкина онъ разбираетъ внимательно и справедливо. Правда, что у него чувствуется какое-то многорѣчіе, отвлекающее читателя отъ послѣдованія за главными мыслями автора; за то въ сужденіяхъ его есть много обдуманности и новыхъ взглядовъ. Полное изученіе Крылова и Пушкина доставило автору средства не упустить изъ вида почти ни одной замѣчательной черты въ ихъ созданіяхъ. Но онъ, по видимому, не умѣетъ отличать существеннаго отъ мелочнаго, необходимаго отъ излишняго, а потому и встрѣчаются въ его сочиненіи неровности, какъ въ выборѣ предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ, такъ и въ самыхъ выраженіяхъ его. Относя эти недостатки къ неопытности сочинителя въ литературномъ дѣлѣ, Отдѣленіе положило, что авторъ его, студентъ 2 курса разряда Общей Словесности *Николай Корелкинъ*, заслуживаетъ *почетный отзывъ*» (*).

Впослѣдствіи онъ самъ сознавалъ недостаточность этого ранняго труда своего. Въ 1849 г., неутомимый Корелкинъ получилъ золотую медаль за сочиненіе по темѣ И. И. Срезневскаго о лѣтописи Нестора. Вотъ мнѣніе г. профессора объ этой диссертаціи:

«Разсужденіе о языкѣ лѣтописи Нестора, подъ девизомъ: «а Словѣньскъ языкъ и Рускый одинъ» заключаетъ въ себѣ слѣдующія отдѣльныя части: 1) *Введеніе*, въ которомъ авторъ доказываетъ, почему ограничился въ своемъ разсужденіи разборомъ только второй половины лѣтописи, приписываемой Нестору, именно временемъ отъ 1054 до 1110 года, и вслѣдъ за тѣмъ объясняетъ методу, которой слѣдовалъ въ трудѣ своемъ; 2) *Фонетику* языка Нестора, гдѣ соединено обозрѣніе отдѣльныхъ звуковъ съ обозрѣніемъ корней, и сдѣланы общіе выводы о фонетическомъ строѣ языка лѣтописи; 3) *Этимологію* этого языка, въ коей обозрѣваются словоизмѣненія и слова неизмѣняемыя, и съ полнымъ вниманіемъ разсматриваются всѣ фор-

(*) Актъ въ СПб. Университетѣ на 1848 г., стр. 45 и 46.

мы склоненій и спряженій; 4) *Синтаксисъ* языка Нестора, гдѣ авторъ ограничился самыми примѣчательными его особенностями, и наконецъ 5) *Этимологическій Словарь* лѣтописи. Читая разсужденіе это, нельзя не замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостатка опытности автора; тѣмъ не менѣе трудъ этотъ есть чрезвычайно замѣчательный опытъ разбора древняго памятника русской письменности, столь важнаго и для исторіи и для филологіи,—опытъ, до сихъ поръ единственный въ своемъ родѣ: такъ разобраны были только небольшіе памятники древняго чешскаго нарѣчія Шафарикомъ и Палацкимъ, а у насъ только одно Остромирово Евангеліе академикомъ Востоковымъ. Это сочиненіе молодаго человѣка заслуживаетъ полное вниманіе и одобреніе сколько по обширности и усердію къ работѣ, очень тяжелой, сколько и потому, что оно составляетъ прекрасное пособіе для изученія древняго русскаго языка. Поэтому диссертація, здѣсь разсмотрѣнная, признана факультетомъ достойною изданія въ свѣтъ иждивеніемъ университета, а сочинитель ея, студентъ 3-го курса разряда общей словесности, Николай *Корелкинъ*, по опредѣленію совѣта университета, награждается *золотою медалью*» (*).

Этотъ трудъ былъ несравненно серіознѣе перваго; самъ авторъ былъ уже болѣе приготовленъ къ спеціальности. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что нѣкоторые товарищи его оставили на этотъ разъ намѣреніе свое конкурировать, узнавъ, что Корелкинъ принялся за это дѣло. «Задача филологическаго анализа языка лѣтописи Нестора,—говоритъ онъ въ своей запискѣ (*),—обнимала собой только внѣшнюю сторону языка: фонетику, этимологію, синтаксисъ съ показаніемъ особенностей языка церк. слав. и русскаго народнаго. Первый филологическій трудъ мой, служившій отвѣтомъ на эту задачу, былъ принятъ съ такимъ лестнымъ вниманіемъ, какого я никогда не смѣлъ ожидать». Усидчивыя занятія не мѣшали юношѣ развивать въ себѣ тѣ живыя, нравственныя начала, которыя необходимы для общественной жизни и которыя лучше всего пріобрѣтаются посредствомъ университетскаго воспитанія. Преимущественно въ первые года своего студентства, Корелкинъ имѣлъ случай дать должное направленіе своимъ чувствамъ и энергически упрочить ихъ въ себѣ, повѣряя самого себя философскими теоріями, съ которыми онъ знакомился по лекціямъ профес-

(*) Актъ въ СПб. Унив. за 1849 г. Къ сожалѣнію трудъ этотъ остался ненапечатаннымъ.

(*) Эта записка написана г. Корелкинымъ около 1853 г. Далѣе мы не разъ будемъ пользоваться ею.

сора Фишера. Оживленность университетской жизни и столкновеніе съ товарищами, отличавшимися пылкимъ, современнымъ взглядомъ, помогало Корелкину возрастать душею подъ руководствомъ этихъ лучшихъ воспитателей юноши. Во 2-й половинѣ своего университетскаго курса онъ предался исключительно кабинетнымъ занятіямъ наукою. Тутъ росли его ученыя способности подъ непосредственнымъ руководствомъ Срезневскаго, который задавалъ ему частныя работы, знакомившія юношу съ древними памятниками нашей словесности и пріучавшія его къ ученымъ пріемамъ. Эти работы, какъ и послѣдняя диссертація его, опредѣлили въ немъ спеціальность. Въ 1850 году онъ окончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата и съ надеждою на магистерство. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ псковскую гимназію. Здѣсь началась его педагогическая и общественная дѣятельность. Живымъ словомъ съ разу привлекъ онъ къ себѣ своихъ слушателей; онъ развилъ въ нихъ любовь къ истинѣ, проводя идею ея *въ наукѣ, въ жизни и въ искусствѣ.* Онъ самъ со всей искренностью братской, молодой дружбы полюбилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ воспитанниковъ, и въ этихъ товарищескихъ отношеніяхъ съ врожденнымъ тактомъ умѣлъ сохранять къ себѣ полное уваженіе. Вмѣстѣ съ своими друзьями-гимназистами, онъ началъ изучать народъ, собирать пѣсни, областныя слова, объѣзжать монастыри, добывать старинныя рукописи и проч. «Историческое значеніе города,—говоритъ онъ въ своей запискѣ, — въ которомъ я жилъ первый годъ службы, завлекло меня заняться его исторіей. Разумѣется, не много успѣлъ я собрать и сдѣлать здѣсь. Результатъ моихъ изысканій въ Псковѣ и поѣздка въ Изборскъ и Печёры, которую и совершилъ вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ по службѣ, г. Гейдельбергомъ, и воспитанникомъ VII класса В. Гагелемъ, — постараюсь привести въ порядокъ .... Кромѣ того я занимался тамъ по порученію палаты государственныхъ имуществъ разборомъ монетъ временъ Іоанна III, Василья Іоанновича и Іоанна IV». Можно себѣ представить, какое благотворное вліяніе имѣла на гимназистовъ такая близость съ человѣкомъ умнымъ и искренно любящимъ науку. Въ бытность свою во Псковѣ, Н. П. началъ свой магистерской трудъ о Лаврентьевской лѣтописи. «Согласно указаніямъ г. профессора И. И. Срезневскаго, я рѣшился,—пишетъ онъ,—сдѣлать филологическій анализъ языка всей лѣтописи Нестора, которой половину разобралъ въ моей медальной диссертаціи. Кромѣ того, вмѣсто словоуказателя, составленнаго

по образцу словоуказателя при Остр. Ев. изд. Востокова, я составляю словарь всего языка лѣтописи съ опредѣленіемъ всѣхъ встрѣчающихся словъ. Только по опыту можно узнать всю кропотливость и медленность подобной работы!....» По смерти Н. П. остался словарь этотъ, обработанный вчернѣ. Чрезъ годъ, благодаря вниманію къ молодому учителю тогдашняго попечителя петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, Корелкинъ былъ переведенъ въ 4-ю с.-петербургскую ларинскую гимназію па мѣсто учителя русской словесности. Еще съ большею энергіей сталъ онъ трудиться въ столицѣ. Чувствуя свои обязанности къ семьѣ, къ матери, которая дала ему всѣ зависѣвшія отъ нея средства для воспитанія, онъ началъ трудиться вдвое сверхъ своихъ слабыхъ физическихъ силъ, которымъ вредилъ въ добавокъ петербургскій климатъ. Правда, онъ успѣлъ достичь до такихъ доходовъ, па которые онъ могъ перебиваться какъ нибудь, покупать книги, нужныя для его ученыхъ и недагогическихъ занятій, и еще кромѣ того удѣлять семьѣ своей и даже друзьямъ. Но онъ достигъ этого трудами, поколебавшими его здоровье, а слѣдовательно и энергію..... Его изслѣдованіе о Лаврентьевской лѣтописи, которую онъ зналъ чуть не наизусть, остановилось на собраніи матеріаловъ; все было почти готово, но окончательный трудъ требовалъ спокойной мысли, свободнаго времени, сосредоточенія. У него не находилось ни того, ни другаго, ни третьяго: съ одной стороны уроки частные и казенные, съ другой—житейскія заботы и все болѣе и болѣе усиливающаяся боль въ груди—не давали ему покоя. Не смотря па все это, мыслящая способность его и любознательность искали дѣла, исхода. Поэтому онъ радъ былъ заняться, когда «Отечественныя Записки» предложили ему черезъ одного изъ литераторовъ, близко съ нимъ знакомаго, писать рецензіи и критическія статьи по предмету русскаго языка и словесности. Онъ напечаталъ въ 1852—1855 г. нѣсколько рецензій безъ подписи фамиліи о вновь выходящихъ книгахъ, напр. объ Опытѣ объясненія неизданной монеты Беккера, о Общесравнительной Грам. Давыдова, объ Ученыхъ Зап. Акад. по I и III отд., о диссертаціи Лавровскаго и т. п. Кромѣ того съ необыкновеннымъ при его занятіяхъ рвеніемъ принялся онъ въ началѣ 1855 года за уроки санскритскаго языка, которые давалъ намъ почтенный ученый К. А. Коссовичъ по просьбѣ общества студентовъ-филологовъ. Скорѣе всѣхъ насъ выучился онъ читать по-санскритски и понимать грамматическія формы; санскритская азбука, переписанная имъ самимъ, висѣла надъ его конторкой, и онъ ежедневно удѣлялъ

нѣсколько времени на занятія этимъ любопытнымъ для славянскаго филолога предметомъ. Единственный свободный вечеръ въ недѣлю, Корелкинъ посвящалъ бесѣдѣ съ друзьями, товарищами и близкими людьми, которые аккуратно собирались къ нему по понедѣльникамъ. Въ задушевныхъ разговорахъ, веселыхъ разсказахъ и серіозныхъ спорахъ разнообразно проходило время далеко за полночь. Тутъ толковалось о новыхъ явленіяхъ литературныхъ и ученыхъ, объ университетской дѣятельности прошлой и настоящей, о вопросахъ жизни, которые, особенно въ послѣднее время, искали себѣ своеобразной системы въ умѣ Корелкина. Онъ былъ убѣжденъ, что «человѣкъ, развитый всесторонне, не долженъ чуждаться ни одного изъ явленій міра дѣйствительнаго, которое способно затронуть въ немъ ту или другую струну его разумности»(*). Тутъ собирались къ нему студенты, его прежніе ученики, университетскіе товарищи, чиновники, художники, ученые и т. п. Здѣсь близко принимались къ сердцу живые, современные вопросы, здѣсь радовались успѣхамъ науки и всякой мысли безъ пристрастія и предубѣжденія. Такъ не одинъ понедѣльникъ прошелъ въ толкахъ о заслугахъ А. Х. Востокова, юбилей котораго скромно, но знаменательно былъ отпразднованъ Академіею Наукъ 29 декабря 1854 года (**). Здѣсь высказано было обществомъ студентовъ желаніе имѣть портретъ Востокова, здѣсь открылась подписка на этотъ портретъ, тутъ же нашелся художникъ, съ охотой взявшійся за работу. И Н. П. радовался этой мысли такъ искренно, съ такой любовью къ наукѣ и ея представителямъ, что въ самихъ студентахъ съумѣлъ поддержать энергію... Въ своей монографіи о Востоковѣ, помѣщенной въ 1 № Отеч. Зап. за 1855 годъ, онъ высказалъ свой взглядъ на заслуги этого ученаго. Разсматривая стихотворную дѣятельность Востокова, Корелкинъ находитъ, что молодой филологъ, хотя и особенно сочувствовалъ и подражалъ классической литературѣ (онъ писалъ въ 1-е двадцатилѣтіе XIX вѣка), но не былъ чуждъ и русской народности. Всестороннее развитіе началъ, необходимое для всякой дѣятельности, замѣтно въ стихотвореніяхъ его. Разобравъ ученыя заслуги академика, Корелкинъ заключаетъ статью свою такъ: «Счастливъ писатель, прошедшій свое поприще такъ, какъ прошелъ Востоковъ. Оглянувшись на это поприще, много увидитъ онъ тамъ свѣтлаго и отраднаго».

Здоровье Н. П. хилѣло, боль въ груди усиливалась, кашель уча-

(*) См. статью его о Востоковѣ въ Отеч. Зап. N 1-й 1855 г.

(**) См. объ этомъ въ той же статьѣ.

щался, морщины и сѣдина замѣтно показались на немъ, не смотря на его 25 лѣтъ; мысли одна мрачнѣе другой тревожили его больной организмъ: онъ сдѣлался раздражителенъ и нетерпимъ; болѣзненная тоска мучила его. Единственнымъ спасеніемъ для него могла быть поѣздка на югъ. Репутація отличнаго учителя, которою онъ пользовался у начальства, доставила ему ходатайство попечителя округа Мусина-Пушкина, который просилъ г. министра отпустить Корелкина на югъ съ сохраненіемъ жалованья. Но болѣзнь не ждала отпуска; быстро развиваясь, она наконецъ заставила Корелкина прекратить всѣ занятія, которыя до тѣхъ поръ онъ продолжалъ съ какимъ-то твердымъ сознаніемъ въ неизбѣжности долга. Въ послѣднее время, кромѣ гимназіи и частныхъ уроковъ, онъ занимался преподаваніемъ въ училищѣ кантонистовъ. Въ апрѣлѣ 1855 года, Н. П. слегъ, докторъ переставалъ надѣяться, а друзья и близкіе начинали предвидѣть грустныя послѣдствія. Самъ больной жаждалъ жизни тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе терялъ надежду жить. Больной организмъ страдалъ, сердце мучительно билось отъ множества неразрѣшенныхъ вопросовъ, стремленій, цѣлей. Эту повѣсть душевныхъ страданій высказывалъ намъ самъ больной. За нѣсколько дней до кончины боли увеличились такъ, что Н. П. едва могъ говорить; но способность мышленія не покидала его. Такъ въ послѣдніе дни жизни своей онъ разсуждалъ о значеніи только что тогда открытаго памятника Крылова и съ любопытствомъ разспрашивалъ о внѣшнемъ его видѣ. . . . 19 мая 1855 г., около полудня не стало Корелкина. И умерла мысль въ этой скромной комнатѣ 3-го этажа, въ которой кропотливый труженикъ, умный воспитатель и незабвенный другъ пробивалъ себѣ честный путь къ истинѣ не громкими, не блестящими трудами! Не стало одного изъ тѣхъ питомцевъ университета, къ которымъ невольно лежитъ сердце студента, не стало одного изъ немногихъ подобныхъ питомцевъ, хотя имя его не было громко, прославлено . . . Въ смерти именно *такого* темнаго человѣка—много затрогивающаго, возбуждающаго на мысль. Борясь съ нуждой, трудясь и предъявляя строгія требованія своему труду, онъ похищенъ былъ раннею смертью можетъ быть вслѣдствіе усиленныхъ занятій, вынужденныхъ любовью къ наукѣ съ одной и обстоятельствами съ другой стороны, занятій тамъ, гдѣ такъ вреденъ былъ для него климатъ. Можетъ быть, къ несчастію, этотъ примѣръ повторяется нерѣдко . . . Лучшею посмертною наградой для Ник. Пав., безъ сомнѣнія, была та любовь его воспитанниковъ, которая выразилась во время грустныхъ церемоній погребенія. По единодушному желанію его

учениковъ, они открыли между собой подписку на покрытіе расходовъ по погребенію, такъ какъ въ квартирѣ Корелкина послѣ его смерти нашлось только нѣсколько рублей. А за что и откуда такая любовь? Причину должно искать въ педагогическихъ способностяхъ покойнаго и въ его взглядѣ на преподаваніе. Мы считаемъ нелишнимъ сообщить при этомъ случаѣ нѣсколько отрывковъ изъ записки, составленной Корелкинымъ въ 1853 году (на 3-мъ году службы) и содержащей въ себѣ изложеніе его методы преподаванія русскаго языка и словесности въ послѣднихъ 4-хъ классахъ гимназіи, и взгляда его на этотъ предметъ. Тѣмъ болѣе находимъ мы это нелишнимъ, что Ник. Пав. считался въ ряду лучшихъ преподавателей и что образъ воззрѣнія своего онъ, по собственному признанію, вынесъ непосредственно изъ университетскихъ занятій, которыя легли краеугольнымъ основаніемъ всей послѣдующей его дѣятельности.

«Преподаваніе русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ,— пишетъ Н. П. Корелкинъ въ помянутой запискѣ,—по своему содержанію должно быть направлено къ изученію быта русскаго народа. Такимъ образомъ русскій умъ будетъ развиваться русскимъ же содержаніемъ . . . . Человѣкъ тогда только можетъ быть вполнѣ человѣкомъ, когда приведетъ въ дѣйствіе всѣ свои духовныя силы, а это для него возможно только при самопознаніи. Такъ и для народа нужно изученіе самого себя. Преподаваніе русскаго языка и словесности важно именно въ этомъ смыслѣ».

Затѣмъ Корелкинъ разсматриваетъ преподаваніе по классамъ и по предметамъ: «Грамматическое изученіе современнаго русскаго языка въ гимназіяхъ ограничивается первыми тремя классами такъ, что преподавателю въ высшихъ классахъ, начиная въ 4-го, остается только поддерживать въ ученикахъ ихъ знаніе. Для этого у него средствъ очень много: говоритъ ли онъ съ ученикомъ, читаетъ ли въ классѣ ученическое сочиненіе— всюду ему представляется случай дѣлать замѣчанія и поправки относительно этимологіи, синтаксиса, орѳографіи ... Кромѣ того грам. рус яз. будетъ повторяться сравнительно при изученіи формъ языка старо-славянскаго и русскаго въ его историческомъ развитіи. Подобное сравненіе даетъ мѣсто собственнымъ соображеніямъ учениковъ и, какъ показываетъ опытъ, очень интересно. Здѣсь обращается особое вниманіе при чтеніи памятниковъ: 1) на особенности языка со стороны развитія его формъ, 2) на особенности въ употребленіи словъ и 3) на особенности слога писателя. При преподаваніи старо-славянскаго языка

между прочимъ особое вниманіе должно быть обращено на то, чтобы ученики знакомились съ рукописями различныхъ вѣковъ и умѣли ихъ читать. Это имѣетъ практическую цѣль: на Руси такъ много рукописей, что они могутъ попадаться всякому, а при нѣкоторомъ навыкѣ гимназистъ можетъ прочесть и оцѣнить ее хоть нѣсколько. При всей скудости библіотеки псковской гимназіи относительно палеографіи, я умѣлъ даже пріохотить воспитанниковъ къ этому занятію.

«Ученикамъ высшихъ классовъ надобно представить изученіе внутренней стороны русскаго языка, т. е. его богатства и силы, что̀ будетъ основаніемъ *общей теоріи* словесности. *Въ введеніи*, въ общихъ чертахъ изъясняется важность и необходимость изученія народа. Въ 1-й части курса объясняется происхожденіе слова и языка съ изложеніемъ краткой исторіи языка. Все это удобно дѣлается въ 5 кл. гимназіи, гдѣ воспитанники знаютъ формы 4 или 5 языковъ. 2-ю часть курса составляетъ *общая теорія словесности*, имѣющая характеръ объяснительный, а не догматическій. Она объясняетъ то, что̀ есть и бываетъ; здѣсь излагаются тѣ качества, которыя пріобрѣтаетъ языкъ писателя отъ личнаго умѣнья совладать съ этою силою. Въ заключеніи курса излагается *ученіе о слогѣ*. Теорія произведеній прозаическихъ и поэтическихъ проходится въ 6 классѣ. Главныя черты преподаванія этой части теоріи заключается въ томъ, что ученіе объяснительное проникается элементомъ историческимъ, изученіемъ *духа времени*. Но при всѣхъ измѣненіяхъ своихъ, духъ человѣческій постоянно сохранялъ свои *существенныя* черты неизмѣнными,—и эта неизмѣнность ихъ отразилась и въ литературѣ . . . Огромно разстояніе въ характерѣ и направленіи Одиссеи и Евгенія Онѣгина, но мы ставимъ ихъ въ одинъ разрядъ поэзіи эпической. Это-то общее, происходящее изъ общихъ началъ человѣческаго духа и составляетъ теорію въ тѣсномъ смыслѣ . . . При изложеніи теоріи, вниманіе учениковъ должно быть обращено на писателей отечественныхъ и на тѣхъ иностранныхъ, которые служатъ представителями извѣстной эпохи литературы. Въ этомъ случаѣ достаточно знакомить учениковъ съ иностранною литературой хотя по тѣмъ немногимъ переводамъ, которые существуютъ на нашемъ языкѣ. *Исторія словесности русской* есть самая главная часть гимназическаго курса словесности, прочія части науки—приготовительныя и воспомогательныя. Только грамматическое знаніе современнаго русскаго языка и пріобрѣтеніе учениками навыка владѣть языкомъ письменнымъ, составляютъ исключеніе, потому что имѣютъ практическую примѣняемость. Только отчасти такое значеніе имѣетъ изу-

ченіе языка церк.-славянскаго За недостаткомъ времени, опредѣленнаго на русскую словесность въ 7 классѣ, необходимо болѣе или менѣе систематически знакомить учениковъ съ памятниками русской словесности, начиная съ 4 класса и до 7. Только при такомъ приготовленіи возможно пройти курсъ исторіи литературы... При изложеніи исторіи литературы и при чтеніи памятниковъ, учитель долженъ разсматривать русскихъ допетровскихъ писателей относительно языка и тѣхъ данныхъ, которыя служатъ для объясненія современной имъ жизни, и послѣ Петра обращать преимущественно вниманіе на произведенія сатирическія.

«Относительно самаго способа преподаванія, учитель долженъ сообразоваться съ общею степенью развитія своихъ учениковъ. Пріемы при преподаваніи теоретическаго курса должны быть слѣдующіе: 1) Бесѣда съ учениками, при чемъ поддерживается общее вниманіе, понятіе усвоивается въ сознаніи учениковъ, а учитель узнаетъ всѣ ли его поняли. 2) При повтореніяхъ, которыя назначаются по окончаніи всего курса или только части его, снова бываютъ изустныя объясненія въ той же формѣ бесѣды съ учениками. 3) Объясненіе новаго *непремѣнно* въ связи съ пройденнымъ.—Въ случаѣ неразвитости нѣкоторыхъ учениковъ сравнительно съ развитіемъ большинства товарищей, учитель заставляетъ ихъ отвѣчать урокъ и каждому отдѣльно объясняетъ непонятное, разумѣется если классъ не многочисленъ. Кромѣ того полезно сближать такихъ учениковъ съ товарищами болѣе развитыми, которые должны объяснять непонятое и вообще помогать имъ при занятіяхъ.

«Къ практическимъ занятіямъ русскаго языка и словесности относится: 1) правильное чтеніе и писаніе подъ диктовку; 2) объяснительное чтеніе. Учитель или читаетъ медленно или даже заставляетъ писать на доскѣ мѣсто изъ писателя и останавливаетъ вниманіе ученика на замѣчательныхъ словахъ и оборотахъ, требуя объясненія ихъ: неудачное объясненіе вызываетъ другое, болѣе удачное до тѣхъ поръ, пока данное мѣсто не будетъ объяснено вполнѣ. При этомъ особое вниманіе учениковъ обращается: 1) на языкъ со стороны его грамматической точности и правильности, 2) на мысль и на выразительность языка, 3) на смыслъ цѣлаго произведенія и 4) на личность писателя. Учитель долженъ поступать осторожно въ задаваніи заучивать наизустъ слишкомъ много образцовъ, 1) потому что при этомъ тратиться понапрасну время и 2) потому что не ведетъ ни къ какой практической, примѣнимой цѣли.—3) Изложеніе мыслей изустно не можетъ составить особыхъ занятій; это замѣняется бесѣдой. 4) Не слѣдуетъ заставлять писать примѣры на прави-

ла теоріи словесности; но слѣдуетъ указывать на недостатки и ошибки противъ этихъ правилъ въ сочиненіяхъ самихъ учениковъ и разныхъ писателей. 5) Самое главное вниманіе учителя должно быть обращено на то, чтобъ всѣ гимназисты (начиная съ 4 класса) писали сочиненія, при чемъ соблюдается: a) постепенность перехода отъ легчайшаго къ труднѣйшему и b) задаваніе темъ историческаго, этнографическаго и т. п. содержанія по предмету, уже знакомому ученику. Никакъ не слѣдуетъ задавать пустыя описанія природы, разсужденія о томъ, *что есть порокъ* и т. д., гдѣ все сочиненіе состоитъ изъ нелегкаго для ученика набора словъ. Но сочиненія и описанія мѣстъ, обрядовъ, случаевъ, имѣющихъ историческое значеніе, разсужденія о томъ, какъ гимназисты проводятъ праздники, или о томъ, кому лучше можно учиться: пансіонеру или вольноприходящему, такія сочиненія гимназистовъ читаются даже съ интересомъ. Для литературныхъ бесѣдъ сочиненія учениковъ имѣютъ характеръ болѣе серіозный; содержаніемъ ихъ можетъ быть не иначе, какъ то, что̀ извѣстно ученику по источникамъ. Такъ въ $18\frac{50}{51}$ году въ псковской гимназіи особенно замѣчательны были сочиненія: 1) Поученіе Влад. Мономаха (по лавр. лѣт.), 2) О первомъ нашествіи Татаръ на Русь (по своду лѣтописей, изд. въ 4 томахъ Полн. Собр. Р. Л.), 3) О мѣстничествѣ (по Кошихину, по актамъ и по ст. Соловьева въ Моск. Сбор.), 4) О волхвахъ въ Россіи (по лѣт. и сказ. рус. нар. Сахарова), 5) О гаданьяхъ и примѣтахъ (по опис. Рум. М. Востокова, по Сахарову и собств. замѣчаніямъ автора), 6) Разборъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, 7) нѣсколько сочиненій о псковскомъ княжествѣ (по псков. лѣт.)

6) Переводы съ языковъ иностранныхъ предлагаются преимущественно тѣмъ воспитанникамъ, для которыхъ русскій языкъ не есть языкъ родной.

«При настоящемъ распредѣленіи уроковъ по предметамъ и по классамъ невозможно преподавать всѣ части гимназическаго курса словесности съ одинаковою подробностію. Такъ въ одинъ урокъ въ недѣлю, назначенный для старо-славянскаго языка, невозможно даже при малочисленности класса ознакомить учениковъ съ памятниками; также 1 урокъ русскаго языка, назначенный для учениковъ 4 кл., слушающихъ латинскій языкъ, слишкомъ недостаточенъ тѣмъ болѣе, что 4 кл. есть именно то мѣсто, гдѣ ученики должны пріобрѣсть сознательное понятіе о строѣ языка. Въ 5 и 6 кл. 1 урокъ въ недѣлю изъ 3 необходимо нужно отдѣлить на практическія занятія. Въ 7 классѣ, отдѣливъ 40 уроковъ въ годъ на повторенія и только 17 на практическія

занятія, въ остальные 45 нужно пройти всю исторію русской литературы, что̀ почти невозможно, считая этотъ предметъ весьма важнымъ въ курсѣ, и требуя отъ преподаванія его полноты. Кромѣ того значительнымъ препятствіемъ къ отчетливому преподаванію ист. рус. лит. служитъ то, что гимназисты до 7 кл. вовсе не знакомы съ рус. исторіей. Это незнаніе налагаетъ тяжелыя узы на учителя словесности, который не можетъ произнести имени Владиміра Мономаха, Іоанновъ, даже Петра Великаго, не боясь быть непонятымъ. Учить исторію литературы какого нибудь народа безъ знанія политической исторіи его—хуже, чѣмъ строить храмину на сыпучемъ пескѣ. Если бы исторія Россіи преподавалась съ 4 кл., то и исторію литер. можно было бы проходить отчетливѣе, ознакомляя съ ней учениковъ съ 4 кл. такъ, что въ 7 кл. имъ оставалось бы пройти только новую литературу. Такимъ образомъ гимназисты и исторію Россіи знали бы основательнѣе. Мы не говоримъ уже о недостаткѣ учебниковъ, вмѣсто которыхъ учитель съ большою тратой времени долженъ составлять свои записки. Этотъ недостатокъ ощущается во всемъ курсѣ русскаго языка и словесности».

Вотъ сущность взгляда и методы Корелкина. Мы не осмѣлились прибавить къ этой запискѣ ни единаго слова отъ себя. Скажемъ только, что по свидѣтельству его учениковъ, онъ совершенно добросовѣстно слѣдовалъ убѣжденіямъ, изложеннымъ здѣсь. Въ результатѣ оказывалась въ ученикахъ сознательная любовь къ наукѣ, стремленіе усвоить ее себѣ университетскимъ образованіемъ, привязанность къ учителю и вѣчная память о немъ.

Я полагаю, что не заслужу упрека за разсказъ мой о Корелкинѣ, за длинныя выписки изъ его замѣтокъ: онъ былъ *нашъ*, его умъ и сердце принадлежали университету, исторія котораго слагается изъ дѣятельности его благородныхъ питомцевъ на какомъ бы то ни было поприщѣ. Корелкинъ обращаетъ на себя вниманіе наше, какъ педагогъ, какъ молодой, усердный труженикъ науки, какъ жертва даже труда, какъ благородный человѣкъ и товарищъ, какъ сынъ нашего университета, какъ братъ нашъ

А. Тихменевъ.

НОВОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ НАШИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь извѣстіе о новомъ предпріяти нѣкоторыхъ студентовъ нашихъ, именно восточнаго факультета. Хотя предпріятіе это остается еще пока мыслью, но, судя по тому сочувствію, съ которымъ она принята цѣлымъ факультетомъ, мы увѣрены, что она мыслью останется недолго. Мысль эта, впрочемъ, уже изложена на бумагѣ, въ особой запискѣ, прочтенной и одобренной гг. професорами факультета: въ этомъ мы уже можемъ видѣть нѣкоторое фактическое проявленіе этой мысли въ дѣйствительности. Объ этомъ дѣлѣ лучше всего будетъ говорить сама упомянутая записка, составленная 12 іюля.

«1. Недостатокъ, или вѣрнѣе—совершенное неимѣніе учебниковъ по нашему факультету, дѣлаетъ изученіе восточныхъ языковъ въ высшей степени труднымъ и далеко не позволяетъ студентамъ удовлетворять требованіямъ программы, составленной для преобразованнаго факультета восточныхъ языковъ.

«2. Пересмотрѣвши учебники, которыми мы въ настоящее время пользуемся, мы увидимъ, что

«а) для арабскаго языка (который между языками *мусульманскими* есть основной языкъ, будучи языкомъ *корана*) есть азбука и грамматическія таблицы Болдырева: и то и другое можетъ служить съ пользою только для преподавателей, никакъ не для учащихся; пространная грамматика на французскомъ языкѣ С. де-Саси (равно какъ на латинскомъ Эвальда) можетъ служить руководствомъ также только для преподавателя, какъ по изложенію, такъ и по рѣдкости изданія. Вслѣдствіе чего профессоръ, не имѣющій никакихъ средствъ издать читаемую имъ грамматику, долженъ болѣе года *диктовать* (!) намъ ее, начиная съ азбуки. Пособій для практическихъ занятій (разговора) нѣтъ никакихъ, кромѣ знанія практическихъ преподавателей, которые, не будучи приготовлены научно къ своимъ занятіямъ, могутъ приносить самую ничтожную пользу безъ книжныхъ пособій. Словарь арабско-рускій г. Болдырева слишкомъ кратокъ, такъ что съ нимъ нельзя прочесть ни одного отрывка, не помѣщеннаго въ хрестоматіи арабской г. Болдырева. Прекрасный словарь Фрейтагане доступенъ для большей части учащихся, потому что составленъ на латинскомъ языкѣ (который нужно знать совершенно *основательно*, чтобы пользоваться такимъ пособіемъ, какъ словарь), и потомъ—дорогъ. Словаря же на арабскій языкъ, необходимаго для практическихъ переводовъ съ русскаго языка на арабскій, нѣтъ никакого.

«б) Для персидскаго языка есть прекрасная грамматика на русскомъ языкѣ пр. Берёзина, но она слишкомъ пространна для начальнаго обученія языку, и будучи необходима студентамъ III и IV к., она не устраняетъ потребности краткаго учебника для студентовъ I и II к. Персидскій словарь г. Болдырева недостаточенъ такъ жé, какъ и арабскій. И больше для персидскаго языка нѣтъ ничего.

«в) Для турецкаго языка элементарная грамматика пр. Каземъ-Бека, палитографированная въ его курсѣ для офицеровъ военной академіи, оттиснута въ такомъ маломъ числѣ экземпляровъ, что въ продажѣ ея нѣтъ; превосходная грамматика турецко-татарская пр. Каземъ-Бека учебникомъ служить не можетъ, какъ произведеніе учено-филологическое; словарь при христоматіи, изданный въ названномъ курсѣ, очень кратокъ. Впрочемъ, далѣе турецкій языкъ представляетъ значительное преимущество предъ прочими. Въ скоромъ времени мы будемъ имѣть словарь пр. Мухлинскаго, безъ сомнѣнія удовлетворительный для насъ совершенно. Отдѣлъ практическій, разговорный даже богатъ: кромѣ разговоровъ, изданныхъ въ послѣднее время, Мсеріанца и Цплоссани, г. Будаговъ подарилъ насъ недавно своимъ прекраснымъ руководствомъ по методѣ Робертсона, составленнымъ собственно для адербиджанскаго нарѣчія, но могущимъ служить довольно близкимъ пособіемъ и для языка турецкаго.

«г) Для татарскаго языка ничего нѣтъ, кромѣ названной выше пространной турецко-татарской граматики пр. Каземъ-Бека, и издаваемой нынѣ пр. Березинымъ татарской христоматіи.

«д) Для монгольскаго и калмыцкаго языковъ нѣтъ христоматіи, а для послѣдняго и грамматики.

«е) Для еврейскаго, манчжурскаго и китайскаго нѣтъ на русскомъ ровно ничего (кромѣ грамматикъ прот. Павскаго и о. Іакинфа, весьма неудовлетворительныхъ), а для послѣднихъ и на другихъ европейскихъ языкахъ немного.

«3. Потому студентъ съ самаго начала курса долженъ ограничивать свои занятія только прилежнымъ посѣщеніемъ лекцій, на которыхъ онъ только и можетъ, по изустному по большей части изложенію профессора, пріобрѣтать первыя свѣдѣнія объ языкахъ, изученію которыхъ онъ желаетъ себя посвятить. Это, конечно, не можетъ удовлетворить любознательнаго юношу. Онъ сначала принимается съ жаромъ за дѣло, но потомъ, не имѣя возможности заниматься независимо отъ профессора, узнать и усвоить въ короткое время (посредствомъ чтенія) основ-

ные элементы языка, онъ естественно долженъ охладѣвать мало-по-малу къ предмету, для него какъ ученику недоступному; сами по себѣ элементы эти для него непонятны, потому что еще не представляются ему въ стройной, живой, органической системѣ, одушевляемой самобытною идеею языка, а между тѣмъ интересъ этихъ элементовъ, этой идеи онъ чувствуетъ,—и чѣмъ живѣе чувствуетъ, тѣмъ тяжелѣе, непріятнѣе для него эта пассивность въ занятіяхъ, которой онъ непремѣнно долженъ подпасть. И нужно много твердости, самоотверженія, много безотчетнаго увлеченія, чтобы проходить не смущаясь мимо тысячи безотвѣтныхъ вопросовъ при каждомъ новомъ шагѣ впередъ, чтобы интерессоваться предметомъ неизвѣстнымъ, чтобы не охладѣть къ нему и не подчиниться тому вялому, формальному порядку занятій, который механически разсчитанъ и опредѣленъ лекціями, чтобы не *привыкнуть* къ той пассивности въ занятіяхъ, которая названа выше. Потому при всемъ желаніи и спасобностяхъ студентовъ, въ первый годъ далеко не дается того, что можно было бы сдѣлать, имѣя учебники; а затѣмъ и въ слѣдующіе годы возможнось эта нисколько не выигрываетъ, при естественномъ, изложенномъ выше, охлажденіи студентовъ къ занятіямъ. Вообще наши грамматическія и даже лексическія понятія и познанія должны находиться очень долгое время въ какомъ-то смутномъ, чуждомъ нашему сознанію представленіи, именно потому, что мы сначала познакомились не съ основными началами только, а прямо были введены въ необъятный міръ новаго языка, отъ разнообразія котораго, совершенной непонятности, множества неразрѣшимыхъ вопросовъ, мы должны были смутиться духомъ и нѣкоторымъ образомъ потерять голову. И грустно, конечно, всякому учащемуся въ восточномъ фак. видѣть, что при всей возможности (со стороны студентовъ) вынести изъ перваго курса совершенно точныя и твердыя понятія объ основныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ правилахъ языка и множество словъ (связанныхъ мыслію, усвоенныхъ систематически), — ни одинъ студентъ этимъ не можетъ похвалиться (*).

«4. Такимъ образомъ на основаніи предъидущаго, требуютъ изданія: 1) арабская граматика, 2) арабско-русскій словарь, 3) русско-арабскій словарь, 4) краткая персидская грамматика, 5) словари: персидско-русскій, 6) русско-персидскій, 7) краткая

(*) Въ подлинной запискѣ на поляхъ у этого пункта замѣчено однимъ изъ гг. профессоровъ, читавшихъ ее: «Все это сущая правда, и я вполнѣ сочувствую этому замѣчанію гг. студентовъ.»

турецкая грамматика, 8) краткая татарская грамматика (языка Абуль-гази, Шейбаніады, Баберъ-намэ), 9) русско-татарскій и 10) татарско-русскій словари, 11) арабская христоматія, 12) персидская христоматія, 13) турецкая христоматія, 14) монгольская краткая грамматика, 15) калмыцкая грамматика, 16) калмыцкая христоматія, 17) словарь русско-монгольскій, 18) словарь калмыцко-русскій, 19) словарь русско-калмыцкій, 20) манчжурская грамматика, 21) манчжурская христоматія, 22) манчжурско-русскій и 23) русско-манчжурскій словарь, 24) учебникъ китайскаго языка, 25) китайская христоматія, 26) еврейская грамматика, 27) еврейско-русскій словарь, 28—36) по всѣмъ названнымъ языкамъ легкій текстъ, приспособленный къ первоначальному переводу.

«Вслѣдъ за этимъ намъ должны представиться два вопроса: *кто составитъ такіе учебники? и на какія средства они могутъ быть изданы?*

«5. Профессоры, высшіе воздѣлыватели науки, конечно не могутъ посвятить себя составленію такихъ элементарныхъ сочиненьицъ: этого имъ не позволятъ ни ихъ спеціальныя занятія, ни драгоцѣнное для нихъ и для науки время. Съ другой стороны, студенты III и IV к. имѣютъ уже на столько знанія въ изучаемыхъ ими языкахъ, чтобы названныя руководства составить по настоящимъ лекціямъ гг. профессоровъ, или перевести и скомпилировать изъ сочиненій, имѣющихся на иностранныхъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и гг. профессоры не отказались бы участвовать въ этомъ дѣлѣ указаніемъ, совѣтомъ, наблюденіемъ, исправленіемъ (*).

«6. Предполагая этотъ вопросъ рѣшеннымъ, мы приступаемъ ко второму съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, потому что онъ кажется гораздо затруднительнѣйшимъ. Въ факультетѣ нѣтъ такихъ суммъ, которыя можно бъ было обратить на этотъ предметъ, а студенты, которыхъ въ нашемъ факультетѣ такъ мало (**), по видимому также не въ состояніи покрыть всѣхъ издержекъ по изданію. Но говорятъ: міръ великъ, человѣкъ,—міръ т. е. та единица, которую составляетъ какое нибудь общество. И дѣйствительно, великій человѣкъ міръ! Какъ бы, по видимому 10 рабочихъ на булавочной фабрикѣ могли сдѣлать въ день 48000 булавокъ, т. е. по 4800 бул. на брата? какъ 30 рабочихъ на карточной фабрикѣ могутъ сдѣлать въ день 15000 картъ, когда одинъ рабочій не сдѣлалъ бы пожалуй и одной карты?—Дѣ-

---

(*) Нѣкоторые профессоры изъявили готовность принять непосредственное участіе въ этихъ трудахъ, приглашая студентовъ только *помогать* имъ.

(**) Въ прошломъ учебномъ году было 44; нынче вновь поступило 16, вышло 8.

лаютъ, потому что работаютъ міромъ (*). И крошечные муравьи, работая *міромъ*, въ нѣсколько недѣль наносятъ всякой всячины такую гору, которая въ 50 разъ больше ихъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ! Такова всякая работа міромъ. Такіе же огромные результаты увѣнчали бы и наше предполагаемое дѣло, если бы за него принялись міромъ всѣ студенты нашего факультета. А тутъ и не много вдругъ нужно, и если бы студенты пожелали искренно приносить въ факультетъ только частичку того, что они *могутъ* приносить, изданіе всѣхъ названныхъ учебниковъ, по мѣрѣ ихъ составленія, было бы совершенно обезпечено.

«И что пожертвованіе такое (или правильнѣе — законная дань) лежитъ именно на студентахъ, это совершенно очевидно: осуществленіе этого дѣла нужно только для *студентовъ* (настоящихъ или будущихъ—это все равно въ понятіи живаго человѣка-гражданина); они рабочіе на полѣ науки, а учебники для нихъ орудія, которыя облегчаютъ ихъ работу; они истинные (основные) граждане университетскаго общества: у нихъ нѣтъ и не должно быть другой цѣли, кромѣ науки, другой привязанности, кромѣ жажды знанія; слѣдовательно и повинности тяжелыя, матеріальныя должны нести они,—повинности, которыми они покупаютъ имѣніе и право собирать потомъ на полѣ жизни жатву.—Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что помочь этому дѣлу не откажется никто изъ оріенталистовъ, находящихся даже внѣ университета. Въ случаѣ крайней надобности, можно было бы просить пособія изъ экономическихъ суммъ университета или министерства, хоть заимообразно, разсчитывая на кое-какую продажу издаваемыхъ книгъ.

«7. По поводу вопроса о распродажѣ учебниковъ нельзя не замѣтить, что во всякой литературѣ есть два непреложныхъ закона, взаимно дѣйствующихъ другъ на друга: съ одной стороны потребности общества вызываютъ литературную дѣятельность, извѣстныя литературныя произведенія, извѣстныя книги, долженствующія удовлетворить этимъ потребностямъ; съ другой — появленіе извѣстныхъ произведеній, извѣстныхъ книгъ приводитъ во всеобщее вниманіе и сознаніе тѣ потребности, которымъ такія книги могутъ удовлетворить, развиваетъ эти потребности. Этимъ двумъ началамъ обязана всякая литература своимъ развитіемъ. Что вопросъ о востокѣ, объ изученіи его, о сближеніи съ нимъ начинаетъ занимать въ общественномъ сознаніи все болѣе и болѣе важное мѣсто, это доказываютъ: учрежденіе нашего факультета, учрежде-

(*) О распространеніи знаній въ Россіи, Ламанскаго, стр. 31, 32.

ніе весьма серіозное, и политическое движеніе Россіи внутрь Азіи—на Амуръ, на Сыръ-Дарью, въ центральную Азію. Факультету восточному, слѣдовательно, какъ вообще и всѣмъ русскимъ оріенталистамъ, предлежитъ задача поддержать и развить общественную мысль дѣятельностію литературною, направляя эту мысль путемъ правильнымъ, испытаннымъ наукою, и тѣмъ, которые за влеченіемъ этой мысли направятъ дѣйствительное движеніе въ новыя страны, способствовать своими свѣдѣніями къ лучшему съ ними знакомству. Послѣ азіятскаго журнала, который, какъ мы слышали, имѣетъ быть издаваемъ при азіятскомъ департаментѣ, общество и правительство должно обратить вниманіе на учебники языка, безъ котораго невозможно правильное и успѣшное знакомство ни съ какою страною. Такимъ образомъ, предполагаемые нами учебники могутъ и должны найти потребителей въ Восточной Сибири, Оренбургскомъ краѣ, провинціяхъ Кавказскихъ, (въ особенности) между чиновниками, военными и статскими, по всѣмъ вѣдомствамъ (*).

«8. Учебники такіе не иначе должны быть печатаемы, какъ съ одобренія конференціи факультета восточныхъ языковъ.»

Для пополненія изложеннаго, и для доказательства, съ какимъ сочувствіемъ принята эта мысль студентами факультета восточнаго, приведемъ здѣсь три письменныхъ замѣчанія студентовъ, сдѣланныхъ ими по прочтенія записки, предложенной имъ студентами-редакторами по восточному факультету, выбранными для изданія студентскаго «Сборника». Замѣчанія эти выражаютъ довольно хорошо общую мысль студентовъ нашихъ объ этомъ дѣлѣ.

«Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я эту статью, показывающую, что студенты нашего факультета заботятся объ облегченіи товарищамъ изученія восточныхъ языковъ. Но тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, взглядъ на студента, занимающагося упомянутыми языками, и самый способъ изученія восточныхъ языковъ, здѣсь слишкомъ односторонепъ. Студентъ, поступающій въ нашъ факультетъ съ горячимъ расположеніемъ узнать восточные языки, здѣсь выставленъ только какъ ученикъ, или лучше сказать—какъ школьникъ: у него здѣсь совершенно отнимаютъ и желаніе въ первые два года узнать поподробнѣе свойства языковъ, для знакомства съ которыми онъ приходитъ въ нашъ университетъ, и здравый смыслъ, при помощи котораго студентъ, хотя разъ со вниманіемъ прочитавшій одно изъ

(*) «Пока десять экземпляровъ,» (!)—замѣчаніе одного профессора. Неужели это правда?

тѣхъ прекрасныхъ и полныхъ руководствъ, о которыхъ упоминается въ этой статьѣ, легко можетъ отличить нужное и полезное для него отъ ненужнаго и безполезнаго на первое время. И наконецъ считаю не излишнимъ сдѣлать автору этой статьи вопросъ: неужели способъ изложенія грамматики арабской Саси можетъ помѣшать студенту, уже въ среднемъ учебномъ заведеніи развившему свои понятія, изучить эту грамматику? Итакъ, принявъ въ соображеніе, что молодой человѣкъ, поступающій въ нашъ факультетъ, во первыхъ, не школьникъ, которому нужна только азбука; во вторыхъ, имѣетъ здравый смыслъ, и въ третьихъ, имѣетъ понятія, развитыя на столько, чтобы извлечь себѣ пользу изъ грамматики Саси,—устраняется необходимость въ грамматикахъ: арабской, персидской, турецко-татарской, монгольской: всѣ эти руководства на русскомъ языкѣ есть.

«По моему мнѣнію, если есть необходимость, такъ это въ лексиконахъ, въ особенности съ русскаго языка на восточные.

« . . . . . . Все что̀ буду въ состояніи сдѣлать для общей пользы—сочту за счастіе».

Отзывъ другаго студента:

«Товарищи мои! вотъ предпріятіе, которое не менѣе важно для восточнаго факультета, какъ *Сборникъ* для всего университета. Не знаю какъ благодарить избранныхъ нами въ редакторы товарищей за изложенный выше проектъ объ изданіи *учебниковъ*. И тутъ они стоятъ во главѣ насъ и такъ прекрасно выражаютъ общее желаніе; ихъ голосъ первый раздается между нами о самыхъ первыхъ потребностяхъ нашего бѣднаго факультета. Да будетъ лучшею нашею благодарностью братская любовь къ нимъ и благородное соревнованіе къ исполненію ихъ благородной мысли!

«*Студенты не школьники*, говоритъ г. М.; студенты не школьники, говорю и я; но тѣмъ не менѣе учебники необходимы. Нужно составлять учебники именно для того, чтобы студенты не были школьниками, которыми они останутся безъ учебниковъ. Не школьникъ ли студентъ, которому и *азбуку* нужно читать съ университетской каѳедры? Не школьникъ ли студентъ, когда онъ, какъ ребенокъ за нянькой, осужденъ слѣдовать шагъ за шагомъ за профессоромъ, записывать за нимъ слова, самыя коротенькія изрѣченія; когда онъ ничего не можетъ сдѣлать самъ для себя, и когда его дѣятельность внѣ университета, по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ курсахъ, равняется почти нулю?

У насъ нѣтъ арабской грамматики. Въ отвѣтъ на это г. М.

указываетъ на грамматику *Саси*, но такая обширная и подробная грамматика написана не для *начинающаго*. Въ ней изложены всѣ тонкости арабскаго языка, тонкости, до которыхъ на первыхъ порахъ нѣтъ дѣла начинающему, хотя онъ и студентъ. Ему нужны самыя главныя, общія правила, а ихъ нужно выбирать въ грамматикѣ Саси; выбирать же самое трудное дѣло. Чтобы выбирать, нужно прежде знать что̀ выбирать, не говоря уже о томъ, что на это нужно убить много драгоцѣннаго времени.

«Наши учебники могли бы имѣть еще другое назначеніе. Молодые люди, воспитываемые дома, и ученики гимназіи, даже отдаленныхъ, вообще всѣ, которые намѣреваются вступить въ восточный факультетъ, могли бы заранѣе приготовляться къ этому, и восточные языки въ университетѣ не были бы для нихъ terra incognita. А это, право, такъ важно! Тогда студенты и восточнаго факультета носили бы по законному праву свое имя, — которое теперь они едва ли могутъ принять вмѣстѣ съ мундиромъ: теперь они начинаютъ азбукой и очень не скоро съ нею разстаются. Мои слова можетъ быть слишкомъ рѣзки, но тѣмъ не менѣе истинны. Изъ насъ только тѣ, которые пріѣхали изъ Казани, занимаются съ успѣхомъ восточными языками, потому что они слушали ихъ въ гимназіи 4 года. На прочихъ же въ началѣ курса жалко смотрѣть. Разумѣется не ихъ вина, если ихъ успѣхи медленны; но грѣхъ великій падетъ на тѣхъ, которые нѣсколько опередили насъ въ знаніи восточной мудрости—и не подумаютъ объ облегченіи труда своихъ товарищей, хоть будущихъ, которые также ихъ товарищи по наукѣ, по университету, хоть бы они и вѣкъ никого изъ нихъ въ глаза не видали. Впрочемъ, мнѣ нечего говорить о грѣхѣ, ибо я увѣренъ, что никто изъ моихъ товарищей не прочь участвовать въ благомъ начинаніи.

«Я скажу здѣсь нѣсколько словъ о самыхъ учебникахъ, о содержаніи, планѣ и проч.

«Я возьму какой нибудь языкъ, положимъ арабскій, и скажу, что̀ нужно сдѣлать для него; а сказанное объ немъ можно примѣнить и къ другимъ.

«Учебникъ арабскаго языка можетъ состоять изъ *одной* только книги. Ее должны составить:

«1. Грамматика, въ началѣ которой будетъ азбука и образцы для чтенія съ транскрипціями и безъ нихъ. Потомъ общія и самыя важныя правила арабскаго языка, какъ этимологическія, такъ и синтаксическія, съ примѣрами, состоящими изъ полныхъ изрѣченій, пословицъ, такъ чтобы примѣры составляли цѣлую

рѣчь, имѣющую полный смыслъ, а не отрѣзанныя отъ рѣчи слова.

«2. Христоматія. Для христоматіи я беру въ образецъ руководство Фрейнда къ первоначальному изученію латинскихъ и греческихъ классиковъ, его *Schüler-Bibliothek*. Его метода состоитъ въ томъ, что онъ беретъ періодъ изъ текста и разбираетъ его грамматически и лексически, приводитъ въ естественный порядокъ запутанную, допускаемую въ поэзіи разстановку словъ, переводитъ и объясняетъ трудныя мѣста, трудныя выраженія.—То же можно сдѣлать съ арабскимъ. Взять, напримѣръ, сначала краткія изрѣченія, помѣщенныя въ началѣ христоматіи Болдырева, и разбирать каждое слово. Прежде всего объяснить его корень, потомъ часть рѣчи, грамматическую форму, значеніе. Потомъ сдѣлать подстрочный переводъ изрѣченія, а потомъ и плавный переводъ. Такимъ образомъ начинающій видитъ, въ чемъ дѣло, на что нужно обратить вниманіе, и пріучается къ самой строгой отчетливости. Такая метода въ арабскомъ необходима, потому что начинающіе не могутъ справиться съ лексиконами арабскими, по той причинѣ, что въ нихъ слова расположены по алфавитному порядку корней, а не самыхъ словъ, а до корня добраться начинающему очень трудно. Потомъ перейти къ баснямъ, къ жизни Гаруна-ар-Рашида, и поступать съ ними такъ же, только ужъ не съ такою подробностью, и не повторяя сказаннаго прежде. Здѣсь ужъ слова должны отыскивать учащіеся, а только трудныя слова нужно толковать имъ, да трудныя конструкціи. Потомъ взять какую нибудь суру изъ корана, хоть вторую, и объяснить ее такимъ же путемъ, только оставляя все больше и больше занятія учащемуся. Этимъ можно закончить христоматію.

«3. Глоссарій. Это спеціальный лексикончикъ къ помѣщеннымъ въ хрестоматіи статьямъ.

«Вотъ, по моему мнѣнію, модель учебника для всѣхъ восточныхъ языковъ.

«Нельзя ограничиваться такимъ учебникомъ. Еще многаго многаго не достаетъ намъ, еще многое напрашивается на наше вниманіе, на нашъ трудъ; часть этого многаго изложена въ прочитанной нами запискѣ. Нечего говорить о частностяхъ, а въ цѣломъ я совершенно согласенъ съ нею.

«Нѣкоторые изъ насъ задумались надъ словомъ *средства*. Вопросъ о средствахъ *теперь* долженъ занимать второе мѣсто,—или никакого мѣста не долженъ занимать онъ въ нашемъ предпріятіи. Долгъ велитъ намъ совершить прежде самое нужное

изъ задуманнаго, именно то, что мы можемъ, что намъ по плечу, а о средствахъ Богъ попечется.

«За дѣло! скорѣе за дѣло!»

Третій студентъ писалъ:

«Нельзя не сказать дай Богъ, чтобъ скорѣе исполнилось все что изложено въ прочитанномъ проектѣ!—Обращая вниманіе на огромность труда и на скудость средствъ, нельзя не призадуматься о приведеніи въ дѣло этой мысли при самомъ ея зародышѣ, нельзя не сознаться, что это такой трудъ, который при настоящемъ нашемъ положеніи Богъ знаетъ, въ какой мѣрѣ по силамъ намъ; который одною только громадностью невольно вселяетъ страхъ въ душу. Но—бояться волковъ, такъ и въ лѣсъ не ходить . . . . . Трудъ дѣйствительно огроменъ и почти не початъ. Но если его такъ оставить—такъ и проваляется, Богъ знаетъ до какихъ поръ. А между тѣмъ нужда ощутительная; рано или поздно, намъ или не намъ, а все-таки кому нибудь придется же початъ этотъ непочатый уголъ. Почнемъ же мы! Лиха бѣда только початъ, а тамъ само собой пойдетъ. Стоитъ только показать тропинку, а потомъ уже легко проложимъ и дорогу......

«Обращая вниманіе на форму, въ которой предполагается издавать учебники, нельзя не удивиться, почему краткіе предпочитаются подробнымъ? Если потому, что чтеніе полной, напримѣръ, грамматики убиваетъ много времени, такъ это бѣда не велика. Стоитъ только отмѣтить на полѣ карандашемъ что необходимо и безъ чего нельзя обойтись, и неудобства не стало, какъ и поступаютъ большею частію съ обширными учебниками. Поступающіе въ университетъ достигли, предполагается, такого развитія, чтобы отличить нужное отъ несовсѣмъ нужнаго. Изъ большой посуды, говоритъ пословица, не выпрыгнетъ; изъ большаго малое сдѣлать можно, изъ малаго же большое—никогда. Если браться за дѣло, такъ уже дѣлать такъ, чтобъ и самимъ было пріятно, и другіе сказали бы спасибо! Нѣкоторыя пособія (напр. лексиконы) непремѣнно требуютъ возможно большей полноты, въ противномъ же случаѣ они не могутъ удовлетворить всѣ и всему, и такимъ образомъ не достигнутъ своей цѣли.

«. . . . . Дай Богъ, чтобъ этотъ проектъ осуществился, *ва-би-л-лаги-т-тауфикъ!* на Бога надежда!»

Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще вообще не успѣлъ опредѣлиться. Но судя потому, сколько успѣло сложиться общее мнѣніе, можно съ достовѣрностью предположить, что въ скоромъ времени студенты примутся за составленіе нѣкоторыхъ назван-

ныхъ выше учебниковъ, ограничиваясь тѣмъ, въ чемъ предстоитъ насущная потребность, именно словарями и текстами. Не сомнѣваемся, что въ слѣдующей книжкѣ «Сборника» мы будемъ имѣть пріятную возможность помѣстить извѣстіе о трудахъ предпринятыхъ и оконченныхъ, или даже печатаемыхъ и уже напечатанныхъ.

Здѣсь кстати упомянуть о подобномъ трудѣ студента восточнаго факультета, Цвилькова, уже оконченномъ: о манчжурско-русскомъ словарѣ, ожидающемъ изданія, и о грамматикѣ манчжурской, составляемой имъ же по запискамъ и подъ руководствомъ профессора китайской и манчжурской словесности Васильева.

Ю. Богушевичъ.

«DIE GESCHICHSCHREIBER DER DEUTSCHEN VORZEIT» бытописатели прошедшаго Германіи. Собраніе источниковъ по германской исторіи до конца XV вѣка, въ нѣмецкомъ переводѣ, издаваемое Г. Пертцомъ, Яковомъ Гриммомъ, К. Лахманомъ, Л. Ранке и К. Риттеромъ.

16 іюня 1843 года Г. Пертцъ, извѣстный издатель Monumentorum Germaniae, представилъ прусскому министру Эйхгорну записку о томъ, какъ полезно было бы для чтенія всѣмъ, кто не знакомъ съ латынью, издать въ нѣмецкихъ переводахъ важнѣйшіе источники исторіи Германіи, писанные на латинскомъ языкѣ (каковы бо̀льшая часть средневѣковыхъ лѣтописей). Онъ предложилъ, чтобы правительство назначило нѣкоторое вознагражденіе переводчикамъ, а изданіе предоставило бы какому нибудь книгопродавцу, который долженъ продавать экземпляры по возможно дешевымъ цѣнамъ для наибольшаго распространенія въ массѣ читателей. Министръ одобрилъ предложеніе и представилъ проектъ королю, который расширилъ программу изданія нѣкоторыми сочиненіями по географіи и церковной исторіи. 10 іюля 1844 года переводъ сочиненій и приготовленіе ихъ къ изданію было поручено самому г. Г. Пертцу и гг. Як. Гримму, К. Лахману, Л. Ранке и К. Риттеру, членамъ королевской берлинской академіи наукъ. Въ 1847 году вышелъ первый выпускъ этого изданія.

Издатели предположили помѣщать въ своемъ собраніи источники достовѣрнѣйшіе, и, по возможности, современные описываемымъ событіямъ. Нѣкоторые источники печатаются не вполнѣ, а изъ нихъ берутъ только описаніе происшествій, совре

менныхъ повѣствователю. Выборъ сочиненій распространяется на всю область исторіи Германіи до XVI вѣка. Что̀ именно вошло въ составъ собранія, видно изъ слѣдующаго списка:

а) Древнѣйшее время.

1) Войны германцевъ съ римлянами, изъ Плутарха, Цезаря, Веллея Патеркула, Светонія и Тацита.

2) Тацитово описаніе Германіи.

3) Извлеченіе изъ Амміана Марцеллина.

4) Жизнь епископа Северина.

б) Шестое столѣтіе по Р. X.

1) Жизнь короля Теодориха.

2) Іорнандова исторія готовъ и отрывки изъ іорнандовой же исторіи римской.

3) Извлеченіе изъ византійскихъ писателей Прокопія и продолжателя его Агапія, объ отношеніяхъ Византійской имперіи къ остъ-готамъ.

4) Десять книгъ франкской исторіи, соч. Григорія Турскаго.

в) Седьмое столѣтіе.

1) Жизнь аббата Коллумбана.

2) Исидорова исторія готовъ, вандаловъ и свевовъ. Похвала Испаніи.

3) Лѣтопись Фредегара.

г) Осьмое столѣтіе.

1) Жизнь аббатовъ Гамса и Отмера.

2) Жизнь архіепископа Бонифація.

3) Жизнь епископа Виллегада.

4) Исторія лонгобардовъ, соч. Павла Діакона.—Отрывки изъ исторіи мецкихъ епископовъ.

д) Девятое столѣтіе.

1) Лѣтописи Ейнгарда съ ссылками на лоршскія лѣтописи.

2) Жизнь Карла Великаго, соч. Ейнгарда.

3) Стихотворенія Ермольда Нигелла.

4) Жизнь Людовика Благочестиваго, соч. Тегона.

5) Жизнь Людовика Благочестиваго, соч. неизвѣстнаго автора.

6) Четыре книги исторіи, соч. Нитгарда.

7) Перенесеніе мощей св. Александра.

8) Жизнь архіепископа Анскарія.

9) Лѣтописи Фульдекія.

10) Лѣтописи Ксантенскія.

11) Лѣтописи Пруденція и Гинкмара Реймскихъ.

12) Лѣтописи монастыря св. Бааста.

13) Дѣянія Карла Великаго, соч. сенъ-галленскаго монаха.

14) Вторая книга лѣтописей аббата прюмскаго монастыря, Реимо.

е) Десятое столѣтіе.

1) Продолженіе Реимо.

2) Ліутпрандова исторія императора Оттона I.

3) Жизнь архіепископа Бруно.

4) Жизнь королевы Матильды.

5) Жизнь Оттона Великаго, соч. Гаросвиты.

6) Саксонская исторія, соч. Видукинда.

7) Жизнь епископа Адальберта.

8) Жизнь императрицы Адельгейды.

9) Послѣдняя часть кведлинбургскихъ лѣтописей.

10) Четыре книги исторіи, соч. Рихера, монаха монастыря Св. Ремигія.

ж) Одиннадцатое столѣтіе.

1) Лѣтопись Титмара Мерзебургскаго.

2) Жизнь епископа Бернвальда.

3) Жизнь епископа Годегарда.

4) Жизнь императора Конрада Салійскаго, соч. Виппо.

5) Хроника Германна фонъ Рейхенау (Hermann Contractus).—Бертольдъ и Бернольдъ до 1100 года.

6) Лѣтописи Ламберта Герсфельдскаго (Амафенбургскаго).

7) Гамбургская церковная исторія соч. Адама Бременскаго.

з) Двѣнадцатое столѣтіе.

1) Аугсбургскія лѣтописи.

2) Жизнь императора Генриха IV.

3) Еккегардъ фонъ Урахъ (1056—1125).

4) Ерфуртскія лѣтописи.

5) Лѣтописи гильдегеймскія съ 1100 г.—Отрывки изъ саксонскихъ лѣтописей.

6) Жизнь епископа Оттона Бамбергскаго.

7) Исторія славянъ, соч. Гльмгольда.

8) Седьмая книга хроники Оттона Фрейзингенскаго.

9) Жизнь императора Фридриха I, соч. Оттона Фрейзингенскаго, съ продолженіемъ Радевика.

10) Штетербургская хроника.

и) Тринадцатое столѣтіе.

1) Лѣтописи Готфрида кельнскаго.

2) Лѣтопись Лютихская.

3) Лѣтопись Арнольда Любекскаго.

4) Альбертъ Штадскій.

5) Отрывки изъ хроники Матьё Пари́.

6) Лѣтопись Германа фонъ Альтайхъ, съ продолженіемъ.

7) Лѣтопись и хроника кольмарская.

і) Четырнадцатое столѣтіе.

1) Жизнь императора Генриха VII.

2) Николай Бутринтскій, извѣстіе о Генрихѣ VII.—Итальянскій походъ.

3) Жизнь Людовика IV.

4) Людовикъ Баварскій, соч. Адальберта Муссата.

5) Жизнь Карла IV.

6) Матвѣй Нейенбургскій.

7) Лѣтописи ребдорфскія.

8) Фюрстенбергскій монахъ.

9) Іоаннъ Виктринискій.

к) Пятнадцатое столѣтіе.

1) Жизнь Сигизмунда, соч. Эбергарда Виндека.

2) Исторія императора Фридриха III, соч. Энея Сильвія Пикколомини.

3) Жизнь императоровъ Фридриха III и Максимиліана, соч. Іосифа Грюнбека.

Каждое изъ сихъ произведеній переведено и снабжено историко-критическими, историческими и географическими примѣчаніями. Каждому предшествуетъ введеніе, которое содержитъ въ себѣ біографію автора и оцѣнку его труда. Тексты памятниковъ, съ которыхъ дѣлаются переводы, большею частью уже изданы въ Monumentis Germaniae; для памятниковъ, не явившихся въ этомъ собраніи, пользуются другими изданіями. Переводъ и объясненіе сочиненій поручены ученымъ, спеціально занимавшимся тѣмъ или другимъ писателемъ. Порядокъ изданія хронологическій, но его иногда нарушаютъ въ видахъ скорѣе окончить изданіе коллекціи. Каждый памятникъ составляетъ отдѣльный томъ и продается отдѣльно.

Изъ обозрѣнія программы видно, что изъ «Бытописателей прошедшаго Германія» можно познакомиться не только съ исторіею собственной Германіи до конца XV вѣка, но и съ исторіею всѣхъ германскихъ народовъ, входившихъ въ составъ монархіи Карла Великаго, до смерти его. Такъ Григорій Турскій и Фредегаръ изображаютъ франковъ, Павелъ Діаконъ—лонгобардовъ и проч. Занимающіійся исторіею славянъ и особено Руси обратитъ вниманіе на Гельмгольда, Титмара, Ламберта, Ліутпранда и проч.

Принимая въ соображеніе обширную пользу этого изданія и достоинство его, за что ручаются имена издателей, мы позволяемъ себѣ думать, что имѣли нѣкоторое право указать его тѣмъ, кому оно незнакомо. Въ заключеніе прибавимъ, что со стороны внѣшней изданіе красиво и по цѣнѣ очень доступно.

Л. Майковъ.

ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (*).

Замѣчательную эпоху переживаетъ теперь Россія. Это эпоха нравственнаго обновленія ея. Послѣ войны, всѣ какъ бы очнулись отъ продолжительной дремоты и стали видѣть то, чего прежде не видѣли. Всмотрѣвшись въ окружающее, сбросили съ себя ненавистную маску гордой самоувѣренности и торжественно сознались въ томъ, что мы не далеко еще ушли въ дѣлѣ цивилизаціи. Это осужденіе самихъ себя было произнесено не по увлеченію, не безотчетно, а совершенно сознательно. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ русское общество заговорило съ негодова-

(*) На первый разъ мы ограничиваемся лишь краткимъ обзоромъ внутренней дѣятельности унив.; въ послѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся говорить съ большею подробностью и съ точностью *лѣтописи*.

ніемъ о своихъ вопіющихъ недостаткахъ, которыхъ прежде не замѣчало или на которые смотрѣло равнодушно. Оно поняло, что эти-то слабости и составляли преграду для его развитія. Неудовольствіе послышалось во всѣхъ классахъ. Такое общее негодованіе пробудило общественное мнѣніе, которое стало выражаться и устно и письменно. Никогда русская литература не служила такимъ вѣрнымъ выраженіемъ интересовъ мыслящаго сословія, никогда она не отзывалась такъ полно на всѣ вопросы, волнующіе общество, какъ въ настоящее время. Общественныя раны оказались такъ многочисленны и такъ многообразны, что литература не могла уже довольствоваться узкими размѣрами минувшаго времени и раздвинула свои предѣлы, увеличивъ число періодическихъ изданій и поднявъ совершенно новые, въ нашемъ отечествѣ, вопросы, въ необходимости разрѣшенія которыхъ прежде убѣждены были только немногіе. Писатели не успѣваютъ откликаться на эти общественные вопросы, а потому не представляя художественно заключенныхъ произведеній, показываютъ намъ рѣзко очерченные этюды, изображающіе извѣстные симптомы жизни различныхъ сословій нашего отечества. Грустно читать ихъ.

Негодованіе не столь сильно дѣйствуетъ на падшихъ братьевъ, какъ состраданіе, но пока уже достаточно и того, что мы не хвастаемъ, не гордимся, а негодуемъ на себя. Нравственная жизнь, какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа, развивается такъ же послѣдовательно, какъ и физическая. Со временемъ наступитъ и пора состраданія, которое, облекшись въ фактъ, одно въ состояніи исцѣлить общественныя раны.

Юношескій періодъ, когда все представляется въ розовомъ свѣтѣ, и въ каждомъ несчастіи находишь утѣшеніе въ собственномъ воображеніи, проходитъ для русскаго общества; оно начинаетъ думать само за себя. Настаетъ пора мужества, когда разумъ вступаетъ въ свои права.

Возрастъ общества высказывается въ духѣ его учрежденій. До сихъ поръ развитіе нашего общества вѣрнѣе всего опредѣлялось на молодомъ поколѣніи. Условія нашего быта таковы, что по окончаніи образованія, мы рѣдко принуждаемъ работать свой мозгъ.

Натуры, выходящія изъ этого ряда, составляютъ исключенія, и находятся въ постоянной борьбѣ съ собою, потому что вращаются въ лѣнивой средѣ. Но, безъ сомнѣнія, онѣ будутъ встрѣчаться чаще и чаще, когда идея труда получитъ у насъ право гражданства.

Въ настоящее же время, мы поступимъ, какъ намъ кажется,

совершенно справедливо, если примемъ за норму развитія русскаго общества степень развитія университетскаго юношества. Его интересы могутъ указать ту степень зрѣлости, которая въ настоящее время возможна для русскаго общества.

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на то, когда и какъ измѣнялась численность студентовъ нашего университета, начиная съ 1835 г.

Годы.	*Число студентовъ.*
1835	200
1836	266
1837	334
1838	301
1839	331
1840	326
1841	353
1842	401
1843	459
1844	519
1845	539
1846	588
1847	648
1848	650
1849	503
1850	387
1851	369
1852	358
1853	383
1854	379
1855	399
1856	478
1857	600 (1)

Предлагаемая табличка даетъ поводъ къ различнаго рода соображеніямъ, которыя бы насъ отвлекли отъ предмета. Число студентовъ постоянно возрастало до 1848 г., послѣ чего оно стало уменьшаться, пока наконецъ опять съ 1855 г. не начало быстро возрастать, вслѣдствіе Высочайшаго разрѣшенія на пріемъ неограниченнаго числа студентовъ. И мы увѣрены, что цифра будетъ рости, не смотри на то, что высшее гражданское образованіе предлагается петербургскому юношеству, кромѣ университета, еще въ педагогическомъ институтѣ, училищѣ правовѣденія и лицеѣ.

(1) Къ 1 сентября поступило еще прошеній болѣе 100 такъ, что назначенъ вторичный пріемный экзаменъ 6—13 сентября.

А вотъ численность студентовъ по факультетамъ въ прошломъ и настоящемъ году:

		1856 г.	1857 г.
На факультетѣ историко-филологическомъ		30 —	49
На фак. восточныхъ языковъ		42 —	51
На фак. физико-математическомъ	разр. мат. наукъ	63 —	91
	разр. естес. наукъ	55 —	69
На факультетѣ юридическомъ	разр. юрид. наукъ	147 —	179
	разр. камер. наукъ	141 —	161
		478	600

Юридическій факультетъ, сообщая болѣе, такъ сказать, утилитарное образованіе, привлекаетъ самое большее число слушателей. Всего менѣе студентовъ на факультетѣ историко-филологическомъ, сообщающемъ, между тѣмъ, классическое образованіе. Причины этого явленія очевидны. Во первыхъ, для поступленія на этотъ факультетъ необходимо знаніе греческаго языка, между тѣмъ какъ этотъ языкъ преподается только въ гимназіяхъ тѣхъ губернскихъ городовъ, гдѣ есть университетъ, а изъ петербургскихъ гимназіи, въ одной 3-й. При такихъ условіяхъ, многіе невольно лишаются филологическаго образованія. Впрочемъ г. министръ народнаго просвѣщенія высказалъ уже намъ на одномъ изъ экзаменовъ 1854 г. свое желаніе принять мѣры къ удаленію этого препятствія. Во вторыхъ, ист.-филол. факультетъ обнимаетъ собой въ нынѣшнемъ его составѣ такое множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, что представляетъ огромныя трудности для добросовѣстнаго изученія ихъ. И на устраненіе этого обстоятельства, какъ говорятъ, обращено вниманіе начальства. Въ третьихъ, ист.-фил. факультетъ представляетъ теперь менѣе интереса, чѣмъ прежде, когда онъ знакомилъ съ философіею, въ полномъ ея объемѣ, когда читались: опытная психологія, логика, метафизика, исторія философіи и литература философіи. Теперь же студенты этого факультета слушаютъ психологію и логику наравнѣ съ студентами прочихъ факультетовъ, какъ бы въ дополненіе къ курсу богословія. Потребность въ философіи успѣла совершенно опредѣленно выразиться въ прошедшемъ академическомъ году. Нашъ профессоръ А. А. Фишеръ, окончивъ передъ Пасхой свои чтенія о педагогикѣ для 3 курса ист.-фил. факультета, посвятилъ остальныя лекціи разбору матеріалистическаго ученія, такъ сильно распространяющагося на западѣ. Для большаго убѣжденія слушателей въ несостоятельности этого ученія, онъ допустилъ со стороны ихъ непосредственное участіе. Разрѣшеніе многихъ вопросовъ,

столь близкихъ къ природѣ человѣка, не могло не заинтересовать студентовъ. Число слушателей возрастало съ каждой лекціей; профессоръ былъ вынужденъ избрать одну изъ самыхъ обширныхъ аудиторій; но, не смотря на эту мѣру, мѣста занимались уже за полчаса до начала лекціи, некуда было въ буквальномъ смыслѣ упасть яблоку; слушатели стояли около кафедры, на окнахъ, у дверей . . . . Такое явленіе само говоритъ за себя.

Н. Г. Устряловъ тѣмъ не менѣе не перестаетъ трудиться: первые томы его исторіи Петра выйдутъ, говорятъ, очень скоро въ свѣтъ. М. М. Стасюлевичъ, пр. всеобщей исторіи, находится нынѣ за границей съ лѣта 1856 года; говорятъ, что онъ останется тамъ еще на годъ. Пребываніе его въ университетскихъ городахъ, въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи, лицемъ къ лицу съ современной наукой исторіи и вмѣстѣ съ древними памятниками ея, увеличитъ интересъ будущихъ лекцій его.—Пр. слав. нар. И. И. Срезневскій, въ январѣ настоящаго года предложилъ слушателямъ своимъ заняться *общими* силами исторіей средневѣковой народной поэзіи европейскихъ народовъ. Знакомый съ этимъ предметомъ, онъ сообщилъ намъ на частныхъ совѣщаніяхъ, бывшихъ у него на дому, планъ и пособія для этого труда. При помощи профессора студенты раздѣлили между собой весь трудъ; но скоро наступила пора экзаменовъ, такъ что дѣло еще далеко не приведено къ концу.

Вновь учрежденный факультетъ восточныхъ языковъ, единственный во всей Россіи, привлекъ слушателей изъ другихъ университетовъ, прежде заключавшихъ въ себѣ этотъ факультетъ; нѣсколько инородцевъ изъ восточныхъ племенъ, населяющихъ Россію (у насъ теперь *трое* евреевъ),—получаютъ здѣсь свое образованіе. Огромное значеніе въ жизни и наукѣ предстоитъ факультету; студенты сознаютъ это. Мы отсылаемъ читателей къ проекту о составленіи учебниковъ для восточныхъ языковъ, выражающему это плодотворное сознаніе и напечатанному на 364 стр. перваго выпуска «Сборника».

Факультетъ естественныхъ наукъ постоянно обогащается новыми профессорами, изъ которыхъ г. Цѣньковскій (пр. ботаники) теперь за границей. Его пріѣздъ ожидается съ нетерпѣніемъ, отъ его лекцій ждутъ усовершенствованія самой свѣжей современности. Между тѣмъ студенты усердно, общими силами производятъ опыты, дѣлаютъ микроскопическія наблюденія на общихъ собраніяхъ, которымъ посвящаютъ свободные вечера.

Интересуясь современными вопросами своей науки, они по возможности слѣдятъ за движеніями ея и на западѣ.

Юридическій факультетъ понесъ въ послѣднее время нѣсколько чувствительныхъ потерь. Неволинъ, (*) Мейеръ, Жиряевъ, профессора одной и той же кафедры, одинъ за другимъ сошли въ могилу. Имена этихъ людей сами говорятъ за себя, указываютъ на значеніе потери ихъ для университета. Они—жертва добросовѣстнаго труда, они—заслужили славу, какъ граждане и какъ ученые и какъ профессора....Мы постараемся въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Сборника» поговорить о каждомъ изъ нихъ отдѣльно. Утѣшительно было узнать намъ, что выборъ совѣта, при замѣщеніи этой вакантной кафедры, палъ на К. Д. Кавелина, бывшаго (лѣтъ 10 тому назадъ) профессоромъ московскаго университета, а въ послѣднее время служившаго по гражданской службѣ. По пріѣздѣ изъ-за границы (**) онъ начнетъ свои лекціи гражданскаго права. Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь университетъ, не одни юристы, услышать съ кафедры того, кто былъ причиной живительнаго движенія въ наукѣ, кто былъ одинъ изъ первыхъ, положившихъ начало юридической разработки русской старины.

Въ средѣ студентовъ всегда постоянно высказывалось стремленіе къ самостоятельному выраженію своего общаго мнѣнія. Это стремленіе выражалось различно, смотря по обстоятельствамъ, постоянно имѣя въ виду общительность и товарищество. Не обращаясь къ давнопрошедшему, имѣющему для насъ свою цѣну, вспомнимъ объ изданіи портрета знаменитаго Востокова по случаю 50-лѣтняго юбилея его ученой дѣятельности. Этотъ портретъ былъ поднесенъ студентами почтенному старцу—8 февраля 1855 г. на университетскомъ актѣ съ привѣтственною рѣчью отъ имени филологическаго факультета. Кромѣ того, мы знаемъ нѣсколько трудовъ, предпринимавшихся цѣлымъ кружкомъ студентовъ.

Но самымъ выпуклымъ выраженіемъ направленія нашихъ студентовъ служитъ идея о печатаніи своихъ учено-литературныхъ трудовъ. Мы не будемъ спорить, въ которомъ изъ университетовъ мысль о подобномъ изданіи родилась раньше; но можемъ засвидѣтельствовать, что у насъ она явилась самостоятельно, какъ могла явиться въ другихъ университетахъ, и мы даже слышали, что подобное же изданіе предпринимается сту-

(*) Сочиненіе покойнаго Неволина, вмѣстѣ съ біографіей и портретомъ покойнаго, выйдутъ скоро въ свѣтъ подъ редакціей пр. И. Е. Андреевскаго.

(**) Въ то время, когда мы писали эти строки, К. Д. Кавелинъ уже пріѣхалъ изъ-за границы, и 11-го сентября началъ свои лекціи.

дентами одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. Это, по нашему мнѣнію, служитъ осязательнымъ доказательствомъ преимущества университетскаго образованія предъ всякимъ другимъ. Идея о «Сборникѣ», высказанная однимъ изъ насъ, чрезвычайно легко и быстро успѣла привиться ко всему студентскому кружку. Извѣстно, что самая благотворная идея только тогда встрѣчаетъ сочувствіе общества, когда она высказана своевременно, когда она является плодомъ стремленій цѣлаго общества; однимъ словомъ, подобная идея выработывается не отдѣльною личностью, а цѣлымъ обществомъ. Личность, ее провозгласившая, созданіе того же общества, и заслуживаетъ особеннаго вниманія только по воспріимчивости и чуткости своего организма.

Въ іюлѣ 1856 г. одинъ изъ нашихъ товарищей высказалъ опредѣленно эту мысль въ частномъ письмѣ. Неумѣстно было бы теперь приводить все письмо, тѣмъ болѣе, что достаточно нѣсколькихъ строкъ, чтобы видѣть до какой степени авторъ его былъ проникнутъ тою идеею, которую развивалъ. «Дѣло это,— пишетъ онъ, изложивъ уже планъ его,—не выходитъ у меня изъ головы, и вотъ теперь сплю и вижу его, и кричу, какъ одержимый какою нибудь лихою болѣстью. Если бы кто нибудь подхватилъ этотъ крикъ, который раздается въ моемъ сердцѣ такъ громко, то я былъ бы совершенно доволенъ и успокоился бы,—для того, чтобы, внимая отзывамъ сотоварищей, и сподвижниковъ, приняться ретиво за новое дѣло.—Всякое и самое великое дѣло нужно начать, чтобы потомъ вполнѣ совершить, и не останавливаться надъ его неизвѣстною будущностью....» Отвѣтъ товарища на это письмо начинается такъ: «Ваше письмо возбудило во мнѣ полное сочувствіе къ тому благородному дѣлу, которое вы предполагаете начать. Степень участія моего въ немъ: весь запасъ моихъ силъ, способностей и знаній.—Отъ плановъ вашихъ я пришелъ въ совершенный восторгъ, потому что они во всѣхъ подробностяхъ соглашались съ моими мечтами, которыя давно заходили мнѣ въ голову, оставаясь большею частью безплодными»...... Такъ точно, почти тѣми же словами, отвѣтила бы бо̀льшая часть изъ насъ на пламенный призывъ товарища.—Въ сентябрѣ того же года уже ходилъ по всему университету въ нѣсколькихъ экземплярахъ окончательно составленный проектъ студентскаго изданія, а 26 октября было подано, за подписью 7 студентовъ (*), прошеніе въ совѣтъ университета. 30 января 1857 г. вышло разрѣшеніе г. министра

(*) Богушевичъ, Тихменевъ, Коркинъ, Фаминцынъ, Мамонтовъ, Андреевъ и Горловъ.

народнаго просвѣщенія. Профессоромъ-редакторомъ избранъ по единодушному желанію студентовъ адъюнктъ-профессоръ русской словесности М. И. Сухомлиновъ, который вслѣдствіе отношенія г. исправляющаго должность ректора, отъ 6-го февраля 1857 г. за №. 171, приступилъ къ трудамъ по редакціи, составленной изъ 12 студентовъ-редакторовъ, избранныхъ студентами же. 23 февраля, ординарный профессоръ русской словесности Никитенко прочелъ лекцію, въ которой выразилъ мнѣніе профессоровъ о цѣли и значеніи «Сборника». Предметъ рѣчи и авторитетъ профессора не могъ не произвесть живѣйшаго восторга въ слушателяхъ-студентахъ. На другой день въ редакцію прислано было нѣсколько анонимныхъ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заключали въ себѣ стихотворенія. Всѣ они вызваны были рѣчью, сказанною накапунѣ.

Вскорѣ была открыта подписка, по факультетамъ, на составленіе капитала для изданія «Сборника», а чрезъ нѣсколько времени «С. П. Вѣдомости» извѣстили публику, о нашемъ изданіи. Прочіе петербургскіе журналы также выразили свое полное сочувствіе къ новому изданію. По подпискѣ студентовъ и профессоровъ собрано болѣе тысячи рублей; внѣ университета, по частнымъ подпискамъ, почти столько же. Частныхъ пожертвованій было немного, но за то эти немногіе дѣлались людьми, проникнутыми искреннымъ сочувствіемъ къ дѣлу. Въ числѣ первыхъ жертвователей стоитъ имя Григорія, митрополита с.-петербургскаго и новгородскаго. Многіе сами, безъ особеннаго приглашенія составляли между знакомыми подписку и пересылали собранную сумму въ редакцію (*). Были подписки, составлявшіяся, такъ сказать, экспромптомъ. Такъ напр. нѣсколько бывшихъ студентовъ, обѣдая вмѣстѣ, въ день годовщины нашего университета, составили подписку и переслали собранную сумму на другой день къ инспектору студентовъ, для передачи въ редакцію. Нѣкоторые изъ бывшихъ студентовъ, присылая пожертвованіе, скрывали свое имя. Были и иногородные жертвователи, такъ напр. нѣсколько жителей Екатеринбурга и лицъ, служащихъ на тамошнихъ заводахъ (**).

Его Сіятельство, г. управляющій учебнымъ округомъ, принимая во вниманіе ограниченность средствъ редакціи и имѣя

(*) Къ такимъ лицамъ принадлежатъ: директоръ 2-й с.-петербургской гимназіи А С. Вороновъ, директоръ псковской гимназіи Н. И Иваницкій, инспекторъ 5-й с.-петербургской гимназіи А. Н. Бѣляевъ, преподаватель 2-го кадетскаго корпуса Оземблоскій и другіе.

(**) Добровольныя пожертвованія на капиталъ «Сборника» продолжаютъ приниматься, будучи адресованы на имя М. И. Сухомлинова въ университетъ.

между прочимъ въ виду благородную цѣль изданія доставить бѣднымъ студентамъ возможность *задѣльной платы*, просилъ графа Дмитрія Николаевича Блудова объ исходатайствованіи у Государя Императора соизволенія на безвозмездное печатаніе «Сборника» въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше разрѣшить напечатать, безъ платы, первыя двѣ книги предпринимаего студентами петербургскаго университета изданія. Такимъ образомъ расходы редакціи ограничиваются на этотъ разъ только покупкою бумаги, брошуровкой, переплетомъ и разсылкой книгъ.

Сходки студентовъ-редакторовъ бываютъ обыкновенно чрезъ каждыя двѣ недѣли на квартирѣ у профессора редактора, потому что особаго помѣщенія редакція до сихъ поръ еще не имѣетъ.

Всѣ статьи не иначе печатаются, какъ съ одобренія того изъ профессоровъ, по кафедрѣ котораго писано сочиненіе. Въ силу такого правила, мы считаемъ себя обязанными привести здѣсь отзывы профессоровъ о тѣхъ статьяхъ, которыя вошли въ предлагаемый первый выпускъ нашего «Сборника». Изслѣдованіе о Герберштейнѣ есть сводъ трехъ диссертацій; вотъ какъ отозвался пр. Н. Г. Устряловъ о каждой изъ нихъ: 1) Г. Корелкинъ тщательно разсмотрѣлъ источники, изъ которыхъ баронъ Герберштейнъ почерпалъ свои свѣдѣнія, повѣрилъ ихъ съ русскими документами, изданными въ послѣднее время, и въ особенности основательно разсмотрѣлъ бывшіе у Герберштейна древніе акты. 2) Сочиненіе г. Григоровича имѣетъ также много достоинствъ; въ немъ разсмотрѣны всѣ лица, сообщавшія ему свѣдѣнія о Россіи, и основательно оцѣнены бывшіе въ рукахъ его русскіе памятники. 3) Г. Новиковъ изложилъ жизнь и труды барона Герберштейна, равно оцѣнилъ достоинства его записокъ, почти исключительно по сочиненію Аделунга; но много встрѣчается основательныхъ замѣчаній автора, въ особенности въ статьѣ о духовной литературѣ, гдѣ разсмотрѣны упоминаемые Герберштейномъ памятники по новымъ источникамъ и изслѣдованіямъ.

Вотъ отзывъ профессора Буняковскаго о математической диссертаціи студента Коркина, изложенный въ письмѣ по поводу этого сочиненія: «Le mémoire de m. Korkine, dernièrement couronné de la medaille d'or par le conseil de l' université, est consacré á l'exposition de la théorie des *maxima* et *minima*. Dans ce travail assez étendu, l'auteur passe successivement en revue les différents cas qui se présentent dans cette doctrine. Ainsi il traite, avec tous

es détails qu'on peut désirer, d'abord les *maxima* et les *minima* d'une fonction à une seule variable, et ensuite celui d'une fonction contenant un nombre quelconque de variables indépendantes. Il développe d'une manière circonstanciée les méthodes à suivre pour résoudre ces mêmes questions pour les *maxima* et *minima* relatifs. Un grand nombre d'exemples parfaitement choisis et appropriés aux differents cas qu'il traite, ne laissent rien à désirer sous le rapport de la clarté, et souvent même del'élégance de l'exposition. Mais ce qui constitue un vrai mérite du mémoire de m. Korkine, ce sont les développements nouveaux qu 'il a présentés relativement aux *maxima et minima singuliérs* des fonctions à une seule et à plusieurs variables indépendantes, ou liées entr'elles par des conditions quelconques. En général, ce sujet est peu développé dans les cours de calcul infinitésimal; aussi, m. Kokine a-t-il rendu un service réel à l'enseignement en développant avec soin ce chapitre du calcui différentiel. Nous nous faisons un véritable plaisir de l'en féliciter. En terminant, je crois devoir ajouter que, d'après mon avis, son mémoire se préte parfaitement à l'impression dans un journal de mathématiqes, consacré à l'instruction».

О сочиненіи г. Богушевича «Гюлистанъ Саади», профессоръ Березинъ отозвался, что, «не смотря на недостатокъ въ немъ историческаго изученія, общій почти всѣмъ первымъ трудамъ, оно вполнѣ заслуживаетъ быть напечатаннымъ, какъ плодъ своеобразнаго занятія по восточнымъ подлинникамъ, даже и въ такомъ случаѣ, если признать въ статьѣ увлеченіе и невѣрную яркость красокъ. Можно не соглашаться во многомъ съ авторомъ, но нельзя не отдать должной справедливости его искусному изложенію и занимательности его взгляда».

Адъюнктъ-профессоръ И. Е. Андреевскій прислалъ въ редакцію слѣдующее мнѣніе о юридической диссертаціи студента Панова.

«*Изслѣдованіе новгородской судной грамоты 1471 г. въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно гражданскому*, написанное г. студентомъ IV к. юридическаго факультета, разряда наукъ юридическихъ (нынѣ кандидатъ) *Ѳедоромъ Пановымъ* для полученія степени кандидата, представляетъ трудъ, на которомъ съ удовольствіемъ остановитъ вниманіе не только юристъ, но и каждый, кому интересно взглянуть поближе на исторію Новгорода.—Новгородская судная грамота относится къ 1471 г., слѣд. во время ея составленія пробивали послѣдніе часы самостоятельности Новгорода, ею накрывается юридическая дѣятельность новгородской общины; какъ послѣдняя форма дѣятельности, она заключила въ себѣ и предъидущія формы;

встрѣчаемое въ ней не все обязано своимъ происхожденіемъ концу XV ст., многое помѣстилось въ нее изъ предъидущихъ, древнихъ временъ, многое изъ ея содержанія осталось дѣйствующимъ и по уничтоженіи новгородской самостоятельности; эта грамота—одна изъ цѣпей, которыми связаны двѣ совершенно различныя исторіи Новгорода: доивановская и позднѣйшая; оттого эта грамота полна интереса относительно вопросовъ не только юридическихъ, но и политическихъ, такъ какъ въ ней на многія государственныя учрежденія даются если не прямыя, то косвенныя поясненія; но главное богатсво ея содержанія касается судопроизводсва, и особенно гражданскаго. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она имѣетъ значеніе, подобное псковской судной грамотѣ, разработка которой, одолженная трудамъ двухъ питомцевъ петербургскаго же университета, разъяснила нѣкоторые вопросы исторіи русскаго права и для бо̀льшаго ихъ разъясненія ожидала подобной же разработки и новгородской судной грамоты. И этому ожиданію удовлетворяетъ сочиненіе г. Панова. Онъ взглянулъ на новгородскую грамоту вѣрно, взглядомъ талантиваго юриста; онъ понялъ, что отъ перваго объяснителя этой грамоты требуется привести ея данныя въ вѣрную, отчетливую систему, сравнить ее по возможности съ другими современными ей актами, отгадать то, что̀ пропущено въ этой грамотѣ, что̀ похищено у нея рукою времени и что̀ не было въ нее вставлено, потому что считалось обычаемъ, всѣмъ извѣстнымъ; онъ понялъ, что многія мѣста, многія выраженія требуютъ историко-юридическихъ и филологическихъ объясненій, и онъ старался удовлетворить и этой обязанности, на сколько дозволяли силы его молодой учености. Изслѣдованіе этой грамоты онъ представилъ въ трехъ частяхъ: въ первой сказалъ о судебныхъ властяхъ, во второй—о тяжущихся сторонахъ, и въ третьей—о производствѣ суда. Всѣ эти части, какъ въ построеніи ихъ, такъ и въ изложеніи, исполнены совершенной гармоніи; юридическая точность, вѣрность, логическая послѣдовательность, стремленіе къ критическому разбору мнѣній писателей, сказавшихъ что нибудь объ этой грамотѣ, наконецъ ясность изложенія, — вотъ признаки этой статьи, которая, надѣюсь, будетъ оцѣнена въ ученой русской литературѣ, какъ вкладъ добросовѣстный, исполненный энергіи и дышущій уваженіемъ къ труду».

Такъ какъ «Сборникъ» составляетъ общее дѣло студентовъ, то статьи, присужденныя къ печатанію, будутъ читаться въ общемъ собраніи студентовъ самими авторами, которые должны отстаивать свои положенія. Одно такое чтеніе происходило вечеромъ

20 апрѣля нынѣшняго года. Въ числѣ присутствующихъ были: г. исправляющій должность попечителя с.пб. учебнаго округа, исправляющій должность ректора, гг. профессора: Березинъ, Каземъ-Бекъ, также Кавелинъ и Рѣдкинъ. Кромѣ того были тутъ и дамы . . . Изъ нихъ одна высказала впечатѣнія свои въ анонимномъ письмѣ, адресованномъ на имя редакціи. Мы осмѣливаемся привести здѣсь нѣсколько прекрасныхъ строкъ изъ этого письма, вообще проникнутаго порывами благородства и теплоты душевной.

«Я только что возвратилась изъ университета.

«Не разъ слышала я прежде о проектѣ составить періодическое изданіе, въ которомъ бы участвовали собственно студенты. Изданіе это всѣ единодушно признали прекрасною идеей, много обѣщающею въ будущемъ.

«Скажу откровенно, я не вѣрила, чтобы студенты могли предъявить что нибудь заслуживающее такого восторженнаго, единодушнаго участія.

«Но человѣку, а тѣмъ болѣе женщинѣ, свойственно ошибаться; мнѣ—еще простительнѣе, потому что невольное заблужденіе замѣнилось полнымъ раскаяніемъ и сознаніемъ въ неправотѣ своей. Я поѣхала въ университетъ изъ любопытства,—но съ какимъ чувствомъ возвратилась я!....

«Я видѣла молодость добрую, умную, полную жизни и энергіи, видѣла какъ молодость эта горячо отозвалась на горячо сказанное слово..

«И я впервые поняла, что не знала студентовъ, которымъ теперь такъ отъ души сочувствую . . . .

«Я вполнѣ сознала, чего можно ожидать отъ всѣхъ этихъ пылкихъ головъ, отъ этихъ орлятъ, пробующихъ крылья,—и много можетъ сдѣлать добраго журналъ (*), если всегда сотрудники его будутъ такъ же горячо принимать къ молодому сердцу все истинное, все полезное. И—закралась во мнѣ мысль, что въ журналѣ этомъ скажется слово и за женщину, что захочетъ молодое поколѣніе и въ будущихъ спутницахъ своихъ найти достойныхъ сотрудницъ, потому что вѣдь дѣло вѣковъ поправлять не легко.

«И позаботится молодое поколѣніе заранѣе научить женщину быть счастливою, основывая свое счастіе на счастьи всѣхъ ся окружающихъ, научитъ женщину сбросить пустую жизнь,

(*) Т. е. «Сборникъ».

убивающую всякую нравственную дѣятельность. Скажетъ женщинѣ, что пора понять, что она воспитательница человѣчества, что она прежде всего мать-гражданка, а не модная кукла.

«Скажетъ, какъ у насъ, на Руси, страдаютъ отъ невѣжества, какъ много силъ гибнетъ, силъ неразвитыхъ, или дурно направленныхъ, и все оттого, что женщины не вдумываются въ свое назначеніе, не воспитываютъ себя, не уважаютъ себя. Пора, давно пора сказать это, да не только сказать, пора приняться за дѣло. Говорятъ теперь много объ женщинахъ, но только *говорятъ*, а дороги не показываютъ, и средствъ не даютъ».

Изслѣдованіе о запискѣ Герберштейна вызвало нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, изъ которыхъ одно принадлежало пр. Кавелину. Статья г. Богушевича о Гюлистанѣ Саади произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Едва замолкъ авторъ, какъ послѣдовалъ единодушный взрывъ рукоплесканій, но лишь только остылъ этотъ первый пылъ увлеченія, вызванный краснорѣчивымъ изложеніемъ автора, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія и замѣчанія. Слушатели-студенты высказали при этомъ много, много прекрасныхъ, задушевныхъ мыслей, обличавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстныя знанія. Со стороны г. Богушевича отвѣты отличались логичностію и послѣдовательностью мысли. Общій смыслъ замѣчаній былъ тотъ, что статья не выдерживаетъ исторической критики.

«Журналъ для Воспитанія» представилъ въ V-мъ N° очень характерный очеркъ этой бесѣды.

23-го февраля получено отъ парижскихъ студентовъ частное приглашеніе—участвовать въ предпринятой ими газетѣ Voix des Ecoles. *Принципъ*, побудившій парижскихъ студентовъ обратиться между прочимъ и къ намъ, студентамъ петербургскаго университета, не могъ не возбудить въ насъ искренняго сочувствія.

«Quelques étudiants de Paris viennent de fonder une feuille, писали они, avec la pensée d'en faire le rendez-vous des sympathies, des idées, des aspirations *litteraires* (les seules, vous le savez, qu'il nous soit permis de manifester aujourd'hui) de tous les étudiants de l'Europe. La Voix des Écoles, imprimée en France, sera redigée à Berlin, Vienne, Oxford, Edinbourg, Turin, Gand, aussi bien qu'á Paris.

«Nous faisons un appel, un appel fraternel et plein de confiance à nos camerades de Petersbourg; il aura une réponse, nous en som-

(*) Письмо было адресовано на имя редактора нѣмецкихъ С.-Пб. Вѣдомостей.

mes sûrs.—Dites bien (*) aux étudiants de Petersbourg, que nous serions heureux d'echanger avec eux un serrement de main».

За этимъ слѣдовала подпись трехъ студентовъ-редакторовъ журнала: Деланда, Биччіо и Гольта.

Наше мнѣніе о значеніи этого журнала вотъ какое: издаваясь совершенно въ видѣ газеты (еженедѣльными листами), онъ и направленіе имѣетъ фельетонное. Его Courrier du quartier latin или Bouffées de cigare, даже разборы профессоровъ Сорбоны и Collége de France, отличаются, къ сожалѣнію, отсутствіемъ серіознаго направленія. Повѣсти и стихи, а также біографическіе очерки (Гейне напр.) замѣтно обработаны невнимательно. Тѣмъ не менѣе, интересуясь положеніемъ нашихъ западныхъ товарищей, свѣдѣнія о которыхъ сообщаетъ газета, и сочувствуя принципу ея, задачи быть «*union littéraire*» для всего европейскаго юношества, мы еще разъ благодаримъ Voix des Écoles за призывъ, обращенный къ намъ, какъ благодаримъ за извѣщеніе о нашемъ «Сборникѣ», напечатанное въ 8 № этой газеты.

Въ прошедшемъ академическомъ году было нѣсколько ученыхъ диспутовъ лицъ, искавшихъ высшихъ ученыхъ степеней. Вотъ перечень ихъ: 1856 г. 1) 8 сентября Менделѣевъ на степень магистра химіи (Удѣльные объемы), 2) 16 сентября Будаевъ на степень магистра мат. наукъ (Общая теорія равновѣсія твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость), 3) 21 октября Менделѣевъ pro venia legendi (О строеніи кремнекислыхъ соединеній), 4) 18 ноября Скобликовъ на степень магистра технологіи (Изслѣдованіе красильнаго вещества, эфирнаго масла и летучей кислоты, найденной въ цвѣткахъ желтой ромашки), 5) 9 декабря Мерклинъ на степень магистра ботаники (Объ анатомическихъ признакахъ стебля въ различныхъ родахъ и видахъ деревъ въ Россіи); 1857 г.: 6) 10 февраля Бобчинскій на степень магистра физики (Теорія мультипликатора), 7) 24 марта Пыпинъ на степень магистра русской словесности (Очеркъ литературной исторіи стар. пов. и сказокъ русскихъ), 8) 31 марта Спасовичъ pro venia legendi (Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, 9) 31 марта Пещуровъ на степень магистра астрономіи (Изслѣдованія движенія малой планеты Фортуны), 10) 1 мая Гиппіусъ на степень магистра химіи (Объ извести обыкновенной и гидравлической), 11) 4 мая Пузыревскій на степень магистра минералогіи и геогнозіи (О составѣ канкринита), 12) 11 мая Соколовъ на степень магистра химіи (О перидотѣ, какъ продуктѣ металлургической операціи), 13) 7 іюня Запасникъ на степень магистра полит. эконо-

міи, 14 и 15) 6 іюня на степень магистра восточныхъ наукъ: Безобразовъ (Историч. очеркъ османскаго законодательства) и Мельгуновъ (Ача-Мугамедъ-ханъ). Изъ нихъ особенно любопытны были три диспута: Пыпина, Спасовича и Соколова. У г. Пыпина оппонентами были профессора Никитенко и Срезневскій. Въ числѣ возраженій прочихъ лицъ, бывшихъ на диспутѣ, мы слышали замѣчаніе А. Д. Галахова, касательно дѣленія исторіи русской литературы на періоды по внутренней жизни народа. Г. Соколовъ отстаивалъ свои положенія съ достоинствомъ опытнаго ученаго. На диспутѣ г. Спасовича возражали Ивановскій, Чайковскій, и между прочими присутствовавшими г. Кавелинъ, высказавшій нѣсколько любопытныхъ замѣчаній объ отношеніи христіанства и національности славянской къ общественному положенію женщины. Изъ 15 диспутантовъ 2 вышли изъ главнаго педагогическаго института, 1 изъ дерптскаго университета и 12 изъ здѣшняго. На слѣдующій годъ, какъ слышно готовится нѣсколько любопытныхъ диспутовъ: по каѳедрѣ русской слов., славянскихъ нарѣчій, математики, политической экономіи, исторіи и проч.

Нельзя не упомянуть о новой прекрасной мысли, уже давно возникшей между нами, но не успѣвшей еще организоваться,— это мысль помогать бѣднымъ нашимъ товарищамъ и такимъ образомъ устранять физическія препятствія для ихъ развитія. Уже написано студентами нѣсколько проектовъ объ этомъ важномъ учрежденіи, которое, безъ сомнѣнія, скоро успѣетъ осуществиться: гдѣ мысль, тамъ и дѣло.

Многіе думали, что уничтоженіе разрядовъ въ гражданской службѣ повлечетъ за собой уменьшеніе числа студентовъ въ университетахъ. Ничуть не бывало: число студентовъ увеличивается и будетъ увеличиваться. Теперь въ университетъ поступаютъ не для пріобрѣтенія правъ, а для того, чтобы посредствомъ плодотворныхъ истинъ науки развить всѣ добрые зачатки духовной природы чесовѣческой и приготовить себя такимъ образомъ къ успѣшной дѣятельности на невоздѣланной еще почвѣ. Монопольныя выгоды, дарованныя просвѣщенію, оказались лишними уже потому, что общество начинаетъ сознавать необходимость просвѣщенія и безкорыстно любить его. Устанавливается связь между обществомъ и проводниками просвѣщенія. Общество начинаетъ сочувствовать университетскому сословію, которое въ свою очередь заботится о развитіи въ себѣ общественнаго элемента.

Результаты такого воспитанія должны выражаться въ общественной дѣятельности питомцевъ университета, которымъ

предоставлено право избирать какое угодно поприще, не говоря ужъ о гражданскомъ, на которомъ они уже успѣли заслужить довѣріе благонамѣренныхъ людей; военно-учебныя заведенія въ кандидатахъ университета находятъ себѣ знающихъ педагоговъ; въ числѣ офицеровъ генеральнаго штаба и горнаго вѣдомства, бывшіе воспитанники университета пріобрѣтали къ себѣ заслуженное уваженіе; наконецъ многіе изъ нашихъ товарищей, и не изъ купеческаго сословія, съ успѣхомъ посвящали себя коммерческимъ дѣламъ. Вездѣ и во всемъ можно и должно примѣнять результаты, добытые наукою. Идея гражданственности, развитое убѣжденіе о чести и долгѣ человѣка, твердо укоренясь въ молодомъ поколѣніи, внесется имъ и въ жизнь, и станетъ твердымъ оплотомъ противъ тѣхъ общественныхъ язвъ и недостатковъ, противъ половины которыхъ уже рѣзко выразилось общественное негодованіе въ современной литературѣ и гласномъ сознаніи . . .

С.-Петербургъ.
17 Сентября 1857 г.

ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОМЪ БЫТѢ.

(Rerum Moscoviticarum Commentarii).

Сочиненіе Сигмунда барона Герберштейна,

Редакція латинскаго текста (по базельскому изданію 1556 г.), варіанты, примѣчанія и указатель студента А. Тихменева. Переводъ студента И. Анонимова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Только съ недавняго времени историческая литература наша стала обращать должное вниманіе на писателей иностранныхъ о Россіи, и только съ помощію строгой критики можно дать имъ мѣсто среди источниковъ, не впадая въ ошибку. Изученіе этихъ писателей въ высшей степени любопытно и обильно плодами для русской исторіи. Оно даетъ путь къ сравнительному изслѣдованію русской старины съ современнымъ положеніемъ запада и, кромѣ того, оно служитъ непосредственно въ помощь исторіи, потому что многіе факты русской жизни записаны и объяснены только иностранцами. Притомъ у этихъ писателей мы встрѣчаемъ изложеніе русской *исторіи* по большей части по русскимъ источникамъ въ той формѣ и съ той точки зрѣнія, которая господствовала на западѣ современно автору.

Не все множество писателей о Россіи заслуживаетъ одинаковаго вниманія, тѣмъ болѣе, что часто они повторяли другъ друга. Свѣдѣнія, сообщенныя разъ писателемъ, пользовавшимся извѣстностью и довѣріемъ, частью компилировались, частью цѣликомъ переносились въ другія сочиненія. Къ такимъ писателямъ, пользовавшимся заслуженнымъ авторитетомъ, принадлежитъ и Герберштейнъ. Его *Rerum Moscoviticarum Commentarii* служили на западѣ долго неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній о Россіи, чему они обязаны извѣстной учености автора и отчасти блистательному положенію его въ обществѣ и при австрійскомъ дворѣ. Занимая высшія государственныя должности и находясь при дворѣ, Герберштейнъ легко могъ снискать себѣ громкую славу и вдохновить такихъ поэтовъ, какъ Розинъ или Брассиканъ; онъ могъ этого достичь и безъ того таланта и добросовѣстности, которые имѣлъ. Происходя изъ знатной фамиліи и постоянно обращаясь въ свѣтскомъ кругу, онъ отличался рыцарскимъ честолюбіемъ, которое тогда теряло уже свой средневѣковой смыслъ. Прочтите его автобіографію, его родословную, которою онъ утѣшался и гордился, сравнивая себя съ Цинцинатомъ и т. п.; прочтите его памфлетъ (Defensio etc.), исполненный надменнымъ тономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пора рыцарской самостоятельности проходила; потому Герберштейнъ,

сдѣланный рыцаремъ на 28 году жизни своей, не оставилъ своей придворной угодливости. Не знаемъ до какой степени плодотворно и дѣльно велъ Герберштейнъ свои дѣла въ нижнеавстрійской камерѣ или по контролю, которымъ управлялъ, но дипломатическая дѣятельность его, чисто политическая, по нашему мнѣнію, не богата результатами. Живя во время сильнаго и общаго движенія политико-религіознаго, онъ по большей части ограничивался *личными* дѣлами своихъ государей или отправленіемъ придворныхъ должностей. Впрочемъ, какъ человѣкъ умный и ловкій, онъ былъ прекраснымъ представителемъ своего двора. Для насъ важно это въ томъ смыслѣ, что изъ положенія общественнаго Герберштейна можетъ опредѣляться взглядъ его на вещи въ «Запискахъ». Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ уже и по самому содержанію ихъ, что въ Россіи онъ входилъ въ непосредственныя сношенія преимущественно только съ людьми высшаго сословія (*), съ которыми имѣлъ дѣло по обязанности. Поэтому-то, не смотря на нѣкоторое сочувствіе, замѣтное въ «Запискахъ», къ интересамъ массы народа, Герберштейнъ особенно подробно и вѣрно передаетъ обычаи придворные; свѣдѣнія историческія, географическія, этнографическія, въ высшей степени любопытныя, обязаны любознательности Герберштейна и бесѣдѣ его съ русскими людьми, которые могли доставить ему письменные источники; на бытъ же народа онъ смотрѣлъ, такъ-сказать, *сверху*. Нѣкоторое сочувствіе его къ интересамъ народа объясняется его образованностью; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ зналъ народъ и вѣрно понималъ его бытъ. Свѣдѣнія о религіи, собранныя имъ по порученію Фердинанда, отличаются полнотой и знакомствомъ съ духовною литературою русской. Во всякомъ случаѣ, важность «Записокъ» для исторіи Россіи несомнѣнна по своей полнотѣ, добросовѣстности и умному изложенію. Мы отсылаемъ читателей къ «Изслѣдованію о Герберштейнѣ» товарищей нашихъ, гдѣ сдѣланъ критическій обзоръ комментарій.

«Записки» Герберштейна написаны и изданы были слишкомъ черезъ 20 лѣтъ послѣ его втораго путешествія въ Россію. Написаны онѣ могли быть и въ Миланѣ, какъ на это указываетъ Курбскій (**); но изданы въ 1-й разъ въ Вѣнѣ. Матеріаломъ для нихъ

(*) См 1 вып. «Сборника» студентовъ стр. 15—22.

(**) Сказ. к. Курбскаго Н. Устрялова. Изд. 2 С.-Пб. 1842 г.: «юже (кронику) латинскимъ языкомъ, въ Медіоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ». Въ примѣч. 8 на стр. 313 той-же книги, Н. Г. Устряловъ, говоритъ, что онъ «нигдѣ не могъ отыскать свѣдѣнія объ изданіи Медіоланскомъ»; но Курбскій здѣсь говоритъ о мѣстѣ *написанія*, а не *изданія* комментарій; въ Миланъ же часто ѣзжалъ Герберштейнъ и слѣдовательно могъ написать тамъ свое сочиненіе.

служилъ, между прочими бумагами, его дневникъ [Herbersteins Selbstbiographie (*)], содержащій въ себѣ маршрутъ вмѣстѣ съ разными замѣтками. Въ послѣдствіи онъ составилъ для Фердинанда записку о религіи Руссовъ, присовокупивъ исторію ихъ. Къ изданію же, сдѣланному по желанію императора, онъ присоединилъ еще географическія свѣдѣнія, а также и маршруты свои. Такимъ образомъ вышло первое изданіе (1549 г.) въ 3-хъ отдѣлахъ. Слава комментаріи не замедлила распространиться по Европѣ между учеными и свѣтскими людьми. Изъ сотеріи, посвященіи и множества изданіи видимъ, какъ читались въ то время комментаріи. О нихъ знала вся Европа; Россія также интересовалась ими: уже князь Курбскій въ своей исторіи Іоанна упоминаетъ о *Герберштейнѣ* (**), говоря о Семенѣ Курбскомъ, о которомъ читаемъ въ комментаріяхъ на стр. 79 (изд. 1556 г.).

Выдержавъ множество изданіи, послужившихъ матеріаломъ для многихъ монографіи о Россіи, помѣщенныхъ въ историческихъ или этнографическихъ сборникахъ XVI—XVII вѣка на различныхъ языкахъ, Герберштейнъ съ своимъ трудомъ сдѣлался наконецъ въ XVIII в. достояніемъ и источникомъ русской науки. Неутомимый Миллеръ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» на 1761 г., въ статьѣ: «О князьяхъ новгородскихъ» пользуется Герберштейномъ, критически указывая на его ошибки. — Весьма замѣчательное библіографическое явленіе было въ 1795 году (***), когда нѣмецкій переводъ «Записокъ» Герберштейна (по изд. 1567 г.) былъ перепечатанъ по повелѣнію Екатерины II, которая случайно прочитала это сочиненіе, (вѣроятно, по указанію какихъ-нибудь спеціалистовъ, Бакмейстера или Миллера), нашла весьма любопытнымъ и вознамѣрилась издать. Придворный книгопродавецъ Вейтбрехтъ взялъ на себя это изданіе, а Бакмейстеръ занялся редакціей его. Вейтбрехтъ съ любовью принялся за дѣло, заказалъ въ Парижѣ особую желтоватую бумагу, которая цвѣтомъ подходила бы къ

(*) Fontes rerum austriacarum, 1 Bd. S. 69—396.

(**) См. Сказанія кн. Курбскаго изд. 2 Н. Устрялова С.Пб. 1842 стр. 5 «О немъ же (о Семенѣ Курбскомъ) и о святомъ жительствѣ его не токмо тамо Русская земля вѣдома, но и Герберштейнъ, нарочитый мужъ цесарскій и великій посолъ, на Москвѣ былъ и увѣдалъ, и въ кроницѣ своей свидѣтельствуетъ, юже Латинскимъ языкомъ, въ Медіоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ. Той Герберштенъ приходилъ два кратъ къ Москвѣ, посломъ великимъ отъ славнаго цесаря христіанскаго, Карлуса, о великѣхъ дѣлѣхъ, или паче, постановляющи миръ вѣчный между царствы хрістіанскими, и вооружающи ихъ и подвизающи сопротивъ поганомъ; и аще мужъ былъ искусный въ шляхетныхъ наукахъ и дѣлѣхъ, но въ варварскихъ языцѣхъ глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ, не возмогъ сего достохвальнаго дѣла до конца исправити».

(***) См. Sig. Fr. v. Herberstein v. Adelung S. 364—367.

подлинной; шрифтъ выбранъ былъ самый старый, какой находился въ типографіи, и который все-таки впрочемъ отличался отъ оригинала. Черезъ годъ издатель окончилъ уже печатаніе и доложилъ Государынѣ о скоромъ выпускѣ въ свѣтъ книги: оставалось сдѣлать карты и рисунки. Но смерть Екатерины остановила дѣло; книга валялась въ типографіи, пока наконецъ въ 1802 г. не умеръ самъ Вейтбрехтъ, а его заведеніе не перешло въ руки его прежняго фактора, Лисснера, который успѣлъ съ огромными издержками и трудомъ окончить все изданіе (въ 1804 г.) въ числѣ около 100 экземпляровъ.—Точность перепечатки самая библіографическая; все отличіе отъ подлинника состоитъ въ томъ, что въ петербургскомъ изд. форматъ бумаги больше, шрифтъ новѣе,—и на заглавномъ листѣ подлѣ льва отпечатанъ маленькій черный двуглавый орелъ. Точностью своей изданіе обязано прекрасному, ученому редактору своему—Бакмейстеру, который какъ добросовѣстный спеціалистъ, знающій библіографъ (онъ служилъ при библіотекѣ Академіи Наукъ) цѣнилъ значеніе хорошихъ библіографическихъ изданій такихъ памятниковъ, каковы Rer Mos. Com., съ которыми онъ былъ знакомъ давно по нѣсколькимъ изданіямъ, и между прочимъ по изд. 1551 (лат. базел.), находящемуся въ библ. Ак. Наукъ. Онъ самъ указываетъ на это изданіе, называя его *рѣдкимъ*, въ своемъ «Опытѣ о библ. и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной СПб. Имп. Ак. Наукъ» (*). Послѣ того ученый Фр. Аделунгъ издалъ прилежный, нелегкій трудъ свой: Siegmund Freherr von Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland. Mid zwey Kupfern und einer Karte. Petersb. 1818. Хотя на свидѣтельства Аделунга, какъ относительно библіографіи, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, безусловно полагаться нельзя за совершеннымъ отсутствіемъ критики, а иногда и добросовѣстнаго вниманія, но тѣмъ не менѣе эта драгоцѣнная книга богата указаніями. Изслѣдователю остается повѣрять ихъ.—До сихъ поръ Аделунгъ былъ единственнымъ пособіемъ при изученіи Герберштейна, но съ тѣхъ поръ здѣшняя публичная библіотека пріобрѣла себѣ почти всѣ изданія знаменитаго путешественника, съ тѣхъ поръ историками нашими въ отдѣльныхъ монографіяхъ и цѣльныхъ сочиненіяхъ положено основаніе критической его оцѣнки, которая сдѣлалась возможна со времени изданія отечественныхъ памятниковъ. Книга Аделунга и вообще усиливавшійся въ русскомъ обществѣ интересъ къ исторіи отечества, сдѣлали комментаріи Герберштейна извѣстными въ публикѣ. По сви-

(*) Стр. 48.; это сочиненіе написано Бакмейстромъ на французскомъ языкѣ и потомъ переведено Костыловымъ на русскій въ 1779 г.

дѣтельству С. Русова, около 30-хъ годовъ существовали «въ нѣ-«которыхъ русскихъ библіотекахъ переводы книги довольно любопытной, подъ названіемъ *Московскія записки Герберштейна*» (*). Не печатались они потому, что въ нихъ между прочимъ есть много «ложныхъ, оскорбительныхъ для слуха и «часто нелѣпыхъ извѣстій, что безъ смѣха читать ихъ не мож-«но...За всѣмъ тѣмъ оная книга... какъ въ иностранныхъ го-«сударствахъ, такъ наипаче въ Россіи читается, перечиты-«вается, и даже часто употребляется во свидѣтельство другими «писателями». Не знаемъ та ли причина въ самомъ дѣлѣ задерживала рукописи въ библіотекахъ и не пускала ихъ въ печать; но во всякомъ случаѣ истиннаго значенія для науки и для общества не могъ имѣть переводъ до критической оцѣнки сочиненія. Маленькое изслѣдованіе Мусина-Пушкина о Холопьемъ городѣ, вышедшее въ 1810 г., примѣчанія къ исторіи Карамзина—всего этого еще было слишкомъ недостаточно для общей оцѣнки. Поэтому, собственно критика Герберштейна началась съ скептическаго труда С. Русова, помѣщеннаго въ его «Воспоминаніяхъ на 1832 годъ». Мы говоримъ о «Замѣчаніяхъ» Русова на переводъ комментаріи и о самомъ переводѣ, найденномъ будто издателемъ; вѣрнѣе, что онъ сдѣланъ самимъ Русовымъ или подъ его руководствомъ съ базельскаго изданія 1556 года. Переводъ сдѣланъ не точно и довольно тяжелымъ языкомъ. Примѣчанія при всей односторонности, проникнутыя недовѣріемъ къ Герберштейну, все таки весьма любопытны и вообще отличаются тѣмъ критическимъ направленіемъ, которое такъ необходимо для науки и ярче всего бросается въ глаза при зарожденіи вопроса, когда предметъ критики еще новъ и необработанъ. Русовъ съ свойственнымъ ему тактомъ чувствовалъ недостаточность современнаго ему взгляда на русскую исторію, чувствовалъ въ немъ пробѣлы,—и энергически высказывалъ это чувство во множествѣ критическихъ статейкахъ (**). Въ этомъ живомъ сочувствіи къ вопросамъ русской науки заключалась вся дѣятельность Русова, до сихъ поръ мало приведенная въ извѣстность и вовсе еще не оцѣненная (***). Доказательства, при-

---

(*) Воспоминанія на 1832 г. С. Русова. Февраль стр. 17.

(**) *Степанъ Васильевичъ Русовъ* (ум. 21 Марта 1842 г.), членъ Импер. Рос. Акад. и почетный членъ II Отд. Ак. Наукъ, писалъ очень много съ 10-тыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Такъ извѣстны его: Обозрѣніе критики Хадаковскаго, Опытъ о идолахъ, Варяжскіе законы, Историч. розысканіе о дочеряхъ Ярослава, статьи въ «Славянинѣ» за 1830 г., Замѣчанія на исторію Полеваго. Самостоятельный взглядъ и сочувствіе къ своей народности оживляютъ скептическое направленіе этихъ статей.

(***) Въ отчетѣ II Отд. Ак. Наукъ за 1842 г. въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1842 № 3, стр. 26, 27—сказано слишкомъ мало о Русовѣ. Дятельность его стоитъ вниманія монографовъ.

водимыя Русовымъ для подтвержденія своихъ мнѣній, часто не выдерживаютъ критики. Тѣмъ не менѣе этотъ дѣятельный труженикъ науки оставилъ по ней слѣдъ, незамѣтный только при первомъ взглядѣ. Критическое направленіе неминуемо принесло свои плоды тѣмъ болѣе, что Русовъ говорилъ о Герберштейнѣ, объ одномъ изъ иностранныхъ писателей о Россіи, до которыхъ тогда еще мало касалась критика.—Странная судьба постигла потомъ изданія Герберштейна, дѣлаемыя въ Россіи. Ихъ было *два:* въ 1841 г. А Старчевскій издалъ 2 тома Historiae Ruthenicae scriptores exteri, saeculi XVI. Berolini et Petropoli; вслѣдствіе какихъ-то особыхъ обстоятельствъ (*) эта книга существуетъ въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Впрочемъ, врядъ ли могла она во всякомъ случаѣ служить вѣрнымъ пособіемъ для ученыхъ по той типографической небрежности и невнимательности издателя, съ какимъ напечатаны напр. въ 1-мъ томѣ на стр. 3—100 Rer Mosc. Com., по видимому съ изд. 1556 г. Издатель позволялъ себѣ ни къ чему не ведущія отступленія отъ правописанія подлинника (Wolodimerus вм. Vuolodimerus, Czechi вм. Oczechi, Rutheni см. Rhuteni и т. д.); а типографія надѣлала пропасть опечатокъ, что̀ весьма̀ неудобно для изданія памятниковъ.—Въ 1847 г. въ І-мъ отдѣленіи II-го тома «Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи» изд. Калистратова и Семенова, вышло 32 стр. латинскаго текста по изд. 1551 г. (=1—25 стр. по изд. 1556 г.) и 128 стр. перевода на русскій языкъ, соотвѣтствующаго 1—51 стр. по 1556 г. Но трудъ этотъ во 1) недокончепъ, во 2) не хорошъ тѣмъ, что выбранъ менѣе полный текстъ 1551 г., 3) потому что текстъ напечатанъ совершенно отдѣльно отъ перевода, 4) переводъ тяжеловатъ и во многихъ мѣстахъ не точенъ. При переводѣ предполагались примѣчанія, судя по ссылкамъ, которыхъ въ изданномъ выпускѣ болѣе 100...За границей свѣдѣнія о Герберштейнѣ ограничивались статьями въ энциклопедическихъ словаряхъ, заимствованныхъ изъ Аделунга, указаніями каталоговъ антикварныхъ библіотекъ и наконецъ, благодаря вѣнскому археологическому обществу, изданіемъ автобіографіи Герберштейна и его переписки съ герцогомъ Альбертомъ (**).

Въ 1851 г. переведены Герберштейновы записки на англійскій языкъ, подъ заглавіемъ: Notes upon Russia etc. translated and edited with notes and introduction by R. H. Major. Lond. (Print. for the Hakl. Soc.) 1851 in 8-o. 2 vol но, къ сожалѣнію, я ничего

(*) Пожара, если не ошибаемся.

(**) *Voigt.* Briefwechsel des Freiherrn Sig. V. Herb. mit Herz. Albrecht v. Preussen. Wien. 1856. въ XVII т. Archiv f. Kunde österreich. Geschidhtsquellen.

не могу сказать объ этомъ переводѣ, такъ какъ по особымъ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ меня, я не имѣлъ его подъ руками. Извѣстный библіоманъ, Августинъ Голицынъ, предпринимаетъ, говорятъ, переводъ Герберштейна на французскій языкъ. Указавъ на «Uebersicht d. Reisenden» Аделунга, гдѣ есть статья о Герберштейнѣ, сокращенная изъ монографіи о немъ того же автора, и на примѣчанія къ V т. исторіи Соловьева я долгомъ считаю упомянуть объ «Изслѣдованіи о Герберштейнѣ» помѣщенномъ въ предлагаемомъ первомъ выпускѣ студентскаго «Сборника». Этотъ трудъ, вызванный предложеніемъ Н. Г. Устрялова, представляетъ, кромѣ добросовѣстнаго изложенія содержанія книги Аделунга и Rer. Mosc. Com., и критическую оцѣнку нѣкоторыхъ главъ «Записокъ» (*).

Имѣя въ рукахъ вполнѣ добросовѣстный переводъ товарища нашего, И. Анонимова (нынѣ, съ 1856 г., кандидата), мы предлагаемъ возможно полное и отчетливое изданіе комментаріи. Зная всю важность ихъ и рѣдкость библіографическую, мы старались удовлетворить изданіемъ нашимъ всѣмъ требованіямъ науки, какія сами съумѣли себѣ задать. Взявъ на себя это дѣло, мнѣ казалось необходимымъ сравненіе изданій, иногда существенно различествующихъ между собой. Принявъ за норму латинское базельское изданіе 1556 г., какъ самое полнѣйшее, я выписалъ къ нему варіанты преимущественно по изд. латинскимъ 1549 и 1551, нѣмецкимъ 1557 и 1563 и итальянскому 1550, выбирая изъ нихъ тѣ различія, которыя измѣняютъ или поясняютъ смыслъ текста. Впрочемъ, боясь пропусковъ, я помѣщалъ иногда и менѣе важные варіанты и печаталъ постранично въ выноскахъ, означенныхъ въ текстѣ латинскими буквами (a, b и т. д.). Кромѣ того, считая нужнымъ указать на источники тѣхъ или другихъ извѣстій Герберштейна, на мнѣнія нашихъ историковъ о нихъ справедливости,—мнѣнія, разбросанныя по разнымъ монографіямъ, въ концѣ изданія я прилагаю примѣчанія, въ которыхъ стараюсь давать оцѣнку каждому извѣстію, сравнивать съ источниками русскими и иностранными, чтобъ приготовить матеріалы для будущихъ критиковъ Герберштейна. Ссылки на эти примѣчанія отмѣчены въ текстѣ и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ перевода цифрами. Текстъ и переводъ мы издаемъ, для бо̀льшаго удобства—en regard. Текстъ печатается съ изданія 1556 г. съ буквальной точностью; на поляхъ отмѣчаются страницы подлинника; правописаніе стараго изданія соблюдается, исключая сокращеній, которыя затруднили бы чтеніе.—Переводъ, сдѣланный по

(*) См. стр. 22—35, 59—70, 75—83, 86—102 выпуска 1-го студентскаго «Сборника».

изд. 1556 г., я пополнилъ въ самомъ текстѣ варіантами, означивъ ихъ курсивомъ. Если эти варіанты только *пополняютъ* смыслъ текста 1556 г., то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, если же *измѣняютъ*, то писалъ курсивомъ рядомъ въ скобкахъ. Такимъ образомъ мы стремились къ тому, чтобъ нашимъ изданіемъ замѣнить, по возможности вполнѣ, для спеціалистовъ и неспеціалистовъ пользованіе старинными изданіями, во всей массѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что достать ихъ почти невозможно. Незнакомымъ съ латинскимъ языкомъ, мы представляемъ русскій переводъ, въ которомъ принуждены были иногда жертвовать легкостью слога въ пользу точности. Въ концѣ, кромѣ примѣчаній, прилагается указатель къ комментаріямъ. Нашъ трудъ будетъ вознагражденъ, если достигнетъ своей цѣли—облегчитъ занятія ученыхъ и ознакомитъ неспеціалистовъ съ драгоцѣннымъ источникомъ русской исторіи XVI столѣтія. Еще нѣсколько словъ о заглавіи, которое мы дали комментаріямъ: «Записки о московсковъ бытѣ». За вѣрность его ручается содержаніе «Записокъ» и неопредѣленность слова *res* въ латинскимъ заглавіи: Rerum Moscov. Com. Нѣмцы переводили его: Warhafftige historien—разсказы, что не предполагаетъ того серіознаго тона, который долженъ быть и есть *въ Rerum Commentarii.* Здѣсь не одна исторія, не одна религія и географія, здѣсь все вмѣстѣ, полная картина жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ положеніи, на сколько ее зналъ и понималъ Герберштейнъ, здѣсь весь *бытъ московскій*, *московщина*, moscovitica, res moscoviticae. Слову Commentarii нельзя давать значенія замѣчаній; это есть сочиненіе, составленное по памятнымъ запискамъ автора, изъ которыхъ одна была даже подана императору. Соображая все это и ознакомливаясь болѣе съ духомъ комментаріи Герберштейна, въ современною ему западною литературой и языкомъ, мы сочли всего болѣе соотвѣтствующимъ названіе, которое и дали «Запискамъ».

II.

Приступая къ изданію текста Rerum Moscoviticarum Commentarii Герберштейна, мнѣ кажется необходимымъ предпослать возможно полныя библіографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ его, съ которыми мнѣ удалось познакомиться, благодаря доступности здѣшней публичной библіотеки къ сокровищамъ ея, неоцѣненнымъ именно по отношенію къ иноязычнымъ писателямъ о Россіи.

Публичная библіотека обладаетъ изданіями, по большей части сохранившимися въ ихъ полнѣйшемъ, первоначальномъ видѣ. Нѣкоторыя она имѣетъ даже въ двухъ экземплярахъ. Можно

безошибочно сказать, что въ ея рукахъ *всѣ* изданія Герберштейна, по крайней мѣрѣ *всѣ* тѣ, на которыя есть точныя указанія библіографовъ.

Всѣ старинныя изданія Герберштейна можно раздѣлить на 2 главные извода: на *вѣнскій* (лат. 1549 и нѣм. 1557) и *базельскій* (лат. 1566 и нѣм. 1563), около которыхъ болѣе или менѣе тѣсно группируются всѣ остальныя изданія.

И такъ, I) *Изводъ вѣнскій* отличается слѣдующими общими признаками: a) комментаріи начинаются тою статьей, которая въ нашемъ изданіи (по 1556 г.) предпослана имъ подъ особымъ заглавіемъ: *ad lectorem*, и которая начинается словами: Moscovuiam mihi descripturo, а далѣе содержитъ въ себѣ изложеніе способа правописанія русскихъ словъ латинскими буквами; b) отсутствіе нѣсколькихъ мѣстъ, находящихся въ базельскихъ изданіяхъ; c) въ вѣнскихъ изданіяхъ нѣтъ о значеніи слова *разсѣяніе* по употребленію его въ св. писаніи, сравненія слова Россія съ греческимъ ῥῶς и аналогіи его съ названіемъ галловъ и умбровъ (по баз. изд. 1556 г. стр. 1, Notum—gentem.); d) также нѣтъ оправданія противъ слуховъ, что будто Герберштейнъ привезъ русскому князю грамоты, которыми присвоенъ ему царскій титулъ (по баз. изд. 1556 стр. 17—19 Non dubitarunt—adducturi). Эта статья была въ первый разъ написана уже послѣ 1-го опориновскаго базельскаго изд. 1561 г. и напечатана въ Вѣнѣ, сначала на латинскомъ (безъ года, а потомъ и на нѣмецкомъ въ 1560 г.) подъ заглавіемъ: Defensio etc, e) нѣтъ разсказа о богемцѣ Еразмѣ (по баз. изд. 1556 г. стр. 43—45 Gloriantur Mosci—traiectus occubuit), f) правописаніе вообще запутанно; опечатокъ типографскихъ множество, g) картины, имѣющіяся при изданіяхъ этого извода, обращены лицами, изображенныхъ на нихъ людей и звѣрей, налѣво отъ читателя; h) кромѣ того важно еще то, что на собственно вѣнскихъ изданіяхъ лежитъ отпечатокъ непосредственнаго участія самого Герберштейна.

II) *Изводъ базельскій* имѣетъ слѣдующія отличительныя особенности: a) комментаріямъ, кромѣ предисловія и посвященія Фердинанду, предпосылается статья *ad lectorem*, начинающаяся словами: Moscovuiam mihi descripturo и т. д.; b) полнота и большая исправность изданія относительно вѣнскаго извода; c) присоединеніе къ комментаріямъ сочиненія Павла Іовія съ особымъ заглавіемъ: Pavli Iovii Novocomensis de legatione Basilii Magni etc., liber, а позднѣе и de admirandis Hungariae aquis, Hypomnemation, Georgio Vuernhero authore (посв. Герберштейну). Не говоримъ уже о тѣхъ изданіяхъ комментаріи, которыя помѣщены въ особыхъ сборникахъ (см. далѣе); d) въ нѣмецкихъ

изд. базельскаго извода, передъ статьей: Modus inaugurandi principes (стр. 19 по 1556 г.), помѣщается Appendix oder angehengte Historien von der Moscoviten letsten Handlungen; e) картины лицами изображенныхъ на нихъ людей и звѣрей обращены вправо отъ читателя, f) къ комментаріямъ прибавляется указатель.

Къ вѣнскому изводу, кромѣ собственно вѣнскихъ, 1 (2?) латинскаго и 1 нѣмецкаго, мы причисляемъ еще венеціянское изд. итальянскаго перевода.

1) Вѣнское изданіе латинское 1549 года. Этимъ рѣдкимъ *первымъ* изданіемъ комментаріи, который самому Аделунгу былъ извѣстенъ только по письму Копитара (*), обладаетъ наша публичная библіотека. Вотъ его описаніе: Rerum Moscoviticarum commentarii. In his commentarijs sparsim conténta habebis candide Lector. Russiae et que nunc eius Metropolis est, Moscoviae brevissimam descriptionem. De Religione quaque varia inserta sunt: Et quae nostra cumReligione non conveniunt. Chorographiam denique totius imperij Moscici: Et vicinorum quorundam mentionem. Quis denique modus excipiendi et tractandi oratares: disseritur. Itineraria quoque duo, in Moscoviam sunt adiuncta.—In fol., безъ означенія года, 2 л безъ отмѣтки + XII (A—C) + XXIX (A—E) + XXXVII (A—G) (=8 о л.). Страницы обозначены римскими цифрами съ нѣмецкой припиской *Fol.* Шрифтъ всего изданія обыкновенный латинскій, форматъ бумаги средней величины.—На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Герберштейна, затѣмъ 4 раскрашенныя картины. Fol. II—Посвященіе Фердинанду. Fol. III и IV—сотеріи. Fol. V—Itinera in Moscoviam до Fol. XV (=136—154 р. 1556 г.). Здѣсь на Fol. VIII, нѣтъ сравнительно съ базельскимъ изданіемъ 1556 г. всего; что въ этомъ послѣднемъ находится на стр. 143 отъ слова Admonit до reuertor. Также нѣтъ того, что находится на стр. 145—149 (изд. 1556 г.) отъ Caeterum cum in regni Hungariae до Iter secundae legationis.—Во 2-й серіи пагинаціи, на Fol. 1 заглавіе· Moscovvia Sigismvndi liberiBaronis Herberstain Neyperg et Gvetnhag. Fol. II—Moscouuiam mihi descripturo etc. (=ad lectorem 1556 г.) съ маленькими измѣненіями. Затѣмъ—пропуски, общіе вѣнскому изводу. Fol. V—серія 3-й: Nvnc Chorographiam etc.; далѣе слѣдуетъ почти также какъ въ изд. 1556 г. стр. 60—136. Судя по заглавію и по изд. итальянскому (черезъ годъ въ 1550 г.), порядокъ *серій* перемѣшанъ здѣсь переплетчикомъ: сначала должна быть 2-я, потомъ 3-я и наконецъ 1-я изъ этихъ 3-хъ серій, во всякомъ случаѣ только послѣдніе 2 составляютъ собственно систематическое сочине-

(*) Adelung. S. Fr. II. S. 317—321.

ніе. Нельзя ли этимъ самымъ объяснить слова Лорста Глареана въ его примѣчаніяхъ на 8 книгу К. Курція (печатаемыхъ обыкновенно между Herbersteniana), гдѣ говорится, что о скиѳахъ и сарматахъ Герберштейнъ издалъ *duo iusta volumina*. Экземпляръ, принадлежащій публичной библіотекѣ и принесенный ей въ даръ отъ нашего библіографа Геннади (*), заключаетъ въ себѣ всѣ 3 серіи пагинаціи, между тѣмъ какъ вѣнскій экземпляръ этого изданія, по описанью Копитара, имѣетъ только 1-ю и 3-ю серіи; за то онъ заключаетъ въ себѣ послѣ 1-й серіи, 3 стр. опечатокъ и карту Москвы, которыхъ нѣтъ здѣсь.

Экземпляръ публичной библіотеки содержитъ въ себѣ нѣсколько рукописныхъ отмѣтокъ на поляхъ, болѣе или менѣе любопытнаго содержанія. На заглавномъ листѣ обозначено чернилами Zach. F. Tinnin., и другимъ почеркомъ что-то въ родѣ G. Bronsky. Всѣ отмѣтки замѣтно дѣлаемы были католикомъ, и, вѣроятно, полякомъ, судя по односторонности сужденій въ религіозномъ отношеніи.—Что это изданіе относится къ 1549 г.—видно изъ указанія самого Герберштейна, сдѣланнаго имъ въ своемъ сочиненіи: Gratae pasteritati Sig lib. Baro in Herberstain. Тамъ именно подъ 1549 г. онъ говоритъ: Historiam Moscoviae stilo simplice congessi, eandemque Typis excudi curaui. Тогда, по свидѣтельству того-же сочиненія, онъ находился въ Вѣнѣ. Въ Appendix Bibliot. Conr. Gesneri 1555 г. на стр. 97 читаемъ: Sigism. Liber, Baro in Herberstein etc. scripsit Rerum Moscoviticarum commentarios, excusos *Viennae primum Austriae*. Изъ всего сказаннаго видно, что изданіе 1549 г., по своей неполнотѣ и неисправности не можетъ быть принято за норму, хотя и издавалось подъ наблюденіемъ самого автора.

2) Черезъ восемь лѣтъ послѣ перваго изданія, Циммерманъ издалъ въ Вѣнѣ переводъ комментаріи, сдѣланный самимъ Герберштейномъ. Это весьма любопытное изданіе носитъ слѣдующее заглавіе: Moscouia der Hauptstadt in Reissen, durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstein, Neyperg und Guetengag obristen Erbcamrer, vnd obristen Erbtruckhsessen in Kärntn Römischer zu Hungern und Behaim Khü. May. etc. Rat, Camrer vnd Presidenten der Niederösterreichischen Camer zusamen getragen. Sambt des Moscouiter gepiet, vnd seiner anrainer beschreibung vnd anzaigung, in weu (?) sy glaubens halb mit vns nit gleichhellig: Wie die Potschaften oder Gesandten durch sy emphangen vnd gehalten werden, sambt zwayen vnderschidlichen Raisen in die Mosqua. Mit Rö. Khü. May. gnad vnd Priuilegien. Getruckt

(*) Самъ г. Геннади пріобрѣлъ этотъ экземпляръ на толкучемъ рынкѣ въ С.-Петербургѣ.

zu Wienn in Osterreich durch Michael Zimmermann in S. Anna Hoff 1557., in folio, малаго формата. Кромѣ картъ и заглавнаго листа—л. A—Z. Форматъ бумаги—среднiй. Этотъ переводъ сдѣланъ авторомъ и поэтому изобилуетъ вольностями, прибавками и выпусками относительно оригинала такъ, что трудно рѣшить, какимъ именно изданіемъ пользовался тогда Герберштейнъ. Отсутствіе такихъ мѣстъ, какъ Notum—gentem (1556 Б. стр. 17—19), отсутствіе, служащее отличіемъ вѣнскаго извода, заставляетъ предполагать, что скорѣе всего авторъ придерживался преимущественно изданія 1549, вѣнскаго. Впрочемъ, такъ-какъ Герберштейнъ самъ участвовалъ въ исправленіяхъ базельскихъ изданій, бывшихъ до 1557 года, то и здѣсь встрѣчаемъ много добавленій, а также и измѣненіе порядка главъ. Отсылаемъ читателей къ нашему изданію, гдѣ между варіантами указаны вольности, допущенныя Герберштейномъ въ этомъ изданіи 1557 года, и служащія къ объясненію и дополненію текста 1556 г.—При изданіи 1557 года мы находимъ предисловіе самого Герберштейна на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ какъ оно нигдѣ болѣе не встрѣчается, то мы и считаемъ долгомъ сообщить его читателямъ: «(*) Сигмундъ Баронъ Герберштейнъ,

---

(*) Вотъ подлинникъ этого предисловія.

Sigmund Freyherr zu Herberstain, Neyperg und Guetenhag, Obrister Erbcamrer und öbrister Erbtrucksess in Kärntn, etc wünscht dem güettigen Leser glückh und hayl.

Nach dem vil von örttern der Welt so gegen Mitternacht gelegen, geschriben, und gesagt haben, sonderlich von den gepürgen und ursprungen der namhafften flüssen, auch der Völcker Sitn und wesen, und als hieuor etliche Potsehafftn von Kayser Maximlian hochloblichister gedechtnuss zu dem Grossfürsten in die Mosqua gesandt worden, die vil wunderbarlichs auch etlichs unglaublichs davon gesagt, So sich dann begeben, das mir auch aufgelegt ward, in dieselben Landt Poln und Litn, zu Khünig Sigmunden und in die Mosqua zu Basilio dem Grossfürsten in Potschafft zuraisen, Hat herr Matheus Lang Cardinal zu Saltzpurg ain hochberümbter erfarner und geliebter Herr, mich ernstlichen angesprochen und ermont, was warhaffts derselben Landort zuerjndern, das ich auf solch ermonen auch sunst für mich selb mit Vleiss gethon, und mit dem besten, so ich vermügt, verzaichnet, derhalb zu meiner widerkhunfft hat ermelter Herr Cardinal, bey dem Kayser in meinem beisein erworbeu, ausser seines beisein mich in meiner Verrichtung nit zuhörn, das also beschehen. Aber nach absterben Khaiser Maximilians durch yetzigen Römischen Khünig, Ferdinanden und meinen allergenedigisten Herrn, bin ich abermals an die ort verordent, und mir sonderlichen bevolhen und aufgelegt, mich neben der Khay. May. gesandten Graf Leonharden Nugarolis, des Glaubens Ceremonien, und ander des Volckhs sittn und gebreuch, auch des Landes gelegenhait zuerkhündigen, darauf ich des sohievor verzaichnet von newem erforscht und erjndert, welches ich dann mit vil zeügen dermassen gleich bestendig befunden, dasselb für ain gwisshait angenomen. So ich dan nach erzellung meiner handlung und erjnderung erfaren, der Khay. May. etc. und dem herrn Cardinal dieselben angenam und gefellig hab ich des alles hochstgedachter jetziger Römischer Khu. May. etc. Lateinisch zuegeschriben, und also in Drukh khomen, das von vil gelerten gelobt, auch pald durch etliche in das Wällisch gleichermassen in den drukh gebracht, das Lateinisch zu Basl zwaymal von newem durch mich in etlichen gemert, auch in etlichen gebessert, gedruckht unud zu Franckfurt in der Mess oder gemainen Marckt grosse anzal verhandlt, deren man noch an vil ortn suecht und nit bekhomen mag, der ursachen bin ich auf etlicher freundt ersuechen

Нейпергъ и Гветенгагъ и проч. желаетъ благосклонному читателю счастія и блага. Матвѣй Лангъ, кардиналъ въ Зальцбургѣ, человѣкъ извѣстный, опытный и любимый, убѣждалъ и уговаривалъ меня настойчиво, чтобъ я добросовѣстно запоминалъ все относящееся къ Польшѣ и Руссіи послѣ того, какъ много было писано и говорено о странахъ свѣта, лежащихъ къ сѣверу, особенно о горахъ и источникахъ знаменитыхъ рѣкъ, о нравахъ и бытѣ народовъ, и послѣ того, какъ уже были отправляемы многія посольства отъ блаженной памяти царя Максимиліана къ велико-

---

bewegt worden, den gemainen Teütschen die nit Latein khünnen, und doch begierig sein dergleichen sachen ainen grundt zuwissen, in Teutsche Sprach zu bringen. Und wiewol ich zuvor und hernach vil weite raisen, alles in ansehlichen Potschafftn gethon hab, Als von Khayser Maximilian zu Khünig Cristiern in Denmarkht, zu den Chur vnd Fürsten Mentz, Sachssen, Brandenburg, und zwayen gebrüdern Hertzogen zu Mechelburg an ainer Raiss, auch Saltzpurg, Eystet, Bayrn, etliche mal in die Aidgnoschafft und dan gehn Hungern, so aber der Guettigist Khaiser Maximilian starb, durch mein Vatterlandt dz Hertzogthum Steyr, durch Venedig, Ferrar, Bononia, Rom und Neapolis zu Pherdt vondan in Hispanien geschifft, Sardinien Minoricam, dan Ibitzam und Maioricam, mit grosser ungestüme antroffen, herwider durch Franckhreich, Piemont, Mailandt, Bressa, Beern, Vincentz, und durch das Friaul anhaims, Aber von yetziger Rom. Khü. May. Khünig Ferdinanden meinem Allergenedigisten Herrn, villmal in Hungern und Behaim, villmal in Poln, und Litthn, auch zu Teutschen Fürsten, dan zu dem Grossmechtigisten und Glückhofftigisten Suleyman Türggischen Khaiser gesandt wo den, von deren Landtorten, der Völckher sitten, und gewonhaiten, ich nichts geschriben, um des willen, das vil Ehrliche auch beruemte und gelerte daselbsten gewest, und täglichen sein, davon lautter beschriben, das ich den selben fürgreiffen soll, erkhen ich mich nit darfür, aber von den ortn, dahin hievor als zuglauben, deren, die davon geschriben haben, khainer khomen ist, und noch wenig khumen, hab ich aus beuelch und treuer vermonung, des so ich gesehen, und von villn in einhälliger bestättung erindert, in gemain khundt thuen wellen. Verhoff wer an die ort mit fueg khumen wirdt muügen, oder von denen die der ortn herkhumen, das der oder die aus disem meinem vertzaichnen vrsach haben, ain gewissers zuerindern, damit man doch das so lang verporgen gewest in meinigelichs gewisse wissenhait bringen müge, so aber in meiner beschreibnng vil fäl befunden werden, als in der Iartzal nach der Welt beschaffung, und anders so ich aus derselben ort geschichtschberchreibuug genomen und herein gesetzt, welle ain treuer Leser die sachen versteen, das ich in ertzellung des, so ich daselbsten her hab, in nichte verändern, auch die gewisshait, und jren Irrthum antzaigen willen, zu solcher erkhündigung haben mich die Lateinisch und Windisch sprachn vasst geholffen, und mich dess ergetzt, des ich in meiner Iugent derhalben beschwärt bin worden, wann umb der windischen sprach willen, von unerfarnen vill bekhürmliche wort hören nuessen, wie mich dan etlich auch der Latein halben dergleichen jrs vermainens spötlichen ain Doctor genent, des ich mir doch für ain Ehr angenomen, wan ich mich des wirdig erkent hette, und mit vil andern spizigen wortn, die mich aber von den sprachen nie abgetzogen, sonder wo ich vrsach gefunden, dieselben zereden mich nit geschichen, oder geschämbt, weil ich es ainem andern für Ehr und wolstand geachtet, und hat gleichwol dise arbait mir neben mainem taglichen dienst und alter, des ich nun in ainemundsiebentzigisten Iar bin etwas muehe, aber aller maist die beschwärnuss zuverteutschen geben, weil ich meines taglichen diensts halben so mir vertraut, nit bequeme zeit gehaben mugen, offter zuersehen, damit das alles besser geteutscht und zierlicher gestelt wär worden.

Bitt derhalb alle menigelich, denen dise mein arbait (wie sy dann ist) fürkhomen mag, sy wellen die zum guetten annemen, und ausslegen, nud sich meiner muesamen erfarung, zu jrem pesstn gebrauchen, mit zu argemkhern, und ausslegen, dan ich das von gmaines nutz wegen gleichwol schlechtlich, aber getreulich znsamen getragen hab.

му князю московскому и какъ эти посольства разсказывали много удивительнаго, даже невѣроятнаго о происходящемъ тамъ, послѣ того наконецъ, какъ и на меня была возложена поѣздка въ Польшу въ качествѣ посланника къ королю Сигизмунду и къ великому князю Василью. Этимъ я и занялся прилежно сколько по убѣжденію Ланга, столько и для самаго себя, и пополнилъ объясненіями по мѣрѣ силъ. Поэтому упомянутый кардиналъ выпросилъ у императора при мнѣ, чтобъ онъ не выслушивалъ моихъ разсказовъ въ его отсутствіи, что̀ такъ и исполнялось. Но послѣ смерти императора Максимиліана, я снова былъ посланъ туда же теперешнимъ римскимъ королемъ Фердинандомъ, моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, который приказалъ и поручилъ мнѣ особо изслѣдовать религіозные обряды, и другіе народные обычаи и нравы, а также положеніе страны. Тогда я снова узнавалъ и замѣчалъ все, что̀ прежде отмѣтилъ и что̀ подтвердивши многими свидѣтельствами, принялъ за положительную правду. Когда я узналъ, что мои разсказы о моихъ дѣлахъ и воспоминаніяхъ были съ удовольствіемъ и благосклонно приняты е. в. и кардиналомъ, то я и посвятилъ все это по латыни благочестивѣйшему нынѣшнему римскому королевскому величеству и въ такомъ видѣ напечаталъ. Заслуживъ похвалы отъ многихъ ученыхъ, сочиненіе мое вскорѣ было переведено нѣкоторыми людьми на италіанскій языкъ и также напечатано; по латыни два раза издано исправленное и умноженное мною, распродано въ Базелѣ и на франкфуртской ярмаркѣ или, просто, рынкѣ во многихъ экземплярахъ такъ, что теперь его многіе ищутъ, но нигдѣ получить не могутъ. Поэтому, я по просьбѣ нѣкоторыхъ друзей принялся переводить свое сочиненіе на нѣмецкій языкъ для простыхъ нѣмцевъ, которые не знаютъ по латыни, но желаютъ основательно ознакомиться съ этимъ предметомъ. Прежде и послѣ я совершалъ дальнія путешествія, все по важнымъ порученіямъ. Такъ императоръ Максимиліанъ посылалъ меня къ королю Христіерну въ Данію, къ курфирстамъ менцкому, саксонскому, брандербургскому и къ обоимъ братьямъ герцогамъ Мехельбургскимъ, ко всѣмъ за̀разъ, также въ Зальцбургъ, Эйстетъ, Баварію, нѣсколько разъ въ союзъ и потомъ въ Венгрію; по смерти его милости императора Максимиліана, я ѣздилъ на родину, въ герцогство Штирію, черезъ Венецію, Феррару, Бононію, Римъ и Неаполь по сушѣ, оттуда по морю въ бури и непогоды — въ Испанію, Сардинію, Минорку, Ибицу, Маіорку, оттуда черезъ Францію, Пьемонтъ, Миланъ, Брессу, Бернъ, Винцентъ и черезъ Фріуль домой. Также нынѣ царствующій его римск. корол. вел. король Фердинандъ, мой всемилости-

вѣйшій государь, посылалъ меня нѣсколько разъ въ Венгрію и Богемію, много разъ въ Польшу и Литву, также къ нѣмецкимъ князьямъ и всемогущему и благополучному Сулейману, турецкому царю. Но объ этихъ земляхъ, о ихъ правахъ и обычаяхъ, я ничего не писалъ потому, что многіе добросовѣстные и извѣстные ученые бывали тамъ и теперь часто бываютъ описывали что видѣли такъ, что я долженъ былъ бы заимствовать изъ нихъ, къ чему я не способенъ. Но о тѣхъ странахъ (о Россіи?) какъ кажется, никто не издалъ въ свѣтъ даже и того, что написано, и еще мало издается; поэтому я по приказанію и дружескимъ убѣжденіямъ дѣлаю общеизвѣстнымъ все что видѣлъ и что узналъ отъ многихъ съ достовѣрностью. Я надѣюсь, что кто поѣдетъ въ тѣ страны для изученія и кто оттуда вернется, тотъ по поводу моихъ комментаріи сдѣлаетъ замѣчанія для того, чтобъ привести въ бо́льшую извѣстность то, что до сихъ поръ было такъ долго скрыто. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что найдется въ моемъ описаніи невѣрнаго, въ лѣтосчисленіи отъ сотворенія міра или въ другомъ чемъ, взятомъ мною изъ тамошнихъ лѣтописей и помѣщено сюда-же, то да пойметъ благосклонный читатель, что я въ пересказѣ по тамошнимъ источникамъ ничего измѣнить не могъ, и хотѣлъ передать и правду и заблужденія ихъ. Въ такихъ свѣдѣніяхъ помогъ мнѣ латинскій и виндскій языкъ; это вознаградило меня за то, что эти языки затрудняли меня въ юности. За мои познанія въ виндскомъ языкѣ, я долженъ былъ выслушивать отъ нѣкоторыхъ невѣжъ (?) много обидныхъ словъ, также какъ за латынь многіе называли меня въ насмѣшку докторомъ, что я считалъ бы за честь, еслибъ находилъ себя достойнымъ того, — и многими другими острыми именами, что однако никогда меня не отвлекало отъ языковъ. Напротивъ, я никогда не уклонялся и не стыдился говорить на нихъ, гдѣ только находилъ случай, потому что другому я приписалъ бы это къ чести и образованію. Я принялся и за эту работу среди моихъ ежедневныхъ, служебныхъ занятій, на старости, несмотря на то, что я нѣсколько утомляюсь на моемъ 71 году. Я прилагалъ всѣ возможныя старанія къ переводу, хотя преданный моей ежедневной службѣ, я и не могу выбрать удобнаго времени и чаще обращать вниманія, чтобъ все было лучше и изящнѣе переведено на нѣмецкій языкъ. Поэтому я прошу всѣхъ и каждаго, кому попадется моя работа (въ этомъ видѣ), принять и объяснять ее благосклонно, употребить себѣ на пользу мой кропотливый опытъ и снисходительно убѣдиться, что я для общей пользы изложилъ предметъ добросовѣстно, хотя и не изящно».

(*) Это карта, равно и портретъ, изданы у Adelung'a S. Fr. v. Herb. и о важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна *(Лобойки)* 1818 г. С.-Пб.

У насъ подъ руками 2 экземпляра этого замѣчательнаго изданія: 1) принадлежащій публичной библіотекѣ, 2) (**) румянцовскому музею. Послѣдній нѣсколько полнѣе перваго и, какъ видно по надписи на заглавномъ листѣ и другимъ отмѣткамъ, принадлежалъ роду Герберштейна.—До начала пагинаціи изданіе заключаетъ въ себѣ: 1) заглавный листъ; на экз. рум. м. подпись чернилами: Max. Sigs. frh. von herbetstein съ росчеркомъ, 2) портретъ Герберштейна въ овальной рамѣ: съ надписью кругомъ: Sigmvnd Freiher Zv Herberstain Neiperg vnd Gvetenhag 1847 и съ подписью:

Sexaginta annos fveram iam natvs et vnvm
Effigies similis cum fvit ista mihi.

Этого портрета въ экз. пуб. биб. нѣтъ. 3) 2 карты въ нѣмецкомъ переводѣ: a) Москвы и b) московскаго государства (см. далѣе *о картахъ* подъ N 1). Послѣдней въ экз. пуб. бил. нѣтъ. 4) Предисловіе. 5) Портретъ князя Василья. 6) Карта московскаго государства (N 2) на латинскомъ, чего также нѣтъ въ экз. пуб. биб. 7) Картина, всадники и осѣдланный конь. 8) На обор. малый, но полный гербъ Герберштейна. 9) Родословная австрійскаго дома по нѣмецки (въ экз. пуб. биб. нѣтъ). Затѣмъ счетъ страницъ начинается съ картинъ, изображающихъ случаи изъ жизни Герберштейна. Ихъ четыре. Комментаріи начинаются: Mosqua wirdet Teütsch, auch Reissisch gleich, aber auf Latein Moscouia genant etc. На об. л. Pjjj и на л. Q—изображеніе бизонта и быка въ маломъ видѣ. Послѣ л. U—три картины, относящіяся къ описанію Московіи. Далѣе гербъ издателя и наконецъ, въ экз. рум. м.: Etliche wordt vnd Buchstaben zu endern (опечатки)—на 4-хъ стр. Къ экз. рум. м. пришито, какъ видно очень давно, другое сочиненіе Герберштейна: Sigmund Freyherr zu Herberstein etc. Seines thuns diensten unnd Raisens mit trewer vermanung sich zu Tugenden und guetten weesn schicken. Gedruckt zu Wienn in Osterreich durch Raphaeln Hoffhalter. На об. раскрашенный, малый гербъ Герберштейна. Далѣе самое сочиненіе на Ajj — Fjj. Здѣсь встрѣчается пять раскрашенныхъ картинъ, изображающихъ парадные костюмы Герберштейна. На л. F, чернилами приписка: den 28 Martij...ist Herberstein, in die Nacht....sellig-lich gestorben. По окончаніи этого сочиненія слѣдуетъ рескриптъ Фердинанда Герберштейну отъ 1542 года. Далѣе съ новымъ счетамъ страницъ и съ особымъ заглавіемъ: Gratae

(**) Въ то время, когда я писалъ это, дѣятельный директоръ пуб. библ. баронъ М. А. Корфъ выписалъ изъ-за границы еще 2 экз. этого изданія; одинъ изъ нихъ *почти* также полонъ, какъ экз. рум. музея.

posteritati Sig. Lib. Baro in Herberstein etc. Immunitate meritorum ergo donatur, actiones suas à puero ad annum usque aetatus 74, brevi commentariolo notatus reliquit. На заглавномъ-же листѣ раскрашенный гербъ Viennae Austriae excudebat Raph. Hofhalter. Anno 1560, форматъ также in folio; (*) A—Pjjj. Съ стр.

(*) Въ этихъ сочиненіяхъ слѣдующіе отрывки относятся къ воспоминаніямъ о Московіи: 1517 Der Khayser was mit dem Khünig Sigmunden in Poln ain zeit lang in vnwillen, Darumb der khayser sich mit dem Moscoviter in freundtschafft eingelassen. Als aber solcher vnwillen in freundtschafft zu Wien verkert ward, schickt mich der Khayser zu dem Khünig heyrats halben mit Bona Hertzog Hansen Galeatzn zu Maylandt tochter. Vnnd fürter in die Mosqua fridens halben zwischen des Khünigs und grossfürstn zu handeln. Bin zu Hagenaw abgevertigt worden am 14 tag Decembris.

Von Augspurg mit Gregorien Demetri Sagrewcki des Moscoviter gesauten, Crisostomo Columno der Hertzogin von Meylandt geschickhtn und Hannsen vom Turn der mir als aussgeber zuegeordent, und Georgn Rämenschissl als wegweiser am 27 tag verritten.

Den Künig erraicht ich zu der Wild in Lithn, von dan nach Polotzkho dahin ich auff der Duna viel meil am Eyss mit grosser geuer gefarn, Daun gen Grossneugartn khomen Mein schlittn so ich von Augspurg bracht, den Teutschen Khauffleuten auff jr bit geben. Ich bin an der posst in die Mosqua geraisst an dem namhafftn wasser Rha des Sy Volga nennen, gefarn. Mein mitverordenter Peter Mraxi ist ehe ich zu im khomen gestorben, Herr Veit Strein au sein Stadt verordent erkranckt, dan Fridrich Strassaur kam auch nit, habs allein verricht.

In der Mosqua hab ich nicht verricht, daun der Künig in Polln schickht sein Kriegssvolck für das Schloss Opotzkha khundt das nit gewinnen Winters halben nit lenger im veldt bleiben, Derhalben wolt der Grossfürst, ob gleich die Littischen Potn auf das Glaidt so ich jnen zugeschickt het darkhammen kain austandt annemen, bin 31 wochen daselbstn gelegen, Mein Raiss heraus auf Mosaisco, Viesma, Drohowusch, Schmoleutzkho, Dobrowna, Orsa gen der Wild genomen, meine Pherdt sein durch Leifflandt wider zu mir khumen. *S. F. zu Herb. Seines thuns dienstn etc. изд. вѣнское in f-io p. Cjjj.*

1526.... In Polln zu dem Künig auch in die Mosqua zu dem Grossfürstn Basilio am zwelfftn Jenners aus Wienn verruckht, Graff Leonhart Nugarolis vom Römischen Khayser Carln, und ich von jetziger Römischer Khayserlichen Mayt. der zeit noch nit Khünig gesante, daun der Grossfürst hette seine gesandtn in Hispanien, Die aber zu Fürstlicher durchleuchtigkait abzufertigen beschieden worden, die zogen also mit vns.

Zu Kraccau was der Khünig, vnd wir nit wie der prauch daselbstn ist, den andern Februarij emphangen, vns nyembt entgegen geschickht, khain herberg noch vnderhalt geben, sonder zweifl aines verdachts vmb der mitraesenden willen, Als wir aber verhort vnnd vnserer Herrn gewüet verstandeu worden, geman es ain bessere gestalt, vnd sein also durch Lithn zu Brieste nach Camenetz Miensco Borisow, Orssa vnnd Dobrowna, von dannen auff des Moscouiter gebiet vnnd gen Smolensco den 25 Martij, Drohowusch, Viesma, Mosaisco und in die Mosqua deu 26 Aprilis komen, mit grossen Ehrn vor der Stat emphaugen, vnd mit Pherdtn verehrt, auch also darauff in die Stadt beglaidt vnd gefüert worden, daselbstn den anstand gehandlt vnd dann zu Mosaisco um aindlefften Novembris verricht vnd abgeuertigt.

An der Rays sein Herr Rueprecht Freyherr zu Herberstain, vnd Frantz Fitzien mit mir vnd Herr Günther Rueprechts Brüeder mit dem Grauen Nugarolis geraist.

Als wir abgeuertiqt warn, lies der, Grossfürst vns fragen, welchen weg wir anhaims nemen woltn. Dann jme warn vou Seinen Granitzn kundtschafftn khumen, wie der Türck zu Ofen gewest, Wiste aber nicht was der aussgericht hette, damit wir vns darnach zurichtn wissen.

Wie wir das Littisch erraichtn, haben wir des Khünig Ludwigs in Hungern abbleiben vernomen, Bald erinderten wir meines Herrn erwelung zu Khünign in Behaim.

So wiste ich auch das mein Herr rechtlichen gen Hungern zu Khünig erwelt solte werden, Darvmb ich wol bedachte was bey dem Künig zu Polln derhalben zu handln wäre, des ich dann gehandlt hab, So khumbt meines Herrn Potschafft zu dem Künig geu

Ejjjj до конца идутъ сотеріи. У Дени (**) описанъ экземпляръ вѣнской библ., но менѣе полный, чѣмъ экз. рум. м. Въ Bulletin du bibliophile. Iuin. 1857, князь Августинъ Голицынъ указываетъ на экз., къ которому также присовокуплено Seines thuns, dienstn und Raisens etc.; но, какъ кажется, картинъ въ этомъ экз. менѣе, чѣмъ даже въ экз. публ. библ.—По указанію Штукка (*) изданіе 1557 г. перепечатано было въ Вѣнѣ-же въ 1618 г. Это извѣстіе повторяется Аделунгомъ и Языковымъ въ Энциклоп. словарѣ (**). Болѣе-же точныхъ указаній мы не имѣемъ,

3) Черезъ годъ послѣ перваго выхода въ свѣтъ комментаріи, они были переведены на итальянскій языкъ подъ заглавіемъ: «Comentari della Moscovia, Et parimente della Russia, et delle altre cose belle et notabili, composti gia latinamente per il signuor Sigismondo libero Barone in herberstain. Neiperg et Guetenhag, tradotti nouamente di latino in lingua nostra uuolgare Jtaliana. Simelmente viti tratta della religione delli Moscouiti, et in che parte quella sia differente dalla nostra benche si chiamino christiani. Jtem una discrittione particolare di tutto L'imperio Moscovitico, toccando ancora bi alcuni luoghi uicini, come sono de Tartari, Lituuani, Poloni, et altri molti riti et ordini di que popoli. In Venetia per Gioan Battista Pedrezzano. Cnm Priuilegio del Jllustriss. Senato Venetiano. Per anni M. DL. Въ 8-ю долю. 7 стр.+А—У (90 стр) На заглавномъ листѣ неполный гербъ Герберштейна. Посвященіе—дону діегу Гуртадо Мендозѣ, посвященіе Герб.—Фердинанду, указатель къ комментаріямъ. Затѣмъ комментаріи начинаются съ статьи ad lectorem. Послѣ 90 стр., послѣсловіе издателя, заключающее въ себѣ краткое описаніе содержанія книги и приложенныхъ къ ней рисунковъ, которыхъ съ изображеніемъ Василья—пять. Кромѣ того въ началѣ экз. пуб. библ. находится особенно замѣчательная карта Московіи (№ 1), исправленная какимъ-то Giacomo gastoldo Piemontese.

Переводчикомъ, вѣроятно, былъ тотъ-же Гостольдъ пьемонтскій, хотя о немъ въ послѣдствіи и упоминается въ 3-мъ лицѣ. По отсутствію всякихъ похвалъ при упоминаніи о немъ, какъ

Craccau Herr Ian Mraxi mit etlichen beuelchen zu handln, deren sachen etliche ich zuuor gehandlt hette.

In Craccau als wir aus der Mosqua khomen warn anders weder am Erstn ja gar wol gehaltn, dann aus vnser handlung befande sich die bestündigkhait vnnd trewe freundtschafft vnserer Herrn.—*S. F. zu Herb. Seines thuns dinstn etc.* вѣнское изд. р. Djjj об.

(**) Wiens Buchdruckergeschichte S. 540.

(*) Got. Heinr Stuck's Verzeichniss von ält. u. neuern Land—und Reisebeschreibengen 1. S. 142. № 662.

(**) Adel. Uebers. d. Reisenden S. 174. Энцикл. Слов. изд Плюшара, подъ словомъ: *Герберштейнъ.*

исправители карты, заставляетъ насъ думать такъ.—Издатель въ посвященіи своемъ почему-то говоритъ, что будто Герберштейнъ ѣздилъ въ Россію 3 раза, и раздѣляетъ какъ-бы понятіе о Московіи съ понятіемъ о Россіи, говоря: i commentarij della Moscovia et della Russia.

Это изданіе цѣликомъ перепечатано въ Raccolta di Navigazioni e Viaggi di Ramusio, Venezia 1583 г. In f—io, въ 2-мъ томѣ, стр. 137, по указанію Аделунга (*).

Вотъ тѣ 3 изданія, которыя относятся собственно къ вѣнскому изводу. Изданіе, занимающее середину между вѣнскимъ и собственно базельскимъ изводомъ есть

4) Изданіе латинское 1551 г. въ Базелѣ. По неполнотѣ своего содержанія оно скорѣе подходитъ къ вѣнскому изводу: нѣтъ тѣхъ-же мѣстъ, какъ и въ изд. 1549 г. По внѣшности-же и по присоединенію Павла Іовія—оно походитъ на базельскій изводъ, къ которому мы его и причисляемъ. Тѣмъ болѣе это такъ, что характеристическія исправленія, отличающія базельскій изводъ, уже начаты здѣсь; статья *ad lectorim* отдѣлена, прибавленъ указатель, опечатокъ менѣе чѣмъ въ вѣнскомъ изданіи.—Въ самомъ заглавіи замѣтна эта особенность: Rerum Moscoviticarum Commentarij *Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein, Neyperg et Guettenhag*, (In his Commentarijs sparsim contenta habebis, candide Lector); (Russiae, et quae nunc eius Metropolis *est*, Moscoviae, brevicsima(m) desriptio(nem). De religione quoque varia inserta sunt, et quae nostra cum religione non conveniunt. Chorographia(m) denique totius imperij Moscici, et uicinorum quorundam mentio(nem). Quis denique modus excipiendi et tractandi oratores, disseritur. ltineraria quoque duo in Moscouiam, sunt adiuncta. *Accessit etiam locuples rerum et uerburum in his memorabilium Jndex*. Basilcae. Per Joannem Oporinum. 1551. In folio. форматъ узкій. Шрифтъ нѣсколько иной, чѣмъ въ изд. 1556 г. Ком. 157 стр. Далѣе Іовій до 175 стр. и 3 л. указателя.—(курсивомъ мы отмѣтили мѣста, исправленныя противъ изданія 1549 г., а въ скобки заключили то, чего нѣтъ въ изд. 1556 г., гдѣ кромѣ того есть еще прибавка). На 2-мъ л. изд. 1551 г. письмо Вольфганга Лація, (*) вѣнскаго медика, къ издателю Опорину (**) при присылкѣ комментаріи въ 1551 г. На

(*) Ubers. der Reis. I. S. 270. S. Fr. v. Herb. p. 341.

(*) Лацій род. въ Вѣнѣ 1514 г.; будучи 14 лѣтъ, онъ уже читалъ погречески, а впослѣдствіи изучалъ медицину, философію и исторію. Умеръ въ Вѣнѣ 1565 г. Онъ печаталъ свои сочиненія у Опорина (Com. Reipub. Rom. in exter. prov. et. 1551 г., Chronogr. Pannoniae, Decadus de var. gent. immigrationibns in Illyr. etc.). Съ Герберштейномъ, живя въ Вѣнѣ, конечно онъ былъ знакомъ.

(**) Опоринъ или, собственно, *Гербстъ* (nach Martials Verse: Si daret Autumnus mihi nomen, Ὀπωρινός essem), былъ спачала корректоромъ, потомъ вмѣстѣ съ Вин-

3-мъ л. посвященіе Фердинанду; на 5-мъ сотеріи; долѣе карта Московіи, в. к. Василій; тутъ-же начало счета страницъ (внизу—А). Затѣмъ статья *ad lectorem*, и самые комментаріи. Послѣ Павла Іовія на стр. 175—гербъ или значекъ типографіи Опорина (Аріонъ, стоящій на дельфинѣ и играющій на арфѣ). Въ самомъ концѣ большой гербъ Герберштейна.

Нормой не только базельскаго извода, но и вообще, по общепринятому мнѣнію, нормой текста герберштейновыхъ комментаріи, должно безъ сомнѣнія считать—

5) Изданіе латинское, въ базелѣ 1556 г. In folio. 156 стр., съ 3 картами, съ потретомъ в. к. Василья, 4 рисунками въ концѣ и изображеніемъ бизонта и быка на 111 и 112 стр. На заглавномъ листѣ значекъ типографіи Опорина; на оборотѣ посвященіе или посланіе Опорина: Danieli Mavchio, claris. i. v doctori, ac singvlari bonarum literarum Mecoenati etc. amico suo, Joan. Oporinus. Calend. Iulij 1556; посвященіе Фердинанду; грамота Фердинанда отъ 1526 г. при отправленіи Герберштейна въ Россію; сотеріи; Глареана примѣчанія на 8 кн. Курція; статья *ad lectorem*—и самыя комментаріи. На 157—177, П. Іовій; на 178—194 de admirandis Hvngariae aqvis, Hypomnemation: Georgio Vuernhero (*) authore, посвященное Герберштейну. На 194—205, сотеріи. Родословная москов., польск. и литов. князей, составленная Герберштейномъ для соотчича своего Брассикана; родословная австрійскаго дома, составленная имъ-же въ 1553; большой, но неполный гербъ Герберштейна. На 17 стр. Index rerum et verborum. Въ самомъ заглавномъ листѣ говорится, послѣ содержанія книги: *Ad haec, non solum nouae aliquot Tabulae, sed multa etiam alia nunc demum ab ipso autore adiecta sunt: quae, si cui prima editione* (т. е. 1551 г.) *conferre libeat, facile deprehendet.* Это изданіе отличается бо̀льшей полнотой и аккуратностью, чѣмъ всѣ другія. Оно содержитъ въ себѣ *первоначальный текстъ комментаріи*, (писанныхъ по латыни), *исправленный и дополненный самимъ авторомъ или, по крайней мѣрѣ, не безъ его вѣдома.* Прибавки базельскаго извода, которыя всѣ здѣсь находятся, по нашему мнѣнію, не принадлежатъ лично Герберштейну, который опустилъ ихъ въ изданіи своего перевода въ 1557 г. *Aliquot tabulae, et alia ab ipso autore adiecta* относится, вѣроятно, къ родословнымъ, къ одной изъ картъ, къ сотеріямъ и, можетъ быть, вообще къ участію, которое Герберштейнъ принималъ въ изд.; иначе трудно объяснить опущеніе прибавокъ въ нѣмецкомъ

теромъ завелъ типографію, но разсорился. Не имѣя ученой степени. онъ немогъ занять каѳедры, не смотря на свои познанія. Онъ умеръ въ 1568 г. См. у Дени и Фалькенштейна.

(*) Этотъ Вернеръ былъ родственникъ Герберштейна.

пер. 1557 г.—Тѣмъ не менѣе, *нельзя не признать текстъ 1556 г. лучшимъ, полнѣйшимъ, отчетливѣйшимъ и ближайшимъ по времени къ оригиналу,—изъ всѣхъ латинскихъ текстовъ; нельзя не признать его нормой текстовъ.* Желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ изданіемъ, отсылаемъ къ нашему тексту, печатанному съ экз. здѣшней университетской библіотеки.

Къ этому изданію группируются всѣ остальныя позднѣйшія латинскія; все разнообразіе ихъ состоитъ въ заглавномъ листѣ, въ посвященіи, въ бо́льшемъ или мѐньшемъ количествѣ опечатокъ, иногда въ форматѣ, а потому и въ счетѣ страницъ; кромѣ того, само собою разумѣется, при каждомъ изданіи новое посвященіе издателя, бо́льшее или мѐньшее количество рисунковъ, картъ, сохранившихся и несохранившихся при различныхъ экземплярахъ сотеріи и пр. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ встрѣчаются вмѣсто рисунковъ—выписки, сочиненныя издателями для поясненія текста.—Изъ такихъ изданій бо́льшая часть находится въ сборникахъ, носящихъ различныя заглавія. Вотъ изданія, которыя мы имѣли въ рукахъ.

6) Антверпенское 1557 г. Rerum Moscov. Com. etc. Antverpiae in aedibus Ioannis Steelsij. 1557. Cum gratis et priuilegio Caesareo. 162 стр. въ 8-ю долю. Шрифтъ нѣсколько готическій; правописаніе болѣе нѣмецкое (w вм. vu) въ концѣ: Typis Ioannis Latii, котораго значекъ—на заглавномъ листѣ до пагинаціи—слѣд. статьи: 1 стр. посвященіе Фердинанду, на 4 стр. грамота Фердинанда; на 5—ad lectorem. Затѣмъ съ 162—198 стр. П. Іовія, de admirandis Hungariae aquis Вернера, оглавленіе книги и наконецъ часть карты Московіи (N 1) и изображеніе Василья, и то и другое начерченное перомъ (въ экз. пуб. биб.)

7) Базельское 1571 года. Въ заглавномъ листѣ, кромѣ обыкновеннаго титула Rer. Mosc. Com., слѣдуетъ: His nunc primum accedunt. Scriptum recens de Graecorum fide, sequitur: et Commentarius de bellis Moscorum adversus finitimos, Polonos, Lituanos, Suedos, Liuonios, et alios gestis, ad annum usque LXXI, scriptus ab Ioanne Leuuenclaio. Cum Caes. ex R. Mai. gratia et priuil ad decennium. Basileae ef officina Oporiniana. 1571. In f—io. Всего 327 стр.—На заглавномъ листѣ между прочимъ значекъ опориновской типографіи.—И такъ это изданіе имѣетъ видъ болѣе похожій на сборникъ, чѣмъ предыдущія: здѣсь кромѣ П. Іовія и Вернера есть еще XII quaestiones cl. cardinalis Guisani et Graecorum ad eos responsiones, пер. Левенклавія и его же (Левенкл.) de Moscorum bellis aduersus finitimos gestis ab annis iam LXX, commentarius. Рисунки тѣ-же какъ и въ изд. 1556; изъ картъ—только одна (N 1). Счетъ страницъ совершен-

но тотъ же какъ и въ изд. 1556 г. Въ концѣ гербъ Герберштейна, и на послѣднемъ листѣ: Basileae, ex officina Oporiniana, per Polycarpam et Hieronymun Gemusacos, et Balthasarum Han, anno salutis humanae 1571. Mense Martio.

8) Наконецъ въ 1600 году мы находимъ комментаріи въ книгѣ, имѣющей совершенно видъ сборника, во франкфуртскомъ изданіи RerumMosouiticarum Auctores varii unum in corpus nunc primum congesti. Quibus et gentis historia continetur: et Regionum accurata descriptio. Francofurti apud haeredes Andrei, Weheli, Cloud. Marnium et Ioan. Aubrium. 1600. In f—io 114 стр. На заглавномъ листѣ значекъ типографскій. Въ посвященіи издателей Marquardo Frehero Palat. Consiliario сказано: Sed quae hic congessimus, haec sunt....: Rerum Mosc. Com. S. l. B. in Herbestain et editi a I. Oporino Basilcae, et alibi.—Далѣе нѣсколько грамотъ Фердинанда Герберштейну, доселѣ напечатанныхъ только въ Gratae posteritatati; затѣмъ Genealogia magni Mosc. ducis breuis epitome, ex ipsorum monuscriptis annalibus excerpta: edita Coloniae apud Maternum Cholinum 1576.; наконецъ изображеніе Василья и 3 карты.

9 и 10) Какъ нормой для изданій нѣмецкихъ базельскаго извода, служатъ два, быстро одно за другимъ слѣдовавшія изданія Николая Бриссингера и Макса Рюссингера въ Базелѣ въ 1563 и 1567 г. Переводчикомъ былъ нѣкто Генрихъ Панталеонъ, уже извѣстный своими трудами. (*) Оба изданія имѣютъ слѣдующее заглавіе: Moscouiter wunderbare Historien. In welcher dess treffenlichen Grossen land Reüssen, sampt der haupstatt Moscauw, vnd anderer nammhaftigen vmliegenden Fürstenthumb vnd stetten gelegenheit, Religion, vnd seltzame gebreüch: Auch dess erschrockenlichen Grossfürsten zu Moscauw härkomnen, mannliche tathen, gewalt, vnd lands ordnung, auff das fleyssigest ordenlichen begriffen: so alles bis här bey vns in Teütscher nation vnbekandt gewesen. Erstlich durch den wolgebornen herren Sigmundeu Freyherren zu Herberstein, Neyperg und Gutenhag etc. welcher zu etlichen malen Röm Kay. vnd Künig. May. in selbigen landen Legat gewesen, fleyssig zu latein beschriben. Ietz zu malen aber, zu ehren vnd wolgefallen dem wolgebornen herren Iohans Grauen zu Nassau (zu ehren и т. д. въ изд. 1567 нѣтъ) etc. dureh Heinrich Pantaleon der Freyen künsten vnd Artzney doctorn zu Basel, auff das treuwlichest verteutschet vnd in truck verfertiget: Alles gantz

(*) Панталеонъ былъ человѣкъ извѣстный учености и дарованій: въ 1540 г. его вѣнчали торжественно какъ поэта. Онъ окончилъ курсъ въ Ингольштатѣ и Гейдельбергѣ, былъ магистромъ діалектики, физики, математики, занимался богословіей и медициной. Онъ особенно знаменитъ своей «Прозографіей» и трудами богословски—историческими; умеръ въ 1595 г. 73-хъ лѣтъ.

wunderbar, nutzlich, vnd kurtzweylig zu lesen. Mit sampt H. Pauli Iouij Moscouitischer Landen, (въ изд. 1567 прибавлено: Vnd h. Heinrich Pantaleon Litthauwischen: Polnischen, Nordwegischen, Vngarischen, Türckischen, vnd Tartarischen völckeren, so zu ringharum an dieMoscouiter stossend) vnd H. Georgen Wernhern Vngarischer wunderbaren wasseren beschereibung, auch etlichen schönen Figuren und Landstaflen, darzu einem vollkommen Register bezieret. (Alles gantz wunderbar, nutzlich, und kurtzweylig zu lesen прибавлено въ изд. 1567 г.,) Getruckt zu Basel, Anno 156 3 (67). In f—io. 215 стр. (1563) и 246+5 указателя (1567 г.). Въ концѣ обоихъ изданій: Getruckt zu Basel bey Niclauss Brillinger (erben прибавл. 1567 г.) vnnd Marx Russinger 1563 (67).

Посвященіе 1563 г. графу Нассоускому, 1567 г. барону Мерсберу и Бефорту. Въ обоихъ изданіяхъ находятся въ переводѣ: грамота Фердинанда, посвященіе Фердинанду, ad lectoren (an gutwilligen Läser); 3 карты (на латинскомъ), еще на обор. заглавнаго листа изображеніе Василья, далѣе бизонъ и быкъ, 4 картины изъ русской жизни; затѣмъ П. Іовіи по нѣмецки, за которымъ въ изд. 1567 г. слѣдуютъ прибавленія о московскомъ государствѣ, Литвѣ, Польшѣ, и проч., составленныя самимъ Панталеономъ, по разнымъ источникамъ и посвященныя: H. Iohann Hool Commenthür S. Iohanser Ordens zu Straasburg. Это прибавленіе занимаетъ 35 стр. (192—226) и содержитъ въ себѣ: 1) von der Moscouiten Feldzug in Littauw, 2) Basilij des grossfürsten in Moscouw Leben, 3) Moscou. Land beschreybung aus mancherley historien und Cosmographen gezogen, 4) von dem Künigreich Poland, 5) von d. herz. Littauw, 6) Von Samogetia und Reüssen oder Podolia, 7)Von Leyffland, Gothland vnd Nordwegen, 8) von dem Reich Schwedien, Finland, Cappeland vnd Grünland, 9) von dem künigreich Vngaren и 10) von den Türcken vnd iren fürsten. Наконецъ въ обоихъ изданіяхъ Вернера Vngarischer wunderdaren wasseren beschrebemg.—Самые комментаріи называются: Von der Moscouiten vnd anderer vmliegenden völckeren gewonhaiten, vnd nambhafftigen tathen (so bisshär vnbekandt) warhafftige Historien. Передъ главой: *обрядъ вѣнчанія князя на царство* (modus inaug. principes стр. 19 по 1556 и XX стр. 1563) вставляется во всѣхъ переводахъ Понталеона особая статья: Appendix oder angelengte historien von der Moscouiten letsten handlungen, служащая продолженіемъ исторіи московскаго государства и составленная самимъ Панталеономъ по разнымъ источникамъ, какъ это имъ указано въ его переводѣ Кромера: Mitnächtischer Völckeren Historien изд 1562 въ Базелѣ. In f—io. Тамъ на стр. 455. въ статьѣ подъ заглавіемъ: Kurtzer

begriff was sich volgen der zeyt weyte in Poland vnd bey anderen vmbligenden völckeren namhafftiges zügetragen, есть все что находится и въ *Appendix*, начиная съ 1518 г. Подъ каждымъ извѣстіемъ подписанъ источникъ его, почему мы и узнаемъ, что для *Appendix* Панталеону служили: Кромеръ, Мюнстеръ, Іовій, Слейданъ и Фригій.

Переводъ Панталеона отличается отъ перевода самого Герберштейна буквальною точностью, съ какою переданъ латинскій текстъ по базельскому изводу, а по внѣшнему виду—означеніемъ содержанія статей, помѣщеннымъ на поляхъ. Изд. 1567 года послужило прототипомъ извѣстнаго петербургскаго изданія 1795—1804 г. (см. выше). 11 и 12) Скоро и переводъ этотъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ П. Іовія сталъ озаглавливаться собирательнымъ именемъ: Die Moscovitische chronika, d. i. Beschreibung des Grossfürsten in der Moscau sammt dessen Ländern etc. erstlich von Paul Iovio und Sigm Herberstain in Latein, hernach von Pantaleon ins teutsche übersetzt. Сюда вошли комментаріи Герберштейна безъ всякихъ измѣненій по изд. 1567 г. Такихъ изданій московской хроники мы имѣемъ подъ руками два, оба въ Франкфуртѣ на Майнѣ,—1576 и 1579 годахъ. In f—io.—Со смертью автора (1566 г.) комментаріи, какъ мы видимъ, стали достояніемъ различныхъ издателей; въ заглавіи перестали выписывать длинный титулъ барона, забыли о сотеріяхъ и громкихъ посвященіяхъ. Вскорѣ стали приводить въ различныхъ спеціальныхъ сборникахъ только отрывки изъ Герберштейна, иногда даже безъ указанія на автора и въ измѣненномъ видѣ. Sic pereat gloria mundi!—

Уже въ 1583 г. сборникъ польскихъ историковъ Писторія: Polonicae historiae Corpus etc. (Basileae 1582 fol.) заимствовалъ два отрывка изъ Герберштейна: 1) Descriptio Lithuaniae—T. 1, p. 151—157) и 2) Fragmentum de bello Poloni et Moschi (T. III, 13—15). Descriptio Lithuaniae встрѣчается также въ Alex. Guagnini Res polonicae. Francofurti a. M. 1584. III vol. In 8—o. (T. III, p. 550) и въ Historiae Polonicae et magni ducatus Lithuanie scriptorum collectio magna ed. Laur. Mitzler de Kolof. Varsaviae. 1761. IV vol In f—io (T. 1, c. 7) Въ извѣстномъ изданіи Эльзевира Respublica Moscoviae Lugd. Batav. Ex offic. Ioan Maire1. 630 in 16—o., находимъ нѣсколько главъ изъ комментаріи Герберштейна, напр.: p. 17 de titulis mag Mosc. dvcis (=p. 15 et squ. 1556), p. 266. Modus inaug. princ., p. 272—ordinat. Ioan. Bas., p. 277—de ingressu in alterius domum и т. д.

Въ 1590 г. въ Прагѣ вышелъ чешскій сборникъ подъ заглавіемъ: Kronyka Moskewská wypsanij předních zemj Kragin, Ná-

rodůw, Knjžetstwi, Měst, zámků w, Rzěk a Gezer welikemu knižěti Mozkewskěmu poddaných. O Mrawich, obyčegjch, zwykbostech a Náboženstwi národu Mozkewskeho. Těž o neslychaněm Tyranstwj Iwana Wasilowice Knižeti Mozkewskěho kterèz on za paměti nassj nad poddanými prowozowal. Dwogj cesta do Moskwy, gednaz Widně, druha z Prahy. To wsse z gazyka Latinskèho w Czesky přeloženo, od Motausse Hosia z Wysokèho Meyta. Leta Pane 1590. in 8-o узкаго формата. Всего стр. 334; въ концѣ: Wylissteno w starem Miste pruzskem v Mistra Danyeli Adama z Weleslawijna Leta Panie 1589. На стр. 288—308 этого сборника мы находимъ: Zygmunda swobodnèho Pàna z Herbersteina, cesta (т. е. itinera) do Knižetstwij Moskewskeho; на стр. 308—320.—Nawračenij ginau cestau z Moskwy, и на стр. 320—334.—Cesta druheho Poselstwij do Moskwy teňoz Zyhmunda z Herbersteina. Эти статьи соотвѣтствуютъ стр. 136—154 латинскаго текста по базельскому изданію 1556 года. Предыдущія главы о религіи и исторіи написаны отчасти съ помощью Герберштейна или, собственно, Гваньини. Этотъ чешскій сборникъ извѣстенъ Аделунгу по другому изданію, также пражскому,—1786 г. подъ заглавіемъ: (Frant. Faustun Proházka) Weytach z Kronyky Mozkewskè nekdu Latine od Alexandra Gwagnýna sepsané, potom w Český gazyk prelozenè od Motausse Hosya z Wyšokého Meyta. Přidana gest Zygmunda z Herbersteina dwogj cesta do Mozkwy. (w Praze) 1786. in 8-o. Здѣсь отрывки изъ Герберштейна помѣщены на стр. 144—175.

Подобныхъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ бытописаніе Московіи, очень много; бо́льшая часть писателей о Россіи входили или съ перваго или съ послѣдующихъ изданій въ такіе сборники. Таковы: Speculum Винкентія, сборникъ Гваньини, Рейнека, Гаклюнта, Эльзевира, Боксгорнія, Витсена и т. д. До самаго XVIII вѣка эти книги сохраняли интересъ современности; только съ прошлаго столѣтія они получаютъ значеніе историческихъ памятниковъ, сперва какъ путешествія вообще, и наконецъ относительно стариннаго быта того народа, о которомъ шла рѣчь.—Безъ сомнѣнія герберштейновы комментаріи часто служили пособіемъ при составленіи статей о Московіи для этихъ сборниковъ; въ нѣкоторыхъ—это несомнѣнно. Такъ въ одномъ нидерландскомъ сборникѣ (неизвѣстномъ Аделунгу и находящемся въ публ. биб.) съ заглавіемъ: Het Ellendigh Leven der Turcken, Moskoviters en Chinesen, aende Christenheyt vertoont. Ofte Korte Beschryvinge van yder int bysonder zijn Regeringh, Handel en wandel etc. In' s Graven-hage, by Iohannes Tongerloo,

Anno 1663 (изд. 2-е было въ 1664 г. безъ перемѣнъ) in. 4—o; стр. 94+4 ненумерованныхъ, кромѣ заглавнаго листа,—мы встрѣчаемъ на стр. 60 слѣдующія статьи о Московіи, подъ общимъ заглавіемъ: Aenvangh der Regeringe van Ruslant en Moscovien beginnende na haer tellinghe vande scheppinghe 6370, of na Christi geboorte 961 (ошибка: 862), tot het laer 1663 etc. 1) о религіи, 2) о таинствахъ, 3) о бракѣ, 4) объ оружіи, 5) о пищѣ, одеждѣ и пр.; 6) на 74 стр. отрывки изъ Canonas Ioannes Mitropolitae qui dicitur propheta (sic!) и 22 Vragen ad Episcopum Niphontem Nowogardiensem, безъ сомнѣнія заимствованные изъ комментаріи (33—37 стр. изд. 1556), и наконецъ 7) о пріемѣ пословъ, совершенно сходное съ de modo excip. et. tract oratores Герберштейна (120 стр. изд. 1556 г.) (*).

Къ изданіямъ комментаріи обыкновенно прилагаются: 1) карты, 2) рисунки, 3) гербъ Гераерштейна, 4) посвященія, грамоты, похвальныя стихотворенія (сотеріи), 5) другія сочиненія Герберштейна-же и разныхъ писателей тѣмъ болѣе, чѣмъ позднѣе изданіе, чѣмъ похожѣе оно на сборникъ.

1) Картъ находится при комментаріяхъ 3 въ 3-хъ различныхъ редакціяхъ: латинской, нѣмецкой и итальянской. Всего чаще встрѣчается латинская редакція, отъ которой нѣмецкая отличается почти единственно только тѣмъ, что подписи сдѣланы нѣмецкими буквами. Нѣмецкая редакція встрѣчается рѣже латинской, которая бываетъ иногда и при нѣмецкихъ переводахъ.—Итальянская редакція, весьма любопытная, существуетъ только для одной карты.

N 1) Карта эта въ латинской редакціи встрѣчается въ двухъ видахъ; въ изд. 1549 г. она сдѣлана на поллистѣ поперекъ, съ подписью съ боку: Moscovia Sigismvndi Lib. r Baronis in Herberstein. Neiperg et Gvtenhag. Anno 1549; по 4-мъ сторонамъ надписи: Septentrio. Oriens. Meridies. Occidens. Влѣво малый, неполный гербъ Герберштейна; съ права масштабъ въ 90 миль подъ масштабомъ: hanc tabulam absolvit Avg. Hirsfogel, Vie*nnae* Aus*triae* cum gra: et privi-Imp. Въ базельскомъ изводѣ эта же карта in gr. f-io, гораздо шире и безъ послѣдней подписи, вмѣсто которой читаемъ подъ масштабомъ: distantia per miliaria.

Въ старинной нѣмецкой редакціи (въ изд. 1557 г.) эта карта

(*) На послѣдней страницѣ этого сборника встрѣчается любопытная вещь. Это *Отче нашъ* на славянскомъ и на турецкомъ языкахъ съ подстрочнымъ переводомъ на голландскій. Het vader onse, op de slavonische spraeck: Nass otsse, ki qessi na nebessi, ssuetiβe tuoie ime poidi tuoie kralyeuβtuo, budi tuoia volia, Kako na nebu i na Zemlij, naβega ssagdaniega *Kruha* (?)—dar namga danass, i odpuscai nam nasse dugeh, kako i mi odpvsciano nassijm dus*u*ikon, i nati nepeliai i napast, da izbaui nats od nepriazni, Amen. Читатель видитъ здѣсь сербскія формы.

вся переведена, позднѣе же при нѣмецкихъ изданіяхъ, она оставлена безъ перемѣны съ прибавленіемъ только слѣдующей надписи: Erste landtaffel: in uelcher das gantz Moscouiter laud, mit sampt den anstossendeu völckeren, nach rechter Geographischer art beschriben.—Итальянская редакція (въ изд. 1550 г.) совершенно отлична отъ прочихъ, потому-что *исправлена*, какъ гласитъ послѣсловіе изданія: qual carta é stata poi designata e ampliata cum summa deligentia da M. Iacomo gastoldo piemontese. Вотъ внѣшній видъ этой карты, которая размѣщена на большемъ полулистѣ поперекъ. Рамка раздѣлена на 50 до 90° долготы и 46—66° широты, чего нѣтъ ни въ какихъ другихъ картахъ. По 4-мъ сторонамъ надпись: Tramontana. Oriente. Mezo Giorno. Occidente. Въ срединѣ: Descriptione de la Moscouia per Giacomo gastaldo piamontese Cosmographo in Venetia M. D. L. Сравненіе ея съ герберштейновой картой говоритъ въ пользу гастольдовой. Очертанія береговъ сдѣланы вѣрнѣе, менѣе угловато, болѣе извилисто; на ней изображено бо̀льшее пространство, чѣмъ на латинской редакціи, какъ и вообще она подробнѣе другихъ. Въ примѣчаніяхъ къ нашему изданію мы обратимъ особое вниманіе на эту карту тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ она не была извѣстна ни одному изслѣдователю, и только голословно указывалась въ картографіяхъ.

N 2) Самая подробная карта, но болѣе всѣхъ запутанная, носитъ заглавіе: Moscovia Sigismvndi Liberi Baronis in Herberstain. Designatae syluae non carent suis incolis. In gr f-io; кругомъ съ различными украшеніями изъ быта московитовъ, внизу изображенія въ маломъ видѣ и подпись: Bisons. Vrvs. По 4-мъ сторонамъ надписи: Septentrio. Oriens. Meridies. Occidens· Въ нѣмецкой редакціи, заглавіе такое: Andere Landtaffel: In welcher der Moscouiten gebiiet mit sampt den welden vnd bergen, auch etlichen gebreüchen vnnd allen vmliegenden Landschafften. Внизу: Bisont oder Danthier. Aurox.

Самая карта съ латинскими надписями. Эта карта встрѣчается: въ изд. 1551, 1556, 1600 и въ переводныхъ съ нѣмецкой надписью—1563 и 1567 г. Вся эта карта покрыта лѣсомъ и вообще испещрена; рѣки сдѣланы шире чѣмъ, на картѣ N 1; прибавлены названія нѣкоторыхъ городовъ напр. Revel, Precop, Grustina (за Обью) и пр.

N 3) Moscovia, qvatenus moenibus inctvditur, arx vocatur: extra moenia ingens lignearum aedium numerus, ciuitas dicitur. In gr. f-io. Внизу: Hoc fivvio (Москва) eivsdem nominis navigatvr in Occam, Rha, et Caspium mare. На самой картѣ планъ Москвы, весьма неподробный и весь наполненный маленькими домиками

и нѣсколькими церквами, вокругъ которыхъ стѣна или кремль, за кремлемъ—рѣка съ мостомъ, за рѣкой снова домики и деревца. Въ серединѣ крупная надпись: Arx Moscowie. Изъ такого плана, конечно, нельзя получить отчетливаго понятія о Москвѣ.

Эти карты, по всей вѣроятности, сдѣланы по указанію Герберштейна, но не самимъ имъ, судя по невѣрности ихъ. Впрочемъ въ то время картографія стояла на такой степени, что всякій, даже хорошо знающій географію легко могъ ошибиться, перенося свои понятія на бумагу.—Во всякомъ случаѣ, карта Герберштейна имѣетъ для насъ огромное значеніе: она—вторая по времени, изъ извѣстныхъ до сихъ поръ. Первая была издана въ Cosmographio Себастіана Мюнстера въ 1544 г.; черезъ 5 лѣтъ явилась герберштейнова, если не вѣрить Шмидту Физельдеку, который говоритъ, что она сдѣлана еще въ 1546 г. (*).

2) Рисунковъ при комментаріяхъ встрѣчается собственно 7; выше мы указали простое различіе между ними по вѣнскому и базельскому изводу, состоящее въ томъ, что въ вѣнскомъ лица обращены на лѣво, а въ базельсаомъ на право. 1) Изображеній великаго князя Василья два рода: малое и большое, съ комнатными украшеніями и безъ нихъ, съ московскимъ гербомъ съ боку и безъ него.
Этотъ портретъ находится почти во всѣхъ изданіяхъ. 2 и 3) Бизонтъ и быкъ также почти во всѣхъ изданіяхъ, въ серединѣ комментаріи, съ надписью: Vrvs sum, Polonis Tvr, Germanis avrox: ignari bisontis nomen dederaut и Bisons svm, Polonis Svber, germanis Bisont: ignati vri nomen dederant. 4 и 5) Всадники. 6) Катанье на саняхъ и 7) сѣдла и оружія. Всѣ эти послѣдніе рисунки помѣщаются обыкновенно въ концѣ комментаріи. Въ вѣнскомъ изд. 1549 г. они раскрашены. Позднѣйшіе сборники (изд. 1576 и 1579 г.) наполнены различнаго рода виньетками, присочиненными только для украшенія книги.

3) Гербъ Герберштейна прилагается обыкновенно къ комментаріямъ иногда въ большемъ, иногда въ маломъ видѣ, иногда съ нижней арматурой (полный гербъ), иногда безъ нея (неполный). Подробное геральдическое описаніе его находится въ S. F. v. Herberstein Аделунга стр. 439—441.

4) Изданія Герберштейна обыкновенно посвящались какому нибудь вельможѣ по тогдашнему обыкновенію. Эти посвятительныя посланія въ каждомъ изданіи обращены къ различнымъ лицамъ и состоятъ какъ изъ похвалъ меценату, такъ и изъ пох-

(*) Beiträge zur Kenntn. d. Staatsverfas. v. Bussland. s. 196. Также въ Ж. М. Н. Пр. XXVI. II стр. 20 и слѣд.

валъ Герберштейну. Но послѣднихъ всего болѣе находимъ въ такъ называемыхъ *сотеріяхъ,* похвальныхъ стихотвореніяхъ и посланіяхъ придворному чиновнику, какимъ былъ Герберштейнъ. Лесть, искательство и педантизмъ наполняютъ эти сотеріи, авторы которыхъ или сами были вельможи (какъ Логъ напр., принадлежавшій къ фамиліи пфальцграфовъ) или люди бѣдные (какъ Брассиканъ, который былъ учителемъ въ Вѣнѣ). Вотъ напр. четверостишіе Брассикана:

Tydidem socium coniungit Homerus Vlyxi:
Nempe manum menti, nempe animum gladio.
Aurea nobilit nitidum tibi porrigit ensem,
Doctrina at certam monstrat ubique uiam.

Длинные гекзаметры Розина и Брассикана въ томъ же родѣ.

Вотъ таблица посвященій, грамотъ и сотерій, находящихся въ изданіяхъ, имѣвшихся у насъ подъ руками:

I) Посвященія:

1. Mavchio, doct. et Moecenati—Oporinus (1556 г. 1600 г.).
2. Heinr. Freih. zu Mörsperg und Befort-Pantaleon (1567 г.).
3. Hans Georg. v. Münster, fürstl. Wirtzburgischen Raht und Amptmann zu Arnstein—Sig. Feierabend (книгопродавецъ 1576 и 1579 г.).
4. Marqvardo Frehero, Elatoris Palatini Cousiliario-Claudius Marnluss et Ioh Aubrius (1600 г.).
5) Graven u. Her. Ioh. zu Nassauw-Pantaleon (1563 г.).
6. Oporino-Lazius (1551 г.).
7. Al signor don diego Hurtado de Mendoza—Battista Pedrezza (1550 г.).

II) Грамоты: 1) Ferd. Dei Gratia 1526 (Въ изд. 1556, 57, 63, 67, 71, 76, 79 и 1600 г.).

2. Maxim.	1517	(Въ изд. 1600 г.).
3. Caroli	1519	
4. Ludow.	1520	
5. Ludow.	1526	
6. Ferdin.	1526	
7. Ferdin.	1526	
8. Carol.	1526	
9. Ferd.	1526	
10. Sig. rex Pol	1526	

III) Сотеріи. 1. *Itala nunc primo* etc.—a Rosino (Въ изд. 1549, 51, 56, 71, 1600 г.

2. Non moror etc.—a Brassicano (Въ изд. 1549, 51, 56, 71, 1600 г.).

3. 3 четверостишія и 2 двустишія (Въ изд. 1549, 51, 56 ,71 и 1600 г.).

4. *Cui mittam breue* etc. a Brassicano
5. *Phoenix sive luctus Austriae*—a Brassicano (7 p.)
6. *Legationes S. Herb.*—a Brassic.
7. *Colloquium Sig. et mortis* (4 p.).
(Въ изд. 1556 и др.).

5) Опуская разсмотрѣніе статей другихъ авторовъ, помѣщаемыхъ при комментаріяхъ: Вернера о Венгріи, Павла Іовія и т. д., укажемъ на сочиненія, принадлежащія собственно Герберштейну и иногда пришиваемыя къ «Запискамъ». Это: Gratae posteritati S. L. B. in Herb. etc. Immunitate meritorum ergo donatus actiones suas a puero ad annum usque aetatis suae 74, breui commentariolo notatus reliquit. Viennae Austriae excudebat Raph. Hofhalter a. M. D. L. X. (находится при изд. 1557 г.; въ рум. м.). In f-io. Другое изд in 4-o 1558 г. Оно заключаетъ въ себѣ біографію, родословную и дневникъ Герберштейна, что почти совершенно буквально повторяется въ другомъ сочиненіи Герберштейна: Sigmund Fr. zu Herber. etc. Seines thuns diensten unnd Raisens mit treuer vermannug sich zu Tugenden und guetten weesn schicken. Getruckt zu Wien in Osterreich durch Raphaelu Hoffhalter (безъ году). In f-io (при изд. 1557 г. въ Рум. М.) Это сочиненіе въ свою очередь есть сокращеніе обширной автобіографіи: Mein Sigmunden Freyherrn zu Herberstain, Neyperg und Guttenhag, Raittung und Antzaigen meines Lebens und wesens wie hernach volgt, изданное не вполнѣ въ 1-й разъ въ сборникѣ Ковачича, а во 2-й разъ съ филологической точностью въ прекрасномъ сборникѣ: Fontes Rerum Austriacarum. (*) Такъ какъ Аделунгъ а за нимъ и другіе изслѣдователи, не знали этого послѣдняго изданія, то мы долгомъ считаемъ обратить особое вниманіе на этотъ памятникъ при комментированіи «Записокъ». Важность этой автобіографіи или, скорѣе, дневника для Rer. Mosc. Com. очевидно тѣмъ болѣе, что дневникъ какъ бы вкратцѣ представляетъ конспектъ всѣхъ комментаріи. Намъ кажется даже, что дневникъ служилъ для Герберштейна главнымъ матеріаломъ при составленіи записки о Россіи, которую онъ подалъ Фердинанду и которая потомъ издана была съ прибавленіями подъ заглавіемъ Rer. Mosc. Com.—Другое сочиненіе Герберштейна Deffensio iniuste delatorum (по нѣмецки: Beschuzung der Unrecht beschuldigten vnd sein selbs Fuersehung 1560) во-

(*) См. 1 тамъ стр. S. 69—396. Bigraphie Siegmunds Freih. v. Herberstein 1486—1553.; изд. подъ редакціей Карайяна.

шло по содержанію своему въ позднѣйшій базельскій изводъ комментарей (стр. 17. 19 изд. 1556 г.)—Кромѣ того укажемъ на родословную таблицу московскихъ, литовскихъ и польскихъ князей, составленную Брассиканомъ и прилагаемую при комментаріяхъ. Мы воспользуемся ею въ примѣчаніяхъ нашихъ, гдѣ случится говорить о генеалогіи.

Объемъ предисловія не позволялъ намъ вдаться въ библіографическія подробности, которыя мы считаемъ немаловажными для такого драгоцѣннаго памятника, каковы Rer Mosc. Com. Мы отсылаемъ читателей отчасти къ статьѣ о Герберштейнѣ, напечатанной въ 1-мъ выпускѣ «Сборника» нашего, и отчасти къ нашимъ примѣчаніямъ къ «Запискамъ«. Прибавимъ одно, что изученіе Герберштейна вообще важно не только для русской исторіи, но и для исторіи Литвы, Польши, Чехіи, что для этого нужно знакомство не съ одними Rer. Mosc. Com., но и съ автобіографіей и «Gratae posteritati», что для окончательной оцѣнки комментарій, нужна критика на добросовѣстность Герберштейна,—критика подробная, внимательная ко *всѣмъ* извѣстіямъ, сообщаемымъ имъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ.

Въ нашей библіографіи изданій, мы опускали описаніе тѣхъ, которыхъ не имѣли въ рукахъ и которыхъ существованіе ничѣмъ положительно не доказано, кромѣ голословныхъ указаній Дени и Гебауера, а за ними и Аделунга. Для наглядности представляемъ хронологическую таблицу всѣхъ изданій, отмѣчая не видѣнныя нами и подверженныя сомнѣнію курсивомъ.

1) 1549 г. латинское въ Вѣнѣ, изд. самого автора. Находится въ вѣнской и Имп. публ. библ. (въ описаніи нашемъ № 1).

2) 1550 г. итальянское въ Венеціи, изд. Иванъ Баптистъ Педреццано. Полный экз. въ Имп. публ. библ. (въ опис. № 3).

3) 1551 г. латинское въ Базелѣ, изд. Іоаннъ Опоринъ (въ опис. № 4).

4) 1556 г. латинское въ Базелѣ, изд. тотъ же (въ опис. № 5).

5) 1557 г. нѣмецкое въ Вѣнѣ, пер. самого Герберштейна, изд. Михаила Циммермана (въ опис. № 2).

6) 1557 г. латинское въ Антверпенѣ, изд. Іоаннъ Стельзій (въ опис. № 6).

7) *1557 г. латинское въ Антверпенѣ.* (Abel. Sieg. Sr. v. Herb. S. 332).

8) *1560 г, латинское во Франкфуртѣ.* (Adel. S. 333).

9) 1563 г. нѣмецкое въ Базелѣ, пер. Генриха Панталеона, изд. Николая Бриллингера и Маркса Рюссингера (въ опис № 9).

10) 1567 г. нѣмецкое въ Базелѣ, пер. и изд. тѣхъ же (въ опис. № 10).

11) *1567 г. нѣмецкое въ Прагѣ* (Adel. S. 333).

12) *1567 г. латинское въ Базелѣ* (Adel. S. 333).

13) 1571 г. латинское въ Базелѣ, изд. наслѣдниковъ Опорина (въ опис. № 7).

14) *1573 г. латинское въ Базелѣ* (Adel. S. 335).

15) *1574 г. латинское въ Базелѣ* (Adel. S. 336).

16) 1576 г, нѣмецкое во Франкфуртѣ на М. пер. Панталеона. (въ опис. № 11).

17) 1579 г. нѣмец., во Франкфуртѣ, пер. того же (въ опис. № 12).

18) 1582 г. латинское въ Базелѣ, изд. Писторія (Polonicae hist. corpus (см. наше *Предисловіе* стр. 26).

19) 1583 г. италіянское въ Венеціи, изд. Рамузія (въ опис. см. № 3).

20) 1584 г. латинское во Франкфуртѣ (Alex. Guagnini Res Polonicae).

21) *1589 г. нѣмецкое во Франкфуртѣ, изд. Георгія Мюнстера.*

22) 1590 г. чешское въ Прагѣ, изд. Матвѣя Госія (см. наше *Предисловіе* стр. 26—27).

23) 1600 г. латинское въ Франкфуртѣ, изд. наслѣдники Андреа Вехелія, Клавдіи Марніи и Іоаннъ Аубріи (въ опис. № 8).

24) *1618 г. нѣмецкое въ Вѣнѣ, пер. самого Герберштейна, съ изд. 1557 г.* Adel. Ueber. d. Reis. 1. 174. Энцикл. Сл.)

25) 1663 г. нидерландское въ Гравене-Гаге, изд. Іоаннъ Тонгерлу (въ опис. № 8).

26) 1786 г. чешское (2-е изд.) въ Прагѣ, изд. Ф. Фаустина Прохазка (см. наше *Предисловіе*, стр. 27).

27) 1795—1804 г. нѣмецкое въ С.-Петербургѣ, изд. Вейтбрехта и Бакмейстера съ изд. 1557 г., по повелѣнію Екатерины II.

28) 1832 г, русское въ С.-Петербургѣ, пер. и изд. С. Русова въ «Воспоминаніяхъ на 1832 годъ».

29) 1841 г. латинское въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ, изд. А. Старчевскій.

30) 1847 г. латинское въ С.-Петербургѣ, изд. Каллистратовъ и Семеновъ (некопч.).

31) 1847 г. русское въ С.-Петербургѣ, изд. тѣхъ же (некопч.).

32) 1851 г. англійское.

Въ нашемъ изданіи при варіантахъ мы употребляли слѣд. сокращенія: изданія мы означали годомъ ихъ и заглавною буквой мѣста изданія (Б.—базельское, В.—вѣнское, Ф.—франкфуртское) и буквой И.—италіянское. Если варіантъ прибавляетъ смыслъ къ тексту, то мы писали передъ нимъ: *приб.*; если же замѣняетъ текстъ, то: *вм.* (вмѣсто).

Александръ Тихменевъ.

Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg, et Guettenhag:

Russiae, et quae nunc eius metropolis est, Moscouiae, breuissima descriptio. Chorographia denique totius imperij Moscici, et uicinorum quorundam mentio. De religione quoque uaria inserta sunt, et quae nostra cũm religione non conueniunt. Quis denique modus excipiendi et tractandi Oratores, disseritur. Itineraria quoque duo in Moscouiam, sunt adiuncta. Cum Caes. et Regiae Maiest. gratia et priuilegio ad decennium. Basileae, per Ioannem Oporinum. (на оборотѣ:) Calend. Iulij 1556.

Записки о московскомъ бытѣ Сигизмунда вольнаго барона Герберштейна, Нейперга, Гветенгага,

содержащія въ себѣ: краткое описаніе Россіи и столицы ея Москвы; хорографію всего государства московскаго и нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей; кое-что о религіи и о несогласіи ея съ нашею; образъ пріема и обхожденія съ послами; также описаніе двухъ путешествій въ Московію. Съ позволенія его царскаго и королевскаго величества и съ десятилѣтней привилегіей. Базель, изд. Іоанна Опорина. (на оборотѣ:) въ іюлѣ 1556 г.

SERENISSIMO PRINCIPI

ET DOMINO, DOMINO

FERDINANDO,

ROMANORVM, HVNGARIAE et BOHEMIAE etc. REGI, INFANTI HISPANIARUM ARCHIDUCI AUSTRIAE, DUCI BURGUNDIAE et VUIRTENBERGAE, ET MULTARUM PROUINCIARUM DUCI, MARCHIONI, COMITI, et DOMINO, DOMINO MEO CLEMENTISSIMO,

---

Romanos olim ferunt legatis, quos ad longinquas ac incognitas nationes miserant, id etiam negotij dedisse, ut mores, instituta, totamque uiuendi rationem eius gentis, apud quam legationis nomine uersabantur, diligenter literis consignarent. quod adeo deinceps solenne fuit, ut renunciata legatione commentarij eiusmodi in aedem Saturni ad instituendam posteritatem reponerentur, quod institutum si fuisset à nostrae uel paulo superioris m moriae hominibus obseruatum, fortasse plus lucis in historia, certè minus uanitatis haberemus. Ego uerò, qui ad ineunte aetate externorum hominum consuetudine domi forisque; delectabar, libenter tuli meam operam in legationibus, non solum ab auo Maiestatis uestrae, D. Maximiliano, Principe prudentissimo, uerùm etiam á Maiestate uestra requiri: cuius iussu non semel Septentriones perlustraui, praecipuè uerò iterum Moscouiam, unà cum dignitatis et itineris comite, tum Caesareo oratore, Leonardo Comite à Nugarola accessi: quae regio inter eas quae initjs sacrosancti baptismatis tinctae sunt, moribus, institutis, religione, ac disciplina militari à nobis non mediocriter differt. Licet itaque uoluntate et mandato diui Maximiliani, orator, Daniam, Hungariam, Poloniamque accessissem: post obitum autem suae Maiestatis, patrio nomine ad potentissimum et inuictissimum D. Carolum v. Ro: Imperatorem, germanum fratrem Maiestatis uestrae, per Italiam, Galliam, terra marique usque Hispanias profectus: iussu deinde Maiestatis uestrae denuò Hungariae et Poloniae reges, postremò uerò cum Nicolao Comite à Salmis, etc. ipsum Solymanum Turcarum principem adijssem,

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ФЕРДИНАНДУ

КОРОЛЮ РИМСКОМУ, ВЕНГЕРСКОМУ, БОГЕМСКОМУ И ПРОЧ., ИНФАНТУ ИСПАНСКОМУ, ЭРЦГЕРЦОГУ АВСТРІЙСКОМУ, ГЕРЦОГУ БУРГУНДСКОМУ И ВИРТЕМБЕРГСКОМУ И МНОГИХЪ ОБЛАСТЕЙ ГЕРЦОГУ, МАРК-ГРАФУ, ГРАФУ, ГОСУДАРЮ МОЕМУ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

Говорятъ, въ древности, римляне, отправляя пословъ къ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ народамъ, поставляли имъ, между прочимъ, въ обязанность вести вѣрныя записки о нравахъ, постановленіяхъ и образѣ жизни того народа, у котораго они жили подъ видомъ посольства. Эта обязанность была до такой степени священна, что, по изложеніи результата посольства, записки такого рода полагались въ храмѣ Сатурна для назиданія потомству. Если бы это постановленіе было соблюдаемо людьми нашего времени, или нѣсколько прежде бывшими, то мы имѣли бы въ исторіи болѣе свѣта или по крайней мѣрѣ менѣе пустоты. Я же, съ самаго ранняго возраста, находя удовольствіе и въ отечествѣ и внѣ отечества въ обращеніи съ людьми иностранными, охотно несъ службу посольскую, которую возлагали на меня сначала дѣдъ Вашего Величества, блаженной памяти Максимиліанъ, мудрѣйшій государь, а потомъ также и Ваше Величество.—По повелѣнію Вашего Величества я неоднократно обозрѣвалъ сѣверныя страны, преимущественно же, когда вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ графомъ Леонардомъ Нугарольскимъ (Nugarola), моимъ товарищемъ по службѣ и путешествіямъ, я вторично пріѣзжалъ въ Московію, которая между странами, просвѣщенными таинствомъ животворящаго крещенія, весьма много отличается отъ насъ и нравами, и постановленіями, и исповѣданіемъ, и воинскою дисциплиною. По волѣ императора Максимиліана, я былъ посломъ въ Даніи, въ Венгріи и Польшѣ; по смерти Его Величества отечество отправило меня чрезъ Италію, Францію, моремъ и сухимъ путемъ въ Испанію къ родному брату Вашего Величества, сильному и непобѣдимому императору римскому Карлу V. По повелѣнію Вашего Величества, я снова былъ у королей венгерскаго и польскаго, наконецъ вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Салмскимъ (Salmiz), у самого Солимана, турецкаго султана, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ

multaque alias non solum obiter, sed etiam accuratè inspexissem, quae dubio procul commemoratione ac luce dignissima fuissent: nolui tamen in illo meo ocio, quod à publicis consiliis succiditur, quicquam istarum rerum in literas referre, quòd partim prius fuissent illa ab aliis luculentè ac diligenter tractata, partim, in oculis ac quotidiano conspectu Europae posita. Res uerò Moscouiticas multo interiores, ac cognitioni istius aetatis non ita obuias, praetuli, easque describere aggressus sum, maximè duabus rebus fretus, perquirendi scilicet diligentia, ac linguae Slauonicae peritia, qnae magnum mihi adiumentum ad hoc qualecunque scripti genus attulerunt. Et quamuis de Moscouia plures, plerique tamen alieno relatu scripserunt. ex antiquioribus, Nicolaus Cusanus: nostra aetate, Paulus Iovius (quem summae eruditionis ac incredibilis in me studij causa nomino) eleganter sane, et magna cum fide (usus enim est interprete locupletissimo:) Ioannes Fabri, et Antonius Bied cùm tabulas, tum commentarios reliquerint: nonnulli etiam non ex professo, sed dum proximas regiones describunt, ex quorum numero est Olaus Gothus in Suetiae descriptione, Matthaeus Mechouita, Albertus Campensis et Munsterus attigerint, me tamen illi quidem minimè à scribendi proposito deterruerunt: Tum quòd earum rerum oculatus fuerim testis, tum quòd nonnulla ex fide dignis relationibus coràm praesens hauserim, denique quòd diu multumque ijs de rebus cum pluribus ex quauis occasione disseruerim. quo factum est, ut copiosius fusiusque (absit uerbis inuidia) nonnunquam ea explicare necesse habuerim, quae ab alijs quasi per transennam proposita uerius quàm explicata sint. Accedit ad hoc, quòd ab alijs ne tacta quidem scribo, quae à nullo nisi oratore cognosci potuerunt. Hanc uerò cogitationem meam ac studium, Maiestas uestra confirmauit, meque ut inchoatum opus aliquando absoluerem, cohortata est, et ultrò etiam currenti calcar (ut dicitur) addit: à quo tamen legationes, aliaque Maiestatis uestrae negotia saepissimè auocarunt, quo minus hactenus praestare, quod institueram, potui. Nunc uerò, dum ad interceptum negotium quoquo modo interdum quotidianis Austriaci fisci negocijs respirans redeo, Maiestatique uestrae pareo, minus uereor in istius emunctissimae aetatis acumine parum aequos lectores, qui maiorem dictionis florem fortasse

не только многое замѣчалъ мимоходомъ, но и тщательно обращалъ вниманіе на то, что̀, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе было достойно упоминанія и ознакомленія; впрочемъ я не хотѣлъ посвятить своего досуга отъ дѣлъ службы на повѣствованіе о какихъ либо изъ этихъ предметовъ, отчасти потому, что они прежде были изложены другими ясно и тщательно, отчасти потому, что они находятся въ глазахъ Европы и постоянно могутъ быть ею видимы. Государство же московское, гораздо отдаленнѣйшее и не такъ знакомое нашему вѣку, я предпочелъ описать и приступилъ къ тому, всего болѣе надѣясь на два обстоятельства: на тщательность моего изслѣдованія и на опытность въ языкѣ славянскомъ, что̀ великимъ мнѣ послужило пособіемъ въ трудѣ такого рода. Хотя многіе писали о Московіи, однако бо̀льшая часть писала по чужимъ разсказамъ: изъ древнѣйшихъ Николай Кузанъ, а въ наше время Павелъ Іовій (котораго я называю по причинѣ высокой его учености и чрезвычайной любви ко мнѣ) писалъ весьма изящно и съ великой вѣрностію (ибо онъ пользовался толкователемъ весьма свѣдущимъ), также Іоаннъ Фабръ и Антоній Видъ, оставившіе карты и записки. Нѣкоторые же, не имѣя цѣлію описывать Московію, касались ее при описаніи странъ ближайшихъ къ ней, таковы: Олай Готъ въ описаніи Швеціи, Матвѣй Мѣховецкій, Альбертъ Кампенскій и Мюнстеръ; однако они нимало не отклонили меня отъ намѣренія писать, какъ потому, что я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ описываемыхъ событій, такъ и потому, что я нѣкоторое почерпнулъ изъ источниковъ достойныхъ вѣроятія, имѣя ихъ у себя, наконецъ потому, что я съ многими лицами разсуждалъ объ этихъ дѣлахъ при всякомъ случаѣ. Оттого произошло, что я почиталъ иногда нужнымъ излагать подробнѣе и многорѣчивѣе (да не оскорбится кто моими словами) то, что̀ другими скорѣе замѣчено было какъ бы мимоходомъ, чѣмъ основательно изъяснено. Притомъ я описываю и то, чего другіе не касались, и что̀ могло быть извѣстно только послу. Ваше Величество одобрили это мое намѣреніе и желаніе, и совѣтовали привести къ концу начатое сочиненіе; но посольства и другія дѣла, возлагаемыя на меня Вашимъ Величествомъ, часто отвлекали меня отъ предпринятаго труда и были причиною того, что я до сихъ поръ не могъ исполнить моего намѣренія. Теперь же, находя по временамъ часы свободные отъ ежедневныхъ моихъ занятій по австрійскому государственному казначейству, снова возвращаюсь къ предпринятому мною труду и, повинуясь волѣ Вашего Величества, не страшусь неблагосклонности читателей, въ этотъ вѣкъ самаго тонкаго остроумія, которые, можетъ

desiderabunt. Satis enim sit, et me re ipsa (uerbis enim paria facere non possum) uoluntatem utcunque instruendae posteritatis ostendere: ac Maiestatis uestrae iussis, quibus mihi aequè nihil antiquum est, parêre uoluisse. Nuncupo itaque Maiestati uestrae hos de Moscouia commentarios, à me ueritatis inuestigandae, ac in lucem proferendae longè maiore, quàm dicendi studio scriptos: meque in clientelam Maiestatis uestrae, in cuius iam officijs consenui, suppliciter dedico ac commendo: oroque Maiestas uestra dignetur ipsum librum ea clementia ac benignitate complecti, qua authorem semper complexa est. Viennae Austriae, prima Martij M. D. XLIX.

Eiusdem Maiestatis uestrae
fidelis Consiliarius Camerarius,
et Praefectus fisci Austriaci,
Sigismundus Liber Baro
in Herberstayn, Neyperg
et Guettenhag.

быть, желали бы болѣе цвѣтовъ краснорѣчія. Довольно, что я самымъ дѣломъ (чего впрочемъ я не могъ сдѣлать своимъ словомъ) хотѣлъ выразить мое желаніе быть сколько нибудь полезнымъ потомству, и вмѣстѣ исполнить священную для меня волю Вашего Величества. И такъ я посвящаю Вашему Величеству эти мои записки о Московіи, написанныя мною болѣе вслѣдствіе желанія достигнуть истины и вывести ее на свѣтъ, нежели въ слѣдствіе желанія краснорѣчія; я посвящаю и поручаю себя покровительству Вашего Величества, въ службѣ котораго я уже состарѣлся и прошу Ваше Величество удостоить самую книгу той благосклонности, которую Вы всегда являли къ автору. Вѣна, 1 марта 1549 года. Вашего Величества

вѣрный Совѣтникъ - Камергеръ и начальникъ Австрійскаго Государственнаго Казначейства Сигизмундъ Баронъ Герберштейнъ-Нейпергъ-Гутенгагъ.

AD LECTOREM.

Moscoviam mihi descripturo, quae Russiae caput est, suamque ditionem per Scythiam longè łatèque extendit, pernecessarium erit, candide Lector, multas in hoc opere Septentrionis parteis attingere, quae non solum priscis, sed etiam nostrae aetatis authoribus, non satis cognitae fuerunt: quo fiet, ut nonnunquam ab eorum scriptis dissentire cogar. Ne cui tamen uel suspecta uel arrogans uideatur mea, in hac re sententia, equidem fateor me non semel, sed iterum, dum Diui Maximiliani Imperatoris, ac eius Nepotis Rom. Regis Domini Ferdinandi legationibus fungerer, Moscovuiam tanquam in re praesenti (ut dici solet) uidisse ac perlustrasse: maiorem tamen partem ex eius loci hominibus, tum peritis, tum fide dignis cognouisse, nec unius alterius uerelatu fuisse contentum, sed multorum constantibus sententiis fretum, ac etiam Slavonicae linguae (quae cum Ruthenica et Moscovuitica eadem est) cognitione beneficioque adiutum, haec non solum ut auritum, sed etiam oculatum testem, non fucato orationis genere, sed aperto et facili perscripsisse, ac posteritatis memoriae prodidisse.

Caeterùm, quemadmodum quaelibet natio suum quendàm pronunciandi morèm habet: ita et Rhuteni facere, litterasque suas uarie connexas, coniunctasue, nobis inusitata quadam ratione, proferre solent: adeo ut qui eorum pronunciationem non singulari diligentia obseruauerit, is neque sciscitari quicquam commode, neque cognoscere certi aliquid ab illis poterit. Equidem in Russiae descriptione, cum Rhutenicis uocabulis in rerum, locorum, ac fluuiorum appellatione non temere usus sim, uolui iam inde ab initio literarum quarundam connexionem ac uim paucis ostendere, qua animaduersa, Lector pleraque facilius cognoscere, et aliquando plura fortasse inquirere poterit.

Basilius et si Rhuteni per vu consonantem scribant et proferant, cum tameu apud nos inoleuerit per B, scribi et proferri: non uidebatur mihi per vu scribendum.

C. aspirationi praeposita, non per Ci, uel Schi, ut pleraeque nationes solent, sed per khi germanorum quodammodo more, est exprimenda: ut in dictione chiovuia, chan, chlinovuua, chlopigrod etc.

Praeposita uero Z duplae, sonorius aliquando proferenda: ut czeremisse. czernigo, czlima, czuncas, etc.

G: Rhuteni praeter aliorum Slauorum morem, per h aspirationem

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

При моемъ намѣреніи описывать Московію, которая есть глава Россіи и которая распространила свои владѣнія вдоль и поперегъ Скиѳіи, мнѣ необходимо будетъ, благосклонный читатель, коснуться въ этомъ трудѣ многихъ сѣверныхъ странъ, мало извѣстныхъ не только прежнимъ, но и нынѣшняго времени писателямъ; оттого можетъ случиться, что я иногда принужденъ буду противорѣчить ихъ сказаніямъ. Впрочемъ, чтобы кому нибудь не показалось мое мнѣніе въ этомъ дѣлѣ подозрительнымъ, или дерзкимъ, я признаюсь, что я не разъ, а дважды видѣлъ Московію, такъ какъ она есть, и проѣхалъ ее въ качествѣ посла отъ императора Максимиліана и его внука римскаго короля Фердинанда; бо́льшую же часть свѣдѣній я собралъ отъ людей тѣхъ мѣстъ, или бывалыхъ, или достойныхъ довѣрія. Не довольствуясь свидѣтельствомъ одного, или двухъ лицъ, я полагался только на согласное мнѣніе многихъ и, пользуясь благодѣтельнымъ знаніемъ славянскаго языка (который одинаковъ съ русскимъ и московскимъ), описалъ это и предалъ памяти потомства не по слухамъ, а какъ очевидецъ, и неразукрашенною рѣчью, а ясною и легкою.

Русскіе, какъ и всякій народъ, имѣютъ свой особенный образъ произношенія и обыкновенно произносятъ буквы свои въ различныхъ сочетаніяхъ и соединеніяхъ какимъ-то необыкновеннымъ образомъ, такъ что тому, кто не наблюдалъ за ихъ произношеніемъ съ особеннымъ вниманіемъ, не легко и спрашивать ихъ о чемъ нибудь и узнавать отъ нихъ что нибудь вѣрное. Такъ какъ въ описаніи Россіи я употреблялъ русскія слова въ названіи предметовъ, мѣстъ и рѣкъ не безъ основанія, то я и намѣренъ уже въ началѣ, въ краткихъ словахъ, указать сочетанія и значеніе нѣкоторыхъ буквъ, замѣтивъ которыя, читателю легче будетъ многое узнать, а можетъ быть и многое изслѣдовать.

Слово Basilius хотя русскіе пишутъ и произносятъ чрезъ согласную W; но такъ какъ унасъ въ обыкновеніи писать и произносить чрезъ B, то мнѣ казалось не нужнымъ писать чрезъ W, буква *C*, предшествуя придыханію, должна быть выражаема не звукомъ *ci* (ци) или Schi (ши), какъ у многихъ народовъ; но звукомъ khi (хи) нѣсколько по образцу нѣмецкому, какъ напримѣръ въ словахъ: Chan, Chlinovua, Chlopigorod и проч.

Но передъ двойною Z, C произносится нѣсколько звучнѣе, напр. Czeremissa, Czernigo, Czilma, Czunkas и проч.

Букву *g* русскіе, противъ обыкновенія другихъ славянъ, про-

Bohemico propemodum more proferunt. ut cum iugra, vuolga scribunt: iuhra, vuolha pronunciant.

I. litera ut plurimum uim consonantis obtinet: ut in i[illegible]usa, iaroslavu, iamma, ieropolchus etc.

Th: fere per ph proferunt: ita Theodorum ipsi Pheodorum seu Feodorum appellant.

V: quando uim consonantis habet, eiusdem loco vu literam quam Germani per duplex b sc. w. exprimunt posui, ut in vuolodimeria. vuorothin vuedrasch vuiesma, vuladislaus. Eadam uero in medio uel fine dictonis posita, uim seu sonum obtinet, literae graecae phi, quae est, nobis ph, ut Oczakovu, Rostovu. Azovu, Ovuka. Diligenter igitur observabit lector huius literae, uim, ne una et eadam dictione deprauate prolata, diuersas res interrogasse, intellexisseue videatur.

Precterea m Rhutenorum Annalibus, origine, rebusque gestis uertendis, non eo, quo nos, sed quo ipsi utuntur, annorum numero usi sumus: ne, dum ab ipsorum scriptis discreparemus, correctores uerius quam fidi interpretes uideremur.

износятъ почти на манеръ богемцевъ, какъ придыхательное *h*, такъ что пишутъ Jugra, Wolga, а произносятъ Juhra, Wolha.

Буква *J* по большей части имѣетъ значеніе согласной, напр. Jausa, Jaropolchus, Jaroslaw, Jamma и проч.

Th. произносится почти какъ Ph., такъ Ѳеодора (Theodorum) называютъ Федоромъ (Pheodorum) и Ѳеодоромъ (Feodorum).

Вмѣсто буквы *V*, когда она принимается за согласную, я всегда ставилъ *Vu*, которую нѣмцы выражаютъ двойнымъ W: такъ напр. въ словахъ Vuolodimeria, Vuorotin, Vuedrasch, Vuiesma, Vuladislaus.—Постановленная же въ срединѣ и на концѣ слова, она имѣетъ значеніе, или звукъ греческій phi, нашего ph, напр. Oczakovu, Rostovu.—Посему читатель долженъ внимательно замѣтить свойство этой буквы, чтобы отъ неправильнаго произношенія какого нибудь слова не подумали, что ты спрашиваешь и разумѣешь нѣчто другое.

Разсказывая по лѣтописямъ о происхожденіи народа и событіяхъ, мы употребляли не то лѣтосчисленіе, которое у насъ; а то, которое они сами употребляютъ, чтобы, не сходствуя съ ихъ сказаніями, не показаться скорѣе исправителями, нежели вѣрными переводчиками.

стр. 1. **RERUM MOSCOVITICARUM COMMENTARII, SIGISMUNDO LIBERO BARONE IN HERBERSTAIN, NEUPERG ET GUETENHAG, AUTORE.**

Russia [a] unde nomen habeat, uariae extant opiniones. Sunt enim qui eam à quodam Russo [1], fratre seu nepote Lech, principe Polonorum, perinde ac si ipse Rhutenorum princeps fuisset, [b] nomen accepisse uolunt. Alij autem a quodam uetustissimo oppido, [c] Russo dicto, non longe a Novuogardia [d] magna [2]. Quidam uero a fusco eius gentis colore [3]. Plerique nomine mutato, a Rocsolania Russiam cognominatam esse putant. Verum eorum qui hasce asserunt opiniones, tanquam uero haud consonas, Mosci refutant, asserentes Rosseiam antiquitus appellatam, quasi gentem dispersam, seu disseminatam:[e4] id quod nomen ipsum indicat. Rosseia etenim, Ruthenorum lingua, disseminatio, seu dispersio intepretatur. quod uerum esse, uarij populi incolis etiamnum permixti, et diversae prouinciae Russiae passim intermixtae ac interjacentes, aperte testantur. Notum est autem historias säcras legentibus, disseminationis uocabulo etiam Prophetas uti, cum de dispersione populorum loquuntur. Nec tamen desunt, qui Russorum nomen ex graeca, atque adeo ex Chaldaica origine, non multum dissimili ratione trahant. a fluxu nimirum, qui Graecis est ῥοῦς. vel à quadam quasi guttulata dispersione, qui Arameis dicitur Resissaia siue Ressaia: quo modo Galli et Vmbri a fluctibus imribus et, inundationibus, hoc est, à Gall et Gallim, item ab Vmber, Hebraeis sunt appellati, quasi dicas fluctuantes seu procellosos populos, uel scaturiginum gentem[g5]. Sed undecunque tandem Russia nomen acceperit, certè populi omnes qui lingua Slauonica[h] utuntur, ritum ac fidem christi graecorum more sequuntur, gentiliter Russi, Latinè Rutheni appellati ad tantam multitudinem excreuerunt, ut omnes intermedias gentes aut expulerint, aut in suum uiuendi morem pertraxerint: adeó ut omnes nunc uno et communi uocabulo Rhuteni dicantur [6].

Slauonica[j] porró lingua, quae hodierno die corrupto nonnihil uocabulo Slauonica appellatur, latissimé patet [7] :ut qua Dalmatae, Bossnenses, Chroati[k], Jstrij[l], longoque secundum mare Adriati-

---

a) 1557 В. приб. lateinisch, wird zu Teütsch Reissen genannt b) 1557 В. вм. welcher der Reissen Landts Fürst gewesen sein sol. 1563 Б. вм. gleich als wann dieser über die Ruthener geherschet. c) 1557 В. вм. Flegkhen oder Stätlein. d) 1557 В. 1563 Б. постоянно gross Neugarten e) 1557 В. вм. Das vermainen sy (die Reissen) mit dem zu bekrefftigen, das jr Nation nindert gar beyeinander, sunder etc. f) 1549 В. 1551 Б. 1557 В. 1550 Ит. отъ слова Notum до gentem—нѣтъ. Эта явная вставка сдѣлана въ первый разъ во второмъ базельскомъ изданіи (1556) и, по всей вѣроятности, не самимъ Герберштейномъ. g) 1563 Б. приб. von welchem vil andere jren Vrsprvng entpfangen. h) 1557 В. приб. oder Windisch. Такъ часто называется славянскій языкъ въ нѣмецкихъ переводахъ i) 1557 В. приб. und Teütsch Reissen genandt. j) 1557 В. приб. das ist die Windisch Sprach k) 1557 В. Chrabaten. 1563 Б. Croatien oder Crabaten. 1550 Ит. Chroatij l) 1557 В. jstevreicher 1563 Б. Jstepeich.

ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОМЪ БЫТѢ, СОЧИНЕНІЕ СИГИЗМУНДА ВОЛЬНАГО БАРОНА ГЕРБЕРШТЕЙНА, НЕЙПЕРГА И ГВЕТЕНГАГА.

Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, отъ чего Руссія [1] *(Russia по-латыни, а по-нѣмецки Reissen)* получила свое названіе. Нѣкоторые думаютъ, что она получила имя отъ Русса, брата или племянника Леха, князя польскаго, *который будто княжилъ* и въ Россіи; по другимъ отъ одного очень древняго *мѣстечка или городка*, именемъ Русса, недалеко отъ великаго Новгорода [2]; по третьимъ—отъ смуглаго цвѣта этого народа [3]. Многіе полагаютъ, что Руссія прозвалась отъ Роксоланіи черезъ перемѣну звуковъ. Но московиты отвергаютъ эти предлагаемыя имъ мнѣнія, какъ несогласныя съ истиной, подтверждая тѣмъ, что ихъ народъ издревле названъ Россія, *такъ какъ онъ никогда не жилъ вмѣстѣ, а напротивъ* въ разсыпку или разсѣянно [4], на что указываетъ самое имя, потому что Россея, на языкѣ Рутеновъ, значитъ разсѣяніе. Справедливость этого ясно доказывается тѣмъ, что и теперь еще разные народы живутъ въ Руссіи перемѣшанно другъ съ другомъ, и что различныя области Руссіи тамъ и сямъ смѣшаны и перерѣзываемы другими. Извѣстно также читающимъ священное писаніе, что и пророки употребляютъ слово разсѣяніе, когда говорятъ о разсѣяніи народовъ. Многіе однако ведутъ названіе Руссовъ отъ греческаго и даже отъ халдейскаго корня, имѣющаго подобное же значеніе, а именно отъ теченія, которое у грековъ называется ῥοῦς, или разсѣянія, опрыскиванія, которое у арамейцовъ называется *Risissaia* или *Ressaia:* такимъ же образомъ галлы и умбры названы евреями отъ волнъ, дождей и наводненій, т. е. отъ *Gall* и *Gallim*, также отъ *Umber*, какъ будто народы волнующіеся и бурные (непостоянные и измѣнчивые), *отъ которыхъ многіе другіе получили свое начало* [5]. Но наконецъ, откуда бы ни получила Россія свое имя, извѣстно только то, что всѣ ея народы, употребляющіе языкъ славянскій, и слѣдующіе обрядамъ и вѣрѣ христіанской по греческому закону, по народному прозвищу руссы, по-латини утены, *а по нѣмецки Reissen*, размножились до того, что или вытѣснили народы, жившіе между ними, или принудили ихъ принять свой образъ жизни, такъ что теперь всѣ называются однимъ общимъ именемъ руссовъ [6].

Славянскій, *то есть виндскій* языкъ, который въ настоящее время называется не много испорченнымъ именемъ *склавянскаго*, распространенъ на весьма большомъ пространствѣ [7], такъ что его употребляютъ далматы, босніійцы, кроаты, истріійцы, даже фріоульцы на большомъ протяженіи по Адріати-

cum tractu Forumiulij usque, Carni, quos Veneti[m] Charsos appellant, item Carniolani, Carinthij, ad Dravum[n] fluuium usque: Stirij[o] uerò infra Gretzium, secundum Mueram Danubium[p] tenus[q], indeque[r] Mysij[s], Seruij, Bulgari[t], alijque Constantinopolim usque habitantes: Bohemi[u] praeterea, Lusacij, Silesij, Moraui[v], Vagique[x] fluuij in regno Hungariae accolae: Poloni item, et Rhuteni latissimè imperantes[y], et Circasi Quinquemontani[z] ad Pontum,[aa] denique per Germaniam ultra Albim in septentrionem Vuandalorum[bb] reliquiae sparsim habitantes utuntur[cc]. Hi etsi omnes se Slauos esse
стр. 2. fatentur, Germani tamen a solis Vuandalis denominatione sumpta, omnes Slouonica lingua utentes, Vuenden, Vuinden, et Vuindisch, promiscuè appellant[8a].

Caeterùm Russia montes Sarmaticos haud longè à Cracovia attingit: et secundum fluuium Tyram, quem incolae Nistrum vocant, ad Pontum Euxinum[b] atque Borysthenem[c] usque fluuium protendebatur[9]: sed ante aliquot annos Albam[d], quae aliàs Moncastro appellatur, quaeque ad ostia Tyrae sita, sub ditione Vualachi[e] Moldauiensis erat, Thurca occupauit[10]. Praeterea rex Thauriciae[f] Borysthenem transgressus, latéque[g] omnia uastans, duo ibi castra exaedificauit: quorum alterum Oczakovu[h] nomine, non longè ab ostijs Borysthenis situm, nunc Thurca pariter occupat: ubi solitudines hodie sunt inter utriusque fluuij ostia[i]. Porrò ascendendo iuxta Borysthenem, deuenitur ad oppidum Circas, occidentem uersus situm: atque inde a uetustissimam civitatem Chiovuiam, quondam Russiae metropolim[j]: ubi traiecto Borysthene, est pro-

m) 1557 B. venedigisch oder Wälhisch n) 1563 Б. Trab o) 1557 B. приб. Steyrer vier meil unterhalb Grätz. 1563 Б. Steüermarcker. p) 1563 Б. Thünauw q) 1550 Ит. вм. secundum—tenus: fino al Danubio. r) 1557 B. приб. über die Traa und Saw s) 1550 Ит. i Masy t) 1557 B. приб. welche wir jetzo in gemain die Serven und Rätzen nennen. u) 1557 B. Die Beham. Такъ часто называются богемцы въ нѣмец. пер. Также Behaim. v) 1563Б. Merrhen. x) 1557 B. приб. die Winden an der Waag. 1550 Ит. dal fiume Vagro. y) 1557 B. lat. imp.-нѣтъ. z) 1563 Б. приб. oder Fünffbürger. 1550 Ит. нѣтъ quinquem. ad Pon. aa) 1557 B. приб. Am schwarzen Mör, so man lateinisch Pontum nennt. bb) 1563 Б. приб. oder wendisch. cc) 1557 B. приб. und Dörffer haben, als uberbleibling der Wenden, die derselben ortn etwan gewont haben. a) 1557 B. приб. So gebrauchen sich auch dieser sprach in Schrifften und im Gottes Dienst die Moldauer und die andern anraynenden Wallachen wiewol dieselben ain andere Sprach in gemain haben. Vil wöllen mit Schrifften darbringen, das Macedonia auch die Slauonische sprach, die man Syrvisch der orten nent, fui jr Muetter sprach ye gebraucht und noch brauchen. b) 1557 B. приб. das man sonstn das schwartz oder auf wälhisch das grösser Mör nent. 1550 Ит. приб. cioe il mar maggiore. c) 1557 B. приб. auf Reissisch Nieper genent. d) 1557 B. вм. Weissenburg. e) 1557 B. вм. so dem Voyuoden in der Molda zuegehört. 1563 Б. вм. fürsten. f) 1557 B. приб. Reissisch im Precop, aber lateinisch Tauricagenant. g) 1557 B. и вообще по нѣмецки *latè* переводится weit und breit (prait). h) 1563 Б. Okazoven—явная опечатка. i) 1557 B. приб. zwischen bayder Flüss der Nister und Nieper biss an das Mör. j) 1557 B. вм. gen Caynow und Chiow, da vor zeiten der Reissen Haubtstat gewesen, auch der Fürsten Sitz uud das Regiment gehalten worden. *Metropolis* въ 1563 Б.—hauptstat, въ 1550 Ит. la principale.

ческому морю, карны, которыхъ *по-венеціански или по-валахски* называютъ карсами, также карніольцы, карнтійцы до рѣки Дравы, штирійцы *на четыре мили* ниже Греца, по Муерѣ до Дуная, далѣе, *черезъ Драву и Саву*, мизійцы, сербы, болгары, *которыхъ теперь мы называемъ общимъ именемъ сербовъ и рецовъ*, и другіе до Константинополя; кромѣ того богемцы, лужичане, силезцы, моравы и жители береговъ Вага, *винды*, въ венгерскомъ королевствѣ, также поляки и русскіе, властвующіе на обширномъ пространствѣ, и пятигорскіе черкесы у Чернаго моря, *которое по-латыни называется также Понтомъ;* наконецъ по Германіи за Эльбою на сѣверъ остатки вандаловъ *или виндовъ,* живущихъ по разнымъ мѣстамъ *и имѣющихъ деревни (какъ остатокъ Вендовъ, которые когда-то обитали въ этихъ мѣстахъ).* Хотя всѣ они признаютъ себя славянами, однако германцы, взявъ названіе отъ однихъ вандаловъ, всѣхъ, у кого въ употребленіи славянскій языкъ, безъ разбора называютъ вендами, виндами и виндишами. *Этотъ языкъ употребляется также въ письменности и въ богослуженіи молдованъ и другихъ сосѣднихъ валаховъ, хотя они и употребляютъ обыкновенно* (въ просторѣчіи) *другой* (свой собственный) *языкъ. Многіе хотятъ доказать сочиненіями, что Македонія употребляла издревле, и до сихъ поръ употребляетъ, какъ свой родной, языкъ славянскій, который въ тѣхъ мѣстахъ называется сербскимъ* (Syrvisch) [8].

Россія граничитъ съ сарматскими горами недалеко отъ Кракова, и прежде простиралась по теченію Тиры, которую туземцы называютъ Нистромъ, до Евксинскаго Понта, *который иначе называется чернымъ, а по-валахски большимъ моремъ,* и до рѣки Борисѳена, *называемаго по-русски Днѣпромъ* [9]; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ турки заняли городъ Альбу, *Бѣлгородъ,* который называется иначе Монкастро и который, находясь при устьяхъ Тиры, былъ подъ властью валахо-малдавскихъ *воеводъ* [10]. Кромѣ того царь Тавриціи, *называемой по-русски Прекопомъ,* перешедши Борисѳенъ и опустошивъ всю землю на большомъ пространствѣ, выстроилъ тамъ двѣ крѣпости: одною изъ нихъ, Очаковымъ, недалеко отъ устьевъ Борисѳена, теперь владѣютъ также турки. Нынѣ между устьями обѣихъ рѣкъ, *Днѣстра и Днѣпра, до самаго моря* находятся пустыни (степи). Если все подниматься по Борисѳену, то придешь къ городу Циркасъ, лежащему на западъ, а оттуда къ весьма древнему городу Кіеву, нѣкогда столицѣ Руссіи, *гдѣ также была резиденція князя, и гдѣ находилось управленіе;* тамъ, за Борисѳеномъ, лежитъ об-

uincia Sevuera,[k] adhuc habitata: ex qua rectá in orientem procedenti occurrunt[l] Tanais[m] fontes. Longo deinde secundum Tanaim, ad confluxum scilicet Occae et Rha[n] fluuiorum, itinere emenso, transeundo denique Rha longissimo tractu in mare usque Septentrionale, pòst inde redeundo, circa populos regi Svuetiae subditos, et ipsam Finlandiam, sinumque Livuonicum, atque per Livuoniam, Samogithiam,[o] Masovuiam denique et Poloniam usque reuertendo, Sarmaticis tandem montibus terminatur, duabus duntaxat prouincijs, Lithvuania scilicet et Samogithia interiectis: quae duae prouinciae licet Rhutenis intermixtae sint,[p] ac proprio idiomate rituque Romano utantur, earum tamen incolae ex bona parte sunt Rhuteni[11q].

Principum qui nunc Russiae imperant, primus est, Magnus dux Moscovuiae,[r] qui maiorem eius partem obtinet: secundus, magnus dux Lithvuaniae: tertius est rex Poloniae, qui nunc et Poloniae et Lithvuaniae praeest.[12]

De origine autem gentis, nihil habent praeter annales infrà scriptos:[13s] gentem scilicet hanc Slauonicam esse ex natione Iaphet, atque olim consedisse ad Danubium,[t] ubi nunc Hungaria est et Bulgaria, et tum Norci[u] appellatam: tandem dispalatam, et per terras dispersam, nomina à locis accepisse, utpote Moravui à fluuio:[v] alij Ozechi,[x] hoc est Bohemi: item Chorvuati,[y] Bieli, Serbli, id est Seruij,[z] Chorontani[aa] dicti, qui ad Danubium[bb] consederant, à Vualachis expulsi, uenientes ad Istulam,[cc] nomen Lechorum á quadam Lecho[dd] Polonorum principe, à quo Poloni etiamnum Lechi uocantur, acceperunt. Alij Lithvuani, Masouienses, Pomerani: alij sedentes per Borysthenem, ubi nunc Chiovuia est, Poleni dicebantur: alij Drevuliani,[ee] in nemoribus[ff] habitantes: alij inter[gg] Dvuinom et Peti, dicti Dregovuici: alij Poleutzani,[hh] ad fluuium Poltae, qui influit Dvuinam: alij circa lacum Jlmen, qui Novuogardiam occupauerunt, sibique principem Gosto-

---

k) 1550 Ит. Sanuera. l) 1557 B. приб. des gar nambhafften. m) 1563 Б. при б. oder Don. n) 1557 B. приб. Volga, das man griechisch Rha nent. o) 1557 B. Sameitn. p) 1557 B. licet Rhut. intermix. sint—нѣтъ. q) 1557 B. вм. earum-Rhuteni: Gleichwol sein gar vil der underthanen derselben Fürstenthumber und in Lythen auch in der Haubtstat der Wilda (Вильно), die Reissen sein. r) 1563 Б. приб. der aller fürnemest. s) 1563 Б. вм. de origine—scriptos: habend sy nicht anderst dann etliche volgende Puncten von jar zu jar auffgezeichnet. 1550 Ит. вм. gli annali over historie quasi annuali infra scritta. t) 1563 Б. Thunauw. Такъ постоянно называетсявъ этомъ переводѣ Дунай. u) 1550 Ит. Norici. v) 1557 B. вм. von dem Fluss der March. x) 1549 B. 1557 и 1550 Ит. Czechi; только въ базельскихъ изданіяхъ и другихъ послѣдующихъ встрѣчается Oczechi. y) 1557 B. Crabaten. z) 1557 B. Sirven. aa) 1557 B. Chorothani 1563. Б. Chorontarter. bb) 1563 Б. Thlunaw. cc) 1557 B. и 1563 Б. Weixl *(Weixel)*. dd) 1550 Ит. locho. ee) 1550 Ит. Dravuliani (оп. вм. Drevuliani, какъ вездѣ далѣе). ff) 1549 B. memoribus—явная опечатка. gg) 1551 Б. вм. *inter*—in. hh) 1550 Ит. poleuvezani

ласть Севера, доселѣ обитаемая: если изъ нея пойдешь прямо на востокъ, то встрѣтишь истоки Танаиса. Потомъ [надобно проѣхать длинный путь по теченію *знаменитаго* Танаиса *или Дона*, доѣхать до сліянія рѣкъ Оки и *Волги, называемой по-гречески Ра*, перейти рѣку Ра: тогда, пройдя длиннѣйшее пространство, достигнешь наконецъ до сѣвернаго моря. Потомъ русская граница возвращается оттуда назадъ, мимо народовъ, подвластныхъ королю Швеціи, около самой Финляндіи и ливонскаго залива, черезъ Ливонію, Самогитію, Мазовію къ Польшѣ, и напослѣдокъ оканчивается сарматскими горами, такъ что внутри ея лежатъ только двѣ области, Литва и Самогитія. Хотя эти двѣ провинціи врѣзываются въ русскія области и имѣютъ собственное нарѣчіе и римскую вѣру, однакожъ бо́льшая часть жителей этихъ княжествъ, равно и Литвы и ея столицы Вильды (Вильно), суть Рутены [11].

Изъ государей, которые нынѣ владѣютъ Руссіей, главный есть великій князь московскій, который имѣетъ подъ своей властью бо́льшую ея часть; второй—великій князь литовскій, третій—король польскій, который теперь правитъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ [12].

О происхожденіи же народа они не имѣютъ никакихъ извѣстій, кромѣ лѣтописныхъ, приводимыхъ ниже [13]; именно, что это народъ славянскій изъ племени Яфета, что прежде онъ сидѣлъ на Дунаѣ, гдѣ нынѣ Венгрія и Булгарія, и назывался тогда норцами, что наконецъ онъ разсѣялся по разнымъ землямъ, и получилъ названія отъ мѣстъ поселенія; такъ одни прозвались моравами отъ рѣки, другіе очехами т. е. богемцами; такимъ же образомъ прозвались хорваты, бѣлы, серблы т. е. сервіи, и хоронтаны, которые остались жить на Дунаѣ, но, выгнанные валахами и пришедши къ Истулѣ, получили имя леховъ, отъ нѣкоего Леха, польскаго князя, отъ котораго поляки и теперь называются также лехами. Другіе назывались литвинами, мазовами, померанами; третьи, живущіе по Борисѳену, гдѣ нынъче Кіевъ, полянами; четвертые древляне, живущіе въ рощахъ; живущіе между Двиною и Петью названы дреговичами, другіе полочане, по рѣкѣ Полтѣ, которая впадаетъ въ Двину; другіе около озера Ильменя, которые заняли Новгородъ и поставили у себя *по своей волѣ* князя именемъ Гостомысла;

missel nomine[ii] constituerunt: alij per Desnam et Sulam fluuios, Sevueri[jj] seu Sevuerski appellati: alij uerò super fontes Volhe[kk] et Borysthenis, Chrivuitzi nominati: horum arx et caput[ll] Smolensco[mm] est. Haec annales[nn] ipsorum testatur.[14]

стр. 5. Qui initio Rhutenis imperauerint, incertum est. characteribus enim carebant, quibus res gestae memoriae mandari potuissent. Posteaquam uerò Michael rex Constantinopolitanus, literas[a] Slouonicas in Bulgariam anno mundi 6406.[b] misisset, tum primum, non ea duntaxat quae tum gerebantur,[c] uerùm etiam quae à maioribus acceperant, et per longam memoriam retinuerant, scribi, inque Annales[d] eorum referri coepta sunt: [15] ex quibus constat, Coseros populum, à nonnullis Rhutenis tributi nomine aspreolorum pelliculas [e] de singulis aedibus exegisse, item Vuaregos ipsis imperauisse. [16] De Coseris, unde, aut quinam fuerint, nihil praeter nomen ex Annalibus: de Vuaregis itidem, certi quicquam ab illis cognoscere non potui. Caeterùm cum ipsi [f] mare Baltheum [g], et illud quod Prussiam, Livuoniam, indeque post ditionis suae partem à Svuetia diuidit, mare Vuaregum appellarent: putabam equidem, aut Svuetenses, autDanos, aut Prutenos, ob uicinitatem, principes illorum fuisse. Iam uerò, cum Vuagria, famosissima quondam Vuandalorum [h] ciuitas et prouincia, Lubecae et ducatui Holsatiae finitima fuisse, maréque hoc quod Baltheum dicitur, ab ea nomen, [i] quorundam sententia, [j] accepisse uideatur: [k] illudque ipsum, et sinus [l] ille qui Germaniam à Dania, item Prussiam, Livuoniam, maritimam denique Moscouitici imperij partem à Svuetia separet, et adhuc apud Rhutenos nomen suum retineat, atque Vuaretzokoie morie, hoc est, Vuaregum mare appelletur: [m] ad haec, quòd Vuandali [n] ea tempestate potentes erant, Rhutenorum denique lingua, moribus atque religione utebantur: uidentur itaque mihi Rhuteni ex Vuagrijs, seu Vuaregis potius, principes suos euocasse, quàm externis, et à religione sua, moribus, idiomateque diuersis,

---

ii) 1550 Ит. приб. voluntariamente. jj) 1550 Ит. Saueri. kk) 1549 В. vuolhae. 1551 Б. vulhae. ll) 1557 В. вм. a. e. c. Haubtschloss und Stat. mm) 1563 Б. Smolenchen. nn) 1563 Б. вм. jre historien und Chroneckbücher. 1550 Ит. приб. Annali *di questa gente Slauonica queste cose amplamente* confermano. a) 1563 Б. buchstaben uud geschrifft. b) 1563 Б. приб. nach jhrer rechnuug 6406 jar (welches nach der geburt Christi 898 jar gewesen). Такая прибавка встрѣчается почти при каждомъ хронологическомъ указанiи въ нѣмец. пер. c) 1563 Б. вм. nit allein die geschichten, so man zu derselbigen zeyt gehandlet. d) 1563 Б. *ordenliche* Chroneck. e) 1557 В. ain pälgle oder heutle der vech (=Eichhörnchen *nörd.*) oder Grabwerchen (=grauwerk). 1550 Ит. вм. le pelli di queli animali chiamati Aspreolij. f) 1557 В. приб. die Reissen. g) 1557 В. приб. das Teutsch Mör, so man Lateinisch Baltheum und die Teutschen den Peld nennen. h) 1563 Б. приб. oder Wenden. i) 1557 В. вм. nach jrersprach. j) 1557 В. вм. so hab ich mich seid erjndert. k) 1557 В. приб. und denselben Namen nachmals bey den Reissen erhalten. *Далѣе* отъ *illudque* do *appelletur*—нѣтъ. l) 1563 Б. grosser Meerschooss. m) 1557 В. отъ *iludque* do *appelletur*—нѣтъ. n) 1557 В. приб. oder Wenden.

другіе по рѣкамъ Деснѣ и Сулѣ названы северами или северскими; другіе же около истоковъ Волги и Борисөена прозваны кривичами; ихъ столица и крѣпость есть Смоленскъ. Объ этомъ *вполнѣ* свидѣтельствуютъ ихъ собственныя лѣтописи *и хроники* [14].

Кто сначала властвовалъ надъ рутенами, неизвѣстно, потому что у нихъ не было *ни азбуки, ни письменности*, посредствомъ которыхъ ихъ дѣянія могли бы быть переданы памяти; но послѣ того, какъ Михаилъ, царь константинопольскій, прислалъ славянскій алфавитъ въ Булгарію въ 6406 году отъ сотворенія міра (898 по Р. Х.), тогда въ первый разъ они начали записывать и вносить въ свои лѣтописи не только то, что происходило въ то время: но также и то, что они слышали отъ предковъ и долго удерживали въ памяти[15]. Изъ этихъ лѣтописей извѣстно, что народъ козеры требовалъ отъ нѣкоторыхъ рутеновъ ежегодной дани съ каждаго дома по *бѣличьему мѣху* или шкуркѣ, и что также вареги властвовали надъ ними[16]. Я не могъ узнать, кромѣ имени, ничего вѣрнаго изъ лѣтописи ни о козерахъ, ни о варегахъ, кто такіе были они, или изъ какой земли. Впрочемъ, такъ какъ *русскіе* называютъ моремъ вареговъ—*нѣмецкое* море, *называемое по-латини балтійскимъ и по-нѣмецки Пелдъ (Peld)* и то, которое отдѣляетъ Пруссію, Ливонію и часть ихъ владѣнія отъ Швеціи: то я полагалъ, что ихъ государи были по сосѣдству или шведы или датчане или пруссы. Но такъ какъ довольно извѣстно, что Вагрія, нѣкогда весьма славный городъ и область вандаловъ *или вендовъ*, была въ сосѣдствѣ съ Любекомъ и герцогствомъ Голзаціею; то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и самое море, которое называется балтійскимъ, *въ послѣдствіи* получило свое имя *у русскихъ* отъ Вагріи. Это море и тотъ *большой* заливъ, который отдѣляетъ Германію отъ Даніи, также Пруссію, Ливонію и приморскую часть московитскаго государства отъ Швеціи, до сихъ поръ удерживаетъ у рутеновъ свое имя и называется варежскимъ моремъ т. е. моремъ вареговъ. Сверхъ того вандалы *или венды* были въ это время могущественны и наконецъ имѣли языкъ, нравы и религію рутеновъ. По всему этому мнѣ кажется, что рутены скорѣе вызвали себѣ князей изъ вагріевъ или вареговъ, нежели предложили власть иностранцамъ, чуждымъ ихъ религіи, правовъ и нарѣчія.[17]

imperium detulisse. [17] Cum itaque Rhuteni aliquando inter se de principatu contenderent, ac mutuis odiorum facibus inflammati, exortis denique qrauissimis seditionibus decertarent: tum Goctomissel, [18] uir et prudens, et maguae in Novuogardia authoritatis, in medium consuluit, ut ad Vuaregos mitterent, atque tres fratres [o], qui illic magni habebantur, ad suscipiendum imperium hortarentur. mox audito consilio, legatis missis, principes germani fratres accersuntur: [p] uenientesque eò, [q] imperium ipsis ultrò delatum, [r] inter se diuidunt. Rurick principatum Novuogardiae obtinet, sedemque suam ponit in Ladoga, [s] XXXVI miliaribus Germanicis infra Novuogardiam magnam. Sinaus consedit in Albo lacu [t]. Truvuor uerò in principatu Plescouiensi, [u] in oppido Svuortzech [v]. Hosce fratres originem à Romanis traxisse, gloriantur Rhuteni [x]: à quibus etiam praesens Moscovuiae princeps, [y] se genus duxisse suum asserit. Horum autem fratrum ingressus in Russiam, iuxta Annales, [z] fuit anno mundi 6370 [19]. Duobus sine haeredibus defunctis, principatus omnes Rurick superstes obtinuit, castra inter amicos et famulos diuisit. moriens filium iuuenem [aa] Igor nomine, unà cum regno commendat cuidam Olech propinquo suo: [bb] qui id, deuictis multis prouincijs, auxit: arma in Graeciam usque transferens, Bisantium [cc] etiam obsedit. et cum triginta
стр. 4. tribus annis regnasset, atque in caput seu cranium sui equi iam olim mortui, pede fortè impegisset, uermis uenenosi morsu lensus occubuit. [20] Mortuo Olech, Igor [b] ducta ex Plescovuia uxore Olha, imperare coepit: qui cum exercitu suo longius progrediens, Heracleam et Nicomediam usque peruenisset, tandem bello superatus aufugit. post à Malditto Drevulianorum principe, in quodam loco Coreste nomine, ubi etiam sepultus est, occididur. [21] Filius autem Svuatoslsus, quem infantem reliquit, cum per aetatem imperare non posset, interim mater Olha regno praefuit: ad

o) 1557 В. приб. die daselbsten gross geacht gewest schikhen, damit sy das Regiment oder Regierung annämben. 1563 Б. приб. welche bei denselbigengross gehalten, dass sy jr Reich welten annemen. 1550 Ит. приб. quali in quel luogo in grandissimo pregio et riputatione erano hauuti, a pigliare l'Impero, et il dominio di quelli. p) 1563 Б. приб. Als bald man diesen rathschlag verstanden hat man die legaten abgefertiget, und dise brüder für jre fürsteu berüffet. 1550 Ит. il che molto piacque alli Rhuteni, et cosi sopra di cio mandati illoro Ambasciatori, li tre fratelli Germani per Prencipi et Signori fuorno chiamati. q) 1550 Ит. вм. *eò:* al luogo ordinato. r) 1563 Б. приб. das Reich, welches jnen freywillig angebotten. 1550 Ит. приб. con uolunta di tutti fudato loro l'imperio, et la signoria sopra li Rhuteni. s) 1550 Ит. in la doga (опеч.) citta. t) 1557 В. zum weis B. sen see. u) 1550 Ит. in plesco Vuiense (опеч.) v) 1563 Б. приб. hat—Hoff gehalten. x) 1557 вм. *Rhuteni: diese drey gerbrueder* rüembten sich. y) 1557 В. вм. *praes. Mosc. pr:* der gross Fürst Basilius, zu dem ich geschickt war. z) 1563 Б. Chroneck-abtheilung. aa) 1557 В. *juvenem*—нѣтъ. bb) 1550 Ит. приб. huomo nel arte militare ualente. cc) 1550 Ит. приб. *la itta* Bisantio. a) 1557 В. vergifftsthier. b) 1550 Ит. приб. figliulo gia del principe Rurick.

Такимъ образомъ, когда рутены спорили между собою о княжеской власти и, воспламенясь взаимною ненавистью, при возникшихъ тяжкихъ раздорахъ, взялись наконецъ за оружіе: тогда Гостомыслъ[18], мужъ мудрый, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ Новгородѣ, далъ совѣтъ, чтобы они отправили пословъ къ варегамъ, и склонили бы къ принятію *управленія и* власти, трехъ братьевъ, которые тамъ весьма уважались. *Уразумѣвъ этотъ совѣтъ*, новгородцы тотчасъ отправили пословъ, и призвали на княжество *и владычество трехъ* разныхъ братьевъ, которые пришли туда и раздѣлили между собою власть, врученную имъ добровольно *надъ русскими*. Рюрикъ получилъ княжество новгородское, и поставилъ свой престолъ въ Ладогѣ, въ 36 нѣмецкихъ миляхъ ниже великаго Новгорода. Синаусъ утвердился на Бѣломъ озерѣ; Труваръ же въ княжествѣ псковскомъ, въ городѣ Свортцехѣ. *Эти три брата* хвалились, что они ведутъ свое происхожденіе отъ Римлянъ; даже *великій князь Василій, къ которому я былъ посланъ*, утверждаетъ, что онъ ведетъ свой родъ отъ нихъ. Пришествіе этихъ братьевъ въ Руссію, по лѣтописямъ, было въ 6370 году отъ сотворенія міра (862 по Р. Х.)[19]. Когда умерли двое изъ нихъ безъ наслѣдниковъ, оставшійся въ живыхъ Рюрикъ получилъ всѣ княжества, и роздалъ города друзьямъ и слугамъ. Умирая, онъ поручилъ своего юнаго сына, Игоря, вмѣстѣ съ царствомъ, одному изъ своихъ родственниковъ, *искусному въ военномъ дѣлѣ* Олегу, который увеличилъ царство, покоривъ многія области, и, внеся оружіе въ Грецію, осадилъ даже Византію. Послѣ тридцати-трехлѣтняго царствованія онъ умеръ отъ ядовитаго червя, который укусилъ его, когда онъ неосторожно наступилъ ногою на черепъ своего коня, умершаго еще прежде[20]. По смерти Олега, Игорь, *внукъ князя Рюрика*, началъ править, взявъ въ супруги Ольгу изъ Пскова. Онъ проникъ весьма далеко съ своимъ войскомъ, достигъ даже Гераклеи и Никомедіи, но побѣжденный, бѣжалъ. Послѣ онъ былъ убитъ Малдитомъ, княземъ древлянскимъ, на мѣстѣ, называемомъ Коресте, гдѣ и былъ похороненъ[21]. Покуда сынъ его Святославъ, котораго онъ оставилъ ребенкомъ, по своему возрасту не могъ управлять царствомъ, правила мать его Ольга.

quam cum Drevuliani uiginti internuncios misissent, cum mandatis, ut eorum principi nuberet: Olha nuncios Drevulianorum uiuos obrui iussit: suosque interim legatos ad eos misit, nimirum si se principem et dominam expeterent, ut plures atque praestantiores procos mitterent. mox alios selectos quinquaginta viros ad se missos, in balneo combussit: aliosque legatos iterum misit, qui aduentum suum annunciarent, iuberentque apparare aquam mulsam, [c] aliaque ex more ad parentandum marito defuncto necessaria. Porrò ad Drevulianos cum uenisset, maritum deplanxit, Drevulianos inebriauit, quinque millia illorum occidit. mox Chiovuiam reuersa, exercitum conscripsit: contra Drevulianos progressa, uictoriam reportauit, fugientes in castrum persecuta, obsidione ad integrum annum pressit [d]. pòst interpositis conditionibus, tributum illis de qualibet domo, tres uidelicet columbas, totidemque passeres imperat: acceptasque in tributum aues, continuò alligatis sub alas igneis quibusdam instrumentis, dimittit: auolantes columbae, ad aedes consuetas redeunt, reuolantque, [e] castrum incendunt. inflammato iam castro diffugientes, aut occiduntur, aut capti uenduntur. Occupatis itaque omnibus Drevulianorum castris, [f] ulta mariti mortem, Chiovuiam reuertitur. Dein anno mundi 6463 in Graeciam profecta, baptismum sub rege Ioanne Constantinopolitano suscepit: commutatoque nomine Olhae, Helena uocata est: ac magnis post baptismum à rege muneribus [g] acceptis, domum reuertitur. Haec prima inter Rhutenos Christlana fuit, ut Annales eorum testantur, qui eam Soli aequiparant. Sicuti enim sol ipsum mundum illuminat, ita et ipsa Russiam fide Christi illustrasse dicitur. [22] Svuatoslaum autem filium ad baptismum nequaquam perducere potuit. qui cum adoleuisset, strenuus ac promptus statim omnes bellicos labores, periculaque consueta, non detrectauit: in bello nulla impedimenta, [h] ne uasa quidem coquinaria, exercitui suo permisit. carnibus tostis duntaxat utebatur, humi requiescens, sella capiti subiecta. Vicit Bulgaras, ad Danubium usque progressus: inque ciuitate Pereaslavu, sedem [i] suam posuit, ad matrem atque consiliarios suos dicens: Haec enim sedes [j]

---

c) 1563 Б. приб. oder Mät. d) 1563 Б. приб. nach diesem hat sy einen friden mit jnen gemachet. 1550 Ит. приб da poi uenuti a gli acordi. e) 1563 Б. приб. auch hin und wider gesprun gen. f) 1563 Б. Rüstungen. g) 1563 Б. вм. reichlichen—verehret. h) 1563 Б. geschirr oder Hausrath. i) 1557 B. Sitz oder Stuel. 1563 Б. fürstlichen Sitz. j) 1563 Б. fürstlich Sitz. k) 1557 B. приб. Swatoslaw. l) 1563 Б. Neüwmonat. a) 1557 B. приб. Burger oder Invoner. 1550 Ит. приб. un cittadino. b) 1557 B. вм. war im Frawenzimmer der olha oben vermeld. 1563 Б. frawenzimmer. 1550 Ит. al seruitio. c) 1557 B. приб. damit sy auch erindern mochten. 1550 Ит. приб non per altra cagione, ecceto di poter cognoscere etc. d) 1557 B. des volgk's. 1563 Б. gezeüg. и *volk* и *gezeug* употр. часто вм. *exercitus*. e) 1563 Б. knechten. f) 1563 Б. knechten. g) 1557 B. приб. die zwen khünig (Basil et Constant.). h) 1557 B. ritterlich. i) 1563 Б. ritterlichen sterben.

Когда древляне прислали къ ней двадцать пословъ съ предложеніемъ выйти замужъ за ихъ князя, Ольга приказала древлянскихъ пословъ зарыть живыми въ землю; между тѣмъ къ нимъ отправила своихъ пословъ объявить, чтобы они прислали больше сватовъ и болѣе знаменитыхъ, если желаютъ имѣть ее княгинею и госпожею. Вскорѣ послѣ того она сожгла въ банѣ пятьдесятъ другихъ избранныхъ мужей, присланныхъ къ ней, а къ древлянамъ отправила новыхъ пословъ, чтобы они возвѣстили ея прибытіе и велѣли приготовить медовую воду *или медъ* и все необходимое по тогдашнему обычаю для поминокъ по умершимъ мужѣ. Потомъ, пришедши къ древлянамъ, она оплакала мужа, напоила до пьяна древлянъ, и умертвила изъ нихъ 5000. Вскорѣ послѣ того, возвратясь въ Кіевъ, она собрала войско, пошла противъ древлянъ, одержала побѣду и преслѣдовала бѣгущихъ до крѣпости, которую осаждала цѣлый годъ. Потомъ она заключила съ ними мирныя условія и потребовала у нихъ дани, именно съ каждаго дома по три голубя и по три воробья: птицъ, полученныхъ въ дань, она распустила, привязавъ имъ подъ крылья огненные снаряды. Улетѣвшія птицы возвратились къ своимъ старымъ обычнымъ жилищамъ, и, *перелетая съ мѣста на мѣсто*, зажгли крѣпость: бѣглецы изъ загорѣвшейся крѣпости были или убиты, или взяты въ плѣнъ и проданы. Такимъ образомъ, занявъ всѣ древлянскія *укрѣпленія* и, отмстивъ за смерть мужа, она возвратилась въ Кіевъ. Потомъ, въ 6463 году отъ сотворенія міра (955 по Р. X.), отправившись въ Грецію, Ольга приняла крещеніе въ правленіе Іоанна, царя константинопольскаго: перемѣнивъ свое имя, она была названа Еленой, и возвратилась домой, получивъ послѣ крещенія много *богатыхъ* подарковъ отъ царя. Она первая изъ рутеновъ сдѣлалась христіанкой, какъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописи, которыя уподобляютъ ее солнцу, потому что какъ солнце освѣщаетъ весь міръ, такъ она, по ихъ словамъ, озарила Русь вѣрою Христа [22]. Но никакъ не могла она склонить къ крещенію сына своего Святослава. Когда онъ пришелъ въ юношескій возрастъ, — мужественный и отважный, онъ тотчасъ подъялъ (принялъ на себя) всѣ воинскіе труды и соединенныя съ ними опасности: своему войску онъ не позволилъ имѣть на войнѣ никакой *посуды или домашней утвари*, даже котловъ; питался только жаренымъ мясомъ, покоился на землѣ, подкладывая подъ голову сѣдло. Онъ побѣдилъ булгаровъ, дошедши даже до Дуная, и основалъ свое мѣстопребываніе въ городѣ Переяславѣ, говоря матери и своимъ совѣтникамъ: «Вотъ подлинно мой *кня-*

mea, in medio regnorum meorum: ex Graecia ad me adferuntur Panodocki, aurum, argentum, uinum, uarijque fructus: ex Hungaria, argentum et equi: ex Russia, Schora, cera, mel, serui. Cui mater: Iam iam moritura sum, tu me ubicunque uolueris sepelito, itaque póst triduò moritur, atque à nepote ex filio [k] Vuolodimero iam baptisato in numerum sanctorum refertur, diesque undecimus Iulij [l] sacer illi dicitur.

стр. 5. Svuatoslaus, qui post obitum matris regnabat, diuisit prouincias filijs: Ieropolcho Chiovuiam, Olegae Drevulianos, Vuolodimero Novuogardiam magnam. Nam Novuogardenses impulsu cuiusdam mulieris Dobrinae, Vuolodimerum principem impetrarunt. erat enim Novuogardiae ciuis quidam [a] Calufza paruus dictus, qui habuit duas filias, Dobrinam et Maluscham. Maluscha erat in gynaecio [b] Olhae, quam impraegnauerat Svuatoslaus, et ex ea Vuolodimerum susceperat. Svuatoslaus cum filijs prospexisset, pergit iu Bulgariam, Pereaslavu ciuitatem obsidet, capitque: Basilio et Constantino regibus bellum denunciat. at hi legatis missis pacem poscebant [c], et quantum exercitum [d] haberet, cognosceri ab eo propterea cupiebant, quòd tributum daturos se iuxta numerum exercitus [e], sed falso, pollicebantur. mox cognito militum numero, exercitum scripserunt. [g] Pòst cum uterque exercitus conueniset, Rhuteni Graecorum multitudine terrentur: quos cum pauidos uideret Svuatoslaus, inquit: Quia locum non uideo, Rhuteni, qunos tutò capere posset: terram autem Russiae tradere inimicis, nunquam in animum induxi: fortiter [h] contra illos pugnando, aut mortem [i] oppetere, aut gloriam reportare, certum est. Etenim [j] si strenuè pugnando occubuero, nominis immortalitatem: si uerò fugiam, perpetuam inde ignominiam sum relaturus. et cum hostium multitudine circumuentus effugere non liceat, stabo ergo firmiter, caputque meum in prima acie, pro patria, omnibus periculis obijciam. Cui milites: Vbi caput tuum, ibi et nostrum. Mox confirmato milite, in aduersum hostem raptus, magno impetu facto, uictor euadit. Terram dein Graecorum uastantem, reliqui Graeciae principes muneribus oppugnant. aurum autem et panadockmi (ut est in Annalibus) [k] munera cum spreuisset, recusassetque, uestimenta autem et arma Graecis iam denuò sibi missa accepisset: tanta eius uirtute, Graeciae populi permoti, reges suos conuenientes: Et nos, inquiunt, sub eiusmodi rege esse cupimus, qui non aurum, sed arma magis amat.

j) 1557 B. ritterlich. k) 1557 B. *ut c. i. an.*—нѣтъ. 1563 Б. вм. *panadockmi et.:* reiche gaben (so in jhren Chronecken Panadockim genennet). 1550 Ит. вм. et uedendo li popoli che Vulodislauo uittorioso capitano (come é scitto ne gli Annali) Disprazzaua l'oro etc.

жескій столъ въ срединѣ моихъ царствъ: изъ Греціи ко мнѣ привозятъ наволоки (Panadocki), золото, серебро, вино и различные плоды, изъ Венгріи—серебро и лошадей, изъ Руси—шкуры (мѣха), воскъ, медъ и рабовъ». Мать отвѣчала ему: «Уже скоро я умру; такъ ты похорони меня, гдѣ тебѣ угодно». Спустя три дня она умерла, и была причислена къ лику святыхъ внукомъ отъ сына *Святослава*, Владиміромъ, который уже крестился; ей посвященъ 11-й день іюля.

Святославъ, царствовавшій по смерти матери, раздѣлилъ области сыновьямъ: Ярополку — Кіевъ, Олегу—древлянъ, Владиміру—великій Новгородъ, такъ какъ сами новгородцы, побужденные одною женщиною, Добрынею, испрашивали въ князья Владиміра. Въ Новгородѣ былъ одинъ гражданинъ, Калуфча, по прозванью Малый, который имѣлъ двухъ дочерей: Добрыню и Малушу; Малуша была *въ услуженіи* при теремѣ Ольги, и Святославъ прижилъ съ нею Владиміра. Устроивъ своихъ сыновей, Святославъ отправился въ Булгарію, осадилъ городъ Переяславъ и взялъ его. Потомъ онъ объявилъ войну царямъ Василію и Константину. Но они черезъ пословъ просили міра и желали узнать сколько у него войска, обѣщаясь, но ложно, дать дань по числу войска. Какъ скоро узнали они число его воиновъ, то оба царя (Василій и Константинъ) собрали войско. Когда оба войска сошлись, рутены устрашились многочисленности грековъ, и Святославъ, видя ихъ страхъ, сказалъ: «Русскіе, такъ какъ я не вижу мѣста, которое бы могло принять насъ подъ свою защиту, а предать врагамъ землю русскую я никогда не думалъ, то рѣшено, что мы или умремъ *рыцарскою смертью* или вынесемъ славу, *рыцарски* сражаясь противъ непріятелей. Ибо, если я паду, сражаясь мужественно, то пріобрѣту безсмертное имя; если же побѣгу, то вѣчное безчестіе,—и такъ какъ окруженному многочисленными врагами бѣжать нельзя, то я стану крѣпко, и въ первомъ ряду, за отечество подставлю свою голову всѣмъ опасностямъ». Воины отвѣчали ему: «гдѣ твоя голова, тамъ и наши». Какъ только воины ободрились, онъ съ великимъ усиліемъ устремился на стоявшихъ противъ него враговъ, и вышелъ побѣдителемъ. Когда онъ потомъ опустошалъ землю грековъ, то остальные греческіе князья умилостивляли его дарами; когда же онъ съ презрѣніемъ отвергъ золото и *богатые дары, которые въ ихъ лѣтописяхъ названы* Panadockmi (наволоки?), а принялъ одежды и оружіе, предложенныя ему греками во второй разъ: то народы Греціи, восхищенные такою его доблестью, пришли къ своимъ царямъ, говоря: И мы хотимъ быть подъ властью такого царя, который любитъ болѣе — не золото, а оружіе.

Appropinquante Constantinopolim Svuatoslao, Graeci magno se redimentes tributo, eum à finibus Graeciae auertunt. quem tandem anno mundi 6480, Cures princeps Pieczenigorum, ex insidijs interfecit. et ex cranio eius poculum faciens, auro circundato, literis in hanc sententiam signauit: Quaerendo aliena, propria amisit [23]. Mortuo Suatoslao, quidam ex eius primoribus Svuadolt nomine, Chiovuiam ad Ieropolchum profectus, maxmo eum sollicitans opere atque studio, quo Olegam fratrem regno expelleret, quòd filium suum Lutam necasset. Ieropolchus eius persuasione adductus, bellum fratri infert: exercitumque eius, Drevulianos scilicet, profligat. [l] Olega autem fugiens in quoddam castrum, à suis exclusus, impetuque facto, [m] ex quodam ponte detrusus ac deiectus, multis super eum cadentibus, miserè adobruitur. Ieropolchus castro occupato fratrem quaerens, corpus eius inter cadauera repertum, et ad suum conspectum allatum aspiciens: Svuadolte, inquit, ecce hec tu concupiuisti. pòst sepelitur. Interfectum sepultumque Olegam, [n] cum
стр. 6. Vuolodimerus accepieset, relicta Novuogardia, ultra mare ad Vuaregos profugit. [24] Ieropolchus autem Novuogardiae suum locum tenentem [a] imponens, totius Russiae monarcha efficitur. [b] Vuolodimerus Vuaregorum auxilio comparato, reuersus, locum tenentem fratris Novuogardia expulit, fratrique bellum prior denunciat. sciebat enim, ipsum contra se arma sumpturum. Interea temporis mittit ad Rochvuolochdam principem Pescovuiae [d] (nam et ipse ex Vuaregis illuc commigrauerat) et filiam suam Rochmidam uxorem petit. filia autem non Vuolodimero, quòd eum ex illegitimo thoro natum [e] sciebat, sed Ieropolcho fratri, quem breui se pariter expetiturum putabat, nubere uoluit. Vuolodimerus, quòd repulsam passus esset, Rochvuolochdae bellum infert: eumque unà cum duobus filijs occidit. Rochmidam uerò filiam sibi iungit, atque post Chiovuiam contra fratrem progreditur. Ieropolchus cum fratre inire praelium cum non auderet, occlusit se Chiovuiae [f]. Vuolodimerus dum Chiovu [g] oppugnat, occultum mittit nuncium ad Blud [h] quendam Ieropolchi intimum consiliarium: quem patris appellatione dignatus, rationem interficiendi fratrem ex eo petit. intellecta petitione Vuolodimeri, pollicetur Blud semet dominum suum interfecturum, consulens Vuolodimero, castrum [i] ut oppugnet: Ieropol-

l) 1559 Ит. приб. et distrusse. m) 1563 Б. Wie nun ein gross getreng gewesen ist. n) 1563 Б. приб. sein Bruder Olega. a) 1557 B. seinen Stathalter. b) 1550 Ит. приб. in breue spatio di tempo. c) 1557 B. Stathalter. d) 1549 B. Plescovuiae. 1550 Ит. Plescouuia. e) 1550 Ит. essere bastardo. f) 1550 Ит. приб. alla quale Voulodimero pose l'assedio. g) 1563 Б. Chiovu oder Kiaw. h) 1550 Ит. Bluol (также и далѣе). i) 1550 Ит. castello over fortezza.

Когда Святославъ приблизился къ Константинополю, греки откупились отъ него большою данью, и такимъ образомъ удалили его отъ границъ Греціи. Наконецъ въ 6480 году отъ сотворенія міра (972 по Р. Х.) Куресъ, князь печенѣговъ, умертвилъ его изъ засады, и, сдѣлавъ изъ его черепа чашу съ золотою обдѣлкой, вырѣзалъ на ней надпись такого содержанія: «Ища чужаго, онъ потерялъ» [28]. По смерти Святослава, одинъ изъ его вельможъ, по имени Сватольдъ, пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку и съ большимъ стараніемъ побуждалъ его изгнать изъ царства брата Олега за то, что онъ умертвилъ его сына, Люта. Ярополкъ, увлеченный его убѣжденіями, пошелъ войною на брата и разбилъ его войско, т. е. древлянъ. Олегъ же искалъ убѣжища въ одномъ городѣ, но не былъ пущенъ своими же; и такъ какъ въ то время было сдѣлано нападеніе *(была ужасная тѣснота)*, то онъ былъ столкнутъ или сброшенъ съ одного мѣста, и жалостнымъ образомъ погибъ, заваленный многими трупами, падавшими на него. Ярополкъ, занявъ городъ, искалъ брата, и при видѣ его тѣла, найденнаго между трупами и принесеннаго къ нему, сказалъ: «Сватольдъ, вотъ чего ты хотѣлъ!» Послѣ того Олегъ былъ похороненъ. Владиміръ, узнавъ о томъ, что *его братъ* Олегъ убитъ и похороненъ, изъ Новгорода бѣжалъ за море къ варягамъ [24]; а Ярополкъ, поставивъ въ Новгородѣ своего намѣстника, сдѣлался въ короткое время монархомъ всей Руссіи. Снискавъ помощь варяговъ и возвратившись въ отечество, Владиміръ изгналъ изъ Новгорода братняго намѣстника и первый объявилъ войну брату, ибо зналъ, что онъ подниметъ противъ него оружіе. Тѣмъ временемъ онъ послалъ къ Рогвологду, князю псковскому, (который также переселился сюда отъ варяговъ), и просилъ въ супруги его дочь Рогмиду; но дочь желала выйти замужъ не за Владиміра, потому что знала, что онъ незаконнорожденный, но за брата его, Ярополка, который, полагала она, скоро также будетъ просить ее въ супруги. Владиміръ, получивъ отказъ, пошелъ войною на Рогвологда и умертвилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями; съ Рогмидой же, дочерью, вступилъ въ супружество, и потомъ пошелъ на Кіевъ противъ брата. Не смѣя сразиться съ братомъ, Ярополкъ заключился въ Кіевѣ, который и былъ осажденъ Владиміромъ. Во время осады Кіева, Владиміръ послалъ тайнаго гонца къ нѣкоему Блуду, ближайшему совѣтнику Ярополка, и, почтивъ его названіемъ отца, спрашивалъ у него совѣта, какъ извести Ярополка. Обдумавъ просьбу Владиміра, Блудъ обѣщался, что онъ самъ убьетъ своего господина, совѣтуя Владиміру осадить городъ; Ярополка же

chum autem monet, in castro[j] ne maneat, exponens multos ex suis[k] ad Vuolodimerum defecisse. Ieropolchus consiliario suo fidem habens, fugit Roden, ad ostia Iursae, seque ibi aduersus fratris uim tutum fore putat. Vuolodimerus deuicta Chiovuia, Roden exercitum transferens, longa et graui obsidione Ieropolchum premit. Pòst longa inedia exhausti, cum obsidionem tolerare diutius non possent, consulit Blud Ieropolcho, ut pacem cum fratre, se longè potentiore, faciat: Vuolodimero autem interim nihilominus nunciat, se sibi fratrem suum mox traditurum, adelucturumque. Ieropolchus secutus consilium ipsius Blud, fratris se arbitrio atque potestati permittit, conditionem hanc ultro offerens, nempe, quicquid ex gratia sua sibi rerum concessurus esset, in eo sese gratum futurum. Vuolodimero conditio oblata, haudquaquam displicet. Mox Blud monet dominum, ut ad Vuolodimerum iret: quod tamen Vuerasco pariter Ieropolchi consiliarus prorsus dissuadet. sed huius consilium negligens, ad fratrem pergit. ingrediens per portam, à duobus Vuaregis, Vuolodimero interim ex quadam turri[l] despiciente[m], occiditur. quo facto, fratris uxorem natione Graecam stuprauit: quam Ieropolchus pariter, priusquam in uxorem duxisset, monialem impregnauerat[n][25]. Hic Vuolodimerus multa idola Chiovuae instituit. primum idolum, Perum[o] dictum, capite argenteo, caetera lignea erant[p]. alia, Vslad, Corsa, Dasvua, Striba, Simaergla[q], Macosch, uocabantur: quibus immolabat, quae aliàs Cumeri appellabantur[r][26]. Vxores habuit plurimas[s]. ex Rochmida autem suscepit Isoslaum, Ieroslaum, Servuoldum[t], et duas filias. Ex Graeca, Svuctopolchum. Ex Bohema[u], Saslaum[v]: item ex alia Bohema, Svuatoslaum, Stanislaum. Ex Bulgara, Boris et
стр. 7. Chleb. Habebat praeterea in alto castro trecentas concubinas[a]: in Bielgrad[b], similiter trecentas[c]: in Berestovuo[d], Selvui ducentas[27]. Vuolodimerus cum sine impedimento totius Russiae esset monarcha factus, uenerant ad eum ex diuersis locis Oratores, hortantes, ut se eorum sectae adiungeret. Varias autem cum uideret sectas, misit et ipse Oratores sucs, qui perquirerent conditiones et ritus singularum sectarum. tandem cum alijs omnibus fidem Christianam Graeco ritu praetulisset, elegissetque, missis orato-

---

j) 1550 Ит. fortezza. k) 1550 Ит. soldati. 1563 Б. auss seinem volck. l) 1557 В. zu dem fenster m) 1550 Ит. вм. *Vuolod.—despiciente:* et mentre tal fatto scellerato et tristo si facena, Vuolodimero carnefice del proprio fratello, da una certa torre eminente era del tutto crudele et impio spettatore. n) 1550 Ит. приб. era stata uiolata, et fatta grauida. o) 1549 В. Perun. 1550 Ит. peruno p) 1557 В. вм. ain silbrens haubt auff einen hültzen Pottich. 1550 Ит. Simaerga. r) 1550 Ит. *qu. a. C. ap.*—нѣтъ. s) 1557 В. *ux. h. pl.*—нѣтъ. t) 1549 В. и 1550 Ит. вм. *Serv:* Vseuuoldum. u) 1557 В. Behaimin (также и далѣе). v) 1563 Б. *ex Boh. Sasl.*—нѣтъ. a) 1563 Б. Rebsweiber. b) 1550 Ит. Bidgrado (явн. оп.). c) 1563 Б. *in Billgr., simil. trec.*—нѣтъ. d) 1563 Б. Berestoner land.

убѣдилъ не оставаться въ крѣпостцѣ, выставляя на видъ, что многіе изъ его войска перешли къ Владиміру. Повѣривъ своему совѣтнику, Ярополкъ удалился въ Роденъ, къ устьямъ Юрсы, и думалъ, что тамъ онъ будетъ безопасенъ отъ насилія со стороны брата. Покоривъ Кіевъ, Владиміръ передвинулъ войско къ Родню, и долго тѣснилъ Ярополка тяжкою осадою. Потомъ, когда городъ, истощенный голодомъ, не могъ дольше выдерживать осады, Блудъ совѣтывалъ Ярополку заключить миръ съ братомъ, который гораздъ сильнѣе его, и въ то же время извѣстилъ Владиміра, что онъ скоро приведетъ и предастъ ему его брата. Ярополкъ, слѣдуя совѣту Блуда, отдался въ волю и власть брата, предлагая отъ себя, что онъ будетъ благодаренъ Владиміру, если онъ изъ милости уступитъ ему что нибудь изъ владѣній. Предложенное условіе очень понравилось Владиміру. Потомъ Блудъ уговорилъ своего господина, чтобы онъ пошелъ къ Владиміру; Вераско, тоже совѣтникъ Ярополка, ревностно отговаривалъ его отъ этого. Но пренебрегши его совѣтомъ, Ярополкъ отправился къ брату и, входя въ ворота, былъ убитъ двумя варягами, между тѣмъ какъ Владиміръ смотрѣлъ съ одной башни въ окно. Послѣ того Владиміръ изнасиловалъ *и сдѣлалъ беременною* супругу брата, племенемъ гречанку, съ которою и Ярополкъ жилъ до супружества, когда она была еще монахинею [25]. Этотъ Владиміръ поставилъ много идоловъ въ Кіевѣ: первый идолъ, называвшійся Перуномъ, былъ съ серебряной головой, а остальные члены были у него изъ дерева; другіе идолы назывались: Усладъ, Корса, Дасва, Стриба, Симергла, Макошъ; имъ приносилъ онъ жертвы; иначе они называются кумирами [26]. У Владиміра было очень много женъ. Отъ Рогмиды онъ имѣлъ Изяслава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; отъ гречанки—Святополка; отъ богемки—Заслава; потомъ отъ другой богемки—Святослава и Станислава; отъ булгарки—Бориса и Глѣба. Кромѣ того онъ имѣлъ въ Вышгородѣ триста наложницъ, въ Бѣлградѣ—тоже триста, въ Берестовѣ селѣ—двѣсти [27]. Когда Владиміръ безпрепятственно сдѣлался монархомъ всей Руссіи, то пришли къ нему послы изъ разныхъ мѣстъ, убѣждая принять ихъ вѣру. Когда онъ узналъ различныя вѣроисповѣданія, то и самъ отправилъ своихъ пословъ изслѣдовать ученіе и обряды каждой вѣры. Наконецъ, предпочтя всѣмъ другимъ—вѣру христіанскую по греческому закону, онъ отпра-

ribus Constantinopolim ad Basilium et Constantinum reges, Annam sororem, uxorem sibi si darent, se fidem Christi, cum omnibus subditis suis suscepturum: et restituturum illis Corsun, et alia omnia, quae in Graecia possideret, pollicetur. re impetrata, constituitur tempus, eligitur Locus Corsun: quò cum uenissent reges[e], baptisatus est Vuolodimerus. commutatoque nomine Vuolodimeri, Basilio illi nomen imponitur. Nuptijs celebratis, Corsum unà cum alijs, sicuti promiserat, restituit.. Haec acta sunt anno mundi[f] 6469. à quo tempore Russia in fide Christi permansit[28]. Anna moritur XXIII anno post nuptias: Vuolodimerus uerò anno post obitum uxoris quarto decessit[29]. Is ciuitatem intra Vuolham et Occam fluuios sitam condidit[g], quam à suo nomine Vuoladimeriam nominauit, eamque. Rhussiae metropolim[h] constituit[30]. Inter sanctos tanquam Apostolus, solenni die uidelicet 15 Iulij[i], quotannis ueneratur. Mortuo Vuolodimero, dissidentes inter se filij eius, uariè de regno praesumentes, decertabant: adeò ut qui potentior esset, alios se inferiores imbecillioresue opprimeret, regnoque pelleret[j]. Svuatopolchus, qui principatum Chiovuiensem ui occupauerat, constuerat sicarios, qui fratres suos Boris et Chleb conficerent. Interfecti, commutatis nominibus, hic Dauid, ille uerò Romanus uocati, in sanctorum numerum connumerati sunt: quibus etiam XXIIII dies Iulij[k] sacer est constitutus. Fratribus porrò sic dissidentibus, nihil dignum memoria interim ab eis gestum est: nisi proditiones, insidias, simultates, intestinàque bella audire uelles[31]. Vuolodimerus Sevuoldi filius, cognomento Monomach; uniuersam Russiam rursus in monarchiam redegit, relinquens post se insignia[l] quaedam, quibus hodierno die in inaugurandis principibus utuntur[32]. Moritur Vuolodimerus, anno mundi 6633. nec post eum filij eius, neque nepotes quicquam posteritate dignum, usque ad tempora Georgij et Basilij gesserunt: quos Bati rex Tartararum bello uicit, interemitque: Vuolodimeriam, Moscovuiam, atque bonam Russiae partem exussit, et depraedatus est. Ab eo tempore, anno scilicet mundi 6745[m]. usque ad praesen-

---

e) 1557 В. приб. von Constantinopl. f) 1557 В. приб. als man vor anfang der welt geschriben hat. 1563 Б. приб. wie man zalt (какъ часто встрѣчается и далѣе). g) 1550 Ит. приб. auante che fusse battezzato. h) 1557 В. das Haubt und Fürsten Gesäss. i) 1563 Б. Neüwmonat. j) 1557 В. приб. als volodimer von wegen der Anna die Tauff angenumen, im 990 Jar, also auch der Miesco in Poln von wegen Dobrowkha des Boleslai Fürsten in Behaim Tochter in 965. Auch Jagello gross Fürst in Litten, von wegen Hedwigen Künig Ludwigs zu Hungern und Poln Tochter, Der aber uberkam das Kunigreich Poln mit seiner Praut im 1383 Jar. k) 1567 Б. Neüwmonat. l) 1567 Б. kleinoter und gezierden. 1550 Ит. приб. ornamenti et ordini. m) 1563 Б. приб. und nach Christi geburt 1237.

вилъ пословъ въ Константинополь къ царямъ Василію и Константину, и обѣщался принять христіанскую вѣру со всѣми своими подданными и возвратить имъ Корсунъ и все остальное, чѣмъ владѣлъ въ Греціи, если они дадутъ ему въ супруги сестру свою, Анну. По окончаніи переговоровъ, условились во времени и мѣстомъ выбрали Корсунъ; когда прибыли туда цари *константинопольскіе*, Владиміръ крестился и, перемѣнивъ имя, былъ нареченъ Василіемъ. Отпраздновавъ свадьбу, онъ возвратилъ Корсунъ и все остальное, какъ обѣщалъ. Это произошло *по ихъ счисленію* въ 6496 году отъ сотворенія міра (988 по Р. Х.), и съ этого времени Руссія пребываетъ въ Христіанствѣ [28]. Анна умерла черезъ 23 года послѣ свадьбы, Владиміръ же скончался на четвертый годъ послѣ смерти супруги [29]. Онъ *прежде своего крещенія* построилъ городъ, лежащій между рѣками Волгой и Окой, называлъ его по своему имени Владиміромъ и сдѣлалъ его *главнымъ и стольнымъ городомъ* Руссіи [30]. Каждый годъ, въ день 15 Іюля торжественно празднуютъ его память въ числѣ святыхъ, какъ Апостола. По смерти Владиміра, его сыновья ссорились, споря между собою и не соглашаясь въ раздѣленіи царства, такъ что кто былъ сильнѣе, тотъ угнѣталъ слабѣйшихъ и изгонялъ ихъ изъ государствъ. *Какъ Владиміръ ради Анны принялъ крещеніе въ 990 г., такъ и Меско въ Польшѣ ради Добровки, дочери богемскаго князя Болеслава, въ 965 г. Также и Ягелло великій князь Литовскій* (принялъ Христіанство) *ради Гедвиги, дочери Людвига, короля венгерскаго и польскаго; ему досталось и польское королевство за невѣстой въ 1583 году*. Святополкъ, который насильно овладѣлъ княжествомъ Кіевскимъ, расположилъ убійцъ, чтобы умертвить своихъ братьевъ, Бориса и Глѣба. По смерти перемѣнили имъ имена, и одинъ названъ Давидомъ, а другой Романомъ, и оба причислены къ лику святыхъ; имъ посвященъ 24-й день іюля. При такихъ ссорахъ, братья ничего достойнаго памяти не совершили, исключая измѣнъ, казней, вражды и междоусобныхъ войскъ [31]. Владиміръ, сынъ Севолода (Всеволода), по прозванію Мономахъ, соединилъ опять всю Руссію въ монархію; онъ оставилъ послѣ себя нѣкоторыя украшенія (регаліи), которыя употребляются въ настоящее время при коронованіи князей [32].

Владиміръ умеръ въ 6633 году отъ сотворенія міра (1125 по Р. Х.), и послѣ него его сыновья и внуки не совершили ничего достойнаго памяти потомства до самыхъ временъ Георгія и Василія: Батый, царь Татаръ, побѣдилъ и умертвилъ ихъ, выжегъ и разграбилъ Владиміръ, Москву и большую часть Руссіи. Съ этого времени, т. е. съ 6745 года отъ сотворенія міра (1237 по Р. Х.) до нынѣшняго князя Василія, *у котораго я былъ посломъ*,

tem Basilium[n] omnes ferè[o] Russiae principes Tartarorum non solum tributarij[p] erant, uerum etiam Tartarorum arbitrio Rhutenis ambientibus singuli principatus deferebantur. Lites denique int r illos de successione principatuum, aut haereditatum gratia exortas, licet[q] Tartari discernentes, cognoscentaeque decidebant[r], nihilominus tamen bella saçpe inter Rhutenos et Tartaros criebantur: inter fratres autem varij tumultus, expulsiones et permutationes regnorum et ducatum erant[s 33]. Nam dux[t] Andreas Alexandri, impetrarat magnum ducatum: quem cum ccupasset Demetrius, frater Andreas impetrato Tartarorum exercitu, illum expulit, multàque nepharia per Russiam perpetrauit[a 34]. 1tcm dux Demetrius Michaelis, interfecit apud Tartaros ducem Georgium Danielis[b] Asbeck Tartarorum rex, arrepto Demetrio, capitali eum poena affecit.[c 35] — Contentio erat de magno ducatu[d] Tvuerensi, quem dux Simeon Ioannis[e] cum à Tartarorum rege Zanabeck peteret, annuum ab eo tributum poscebat: quodne, penderet primores largitione corrupti, pro eo intercedentes effecerant[36] Deinde anno 6886, magnus dux Demetrius uicit bello magnum Tartarorum regem, nomine Mamaij.[f] Item tertio anno pòst, eundem iam denuò usqul-adeò fudit, ut plus quàm tredecim mil ibus passuum terra cadaueribus obruta esset.[37] Anno post eundem conflictum secundo, superueniens Tachctamisch[g] rex Tartarorum, Demetrium profligauit, Moscovuiam[h] obsedit et occupauit. interempti ad sepeliendum octoginta uno rublo redimedantur: summa computata 3000. rublorum fuit[38 i]. Magnus dux Basilius, qui praesidebat anno 6907, Bulgariam, quae ad Vuolhiam sita est, occupauit, Tartarosque eìeicit. Is Bassilus Demetrij reliquit unicum fiium Basilium: quem, cum non diligeret, quòd Anastasiam uxorem, ex qua illum susceperat, adulterij suspectam haberet, magnum ducatum Moscovuiae non filio moriens, sed Georgio fratri suo reliquit.—Cum autem plerique Boiaronum[k] filio eius, tanquam legitimo haeredi atque successori, adhaererent: animadvertens hoc Georgius, ad Tartaros properat: supplicat regi, ut Basilium accersat, atque utri iure ducatus debeatur, decernat. Rex impulsu cuiusdam, consiliarij sui,

---

bey dem ich in Potschafft ge west. o) 1557 B. u 1550 Ит. ferè—
n) 1557 B. Basilium, bey dem ich in Potschafft ge west. q) 1549 B. licet нѣтъ. r) 1557 B. вм. auhh die
нѣтъ. p) 1557 B. приб. oder zinsspar. q) 1549 B. licet нѣтъ. r) 1557 B. вм. auhh die
Fürsten der Reissen nach der Tattern gefallen, gesetzt und die zwiespatigen, es sey
Erbschafft oder andern Sachen halben, mit derselben Vrtayllen worden. s) 1549 B. erant—
нѣтъ. t) 1557 B. Hertzog. a) 1557 B. *multaquae-perpetravit* —нѣтъ. b)1550 Ит. Demi-
alla. c) 1557 B. вм. und nam jm sein leben. 1563 Б. вм. und von dem leben zu dem tod
gerichtet. d) 1557 B. Fürstenthumb- e) 1550 Ит. приб. il quol ducato dapoi dal Duca Sim.
Giov. Aranabeck Re delli Tartari riechiesto, esso Re l'ucisse etc. 1557 B. Ionnis-нѣтъ.
f) 1550 Ит. Marnai (опеч.). g) 1563 Б. Tachamisch (опеч.). h) 1563 Б. приб. die statt
Moscauw. i) 1563 Б. приб. also dass der erchlagenen zaal zweymalen hundert und
viertzig tausent gewesen. j) 1550 Ит. Anastas.—нѣтъ. k) 1557 B. die underthonen.
1365 Б. mertheil Boiaronen von der ritterschafft.

почти всѣ князья Руссіи не только были данниками татаръ, но и отдѣльныя княжества давались по волѣ татаръ тѣмъ изъ русскихъ, которые у нихъ домогались этого. Хотя татары разбирали и рѣшали споры, возникавшіе между ними о преемствѣ власти въ княжествахъ или о наслѣдствахъ *или по другимъ дѣламъ*, тѣмъ не менѣе однакожъ войны между русскими и татарами происходили часто; а между братьями были волненія, изгнанія и мѣны царствъ и княжествъ [33]. Такъ князь Андрей Александровичъ домогался великаго княжества; когда имъ овладѣлъ Димитрій, братъ Андрей съ помощью татарскаго войска изгналъ его и совершилъ много постыдныхъ дѣлъ въ Руссіи [34]. Также князь Димитрій Михайловичъ убилъ у татаръ князя Георгія Даніиловича. Узбекъ, царь татаръ, захватилъ Димитрія, казнилъ его смертью [35]. Былъ (также) споръ о великомъ княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чанибека, царя татарскаго, то Чанибекъ требовалъ отъ него годовой дани: вельможи, подкупленные богатыми подарками Симеона, вступились за него и отдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани [36]. Потомъ въ 6886 году (1378 по Р. X.) великій князь Димитрій побѣдилъ Мамая, великаго царя татаръ. На третій годъ послѣ того Димитрій снова разбилъ его, такъ что земля была покрыта трупами болѣе, чѣмъ на 13.000 шаговъ [37]. На второй годъ послѣ этого сраженія неожиданно сдѣлалъ нашествіе царь татарскій Тохтамышъ, поразилъ Димитрія, осадилъ и взялъ *городъ* Москву. Убитыхъ выкупали для погребенія—восемдесятъ человѣкъ за одинъ рубль: вся сумма выкупа, по счету, оказалась въ три тысячи рублей, *такъ что число убитыхъ было двѣсти сорокъ тысячъ* [38]. Великій князь Василій, правившій въ 6907 году (1399 п. Р. X.), овладѣлъ Булгаріей, которая лежитъ по Волгѣ, и изгналъ (изъ нея) татаръ. Этотъ Василій Димитріевичъ оставилъ единственнаго сына Василія; такъ какъ онъ не любилъ его, потому что подозрѣвалъ въ прелюбодѣйствѣ супругу свою, Анастасію, отъ которой родился у него Василій, то умирая оставилъ великое княжество московское не сыну, а своему брату, Георгію. Когда же большая часть бояръ *(подданныхъ, бояръ изъ рыцарскаго сословія)* приняли старину сына Василія, какъ законнаго наслѣдника и преемника: то Георгій, увидѣлъ это, поспѣшилъ къ татарамъ и умолялъ царя, чтобы онъ призвалъ Василія и рѣшилъ, кому изъ нихъ должно принадлежать княжество по праву. Когда царь, подъ вліяніемъ одного изъ своихъ совѣтниковъ,

qui partes Georgij fouebat, [l] praesente Basilio, cum sententiam pro Georgio diceret: prouolutus ad genua regis Basilius, orat, fas ut sit sibi loqueni. [m] Mox annuente rege, inquit: Quanquam tu sententiam super literis mortuis tulisti, spero meas tamen, quas mihi sigillo aureo communitas dedisti, quòd uelles me magno ducatu inuestire, adhuc uiuas, longè maioris efficaciae atque authoritatis esse [n]. rogatque regem, ut uerborum suorum esset memor, promissisque stare dignetur. Ad haec rex, iustius esse respondit, uiuarum literarum promissa seruare, quàm mortuarum rationem habere. Tandem Basilium dimittit, ducatùque inuestiuit. Molestè id ferens Georgius, exercitu congregato, Basilium expulit: quod Basilius susque deque tulit: sèque in principatum Vglistz, sibi à patre relictum, recepit. Georgius magno ducatu, quoad uixit, quietè potitus est, quem testamento nepoti suo Basilio legauit[39]: quod Andreas et Demetrius, filij Georgij, ceu priuati haereditate, grauiter tulerunt. atque ideò Moscovuiam obsederunt. Basilius, qui monasterium sancti Sergij ingressus erat, cum haec audiret, illico exploratores constituit: praesidijsque dispositis cauit, ne ex improuiso opprimeretur. Quod cum auimaduerterent duo illi fratres, inito consilio, certos currus armato milite complent, ac ueluti mercibus onustos eò mittunt. qui hinc inde ducti, [o] demum sub noctem iuxta uigilias consistere. стр. 9. Qua occasione adiutus miles, intempesta nocte subitò se curribus expediens, excubitores nihil periculi suspicantes inuadit, capitque [a]. Capitem et Basilius in monasterio, atque excaecatus ad Uglistz unà cum coniuge mittitur [40]. Pòst Demetrius, ubi infestam sibi communitatem nobilium, [b] eamque ad Basilium caecum deficere uidet, mox Nuvuogardiam ptofugit, relinquens filium Ioannem: ex quo postea natus est Basilius Semeczitz qui etiam me tum in Moscovuia existente, in uinculis detinebatur, de quo infrà plura. Demetrius autem dictus fuit cognomento Semecka, unde omnes ab eo descendentes Semeczitzi [d] cognominantur [41 e]. Tandem Basilius caecus, Basilij filius, quietè magno ducatu potitus est. Pèst Vuolodimerum Monomach, usque ad hunc Basilium, Russia carebat monarchis [f]. Filius autem huius Basilij, Ioan-

---

l) 1557 B. qui par. G. fovebant—нѣтъ. m) 1557 B. вм. jme sein notturfft furzubringen zu vergonnen. n) 1557 B. вм. und dabey handheben dieselben Brieff sein noch lebendig und krefftiger weder die todten. o) 1 49 B. 1551 Б. вм. qui h. inde ducti: ibique cum hinc inde ducerentur и черезъ нѣсколько строкъ далѣе: iuxtaque vigilias noctu constitissent. a) 1549 B. вм. *Qua-capitque:* intempesta nocte curribus sese expromentes, milites vigilias nihil periculi suspicantes invadunt, copiuutque. 1557 B. Этого мѣста нѣтъ. b) 1557 B. die Underthonen und gemain des Adels. 1563 B. der adel und gemein ritterschafft. c) 1549 B. Schemecka. 1563 B. Semecka. d) 1549 B. Schemecziczi. e) 1557 B. *unde-cognominantur*—нѣтъ. f) 1557 B. öbrern и приб. sunder ainsichtig Fürsten, darüber die Tartern oberer waren.

благопріятствовавшаго сторонѣ Георгія, въ присутствіи Василія произнесъ свое мнѣніе въ пользу Георгія,—Василій, павъ къ ногамъ царя, просилъ, чтобы ему было позволено *высказать свою просьбу*. Когда царь изъявилъ согласіе, онъ сказалъ: «Хотя ты сдѣлалъ приговоръ на основаніи грамоты умершаго человѣка, однако я надѣюсь, что гораздо дѣйствительнѣе и важнѣе моя грамота, скрѣпленная золотою печатью, которую ты, живой человѣкъ, далъ мнѣ въ удостовѣреніе того, что хочешь облечь меня великокняжескимъ достоинствомъ». Затѣмъ онъ просилъ царя, чтобы онъ помнилъ свои слова и удостоилъ сдержать свои обѣщанія. Царь отвѣчалъ на это, что справедливѣе соблюсти то, что̀ обѣщано въ грамотѣ живаго человѣка, чѣмъ принимать въ разсужденіе грамоту умершаго (завѣщаніе). Наконецъ онъ отпустилъ Василія и облекъ его великокняжескимъ достоинствомъ. Съ огорченіемъ принялъ это Георгій и, собравъ войско, изгналъ Василія. Василій перенесъ это коекакъ и удалился въ княжество Угличь, оставленное ему отцемъ. Георгій до конца жизни спокойно владѣлъ великимъ княжествомъ, и завѣщаніемъ отказалъ его своему племяннику, Василію [39]. Андрей и Димитрій, сыновья Георгія, какъ лишенные наслѣдства, съ досадой смотрѣли на это и потому осадили Москву. Пришедъ въ монастырь св. Сергія и услышавъ объ этомъ, Василій немедленно поставилъ стражей, размѣстилъ гарнизонъ и остерегался, чтобы не напали на него внезапно. Примѣтивъ это и посовѣтовавшись между собою, Андрей и Димитрій наполнили нѣсколько повозокъ вооруженными воинами и послали ихъ къ монастырю подъ видимъ купеческаго обоза. Доѣхавъ туда, повозки остановились подъ ночь вблизи стражи. Вспомоществуемые этимъ обстоятельствомъ, воины въ глубокую ночь внезапно выскочили изъ телѣгъ, напали на караульныхъ, не подозрѣвавшихъ никакой опасности, и схватили ихъ. Въ монастырѣ взятъ былъ и Василій, ослѣпленъ и отосланъ въ Угличь вмѣстѣ съ своею супругою [40]. Вскорѣ потомъ Димитрій, увидѣвъ, *что подданные и простые дворяне* ему непріязненны, и что они переходятъ на сторону слѣпаго Василія, бѣжалъ въ Новгородъ, оставивъ сына Іоанна, отъ котораго потомъ родился Василій Шемячичъ, въ бытность мою въ Москвѣ содержавшійся въ оковахъ; болѣе скажу о немъ ниже. Димитрій былъ прозваніемъ Шемяка, отчего всѣ его потомки называются Шемячичами [41]. Наконецъ Василій Васильевичъ Темный спокойно овладѣлъ великимъ княжествомъ. Послѣ Владиміра Монамаха до этого Василія, въ Россіи не было монарховъ, *но были отдѣльные князья, надъ которыми владычествовали татары*. Сынъ же

nes nomine, felicissimus fuit. nam simul ubi Mariam, sororem magni ducis Michaelis Tvuerensis [g], uxorem duxisset, sororium expulit, et occupauit magnum ducatum Tvuerensem, deinde etiam Novuogardiam magnam: cui postea omnes alij principes, magnitudine rerum à se gestarum commoti, seu timore perculsi, seruiebant. Rebus deinde feliciter pro cedentibus, titulum magni ducis Vuolodimeriae, Moscovuiae et Novuogardiae [h] sibi usurpare, monarcham denique se totius Russiae appellare coepit. [42] Hic Ioannes suscepit ex Maria filium Ioannem nomine, cui in consortem iunxerat filiam Stephani illius magni Vuaiuodae [i] Moldauiae: qui Stephanus Mahumetem Thurcarum, Matthiam Hungariae, et Ioannem Albertum Poloniae, reges prostrauerat. Mortua priore coniuge Maria, Ioannes Basilij alteram uxorem duxit, Sophiam [43], filiam Thomae, latè quondam in Peloponneso regnantis: filij inquam Emanuelis, regis Constantinopolitani, ex Palaeologorum genere: ex qua suscepit quinque filios, Gabrielem, Demetrium, Georgium, Simeonem, et Andream: eisque uiuens adhuc patrimonium diuisit. Ioanni primogenito [j] monarchatum [k] reseruauit, Gabrieli Novuogardiam magnam consignauit, caeteris alia iuxta arbitrium suum attribuit. Primogenitus Ioannes moritur, relicto filio Demetrio: quem auus in patris mortui locum, iuxta consuetudinem monarchatu inuestiuerat. Aiunt Sophiam hanc fuisse astutissimam, cuius impulsu dux multa fecit. Inter caetera induxisse maritum perhibetur, ut Demetrium nepotem monarchatu moueret, inque eius locum praeficeret Gabrielem. Persuasus namque dux ab uxore, Demetrium in uincula conijcit, detinetque. tandem moriens, [l] eidem ad se adduci iusso: [m] Chare, inquit, nepos, peccaui in Deum et te, quòd carceribus mancipatum te afflixi, teque iusta haereditate spoliaui. iniuriam igitur à me tibi illatam, obsecro mihi remitte: liber abi, iurèque tuo utere. Demetrius hac oratione permotus, noxam auo facilè condonat. Egressus autem, Gabrielis patrui iussu comprehenditur, inque carceres conijcitur. Alij fame illum ac frigore, pars fumo suffocatum putant. [44] Gabriel, uiuente Demetrio, gubernatorem se gessit: eo uerò mortuo, principatum tenuit, non inauguratus, Gabrielis duntaxat in Basilij nomine commutato. Erat

---

g) 1557 B. zu Twer oder Otwér. h) 1557 B. *mag. duc. v., M. etNov.*—нѣтъ i) 1557 B. Weyda. j) 1557 B. и 1550 Ит. приб. dem von der ersten frauen (della prima moglie). k) 1557 B. das Grossfürstenthumb и приб. und nach ordnung bey seinem leben eingesetzt. l) 1557 B. приб. So aber der Grossfürst Hans an seinem letzten gelegen, und die Geistliche jne der gwissen vermant. m) 1549 B. вм. *eidem ad se ad. iusso:*—eundem ad se adduci iubet.

этого Василія, Іоаннъ, былъ весьма счастливъ, потому что вскорѣ послѣ своего брака съ Маріею, сестрою Михаила *великаго князя* тверскаго, онъ изгналъ зятя и овладѣлъ великимъ княжествомъ Тверскимъ; потомъ завоевалъ также великій Новгородъ. Послѣ того всѣ другіе князья стали служить ему, пораженные величіемъ его дѣяній или изъ страха. Потомъ при постоянно счастливомъ ходѣ дѣлъ, онъ началъ употреблять титулъ великаго князя владимірскаго, московскаго и новгородскаго и наконецъ сталъ называться монархомъ (единодержцемъ) всей Руссіи. [42] Этотъ Іоаннъ имѣлъ отъ Маріи сына, по имени Іоанна, которому избралъ въ супруги дочь Стефана Великаго, того малдавскаго воеводы, который побѣдилъ Магомета, султана турецкаго, Матвѣя, короля венгерскаго, и Іоанна Альберта, короля польскаго. По смерти первой своей супруги, Маріи, Іоаннъ Васильевичъ вступилъ въ другой бракъ съ Софіею[43], дочерью Ѳомы, нѣкогда имѣвшаго обширныя владѣнія въ Пелопонезѣ: я говорю о сынѣ Емануила, царя константинопольскаго, изъ рода Палеологовъ. Отъ нея онъ имѣлъ пять сыновей: Гавріила, Димитрія, Георгія, Симеона и Андрея, и имъ раздѣлилъ наслѣдство еще при своей жизни: Іоанну старшему *отъ первой жены* онъ оставилъ *великокняжество и утвердилъ его при жизни по закону*, Гавріилу назначилъ великій Новгородъ, остальнымъ далъ другія владѣнія по своему желанію. Первенецъ его, Іоаннъ, умеръ, оставивъ сына Димитрія, которому дѣдъ предоставилъ монархію, по обычаю, вмѣсто его умершаго отца. Говорятъ, что эта Софія была весьма хитра и подъ вліяніемъ ея князь много дѣлалъ. Между прочимъ утверждаютъ, что она побудила мужа лишить внука Димитрія монархіи и назначить на его мѣсто Гавріила. Князь, убѣжденный супругою, велѣлъ бросить Димитрія въ оковы, и долго держалъ его въ нихъ. Наконецъ, *когда великій князь Іоаннъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи и духовные усовѣщевали его*, онъ приказалъ привесть его къ себѣ и сказалъ ему: «Милый внукъ, я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, заключивъ тебя въ темницу и лишивъ тебя законнаго наслѣдства; заклинаю тебя прости мнѣ обиду; будь свободенъ, иди и пользуйся своимъ правомъ». Димитрій, растроганный этой рѣчью, охотно простилъ вину дѣда. Но когда онъ выходилъ, его схватили по приказанію дяди Гавріила и бросили въ темницу. Одни полагаютъ, что онъ погибъ отъ голоду и холоду, другіе—что онъ задушенъ дымомъ [44]. Гавріилъ при жизни Димитрія выдавалъ себя только за правителя государства, по смерти же его принялъ княжеское достоинство, хотя и не былъ коронованъ, а только перемѣнилъ имя Гавріила на имя Василія.

стр. 10. Ioanni magno duci ex Sophia, filia Helena,[a] quam collocauit Alexandro magno duci Lithuaniae, qui postea rex Poloniae declaratus est. Sperabant Lithuani iam grauissimas utriusque principis discordias eo matrimonio sopitas fore: at longè grauiores inde exortae sunt. In sponsalibus namque conclusum erat, ut templum Rhutenico ritu[b] in castro Vuilnensi,[c] destinato loco exaedificaretur, eique certae matronae ac uirgines eiusdem ritus fungerentur. quae cum aliquanto tempore fieri negligerentur, sumit socer causam belli contra Alexandrum: et triplici exercito instructo, contra cum progreditur. primum uersus prouinciam Sevueram in meridiem, secundum uerò in Occidentem contra Toropecz et Biela[d] instituit, tertium in medio uersus Drogobusch et Smolenczko[e] collocat. ab ijs exercitum[f] in subsidijs retinet, quò ei maximè, contra quem Lithvuanos pugnaturos animaduerteret, succurrere posset. Postquam[g] autem ad fluuium quendam Vuedrasch[45] uterque exercitus uenisset, Lithuani duce Constantino Ostroskij[h] maxima procerum et nobilium frequentia septo,[i] ex quibusdam captiuis numerum hostem ac ducum quoque cum cognouissent, magnam spem profligandi hostem concipiunt. Porrò cum fluuiolus conflictum impediret, ab utrisq ue transitus seu uadum quaeritur.[j] Primi autem Mosci aliquot, superata ripa, Lithuanos ad pugnam lacessunt: atque illi haud timidi resistunt, eosque insequuntur, fugant, ultraque fluuiolum pellunt. mox utrinque acies committuntur, praeliumque atrox oritur.[k] Interea dum utrinque eodem ardore animorum acriter certarent, exercitus in insidijs collocatus, quem paucissimi Rhuteni ad futurum sciebant, ex latere in medios hostes inducitur. Lithuani metu perculsi, dilabuntur:[l] imperator exercitus unà cum plerisque nobilibus[m] capitur: reliqui perterriti, castra hosti concedunt:[n] se et arces, Drogobusch, Toropecz, et Biela pariter dedunt. Exercitus uerò qui merdiiem uersus processerat, cui praeerat dux Machmethemin Tartarus rex Casani,[o] fortè Brensko ciuitatis praefectum,[p] quem uernacula lingua Vuaivuodam uocant, comprehendit, Brenskoque ciuitate potitur. Duo pòst germani fratres, Basilij patrueles,[q] alter de Staradub,[r] alter uerò Semeczitz dicti, bonam

---

a) 1557 B. просто sein Tochter. b) 1557 B. прибавлено unnd gebrauch der Fürsten. c) 1557 B. im Schloss zu der Wild. d) 1557 B. *et Bella*—нѣтъ. e) 1563 Б. Smolenchen (такъ часто и далѣе). f) 1563 Б. den vierdten hauffen. g) 1557 B. прибавлено das Fittisch heer sich für Smolensco, und fort auch für Drohobusch geruckt. h) 1557 B. прибавлено ain Reiss. i) 1557 B. *maxima—septo*—нѣтъ. j) 1557 B. *ad utrisque-quaer.*—нѣтъ. k) 1557 B. вм. *atque—oritur:* und triben also ainer den andern hin und wider herüber l) 1557 B. вм. *Interea-dilabuntur:* So nun die Littu sich gar uber den Pach geben hetten, rugkht der harffen aus der Hallt und khumbt den Littn an ainer Seiten zue, des die Littn erschracken und flogen. m) 1557 B. guete Leut. n) 1557 B. *reliqui-concedunt*—нѣтъ. o) 1557 B. прибавлено von Casan abergetaufft. p) 1563 Б. den landvogt. q) 1557 B. Bas. patruel.—нѣтъ. r) 1563 Б. Starodeli.

У великаго князя Іоанна отъ Софіи была дочь Елена, которую онъ выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго, избраннаго потомъ королемъ польскимъ. Литовцы уже надѣялись, что важныя несогласія обоихъ князей будутъ прекращены этимъ бракомъ; а произошли отъ него гораздо важнѣйшія. Ибо въ брачномъ договорѣ было положено выстроить храмъ по русскому закону *и обычаю князей* въ городѣ Вильно на назначенномъ для того мѣстѣ, и причислить къ нему боярынь и дѣвицъ русскаго вѣроисповѣданія, сопровождавшихъ Елену. Когда нѣсколько времени пренебрегали исполненіемъ этого условія, тесть воспользовался этимъ, какъ поводомъ войны противъ Александра, и, устроивъ три арміи, выступилъ противъ него: первую онъ послалъ на югъ, въ область северскую, другую на западъ, противъ Торопца и Бѣлы, третью поставилъ посрединѣ, по направленію къ Дорогобужу и Смоленску; изъ нихъ онъ удержалъ въ резервѣ еще войско (*четвертый отрядъ*) для того, чтобы послать его на помощь той арміи, противъ которой будутъ сражаться литовцы. Послѣ того, *какъ литовцы двинулись къ Смоленску и далье въ Дорогобужу*, когда оба непріятельскія войска сошлись у рѣки Ведроши [43], литовцы, бывшіе подъ предводительствомъ *нькоего русскаго* Константина Острожскаго, окруженнаго большимъ множествомъ вельможъ и знати, возъимѣли большую надежду поразить враговъ, когда узнали отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ число непріятелей и ихъ вождей. Потомъ, такъ какъ рѣчка препятствовала схваткѣ, съ обѣихъ сторонъ стали искать переправы или брода. Однакожъ нѣсколько московитовъ, взобравшись на противуположный берегъ, первые вызвали литовцевъ на бой; но они безстрашно отразили ихъ, преслѣдовали, обратили въ бѣгство и прогнали за рѣчку. Вскорѣ сошлись оба войска, и началось ужасное сраженіе, *въ которомъ они гнались другъ за другомъ*. Между тѣмъ, какъ съ обѣихъ сторонъ сражались съ одинаковою храбростью, войско, помѣщенное въ засадѣ, о прибытіи котораго знали весьма немногіе изъ русскихъ, съ боку врѣзалось въ средину враговъ; литовцы пораженные страхомъ, побѣжали; предводитель войска вмѣстѣ со многими вельможами былъ взятъ въ плѣнъ; остальные отъ страха оставили непріятелю лагерь, сдались сами и также отдали крѣпости Дорогобужъ, Торопецъ и Бѣлевъ. Войско же, которое пошло на югъ, и надъ которымъ предводительствовалъ Михметъ-Аминь, татарскій царь Казани, случайно захватило правителя (на ихъ языкѣ воеводу) города Брянска, и овладѣло Брянскомъ. Послѣ того два родныхъ брата, двоюродные братья Василія, одинъ—Стародубскій, другой—

partem prouinciae Sevuerae possidentes, alioqui Lithvuaniae ducibus obedientes,[s] imperio Mosci se tradunt. Sic unico conflictu, et eodem anno adeptus erat Moscus, quae Vnitoldus magnus dux Lithvuaniae multis annis, maximisque laboribus obtinuerat.[46] Porrò cum hisce captiuis Lithvuanis, Moscus crudelius egit[47], grauissimis cathenis uinctos detinuit: egitque cum Constantino duce, ut relicto domino naturali, sibi seruiret. qui cum aliam spem elabendi non haberet, conditionem accepit, obstrictusque grauissimo iuramento, liberatus est. Huic porro quamuis pracdia possesionesque pro status sui conditione attributae essent, ijs tamen placari ac detineri adeò non poterat, ut ad primam occasionem, per inuias syluas redierit. Alexander rex Poloniae, magnus dux Lithvuaniae, qui perpetuò magis pace quàm bello gaudebat, relictis omnibus prouincijs et castris à Mosco occupatis, libaratione suorum contentus[t], pacem cum socero fecit. Is Ioannes Basilij adeò fortunatus
Стр. 11. erat, ut praelio Novuogardenses, ad fluuium Scholona[48] superarit. uictos adegit, certis conditionibus propositis, se ut dominum et principem agnoscerent: magnam eis pecuniam imperauit: unde etiam constituens prius ibi Iocum tenentem suum, abijt[b]. quò, exactis tandem septem annis, reuersus, ciuitatem ingreditur auxilio archiepiscopi Theophili: incolas ad miserrimam seruitutem[c] redegit: arrepto argento et auro: ablatis denique omnibus ciuium bonis, inde ultra trecenta plaustra[d] bene onusta abuexit[49]. Ipse semel duntaxat bello interfuit; cum principatus Novuogardiae et Tvuerensis occupabantur. aliàs praelio nunquam adesse solebat, et tamen uictoriam semper reportabat[e] : adeò, ut magnus ille Stephanus Moldavuiae palatinus[50] crebro in conuiuijs eius mentionem faciens[f], diceret: Illum domi sedendo et dormitando[g] imperium suum augere, se uerò pugnando quotidie uix limites defendere posse. Ille etiam reges Casani ex uoluntate sua constituit, aliquando captiuos reduxit, à quibus tamen postremò senex maxima strage profligatus est[51]. Ille idem primus castrum Moscovuiae, suamque sedem[h], ut hodie cernitur, muro[i] communiuit[52]. Mulieribus porrò usque adeò infensus erat, ut eius conspectu, si quae fortè obuiam

---

s) 1557 B. *alioqui-obedientes*—нѣтъ. t) 1557 B. relictis-contentus—нѣтъ. a) 1563 Б. прнб. Schatzung. b) 1557 B. *unde-abijt*—нѣтъ. c) 1557 B. прнб. ewige. d) 1557 B. прнб, seindt wol khlaine wägen, mit zwayen Phärdtn gar gering. e) 1557 B. прнб. und sein Gebiet erweittert. f)1557 B. вм. *magnus-faciens:* Also das Steffan Weydain der Molda offt gesagt. g) 1557 B. *et dorm.*—нѣтъ. h) 1557 B. Stuel oder Gesäss. 1563 Б. fürstlichen Sitz.

Шемячичъ, владѣвшіе доброю частью области северской и прежде подвластные князьямъ литовскимъ, передались подъ власть московскаго князя. Такъ однимъ сраженіемъ и въ одинъ годъ московскій князь пріобрѣлъ то, чѣмъ завладѣлъ Витолдъ, великій князь литовскій, въ продолженіи многихъ лѣтъ и съ величайшимъ трудомъ [46]. Съ этими литовскими плѣнниками московскій князь поступилъ весьма жестоко [47], держалъ ихъ въ самыхъ тяжелыхъ оковахъ и уговаривалъ князя Константина поступить къ нему въ службу, оставивъ природнаго государя. Не имѣя надежды уйти другимъ способомъ, Константинъ принялъ условіе и былъ освобожденъ, обязавшись величайшею клятвой. Хотя ему назначены были помѣстья и владѣнія сообразно его положенію въ обществѣ, но онѣ не могли его привлечь и удержать, такъ что при первомъ случаѣ черезъ непроходимые лѣса онъ возвратился въ отечество. Александръ, король польскій и великій князь литовскій, постоянно желалъ мира болѣе чѣмъ войны, отказался отъ всѣхъ областей и городовъ, занятыхъ московскимъ княземъ, и заключилъ съ тестемъ миръ, довольствуясь освобожденіемъ своихъ плѣнныхъ. Этотъ Іоаннъ Васильевичъ былъ такъ счастливъ, что побѣдилъ новгородцевъ въ битвѣ у рѣки Шелони [48]; онъ принудилъ побѣжденныхъ принять нѣкоторыя условія и признать его своимъ господиномъ и княземъ, взялъ съ нихъ большія деньги *и сокровища*, и потомъ удалился, поставивъ тамъ своего намѣстника. По истеченіи семи лѣтъ, онъ снова воротился туда, вошелъ въ городъ при помощи архіепископа Ѳеофила, обратилъ жителей въ самое жалкое *вѣчное* рабство, отнялъ серебро и золото, наконецъ и всѣ имущества гражданъ и увезъ оттуда болѣе трехсотъ хорошо нагруженныхъ *маленькихъ* телѣгъ, *запряженныхъ двумя лошадьми* [49]. Самъ онъ присутствовалъ на войнѣ только однажды, когда были завоеваны княжества новгородское и тверское; въ другое время онъ обыкновенно никогда самъ не присутствовалъ въ сраженіи и однакожъ всегда одерживалъ побѣду *и распространялъ свои владѣнія*, такъ что великій Стефанъ, *воевода* Молдавіи [50], часто вспоминая о немъ на пиршествахъ, говаривалъ: «Іоаннъ, сидя дома и покоясь, увеличиваетъ свое царство, а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить границы». Онъ также ставилъ по своей волѣ царей казанскихъ, иногда отводилъ ихъ плѣнными, но напослѣдокъ (самъ) потерпѣлъ отъ нихъ большое пораженіе въ своей старости [51]. Онъ первый обвелъ стѣною *городъ Москву и свое жилище*, какъ это можно видѣть и нынѣ [52]. Женщинамъ онъ былъ до того страшенъ, что если какая нибудь случайно показалась ему на встрѣчу, то отъ его

sibi uenissent, tantum non exanimarentur. Pauperibns à potentioribus oppressis, iniuriàque affectis, aditus ad eum non patebat. in prandio plerunque adeò se potu ingurgitabat, ut somno opprimeretur. inuitatis interim omnibus timore perculsis silentibusque: experrectus, oculos tergere, ac tum primùm iocari, et hilarem se conuiuis exhibere solebat[53]. Caeterum etsi potentissimus erat, Tartaris tamen obedire cogebatur. Aduenientibus namque Tartarorum Oratoribus, extra ciuitatem obuiam procedebat, eosque sedentes stans audiebat. quam rem uxor eius Graeca tam grauiter tulit, ut quotidie diceret, sese Tartarorum seruo nupsisse: atque ideo hauc seruilem consuetudinem, ut aliqnando abijceret, marito persuasit, ut aegritudinem Tartaris aduenientibus simularet. Erat in castro Moscovuiae domus, in qua habitabant Tartari, ut omnia quae Moscovuiae agerentur, intelligerent. quod cum ferre uxor pariter non posset[j], certos Oratores instituit, munera ampla Reginae Tartarorum mittit, supplicando, ut eam sibi domum concederet, donaretque: uisione etenim diuina commonitam, templum se eò loci aedifacaturam: ita tamen, ut aliam domum Tartaris se assignaturam polliceretur. Consentit hoc regina: diruitur domus, templumque eo loco extruitur. sic castro eiecti Tartari, domum aliam nec uiuentibus adhuc nec mortuis iam ducibus consequi poterant[54].

Moritur autem Ioannes ille magnus, anno mundi 7014.[k] cui filius Gabriel, postea Basilius dictus, magnus dux successit,[e] habens in cartiuitate Demetrium nepotem ex fratre, qui auo adhuc uiuente iuxta gentis consuetudinem legitimus monarcha creatus erat: et ob id uiuo adhuc, atque etiam mortuo pòst nepote, solenniter Basilius creari monarcha noluit [55 m]. Patrem multis rebus imitatus est: ea quae sibi reliquerat pater, integra custodiuit: ad haec multas prouincias[a] non tam bello, in quo erat infoelicior, quàm industria,[b] imperio suo adiecit.quemadmodum pater Novuagardiam
Стр 12.
magnam in seruitutem suam redegerat, ita et ipse Plescovuiam, sociam urbem:[c] item insignem principatum Smolenczko, qui plus quàm centum annis sub ditione Lithvuanorum fuerat, adeptus est.

i) 1563 Б. rinckmauer j) 1557 В. вм. *quod-posset:* die Fürstin erdacht jr auch ainen Sin. k) 1563 Б. приб. und nach Christi geburt 1506. l) 1563 Б. уриб. und Grossfürst in Moscau worden. m) 1557 В. *magnus dux-noluit*—нѣтъ. a) 1557 В. приб. und leut b) 1557 В. Schicklichkait. c) 1557 В. derselben Neugartner befreundte Stat.

взгляда, только что не лишалась жизни. Доступъ къ нему не былъ открытъ для бѣдныхъ, обиженныхъ и притѣсненныхъ сильными. За обѣдомъ онъ большею частью до того напивался, что засыпалъ, а всѣ приглашенные между тѣмъ отъ страху молчали; проснувшись онъ протиралъ глаза, и только тогда начиналъ шутить и былъ веселъ съ гостями [53]. Впрочемъ хотя онъ и былъ весьма могуществѣнъ, но однако принужденъ повиноваться татарамъ. Когда приближались татарскіе послы, онъ выходилъ къ нимъ на встрѣчу за городъ и выслушивалъ ихъ стоя, тогда какъ они сидѣли. Его супруга, которая была родомъ изъ Греціи, съ большою досадой принимала это, и ежедневно говорила, что она вышла замужъ за раба татаръ; потому она убѣдила супруга притвориться больнымъ при приближеніи татаръ для того, чтобы наконецъ когда нибудь уничтожить этотъ рабскій обрядъ. Въ московскомъ кремлѣ былъ домъ, въ которомъ жили татары для того, чтобы знать все происходившее въ Москвѣ. Такъ какъ супруга князя равнымъ образомъ не могла стерпѣть и этого, то *она придумала замыселъ противъ нихъ* и отправила нѣсколькихъ пословъ съ богатыми подарками татарской царицѣ—почтительно просить ее, чтобы она уступила и подарила ей этотъ домъ; а она выстроитъ на этомъ мѣстѣ храмъ сообразно съ божественнымъ указаніемъ, полученнымъ ею въ видѣніи. Впрочемъ она обѣщалась назначить татарамъ другой домъ. Царица согласилась на это: домъ былъ разрушенъ и на его мѣстѣ выстроенъ храмъ; татары, удаленные такимъ образомъ изъ кремля, не могли получить другою дома ни при жизни князя и княгини, ни по ихъ смерти[54].

Умеръ Іоаннъ Великій въ 7014 году отъ сотворенія міра (1506 п. Р. Х.); въ достоинствѣ великаго князя *московскаго* наслѣдовалъ ему сынъ Гавріилъ, потомъ называвшійся Василіемъ. Онъ содержалъ въ заключеніи своего племянника Димитрія, который еще при жизни дѣда *былъ вѣнчанъ на царство*, сообразно народному обычаю; поэтому и при жизни, и по смерти племянника, Василій не хотѣлъ торжественно вѣнчаться на царство[55]. Онъ во многомъ подражалъ своему отцу, сохранилъ въ цѣлости доставшееся ему отъ отца, и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ многія области *и народы* не столько войною, въ которой былъ весьма несчастливъ, сколько *хитростью*.

Какъ отецъ привелъ въ зависимость отъ себя Новгородъ, такъ онъ покорилъ прежде дружественный ему Псковъ, также пріобрѣлъ знаменитое княжество смоленское, которое болѣе ста лѣтъ было въ подданствѣ литовцевъ. Ибо по смерти короля польскаго *и великаго князя литовскаго*

mortuo etenim Alexandro rege Poloniae,[d] etsi belli causam contra Sigismundum regem Poloniae et magnum ducem Lithvuaniae nullam haberet, tamen quia regem ad pacem magis quàm bellum inclinatum, Lithvuanos uerò bellum pariter abhorrentes uideret, occasionem belli inuenit. Sororem uidelicet suam, Alexandri relictam, dicebat ab eis minimè pro dignitate tractari: Regem praeterea Sigismundum insimulabat, Tartaros contra se concitauisse. Quare bellum indicit, Smolenczko obsidet, admotis tormentis: nequicquam tamen oppugnat[56][e]. Interea Michael Linczky,[57] ex principum Rhutenorum nobili stemmate et famila ortus, qui quondam summam rerum apud Alexandrum tenebat, ad magnum ducem Moscovuiae profugit, quemadmodum infrà patebit: mox Basilium ad arma hortatur, eique promittit, se Smolenczko, si iam denuò obsideretur, expugnaturum: ea tamen lege, ut sibi hunc principatum Moscus concedat. Pòst cum ad conditiones à Michaele propositas assensus esset Basilius, atque Smolenczko graui iam denuò premeret obsidione,[f] Lynczky pactionibus[g] seu largitione uerius urbe potitus, militiaèque praefectus omnes secum in Moscovuiam duxit: uno duntaxat excepto, qui ad dominum suum, milo proditionis crimine sibi conscius, redierat. reliqui uerò centuriones corrupti pecunia et muneribus, redire in Lithvunaniam non audebant. et ut culpae suae patrocinium praetenderent, iniecerunt metum militibus, dicentes, Si Lthvuaniam uersus iter arripiemus, passim aut spoliabimur, aut occidemur. quo malo perculsi milites, omnes in Moscovuiam profecti sunt, stipendioque Principis aluntur.[58]

Hac uictoria elatus Basilius, exercitum suum continuò in Lithvuaniam progredi iubet: ipse uerò in Smolenczko manet. Dein cum aliquot propinquiora castra et oppida[h] deditione capta essent, tum prinuim Sigismundus rex Poloniae obsessis in Smolenczko, coacto exercitu auxilium, sed tardius, misit. mox occupato Smolenczko, ubi Lithvuaniam uersus Mosci exercitum ire animaduertit, ipse Borisovu[59] iuxta fluuium Beresina situm, aduolat, atque inde exercitum suum Constantino Ostroskij duce dimittit. qui cum attigisset Borysthenem,[i] circa Orsam oppidum, quod à Smolenczko XX1111 miliaribus Germanicis distat, aderat tum iam exercitus Mosci circiter[j] octoginta milia: Lithvuanicus antem non excede-

---

d) 1557 В. приб. und grossfürst in Litten e) 1563 Б. вм. doch hat er dise veste umsonst gestürmet. f) 1557 В. Post *cum-obsidione*— нѣтъ. g) 1557 В. приб. bey den dienstleuten..., bey denen er auch in grossem ansehen gewest. h) 1563 Б. flecken und stett i) 1557 В. приб. Nieper, lateinisch Boristhenes. j) 1557 В. вм. *circiter*—wio mon sagt.

Александра, хотя Василій и не имѣлъ никакой причины воевать противъ Сигизмунда, короля польскаго и великаго князя литовскаго, но видя, что король болѣе склоненъ къ миру, нежели къ войнѣ, а равно и литовцы страшатся войны, онъ нашелъ предлогъ къ разрыву. Именно онъ говорилъ, что съ его сестрою, вдовою Александра, обходятся вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ по ея достоинству. Кромѣ того онъ обвинялъ короля Сигизмунда въ томъ, что онъ вооружалъ противъ него татаръ. Поэтому онъ объявилъ войну, осадилъ Смоленскъ, придвинулъ стѣнобитныя машины, *но безъ успѣха осаждалъ эту крѣпость*[56]. Между тѣмъ Михаилъ Глинскій[57], происходившій отъ благородной отрасли русскихъ князей, нѣкогда занимавшій у Александра высшія должности, бѣжалъ къ великому князю московскому, какъ это будетъ изложено ниже. Вскорѣ онъ склонилъ Василія къ войнѣ и обѣщалъ ему, что онъ покоритъ Смоленскъ, если онъ снова будетъ осажденъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы московскій князь отдалъ ему это княжество. Потомъ, когда Василій согласился на предложенныя Михаиломъ условія, и снова уже тѣснилъ Смоленскъ тяжкою осадою, Глинскій овладѣлъ городомъ *(въ которомъ пользовался большимъ уваженіемъ)* чрезъ переговоры или справедливѣе чрезъ подкупъ, и привелъ съ собою въ Москву всѣхъ начальниковъ войска, исключая только одного, который воротился къ своему государю, не зная за собой никакой измѣны; остальные же офицеры, подкупленные деньгами и подарками, не смѣли воротиться въ Литву, и чтобы предоставить нѣкоторое оправданіе своей вины, навели страхъ на воиновъ, говоря: «Если мы возьмемъ путь къ Литвѣ, то на всякомъ мѣстѣ насъ могутъ или ограбить, или убить». Воины, страшась этихъ бѣдствій, всѣ отправились въ Москву и были приняты на жалованье князя.[58]

Гордясь этой побѣдой, Василій приказалъ своему войску тотчасъ вступить въ Литву, а самъ остался въ Смоленскѣ. Потомъ когда сдались нѣсколько ближайшихъ *мѣстечекъ* и городовъ, тогда только Сигизмундъ, король польскій, собралъ войско и послалъ его на помощь осажденнымъ въ Смоленскѣ, но уже поздно. Вскорѣ по взятіи Смоленска, узнавъ, что московское войско идетъ въ Литву, онъ прибылъ въ Борисовъ, лежащій на рѣкѣ Березинѣ [59], и оттуда отправилъ противъ непріятеля свое войско подъ предводительствомъ Константина Острожскаго. Когда Константинъ достигъ *Днѣпра, по латыни* Борисѳена, у города Орши, который стоитъ отъ Смоленска на 24 германскихъ мили,—туда уже прибыло московское войско числомъ, *какъ говорятъ,* около восьмидесяти тысячъ: литовское же вой-

bat triginta quinque milia hominum, adiunctis tamen aliquot bellicis tormentis: Constantinus mense Septemb.[k] die 8. anni 1514.[60 l] strato ponte, peditem ultra Borysthenem, iuxta Orsam oppidum, transfert: equitatus autem angustum uadum sub ipso castro Orsa superat. Mox ubi dimidia pars exercitus Borysthenem transisset, nunciatur Ioanni Andreae Czeladin,[61] cui summa
стр. 13. rerum à Mosco erat commissa,[m] ut hanc exercitus partem[n] inuaderet, contereretque. At ille respondit: Si partem hanc exercitus oppresserimus, superrit altera pars, cui fortè aliae iungi copiae possent,[a] atque ita nobis maius periculum immineret. exepectemus tantisper, dum totus exercitus transferatur: tantae enim sunt nostrae uires, ut sine dubio, nec magno labore, hunc exercitum aut opprimere, aut cricumuentum Moscovuiam usque, ueluti iumenta agere possimus. Tandem, quod unicum restat, totam occupemus Lithvuaniam.[c] Interim appropinquabat exercitus Lithvuanicus, Polonis et externo milite mixtus:[d] et cum quatuor millibus passuum ab Orsa processisset, uterque subsistit. Moscorum duae alae[e] longius ab exercitu recesserant, ut hostem à tergo circumuenirent: acies autem instructa in medio stabat, subductis quibusdam in fronte, qui hostem ad pugnam lacesserent. Ex aduerso Lithvuanus diuersas copias, ordine longo collocabat singuli etenim principatus, sua egentis copias, et ducem miserant. atque ita singulis suus in acie dabatur locus.[f] Tandem cohortibus in fronte constitutis,[g] Mosci classicum canentes, primi in Lithvuanos impetum faciunt. illi haud timidi resistunt, eosque repellunt. quibus mox alij in auxilium missi, uicissim Lithvuanos in fugam conuertunt. sic aliquoties utraque pars nouis subsidijs aucta, alteram repellebat. Postremò maxima ui certatur. Lithvuani studio cedentes ad locum, ubi tormenta bellica collocauerant, ea in Moscos insequentes conuertunt: extremamque aciem eorum in subsidijs arctius collocatam feriunt, turbant, dirimuntque. Hoc nouo belli genere Mosci, qui primos duntaxat in acie cum hoste confligentes, in perculo esse putabant, terrentur: turbatique, primam aciem iamiam fusam putantes, fu-

---

k) 1563 Б. Herbstmonat. l) 1563 Б. прнб. als mon zalt von Christi geburt. m) 1557 B. вм. *cui summa-commissa:* zu obristen Haubtman. n) 1557 B. вм. *exerc-part.*—просто die Litten. a) 1557 B. *cui-possent*—нѣтъ. b) 1557 B. вм. *atque ita-immineret:* und ain newen Khrieg machen. c) 1557 B. вм. *expectemus-Lithv:* So die aber gar uberkhumen waren sy so starck, das sudie all wie das Viech in die Mosqua trieben und dur gautz Littner land-damit einnemen wolten. d) 1549 B. и 1551 Б. *Pol.-mixtus*—нѣтъ. 1557 B. *Interim-mixtus*—нѣтъ. e) 1563 Б. geschuader. f) 1557 B. *atque-locus*—нѣтъ. g) 1563 Б. прнб. und etliche fendlein zu vorderest gestellet.

el-
ani
am
as-
em
ma
ct,
es-
t,[a]
an-
rae
ri-
ere
ia-
et
sa
ab
u-
qui
co-
tis
ur
um
ni-
si,
ue
na
el-
re-
nt,
os
nt,
u-

B.
die
en
sy
nd-
r-
nd

ЦѢНА БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ 1 р. 25 к.